САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ

Роберт Говард

Все произведения, вошедшие в этот том, никогда ранее на русском языке не издавались

Герои Великого Мастера под одной обложкой

АСГАРД
ВАНАХЕЙМ
КИММЕРИЯ
ГАНДЕРЛАНД
ПОГРА
КОРОЛ
НЕМЕ
Е ЗАПАДА
ДЕБРИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
Галлиран
Велитриум
Танасул
Бельверус
Р. Черная
Р. Громовая
Р. Ширма
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
Тарантия
Р. Хорот
Шамар
Р. Тайбор
Ианта
ЗИНГАРА
Кордава
Р. Алимана
УАНТЕН
ОФИР
Р. Красная
К
Эруи
Рабиринские горы
Мессантия
АРГОС
Асгалун
ШЕМ
Кеми
СТ
Сухм
остров Сиптаха
КУШ
ДАР
ЧЕРНЫ
Ксутал
Черный остров
Р. Зархеба
С
В
Ю

ГИПЕРБОРЕЯ
Халога
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
Нумалия
Султанапур
КОРИНФИЯ
Шадизар
Аренджун
остров Железных Идолов
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КХИТАЙ
Хоршемиш
ФИВЕ
ПУСТЫНИ
ХАУРАН
Акит
Аграпур
ХОРАЙЯ
Самарра
р. Запорожка
остров Ксапур
Замбула
Шангара
Стикс
Птейон
Хоарезм
ВЕНДИЯ
Кутхемес
ГИЯ
Алкменон
Кассали
ПУНТ
ИРАНИСТАН
Кешла
Ксухотл
ЗЕМБАБВЕ
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД
(1906 – 1936)

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ

Роберт Говард

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Г 57

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Говард Роберт Ирвин
Г 57 Конан и другие бессмертные: Повести. Рассказы / Перевод с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 528 с.
ISBN 5-7684-0055-9

Настоящее издание является истинным подарком всем поклонникам творчества замечательного американского фантаста Роберта Ирвина Говарда. В книгу включены ранее не издававшиеся в России произведения Мастера. Созданные Говардом герои — Конан, МакМорн, Соломон Кейн, Кулл, Ньерд и другие — стали воистину БЕССМЕРТНЫМИ. Они шагнули из глубины веков в наш мир и... остались в нем. Они не просто полузабытые тени минувших эпох, они — наши друзья, наши спутники. Герои Говарда несут священный огонь нетленных истин: ЧЕСТИ, ДОЛГА, БЛАГОРОДСТВА и МУЖЕСТВА. Великие воители ушедших столетий благодаря таланту Мастера навсегда останутся с нами!

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0055-9

ГОВАРД,
как он есть

Нет нужды касаться в этих заметках фактов биографии Роберта Говарда. Это гораздо лучше меня сделают историки литературы. Критики подвергнут внимательному рассмотрению его стиль, найдут источники и составные части, выявят, откуда, из каких источников он почерпнул те или иные реалии своего мира. Все это, несомненно, будет, потому что Роберт Говард — давно уже настоящая легенда, классик жанра фэнтези, фактически — один из его создателей. Были попытки до него, были и одновременно с ним — но именно с Говардом, с созданной им вселенной у большинства ассоциируется понятие фэнтези. Говард не был первым, кто решительно порвал с окружающей реальностью, погружаясь в мрак забытых веков и по собственному прихотливому воображению населяя этот мир богами, колдунами и демонами. Попытки делались. Не стану сейчас перечислять имен, они в большинстве своем известны только узкому кругу профессионалов. И только Говарду удалось — нет, не изобрести все в жанре фэнтези от альфы до омеги, конечно же, нет, — но сделать эту литературу массовым феноменом. Феноменом, который, насколько мне известно, так и не был повторен ни в фантастике вообще, ни даже в реалистической литературе.

Говард создал поистине «вечного героя».

Я сильно подозреваю, что вся проработка мира Хайборийской эры — создание реалий, географии, истории, этнографии — шла параллельно с созданием знаменитого Конана-киммерийца, вот уже шестьдесят (!) лет не

сходящего с книжных страниц. Мир для Говарда был не самоцелью (как, скажем, во многом для Толкина), мир был — как ему и полагается — всего лишь ареной, на которой разворачивалась борьба человеческих и демонических сил.

Но прежде всего появился Конан.

Сейчас не так уж важно, когда именно Говард увидел его. Не так уж важно, был ли у Конана реальный прототип (некоторые утверждают, что имелось нечто общее с Конаном у самого Говарда). Важно лишь то, что Говард дал фэнтези действующего героя. Героя, привыкшего идти вперед и побеждать. Несмотря ни на что.

«Что же тут нового или удивительного? — могут мне возразить. — Говард выписал обыкновенного супермена, коими и так полна развлекательная литература». И формально возражающие будут совершенно правы. Несть числа широкоплечим и могучим, сокрушающим черепа и челюсти врагов с той же легкостью, с которой нормальный человек ломает спички. Несть числа описаниям их подвигов, однако все они, сверкнув на миг, гаснут, тонут в литературном Лимбе, поглощающем 99% новинок в этом жанре фантастики. Они исчезают — а Конан живет. Живет уже более 60 лет. И — что является случаем вообще уникальным — Конан перестал быть чисто говардовским героем. Давно нет в живых Роберта Говарда, создателя неукротимого киммерийца, — а приключения Конана продолжают новые и новые поколения писателей. Конан из чисто «книжного» героя перешагнул на киноэкран (и в роли могучего варвара снялся не кто-нибудь, а Арнольд Шварценеггер), Конан теперь — персонаж и мультфильмов, и комиксов — то есть целого пласта фантастики, и не обязательно книжной.

И все это встречает живой отклик. Год за годом выходят романы о Конане. Ни один литературный персонаж не может похвастаться такой долгой и, скажем прямо, насыщенной жизнью. Сам Говард написал о Конане сравнительно немного — один «полноразмерный» роман, известный у нас как «Час Дракона», и два с небольшим десятка рассказов. Остальной громадный корпус «кона-

нианы» творили уже другие. И притом творили гранды фантастики. Достаточно назвать Леона Спрэг де Камна, Лина Картера, Роберта Джордана, Стива Перри. Да что там Джордан и Перри! Сам Пол Андерсон, фигура ПЕРВОГО ряда, стоящий вровень с Хайнлайном, Зилазни и Муркоком, не погнушался написать роман о Конане. Значит, не все так просто с этим варваром, неспроста привлекает он к себе столь пристальное внимание, не случаен его успех у читателей, не случайно детище Говарда пережило своего создателя и, судя по всему, отнюдь не собирается отдавать концы.

Почему же так произошло?

Не претендую на то, чтобы высказать истину в последней инстанции. Не могу говорить за других. Только за себя.

На заре перестройки, когда книжный рынок уже покинул «трубное поле» на питерской станции Ульянка и обосновался в крошечном клубе «Водник», что на Шпалерной улице, тогда все еще прозывавшейся улицей Воинова, ваш покорный слуга был там одним из завсегдатаев. После долгих лет сенсорного голода обилие книг просто поражало. И среди изобилия первого книжного «вала», обрушившегося на нас во второй половине восьмидесятых (Господи! уже почти десять лет), чисто случайно на глаза мне попалась тоненькая книжечка в желтой аляповатой обложке, с черным птеродактилем на ней. Называлась она, если не ошибаюсь, «Крылья ночи», и была в ней повесть Роберта Говарда «Люди Черного Круга».

Не помню уже, кто ее издал. Но — так или иначе — эти люди сделали благое дело, одними из первых начав знакомить нас с Конаном.

И — со страниц «Людей Черного Круга» на меня дохнуло ароматом совершенно незнакомого мира. Насколько же это отличалось от всего того, что попадалось прежде! Ведь жанра фэнтези тогда не было вообще, и даже знаменитые «Хроники Эмбера» еще ждали своего часа, продаваясь в виде ксероксных распечаток по немыслимой (тогда!) цене аж в сорок рублей. Фэнтези начиналось и кончалось — для огромного большинства — либо

«сказками советских писателей» (например, волковской переработкой сказок Баума, превратившихся у нас во всем известный цикл «Волшебник Изумрудного Города»), либо — либо первыми книгами Джона Рональда Руэла Толкина, «Хоббит» и «Хранители». Все.

Конечно, здесь меня могут поправить. Вспомнят «Королевство кривых зеркал» Губарева, что-то из булычевского цикла про Алису Селезневу Но это все было как-то несерьезно. С первых же страниц прозы Говарда меня поразило — о совершенно невероятном мире он писал совершенно всерьез. Тексты его разительно отличались, конечно же, от рафинированного, проникнутого философскими раздумьями «Властелина Колец». Конан был совершенно другим. И это хорошо.

Со страниц книги Говарда дул свежий и дикий ветер, обжигающий ветер Хайборийских равнин. Боги, маги, воры, колдуны, жрецы, разбойники — все смешивалось в невообразимый клубок. Неистощимая фантазия Говарда всякий раз заставляла поверить в то, что автору и в самом деле случалось странствовать по страшным подземельям стигийских храмов, где среди вековой пыли дремлют невообразимые существа, поднятые к жизни великими магами прошлого да так и оставшиеся в бессолнечных склепах, ждущими, пока судьба не пошлет им жертву в виде неосторожного путника. И это только один пример. Не прибегая ни к этнографическим, ни к лингвистическим изысканиям, не насыщая повествование деталями, Говард создает на удивление цельную и правдоподобную картину. Строго выдержана внутренняя логика. Не буду и говорить о динамичном сюжете, об умении Говарда создать «саспенс», напряженное ожидание, и притом куда лучше многих признанных мастеров «хоррора».

Но вернемся к Конану. Мир, как бы прекрасен он ни был, — это лишь сцена с декорациями. Он оживет только когда из-за кулис покажется герой — тот, кто заставит двигаться картонные декорации, и тогда — не раньше — за словом «лес» мы начнем видеть настоящую чащу. Конан как раз и является таким героем.

Говард создал его варваром. На протяжении всей «конанианы» это подчеркивается чуть ли не с назойливостью. Киммериец. Варвар. Первобытный и жестокий.

Кому-то, быть может, захочется увидеть в этом некий «примитивизм». Мол, чего взять с накачанного дикаря! Однако Конан далеко не так прост, как может показаться. Он обладает живым и изворотливым умом, отнюдь не похожим на дикарский. Он с поразительной ловкостью адаптируется к любым условиям. Он и моряк, и наемный воин, и король — все вместе. Вдобавок он просто заворожен магией дальних дорог. Ему всенепременно надо пройти все, даже самые неприметные, тропки, заглянуть в заветные тайники странных сил, раскрыть их секреты — и сокрушить тех, кто при этом творит зло или становится у него на пути.

Зло же у Конана всегда очень конкретно. Колдун, которому для его магических изысканий нужны человеческие жертвы, или древняя хищная тварь, не имеющая других желаний, кроме как жрать. Киммериец не затрудняет себя поисками причин Мирового Зла. Он принимает людей такими, какие они есть. Для него достаточно того, что есть Великий Сэт, Мировой Змей, — с ним он сражается насмерть, и этого достаточно.

Говард сделал своего героя варваром, оторванным от «цивилизации» хайборийских народов. Он хитер, как хитра лисица — природной, неосквернённой низким расчетом хитростью. Он жесток — так же, как жестока убивающая и воскрешающая природа. Но Конану абсолютно, совершенно чуждо властолюбие, власть ради власти, власть ради связанных с этим удовольствий. О да, он, как и всякий человек той эпохи, может помечтать о вкусной еде, красивых женщинах и золотых монетах, необходимых, чтобы купить все это; но когда доходит до дела — захвата власти в Аквилонии, — королевский трон оказывается не целью, а средством. Средством сделать жизнь еще более напряженной. Риск для Конана — все равно что воздух; жить рискуя для него столь же естественно, как пить или дышать. В этой жажде риска нет и грана желаний «опасности от скуки». Конан рискует не потому,

что иначе ему скучно. Просто для него это единственно возможный способ жить.

Именно в этой прекрасно переданной первобытной силе и заключена, на мой взгляд, немалая доля притягательности Конана-киммерийца. Он — само олицетворение Свободы, коей современный человек лишен. За блага цивилизации необходимо расплачиваться. И он, человек, расплачивается. Личной несвободой в первую очередь. Однако остается неизбывная человеческая же тоска — по громадному, прекрасному, таинственному миру без аэрофотосъемок, топографических карт и тому подобных прелестей. По миру, где есть место чудесному и волшебному. Собственно говоря, именно из этой тоски родилась фэнтези, — она водила пером даже одного из прародителей, сэра Томаса Мэлори, рыцаря, создавшего капитальный труд «Смерть Артура», и посегодня служащего неисчерпаемым источником вдохновения для современных авторов, начиная от Спрэг де Кампа и заканчивая Андреем Легостаевым.

Конан был целен и ограничен. Именно он является стержнем, вокруг которого вращается все действие. Все прочее — не более чем фон, на котором живет, сражается, любит и ненавидит главный герой. Не случайно при огромном числе продолжений «о Конане» нет ни одного просто «о Хайборийском мире». Конан оживляет этот мир. Без него он — не более чем занятная театральная декорация.

Обратимся теперь к другому аспекту «конанианы» — к продолжениям. Как я уже сказал, сам Говард написал о Конане не так много; часть вышедших под его именем повестей и рассказов есть не что иное, как позднейшие обработки черновиков Говарда Лином Картером и Спрэг де Кампом. Сам по себе этот факт не столь удивителен. Историки литературы, несомненно, приведут не один пример, я же напомню лишь «Египетские ночи», завершенную Брюсовым поэму А. С. Пушкина. Но вот что было дальше...

Картер и де Камп первым начали «продолжать». Сперва — кардинально переработав черновики самого

Говарда, сохранив лишь сюжет и частично антураж. Дальше — больше; корифеи сами взялись за перо. Так было положено начало беспрецедентной эпопее, что тянется уже больше полувека. Дискретный характер новелл о Конане (в каждой описывается конкретное приключение, не занимающее, как правило, очень много времени) оставлял простор авторской фантазии. «Мягкость» говардовского мира допускала существенную авторскую свободу, что избавило романы о Конане жесткой схематичности. В мире Говарда мирно уживались создания самых разных авторов. И никому не пришло в голову упрекать их в том, что это, мол, не было описано у Говарда и, следовательно, не имеет права на существование! Каждый автор мог по своему разумению добавлять в палитру Хайборийского Мира новые и новые краски. Да, никто не переносил Аквилонию на место Кхитая и наоборот; но вот новые существа, боги, демоны, колдуны — вполне могли появляться. И это, в свою очередь, обогащало ВЕСЬ созданный Говардом мир. Он радушно принимал любого, кто писал о Конане с любовью.

Здесь, в России, Конан прижился уже давно. Два фильма со Шварценеггером создали «первичную почву». И когда издательство «Северо-Запад» запустило свой проект «Конан», он имел очень большой успех. Оно и понятно — неистовый гуляка-варвар в чем-то неуловимо близок нам, близок своей бесшабашностью, удалью (в чем-то неуловимо похожей на удаль Васьки Буслаева), близок и странной своей неудачливостью. Это тоже очень интересный момент — во многих новеллах речь идет о том, как Конан, рискуя жизнью, охотится за каким-нибудь кладом и добывает его, преодолев все опасности, лишь для того, чтобы лишиться обретенного богатства на последних страницах книги. И киммериец лишь усмехнется, провожая взглядом в очередной раз канувшие в бездне богатства. Согласитесь, не очень-то характерно для западной фантастики с ее обязательными «хэппи-эндами»!

Ну и, наконец, последнее. Что для меня Конан?

Признаюсь — я люблю этого героя. Есть в нем что-то от нашего, как ни крути, национального символа — могучего бурого медведя. Конан мне симпатичен. И, пожалуй, я с удовольствием написал бы о том, что случилось бы, попади волею Сэта славный киммериец к нам, в наши дни, и окажись он в роли... ну хотя бы телохранителя по имени Конан Конанович Конанов.

Но это, конечно же, шутка.

Конан

В неведомый век к Землям запада шли,
С стихией морскою борясь, корабли.
Прочтите о них то, что Скелос писал,
Слабея, старик с каждым днем угасал.
Отправьтесь за ними в неведомый путь,
А те, кто ушел... тех уже не вернуть.

ЗАВОДЬ ЧЕРНЫХ ДЕМОНОВ

1

Санча сладко зевнула, потянулась и уютно распростерла свое гибкое тело на шелковом покрывале, окаймленном горностаевым мехом. Она расстелила покрывало на корме, прекрасно зная, что матросы сейчас не спускают с нее глаз. Она также знала, что короткое шелковое платье не скрывает ее пышных форм от их жадных взоров. Санча надменно улыбалась, предвкушая наслаждение минутами, оставшимися до восхода, пока солнце еще не слепит глаза. Между тем золотой диск уже поднимался над океаном.

Вдруг послышался странный звук. Он не был похож ни на скрип дерева, ни на бренчание рыболовных снастей, ни на плеск волн. Санча села от неожиданности, и взгляд ее упал на леер. Темные глаза девушки стали еще больше, а рот раскрылся от изумления: по веревке карабкался человек. Вода ручьями стекала с его широких плеч. Малиновые шелковые штаны — его единственная одежда — были насквозь мокры, так же как и широкий пояс с золотой пряжкой, на котором висел в ножнах меч. Стоя на леере, он, освещенный солнцем, напоминал бронзовую статую. Увидев девушку, незнакомец пригладил рукой свои развевающиеся черные волосы. В глазах его появились искорки.

— Кто ты? — спросила Санча. — Как ты здесь оказался?

Не спуская с нее глаз, он махнул рукой в сторону моря.

— Может, ты водяной, раз вышел из моря? — кокетливо спросила девушка, чувствуя себя неловко под его взглядом, хотя давно привыкла к восхищению мужчин.

Незнакомец не успел ответить. Послышались торопливые шаги, и на палубе показался хозяин галиона. Он

уставился на пришельца, нервно барабаня пальцами по рукоятке своего меча.

— Кто ты такой, черт тебя дери?

— Я Конан, — невозмутимо ответил черноволосый гигант.

Санча навострила уши: она никогда не слышала, чтобы на зингарском языке говорили с таким акцентом.

— Как ты оказался на борту моего корабля? — Хозяин с подозрением осматривал мокрого незнакомца.

— Приплыл.

— Приплыл! Скотина, ты будешь еще насмехаться надо мной! Мы давно в открытом море. Говори, откуда ты взялся!

Конан поднял свою загорелую мускулистую руку и показал туда, где над горизонтом уже появилась ослепительно-золотая полоса:

— Я приплыл с островов.

— А, так ты один из тех барахских псов. — Губы хозяина скривились в презрительной усмешке. Однако во взгляде его появился интерес. Конан лишь слегка улыбнулся в ответ. — А знаешь ли ты, кто я такой?

— Твой корабль называется «Скиталец». Значит, ты — Запораво.

Ответ Конана понравился капитану. Ему льстило, что пришелец знал его. Запораво был так же высок, как и Конан, но более худощав. Его называли Ястребом. Он и в самом деле был похож на ястреба, особенно в своем шлеме-морионе. Его изысканная одежда и доспехи были такие же, как и у зингарских вельмож, а правая рука почти всегда покоилась на рукояти меча.

Едва заметная искорка благосклонности промелькнула во взгляде капитана. Взаимные симпатии между теми, кто был не в ладу с зингарскими властями, и разбойниками, бежавшими на Барахские острова с южного побережья, были недолгими. В основном это были матросы из Аргоса. Они нападали на корабли и грабили прибрежные города. Тем же занимались и зингарские разбойники. Разница была лишь в том, что они называли себя флибустьерами, а бараханцев окрестили пиратами. И те и другие не хотели называться ворами. Впрочем, история знает такие случаи.

Обо всем этом размышлял Запораво, поигрывая рукояткой меча и хмуро глядя на своего незваного гостя. О чем думал Конан, невозможно было понять по его лицу. Он стоял, скрестив руки на груди, с таким непринужденным видом, как будто находился на своем собственном корабле. Он улыбался, и в глазах его не было ни тени беспокойства.

Флибустьер продолжал допрос:

— Что тебе здесь нужно?

— Я счел необходимым покинуть это сборище на Тортидже вчера до восхода луны, — отвечал Конан. — Всю ночь я плыл на продырявленной лодке, греб без передыха и вычерпывал воду. Увидев на рассвете твои паруса, я бросил это корыто и добрался сюда вплавь.

— Здесь водятся акулы, — проворчал Запораво.

В ответ киммериец только пожал плечами. И это не понравилось капитану. Глаза матросов были устремлены на Конана и Запораво. Хозяин знал, что достаточно одного его слова, и они ввяжутся в любую драку. И тут уж не поздоровится даже такому молодцу, каким казался киммериец.

— С какой стати я должен брать на свой корабль всякого проходимца? — пробурчал Запораво. Его взгляд и жесты были еще более оскорбительны, чем слова.

— Хороший матрос на корабле не помеха, — спокойно ответил Конан. Он как будто не обратил внимания на тон капитана. Запораво нахмурился. Возразить было нечего. Старый морской волк заколебался, и это его погубило. В этот миг он потерял все: корабль, команду, женщину, жизнь. Но, конечно, Запораво не мог знать будущего. И Конан был для него лишь проходимцем, волею судьбы оказавшимся на его корабле. Ему не нравился этот парень, хотя вел он себя совсем не вызывающе. Была в нем какая-то самоуверенность и независимость. А к этому Запораво не привык.

— Ладно, оставайся, — пробурчал Ястреб. — Иди вниз. И запомни, здесь мое слово — закон.

Конан широко улыбнулся. Не раздумывая, но и без особой поспешности он повернулся и стал спускаться по лестнице в шкафут. Он даже не взглянул на Санчу, которая во все глаза смотрела на него во время его беседы с капитаном.

Едва Конан спустился вниз, как был окружен толпой зингарцев, обнаженных по пояс, в ярких шелковых штанах, забрызганных смолой. Серьги и рукоятки их кинжалов сверкали драгоценными камнями. Разбойникам не терпелось подвергнуть новичка испытанию. Это было вековой традицией. Сейчас должно было решиться, какое место он займет в команде. Запораво на палубе уже забыл о существовании Конана. Но Санча ждала его возвращения с нетерпением. Она знала, что испытание будет жестоким и наверняка кровавым.

Конан же, казалось, ничего и не подозревал. Он улыбался и безмятежно оглядывал сомкнувшееся вокруг него кольцо людей. У пиратов существовал свой ритуал в таких вещах. Так, поднявший руку на капитана был обречен. Ему перерезáли горло. Но и в этом случае ему давали его законный шанс. Драку всегда начинал кто-то один.

Человек, выбранный для этой роли, выскочил вперед. Это был настоящий зверь. Вокруг его головы наподобие чалмы был обмотан малиновый шарф. Острый подбородок выдавался вперед. Лицо его исказилось дикой злобой, когда он, еле сдерживая желание сразу же растерзать свою жертву, начал:

— Эй, бараханец! Собака! Мы плюем на таких, как ты!

Он плюнул Конану в лицо и схватился за меч.

Бараханец не заставил себя долго ждать. Как кувалдой, он кулаком заехал в челюсть негодяю. Удар был такой сильный, что пирата подбросило в воздух, и он мешком свалился возле леера.

Конан огляделся. Глаза его блестели, но внешне он был так же непоколебим и спокоен. Драка закончилась так же быстро, как и началась. Матросы подняли своего собрата. Сломанная челюсть его болталась, голова свесилась набок.

— Клянусь Митрой, он сломал себе шею, — сказал один из пиратов.

— Да, вы, флибустьеры, — хилый народец, — засмеялся Конан. — На Барахских островах не придают значения таким пощечинам. Что, кто-нибудь из вас хочет еще помахать мечом? Нет? Ну, тогда мы друзья?

Большинство готово было согласиться. Мускулистые руки перебросили тело убитого через леер, и на него сразу

же ринулась стая рыб. Конан потянулся, как огромный кот, и посмотрел наверх.

На палубе, облокотясь на борт, стояла Санча. Лучи солнца, проникая сквозь легкую ткань платья, делали его прозрачным, и Конан любовался стройной фигурой девушки. В ее же глазах светился неподдельный интерес и восхищение. Внезапно на палубе появилась зловещая тень Запораво. С видом хозяина он положил свою тяжелую ладонь на плечо Санчи и, обернувшись, бросил на Конана взгляд, полный презрения и злобы. Конан лишь улыбнулся в ответ.

Запораво совершил ошибку, типичную для многих деспотов. Сидя наверху в своей роскошной каюте, погруженный в свои мрачные раздумья, он недооценил этого человека. Он мог убить Конана, но упустил этот шанс. Ему и в голову не приходило, что эти люди внизу могут представлять для него какую-то угрозу. Долгое время Запораво принадлежал к высшему сословию и без страха и угрызений совести погубил много своих врагов. Но опускаться до каких-то интрижек, затеваемых людьми низшего сословия, — это было ниже его достоинства.

Конан, впрочем, и не давал Запораво особых оснований для подозрения. Он сжился с командой, работал и веселился, как и все другие, оказался ловким и умелым матросом. Вряд ли кто-нибудь мог превзойти его в силе. Конан работал за троих и всегда был в первых рядах, если дело попадалось опасное или трудное. На него можно было положиться. Он не ссорился с командой, и матросы старались не ссориться с ним. Играя, он обычно ставил на кон свой пояс или ножны. Но если выигрывал деньги или оружие, обычно со смехом возвращал их хозяевам. Инстинкт подсказывал разбойникам, кто будет их вожаком. Конан никогда особо не распространялся, почему оставил бараханцев. Но его новые товарищи знали — с этим малым лучше не связываться. И если он покинул банду барханских пиратов — значит, на то были причины. С Запораво и его окружением Конан был неизменно вежлив, никогда не дерзил, но и не раболепствовал перед ними.

Окружающих поражал контраст между капитаном и новым матросом. Один был жесток, угрюм и мрачен. Другой — неудержимо хохотал, горланил непристойные

песни на всех языках, какие были ему известны, пил, как последний пьяница, и нимало не задумывался о завтрашнем дне.

Если бы Запораво знал, что его сравнивают, пусть неосознанно, с простым матросом, он бы потерял дар речи от изумления и гнева. Но Ястреб был всецело погружен в раздумья, которые с годами становились все мрачнее. В мечтах он тешил свое неудовлетворенное тщеславие. Ничто его не радовало, и даже в обладании любимой женщиной он ощущал какой-то привкус горечи.

А Санча все дольше и дольше заглядывалась на черноволосого гиганта, который был так непохож на всех остальных. Конан никогда не разговаривал с Санчей. Но взгляд его был красноречивее слов. Она чувствовала это безошибочно и понимала, что оба они вступили в опасную игру.

Прошло не так много времени с тех пор, как Санча покинула дворец в Кордаве. Но ей казалось, что минула целая вечность с того дня, когда Запораво вытащил ее, обезумевшую от ужаса, с пылающей каравеллы, потопленной его морскими волками. Санча, любимая избалованная дочь герцога Кордавского, узнала, что значит быть игрушкой в руках пирата. Однако она оказалась достаточно приспособленной и выжила там, где другие неминуемо сломались бы. Санча была молода, полна жизни и даже в нынешнем существовании умела находить радость.

Жизнь на галионе была полна неожиданностей. Она казалась нереальной, как сон. Драки, грабежи, убийства, погони. Запораво, обуреваемый тщеславными мечтами, казалось, не знает удержу в погоне за призрачной удачей. Никто не мог предсказать, что взбредет ему в голову завтра. Знакомые берега остались далеко позади, а они стремительно двигались все дальше и дальше в неизвестность. Морские разбойники обычно предпочитали не отрываться от берегов слишком далеко. Ничем хорошим это не кончалось. Те корабли, которые отваживались отправиться в неизведанные морские дали, обычно уже не возвращались. Но галион продолжал свой путь. И так день за днем... Впереди простиралась только зыбкая голубая бесконечность. Уже давно не заходили они в портовые города, где можно было бы заняться грабежом, не попа-

дались им и встречные корабли. Значит, и добычи не было. Матросы начали роптать. Однако они опасались, как бы хозяин не услышал их разговоров. Капитан, как всегда угрюмый и мрачный, день и ночь ходил взад-вперед по палубе или же просиживал над древними, пожелтевшими от времени картами и книгами, до того ветхими и изъеденными червем, что они рассыпались в руках. Иногда он беседовал с Санчей об исчезнувших континентах и легендарных островах, находящихся где-то в океане. Он рассказывал, что живущие там драконы охраняют сокровища, спрятанные в доисторические времена.

Странными казались Санче эти беседы. Она слушала Запораво, обхватив колени руками, но мысли ее были далеко. Санча видела перед собой стройного «бронзового» гиганта и думала о том, что смех его такой же безудержный и неукротимый, как морской ветер.

После многих недель странствий они наконец заметили землю и на рассвете встали на якорь в мелководном заливе. Песчаная береговая полоса окаймляла склоны, поросшие деревьями и шелковистой травой. С берега доносился запах свежей зелени и пряный аромат неведомых растений. Санча хлопала в ладоши от радости: ей хотелось поскорее увидеть, что находится там, на берегу. Однако Запораво приказал девушке не покидать корабль, пока он за ней не пришлет. Ястреб никогда не объяснял свои приказы. И Санча никогда не знала, почему она должна поступать именно так, как он требует. Какой-то дьявол, видимо, заставлял Запораво причинять ей боль без всякой причины.

Санча томилась на палубе, наблюдая за командой, направившейся к берегу. Носы шлюпок разрезали гладь нефритовых вод, сверкавших в лучах восходящего солнца. Она видела, как матросы, разбившись на группы и держа наготове мечи, высадились на берег. Одни двинулись в глубь острова, а другие растянулись вдоль береговой полосы. Санча знала: Конан был среди них. Высокий и загорелый, он шел своим пружинистым шагом по неизведанной земле. Говорили, что он — киммериец, из тех варваров, что обитают в горах на дальнем севере и своими набегами наводят ужас на южных соседей. Неотесанный дикарь... Но Санча знала также, что в этом варваре была

какая-то тайная сила, которая делала его совсем непохожим на своих собратьев.

Санча слышала, как перекликаются матросы, разбредаясь по берегу в поисках фруктов. Некоторые карабкались на деревья и срывали сочные плоды. У девушки потекли слюнки. Она гневно топнула своей маленькой ножкой и со знанием дела выругалась. Не зря же, в конце концов, она столько времени провела в компании пиратов!

Люди на берегу с жадностью набросились на фрукты. Особенно сочными и ароматными оказались неизвестные плоды с золотистой кожурой. Запораво фрукты не интересовали. Ему доложили, что поблизости не удалось обнаружить ни людей, ни животных, и он стоял, глядя вдаль на зеленые склоны, которым, казалось, нет конца. Затем, пробормотав что-то, Запораво поправил ремень, на котором висел меч, и решительным шагом направился в лес. Один из пиратов попытался уговорить его не ходить туда в одиночку, но получил от хозяина сильнейший удар в челюсть. У Запораво были причины, чтобы идти одному. Он хотел проверить, действительно ли это тот остров, о котором писал в своей волшебной книге Скелос. Если это он, здесь должно быть спрятано золото, которое охраняют чудовища. Запораво не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об этом, тем более из его команды.

Санча наблюдала с корабля, как Запораво скрылся среди деревьев. Затем она увидела Конана. Быстро оглядевшись, бараханец пошел в том же направлении и скрылся в зеленой листве.

Санча смотрела во все глаза. Девушка ждала, что они вот-вот появятся, но их все не было. Матросы бесцельно слонялись по берегу. Несколько человек направились в глубь острова, многие уже сладко похрапывали, растянувшись в тени. Время шло. Санча не находила себе места. Солнце палило даже сквозь тент, натянутый над палубой. А всего в двух шагах маняще зеленели луга, раскидистые деревья давали тень и прохладу. К тому же таинственное исчезновение Запораво и Конана не давало ей покоя.

Санча знала, что хозяин жестоко накажет ее за непослушание, и сомнения одолевали ее. В конце концов она решила, что готова вытерпеть удары его кнута, и, больше не раздумывая, сбросила свои сандалии из мягкой кожи,

скинула платье и появилась на палубе в чем мать родила. Девушка неслышно соскользнула в воду и поплыла к берегу. Слегка поеживаясь, она вышла на песок и огляделась. Поблизости никого не было. Затем Санча увидела спящих матросов. Многие спали, зажав в руке недоеденные диковинные фрукты с золотистой кожурой. Санча подивилась тому, как крепко они спят.

Никто не окликнул ее, и девушка, миновав песчаную косу, вошла в тень деревьев. Она пробиралась все дальше и дальше в том направлении, в котором ушли Запораво и Конан. Перед ее глазами открылась удивительная картина: зеленые, голубые, изумрудные горы и на них могучие раскидистые деревья. Склоны гор были покрыты нежной шелковистой травой и плавно переходили один в другой. Они тянулись бесконечно далеко. И эта призрачная даль, открывающаяся перед взором, и убаюкивающая тишина завораживали.

Девушка шла, зачарованная этим изумрудным великолепием, пока не оказалась на холме среди огромных деревьев. И вдруг, отчаянно вскрикнув, она отпрянула назад. На примятой, залитой кровью траве она увидела Запораво.

Он лежал под деревом с запрокинутой головой. В груди его зияла страшная рана. Меч капитана покоился рядом с его безжизненной рукой. Так закончился последний вылет Ястреба.

Нельзя сказать, что Санча смотрела на труп своего хозяина и не испытывала никаких чувств. У нее не было причин любить его. Она испытывала то, что испытывает каждая женщина, видя бездыханное тело мужчины, который был первым в ее жизни. Она не плакала, да ей и не хотелось плакать. Но Санчу била дрожь. Она чувствовала, как кровь стынет в ее жилах. Еще немного, и она не сможет совладать с собой.

Санча огляделась. Вокруг не было ни души. Деревья-гиганты с толстыми мясистыми листьями окружали ее. Сквозь листву виднелись голубые склоны гор. Может быть, убийца Запораво тоже смертельно ранен и находится где-то неподалеку? Санча внимательно оглядела траву. Нет. В таком случае, от тела должен был бы тянуться кровавый след.

А не спрятался ли он наверху? Девушка подняла голову, пытаясь рассмотреть что-либо в густой листве деревьев.

— Конан, — позвала она. И собственный голос показался ей глухим и слабым в зловещей тишине. Санча чувствовала, как дрожат колени.

— Конан! — закричала она в отчаянии. — Это я, Санча! Где ты? Отзовись, пожалуйста, Конан!

Невыразимый ужас сковал ее. Нужно было бежать, но девушка не могла двинуться с места.

2

Когда Конан заметил, что Запораво один направляется в лес, то понял, что настал момент, которого он так давно ждал. Киммериец не ел фруктов и не участвовал в возне, затеянной пиратами на берегу. Он следил за действиями капитана. Зная характер Запораво, никто не удивился, что он один отправляется в незнакомое и, возможно, опасное место. Все занялись своими делами, а никем не замеченный Конан, как пантера, крался по следу капитана.

Конан не сомневался в своем влиянии на пиратов. Но он не получил еще законного права пользоваться им. Во время схватки или очередного набега он мог бы сразиться с капитаном насмерть. Но такой случай, когда бы он мог утвердить себя согласно пиратским законам, пока не подвернулся, да он и не мог подвернуться в этих пустынных местах. Если бы Конан напал на капитана открыто, вся команда ополчилась бы на него. Но киммериец знал, что, если бы он убил Запораво без свидетелей, вряд ли кто-нибудь стал бы вспоминать о верности мертвому капитану. В этой волчьей стае в расчет принимались только живые.

Итак, он шел по следу Запораво с обнаженным мечом в руке, полный решимости осуществить задуманное, пока не оказался на вершине холма среди гигантских диковинных деревьев. На поляне он увидел Запораво, который, почуяв недоброе, внезапно обернулся, сжимая, как всегда, рукоять своего меча.

— Какого черта ты плетешься за мной, собака? — вскричал капитан.

— А ты не догадываешься, или у тебя котелок плохо варит? — усмехнулся Конан, стремительно наступая. Его голубые глаза сверкали бешеным огнем.

Отчаянно ругаясь, Запораво выхватил меч. Послышался скрежет металла, и клинок Конана просвистел у самой головы капитана, очертив огненную дугу в воздухе.

Запораво участвовал в десятках сражений. В мире не было человека, который мог бы сравниться с ним в искусстве владения мечом. Однако до сих пор ему не приходилось иметь дела с варваром, чья быстрота и натиск превосходили все мыслимые для цивилизованного человека пределы. Искусные приемы Запораво были бесполезны в борьбе с ним, подобно тому как ловкость опытного борца мало что значит в схватке с разъяренной пантерой.

Отражая из последних сил бешеные удары киммерийца, меч которого, подобно вспышкам молнии, сверкал над его головой, Запораво вдруг ощутил, что его рука, сжимающая меч, внезапно онемела. Это Конан с плеча ударил по мечу Ястреба у самой его рукоятки. В тот же миг клинок киммерийца, пронзив кольчугу флибустьера, как пергамент, вошел Ястребу между ребер и поразил в самое сердце. Страшная гримаса исказила лицо Запораво, но он не проронил ни звука. Ястреб испустил дух раньше, чем его тело рухнуло на примятую траву, где рубинами блестели капельки крови.

Конан стряхнул кровь со своего меча, широко улыбнулся и потянулся, точно огромный зверь. Внезапно выражение спокойного удовлетворения на его лице сменилось замешательством.

Вдали, за зеленым холмом, он увидел какую-то странную фигуру. Голый чернокожий огромного роста нес на плече нечто похожее на белое обнаженное человеческое тело. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Конан был в раздумье. Не то чтоб он был обескуражен. Человека с такими крепкими нервами трудно было вывести из равновесия. Он прекрасно знал, что в мире существуют потусторонние силы, и доверял своим глазам и здравому смыслу. Но сама по себе черная фигура, тащившая белого пленника, была странной. К тому же она была гигантских размеров.

Не раздумывая более ни минуты, Конан, подстегиваемый любопытством, направился вслед за привидением.

Он поднимался на зеленые холмы и шел вниз по шелковистым склонам, все дальше удаляясь от места сражения, и казалось, этому не будет конца. Наконец киммериец вскарабкался на гору, выше которой, как ему показалось, на острове не было. Оттуда Конану открылась удивительная картина. Он увидел бледно-зеленые, сверкающие на солнце башни и стены замка. Раньше их невозможно было заметить, поскольку они сливались с изумрудной зеленью ландшафта.

Немного помедлив и проведя пальцем по лезвию меча, Конан решительно двинулся вперед.

Подойдя ближе к замку, киммериец увидел арку в полукруглой стене. Осторожно заглянув внутрь, он обнаружил двор, также окруженный стеной из зеленого полупрозрачного камня. В этой стене было множество арок. На цыпочках, с мечом наготове, Конан подошел к одной из них и, пройдя внутрь, оказался в следующем дворике. Во дворах росла трава, а стены их венчали остроконечные башенки какой-то удивительной формы. Широкая лестница вела в одну из таких башен. Конан взбирался вверх по ступеням со смутным ощущением нереальности всего происходящего.

Поднявшись, он очутился на площадке, которая чем-то напоминала балкончик. Отсюда башни видны были лучше. Конану стало ясно, что все это не человеческих рук дело. Был некий порядок и симметрия в этих конструкциях, непостижимые для человеческого разума. Конан видел всюду полукруглые дворики, окруженные стенами. Все они соединялись друг с другом арочными проходами. В центре же этого города или замка (Конан не мог подобрать подходящее название тому, что открылось перед его взором) находились высокие, причудливой формы башни.

Повернувшись в другую сторону, киммериец быстро присел и спрятался за перилами выступа. Балкон был выше противоположной стены, и двор за ней хорошо просматривался. Внутренняя стена в глубине двора отличалась от остальных. Она не была гладкой. Конан заметил в ней множество выступов, на которых что-то лежало. Что — невозможно было разобрать.

В центре двора Конан увидел темно-зеленую заводь. А вокруг него на корточках расположились какие-то темные фигуры. Они выглядели как люди: нагие, чернокожие. Правда, самый маленький из них был намного выше рослого пирата. Поджарые и мускулистые, они были прекрасно сложены. Но даже с такого расстояния Конан ощущал, что это были дьяволы, а не люди.

В центре, у заводи, киммериец увидел сгорбленного, трясущегося от страха юношу: самого молодого матроса из их команды. Конан понял, что именно его и тащил черный гигант. Киммериец не слышал шума на берегу. На руках и ногах черных великанов не было никаких следов борьбы. Очевидно, мальчишка отправился в лес один, без товарищей, и там его схватили эти чернокожие. Конан не мог подобрать названия для этих огромных существ с кожей цвета эбенового дерева и мысленно так их и называл — чернокожими.

Черные гиганты разговаривали, при этом жестикулируя. Но Конан не мог расслышать ни звука. Один из гигантов вынул что-то похожее на дудочку и поднес к губам. Очевидно, он дул в нее, но звуков не было слышно. Внезапно пленник вздрогнул, как будто услышал или почувствовал что-то. Он задрожал, затрясся, выделывая немыслимые телодвижения в такт неслышимой мелодии. Его танец был подобен танцу кобры, которая загипнотизирована звуками дудочки факира. В этом танце не было ничего от буйства бьющего через край веселья и жизнелюбия. Было жутко смотреть, как юноша судорожно извивался и подергивался. Будто чьи-то грязные похотливые пальцы выворачивали человеческую душу, выставляя напоказ самые сокровенные ее уголки. Все темное и запретное, что таилось в них, было бесстыдно обнажено и сотрясалось в конвульсиях похоти, вожделения, сладострастия.

Конан не мог смотреть на это без отвращения и тошноты. Влечение и страсть, которую он, лесной волк, когда-либо испытывал, были в нем естественны, как сама природа. Извращенные вкусы — изобретение человеческой цивилизации — были чужды киммерийцу. Хотя нельзя сказать, что он не был о них осведомлен. Конан странствовал по городам Заморы, знал женщин Шадизара-сластолюбца. Но то, что он увидел здесь, не шло ни в какое

сравнение с его прежними знаниями. Эти мерзкие твари вытаскивали самые темные и жуткие инстинкты, спящие в тайниках души человека, и бесстыдно, со сладострастием упивались этим зрелищем.

Внезапно монстр опустил дудочку и поднялся во весь свой гигантский рост. Он грубо схватил юношу одной рукой за шею, другой — за ногу, перевернул его вниз головой и опустил в воду. Белое тело мальчика виднелось сквозь зеленую воду заводи. Затем среди чернокожих началось какое-то движение, и Конан, опасаясь, как бы его не заметили, спрятался за выступ. Однако любопытство все же взяло верх, и он снова осторожно выглянул. Черные великаны толпились под аркой у выхода. Один из них, мучитель мальчика, положил что-то в углубление дальней стены. Он был выше других ростом. На его голове красовался тюрбан, украшенный драгоценными камнями. Юноша бесследно исчез. Вскоре Конан увидел, как великаны покинули замок. Оружия у них не было. Но у Конана не оставалось сомнений, что они отправились за очередной жертвой.

Нужно было срочно предупредить пиратов о грозящей им опасности. Но вначале Конан решил узнать, что стало с мальчиком. Киммериец чувствовал, что в замке никого, кроме него, не осталось.

Киммериец быстро спустился по лестнице, пересек двор, и вот он уже у заводи, там, где только что сидели монстры. Сейчас он мог наконец рассмотреть стену с высеченными в ней углублениями. В каждом из них лежала маленькая фигурка величиной с ладонь, изображающая человека. Эти фигурки бледно-серого цвета были сделаны так искусно, что в них без труда можно было узнать зингарца, офирца, жителя Аргоса или кушитского пирата. Фигурки офирца и кушита были черного цвета: эти народы имели черный цвет кожи. Конану стало как-то не по себе, когда он рассматривал эти безмолвные незрячие фигурки. Он не мог понять, из какого материала они сделаны, настолько поразительным было их сходство с живыми людьми. Они напоминали окаменелости. Но невозможно было вообразить, что такое их количество было найдено на острове.

Конан заметил, что типы людей, фигурки которых лежали на верхних полочках, были ему знакомы. Внизу

же размещались статуэтки, изображавшие представителей неведомых ему рас. Или это был плод воображения мастера, их сделавшего, или же это были люди, жившие много веков назад, давно исчезнувшие и забытые.

Киммериец подошел к краю водоема. «Мальчика нигде нет, во дворе спрятаться негде», — подумал Конан. Он вглядывался в неподвижную поверхность заводи, которая была похожа на прозрачное зеленое стекло. Заводь была небольшой, круглой, отделанной по краю нефритом. Нагнувшись, киммериец увидел круглое дно. Это удивило Конана. С одной стороны, заводь казалась неглубокой, но — если смотреть вниз — голова кружилась, как будто при взгляде в пропасть. Несмотря на страшную глубину, киммериец отчетливо видел, что на дне водоема ничего нет.

«Куда же подевался юноша, так жестоко утопленный?» — подумал Конан. Он снова оглядел двор и провел пальцем по острию меча. Внезапно его взгляд упал на одну из верхних выемок в стене. Он видел, как черный великан положил туда что-то... Спина Конана покрылась холодным потом.

Нерешительно, будто его притягивал невидимый магнит, киммериец приблизился к освещенной солнцем стене. Ужасная догадка пронзила его. Ему стало ясно, почему эти фигурки имели такое поразительное сходство с живыми людьми. Тайна черных великанов открылась ему. Но Конан понимал, что на этом острове его ждут еще более ужасные тайны.

3

Конан стоял, погруженный в мрачные раздумья. Из оцепенения его вывели чьи-то дикие вопли. Кричала женщина. Киммериец узнал голос Санчи. Конан быстро полез по уступам на стену, скидывая одну за другой фигурки, попадавшиеся ему на пути. Взобравшись наверх, киммериец увидел, как черный гигант нес кого-то, взяв под мышку, как непослушного ребенка. Конан не ошибся: это была Санча. Ее черные волосы волочились по траве. Оливкового цвета кожа ярко выделялась на фоне лоснящейся

эбеновой фигуры ее похитителя, который не обращал никакого внимания на сопротивление девушки.

Не раздумывая, Конан прыгнул вниз и, проскользнув под арку, спрятался в дальнем дворике. Киммериец видел, как гигант вошел во двор, волоча за собой жертву. Сейчас Конан мог его хорошенько рассмотреть. Вблизи еще лучше были видны идеальные пропорции тела великана. Он был крепок и мускулист. Конан не сомневался, что тот сможет играючи разорвать человека надвое. Руки монстра с длинными когтями напоминали лапы зверя. Лицо его было похоже на маску из черного дерева. Желтовато-коричневые глаза великана вспыхивали золотистым огнем. Он не был человеком. Это исчадие ада просто не могло быть человеком.

Черный гигант бросил Санчу на траву. Девушка кричала от боли и страха. Монстр огляделся, и глаза его сузились, когда он увидел сброшенные со стены серые фигурки. Затем чудовище наклонилось и, схватив свою жертву одной лапой за шею, другой — между ног, потащило к заводи. Конан, выскочив из своего укрытия, со скоростью ветра бросился ему наперерез.

Глаза гиганта вспыхнули. От неожиданности его пальцы разжались, и Санча, вывернувшись, упала на траву. Лапы монстра потянулись к горлу Конана, но тот уклонился и загнал свой меч в пах чудища. Гигант рухнул как подкошенный, истекая кровью. В ту же секунду Санча, отчаянно закричав, бросилась к Конану и в изнеможении повисла у него на шее. Киммериец выругался, пытаясь освободиться. Однако его враг лежал без движения. Он был мертв.

— О Конан! — Санча рыдала, прижимаясь к нему. — Что с нами будет? Что это за чудище? О, я знаю, это — ад, меня похитил дьявол...

— Ну что же, — усмехнулся бараханец. — Значит, в аду теперь появится новый дьявол. Но как он тебя поймал? Они что, проникли на корабль?

— Не знаю. — Санча хотела вытереть слезы подолом платья, но потом вспомнила, что на ней ничего нет. — Я вышла на берег, увидев, как ты отправился вслед за Запораво, и пошла за вами. Я нашла Запораво... Это... Это ты?..

— Кто же еще? Ну а что дальше?

— Заметив, что на дереве кто-то сидит, — продолжала всхлипывать девушка, — я подумала, что это ты, и стала тебя звать. Потом появилось это черное чудовище. Оно прыгало с ветки на ветку, как обезьяна, и смотрело на меня своими страшными глазами. Я так испугалась, что не могла двинуться с места. Потом оно спрыгнуло с дерева и схватило меня. О-о! — Девушка закрыла лицо руками. При одном воспоминании об этом ее затрясло от ужаса.

— Ладно, а сейчас мы должны бежать отсюда, — прохрипел Конан, хватая девушку за руку. — Нам надо добраться до своих...

— Они все спят на берегу, — сказала Санча.

— Спят? — изумленно воскликнул киммериец. — Тысяча чертей! Они что, спятили?

— Тише, слышишь, стоны? — Девушка вновь задрожала от страха.

— Слышу, — ответил Конан. — Жди здесь.

Он снова взобрался на стену, и... оттуда посыпались такие страшные ругательства, что даже Санча, видавшая виды дочь морей, пришла в изумление.

Черные гиганты возвращались, но не с пустыми руками. Каждый тащил одну или две жертвы. Пленники не сопротивлялись. Их тела безжизненно болтались, и если бы некоторые из них случайно не шевелили рукой или ногой, Конан подумал бы, что все мертвы. Флибустьеры были разоружены, но одеты. Один из черных гигантов нес их оружие. Изредка кто-нибудь из пиратов вскрикивал во сне.

Конан наблюдал эту сцену, как волк, попавший в капкан. Чтобы выбраться из дворика с заводью, нужно было пройти три арки. Великаны уходили и возвращались через восточный вход. В западных воротах прятался Конан, но он так и не успел посмотреть, что за ними. План замка был неизвестен Конану, а решение нужно было принимать немедленно.

Спрыгнув со стены, киммериец быстро положил все фигурки на свои места. Подтащив труп монстра к краю заводи, он столкнул его в воду. Тело мгновенно пошло ко дну, и Конан заметил, как оно стало сжиматься, сокращаться в размерах и постепенно затвердело. Киммериец

содрогнулся при виде этого зрелища. Он схватил Санчу за руку и потащил ее к южному входу. Девушка умоляла сказать, что он увидел со стены.

— Они захватили команду, — коротко ответил Конан. — Нам ничего не остается, как спрятаться где-нибудь и наблюдать за ними. Если они не заглянут в заводь, то, может, и не догадаются, что мы здесь.

— Но на траве — кровь!

— Дьяволы могут подумать, что это они сами наследили. Ну же, идем!

Они оказались во дворе, из которого Конан наблюдал предсмертный танец юноши. Быстро поднявшись по лестнице, киммериец пригнул голову Санчи, и они спрятались на том же балкончике. Это было ненадежное укрытие. Однако лучшего не было.

Не успели они спрятаться, как во дворе появились черные великаны. Услышав тяжелые шаги по ступенькам, Конан весь напрягся, вцепившись в рукоятку меча. Однако чудища прошли мимо. Они побросали свои жертвы на траву. Увидев великанов, Санча начала истерически хохотать, и Конан, опасаясь, что их услышат, зажал ей ладонью рот.

Некоторое время спустя беглецы вновь услышали во дворе топот. Затем все стихло. Конан осторожно выглянул. Двор был пуст. Великаны вновь уселись вокруг заводи. Казалось, они не замечали кровавых пятен на траве и нефрите. В заводь они тоже не заглядывали. Один из монстров снова заиграл на золотой дудочке. Остальные слушали его, впав в оцепененье, неподвижные, как эбеновые статуи.

Взяв Санчу за руку, пригнувшись и стараясь бесшумно ступать по лестнице, Конан стал спускаться. Девушка опасливо поглядывала на арку, ведущую в соседний двор, где сидели вокруг заводи монстры. У подножия лестницы были свалены в кучу мечи зингарцев. «Вот откуда доносился шум...», — подумал Конан.

Они пересекли двор, прошли под арку и оказались в соседнем дворе, где, развалившись на траве, храпели флибустьеры. Киммериец нагнулся над спящими. Санча опустилась на колени рядом с ним.

— От них пахнет чем-то сладким, — сказала девушка.

— Они нажрались этих чертовых фруктов, — ответил Конан. — Я помню их запах. Они, должно быть, усыпляют людей так же, как черный лотос. Клянусь Кромом, они начинают просыпаться, но у них нет оружия. А мы могли бы устроить этим черным бестиям ловушку, пока они не начали свое дьявольское действо.

Конан нахмурился и вдруг схватил Санчу за плечо так, что она чуть не вскрикнула от боли.

— Слушай меня! Я отвлеку этих черных свиней в другую часть замка, а ты разбуди этих дрыхнущих придурков и принеси сюда их мечи. Нельзя упускать такой шанс! Справишься?

— Я... Я не знаю, — пробормотала девушка, дрожа от ужаса. Она вряд ли осознавала, что происходит.

Тогда Конан схватил несчастную за волосы и тряхнул ее так, что стены запрыгали у нее перед глазами.

— Ты должна это сделать, — прошипел он. — Это наш единственный шанс!

— Я сделаю все, — пролепетала Санча, задыхаясь.

— Ну вот и молодец, — сказал Конан и, одобрительно хлопнув девушку по спине, отчего та чуть не рухнула на землю, помчался прочь.

Несколько мгновений спустя киммериец уже прятался под аркой, ведущей во двор с заводью, наблюдая за врагами. Монстры все еще сидели вокруг заводи, но было видно, что они начинают проявлять нетерпение. Со двора, где спали пираты, доносился храп вперемежку с бессвязными ругательствами. Конан напряг мускулы, как пантера, изготовившаяся к прыжку.

Киммериец ворвался в компанию черных великанов в тот момент, когда их музыкант, игравший беззвучную мелодию, поднялся. Как разъяренный тигр, Конан бросился на остолбеневших от неожиданности чудищ. И прежде, чем они опомнились, черепа троих из них оказались расколоты. Вырвавшись из их круга, киммериец стремительно бросился через двор.

Великаны опомнились и погнались за Конаном, когда он был уже у западной арки. Киммериец чувствовал, что, если захочет, запросто убежит от гигантов. Однако план у него был другой. Он должен был выиграть время, чтобы дать возможность Санче разбудить и вооружить команду.

Миновав западную арку, киммериец ворвался во двор и с ужасом обнаружил, что оказался в ловушке. Двор был не круглым, как другие, а восьмиугольным, и выхода из него не было. Это был тупик. Конан отчаянно выругался.

Оглянувшись, он увидел, что все монстры столпились у входа. Медленно отступая к северной стене, Конан бесстрашно смотрел на кольцо великанов, сжимающееся вокруг него. Чудища опасались, как бы он не вырвался из круга, и их подходило все больше и больше.

Киммериец наблюдал за ними с холодной расчетливостью волка. Его удар был настолько неожидан и силен, что рассек череп и туловище одного из великанов до самой грудины. Чудище рухнуло наземь в центре живого кольца, и, прежде чем его соседи слева и справа сумели прийти в себя, Конан вырвался из окружения. Стоявшие в воротах приготовились отразить нападение киммерийца. Но Конан не оправдал их надежд. Он повернулся и наблюдал за своими преследователями. В его глазах не было ни страха, ни волнения.

На этот раз монстры не стали окружать киммерийца, поняв, что это приводит к неблагоприятным для них последствиям. Чудища, сбившись в кучу, надвигались на Конана.

Конан знал: если он сейчас бросится на них, конец неизбежен, ему не уйти от их когтистых лап. Взглянув на стены, киммериец заметил на одной из них выступ. Он находился в углу западной части дворика. Медленно отступая, Конан приближался к этому выступу, не зная еще, как он им воспользуется. Великаны стали наступать активнее. Им, видимо, казалось, что они загоняют его в угол. Конан подумал, что они, вероятно, воспринимают его как существо низшего порядка. «Тем лучше, — решил киммериец, — пусть недооценивают противника».

Он был уже в нескольких шагах от стены. Великаны стали приближаться еще быстрее, предвкушая близкую победу. Чудища, стоявшие в дверях, бросились догонять остальных. Черные дьяволы шли на полусогнутых, глаза их горели все тем же адским золотистым огнем. Они подняли свои когтистые лапы, готовясь отразить атаку. Гиганты ожидали, что Конан вновь внезапно бросится на

них. Но киммериец преподнес им сюрприз. Он поднял меч, шагнул вперед, а затем внезапно развернулся и бросился к стене. Сделав отчаянное усилие, Конан подпрыгнул, в то время как его преследователи, пытаясь дотянуться до него, повисли, зацепившись за край выступа. Раздался страшный грохот: обломившийся уступ рухнул. Конан упал вслед за ним.

Он ударился спиной, и жилы его неминуемо бы лопнули, если бы не упругая, мягкая, как подушка, трава. Киммериец поднялся и, как разъяренный зверь, вновь двинулся на своих врагов. В глазах его светилась уже не игривая беспечность. Они пылали, как два голубых костра. Губы Конана были плотно сжаты, волосы развевались на ветру. В одно мгновение дерзкая и опасная игра превратилась в схватку не на жизнь, а на смерть.

Великаны, растерявшиеся было от неожиданности, вновь стали наступать, готовясь схватить киммерийца. Вдруг громкие крики раздались за их спинами. Обернувшись, чудища увидели толпу людей, проталкивающихся через арку. Это были пираты. Они шатались как пьяные, выкрикивая бессмысленные ругательства. Видно было, что они плохо соображают. Но они были вооружены и, яростно размахивая мечами, надвигались грозной массой.

Пока чудища сообразили, что произошло, Конан, издав боевой клич, взмахнул мечом. Он рубил налево и направо. Великаны падали как подкошенные. Зингарцы с дикими воплями, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, яростно набросились на монстров. Они еще не проснулись до конца и вряд ли поняли, чего хотела от них Санча, когда трясла их и всовывала им в руки мечи. Но враг был перед ними, лилась кровь, и этого было достаточно, чтобы понять, что делать.

В несколько мгновений дворик стал ареной кровавого побоища. Зингарцы ожесточенно размахивали мечами, круша своих противников и не обращая внимания на раны. Пиратов было намного больше, чем великанов, которые защищались зубами и когтями и обрушивали на своих противников удары гигантских кулаков. Зингарцы, одурманенные сонными плодами, в возникшей неразберихе с трудом уворачивались от их тумаков. В этом кровавом месиве невозможно было использовать преимущества,

которые обычно давали скорость и натиск. Пираты рубили вслепую, работая мечами, как мясники, среди диких воплей, криков и проклятий.

Санча, оглушенная адским шумом, прижалась к дверям. Лязг оружия, искаженные ужасом лица, которые то появлялись, то исчезали в этом жутком хаосе, — все это казалось ей каким-то фантастическим сном.

Санча увидела, как один из матросов, заметив чудовище, перегрызавшее его товарищу горло, всадил свой меч по рукоятку монстру в живот. Она слышала треск костей, видела внутренности, вывалившиеся наружу.

Видела Санча и как умирающие великаны закатывают в агонии свои жуткие глаза. Один из гигантов схватился за клинок голыми руками. Обладатель же меча упорно тянул его к себе, пока чья-то черная ручища не обхватила его сзади за горло. Чудище уперлось матросу коленом в спину, и Санча услышала звук, как будто сломали толстую ветку. Чудище отбросило свою жертву. Но в это время над ним, подобно молнии, просвистел слева направо меч. Великан пошатнулся, его голова свесилась на грудь, а когда он сделал еще шаг, упала на землю и покатилась.

Санчу тошнило. Девушка сделала усилие. Ее вырвало. Безуспешно она пыталась бежать. Ноги не слушались ее. Не могла она и закрыть глаза: вид крови всегда действовал на нее завораживающе. Негодующая, дрожа от отвращения и тошноты, Санча смотрела и смотрела. То, что здесь происходило, было несравнимо ни с одной из потасовок, что она наблюдала во время налетов пиратов на портовые города и корабли. Затем девушка увидела Конана.

Великаны тащили его, окружив со всех сторон. Они бы затоптали его насмерть, но Конан, свалив одного, прикрыл себя его телом. Монстры пытались отодрать великана от Конана, но киммериец, вцепившись зубами в горло противника, сросся со своим испускающим дух «щитом».

Зингарцы пошли в атаку, и Конан, отбросив труп монстра, поднялся. Вид его был ужасен. Он был весь в крови. Он крушил своим мечом все, что попадалось на его пути. Три пирата подвернулись ему под руку, пав жертвой безумной ярости киммерийца, а меч его все свистел в воздухе. То там, то здесь кровь била фонтаном, заливая все вокруг.

Вновь раздался боевой клич Конана, и флибустьеры с удвоенной силой стали крушить своих врагов, пока лязг мечей и хруст разрубаемых костей не заглушил их крики и стоны.

Великаны в панике помчались к воротам. Увидев их, Санча с визгом бросилась прочь. В дверях произошла свалка, и зингарцы, преследующие чудищ, под ликующие победные крики наносили им удар за ударом. Они резали и кололи монстров. Чудища, которым удалось выбраться из этого кровавого месива, бросились врассыпную.

Пираты гнались за гигантами с волчьей яростью.

Они преследовали их во двориках, загоняли на лестницы, на стены и покатые крыши фантастических башен. Чудища бежали, оставляя всюду за собой кровавые следы. Иногда загнанным в угол монстрам удавалось отбить нападение, и пираты гибли в их железных когтях. Однако исход битвы был предрешен. Смертельно раненные чудища падали с крыш, корчась и извиваясь, либо погибали, пронзенные мечами пиратов.

Дрожа от страха, Санча спряталась во дворике у заводи. Внезапно совсем рядом раздался пронзительный крик, затем послышались тяжелые шаги, и во дворик ввалился окровавленный черный гигант. На голове его красовался тюрбан с драгоценными камнями. Крепкий, приземистый зингарец, преследовавший монстра, настиг его на краю заводи. Великан, схватив валявшийся рядом меч, обрушил удар на голову своего преследователя. Оружие монстру было незнакомо, и удар оказался таким неловким, что вместе с черепом пирата раскололось и само лезвие меча.

Монстр швырнул рукоятку в людей, столпившихся под аркой, и ринулся к заводи. Эбеновое лицо чудища исказилось от гнева. Увидев прорвавшегося к нему сквозь толпу Конана, великан широко раскинул руки и издал душераздирающий вопль. Это был первый звук, изданный чудищами за время битвы. Казалось, небеса содрогнулись от этого вопля. Он был ужасен, словно голос из преисподней. Зингарцы замерли от неожиданности. Конан же, не останавливаясь ни на мгновение, продолжал свою стремительную атаку. Когда его окровавленный меч, как молния, сверкнул в воздухе, великан неожиданно повернулся

и высоко подпрыгнул. На какой-то миг он как бы завис в воздухе над заводью. Затем со страшным ревом зеленая вода вздыбилась и мощной струей ударила фонтаном, поглотив черного гиганта.

Конан едва не свалился в заводь вслед за монстром. Он отпрянул и, сделав огромный прыжок назад, увлек за собой нескольких зингарцев. Заводь превратилась в гигантский гейзер. С оглушительным грохотом столб воды поднимался все выше и выше, пенясь наверху.

Конан пытался оттеснить зингарцев к воротам. Они, казалось, совсем потеряли способность передвигаться. Увидев, что Санча тоже стоит, не двигаясь с места, как парализованная, Конан взревел так яростно, что Санча услышала его сквозь страшный грохот. И это вывело ее из оцепенения. Она побежала, протянув руки навстречу своему спасителю. Киммериец подхватил девушку одной рукой и ринулся к выходу.

Во дворе, за которым начиналось открытое пространство, собрались истерзанные, истекающие кровью оставшиеся в живых пираты. Они все так же завороженно смотрели на гигантский водяной столб, поднявшийся уже почти до небес. Вода с шипением падала вниз, переполняя водоем, грозивший выйти из берегов и затопить все вокруг.

Конан оглядел своих истерзанных товарищей и выругался, насчитав лишь два десятка человек. В сердцах он схватил одного и встряхнул так, что у бедняги из ран пошла кровь.

— Где остальные? — заорал он ему в ухо.

— Это все... — Голос флибустьера потонул в грохоте водопада. — Остальные убиты этими монстрами...

Конан вновь отчаянно выругался и прорычал, со всей силы отпихнув флибустьера к воротам:

— Нам нужно выбираться отсюда! Сейчас здесь все затопит...

— Мы все утонем! — завопил флибустьер, неуклюже ковыляя к арке.

— Утонем! Черта с два! Мы все превратимся в окаменелости! Быстрее, канальи, разрази вас гром! — орал Конан.

Он кинулся к выходу, не спуская глаз с зеленой грохочущей башни, зловеще возвышающейся над замком.

Ошалевшие от крови и жуткого шума, зингарцы двигались точно во сне. Конану приходилось подгонять шатающихся и еле переставляющих ноги пиратов. Он хватал каждого за шиворот и пинком ноги проталкивал сквозь ворота, сопровождая удар, который приходился жертве как раз пониже спины, отборными ругательствами в адрес самого разбойника и его предков.

Санча, повиснув на шее у своего спасителя, всем своим видом стремилась показать, что ни за что ни в коем случае с ним не расстанется. Тогда Конан, нещадно ругаясь, разжал руки девушки, обнимавшие его шею, после чего грациозная обладательница длинных ног, тонкой талии и прочих прелестей получила такой шлепок по мягкому месту, что скорость ее передвижения возросла в несколько раз.

Конан оставался у ворот, пока не убедился, что все живые выбрались из замка. Затем, еще раз глянув на вздымающийся до небес грохочущий столб, на фоне которого башни уже казались игрушечными, ринулся прочь.

Пираты уже миновали плато, на котором стоял замок, и бежали по склонам. Конан догнал Санчу на вершине холма, где она ждала его. Остановившись на мгновение, беглецы вновь оглянулись на замок. Они увидели гигантский цветок с белыми пенистыми лепестками и зеленым стеблем, покачивающийся среди башен.

Затем грохочущая нефритовая колонна с заснеженным верхом взорвалась. Стены и башни замка были сметены мощным ревущим потоком.

Схватив Санчу за руку, Конан бросился вниз. Они бежали по склонам, а зеленая река с диким ревом неслась следом. Поток не растекался по земле. Он напоминал широкую зеленую ленту или гигантскую змею, скользившую вверх и вниз по холмам. Оглянувшись, Конан с ужасом понял, что поток преследует их.

Споткнувшись, Санча в изнеможении упала на колени. В ее глазах светилось безнадежное отчаяние. Однако приближение смертельной опасности удвоило силы Конана. Он подхватил девушку, перекинул ее через плечо и побежал. Грудь его тяжело вздымалась, колени дрожали. Киммерийца мотало из стороны в сторону почти так же, как и остальных членов команды, которые едва тащились, подстегиваемые ужасом.

Внезапно беглецы увидели голубую гладь океана. «Скиталец», как мираж, возник перед ними целый и невредимый. Люди кинулись к лодкам. Санча свалилась на дно одной из них и осталась лежать неподвижно. Конан взял весло. Он ощущал, как кровь стучит у него в висках. Все качалось и плыло перед глазами. Киммериец видел впереди кроваво-красные очертания «Скитальца» и чувствовал, что его сердце вот-вот разорвется от напряжения.

Зеленая лента реки смерти прокладывала свой путь среди раскидистых деревьев. Они падали как подрубленные и исчезали в ее могучем потоке, который через несколько мгновений достиг океана. Вода у берега приобрела ядовито-зеленый оттенок.

Люди из последних сил налегали на весла. Они не знали, почему следует опасаться несущегося за ними потока, но инстинкт подсказывал им, что эта отвратительная гладкая зеленая лента представляет для них угрозу. Когда же Конан увидел, что поток соскользнул в воду и, не изменив своих очертаний, устремился вслед за шлюпками, он так заработал веслом, что оно сломалось в его могучих руках. Но вот лодки одна за другой стали ударяться о высокий борт корабля. Матросы карабкались по канатам вверх. Конан взобрался на борт, держа на плече неподвижное тело Санчи. Он, не церемонясь, бросил свою ношу и взялся за штурвал, отдавая команды остаткам экипажа. Все эти злоключения сделали Конана признанным лидером среди матросов, и они инстинктивно подчинялись ему.

Люди двигались по палубе, шатаясь как пьяные, на ощупь находя веревки и брасы. Якорная цепь с шумом поднялась из воды. Ветер надул паруса. «Скиталец» встрепенулся, затем задрожал и, величественно покачиваясь, двинулся в открытое море. Зеленая лента остановилась на расстоянии весла от киля корабля. Дальше она не смогла продвинуться. Конан проследил взглядом ее путь. Сверкая и переливаясь на солнце, изумрудный поток тянулся через песчаную косу, по склонам гор и терялся где-то вдали.

К бараханцу вернулось самообладание. Он улыбнулся, глядя на свою растерзанную команду. Санча уже стояла около Конана, и слезы струились по ее щекам. Штаны киммерийца превратились в окровавленные лохмотья. Он

потерял пояс и ножны. Его меч, весь в крови и зазубринах, был воткнут прямо в палубу. Кровь запеклась на волосах Конана, ухо было наполовину оторвано. Его руки, ноги, грудь и плечи были в синяках и царапинах, как будто он побывал в когтях у пантеры. Но киммериец улыбался. Его ноги крепко упирались в палубу. Руки надежно держали штурвал.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Санча, все еще дрожа.

— Грабить встречные корабли, — бодро ответил Конан. — Наши матросы имеют жалкий вид, но работать они могут. Да и потом, команду мы везде наберем. Иди сюда, девочка, и поцелуй меня!

— Поцеловать? — воскликнула Санча. — Ты думаешь о поцелуях в такой момент?

— Я думаю о жизни, — захохотал Конан. Он схватил Санчу свободной рукой, приподнял и звонко чмокнул в самые губы. — Я думаю о жизни! Мертвых не воскресишь. Что было, то прошло. У меня есть корабль, боевая команда и девчонка, чьи губы вкусны, как вино. И это все, что мне нужно! Зализывайте раны, канальи, да принесите-ка бочонок вина. Вам предстоит хорошо потрудиться. А пока — пейте и веселитесь, черт бы вас побрал. Мы отправляемся туда, где нас ждут богатые города и корабли, туда, где есть чем поживиться.

1. НОЧНАЯ ТВАРЬ

Кушит Амбула медленно пробуждался, все еще находясь под воздействием выпитого накануне вечером. В первый момент он не мог припомнить, где он находится. Лунный свет, проходя сквозь маленькое зарешеченное окошко, расположенное под самым потолком, освещал незнакомую обстановку. Затем он вспомнил, что лежит в верхней камере темницы, куда его заточили по приказу королевы Тананды.

Должно быть, в его вино подмешали одурманивающего зелья. И пока он валялся беспомощный, едва осознавая происходящее, два чернокожих гиганта из королевской охраны схватили его и брата королевы господина Аахмеса и бросили их в темницу. Последнее, что он смог припомнить, было обвинение королевы, прозвучавшее резко, как удар хлыста:

— Негодяи, так вы замышляли свергнуть меня? Теперь вы узнаете, что ожидает изменников!

Чернокожий воин шевельнулся, и звякнул металл, напомнив ему о том, что он закован в кандалы, а цепи, соединяющие их, крепятся в стене массивными железными скобами. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь в полумраке. Что ж, подумалось ему, зато он все еще жив. Даже Тананда вряд ли рискнула бы предать смерти начальника Черных Копьеносцев, опору кушитской армии и героя любимого простым народом Куша.

Более всего Амбулу поразило то, что Аахмеса обвинили в соучастии в заговоре. Конечно же, они с князьком были большими друзьями. Частенько вместе пировали и охотились, и Аахмес жаловался Амбуле на королеву, чье жестокое сердце было столь же коварно, сколь прекрасно и

желанно было ее смуглое тело. Но ни разу не заходила речь о том, чтобы свергнуть ее. Аахмес просто был не того типа человек, — добродушный и уступчивый юноша, он никогда не интересовался политикой, власть его не прельщала. Должно быть, его оклеветал какой-нибудь доносчик, пытающийся продвинуться по служебной лестнице за чужой счет.

Амбула осмотрел кандалы. При всей своей силе, нечего было и мечтать о том, что ему удастся сломать их или разорвать цепи. Так же обстояло дело и со скобами. Он был уверен в этом, так как сам лично проследил за их установкой.

И он знал, каким будет следующий шаг королевы. Она подвергнет его и Аахмеса пыткам, чтобы вырвать у них признание в заговоре и имена соучастников. Несмотря на первобытную отвагу, Амбула вздрогнул при одной мысли об этом. Вероятно, его последней надеждой было попытаться обвинить всех высокородных Куша в соучастии. Тананда не сможет наказать их всех. А если попытается, то воображаемый заговор может очень быстро перерасти в настоящий бунт...

Внезапно Амбула вздрогнул. Мурашки пробежали по спине. Что-то — кто-то — находился с ним в одном помещении.

Глухо вскрикнув, он вскочил и начал пристально вглядываться в темноту, окружавшую его, подобно черным крыльям смерти. В призрачном свете, струившемся сквозь зарешеченное окошко, начало вырисовываться нечто ужасное и бесформенное. Словно ледяная рука ужаса сжала сердце офицера, никогда прежде не ведавшее страха.

Бесформенный серый туман клубился в темнице. Призрачное существо становилось все более реальным. Амбула онемел от испуга при виде кошмарной твари, медленно возникающей перед ним из воздуха.

Вначале он разглядел свиноподобное рыло, покрытое жесткой щетиной. Затем смутные тени начали складываться в нечто невообразимо кошмарное, немыслимое, но тем не менее действительно встающее перед ним. К свиноподобной голове теперь добавились толстые волосатые лапы, напоминающие лапы обезьяны.

Амбула отпрыгнул с пронзительным воплем, и неподвижная фигура вдруг зашевелилась с невероятной скоростью чудовища из ночного кошмара. Черный воин успел лишь заметить чавкающие, истекающие пеной челюсти с острыми как бритва клыками, сверкающие багровой яростью свинячьи глазки. Затем звериные лапы вцепились в его плоть мертвой хваткой, клыки рвали и кромсали...

Лунный свет по-прежнему струился сквозь маленькое окошко, освещая нечто, бывшее совсем недавно человеческим телом, лежащее на полу темницы в луже крови. Ужасная тварь, секунду назад убившая черного воина, ушла, растворилась во мраке без следа.

2. НЕЗРИМЫЙ УЖАС

— Тутмес! — настойчиво взывал голос, и столь же настойчиво барабанил кулак в тиковую дверь дома, принадлежащего одному из самых честолюбивых вельмож Куша.

— Господин Тутмес! Впустите меня! Демон снова вырвался на свободу!

Дверь отворилась, и на пороге ее возник Тутмес — высокий, худощавый мужчина с тонкими чертами смуглого лица, выдающего его принадлежность к правящей касте. Судя по белым шелковым одеждам, он уже готовился ко сну, в руке его был небольшой бронзовый светильник.

— Что там, Афари? — спросил он.

Посетитель, сверкая глазами, ворвался в комнату. Он запыхался от долгого бега. Был он тощим, жилистым и темнокожим, в белой джуббе, ростом пониже Тутмеса и с более негроидными чертами лица. Несмотря на спешку, он все же тщательно притворил за собой дверь, прежде чем ответить на вопрос.

— Амбула! Он мертв! В Красной Башне!

— Что? — воскликнул Тутмес. — Тананда осмелилась предать смерти начальника Черных Копьеносцев?

— Нет, нет, нет! Конечно же, она не столь глупа. Его не казнили, а зверски убили. Кто-то, Сэт знает как, проник в его камеру и перерезал ему глотку, переломал ребра и размозжил череп. Клянусь Дэркето, много я перевидал

на своем веку покойников, но не припомню никого менее привлекательного в мертвом состоянии, нежели Амбула. Тутмес, это работа демона, о котором рассказывают черные! Незримый Ужас снова вырвался на свободу в Мероэ!

Афари сжал в руке маленькую статуэтку своего богахранителя, висевшую у него на шее на кожаном шнуре.

— Горло Амбулы было перекушено, но следы зубов не похожи ни на львиные, ни на обезьяньи. Это были клыки острые как бритва!

— Когда это произошло?

— Чуть позже полуночи. Стража, охранявшая лестницу наверх, услышала его крики. Они вбежали наверх и увидели все так, как я описал тебе. Я спал в нижней части башни, как ты мне велел; увидев, что случилось, я прямиком побежал к тебе, запретив стражникам кому-либо рассказывать об этом.

Тутмес улыбнулся холодной, неприятной улыбкой. Он пробормотал:

— Ты же знаешь, какова Тананда в гневе. Заточив Амбулу, и Аахмеса в темницу, она могла приказать прирезать Амбулу а затем изуродовать его труп, представив это делом рук демона, который некогда обитал в этой стране. Разве такое невозможно?

Понимание засветилось в глазах министра. Тутмес, взяв Афари под руку, продолжал:

— Итак, ступай и опереди королеву. Сперва смени стражу в Красной Башне и тех стражников казни за то, что спали на посту. Убедись, все ли поняли, что ты действуешь по моему приказу. Это покажет черным, что я отомстил за смерть их начальника, и обезоружит Тананду. Убей их прежде, чем она до них доберется.

— Затем поговори с остальными высокородными. Намекни, что если таков способ Тананды вести дела, то все мы в опасности. Затем ступай во Внешний Город и найди там старого Агиру, охотника за ведьмами. Не говори ему прямо, что Тананда является причиной случившегося, но намекни на это.

Афари вздрогнул:

— Как может обычный человек солгать, глядя в глаза этому дьяволу? Его взгляд так и прожигает тебя насквозь,

я видел, как он оживлял мертвецов и заставлял их ходить, черепа ухмылялись и скалили зубы...

— Ты не лги, — ответил Тутмес. — Просто поделись с ним своими подозрениями. В конце концов, если даже это и демон прикончил Амбулу, должен же быть кто-то, кто выпустил его на свободу. И Тананда вполне может стоять за этим. Итак, поспеши!

Когда Афари отбыл, усиленно размышляя над указаниями своего господина, Тутмес на мгновение задержался посреди своих покоев, украшенных гобеленами, выполненными в красочной варварской манере. Голубой дымок струился из бронзовой жаровни, находящейся в углу комнаты. Тутмес позвал:

— Муру!

Послышались шаги босых ног. Отодвинув занавес из малинового шелка, скрывающий потайной ход, и низко пригнув голову, в комнату вошел на удивление высокий и худой мужчина.

— Я здесь, господин, — произнес он.

Ростом он был даже выше Тутмеса и был одет в алую накидку, переброшенную через одно плечо. Хотя кожа его была очень темной, черты лица своей правильной формой напоминали скорее представителей правящей касты Мероэ. Волосы, похожие на овечью шерсть, были уложены в замысловатую прическу.

— Оно вернулось обратно? — осведомился Тутмес.

— Да.

— Оно надежно заперто?

— Да, господин.

Тутмес нахмурился:

— Как ты можешь быть уверен, что оно всегда будет оставаться послушным твоим приказам и всегда возвращаться к тебе? А вдруг однажды, когда ты освободишь его, оно убьет тебя и ускользнет обратно в свой дьявольский мир, который оно считает своим домом?

Муру развел руками:

— Этим чарам меня научил мой наставник, изгнанный стигийский маг, и они всегда действуют безупречно.

Тутмес впился глазами в мага:

— Сдается мне, что все вы, колдуны, большую часть жизни проводите в изгнании. Откуда мне знать, что кто-

нибудь из моих врагов не подкупит тебя, чтобы ты натравил на меня своего демона?

— О хозяин, оставь такие мысли! Куда я денусь без твоей протекции? Кушиты презирают меня за то, что я не их расы, а вернуться в Кордафу я не могу по причинам, хорошо тебе известным.

— Ну что ж, тогда стереги своего демона, он нам может еще пригодиться. Этот болтун Афари очень любит казаться мудрым в глазах окружающих. Он передаст историю убийства Амбулы с моими комментариями о роли королевы многим желающим услышать нечто подобное. Это пробьет брешь в отношениях Тананды с остальными высокородными, а я пожну плоды своего труда.

Добродушно посмеиваясь, что происходило с ним весьма редко, Тутмес плеснул вина в две серебряные чаши и одну из них протянул магу, который принял вино с глубоким поклоном. Тутмес продолжал:

— Конечно же, он не станет упоминать о том, что все началось с его навета на Амбулу и Аахмеса. Он и не подозревает, что я знаю обо всем благодаря твоему искусству мага, друг Муру. Он притворяется, что предан мне и моему делу, но готов предать меня в любой момент за хорошую плату. Его основная мечта, его тайное стремление — жениться на Тананде и править страной на правах консорта. Когда я стану королем, мне понадобятся более надежные помощники чем Афари.

Потягивая вино, Тутмес размышлял:

— С тех пор как брат Тананды, покойный король Куша, погиб в битве со Стигией, она захватила власть, натравливая высокородных друг на друга. Но ей не хватит характера удержать власть в стране, чьи традиции не признают за женщиной права на трон. Она действует необдуманно, повинуясь своим прихотям, ее единственный метод удержать власть — это убивать любого, кто кажется ей опасным в данный момент, а это настраивает против нее остальных.

Приглядывай за Афари, о Муру. И держи своего демона на коротком поводке. Скоро эта тварь снова нам понадобится.

Когда кордофанец ушел, Тутмес поднялся по деревянной лестнице наверх и вышел на залитую лунным светом крышу своего дворца.

Под ним простирались тихие улицы спящего Внутреннего Города Мероэ. Он смотрел на дворцы, сады и огромную площадь, способную вместить тысячу черных всадников.

Переведя взгляд дальше, он увидел бронзовые ворота Внутреннего Города, а за ними лежал Внешний Город. Мероэ располагался посреди величественной равнины, зеленые луга с одинокими холмами тянулись до самого горизонта. Узкая речушка, пересекая равнину, огибала границы Внешнего Города.

Массивная стена, скрывая дворцы правящей касты, отделяла Внутренний Город от Внешнего. Предки правящей касты столетия назад явились сюда из Стигии, чтобы основать империю и смешать свою благородную кровь с местным чернокожим населением. Внутренний Город имел отличную планировку, улицы и площади были правильной формы, сады украшали каменные здания.

Внешний Город, напротив, поражал нищетой глиняных домишек. Кривые улочки вели на площади. Чернокожие люди Куша, являясь исконными жителями, занимали Внешний Город. Никто, кроме правящей касты, не имел права жить во Внешнем Городе, исключение составляли лишь слуги и конная стража.

Тутмес смотрел на множество глиняных хижин. На грязных площадях горели костры, извилистые улицы изредка освещались факелами. Время от времени до его слуха доносился монотонный дикарский напев, в котором звучали нотки гнева и дикарской кровожадности. Тутмес вздрогнул и поплотнее закутался в свою накидку.

Пройдя вперед по крыше, он наткнулся на человека, спящего под пальмой висячего сада. Разбуженный прикосновением Тутмеса, человек проснулся и вскочил.

— Ничего не говори, — предупредил Тутмес.

— Дело сделано. Амбула мертв, и, прежде чем взойдет солнце, весь народ Мероэ узнает, что его убила Тананда.

— А демон? — прошептал человек, поеживаясь.

— Надежно заперт в своей клетке. Поторопись, Шубба, тебе пора отправляться. Найди среди шемитов подходящую женщину, обязательно белую, и скорее доставь ее сюда. Если вернешься до конца месяца, я заплачу тебе

серебром столько, сколько она весит. А если нет, то висеть твоей голове на пальмовом дереве.

Шубба распростерся в пыли, коснувшись лбом земли. Затем поднялся и поспешно покинул крышу дворца. Тутмес снова окинул взглядом Внешний Город. Казалось, пламя костров разгорелось, и барабан начал выбивать угрожающий ритм. Внезапно раздался яростный вопль, дружно вырвавшийся из множества яростных голосов.

— Они узнали, что Амбула мертв, — пробормотал Тутмес, и снова сильная дрожь охватила его.

3. ВЫЕЗД ТАНАНДЫ

Алое пламя рассвета озарило небо над Мероэ. Лучи яркого света пробивались сквозь утреннюю дымку, отражаясь от покрытых медью крыш и шпилей каменного Внутреннего Города. Народ Мероэ просыпался. Во Внешнем Городе статные чернокожие женщины отправлялись на рынок, неся на голове корзины и сосуды, а юные девушки щебетали по дороге к колодцам. Голые ребятишки возились в пыли или гонялись друг за другом по узким улицам. Высокие черные мужчины выходили на порог своих хижин, чтобы заняться ремеслом, или отдыхали в тени на земле.

На рыночной площади торговцы под полосатыми навесами расставляли свой товар. Нескончаемая болтовня сопровождала заключение сделок, чернокожий народ бродил между сосудами с банановым пивом. Кузнецы трудились над подковами, ножами и наконечниками для копий. Жаркое солнце озаряло труд, гнев, силу жителей Куша.

Внезапно к привычной картине добавилось нечто новое. Под цокот копыт группа всадников проехала по направлению к бронзовым воротам Внутреннего Города. Всадников было шестеро, а возглавляла их женщина.

Кожа ее была смугла, копна густых черных волос была перехвачена золоченым ремешком. Кроме сандалий и украшенных драгоценными камнями золотых чащечек, частично прикрывавших ее полную грудь, ее единственное одеяние составляла короткая шелковая юбка, туго стянутая на талии. Черты лица ее отличались правильностью,

а глаза смотрели уверенно и смело. Она умело управляла изящной кушитской лошадкой с помощью вожжей из алой кожи и украшенной драгоценностями уздечки. Ноги ее были продеты в серебряные стремена, через луку седла была переброшена газель. Следом за ее лошадью бежала пара поджарых гончих.

Люди, мимо которых проезжала эта женщина, переставали болтать, прекращали работу. Черные лица становились угрюмыми, в глазах начинал загораться гнев. Люди шепотом что-то передавали друг другу, и шепот постепенно перерастал в громкое выражение возмущения и ярости.

Юноша, ехавший рядом с королевой, начал нервничать. Он оглядел лежащую перед ними кривую улочку. Прикинув расстояние до бронзовых ворот, пока еще скрытых за хижинами, он прошептал:

— Высочайшая, люди настроены агрессивно. Было безумием ехать через Внешний Город именно сегодня.

— Да все черномазые Куша не смогут испортить мне мою охоту! — отвечала женщина. — При малейшей угрозе сбивай их на землю.

— Проще сказать, чем сделать, — пробормотал юноша, пытаясь оценить, насколько серьезна угроза. — Они выходят на улицы и перекрывают дорогу. Взгляни сюда!

Они выехали на большую площадь, полную чернокожих людей. По одну сторону этой площади возвышалось довольно высокое для Внешнего Города здание, построенное из глины и пальмовых стволов, над входной дверью висели черепа. Это был храм Джуллаха, который правящая каста презрительно называла дьявольским домом. Черное население поклонялось Джуллаху, игнорируя Сэта, змеебога нынешних правителей и их стигийских предков.

Чернокожие горожане столпились на площади, угрюмо разглядывая всадников. В их поведении чувствовалась угроза. Тананда, все же начиная нервничать, упустила из вида еще одного всадника, приближающегося к площади по другой улице. Обычно этот всадник привлекал всеобщее внимание, ибо кожа его не была ни смуглой, ни черной. Это был белый мужчина, его сильное тело защищала кольчуга, на голове был шлем.

— Эти собаки что-то замышляют, — бормотал юноша, ехавший сбоку от Тананды, наполовину обнажив свой

изогнутый меч. Остальная охрана, состоящая из чернокожих кушитов, кольцом окружила Тананду, но ни один из них не стал доставать оружие. Ропот становился все громче, хотя никто пока не шевельнулся.

— Растолкайте их, — приказала Тананда, пришпоривая лошадь. Чернокожие с мрачным видом подавались назад при ее приближении.

Внезапно из дьявольского дома вышел высокий, тощий чернокожий человек. Это был старый Агира, охотник за ведьмами, одетый в одну лишь набедренную повязку. Указывая на Тананду, он возопил:

— Вот едет та, чьи руки обагрены кровью Амбулы!

Его вопль оказался искрой, от которой произошел взрыв. Толпа яростно взревела; люди начали окружать королеву, крича:

— Смерть Тананде!

В тот же миг сотни черных рук уцепились за ноги всадников. Юноша из свиты Тананды пытался закрыть ее от толпы, но брошенный камень размозжил ему голову. Охрану стащили с их лошадей и затоптали насмерть. Вопль перепуганной Тананды слился с ржанием ее лошади. Чернокожие мужчины и женщины в озверении набросились на нее.

Чернокожий великан схватил ее за ногу и стащил с лошади, швырнув прямо в ожидавшие ее с нетерпением и яростью руки толпы. Под издевательский хохот кто-то сорвал с ее тела юбку и размахивал ею над головой Тананды. Какая-то женщина плюнула ей в лицо и вцепилась в золотые нагрудники, царапая грудь королевы грязными ногтями. С силой пущенный камень угодил ей в голову.

Тананда видела, как кто-то добирался до нее, зажав в руке булыжник, с явным намерением размозжить ей череп. Сверкнули кинжалы. Если бы не множество народа на площади, ее бы прикончили тут же. Раздался вопль:

— В храм Джуллаха!

Тананда почувствовала, как ее полунесут-полуволокут, чьи-то руки хватали ее за волосы. Удары, направленные в нее, не достигали цели только благодаря тому, что все толкались, мешая друг другу.

И вдруг прямо в середину толпы ворвался всадник на могучем жеребце. Мужчины с криками разбегались от

ударов копыт. Тананда увидела, как мелькнуло темное, покрытое шрамами лицо всадника, его голову защищал стальной шлем, грозный меч сверкал в его руках. Но тут из толпы кто-то метнул копье, жеребец пронзительно заржал, зашатался и пал на землю.

Всадник ухитрился приземлиться на ноги, продолжая наносить удары направо и налево. Копья отскакивали от стали его шлема и от щита в его левой руке, а меч рассекал плоть, крушил кости и сносил головы.

Пробившись к Тананде, незнакомец поднял ее на руки. Прикрывая щитом перепуганную девушку, он отступал, расчищая перед собой путь безжалостными ударами меча, пока не добрался до стены. Здесь он остановился, заслонив собой Тананду, и отбивался от обезумевшей и жаждущей крови толпы.

Раздался стук копыт. На площадь ворвались стражники, гоня перед собой бунтовщиков. Кушиты в панике бросились врассыпную, оставив площадь усеянной мертвыми телами. Капитан охраны — огромный негр, в облачении из алого шелка, приблизился к королеве.

— Ты долго добирался сюда, — проговорила Тананда, которая успела подняться и прийти в себя.

Капитан сделался пепельного цвета. Тананда подала знак стоящим позади него воинам, и не успел он пошевелиться, как один из них вонзил ему в спину копье обеими руками с такой силой, что наконечник копья вышел наружу. Офицер упал на колени, и тут же с полдюжины копий довершили начатое.

Тананда тряхнула копной длинных черных волос и повернулась лицом к своему спасителю. Она была вся покрыта кровью от царапин и ссадин и полностью обнажена, но смотрела прямо в глаза мужчине без всякого смущения. Он ответил ей взглядом, полным откровенного восхищения как ее самообладанием, так и безупречной формой ее смуглого тела.

— Кто ты? — требовательно спросила она.

— Я Конан из Киммерии, — проворчал он.

— Киммерия? — Она явно впервые слышала название этой далекой страны, лежащей далеко на севере. Она нахмурилась.

— Ты носишь стигийские доспехи. Ты, что же, стигиец?

Он покачал головой, обнажив в ухмылке белые зубы:

— Да, я получил эти доспехи от стигийца, но перед этим убил их хозяина.

— Что же тебе надо в Мероэ?

— Я путешественник, — ответил он просто. — Мой меч меня кормит. Сюда я пришел в поисках удачи.

Конан счел за благо умолчать о своей предыдущей карьере морского разбойника на Черном Побережье и о том, что он был одним из военачальников племени на юге джунглей.

Королева окинула взглядом Конана. Оценив ширину его плеч, она наконец произнесла:

— Я хочу нанять твой меч. Назови свою цену.

— Сколько ты предложишь? — спросил он, с сожалением глядя на останки своего коня. — У меня нет ни денег, ни дома, а теперь я лишился и жеребца.

Она покачала головой:

— Нет, клянусь Сэтом! Теперь ты начальник королевской стражи. Смогу ли я купить твою преданность за сто золотых слитков?

Конан окинул долгим взглядом распростертое тело покойного капитана стражи, лежащего в шелках, стали и крови. Но это печальное зрелище не омрачило киммерийца.

— Я думаю, да, — ухмыльнулся Конан.

4. ЗОЛОТАЯ РАБЫНЯ

Прошел месяц. Конан железной рукой усмирил стихийное восстание низшей касты. Шубба, слуга Тутмеса, возвратился в Мероэ. Войдя в покои Тутмеса, где львиные шкуры украшали мраморный пол, Шубба произнес:

— Я нашел такую женщину, как ты хотел, господин. Это немедийская девушка, похищенная с торгового судна Аргоса. Я заплатил за нее шемитскому торговцу много слитков золота.

— Покажи ее, — велел Тутмес.

Шубба покинул комнату и тут же вернулся, ведя за собой девушку. Ее гибкое белое тело составляло разительный контраст с чернокожими и смуглыми телами, привычными

глазу Тутмеса. Ее густые вьющиеся волосы золотым потоком струились по белоснежным плечам. Единственной ее одеждой была изорванная туника. Шубба сорвал и ее, оставив дрожащую девушку в сияющей наготе.

Тутмес бесстрастно кивнул:

— Прекрасное приобретение. Не будь она частью платы за трон, я бы подумал, не оставить ли ее для себя. Ты научил ее кушитскому, как я велел?

— Да, в городе стигийцев и позже днем, пока шел караван, я учил ее, внушая стремление к учению при помощи шлепанца, по шемитскому методу. Ее зовут Диана.

Тутмес присел и жестом велел девушке сесть скрестив ноги на полу возле него. Она подчинилась.

— Я собираюсь подарить тебя королеве Куша. Ты будешь считаться ее рабыней, но на самом деле станешь служить мне. Ты будешь регулярно получать указания, и не вздумай ослушаться. Королева жестока и раздражительна, бойся прогневать ее. Не говори ничего о своей связи со мной, даже если тебя станут пытать. Тебе не спрятаться от меня и в королевском дворце, а чтобы у тебя не было искушения выйти из повиновения мне, я покажу тебе свою силу.

Взяв ее за руку, Тутмес прошел по коридору и спустился по каменной лестнице в длинную полутемную комнату. Она была разделена на две равные части прозрачной, как вода, стальной стеной, достаточно прочной, чтобы выдержать натиск гигантского слона. Тутмес подвел Диану к этой стене и поставил ее лицом к ней, а сам отошел назад. Свет погас.

Девушка стояла в полнейшей темноте, тело ее вздрагивало от нарастающего чувства страха. Постепенно из тьмы начал появляться свет, появилась чудовищная огромная голова. Девушка разглядела рыло как у свиньи, острые клыки и щетину на морде. В ужасе она вскрикнула и отвернулась, забыв, что прозрачная стена защищает ее от чудовища. Пробежав через комнату в полной темноте, она наткнулась на Тутмеса, который зашептал ей в ухо:

— Ты станешь служить мне. Не вздумай предать меня, ибо тот, кого ты сейчас видела, сможет найти тебя, куда бы ты ни спряталась.

Он продолжал шептать, но она уже не слышала, потеряв сознание от переполнившего ее ужаса.

Тутмес поднял ее и вернулся наверх, велев чернокожей служанке привести ее в чувство, накормить и дать вина, после чего искупать, причесать, умастить благовониями и подготовить для встречи с королевой. Завтра в полдень Тутмес намеревался принести ее в дар Тананде.

5. ПЛЕТЬ ТАНАНДЫ

На следующий день Шубба отвел Диану к колеснице Тутмеса, усадил ее, а сам занял место возничего. Сегодняшняя Диана совсем не походила на вчерашнюю. Благовония и умело использованная косметика подчеркнули ее красоту и придали ей новый оттенок. Одежды были из тончайшего шелка, позволявшего видеть каждую черточку ее прекрасного тела. Драгоценная диадема сверкала на ее золотистых волосах.

Она все еще была напугана. С тех пор, как ее похитили, жизнь казалась сплошным кошмаром. Она не раз пыталась утешить себя размышлениями о том, что ничто не бывает вечно и все станет лучше, ведь хуже уже быть не может.

Теперь ее собирались подарить жестокой и вспыльчивой королеве. Если она выживет, то окажется между двух огней — с одной стороны, подозрительность королевы, с другой — чудовище Тутмеса. Если она ослушается Тутмеса, чудовище убьет ее, а если начнет выполнять указания Тутмеса, то королева может поймать ее и замучит до смерти, и неизвестно еще, что хуже.

Небо над ее головой приобрело стальной оттенок. На западе сгущались тучи, сухой сезон в стране Куш подходил к концу.

Колесница направлялась через главную площадь к королевскому дворцу. Под колесами поскрипывал песок. Изредка навстречу попадались представители высшей касты Мероэ, но их было мало, так как полуденная жара находилась в разгаре. Большинство высокорожденных отдыхали в своих домах. Их черные слуги поворачивали головы вслед колеснице, и их лица блестели от пота.

Возле самого дворца Шубба помог Диане сойти и проводил ее через бронзовые ворота. Привратник указал им дорогу через коридор, ведущий в большую залу, обставленную с роскошью, приличествующей стигийской принцессе, — а так оно и было. На кресле из слоновой кости и черного дерева, богато инкрустированном золотом и жемчугом, возлежала Тананда, одетая лишь в короткую юбочку алого шелка.

Королева пристально разглядывала дрожащую светловолосую рабыню, застывшую перед ней. Безусловно, это был роскошный подарок. Но Тананда, скорая на предательство сама, всегда подозревала в этом и других. Внезапно она заговорила, и ее голос был полон нескрываемой злобы:

— Говори, девка! Зачем Тутмес подослал тебя в мой дворец?

— Я — я не знаю... Где я? Кто ты? — голос Дианы был по-детски высоким и нежным.

— Я королева Тананда, дурочка! Отвечай мне.

— Но я не знаю ответа, моя госпожа. Я знаю только, что господин Тутмес послал меня как подарок...

— Ты лжешь! Тутмес честолюбив, как никто. Раз уж делает мне подарок, несмотря на свою ненависть ко мне, значит, у него на то есть веские причины. Он что-то замышляет против меня. Говори, а то хуже будет!

— Я... Я не знаю! Я ничего не знаю! — и Диана разрыдалась. Будучи напуганной до смерти демоном Муру, она при всем желании не смогла бы сейчас говорить. Язык отказывался повиноваться ей.

— Раздеть ее! — приказала Тананда. Тонкие одежды были сорваны с ее тела.

— Связать ее! — сказала Тананда. Запястья Дианы связали веревкой, и веревку перекинули через балку так, что руки девушки оказались поднятыми вверх.

Тананда поднялась, сжимая в руке плеть. Жестокая улыбка играла на ее губах:

— Сейчас мы проверим, много ли ты знаешь о планах Тутмеса. Еще раз спрашиваю, ты будешь говорить?

Рыдания перехватили горло Дианы, она лишь молча покачала головой. Плеть со свистом опустилась на спину немедийки, оставив багровый след. Диана пронзительно вскрикнула.

— Что все это значит? — произнес низкий голос. В дверях стоял Конан, одетый в кольчугу поверх джуббы и с мечом в ножнах на поясе. Близко сойдясь с Танандой, он пользовался правом свободного доступа в ее покои. У Тананды было много любовников; убитый Амбула был из их числа, но никогда прежде она не встречала мужчину, чьи объятия дарили ей такое наслаждение. Ее страсть росла с каждой встречей.

Тем не менее сейчас она была недовольна.

— Всего-навсего девка с севера, которую Тутмес прислал мне в подарок, несомненно, с целью убить меня, отравив вино или что-нибудь в этом роде. Но я выбью из нее правду. Если ты пришел за любовью, возвращайся позже.

— Это не единственное, за чем я пришел, — усмехнулся Конан, обнажив зубы в волчьей ухмылке.

Надо решить еще один маленький государственный вопрос. Что это за безумная идея запустить черных во Внутренний Город на время сожжения Аахмеса?

— Почему безумная, Конан? Я покажу этим черным собакам, что меня не запугаешь. Я подвергну этого негодяя таким мучениям, что они навеки запомнят, как идти против меня! Мои божественные предки всегда так поступали. Прошу тебя, объясни, что ты имеешь против?

— Только одно: ты собираешься запустить во Внутренний Город несколько тысяч кушитов, а потом подогреть их ярость и жажду крови зрелищем пыток. Это может спровоцировать восстание, ибо твои божественные предки никогда не пользовались большой любовью в народе Куша.

— Я не боюсь этих черномазых!

— Может, и так. Но мне уже дважды приходилось спасать от них твою хорошенькую шейку, а в третий раз моя удача может изменить мне. Я только что пытался поговорить об этом с твоим министром Афари, но он объявил, что это твой приказ и он ничего не может поделать. Может, тебе все же стоит прислушаться к моему совету, раз уж твои приближенные так боятся тебя, что не рискуют говорить тебе неприятную правду?

— Ничего подобного! А теперь уходи и не мешай мне заниматься делом. Или, может, хочешь поучаствовать сам?

Конан подошел к Диане.

— У Тутмеса хороший вкус, — произнес он. — Но девочка напугана до полусмерти. Так ты не вытянешь из нее ничего стоящего. Отдай ее мне, и сама увидишь, чего можно достигнуть мягким обращением.

— Мягким обращением, это ты-то? Ха! Займись своими делами, Конан, и не лезь в мои. Лучше иди и подготовь стражу на сегодняшний вечер. — Тананда повернулась к Диане и резко произнесла:

— Говори, тварь, будь ты проклята! — И снова плеть со свистом рассекла воздух.

Двигаясь подобно дикому зверю, быстро, но без видимого усилия, Конан поймал Тананду за руку и вырвал у нее плеть.

— Пусти меня! — завопила она. — Ты осмелился применить ко мне силу? Я тебя... Я...

— Ты — что? — спокойно сказал Конан. Он швырнул плеть в угол, достал кинжал и перерезал веревку, связывавшую запястья Дианы. Слуги Тананды многозначительно переглядывались.

— Вспомни о своем королевском достоинстве, о Высочайшая! — ухмыльнулся Конан, поднимая на руки Диану.

— И не забудь, что со мной ты еще имеешь возможность удержаться на троне. А если меня не будет — ты знаешь сама. Увидимся на казни!

Он шагнул за порог, неся в руках немедийскую девушку. Вопя от ярости, Тананда схватила с пола свою плеть и швырнула ее вслед Конану. Рукоять ударила его по широкой спине и упала на пол.

— Только потому, что ее кожа белая, как рыбье брюхо, такая же, как у тебя, ты предпочел ее мне! — визжала Тананда. — Ты еще горько пожалеешь об этом!

Расхохотавшись, Конан вышел прочь. Тананда бросилась на мраморный пол, в бешенстве колотя его кулачками.

Чуть позже Шубба на колеснице Тутмеса проезжал мимо жилища Конана.

В изумлении он увидел Конана, несущего в руках обнаженную девушку. Шубба тряхнул поводьями и поспешил к своему господину.

6. НОЧНОЙ СОВЕТ

Зажглись первые светильники, и в покоях Тутмеса собрались Шубба, Муру и сам хозяин дома. Шубба завершил свой рассказ, с тревогой поглядывая на господина.

— Вижу, я недооценил подозрительность Тананды, — проговорил Тутмес. — Жаль, конечно, терять такое удобное орудие, как эта немедийка, ну да не всякий удар попадет в цель. Нам предстоит решить, что делать дальше. Кто-нибудь видел Агиру?

— Нет, господин, — отвечал Шубба. — Он исчез сразу после неудачного нападения на Тананду, что было весьма благоразумно с его стороны. Некоторые говорят, что он покинул Мероэ, по словам других, он прячется в храме Джуллаха, советуясь со своими духами сутки напролет.

— Если бы у нашей божественной королевы были хотя бы какие-нибудь мозги в ее божественной головке, она натравила бы дюжину здоровенных стражников на этот Дом Дьявола, а жрецов велела бы вздернуть на ближайшем дереве.

Его собеседники вздрогнули и отвели глаза.

— Знаю, знаю, все вы боитесь их духов и чар. Итак, решено: девчонка нам больше не нужна. Если у Тананды не вышло выбить из нее нашу тайну, то Конан может преуспеть в этом при помощи более мягкого обращения, а поскольку она теперь находится у него дома, то нам она больше неинтересна. Следовательно, она должна умереть. Муру, сможешь послать к ней своего демона в дом Конана, пока тот будет командовать стражей сегодня вечером?

— Да, господин, — отвечал кордафанец. — Надо ли мне велеть демону дождаться Конана, чтобы покончить с ним тоже? Ибо мне кажется, не быть тебе королем при жизни Конана. Пока он занимает пост начальника королевской стражи, он будет защищать ее, не жалея собственной жизни, несмотря на все их ссоры, потому что он обещал ее защищать.

Шубба кивнул:

— Даже если мы избавимся от Тананды, Конан по-прежнему будет стоять нам поперек дороги. Он вполне может сам усесться на трон. На самом деле он уже

является некоронованным королем Куша, будучи доверенным лицом королевы и ее любовником. Все его воины любят его и клянутся, что, несмотря на его белую кожу, он такой же черный, как они.

— Хорошо, — сказал Тутмес, — избавимся сразу от обоих. Я буду присутствовать на казни Аахмеса, и никто не сможет обвинить меня в убийстве девушки и Конана.

— Почему бы сразу не наслать демона и на Тананду? — вопросил Шубба.

— Еще не время. Сперва я должен добиться того, чтобы остальные высокорожденные поддерживали меня, а это будет нелегко сделать — многие из них сами мечтают о том, чтобы занять трон. Я хочу дождаться такого момента, когда мое право стать королем будет неоспоримо, и ради этого я готов потерпеть, а Тананда пусть работает против себя своими злобными выходками.

7. СУДЬБА КОРОЛЕВСТВА

Посреди главной площади Внутреннего Города был привязан к столбу князь Аахмес. Аахмес был полным, смуглокожим молодым человеком, чье полнейшее невежество в вопросах политики позволило Афари ложно обвинить его в заговоре.

Площадь освещалась кострами и факелами. Между королевским дворцом и столбом, к которому был привязан несчастный юноша, установили помост, на котором восседала Тананда. Вокруг нее в три ряда стояла стража. Огни отсвечивали красным на длинных наконечниках их копий и огромных щитах, ветер развевал перья их головных уборов.

Сбоку, во главе конных стражников, расположился Конан. Где-то вдалеке сверкнула молния.

Вокруг привязанного господина Аахмеса значительное количество стражников образовало пустое пространство, внутри которого королевский палач приводил в готовность орудия своего труда. Остальная часть площади была наводнена чернокожим народом Мероэ. На их темных лицах в свете костров угрожающе сверкали зубы и белки глаз. В первом ряду занял место Тутмес в окружении своих слуг.

Конан огляделся, его мучило недоброе предчувствие. Кто мог предугадать, что произойдет, когда в людях затронут первобытные инстинкты? Где-то в глубине его подсознания росло странное беспокойство. Время шло, но тревога не проходила, причем касалась она не королевы, а немедийской девушки, которую он оставил у себя дома. С ней сейчас была лишь чернокожая служанка, потому что для мероприятия на площади ему понадобились все его люди.

За те несколько часов, что он узнал Диану, Конан привязался к ней, насколько это было возможно. Милая, нежная, возможно, все еще девственница, она во всем была полной противоположностью страстной, жестокой и рассудочной Тананде. Конечно, Тананда была очень хороша как любовница, но в последнее время Конан подумывал, что предпочел бы кого-нибудь поспокойней, для разнообразия. Зная Тананду, он опасался, что она воспользуется его отсутствием дома и подошлет кого-нибудь убить немедийскую девушку.

Посреди площади палач раздувал небольшой костер. Он вынул из огня нечто, светящееся багрово-красным светом в темноте. Он приблизился к осужденному. Конан не слышал происходящего из-за ропота толпы, но он знал, что сейчас палач задает Аахмесу вопросы о заговоре. Пленник покачал головой.

В этот момент словно какой-то голос заговорил внутри Конана, понуждая его вернуться домой. Прежде, в одной из стран, Конан слышал рассуждения магов и философов о существовании духов-хранителей и о возможности передачи мыслей на расстояние. Тогда Конан не обращал особого внимания на подобные разговоры, так как считал их безумными. Теперь же он начинал понимать, что они имели в виду. Он попытался отмести это чувство как обычную галлюцинацию, но ощущение вернулось сильнее, чем прежде.

В конце концов Конан обратился к своему помощнику:

— Монго, прими командование вместо меня, мне нужно уйти.

— Куда ты, господин Конан? — спросил черный воин.

— Хочу объехать улицы, проверить, все ли спокойно и не прячется ли какая-нибудь шайка заговорщиков

в темноте. Следи за происходящим, а я скоро вернусь.

Конан развернулся и пустил коня рысью, пересекая площадь. Люди расступались, пропуская его. Мучающее его ощущение продолжало усиливаться. Когда он подъехал к своему жилищу, прозвучал раскат грома.

В доме было темно, не считая слабого света в глубине комнат. Конан спешился, привязал коня и вошел, положив руку на рукоять меча. В эту секунду он услышал испуганный крик, в котором узнал голос Дианы.

Изрыгая проклятья, Конан ринулся вперед, выхватывая меч. Крик доносился из жилой комнаты, освещаемой лишь единственной горящей в кухне свечой.

Добежав до двери в комнату, Конан застыл, ошеломленный представшим перед ним зрелищем. В углу покрытого леопардовыми шкурами ложа дрожала Диана. Ее голубые глаза были полны ужаса.

В центре комнаты клубился серый туман, постепенно приобретая форму. Уже можно было различить звериные лапы и покрытые шерстью плечи. Конан с отвращением увидел огромное, похожее на свиное, щетинистое рыло с острыми как бритва резцами.

Чудовище возникало прямо из воздуха под влиянием неведомой магической силы. В памяти Конана всплыли древние легенды, передаваемые испуганным шепотом, о кошмарных тварях, населяющих тьму и убивающих с нечеловеческой жестокостью. На долю секунды примитивный страх шевельнулся в сердце Конана, заставив его смутиться. Затем в приступе ярости он прыгнул вперед, чтобы принять бой, и наткнулся на тело черной служанки, потерявшей от страха сознание и лежащей у самого порога. Конан споткнулся, меч вылетел из его руки.

В тот же миг чудовище со сверхъестественной скоростью развернулось и напало на Конана. Поскольку Конан упал и растянулся на полу комнаты, чудовище пролетело мимо и ударилось о противоположную стену в коридоре.

В мгновение ока оба были на ногах. Чудовище вновь прыгнуло на Конана, и сверкнувшая за окном молния осветила его огромные клыки. Киммериец нанес левым локтем удар в челюсть, правой нашаривая кинжал.

Волосатые лапы демона сжали Конана смертельной хваткой, и, будь он послабее, спина его была бы сломана. Конан услышал треск одежды, разрываемой когтями демона, несколько звеньев его кольчуги отлетели с металлическим звоном. По весу Конан не уступал чудовищу, но сила его была невероятной. Напрягая каждый мускул, Конан чувствовал, как его левую руку заламывают все дальше и дальше, таким образом, что чудовищное рыло приблизилось вплотную к его лицу.

В полутьме они топтались, напоминая нелепый танец. Конан нашаривал кинжал, а чудовищные клыки приближались. Киммериец осознал, что, поскольку его пояс сдвинулся, ему будет не достать кинжал. Силы начали покидать его, как вдруг он ощутил, как нечто холодное коснулось его правой руки. Это был меч, который Диана подобрала с пола и теперь сунула ему в руку.

Отведя назад правую руку, Конан нацелился и ударил со всей силы по телу своего противника. Шкура демона была удивительно прочной, но все же лезвие меча сделало свое дело. Лязгнув челюстями, чудовище издало звериный рык.

Конан рубил снова и снова, но казалось, что демон даже не чувствует стальных ударов. Лапы его подтягивали к себе Конана ближе и ближе, в объятии, способном сокрушить кости самого крепкого человека. Острейшие клыки вплотную приблизились к лицу Конана. Кольчуга с треском и звоном рвалась под ударами когтей. Вот уже когтистые лапы добрались до его одежды, вонзились в его тело, оставляя глубокие кровавые полосы на его взмокшей от пота спине. Из ран чудовища сочилась странная жидкость, непохожая на кровь живых существ.

Напрягаясь из последних сил, Конан ударил обеими ногами в брюхо зверя и вырвался из смертоносных объятий. Кровь ручьем стекала с него на мраморный пол. И когда демон, раскинув обезьяноподобные лапы, приготовился вновь схватить киммерийца, Конан отчаянным усилием поднял меч над головой обеими руками и обрушил его на шею чудовища. Лезвие вошло почти до половины. Подобного удара могло бы хватить на двух или трех врагов, принадлежавших к человеческому роду. Но здесь Конан имел дело с нечеловеческим существом, и

мощь его намного превосходила мощь любого смертного существа.

Демон зашатался и рухнул на пол. Конан с трудом перевел дух, кровь капала с лезвия меча, и тут Диана обвила его шею руками:

— О, я так рада... Я молилась Иштар, и она спасла тебя...

— Ну, ну, — с грубой нежностью проворчал Конан, успокаивая девушку. — Может, я выгляжу не лучшим образом, но стоять еще могу.

Тут он внезапно вырвался из объятий девушки, глаза его широко открылись в изумлении. Мертвая тварь поднималась, голова болталась из стороны в сторону на полуотрубленной шее. Неуверенно, шаг за шагом, демон пересек комнату, перевалил через все еще лежащую в обмороке черную служанку и исчез в ночной тьме.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан. Оттолкнув в сторону девушку, он прорычал: — Потом, после! Ты милая девушка, но я должен догнать эту тварь. Это тот самый пресловутый ночной демон, и я выясню, откуда он появляется!

Он выскочил на улицу и обнаружил, что конь исчез. По обрывкам веревки, которая привязывала его, Конан понял, что животное насмерть перепугалось при виде ночного демона и, в панике оборвав поводья, унеслось прочь.

Через какое-то время Конан вновь появился на главной площади. Он пробивался сквозь возбужденно ревущую толпу, и тут он увидел ночного демона, который с трудом добрался до места, где находились приближенные Тутмеса, и рухнул к ногам кордафанца. Тело его содрогнулось в последний раз, и, умирая, он положил свою уродливую голову на ноги своего хозяина.

Толпа разразилась воплями ярости, осознав, кто насылал на Мероэ страшного ночного убийцу. Не обращая внимания на стражу, охранявшую место казни, со всех сторон потянулись к Муру руки разгневанных людей. Среди сплошного рева толпы Конан различил призыв:

— Убить его! Он хозяин демона! Убейте его!

Наступила внезапная тишина. На пустом месте возник Агира, его бритая голова была раскрашена так, что напо-

минала череп. Он, казалось, возвышался над остальной толпой.

— Какой смысл уничтожать орудие и оставить в живых его хозяина? — резким голосом выкрикнул он и указал на Тутмеса.

— Вот тот, кому служит кордафанец! Это по его приказу демон убил Амбулу! Мои духи в тишине священного храма Джуллаха все рассказали мне! Убейте его тоже!

Когда множество рук потянулось к закричавшему Тутмесу, Агира протянул руку в сторону помоста, на котором восседала королева:

— Убивайте их всех! Освободитесь от них! Убейте господ! И вы будете не рабами, но свободными людьми! Смерть им, смерть, смерть, смерть!

Конан с трудом устоял на ногах, когда озверевшая толпа заметалась в разные стороны, и то тут, то там раздавался крик высокородного, которого толпа убивала с жестокостью, присущей диким зверям.

Конан пытался пробить себе дорогу к конным стражникам, с помощью которых он все еще надеялся восстановить порядок. Но тут он увидел картину, которая заставила его пересмотреть свое решение. Один из королевских стражников обернулся и со всей силы метнул копье в королеву, которую ему полагалось защищать. Копье прошло насквозь как сквозь масло. Секундой позже еще дюжина копий полетела в ее прекрасное тело. При виде гибели своей правительницы остальные конные стражи тут же присоединились к черному населению Куша. Началось массовое истребление правящей касты. Завладев чьим-то конем, Конан поспешно вернулся в свой дом. Он привязал животное, ворвался в комнату и достал из тайника мешок с монетами.

— Уходим! — рявкнул он, обернувшись к Диане. — И где, во имя Крома, мой щит? А, вот он!

— Но разве ты не возьмешь с собой все эти драгоценные вещи?

— Нет времени, черные восстали. Захвати буханку хлеба. Поедешь сзади меня, будешь держаться за мой пояс. Вперед!

Неся на своей спине двойную ношу, конь тяжелым галопом пересек Внутренний Город, оставляя позади себя

преследующих и преследуемых, грабителей и повстанцев. Какой-то человек попытался схватиться за луку седла, сорвался и с диким воплем исчез под копытами коня, остальные разбегались в разные стороны, освобождая проезд. Вот уже остались позади бронзовые ворота, за которыми пылали дома знати, напоминая ярко-желтые пирамиды из огня. Гремел гром, сверкали молнии, и дождь лил как из ведра.

Часом позже дождь поутих. Моросило, конь замедлил шаг.

— Мы все еще едем по стигийской дороге, — заметил Конан, вглядываясь в окружавшую их тьму. — Когда дождь пройдет, мы сделаем остановку, надо просушить одежду и поспать немного.

— Куда мы едем? — произнес по-детски нежный, высокий голосок Дианы.

— Не знаю, но я устал от черных стран. Эти черные так же неисправимы, как варвары моей родной страны. Я подумываю попытать счастья среди более цивилизованных народов.

— А что будет со мной?

— А что бы ты хотела? Я могу доставить тебя домой, но можешь остаться со мной, если хочешь. Выбирай.

— Я думаю, — тихо произнесла она, — что, несмотря на дождь и все такое, мне хорошо с тобой.

Конан молча усмехнулся и пустил коня рысью сквозь ночной мрак.

КИММЕРИЯ

Я помню...

Я помню шкуру мокрую лесов
На ребрах гор, угрюмых и безмолвных.

Я помню вечный полог серых туч,
Дождей беззвучный плач с утра до ночи
И ветра стон неслышный средь теснин.

Сюда не пробивался солнца луч,
В те сумерки с рассвета до заката.
Был мрак ночной, но не было луны
И звезды не мерцали сквозь туманы.

Там голос глох, и застывал там звук.
Ручьи журчали еле в хмурых чащах,
И листья перешептывались тихо
Средь мрачного молчания лесов.
Все монотонно, все однообразно.

За лесом — лес, за склоном — новый склон,
А за хребтом — другой. И дальше — то же.
Унылый мир. Коль смог бы взобраться
На голую вершину, пред тобой
Открылись бы опять за склоном — склон.
За лесом — лес, как братья-близнецы.

Суровый край. Казалось, будто всем
Ветрам, и снам, и тучам, что бежали
От гнева солнца,— всем он дал приют
В своих глухих и непролазных дебрях

Меж древних гор... И называлась эта
Земля, что не видала света дня,
Киммерией, Страной Извечной Тени.

Слизало время с лика мира все.
Забыл я даже, как тогда я звался.
Топор кремневый, верное копье,
Охоты, войны — только сны. Я помню
Одни лишь бесконечные леса
Да туши туч на сумрачных вершинах.
Как тяжела ты, призрачная память
Киммерии, Страны Извечной Тени!

Перевод Сергея Троицкого

Бран МакМорн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как вынести будней серый ряд
И повседневности пытку,
Когда в душе моей гремят,
Гремят барабаны пиктов?..

Есть у меня одно хобби, с которым и сам я до сих пор как следует не разобрался. Я, собственно, не собираюсь напускать эзотерического или мистического тумана, но факт есть факт: ни объяснить, ни даже понять это увлечение я не в состоянии. Речь идет о моем интересе к некоему народу, который я краткости ради определял для себя словом ПИКТЫ. Конечно, я понимаю, что подобное использование данного термина проблематично. Народ, известный историкам как «пикты», разные источники именуют то «кельтами», то просто «аборигенами», то даже «германцами». Некоторые маститые ученые настаивают, что они пришли в Британию позже бриттов, непосредственно перед появлением гэлов. «Дикие гэллоуэйские пикты», часто фигурирующие в ранних шотландских хрониках и особенно в легендах, всего вероятнее, представляли собой народ весьма смешанный. Надо полагать, основу его составляли кельты — как кимры, так и гэлы. Говорили же они скорее всего на искаженном кимрском, подвергшемся мощному влиянию гэльского, а также местных диалектов. Эти последние наверняка были густо сдобрены германо-скандинавскими элементами. Осмелюсь даже предположить, что термин «пикты» изначально имел отношение всего к одному кочевому кельтскому племени, которое на некоторое время обосновалось в Гэллоуэе, а там было покорено местным населением и влилось в его состав.

Однако лично для меня слово «пикты» всегда относилось к низкорослым аборигенам Британии, имевшим средиземноморское происхождение. Ничего странного здесь нет: когда мне впервые довелось читать об этих самых

аборигенах, мои источники называли их не иначе как «пиктами». Вот мой неувядаемый интерес к ним — это действительно странно.

Впервые я встретился с ними, изучая шотландские летописи, причем упоминания были, как правило, недоброжелательного свойства. Следует заметить, что мои детские исторические изыскания были сугубо отрывочны и бессистемны. Я ведь жил в краю, где добыть подобные книги было непросто. Однако скоро я сделался энтузиастом шотландской истории и читал на эту тему все, что ни попадало мне в руки. Я чувствовал себя кровным родственником горцам в клетчатых юбках-килтах, да так оно на самом деле и было, ведь в моих жилах есть толика шотландской крови.

В те времена мне попадались все больше сжатые и краткие изложения. Пикты в них упоминались редко и сугубо отрывочно, только в тех случаях, когда они сталкивались со скоттами (и, как правило, терпели от них поражение). Английская же история видела в них в первую очередь причину, понудившую бриттов пригласить из-за моря саксов. Наиболее полным описанием этого народа, встретившимся мне тогда, было краткое сообщение английского историка, что пикты, мол, суть звероподобные дикари, ютящиеся в глинобитных лачугах. Что же касается антропологических описаний, то дело не шло далее рассказа о внешности Роб Роя. Упомянув о сверхчеловеческой длине его рук, автор походя уподобил его древним пиктам, коротко отметив «по-обезьяньи коренастое» телосложение этих последних.

Таким образом, вы сами видите, что сведения о пиктах, почерпнутые мною в те ранние годы, очень мало способствовали восторгам в отношении этого племени.

Однако потом, когда мне было лет двенадцать, вышло так, что я прожил некоторое время в Новом Орлеане. И там, в библиотеке на Кэнал-стрит, мне попалась книга, развернувшая передо мной пышную панораму британской истории, начиная с незапамятных времен и кончая, если память мне не изменяет, норманнским завоеванием. Книга, предназначенная школьникам, была написана живым романтическим языком (хотя подозреваю, что дело не обошлось без множества исторических неточностей). Как

бы то ни было, именно тогда я впервые прочел о низкорослом смуглом народе, ранее всех других пришедшем в Британию, и этот-то народ именовался пиктами. Я уже давно ощущал странный, волнующий интерес и к термину, и к тем, кого им обозначали, теперь же этот интерес превратился в пламенное увлечение. И это при том, что автор, как и его предшественники, не жалел черной краски! Пикты в его изображении представали хитрым и скрытным народцем, вовсе не склонным к богатырским подвигам в открытом бою и во всех отношениях уступавшим племенам более поздним — что, вне всякого сомнения, было верно. И тем не менее! И тем не менее я, что называется, не сходя с места, определил для себя именно пиктов в качестве связующего звена между «нынешними» и «незапамятными» временами. В своем воображении я сделал их могучим племенем, овеянным древней славой, наделил богатой историей с минувшим величием и, в довершение, придумал им великого предводителя — некоего Брана МакМорна. Должен признаться, я отнюдь не блеснул воображением, сочинив подобное имя для персонажа, который, казалось, ворвался в мое воображение со всеми своими чертами и свойствами прямо из ниоткуда. Многие короли, упоминаемые в пиктских хрониках, имеют гэльские имена, но, чтобы не было противоречий с моей полувоображаемой версией пиктов, я решил наречь великого предводителя как-нибудь так, чтобы сразу сквозила не-арийская древность. «Браном» я назвал его в честь другого своего любимого исторического персонажа: галла по имени Бренн, захватившего Рим. Вторую часть, «МакМорн», мне подарил знаменитый ирландский герой — Гол МакМорн. Я изменил лишь одну букву, сменив (в латинском написании) *Mac* на *Mak*. Дело в том, что в гэльском алфавите отсутствует буква *«k»*; звук «к» всегда передается буквой *«c»*. Поэтому, в то время как имя *«Bran Mac Morn»* является чисто гэльским и означает «Ворон, сын Морна», *«Bran Mak Morn»* с точки зрения гэльского языка — полная бессмыслица. Но гэльский смысл ему и не нужен. У него есть свой, и притом уходящий в бездны времени, далеко за пределы летописной истории. Сходство же с гэльским есть чистое совпадение, и не более!

...Так вот, Бран МакМорн, будучи однажды создан моим воображением, с течением времени нисколько не изменился. Внешне это мужчина среднего роста, безотчетно напоминающий пантеру, с непостижимыми черными глазами, черными волосами и смуглой кожей. Читая о пиктах, я всегда мысленно принимал их сторону в сражении против захватчиков — кельтов и германцев, хотя сам я и по своему типу, и по происхождению принадлежу именно к этим последним. Однако мой интерес к странному первобытному племени, особенно в годы мальчишества, доводил меня прямо-таки до недовольства моей «нордической» внешностью. И если бы мне было дано вырасти таким, каким я в детстве мечтал, я был бы маленьким, коренастым, с толстыми узловатыми руками и ногами, черными глазами-бусинами, низким покатым лбом, тяжелой челюстью и прямыми жесткими черными волосами. Ибо такова была, по моим представлениям, наружность типичного пикта. Мой детский каприз коренился вовсе не в восхищении какой-либо конкретной личностью, которой были бы присущи такие черты. Все дело в «средиземноморской расе» — самых первых британцах.

Еще важное обстоятельство: мой интерес к пиктам всегда нес на себе четкий отпечаток фантазии. Я хочу сказать, что никогда не относил себя к ним с той степенью реальности, как к ирландцам или горцам Шотландии. Нет, от этого они не становились менее живыми. Просто, когда несколько позже я начал писать о них, это был все же до некоторой степени взгляд чужака. Так, в своем первом произведении про Брана МакМорна («Люди теней») я все показывал глазами наемника-гота, служившего в римской армии. До этого я писал длинную поэму, где мой персонаж впервые, так сказать, соприкоснулся с бумагой. Там все было от лица римского центуриона, стоящего на страже Адрианова Вала (поэму я так и не закончил, а рукопись оказалась утеряна). Главным героем «Затерянной расы» был бритт; в «Повелителях ночи» — гэльский принц. Лишь в последнем повествовании о Бране («Порождения Бездны») решился я смотреть на вещи глазами пикта и говорить на его языке!

«Повелители ночи» рассказывают о стремлении Рима покорить диких жителей Каледонии. И сюжет, и персо-

нажи вымышлены, но реалии характеров и эпохи исторически достоверны. Римлянам, как вам известно, так и не удалось отодвинуть свои границы сколько-нибудь далеко в глубь вересковых пустошей; после нескольких безуспешных попыток они отступили южнее, за Вал. Подобный разгром не мог быть достигнут иначе как мощным соединенным усилием вроде того, которое я описал; я имею в виду временный союз между гэлами, кимрами, аборигенами и, возможно, даже германцами. Я, кстати, совершенно уверен, что постепенное проникновение германских поселенцев в восточную Каледонию началось гораздо раньше знаменитых нашествий, в свое время захлестнувших латинизированные страны.

В «Порождениях Бездны» я вновь отдал должное непреходящей борьбе Брана с римским владычеством. Здесь надо заметить, что в ином контексте мне его просто трудно представить. Иногда мне даже кажется, что Бран — просто символ моей неприязни к империи. Неприязнь же эту понять еще труднее, чем увлечение пиктами и симпатию к ним. Возможно даже, что именно нелюбовь к Риму объясняет все остальное. Дело в том, что название «пикты» я в первый раз увидел на карте, и встречалось оно всегда *вне* границ империи, раскинувшейся на полмира. Это уже показалось мне весьма значительным, а значит, и интересным. Самый факт такого противостояния подразумевал жуткие войны! Бешеные наскоки, свирепое сопротивление... мужество, ярость и героизм! Я же инстинктивно чувствовал себя противником Рима. Ну и что могло быть естественнее стремления в некотором смысле объединиться с его врагами? Особенно с такими, которые так стойко и успешно сопротивлялись всем попыткам принудить их к покорности! Когда я во сне (именно во сне, а не в дневных мечтах!) давал отчаянный бой закованным в латы римским легионерам и израненным выходил из проигранного сражения — мое воображение посещала картина сродни видению некоего еще не рожденного грядущего мира. Я видел карту, половину которой занимала необозримая Римская империя, а за пределами границ, недосягаемые для пут рабства, виднелись слова — «ПИКТЫ И СКОТТЫ»! И всякий раз меня посещала мысль, придававшая силы и мужества: там, у пиктов, смогу я найти

убежище от врагов, зализать раны и обрести силы для новых сражений!

Когда-нибудь я напишу приличных размеров повесть о той далекой туманной эпохе. Давая себе свободу, насколько это прилично писателю-историку, я подумываю примерно о следующем сюжете. Медленно слабеет в Британии римское влияние, зато нарастает поток германских переселенцев с востока. Эти последние высаживаются на восточном побережье Каледонии и постепенно продвигаются к западу, пока дело не доходит до бурных столкновений с гэлами, издавна обитающими в западной части страны. И вот тогда, на развалинах до-арийской пиктской державы, оказавшейся между молотом и наковальней, сходятся в беспощадной борьбе два воинственных племени... чтобы вскоре объединиться против общего врага — захватчиков-саксов. Я полагаю, персонажами повести окажутся скорее целые нации со своими правителями, нежели отдельные личности.

А самое вероятное, что я так никогда ее и не напишу...

Роберт И. Говард

Кororак огляделся по сторонам и прибавил шагу. Нет, он не был трусом. Просто это местечко ему не нравилось. Повсюду кругом вздымались рослые деревья, затмевавшие густыми сучьями солнечный свет. Едва различимая тропа петляла туда и сюда между стволами и временами выводила на край глубокой ложбины или оврага. Тогда Кororак видел внизу под собой макушки деревьев. Иногда же перед ним открывалась прогалина, и он замечал неприветливые кряжи, синевшие у далекого горизонта. Он знал, что это были отроги угрюмых Корнуэлльских гор, лежавших много дальше на запад.

В горах, как полагали люди, свил себе гнездо Берак Жестокий — разбойничий вождь, сделавший те места небезопасными для путешественников. Кororак поудобнее перехватил копье и пошел еще быстрее. Он спешил не только из страха перед головорезами; ему не терпелось как можно скорее оказаться в родных краях. Кororак был отправлен с тайным посланием к диким корнийцам и вот теперь возвращался домой. И хотя он более-менее преуспел в своей миссии, задерживаться в негостеприимных краях дольше необходимого ему совсем не хотелось. Путешествие и так оказалось куда как долгим и утомительным, а ему еще предстояло топать на своих двоих чуть не поперек всей Британии. Кororак огляделся в очередной раз, во взгляде его было отвращение. Как хотел бы он очутиться в родных лесах, где пели птицы и стремительно проносились олени!.. Как он соскучился по высоченным белым утесам, подножия которых ласкала голубая волна!.. А здесь... Ну можно жить там, где нет

птиц и не видно зверей? Не говоря уж о том, как давно ему не попадалось никаких признаков человеческого жилища...

Кororак шел один: его спутники остались наслаждаться дикарским гостеприимством при дворе корнийского предводителя. Они не торопились домой — в отличие от Кororака, который не стал никого дожидаться и один двинулся в путь.

Дорога была небезопасной, но Кororак и сам мог смутить каких угодно врагов. Он был около шести футов ростом, худой, мускулистый и крепкий. Он считал себя кельтом, но серые глаза говорили о бриттском наследии, а соломенные волосы — черта, присущая всему его роду, — выдавала примесь белгской крови. Одежда Кororака была сработана из прекрасно выделанной оленьей кожи; в те времена кельты еще не достигли в ткачестве вершин совершенства, а посему большинство предпочитало облачаться в традиционные кожаные одеяния.

Оружие Кororака составлял длинный тисовый лук — безыскусный, но грозный, — а кроме того, длинный бронзовый меч в кожаных ножнах, бронзовый же кинжал и небольшой круглый щит, окованный по краю бронзовой полосой и обтянутый прочной бычьей шкурой. Голову прикрывал бронзовый шлем. На щеках и на руках воина неяркой синей краской были нанесены символы, непонятные непосвященному.

Чисто выбритое, открытое и честное лицо сочетало в себе лучшие черты, присущие тогдашним британцам. Проницательность и целеустремленность, присущие северянам, дополнялись отчаянным мужеством и мечтательным воображением кельта. Вот такой человек шел по дремучему лесу: собранный, настороженный, в любой момент готовый и к смертельной схватке и к бегству. Больше всего он, однако, желал, чтобы его в ближайшее время не вынудили ни к тому, ни к другому.

...Тропинка отвернула от края оврага и пропала из глаз за стволом лесного гиганта. И вот оттуда-то, из-за необъятного ствола, и донесся до ушей Кororака неожиданный шум ожесточенной борьбы!

Первой мыслью воина была мысль об эльфах и гномах, что населяли, по слухам, здешние дебри. Он осторожно

и бесшумно двинулся вперед, желая посмотреть, что же происходило за деревом.

Его глазам предстала поистине удивительная картина. Он увидел крупного волка, что стоял, ощетинясь, под деревом и явно готовился дорого продать свою жизнь; кровь стекала из рваной раны у него на плече. А напротив волка, прижавшись к земле, подобралась для прыжка большая пантера!.. Кororак невольно спросил себя, что могло послужить причиной подобной схватки: грозные повелители леса не очень-то часто сходились в смертельном единоборстве. Однако еще больше удивило его поведение громадной кошки. Она свирепо и кровожадно урчала, но слух Кororака различил в ее голосе нотки необъяснимого страха. Пантера давно изготовилась для прыжка, но почему-то медлила. Почему?..

С какой стати Кororаку понадобилось вмешиваться в дело на стороне волка, он и сам не взялся бы объяснить. Скорее всего, его подвигнуло на это врожденное рыцарство кельта: волк, бестрепетно противостоявший гораздо более сильному недругу, не мог не внушать невольного восхищения. Так или иначе, но Кororак вмиг позабыл про свой лук, как, впрочем, с ним в подобные моменты чаще всего и бывало. Настоящие воины первым делом хватаются за меч. Кororак так и поступил и, выхватив его из ножен, прыжком оказался нос к носу с пантерой. Однако пустить меч в ход ему не пришлось. Пантера, чья решимость и без того была изрядно поколеблена, издала отчаянный вопль... и с такой быстротой исчезла в кустах, что Кororак невольно спросил себя, действительно ли он только что видел перед собой пушистую хищницу. Быть может, ему померещилось?.. Он оглянулся и поискал глазами волка: чего доброго, еще вцепится в спину. Волк внимательно смотрел на него, слегка прижавшись к земле. Потом медленно отошел от дерева, пятясь, отступил на несколько шагов прочь... и наконец, повернувшись, странной неуклюжей рысью удалился в чащу, пропав между деревьями. Воин проводил зверя взглядом, и ему сделалось не по себе. Он повидал на своем веку немало волков. Ему случалось и охотиться на волков, и самому уносить от них ноги. Но таких... Нет, таких он ни разу еще не видал!

Кororак немного помедлил, потом осторожно пошел за зверем, благо следы отпечатались в мягкой лесной земле ясно и четко. Он не спешил и не стремился догнать — просто шел туда же, куда и волк. Однако спустя краткое время он резко остановился, чувствуя, как зашевелились волосы на затылке. Следы передних лап куда-то пропали. *Волк шел на задних лапах, как человек!..*

Кororак затравленно огляделся. Ни звука. Лес зачарованно молчал. Здравый смысл властно повелевал воину повернуться и сломя голову бежать как можно дальше от страшноватой загадки... однако любопытство — природное свойство всех кельтов — оказалось сильнее. Он шел дальше по следу, пока тот не пропал. Следы исчезали у подножия огромного дерева... Кororак почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. *Что это за лес? Какие силы здесь властвуют?.. А вдруг меня манит за собой, уводя прочь с дороги, какое-то страшное лесное чудовище? Оно заведет меня в ловушку, чтобы...* Кororак попятился прочь, на всякий случай держа меч наготове. Ему потребовалось собрать в кулак все свое мужество, чтобы не пуститься наутек во все лопатки. В конце концов он снова оказался у того самого дерева, под которым видел волка. Тропа, по которой он ранее шел, вела прочь, и Кororак стремительно зашагал, почти побежал по ней дальше. Уж очень неуютно он чувствовал себя там, где волки разгуливали на задних лапах, а после и вовсе таяли в воздухе!..

Тропа начала петлять еще прихотливее прежнего, умудряясь пропадать и возникать снова на какой-то дюжине футов. Однако для Кororака это обернулось во благо: он услышал голоса шедших навстречу людей и таким образом обнаружил их прежде, чем они успели заметить его. Кельт проворно вскарабкался на большое дерево, стоявшее по соседству с тропой, и распластался на нависавшем суку.

По лесной дорожке шагали трое мужчин.

Один оказался сущим великаном, далеко за шесть футов ростом, с длинной рыжей бородой и нечесаными космами такого же цвета. Из-под густых бровей поблескивали черные бусины глаз. Великан был облачен в оленьи шкуры и вооружен громадным мечом.

Двое его спутников являли собой полную противоположность друг дружке: долговязый малый вполне негодяйского вида (да еще одноглазый в придачу), и рядом с ним сморщенный коротышка. У этого были два глаза, зато оба — косые. Что его, понятно, не очень-то украшало.

Кororак узнал всех троих благодаря словесным описаниям, которыми, щедро перемежая отборными ругательствами, снабдили его корнийцы. И вот теперь, поняв, что судьба предоставила ему случай пристально рассмотреть первейшего живодера во всей Британии, Кororак преисполнился такого любопытства, что соскользнул со своего сука и приземлился на тропу как раз между ними!..

Он мгновенно вскочил на ноги, держа перед собой меч. Он знал, что на пощаду рассчитывать не приходилось. Ибо рыжеволосый был не кто иной, как Берак Жестокий, гроза и ужас Корнуолла!

Разбойничий вожак грязно выругался и рванул из ножен свое чудовищное оружие. Кельт сделал стремительный выпад, но Берак увернулся, проворно отскочив назад. И сражение закипело! Берак нападал спереди, стремясь опрокинуть противника грубой мощью и бешеным натиском. Одноглазый скользнул прочь, желая зайти со спины, коротышка же отступил в лес.

Высокое искусство фехтования было неведомо воинам тех далеких времен. Они просто рубили и кололи, вкладывая в каждый размах вес всего тела, всю силу руки. Наконец страшный удар в щит опрокинул Кororака наземь, и долговязый прыгнул вперед — прикончить. Кororак вертанулся на спине, не вставая, подсек разбойнику ноги, да еще успел проткнуть мечом падающее тело. И, откатившись, вскочил как раз вовремя, чтобы увернуться от Беракова меча. Стремительное движение щита перехватило удар меча и отвело его в сторону. Мгновенный взмах... и рыжеволосая голова слетела с плеч великана!

Кororак обернулся, поискал глазами коротышку и увидел, как тот исчезал между деревьями. Он помчался было следом, но разбойник успел скрыться в лесу. Ловить его было бесполезно. Кororак оставил погоню и во всю прыть припустил вперед по тропе. Он отлично понимал, что впереди вполне могли оказаться еще разбойники. Но если он вообще хотел выбраться из проклятого леса, с этим

следовало поспешить. Удравший мерзавец уж точно переполошит всю шайку, так что скорой погони не избежать...

Довольно долго Кororак бежал по тропе, но никаких врагов не было ни видно, ни слышно. Тогда он остановился и, присмотрев дерево, превосходившее высотой всех соседей, залез на его верхние ветки и огляделся.

Сколько хватало глаз, его окружал океан зеленой листвы. К западу виднелись холмы, те самые, которые он так хотел обойти стороной. На севере, далеко-далеко, виднелась другая гряда. На юге лес уходил прямо-таки в бесконечность... А вот на востоке зеленая чаща постепенно редела, сменяясь тучной равниной. Другое дело, что туда было еще шагать и шагать. Кororак не взялся бы даже приблизительно прикинуть расстояние. Он знал только, что теми местами путешествовать было не в пример приятнее, чем здесь. Там стояли деревни, и в них жили люди его племени. Глядя вокруг, Кororак даже удивился, как широко раздвинулся горизонт. Потом сообразил, что всему причиной была непомерная высота дерева, давшего ему приют.

Прежде чем спускаться, он еще обозрел ближайшие окрестности. Ему удалось рассмотреть тонкую стежку тропинки, по которой он сюда пришел. Она убегала как раз на восток, пересекаясь с другими тропами и время от времени разветвляясь. Присматриваясь, Кororак заметил, как там, впереди, что-то блеснуло. Он нашел глазами небольшую прогалину и через некоторое время увидел, как через нее проследовал отряд вооруженных людей. Кororак подождал еще немного... То там, то сям на тропинках поблескивало оружие и шевелилась листва. Стало быть, косоглазый ханурик переполошил-таки своих дружков... Они были повсюду. Кororак понял, что его окружили.

Тут его внимание привлек ослабленный расстоянием хор яростных выкриков, донесшихся с той стороны, откуда он прибежал. Значит, разбойники успели оценить место схватки, но обнаружили, что сделали это слишком поздно: птичка вылетела из западни. Однако радоваться было особо нечему: преследователи заполонили весь лес.

Кororак быстро спустился с дерева и осторожно заскользил дальше сквозь чащу... Начиналась наиболее волнующая охота из всех, в которых ему приходилось участвовать. На сей раз дичью был он сам, а головорезы

Берака — охотниками. Кororак то крался от куста до куста, то несся стрелой, то припадал к земле, ища укрытия. И при этом старался все время двигаться на восток. Ему совсем не хотелось, чтобы его загнали обратно в глубь леса. «Охотники» то и дело вынуждали его сворачивать с кратчайшей дороги. Он петлял и терял время, но упрямо выдерживал общее направление — на восток!

Порою, когда он замирал в кустарнике или на пушистых ветвях, разбойники проходили до того близко, что он мог бы дотронуться до них рукой. Раз или два им удавалось заметить его, и тогда он удирал, как олень, перелетая через кусты и валежник. Ему везло.

Во время одного из таких рывков он влетел в теснину между небольшими холмами, не замеченными им сверху. Оглянувшись через плечо, он увидел, что преследователи почему-то остановились, хотя ничто вроде бы не мешало им продолжить погоню. Кororаку недосуг было размышлять об их удивительном поведении. Он рванулся в сторону, за большой валун, его нога запуталась в побегах дикой лозы (по крайней мере, так ему показалось), и он полетел наземь, растянувшись во весь рост. Он успел почувствовать сильный удар в голову...

И потерял сознание.

Придя в себя, Кororак обнаружил, что связан по рукам и ногам. Еще он почувствовал, что его куда-то несут по весьма неровной дороге. Он открыл глаза и начал оглядываться... Его в самом деле несли на плечах, но людей, подобных его похитителям, он поистине никогда еще не видал. Самые высокие из них едва достигали четырех футов роста. Очень смуглые, черноглазые, они в большинстве своем сильно сутулились, как если бы им всю жизнь приходилось сгибаться в три погибели, скрываясь в засадах. Об этом же говорила и привычка то и дело украдкой озираться по сторонам. Странное воинство было вооружено небольшими луками, копьями и кинжалами, причем все клинки были сработаны не из кое-как освоенной бронзы, а из кремня и обсидиана, обточенного с редкостным мастерством. Одежду мужчин составляли прекрасно выделанные шкурки кроликов и других мелких

животных, а также толстая ткань. Многих буквально с головы до пят покрывала красная и синяя татуировка. Всего в отряде было человек двадцать... Что за народ? Кораракникогда ничего подобного не встречал.

Они спускались в теснину, сжатую с обеих сторон высокими скалами. Потом впереди обнаружился тупик; ущелье перегораживала глухая каменная стена, никакого выхода не было видно. Здесь, по приказу старшего, они опустили пленника наземь и, дружно ухватив большой валун, потянули его в сторону. Открылся узкий проход, уводивший, казалось, в самые недра земли. Странные воины снова подняли Кораракаи двинулись дальше.

При мысли о том, что вот сейчас его уволокут куда-то в неведомую пещеру, волосы у кельта поднялись дыбом. Кто же это такие?.. Кораракслучалось путешествовать по всей Британии, по всей Альбе, он бывал в Ирландии и Корнуолле, но это... Гномы, живущие под холмами! На лбу молодого воина выступили капли холодного пота. Да, это точно были те самые злобные гномы, о которых рассказывали ему корнийцы. Днем маленький народец прятался по пещерам, а ночью устраивал набеги, жег людские жилища и даже совершал убийства, если предоставлялась возможность!..

Даже и в наши дни путешественнику, заехавшему в Корнуолл, непременно расскажут множество леденящих душу историй. А что говорить про те времена?

...И вот эти люди, а может, и не люди, а эльфы или еще что-нибудь похуже, втащили Кораракавовнутрь пещеры, а потом задвинули на место валун. Какое-то время вокруг царила совершенная тьма. Потом далеко впереди забрезжил свет факелов. Послышался крик, и процессия двинулась дальше. Ей навстречу с факелами в руках вышли другие жители подземелья.

Кораракзатравленно озирался, присматриваясь к происходившему, насколько это было возможно в мутном колеблющемся свете. Временами на границе освещенного пространства возникала то одна, то другая стена. Стены были сплошь покрыты росписью; неведомые художники располагали весьма скудным набором изобразительных средств, но сородичам Кораракаоставалось бы только позавидовать их мастерству. Молодой воин пытался рас-

смотреть свод пещеры, но так и не смог. Он только понял, что из тесной дыры, скрывавшейся за валуном, его перенесли в весьма обширное помещение. И в нем жили люди. Они появлялись и бесшумно исчезали, спеша по своим делам. Кораку они казались призрачными тенями, явившимися из далекого прошлого...

Наконец он почувствовал, как кто-то освобождает его ноги от пут. Затем его поставили на пол.

— Ступай прямо вперед, — послышался голос. Говорили на языке его племени. Корорак ощутил, как сзади к его шее прикоснулось острие копья.

Делать нечего, он зашагал, как ему было сказано, прямо вперед. Его сандалии со скрипом шаркали по каменному полу пещеры. Спустя некоторое время пол стал повышаться. Подъем оказался таким крутым, а камень — до того скользким, что Корорак со связанными руками нипочем не сумел бы вскарабкаться наверх в одиночку. Его похитители помогли ему, подтягивая и пихая наверх. Он успел заметить длинные стебли лозы, свисавшие из темноты наверху. Маленькие люди ловко хватались за них и легко взбегали по мокрому камню. Когда наконец подъем остался позади, проход неожиданно повернул, и Корорак, спотыкаясь, вывалился в круг яркого света. Зрелище, представшее его глазам, заставило юношу ахнуть.

Подземный коридор вывел его в настоящий зал, размеры которого превосходили всякое вероятие. Монолитные стены вздымались вверх, образуя свод, неразличимый во тьме. Пол был ровный, и по нему мчалась целая река. Подземный поток вырывался из одной стены и беззвучно исчезал под другой. Берега соединял каменный мостик, созданный, скорее всего, самой природой.

Гигантский зал был округлым, и по всему периметру его стен в них зияли устья меньших пещер. Перед каждой горел костер. Входы в пещерки виднелись не только у самого пола, но и выше, уровень за уровнем, в правильном порядке. Под силу ли было рукам человеческих существ выстроить этакий «город»?..

Люди входили и выходили в пещеры нижнего уровня, занимаясь самыми что ни есть обычными, повседневными делами. Мужчины разговаривали между собой, чинили оружие, ловили рыбу в реке. Женщины присматривали

за огнем, шили одежду... То есть, если не принимать во внимание необычное окружение, шла совершенно такая же жизнь, как в любой деревушке Британии. Кororак, однако, спросил себя, на какой свет он попал. Это подземелье... маленький народец, снующий туда и сюда... река, бесшумно несущаяся в каменном русле...

Мало-помалу жители пещеры заметили пленника и сгрудились вокруг него. Против ожиданий Кororака, никто не кричал, воздух не сотрясали оскорбления и угрозы, которыми обычно осыпают пленников дикари; лишь по-волчьи враждебно блестели в полутьме настороженные злые глаза. Кельт был не робкого десятка, но эти взгляды заставили его содрогнуться.

На счастье воина, те, кто привел его сюда, продолжали решительно проталкиваться сквозь толпу. Остановившись наконец у берега реки, они отошли прочь и заставили народ расступиться.

Скоро поблизости загорелись два больших костра. Кororак заметил между ними некий предмет и присмотрелся к нему. В подземных сумерках обрисовалось высокое каменное сиденье, похожее на торжественный трон. И на нем сидел человек. Древний старец с длинной седой бородой. Он молчал и не двигался, лишь черные глаза блестели, как у... вот именно: как у волка.

Старец был облачен в просторное одеяние, состоявшее, похоже, из одного куска ткани. Только одна рука была на виду, и она лежала на подлокотнике трона, — высохшая, скрюченная рука с длинными ногтями, придававшими ей сходство с птичьей лапой.

Отсветы костров метались и вспыхивали. Они то ярко озаряли старика, четко очерчивая орлиный нос и длинную бороду. А в следующий миг он вновь скрывался в тени, лишь в глазах горели огни...

— Говори, бритт! — внезапно раздался его голос. Голос был удивительно ясный и сильный, нисколько не ослабленный возрастом. — Говори! Что ты нам скажешь?

Кororак испытал понятное замешательство и некоторое время молчал, потом с трудом выдавил:

— Это вы мне скажите... кто вы вообще такие? Что вы за народ? Почему вы взяли меня в плен? Вы кто — эльфы?..

— Мы — пикты, — прозвучал суровый ответ.

— Пикты! — ахнул Кororак. Когда-то он слышал от гэлов об этом древнем народе. Некоторые полагали, что пиктов еще можно было встретить в Силурийских горах, но... но... — Я дрался с пиктами в Каледонии! — возразил он старику. — Они невелики ростом, но коренасты и уродливы... Они совсем не похожи на вас!

— Они — не настоящие пикты, — с прежней суровостью проговорил длиннобородый. — Оглядись кругом, бритт! — и он широким жестом обвел стоявших в пещере. — Перед тобой — остатки умирающей расы! Той расы, что когда-то правила всей Британией — от моря до моря!

Кororак огляделся. От изумления он на время утратил дар речи.

— Слушай же, бритт! — продолжал звучать мощный голос. — Слушай же, варвар, историю затерянного народа!

Плясало пламя костров, отбрасывая таинственные тени на стены пещеры, играя в волнах подземной реки... Голос старика гулко отдавался под сводами.

— Наш народ пришел сюда с юга. Мы пересекли Внутреннее море, усеянное тысячей островов. Мы миновали горы, увенчанные снежными шапками... Там, в горах, остались наши собратья, дабы сдерживать алчных врагов, могущих пуститься в погоню. Другие спустились вниз, на плодородные равнины, и заселили весь край. Мы умножились и разбогатели. А потом над племенем возвысились два могущественных вождя. Они сразились, и победители изгнали побежденных прочь из страны. Так и случилось, что многие из нас сели в лодки и устремились к новой земле, к белым скалам, сиявшим над морской синевой. Новая земля оказалась прекрасна и плодородна. И у нее уже были жители, ютившиеся по пещерам. Это были рыжеволосые варвары, великие телом, но убогие разумом. Мы начали пахать землю и строить дома с плетеными стенами. Мы сводили дикую чащу и прогоняли рыжих великанов все дальше в лес, пока они не обрели прибежища в горах запада и севера. Мы процветали. Мы были богаты. Но потом...

Голос старика зазвенел от ненависти и гнева. Своды пещеры вторили ему рокочущим эхом.

— Но потом пришли кельты!.. С западных островов явились они, на кожаных кораблях, именуемых куррагами.

Они обосновались на западном побережье, но захваченное скоро перестало их удовлетворять. Они двинулись на восток, заполоняя плодородные земли. Мы сражались, но они были сильней. Они были свирепыми воинами, и потом, они сражались оружием из бронзы, тогда как мы знали лишь кремень...

Они изгнали нас. Они нас поработили. Нам пришлось скрываться в лесу. Иные бежали в горы запада и севера, где с давних пор ютились рыжеволосые варвары. Два несчастных народа слились и соединились, породив расу чудовищных карликов. Они утратили все навыки искусств и мирных ремесел, приобретя взамен способность сражаться...

Но были среди нас и такие, кто поклялся, что никогда не оставит землю, завоеванную для нас праотцами. И мы ушли от наседающих кельтов в ее недра. Мы скрылись в пещерах и неприступных теснинах. Мы, пахари, привыкшие жить в светлых домах, мы, любившие солнце, стали жить, точно дикие звери, в вечном сумраке бессолнечных подземелий!.. Эта пещера есть величайшая из обнаруженных нами. А когда требовалось, мы создавали пещеры своими руками!.. Ты, бритт!..

Костлявая рука простерлась вперед, голос, дышащий обвинением, срывался на крик.

— Ты, бритт!.. Ты и все твое племя!.. Вы превратили могучий и свободный народ в жалкую кучку ничтожных земляных крыс! Мы, никогда не отступавшие перед врагом, мы, наслаждавшиеся солнцем и близостью моря, качавшего торговые корабли, — мы бежим, как зверь от охотника, и зарываемся в землю, подобно кротам! И только ночи даруют нам утешение! Только тогда настает время для мести! Мы выползаем из диких ущелий, из тайных пещер, и в руках у нас факелы и кинжалы! Смотри, бритт!..

Корорак посмотрел в ту сторону, куда указывала рука старика. Там, недалеко от реки, в углублении каменного пола был установлен округлый столб из дерева какой-то очень твердой породы. Пол вокруг столба был обуглен и закопчен. Ни дать ни взять здесь издавна жгли костры...

Некоторое время Корорак просто смотрел, недоуменно моргая. Если уж на то пошло, он вообще не особенно понимал, что, собственно, происходило. Он даже был не слишком уверен, человеческие ли существа его окружали.

Он столько всякого разного слышал о «маленьком народце», обитавшем в пещерах. Теперь ему поневоле припомнились самые страшные россказни об их ненависти к человеческому роду, об их жестокости, подлости и вероломстве. Связанному пленнику не было особого дела, что его глазам предстала одна из вековых тайн истории. И уж конечно, он не догадывался, что гэльские сказания о пиктах, даже в те времена изрядно сдобренные вымыслом, с течением столетий обрастут еще более баснословными подробностями, превратившись наконец в народные сказки об эльфах, гномах, троллях и феях, — в точности так же, как смутная память о чудовищных неандертальцах породила предания о гоблинах и людоедах.

Кororак, понятно, ничего об этом не знал и даже не догадывался. Да ему и дела не было до какого-то там отдаленного будущего. Его больше заботила собственная близкая участь, о которой наконец заговорил старый вождь.

— Смотри, смотри, бритт! Вот он, столб, у которого ты нам заплатишь! Ты заплатишь высшую цену, какую только можно потребовать от одного человека! Хоть и поистине ничтожна эта плата по сравнению с тем долгом крови, что лежит на твоем народе перед моим...

Кровожадный восторг старика можно было бы вполне назвать беснованием, если бы не сознание высшего предназначения, написанное у него на лице. Он был полностью искренен. Он в самом деле считал, что совершает правую месть. Месть во имя великого, давным-давно проигранного дела...

— Но это не мое племя загнало вас под землю!.. — запинаясь, выговорил Кororак. — Это сделали гэлы, пришедшие из Ирландии. Я же — бритт, и мой род переселился сюда из Галлии всего каких-то сто лет назад! И мы побили гэлов, а потом выгнали их в Эрин, Уэльс и Каледонию. Мы учинили над ними то, что они когда-то сделали с вами!

Старый предводитель вскочил на ноги.

— Это не имеет значения! Кельт есть кельт!.. Бритт или гэл — какая нам разница? Любой кельт, угодивший нам в руки, должен платить! Любой, будь он воином или женщиной, младенцем или вождем! Возьмите этого человека и привяжите к столбу!..

Приказание было мгновенно исполнено. Корорак с ужасом смотрел, как пикты складывают к его ногам хворост.

— А когда ты как следует поджаришься, бритт, — сказал старец, — вот этот кинжал, испивший кровь сотни кельтов, станет утолять свою жажду еще и твоей...

— Да я ж ни разу в жизни ни одного пикта не трогал!.. — силясь разорвать путы, прохрипел Корорак.

— Ты будешь платить не за свои собственные дела, но за деяния твоего народа, — непреклонно возразил старейшина. — О, я хорошо помню, что творили кельты, когда только высадились в Британии!.. Крики гибнущих, вопли насилуемых девушек, дым пылающих деревень, резня и грабеж!..

Корорак почувствовал, как зашевелились волосы на голове. Первая высадка кельтов!.. Всеблагие боги, но это ж когда было? Пятьсот с лишним лет назад!..

Велика сила кельтского любопытства. Оно не оставило Корорака даже в этот отчаянный миг, у столба пыток, когда его мучители были готовы вот-вот поджечь хворост у ног.

— Ты не можешь помнить того, о чем говоришь! — сказал он. — Это было много поколений назад!

Старик смотрел на него совершенно серьезно.

— А я и пережил много поколений обычных людей. В юности я был охотником за ведьмами, и одна старуха прокляла меня, корчась в огне. Она предрекла, что я не умру, пока последний из пиктов не покинет этот мир. Это моя судьба — увидеть, как превращается в ничто и уходит в забвение некогда могучий народ. И только тогда я сам смогу уйти следом за ним, ибо ведьма наслала на меня проклятие вечной жизни.

И он вновь возвысил голос, так что раскаты его вновь заполнили подземный зал:

— Что есть проклятие? Оно ничтожно. Слова не могут принести вреда человеку. Я живу. Я встретил и проводил сто поколений. А потом еще сто. Что есть время? Солнце поднялось и зашло, и еще один день канул в вечность. Люди наблюдают за солнцем и подчиняют ему круги своей жизни. Они связывают себя временем по рукам и ногам. Они считают мгновения, уносящиеся прочь. А между тем человечество прожило целые эпохи, понятия не имея о

времени. Время создано человеком. Вечность — богами! Здесь, в пещерах, нет ни солнца, ни звезд, а значит, нет времени. Внешний мир — это мир мимолетного времени. У нас — мир вечности. Мы не заботимся о времени и не считаем его. Наши юноши выходят во внешний мир. Они смотрят на солнце и звезды и начинают замечать время. И уходят с ним вместе. Я сам был молод, когда спустился в эту пещеру. С тех пор я никогда не покидал ее. Быть может, по вашему счету, я прожил здесь тысячу лет. Или всего один час? Какая мне разница? Если разорвать путы времени, душа, или разум... называй это как хочешь... превозмогает слабую плоть. Мудрецы моего народа, каким он был в пору моей молодости, знали больше, чем сумеет когда-либо накопить вся мудрость вашего внешнего мира. Когда я чувствую, что мое тело начинает слабеть, я пользуюсь магией, которую, кроме меня, в нынешнем мире не знает больше никто. Бессмертия она не дает, ибо бессмертие есть плод разума и не зависит от тела. Моя магия всего лишь возрождает слабую плоть. Раса пиктов угасает... Мой народ истаивает, точно снег в горах по весне. Когда же уйдет самый последний, вот этот кинжал избавит меня от бремени бытия... — Тон его голоса резко переменился, и старик приказал: — Зажечь хворост!

У Кororака в полном смысле слова ум цеплялся за разум. Из только что услышанного он понял немногое, вернее сказать, не понял почти ничего. Ясно было одно — он сходил с ума. И то, что в следующий миг предстало его взгляду, окончательно убедило его в собственном сумасшествии.

Сквозь толпу пробирался большой волк!

Кororак узнал его. Волк был тот самый, которого он спас от пантеры неподалеку от входа в теснину!

Пленник даже удивился, насколько далекими и нереальными показались ему недавние события на лесной тропе. И тем не менее ошибки быть не могло. Взять хоть эту странную, шаркающую походку... Потом существо выпрямилось и подняло передние лапы к голове... и кошмар сделался уже полным. Волчья голова откинулась назад, открыв человеческое лицо.

Это был мужчина-пикт, один из тех, кого позже стали именовать «оборотнями». Вот он стащил с себя волчью шкуру и зашагал вперед, что-то выкрикивая. Пикт, как раз собиравшийся поджечь дрова у ног Кororака, в замешательстве отдернул факел и смущенно отпрянул.

Между тем человек-волк вышел вперед и обратился к вождю. Он говорил по-кельтски, явно затем, чтобы пленник мог уразуметь его речь. Кororак даже удивился про себя, сколь многие здесь владели этим наречием. Ему некогда было задуматься ни о сравнительной простоте родного языка, ни о необыкновенных способностях пиктов.

— Что здесь происходит? — спрашивал человек-волк. — Здесь хотят сжечь невинного человека!

— О чем ты говоришь? — комкая в кулаке длинную бороду, возмутился старейшина. — Да кто ты такой, чтобы идти против обычая, освященного веками?

— Я встретил пантеру, — был ответ. — Этот бритт рисковал жизнью, спасая меня. Неужто достойно пикта отплатить ему неблагодарностью?

Старец заколебался... Мощные силы раздирали надвое его душу: с одной стороны — фанатичная жажда мести, с другой — не менее жгучая гордость. Ставкой же в этой борьбе была честь его племени. Чувствуя это, человек-волк разразился пламенной речью, на сей раз по-пиктски. Когда он закончил, старик кивнул седой головой.

— Пикты всегда платили долг, — произнес он величественно. — Пикты не забывают ничего. И никогда. Отвяжите этого человека. Ни один кельт не сможет сказать, будто пикты — люди без чести, не ведающие, что́ есть благодарность.

Кororака немедленно освободили. Совершенно ошеломленный, он пытался бормотать какие-то слова благодарности, но старейшина лишь отмахнулся.

— Пикт никогда не прощает врага, — сказал он. — Но и дружественного деяния не забывает.

— Пошли, — шепнул человек-волк и потянул кельта за руку.

Он увел Кororака в подземный ход, тянувшийся прочь от главной пещеры. Молодой воин обернулся, желая еще раз увидеть старейшину, восседающего на каменном троне. И он увидел, как отражался огонь в старых глазах, уст-

ремленных в бездну веков, туда, где осталась минувшая слава племени пиктов. Сморщенные руки, озаренные пламенем, покоились на подлокотниках трона... Последний великий вождь затерянной расы!

Спутник Кororака уводил его все дальше и дальше. Наконец они выбрались на поверхность, и бритт увидел над собой звездное небо.

— Вон в той стороне лежит деревушка вашего племени, — сказал пикт, указывая рукой. — Там тебя примут, и ты отдохнешь, прежде чем продолжать путешествие.

Он вернул Кororаку отнятое у него оружие и, не слушая никаких возражений, вручил подарки: пищу, одежду из ткани и великолепно выделанных оленьих шкур, расшитый бисером пояс и отличный роговой лук со стрелами, искусно увенчанными обсидианом.

— Погоди! — сказал кельт, когда пикт уже повернулся уйти. — Там, в лесу, я ведь пошел по твоему следу. Следы исчезли под деревом...

В его голосе был вопрос.

Пикт негромко рассмеялся:

— Я просто вспрыгнул на ветки. Ты бы увидел меня, если бы догадался поднять голову и посмотреть вверх... Так вот, если тебе когда-нибудь потребуется друг, ты всегда обретешь его в лице Берулы, которого альбийские пикты называют вождем.

Сказав так, он отступил прочь и скрылся во тьме, а Кororак зашагал по направлению к кельтской деревне, и лунный свет озарял его путь.

ЛЮДИ ТЕНЕЙ

Из мглы начальных дней Творенья,
Из тьмы безвременных времен
На свет явились поколенья
Рожденных первыми племен.

Мы были яростны и дики,
Путей не ведали сквозь мрак.
Но посылал нам света блики
Еще невидимый маяк.

Мы открывали континенты,
Переплывали океан.
Мы создавали монументы
По всем границам новых стран.

Мы смутно грезили о славе,
Еще не зная ей цены...
Следа и слова не оставив,
Мгновенья в вечность сметены.

Все призрачно на этом свете...
Дотлел Затерянный Огонь.
И вмяла нас во прах столетий
Стопа явившихся вдогон.

Слеза и смех, восторг и горе...
Победы, воинская честь...
Взгляни туда, где сумрак моря
Сошелся с сумраком небес.

Над нами Время волны катит
Да ветер пепел ворошит.

Ни летописец, ни ваятель
Увековечить не спешит

Наш подвиг. Только древний камень,
Один в пространстве и в ночи,
Припомнит разожженный нами
Костер... Но камень — он молчит.

Лишь камыши с печальным вздохом
Прошепчут в стылой тишине
О том, как кончилась эпоха,
И о Затерянном Огне.

Клинки сталкивались со звоном и скрежетом...

— Эйя!.. Эйя-а-а-а!.. — рвался из сотен глоток оглушительный боевой клич.

Они яростно ломили со всех сторон, втрое превосходя нас числом. Мы стояли спиной к спине, плотно сомкнув щиты и держа мечи наготове. Лезвия мечей были обагрены до самых рукоятей. Кровь заливала шлемы на головах и нагрудные латы... Доспехи составляли наше единственное преимущество перед лишенными панцирей недругами. Другое дело, что они и нагими бросались в смертельную битву с той же доблестью, как если бы их тела защищала кованая броня...

Потом настал миг, когда они откачнулись назад и какое-то время держались поодаль, выкрикивая проклятия хриплыми сорванными голосами. Кровь из ран покрывала странными узорами их тела в синей боевой раскраске.

А нас было всего тридцать!.. Три десятка — из пяти сотен, что некогда вышли, самоуверенно печатая шаг, за Адрианов вал. Во имя Зевса!.. Полтысячи человек, отправленных прорубать кровавый путь через страну, населенную варварами! Через страну, в которой еще длилась совсем другая эпоха!.. Днем мы шагали по вересковым холмам, в самом деле прорубаясь сквозь дикие орды, обезумевшие от вида и запаха крови. На ночь мы по всем правилам воздвигали укрепленные лагеря — но сквозь все укрепления, мимо бдительных часовых проникали с кинжалами в руках люди-звери, едва способные

к человеческой речи!.. Битва за битвой, беспощадная резня и кровь, кровь, кровь...

И все это ради того, чтобы император, восседающий в роскошном дворце, в окружении знатных вельмож и прекрасных наложниц, получил кратенькое известие: пропала, мол, в туманных горах далекого и неизведанного Севера еще одна экспедиция...

Я повел глазами по сторонам, оглядывая своих боевых друзей. Были среди них и природные римляне, и уроженцы подчиненных земель. Я рассмотрел знакомые лица бриттов, германцев и одного огненноволосого хибернийца. Потом я посмотрел на волков в человеческом обличье, окруживших нас смертельным кольцом. Низкорослые карлики, заросшие волосами, с могучими узловатыми руками и нечесаными космами, спадающими на обезьяньи покатые лбы.... Маленькие, немигающие черные глазки лучились змеиной угрозой. Они почти не носили одежды, лишь сжимали в руках небольшие круглые щиты, длинные копья да короткие мечи с клинками как лавровые листья. Среди них не было ни одного, чей рост превышал бы пять футов, но невероятно широкие плечи говорили о недюжинной силе. А если добавить к этому поистине кошачью ловкость...

...Они вновь устремились на нас беспощадным потоком. Короткий дикарский меч зазвенел о римский гладий. Дрались грудь на грудь — наши противники привыкли именно к такому бою, да и мы, римляне, учили своих солдат мастерски управляться с коротким клинком. Тут, однако, нас стали подводить обширные щиты легионеров. Этими тяжелыми щитами трудно было парировать быстрые удары, между тем как дикари только и делали, что припадали к земле, стремясь пырнуть снизу вверх...

Мы держались спиной к спине, и если кто-нибудь падал — тотчас смыкали ряды. Враги отчаянно лезли вперед, и вот уже перед самыми нашими лицами были их разрисованные рожи, искаженные звериным рычанием, а в ноздри било их дыхание, смрадное, точно у хищных зверей. Мы держались, точно выкованные из стали... Ни вересковая пустошь уже не существовала для нас, ни холмы, ни даже само время. В таких случаях человек перестает быть человеком и превращается в сражающийся механизм. Напряжение битвы стирает душу и разум, оставляя един-

ственное: руби!.. коли!.. отбивай!.. Меч ломается о вражеский щит, сквозь кровавый туман пялится звериная харя, когда-то бывшая лицом человека. Бей, руби!.. Страшная морда пропадает из виду, чтобы спустя мгновение смениться другой, точно такой же свирепой...

Римская культура истаивала в нас, словно морской туман на рассвете. Я почувствовал, как снова становлюсь дикарем, первобытным жителем леса и побережий. Я был дикарем и рубился со столь же диким вражеским племенем, и мой взгляд застилала родовая вражда и безудержная жажда убийства. Как проклинал я слишком короткий клинок римского меча, мелькавшего в моей руке!.. Вот копье громыхнуло в нагрудник моих доспехов, по гребню шлема прошелся вражеский меч. Меня бросило на колени. Шатаясь, я приподнялся и уложил нападавшего, яростно пырнув его снизу вверх...

...И замер на месте, удержав меч, занесенный над головой. Над перескими воцарилась внезапная тишина. Никто больше не нападал, враги куда-то исчезли... куда же? Они лежали молчаливым кольцом окровавленных тел, по-прежнему сжимая мечи. А из нас, из трех десятков принявших бой, осталось... всего пять человек. Два римлянина, бритт, ирландец... и я. Римский меч и римский доспех одержали очередную победу. Трудно было в это поверить, но каждый из наших погибших, прежде чем пасть, уложил самое меньшее четверых.

И нам, уцелевшим, оставалось только одно. Прорубаться обратно тем же путем, каким мы сюда пришли. Сквозь множество лиг чужой негостеприимной земли. Между тем слева и справа нас окружали высокие горы, и снег венчал их вершины. Да и внизу, в долинах, было холодно. Далеко ли на север мы успели забраться? Об этом мы не имели никакого понятия. Пройденный путь виделся нам сквозь багровый туман, где беспорядочно смешались жуткие дни и кровавые ночи. Мы знали только, что несколькими днями ранее остатки римского воинства рассеяла по холмам и ущельям свирепая буря, чье неистовство лишь добавляло ярости ордам наседавших на нас дикарей. Сутки за сутками ревели со скал и вершин боевые рога, и под этот рев мы, полсотни воинов, умудрившихся не потерять друг друга, с боем отвоевывали каждый шаг,

раскидывая и рубя вопящих дикарей, возникавших, казалось, прямо из воздуха...

Теперь кругом была тишина. И никаких признаков врага. И мы потащились на юг, чувствуя себя загнанной дичью...

Но прежде, чем мы выступили в путь, я отыскал на побоище нечто, наполнившее меня яростным восторгом. Я увидел в ладонях мертвого воина длинный меч с рукоятью, предназначенной для обеих рук. Во имя Тора, это был настоящий северный меч!.. Я не знаю, как и откуда он попал к дикарям. Может, его принес в эту страну какой-нибудь светловолосый викинг, размахивавший им с песней на бородатых устах?.. Как бы то ни было, меч был здесь и лежал передо мной на земле. Его дикий владелец даже мертвым так крепко сжимал рукоять, что мне пришлось обрубить его кисть — тогда только я сумел высвободить оружие.

Я взял его в руки и сразу почувствовал себя увереннее и смелее. Короткие мечи и римские щиты были, возможно, хороши для людей среднего роста. Но не для меня. Во мне было шесть футов и пять с лишком дюймов. Такие, как я, дерутся не зубочистками...

Итак, мы двинулись в обратный путь через горы. Мы боком пробирались по узеньким тропкам над кручами и карабкались на обрывы. Как насекомые, ползли мы по каменным откосам, уходившим вершинами в облака... Каменные исполины обступали нас со всех сторон, и подле них человек чувствовал себя карликом. А когда мы выбирались на самый верх, горный ветер обрушивал на нас свою первозданную мощь, грозя унести в бездну, и мы слышали в его реве голоса великанов...

И вот там-то, на самой вершине, мы и сошлись с теми, кто нас там дожидался. Бритт упал первым, пронзенный копьем. Умирая, он все-таки нашел в себе силы подняться, схватил своего погубителя... перевалился через край и рухнул вместе с ним с высоты в тысячу футов. Битва оказалась жестокой и краткой. Всего несколько мгновений гремели мечи, но этого оказалось достаточно. Четверо нападавших неподвижно лежали у наших ног. Один из римлян скорчился на земле, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из обрубка отсеченной руки...

Мы сбросили убитых с откоса и перетянули руку римлянина кожаными ремешками, прекращая кровотечение. И вновь зашагали вперед.

Мы шли, и шли, и шли без конца. Утесы раскачивались над нашими головами, поросшие дроком склоны немыслимым образом запрокидывались. Солнце восходило над шатавшимися вершинами и снова опускалось на запад. Однажды, когда мы сидели на гребне холма, прячась между огромными валунами, внизу под нами по узкой тропе, петлявшей по горному склону, прошел военный отряд дикарей. И вот, когда они оказались прямо под нами, ирландец вдруг издал крик безумного восторга и прыгнул со скалы в самую их гущу. Они ринулись на него со звериным рычанием, точно стая волков, и какое-то время его рыжие волосы мелькали над массой черных голов. Первый, кто добрался до него, упал с разрубленной головой. Второй отчаянно закричал — его рука отделилась от туловища. Ирландец издал дикий боевой клич, пронзил мечом чью-то волосатую грудь, высвободил оружие и снес с плеч еще одну черноволосую голову. Но потом они захлестнули его, словно волчья стая, окружившая льва. Прошло еще мгновение, и его голову подняли на копье. Нам показалось, что восторг битвы еще не покинул его лица...

Отряд удалился, не обнаружив нашего присутствия, и мы двинулись дальше. Стемнело, и в небо вышла луна. Вершины гор превратились в исполинские призраки, а долины наполнили странные тени. В это время на нашем пути стали попадаться знаки битвы и отступления. То мертвый римлянин — бесформенная смятая груда у подножия отвесной скалы, да зачастую еще и с торчащим в теле копьем, — то туловище без головы, то голова без тела. Разбитые шлемы, сломанные мечи... безмолвная летопись отчаянных и безнадежных сражений!

Шатаясь и поддерживая друг друга, мы ковыляли вперед и устроили привал лишь на рассвете. Мы спрятались в скалах и отважились высунуться наружу только когда снова стемнело. В течение дня мимо нас снова несколько раз проходили отряды дикарей, но мы оставались незамеченными. Хотя порою они оказывались так близко, что можно было дотянуться рукой.

К рассвету мы достигли края, совсем непохожего на пройденные нами угрюмые горы. Мы оказались на обширном плато. Со всех сторон вздымались горные кручи, и только к югу равнина, похоже, тянулась на значительное расстояние. И я понадеялся, что мы уже миновали горный край и оказались в предгорьях, постепенно переходивших в плодородные луговины, лежавшие южнее.

Отыскав озеро, мы остановились на берегу. Не было заметно никаких признаков неприятеля, в небе — ни единого дымка. Но пока мы стояли у края воды, однорукий римлянин вдруг пошатнулся и безмолвно рухнул лицом вниз, а в спине у него торчало метательное копье.

Всполошившись, мы внимательно оглядели озеро. Никаких лодок не было видно. Никто не прятался в реденьких камышах возле берега... Мы повернулись осмотреть пустошь... И второй римлянин так же безмолвно свалился ничком, и точно такое же короткое копье торчало у него между лопаток!

Я остался один. Ничего не понимая, я завертел головой, отыскивая врага. Пустошь расстилалась передо мной, и не было ни единого места, где бы низкорослый вереск смог спрятать взрослого мужчину — даже каледонца. Безмятежным оставалось и озеро... хотя погодите-ка! Почему колыхалась вон та камышинка, в то время как все остальные стояли не шелохнувшись? Я наклонился, вглядываясь в воду. И увидел, как рядом со стеблем растения к поверхности поднялся пузырек воздуха.

Удивившись, я наклонился пониже... И увидел звероподобную физиономию, что скалилась на меня прямо из воды! На какой-то миг я ошарашенно замер, но тут же пришел в себя и судорожно полоснул мечом, раскроив дикарскую рожу... Мой удар едва успел остановить копье, уже летевшее мне в грудь. Озерная вода закипела и вспенилась, и на поверхность всплыл мертвый дикарь. За поясом у него еще торчал целый пучок дротиков, обезьянья лапа по-прежнему сжимала пустую камышинку, сквозь которую он дышал.

И я понял, по какой причине столько римлян необъяснимым и загадочным образом погибло на берегах здешних озер...

Тут я отбросил щит и снял с себя все снаряжение, оставив только меч, кинжал и доспехи. Я вдруг преисполнился какого-то яростного ликования. Я был один. Один на чужбине, в первобытной стране, среди первобытного народа, жаждавшего моей крови. Так вот, во имя Тора и Одина, я им покажу, как умеют продавать свою жизнь наши северяне!.. С каждым мимолетным мгновением во мне оставалось все меньше наносного, римского, цивилизованного. Образованность и прочая окалина на глазах слетали с меня, оставляя душу варвара. Яростную, с обагренными кровью когтями...

И росла во мне медленная, глубинная ярость, помноженная на величайшее презрение к врагам, свойственное северянам. Вот так люди и превращаются в берсерков. Тор свидетель: во время долгого марша, а потом отступления я только и делал, что дрался. Но этого и просила моя душа воина, наделенная мистическими глубинами — куда там безднам Северного моря! Я ведь не был римлянином по рождению. Я был норманном — светлобородым варваром с волосатой грудью. И я ступал по вересковой пустоши так же уверенно и надменно, как прежде — по палубе своего боевого корабля. Что мне пикты!.. Скрюченные карлики, чей расцвет давно миновал!

Сперва я даже удивился поистине нечеловеческой ярости, внезапно обуявшей меня. Но потом понял: ничего удивительного тут не было. Ибо чем бесповоротнее вгоняла меня жизнь назад в дикарское состояние, тем первобытнее становились мои побуждения. Пока наконец мощно не разгорелась свирепая нетерпимость ко всему инородному, ко всем чужеземцам, — самое первое чувство человека пещерного племени. Была, однако, и еще одна причина для ненависти, гораздо более глубокая и зловещая. Она таилась в закоулках моего существа, хотя сам я того и не осознавал. Дело в том, что пикты были людьми иной эпохи. Это был последний народ каменного века, который кельты и северяне постепенно вытесняли, двигаясь с севера. Вот и пробудилась в моей крови смутная память о безжалостной древней вражде и о войнах, давно сокрытых мраком минувшего.

А еще было некое благоговение перед врагами, и дело тут совсем не в их доблести или воинских качествах.

Народы, жившие по соседству с пиктами, приписывали им могучее колдовство. Я сам видел кромлехи, которые они наставили по всей Британии, и громадный защитный вал, выстроенный ими недалеко от Кориниума. Я знал, что кельтские друиды питали к ним какую-то сверхъестественную ненависть, удивительную даже для этих жрецов. И даже друиды не могли (или не хотели?) объяснить, каким образом и для какой цели дикие первобытные люди сумели возвести столь впечатляющие каменные сооружения. Потому-то умы обычных людей поневоле прибегали к привычному объяснению, испытанному веками. *Колдовство!* — говорили они.

И сами пикты нерушимо верили в то, что они — могучие колдуны. Верно, это тоже подливало масла в огонь обоюдной вражды...

Потом я стал думать, как же так вышло, что нас, пятьсот человек, выпихнули за Адрианов вал в этот безумный поход. Кое-кто полагал, будто нас отправили хватать некоего пиктского жреца. Другие считали, что мы должны были изловить вождя пиктов... как бишь там его? Брана МакМорна. Никто ничего точно не знал, кроме командовавшего нами офицера, — а его голову давно нацепили на копье где-то там, в дебрях заросших вереском гор. Вот бы с ним встретиться, с этим Браном МакМорном, подумалось мне. Люди говорили, ему не было равных в сражении, будь то схватка один на один или столкновение армий. Мы, правда, еще не видали среди пиктов ни одного, кто распоряжался бы другими настолько, чтобы по праву именоваться вождем. Они всегда дрались точно стая волков. И хотя и поддерживали в своих рядах определенный порядок, от волчьего он не так уж сильно и отличался...

Нет, вот бы в самом деле встретиться с ним лицом к лицу!.. Если он и вправду таков, как о нем говорят, он бы точно не отказался от поединка со мной!..

И я решил, что больше не стану прятаться. Хватит!.. Шагая вперед, я во все горло принялся распевать боевую песню, отбивая такт мечом. Пускай пикты приходят, если больно охота. Я готов принять смерть как подобает воину!

Я успел покрыть немало миль, но потом обогнул невысокую горушку и прямо наткнулся на них. Несколько

сотен — и в полном вооружении. Если они полагали, что я повернусь и дам деру, они заблуждались. Жестоко заблуждались. Я не запнулся, увидев их перед собой. Я даже не поперхнулся своей воинственной песней. Один из них ринулся на меня, пригнув голову и выставив перед собою копье. Я встретил его косым страшным ударом, рассекшим тело от левого плеча до правого бедра. Второй подскочил сбоку и собрался ткнуть меня в голову. Я увернулся, так что наконечник свистнул у меня над плечом, и, выпрямляясь, заодно выпустил ему кишки. Потом меня взяли в кольцо. Я живо расчистил вокруг себя место — для этого мне понадобился один взмах обеими руками — и занял позицию спиной к обрывистому склону холма. Я встал так, чтобы они не могли подобраться ко мне сзади, но и не слишком близко к обрыву, чтобы ничто не мешало мне заносить меч. Мне приходилось тратить мгновения и силы, поднимая над головой тяжелый клинок, но все, что я при этом проигрывал, с избытком возмещалось чудовищной силой ударов. По кому бы я ни попадал, второго удара уже не требовалось. Вот ко мне ринулся смуглый бородач; он присел, пытаясь проскользнуть под моим мечом и достать меня снизу. Нагрудник защитил мое тело, бородач же без сознания растянулся на земле: я сверху вниз вмазал ему по темечку рукоятью.

Они кружились, тщетно силясь уязвить меня своими короткими клинками. Двое, пытавшиеся подобраться достаточно близко, рухнули с разрубленными головами. Потом один все-таки дотянулся копьем, нацелив его через головы товарищей, и ранил меня в бедро. Я взревел от ярости и сделал немыслимый выпад, пришпилив его, точно крысу. Но выпрямиться не успел. Чей-то меч полоснул меня по руке, еще один сломался о шлем. Я зашатался и вычертил мечом отчаянную дугу, стараясь отбросить врагов... Копье ударило меня в правое плечо. Я свалился наземь, но кое-как поднялся. Пикты висели на мне гроздьями, полосуя кинжалами и просто ногтями. Каким-то невозможным усилием я стряхнул их с себя долой. Я чувствовал, как жизнь вытекает вместе с кровью из моих многочисленных ран. Тогда я взревел, как лев, и рванулся в самую гущу. Боевое бешенство берсерка ликовало во мне. Я шел напролом, рубя налево и направо,

и только доспехи были мне защитой от мечей, обрушивавшихся со всех сторон. Я плохо помню, что там происходило, — сплошной кровавый кошмар. Меня сбивали с ног бессчетное количество раз. Я вставал. Правая рука висела плетью, но левая без устали орудовала мечом. Слетали с плеч чьи-то головы, чьи-то руки улетали в сторону, подрубленные в локте... Потом я свалился окончательно. Я еще силился замахнуться мечом, но ослабевшая ладонь даже не могла как следует обхватить рукоять.

Добрая дюжина копий немедленно уперлась мне в грудь, но кто-то мгновенно отшвырнул от меня нападавших, и голос, могущий принадлежать только вождю, властно изрек:

— Остановитесь! Этому человеку должна быть дарована жизнь.

Смутно, словно сквозь густой туман, я увидел темное худое лицо. Я захотел приподняться, чтобы получше рассмотреть говорившего, и это мне удалось.

Это был жилистый темноволосый мужчина, ростом мне едва по плечо, но тем не менее наделенный силой и гибкостью леопарда. Он был облачен в простую облегающую одежду, а все его оружие составлял прямой длинный меч. Внешностью своей этот человек походил на пиктов не больше, чем я сам. И все-таки чувствовалось между ними некоторое родство...

Все это, впрочем, я замечал смутно, ибо ноги с трудом держали меня.

— А я уже тебя видел, — выговорил я, с трудом ворочая языком. — Я часто замечал тебя в передних рядах, когда мы сражались... Ваши вожди нечасто показываются на поле битвы, но ты всегда водишь пиктов на приступ... Кто ты такой?

Внятного ответа я не услышал: небо, земля и лица воинов завертелись у меня перед глазами, и я рухнул в траву. Уже как бы издалека до меня донесся голос странного воина, приказавшего:

— Перевяжите его раны, а когда придет в себя, дайте ему еды и питья.

Он говорил по-пиктски, но я неплохо понимал этот язык. Я успел набраться от пиктов, приходивших к Адрианову Валу торговать.

Я смутно чувствовал, как они возились надо мной, исполняя повеление своего вожака. Когда я открыл глаза, меня щедро напоили местным напитком вроде вина — пикты гонят его из вереска. Тут уж силы окончательно покинули меня, и я крепко уснул на убогом травяном ложе. Долгий путь, раны и напряжение битвы так измотали меня, что на какое-то время я и думать забыл о том, что нахожусь в плену у дикарей.

Когда я окончательно вернулся к реальности, луна стояла уже высоко в небе. Первым делом я ощутил, что с меня сняли и доспехи и шлем. Потом я заметил нескольких вооруженных пиктов, охранявших меня. Они увидели, что я открыл глаза и зашевелился, и знаками велели мне встать и следовать за ними. Мы пошли через вересковое поле и через некоторое время достигли высокого голого холма, на вершине которого виднелся горящий костер. На камне возле огня сидел странный темнолицый вождь, а вокруг него, точно духи Темного мира, молчаливым кольцом расположились воины-пикты.

Мои спутники подвели меня к костру и поставили перед вождем. Я смотрел на него без вызова, но и без страха. Я очень явственно ощущал: передо мной был человек, не похожий ни на кого, виденного мною раньше. Я чувствовал исходившую от него силу, чувствовал окружавшую его ауру власти, так резко отличавшую его от простых смертных. Казалось, он взирал с вершин, недосягаемых для обычного человека. Кто, глядя в непроницаемое лицо, взялся бы угадать его мысли, как будто вобравшие мудрость многих веков?..

Он сидел, подперев рукой подбородок и устремив на меня неподвижный взгляд бездонных черных глаз. Он спросил меня:

— Кто ты?

И я ответил:

— Я гражданин Рима.

— Стало быть, римский солдат, — сказал он. — Один из тех волков, что уже не первое столетие терзают и рвут на части этот мир...

Воины тихо зароптали у него за спиной. Их перешептывание было еле слышным, точно вздох ночного ветерка,

и вместе с тем зловещим, словно лунный блик на ощеренных волчьих клыках.

— Есть, однако, люди, которых мой народ ненавидит даже больше, чем римлян, — сказал вождь. — Так ты, говоришь, римлянин?.. Не похоже, чтобы ты лгал. Видно, римляне теперь рождаются более рослыми. А что за причина сделала твою бороду светлой, словно льняная кудель?

Я понял, что он издевается надо мной, и выпрямился, откинув голову. Правду сказать, при мысли обо всех мечах, направленных мне в спину, по шкуре у меня побежали мурашки, но ответил я гордо:

— По рождению я норманн.

Орда, сидевшая за спиной у вождя, при этих словах разразилась дикарскими воплями, в которых сквозила кровожадная ярость. Воины подались вперед, готовые броситься на меня... Повелительный жест вождя заставил их немедленно замереть, а потом отползти назад, — только глаза зло горели из темноты. Сам вождь все это время пристально смотрел на меня.

— Люди моего племени не блещут умом, — сказал он. — Иначе они не питали бы к вам, северянам, бóльшей ненависти, чем к римлянам. Дело в том, что норманны постоянно разоряют наши побережья. Однако ненавидеть следовало бы все-таки Рим...

— Но ты-то не пикт! — вырвалось у меня.

— Я родом со Средиземного моря.

— Но в какой части Каледонии есть подобное...

— Я говорю о том, которое называет Средиземным весь мир.

— Так кто же ты все-таки?

— Бран МакМорн.

— Что?.. — Я не мог поверить своим глазам. Я почему-то ждал, что носитель этого имени окажется чудовищем, уродливым великаном, либо звероподобным карликом, страшнейшим среди своей расы. — Ты... не похож... — только и выговорил я.

— Я таков, каким был когда-то этот народ, — ответил вождь. — Род вождей пронес древнюю кровь сквозь века, не испортив ее посторонними примесями, хотя женщин Древней расы приходилось выискивать для этого по всему свету...

— Но почему твой народ так ненавидит всех чужаков? — спросил я с пробудившимся любопытством. — У других племен ваша лютая свирепость давно стала пословицей...

— Спроси лучше, почему бы мы *не должны* ненавидеть! — сказал он, и в черных глазах полыхнула внезапная ярость. — Сколько перехожих племен прокатилось над нами, всякий раз сгоняя нас с насиженных мест, с плодородных земель, которые, видите ли, приглянулись кому-то другому! Наконец нас выдворили в никому не нужные пустоши и добились того, что наши души стали такими же уродливыми, как и тела. Посмотри на меня, норманн! Такими мы были когда-то! А теперь взгляни вокруг!.. Они больше похожи на обезьян. И это те, чьи предки были когда-то высшими и лучшими представителями человечества на земле!..

Я содрогнулся помимо собственной воли, такая сжигающая ненависть звенела в его низком, полнозвучном голосе.

В это время между рядами воинов появилась молодая девушка. Она подошла прямо к вождю и уютно устроилась рядом с ним, — гибкая, застенчивая маленькая красавица, еще почти ребенок. МакМорн обнял ее за плечи, суровое лицо едва заметно смягчилось. Однако потом в черных глазах затлел все тот же мрачный огонь.

— Это моя сестра, норманн, — сказал он. — Мне передали, будто некий богатый купец из Кориниума сулил тысячу золотых всякому, кто ее доставит к нему.

У меня слегка зашевелились волосы, ибо я ощутил страшную угрозу, прозвучавшую в ровном голосе каледонца. Луна постепенно склонилась к западному горизонту, обливая пустоши красноватым сиянием. Ее неверный свет превращал вересковые поля в кровавое море.

Голос вождя нарушил жутковатую тишину:

— Тот купец прислал к нам за Вал своего человека. Я отправил назад его голову.

Я вздрогнул, потому что прямо передо мной непонятно откуда возник человек. Я не видел, как он подошел. Это был глубокий старик, облаченный в одну набедренную повязку. Длинная белая борода спадала до самого пояса, все тело буквально от макушки до пят покрывала татуировка. Лицо рассекали бесчисленные морщины, старческая

кожа казалась чешуйчатой, как у змеи. Из-под редких седых бровей ярко горели удивительные большие глаза, созерцавшие, казалось, какой-то свой мир, полный таинственных видений. Девушка крепче прижалась к МакМорну, ни дать ни взять побаиваясь старика, и даже воины беспокойно зашевелились в потемках.

— Бог войны оседлал ночной ветер!.. — жутковатым высоким голосом проговорил колдун. — Стервятники чуют близкую кровь!.. Чуждые ноги ныне топчут дороги Альбы! Чуждые весла вспенивают воды Северного моря!..

— Пусть твое искусство сослужит нам службу, волхв! — повелительным тоном распорядился МакМорн.

— Древние боги недовольны тобой, о вождь! — был ответ. — Храмы Змея в запустении, люди покинули их. Бледный бог Луны забыл вкус человеческих жертв! Повелители небес хмурятся, глядя вниз со своих заоблачных высей. Хэй, хэй!.. Я слышу!.. Они говорят: вот предводитель, свернувший с истинного пути!..

— Довольно! — резко перебил МакМорн. — Власти Змея пришел конец, и ты это знаешь. Новообращенные больше не станут приносить людей в жертву божествам тьмы. Я веду народ пиктов прочь из долины мрака и дикости и не потерплю сопротивления, будь то хоть предводитель, хоть жрец. И ты не забывай об этом, колдун!

Старец вскинул свои странно расширенные, словно светящиеся глаза и уставился мне в лицо.

— Вот перед нами желтоволосый дикарь... — услышал я его шепот, и по спине снова побежали мурашки. — Могучий дух, могучее тело... хорошая, достойная жертва...

МакМорн ответил односложным восклицанием, в котором слышалось нетерпение. Девушка робко прижалась к брату и что-то зашептала ему на ухо.

— Даже мы, пикты, кое-что слышали краем уха о человечности и доброте, — сказал он, и я расслышал в его голосе унижение паче гордости. — Это дитя просит меня подарить тебе жизнь и свободу!

Он говорил по-кельтски, но воины поняли и неодобрительно зашумели.

— Нет!.. — яростно вскричал колдун.

Сопротивление соплеменников только укрепило решимость вождя. Он поднялся на ноги:

— А я говорю, что на рассвете норманн уйдет куда захочет!

Неодобрительная тишина сопроводила эти слова.

— Может, кто-нибудь хочет выйти на середину и скрестить со мною мечи?.. — спросил вождь. — Ну? Кто посмеет?..

— Послушай меня, вождь, — отозвался колдун. — Я прожил уже больше ста лет. Я видел, как приходили и уходили завоеватели и вожди. Я давал бой магии друидов, когда полночь осеняла леса. Ты долго насмехался над моей силой, ты, потомок Древних, но теперь с меня хватит. Я более не повинуюсь тебе. Я вызываю тебя на поединок!

Воины выслушали это в полной тишине. Два человека встали друг против друга в круге неверного света, отбрасываемого метавшимся пламенем костра.

— Если я одержу победу, — сказал старик, — Змей снова властно совьет свои кольца, а ты навсегда станешь моим рабом. Если же победишь ты, я покорюсь тебе и поставлю свою силу тебе на службу...

Вождь и колдун стояли лицом к лицу, и пламя бросало жуткие блики на их черты. Их глаза встретились, и я понял — поединок начался. Да, эта духовная борьба была столь же явственной и очевидной, как если бы они старались поразить друг друга клинками! Глаза колдуна все расширялись, вождь, напротив, прищурился. Каждый словно бы источал незримую силу, так что самый воздух дрожал от страшного напряжения! И я смутно почувствовал, что присутствую при одном из сражений в тысячелетней войне Старого с Новым. За спиной старика стояли тысячелетия ужасных таинств и зловещих секретов, громоздились чудовищные тени, желавшие возвратиться из тьмы минувших веков... А за спиной вождя сиял чистый и мощный свет грядущего Дня и первые ростки новорожденной цивилизации. Его сила была благой силой нового человека, посланного в этот мир для великого дела. Старец являл собой каменный век во плоти. Вождь — цивилизацию будущего. И от исхода их поединка, очень возможно, зависела судьба всей расы пиктов...

Каждый из двоих отдавал себя схватке до конца, совершая немыслимое усилие. У вождя на лбу вспухли толстые жилы. Глаза обоих горели страшным огнем.

Неожиданно старик громко ахнул, потом с криком заслонил ладонью глаза... и, обмякнув, повалился на вереск, точно опустевший мешок.

— Довольно!.. — выдохнул он. — Ты победил, вождь...

Напряженно замершие воины задышали, зашевелились, заерзали на своих местах, пристально взирая на предводителя. МакМорн тряхнул головой, словно приходя в себя после тяжелого испытания. Он шагнул к своему камню и сел на него. Девочка тут же обняла его и зашептала на ухо тихим, радостным голоском.

— Меч пиктов быстр... — пробормотал побежденный колдун. — Рука пиктов сильна... Хэй, я слышу! Они говорят — сильный человек появился меж людьми Запада... Взгляни же на древний Огонь Затерянной расы, о ты, Волк Вересковых пустошей!.. Хэй, хэй!.. Они говорят — явился вождь, способный повести племя вперед...

Колдун склонился над прогоревшими углями и продолжал что-то бормотать — уже про себя. Он шевелил угли, шепча в пышную бороду, и то ли говорил, то ли пел странную песню. Она была почти лишена смысла в обычном понимании этого слова, а рифмы и размер показались мне весьма непривычными, но я уловил некий ритм, дышавший дикостью и навевавший жуть.

— Озерные тихи чертоги —
В них дремлют древние боги.
По пустошам мглистым бродит призраков рой.
Воркует ночной ветер,
Луна с поднебесья светит
И прячется за горбатой черной грядой.

В горах, предвещая беды,
Скликают друг друга ведьмы,
И серые волки воют с высоких круч.
Придя незнамо отколе,
Бежит по темному полю
Огонь-заманиха, неуловим, летуч...

Вороша угли, старый колдун время от времени бросал на них какие-то странные предметы, так что все его действия вкупе с песней составляли единый магический ритуал.

Потом песнопение несколько изменилось:

— Боги светлых озерных глубин,
Злые духи коварных трясин!
Бледный бог, что живет на луне,
Этот мир озирая извне,
Древний Змей, что во мраке ночном
Вкруг Земли изогнулся кольцом!

В звездном небе мерцающий свет —
То собрался Незримых совет.
Размешаю я угли костра...
В путь Семи Жеребятам пора!

Золотые подковы, вперед!
Их хозяин — всей Альбы господь.
Я глаза к небесам подниму,
В руки семь деревяшек возьму.

Вот душистого дерева ветвь
Из страны, что встречает рассвет;
Через море священный сандал
Быстрый парус на Альбу домчал.

Вот подводного гада клыки,
Перья чаек, светлы и легки...
Вот волшебный для чар порошок...
Что есть время? Бегучий песок.

Приготовьтесь былому внимать!
То взовьется, то сникнет опять
Раздуваемый ветром огонь...
Это повесть минувших времен!

Узкие язычки красного пламени сновали среди углей, то вскидываясь высоко вверх, то совсем замирая. Сухие гнилушки, брошенные в огонь, вспыхивали с треском, отчетливо слышным в тишине. Дым поднимался над головами, закручиваясь таинственными туманными облачками.

— Смутно, смутно звезды лучатся
Над долиной, где вереск растет.

Вместе с бешеным ветром мчатся
Духи Древней Земли в полет.

И пока этот дым клубится
И не гаснет в золе огонь,
Будет вечная повесть длиться
О героях прежних времен...

Дым поднимался в вышину, туманным плащом окутывая фигуру волшебника, только видно было, как горели свирепые желтые глаза. Мне стало казаться, будто его голос доносился из чудовищной дали и, как бы это выразиться, вообще не принадлежал живому существу, обремененному плотью. Личность и разум колдуна словно бы не имели больше значения; само Прошлое вещало его устами, его голос был голосом минувших веков.

Правду сказать, такой первозданной картины мне не случалось еще наблюдать. Небо было темно, едва проглядывали редкие звезды, да северное сияние распростерло по мрачному небосводу свои мертвенные знамена. Угрюмые склоны холмов отступали в темноту, постепенно растворяясь в мглистой пустоте, — сплошное молчаливое море вереска, колеблемого ночным ветром. А здесь, на вершине холма, сидела орда звероподобных людей, больше похожих на призраки из далекого прошлого! Лица, которые трудно было назвать вполне человеческими, то совсем скрывались во тьме, то озарялись кровавым светом, когда их касались блики огня... Бран МакМорн сидел неподвижно, точно бронзовое изваяние, блеск пламени обозначил резкие тени на его суровом лице. И еще одно лицо выделялось среди всех прочих — морщинистое, седобородое, с огромными глазами, горевшими желтым светом.

— По берегам Средиземного моря обитал могучий народ...

Лица дикарей озарились живым интересом, воины так и подались вперед. А я поймал себя на неожиданной мысли: старый колдун, похоже, был прав!.. Вряд ли в человеческих силах было привить хоть какие-то начатки цивилизации этим пережиткам первобытности! Они были столь же неукротимы, сколь и непобедимы. В них обитал дикий дух каменного века. Кому удастся сломить этот дух?

— Более древний, чем заснеженные пики Каледонских гор...

Воины так и тянулись к рассказчику, всем своим видом являя нетерпеливое предвкушение. Наверняка они уже тысячу раз слышали эту историю из уст вождей и старейшин, но она не переставала их волновать.

— Норманн! — неожиданно окликнули меня, нарушая строй повествования. — Какая земля лежит по ту сторону Западного пролива?

— Хиберния, — ответил я. — Какой же еще там быть.

— А дальше?

— Острова, которым кельты дали имя Аран.

— А еще дальше?

— Право сказать, не знаю, — сознался я. — Человеческое знание еще не достигло тамошних пределов. Ничей корабль еще не пересекал те моря. Ученые люди называют тот край — Туле. Там неведомое, там царство видений. Там край мира.

— Хэй, хэй!.. Знай же, что тот океан омывает берега неведомых континентов и никем не сосчитанных островов. Далеко, далеко за колеблемой бурями равниной Атлантики лежат два громадных материка. Столь обширны они, что даже меньший из них гораздо просторней Европы. Это страны великой древности, пышных, отживающих свой век цивилизаций. В эпоху, когда здешние земли, именуемые вами Европой, были еще покрыты болотами, полными гадов, и джунглями, где кишели обезьяны, — там, за океаном, уже кочевали разумные племена, познавшие искусства и ремесло.

Знай же, что необъятные эти материки простираются от края до края земли, от снегов Севера до вечных снегов Юга. Но даже и они имеют предел, и там, за ними, раскинулся еще один океан — Спокойные Воды. Много островов в том океане, также именуемом Тихим, и не что иное суть эти острова, как горные вершины затонувшей земли, погибшей Лемурии.

Знай же, что материки-близнецы связаны между собою узкой полоской земли. Западный берег северного континента, изломанный, обрывистый, вздымается к небу горами. Но так было не всегда. Когда-то вершины гор были островками посреди воды, и на этих островах поселилось

Безымянное племя, пришедшее с севера. Было это так давно, что человек, взявшийся исчислять минувшие с тех пор тысячелетия, умер бы от усталости. А родилось Безымянное племя в тысяче миль к северо-западу от островов, на широких плодородных равнинах у северных проливов, отделивших северный материк от Азии...

— От Азии!.. — вырвалось у меня. Удивительно ли, что я не смог сдержать изумления?

Старец гневно вскинул голову и несколько мгновений свирепо смотрел на меня. Потом продолжил рассказ:

— Там, во мгле незапамятного минувшего, одолели они долгий путь от чешуйчатого гада, выбравшегося из моря, до обезьяны, из обезьян стали зверолюдьми, и наконец — обычными дикарями. И вот дикарями, воинственными и свирепыми, пришли они на побережье.

Они были великими охотниками, ибо много веков жили охотой. Они были крепкими и сильными телом, не великанами, скорее, жилистыми, быстрыми и могучими, как леопарды. Никто не мог устоять перед их натиском. Они были Людьми, первыми Людьми на земле.

Они одевались в звериные шкуры, а орудиями им служил обколотый камень. Они поселились на Западных островах, на благословенной земле, обласканной солнцем, омытой теплыми водами. И прожили там тысячи и тысячи лет. Там, на плодородных, урожайных землях, они отложили в сторонку оружие войны и постигли мирные искусства. Они стали тщательно полировать свои каменные изделия. Они научились выращивать фрукты и хлеб, обрабатывать землю. Они были счастливы, и боги земледелия с улыбкой взирали на них. Люди выучились прясть, ткать и строить дома. Они в совершенстве постигли выделку шкур и мехов, стали делать глиняную посуду.

Но к западу, за плещущим морем, лежала великая и таинственная Лемурия. И однажды оттуда явились флотилии быстрых каноэ, а в каноэ сидели странные полулюди — Морской Народ. Их предками, вероятно, были морские чудовища: акульи чешуи покрывали их тела, и они по многу часов умели плыть под водой. Народ островов схватился с ними и отбил нападение, но вражеские каноэ появлялись снова и снова, ибо отступники, сыскавшиеся среди островитян, переселились в Лемурию. Там

простирались величественные леса, населенные свирепыми тварями и обезьянолюдьми...

Столетие за столетием уносилось в прошлое на крыльях быстролетного Времени. Все сильнее становилось Безымянное племя, все больше процветало его искусство и ремесло. Познания же в войне и охоте постепенно ослабевали. Между тем как лемурийцы медленно, но верно продвигались в том и другом...

И вот настал день, когда земную твердь поколебало великое землетрясение. Море перемешалось с небом, а между ними ходуном ходила земля. Видно, боги пошли войной друг на друга! В громе и грохоте стали тянуться ввысь острова, поднимаясь и вырастая из моря. И наконец сделались горами на западном берегу вновь образованного материка! Зато Лемурия опустилась под воду, оставив после себя лишь большой гористый остров, окруженный островками помельче — бывшими пиками высочайших гор потонувшего материка...

А на западном побережье бушевали вулканы и с грохотом извергали в небо пламя и дым. Бежала раскаленная лава и падала в море, сметая все следы едва зародившейся цивилизации. Плодородная, ухоженная страна в одночасье стала пустыней.

Племя бежало на восток, гоня перед собою обезьянолюдей, и наконец достигло пригодных для жизни равнин, и на много веков обрело там мирную жизнь. Но потом с севера двинулись громадные ледники... И опять люди были вынуждены бежать с насиженных мест. Так началось для них новое тысячелетнее странствие.

Люди отступили на земли южного континента, по-прежнему гоня прочь зверолюдей, тех, кого много позже назовут неандертальцами. Однажды между ними дошло до великой войны, и зверолюди были окончательно отброшены. Они бежали на самый дальний юг и оттуда, воспользовавшись вереницей болотистых островов в океане, перебрались в Африку и, наконец, в Европу; там в то время не было настоящих людей, только полуобезьяны вроде самих пришельцев.

Лемурийцы же, или Вторая раса, тем временем достигли северного континента. Они немало преуспели в развитии и стали странноватым темнокожим народом,

невысоким и коренастым, с удивительными глазами, словно бы помнившими неведомые моря. Они не слишком разбирались в земледелии и ремеслах, но сохранили воспоминания об удивительной архитектуре прародины; Безымянное племя к тому же научило их делать орудия из полированного обсидиана, нефрита и сланца.

Однако с севера продолжали наступать ледники, и Безымянное племя по-прежнему странствовало, отступая перед их натиском. Лед не достиг южного континента и даже не приблизился к нему, но тот край и так оказался не слишком гостеприимным: сплошная трясина, кишащая ядовитыми змеями. Отчаявшись, люди выстроили корабли и на них уплыли в опоясанную морем Атлантиду. Между тем в Атлантиде обитала Третья раса — кроманьонцы, или атланты. Это были сущие гиганты, и притом отлично сложенные. Они обитали в пещерах и кормились охотой. Они еще не знали ремесел, но успели постигнуть искусство. Когда они не были заняты охотой или междоусобной войной, они проводили время рисуя людей и зверей на стенах своих пещер. Безымянное племя, народ пришлых ремесленников, оказался сильней, и атлантам пришлось искать новую родину. Постепенно они также перебрались в Европу, где сразу вступили в жестокую схватку со зверолюдьми, что первыми попали туда.

А потом началась война между племенами, и победители изгоняли прочь побежденных. И случилось так, что между этими последними оказался некий очень старый и очень мудрый волшебник. И он, отправляясь в изгнание, проклял Атлантиду страшным проклятием: кануть в безвестность, не оставив после себя внятного следа в людской памяти. Ни один корабль атлантов, сказал он, более не увидит чужих берегов; равно как и иноземные мореплаватели более не увидят побережья Атлантиды. Так и суждено ей лежать, окруженной никем не тревожимым морем, пока не появятся с севера драконоголовые корабли и четыре войска не сразятся на острове Морских Туманов, а Безымянное племя не породит величайшего предводителя.

Волшебник со спутниками перебрались в Африку, двигаясь на веслах от одного острова до другого. Достигнув материка, они повернули к северу и постепенно добрались

до внутреннего моря, которое тогда называли просто Срединным, а теперь называют Средиземным. И показалось им, будто оно лежало как драгоценный камень, в оправе солнечных берегов!

Там обосновались изгнанники и жили много веков, становясь постепенно сильным и могущественным народом. И так умножилось их потомство, что постепенно распространилось по всему миру. От африканских пустынь до прибалтийских лесов, от Нила до гор Альбы расселились они и выращивали хлеб, разводили скот, ткали одежду. На озерах Альбы строили они свои лодки-круглы, на равнинах Британии возводили каменные храмы. Они теснили атлантов и изгоняли рыжеволосое племя охотников на северного оленя...

Но потом с севера пришли кельты, вооруженные копьями и мечами из бронзы. Они явились из таинственной страны Великих Снегов, с берегов далекого Северного моря. Это была Четвертая раса. И пикты бежали от них, ибо это были могучие люди, высокие, поджарые, крепкие, сероглазые, с рыже-каштановыми волосами. По всему миру прокатились сражения между кельтами и пиктами, и повсюду кельты держали верх. Ибо в течение долгих столетий мира пиктские племена совсем утратили былой воинский натиск. Вот так и вышло, что постепенно они удалились на окраины мира, в отдаленные, заброшенные уголки.

Та же судьба постигла и пиктов Альбы. На запад и на север бежали они, постепенно смешавшись с народом рыжеволосых великанов, которых сами перед тем загнали туда же, выдворив с плодоносных равнин. Смешанные браки были не в обычае пиктов, но до того ли народу, загнанному в угол и принужденному бороться за выживание?

Века сменяли века, и облик расы менялся. Гибкие, невысокие, черноволосые люди, перемешавшись с грубо скроенными рыжими дикарями, породили негодное потомство, искалеченное духом и телом, утратившее былую сметку в ремеслах. Зато свирепой воинской хитростью новый народ наделен был в избытке. Он забыл ткацкий станок, гончарную печь и хлебную мельницу, сумев сохранить в чистоте лишь одно — род предводителей. И

наконец этот род дал жизнь тебе, Бран МакМорн, Волк Пустошей!..

...Какое-то время на вершине холма царила полная тишина. Молчаливое кольцо воинов еще вслушивалось, как бы ловя эхо голоса колдуна. Тихо шептал ночной ветер. Костер добрался до новой порции сушняка и вспыхнул неожиданно ярко, взметнув языки пламени с такой быстротой, словно пытаясь ухватить тени.

Потом снова полилась монотонная речь колдуна:

— Так минула слава Безымянного племени. Ушла, точно снег, падающий в воду, точно дым, растаявший в небесах. Кануло в вечность великолепие Атлантиды, догорел темный закат Лемурии. Народы каменного века тают, словно иней на солнце. Из ночи мы некогда вышли, и обратно в ночь мы уходим. Что суть люди? Тени на лике Земли. Вот и мы — народ-тень. Наше время прошло. Волки бродят в храмах бога Луны. Морские змеи вьются кольцами в наших затонувших дворцах. Тишина поглотила Лемурию; проклятие сторожит Атлантиду. Краснокожие дикари бродят в западных землях, кочуют в долине Западной реки, оскверняют храмовые крепости, возведенные лемурийцами во славу бога Моря. А на юге отцветает империя лемурийцев-тольтеков. Это исход Изначальных рас. Зато Люди Новой Зари становятся все сильней...

Колдун схватил из костра головню и невероятно быстрым движением, за которым не мог уследить глаз, вычертил в воздухе треугольник и круг. И удивительное дело! Мистический символ еще какое-то время висел в воздухе, пылая огнем!

— Круг не имеет ни конца, ни начала, — снова услышал я голос старого колдуна. — Змей, окруживший всю Землю, кусает собственный хвост. А треугольник есть мистическое триединство: зарождение, мимолетность, завершение. Творение, сохранение, разрушение. Разрушение, сохранение, творение... Лягушка, Яйцо, Змея... Змея, Яйцо, Лягушка... Три стихии: Огонь, Воздух, Вода. И еще фаллический символ. Возрадуйся, бог Огня!..

Я уже подметил свирепое, почти яростное сосредоточение, с которым пикты взирали в огонь. Костер метался

и бушевал. Дым клубами поднимался вверх, постепенно рассеиваясь. Кругом распространялась странная желтоватая мгла: ни огонь, ни дым, ни туман, но как бы странное сочетание всех трех. Небо слилось с землей и пропиталось огнем. Я почувствовал, как утрачиваю плоть и становлюсь просто парой глаз — не более.

И вот в желтоватой мгле начали оформляться смутные образы. Они то показывались, то вновь исчезали. Прошлое скользило мимо меня, разворачиваясь вереницей видений. Вот появилось бранное поле, где по одну сторону было множество воинов, внешне очень похожих на Брана МакМорна, но, в отличие от него, явно непривычных к сражениям. По другую сторону сражалось войско рослых худощавых мужей, вооруженных копьями и мечами из бронзы. Гэлы!

Потом возникло новое поле и закипела новая битва, и я понял, что миновали века. И вновь гэлы разили своими бронзовыми мечами, но на сей раз счастье было не на их стороне. Они клонились и отступали перед войском светловолосых великанов, чье оружие тоже было из бронзы. Похоже, сражение ознаменовало приход бриттов, давших имя Британии.

Далее потянулась сплошная вереница смутных, мимолетных сцен, сменявшихся так быстро, что ничего не удавалось распознать толком. Оставалось впечатление великих деяний, подвигов и свершений... но все слишком смутно. На какой-то миг в тумане появилось лицо. Сильное, волевое лицо, с серо-стальными глазами и белокурыми усами, нависшими над тонкогубым ртом. И я каким-то образом почувствовал, что это был не кто иной, как Бран, он же знаменитый Бренн — вождь кельтов-галлов, чьи полчища некогда осадили и разграбили Рим. Спустя миг лицо сменилось другим, проявившимся с потрясающей яркостью. Лицо молодого мужчины, высокомерного и самоуверенного, с великолепным лбом, но у рта кривились морщины, говорившие о жестокости и о склонности к чувственным удовольствиям. Лицо полубога... и в то же время — выродка.

Цезарь!..

Какое-то темное побережье... Лес в тумане... Грохот сражения... Легионы крушат войско Каракатака...

А потом смутно и стремительно замелькали картины славы и величия Рима. Вот возвращаются победоносные легионы, гоня перед собой сотни закованных пленников. Вот тучные сенаторы и вельможи в роскошных банях, на оргиях и пирах. Вот ленивые женоподобные купцы и ростовщики, лениво нежащиеся в Остии, в Массилии, в Аква Суле. А потом — ярким контрастом — копящиеся силы внешнего мира. Желтоволосые, свирепо глядящие норманны. Великаны-германцы. Огненноголовые дикари Уэльса и Дамнонии и их союзники, пикты Силура. Тут я понял, что видения прошлого кончились; настал черед настоящего и даже будущего!

И вот явилась смутная картина, напоминавшая светопреставление: переселялись народы, двигались войска, возникали и исчезали фигуры людей.

— Рим падет!.. — донесся возглас старика, исполненный яростного восторга. — Глядите: пята вандала попирает камни римского форума! Дикая орда марширует по Аппиевой дороге! Светловолосые варвары насилуют девственных весталок! Вы видите падение Рима!..

К ночному небу взвился многоголосый вопль торжества.

— Я вижу Британию у ног северных пришельцев. Я вижу, как спускаются с гор воинства пиктов. Повсюду насилие, война и огонь!..

В огненном тумане появилось лицо Брана Мак-Морна.

— Да здравствует тот, кому суждено нас возвысить! Я вижу, как пиктский народ выходит из мрака к свету, к новому свету!..

— Волчий вой —
Насмешка над тьмой.
Новый рассвет —
На множество лет.
Тени отцов
Вышли из снов.
Новый огонь
Ныне зажжен.
Тяжким быком
Шествует гром.

Будет велик
Нынешний пикт!
Прочь, вороньe!
Этот костер,
Пламя и дым, —
Неугасим...

Небо на востоке начало понемногу сереть. В этом призрачном свете лицо Брана МакМорна снова показалось мне отлитым из бронзы — неподвижное, непроницаемое лицо изваяния. Темные глаза пристально глядели в огонь. Что они там видели? Мечты об империи, рассеявшиеся вместе с дымом?..

— ...Ибо то, чего мы не смогли отстоять оружием, мы сберегли хитростью на многое множество столетий, — долетал голос колдуна. — Однако Новые расы вздымаются океанским приливом, исполинской волной, а значит, Древние должны уступить им место. В туманных горах Гэллоуэя наш народ даст свой последний бой, и страшно будет это сражение. И с падением Брана МакМорна угаснет Затерянный Огонь. Угаснет уже навсегда. Грядущие века и эпохи уже не увидят его...

Как только он произнес эти слова, пламя костра собралось в один сверхъестественный ком, подпрыгнуло высоко вверх... и исчезло.

На востоке, над далекими горами, все уверенней разгорался рассвет.

ПОРОЖДЕНИЯ БЕЗДНЫ

1

— Вбивайте гвозди, солдаты! Пусть видит гость, как свершается наше римское правосудие!

Говоривший плотнее закутал пурпурной мантией крепкие широкие плечи и вновь опустился в официальное кресло. Так, по всей видимости, он раньше усаживался на трибуне Большого Цирка, чтобы полюбоваться гладиаторами, скрестившими мечи на арене. В каждом движении этого человека чувствовалась хорошо осознанная властность. Обостренная гордость была характерной чертой всех римлян, а Титу Сулле воистину было чем гордиться. Ибо он являлся военным правителем Эборакума и ответ держал непосредственно перед императором Рима, а больше ни перед кем.

Внешне это был крепкий, сильный мужчина среднего роста с ястребиными чертами лица, свойственными чистокровным уроженцам Рима. В данный момент его полные губы кривила насмешливая улыбка, еще более усугублявшая присущий Титу Сулле высокомерный и самоуверенный вид. И он был, что называется, до самых кончиков ногтей воином и полководцем. Он сидел в чешуйчатых позолоченных латах и гравированном нагруднике — знаке высокого ранга, у пояса висел короткий колющий меч, а на коленях красовался посеребренный шлем с высоким щетинистым гребнем.

За спиной Тита Суллы бесстрастно стояли несколько солдат с копьями и щитами — белокурые исполины, родившиеся на берегах Рейна. А непосредственно перед глазами полководца разворачивалось действо, созерцание которого доставляло ему столь заметное удовольствие.

Ничего необычного в происходившем, впрочем, не было. Подобные дела творились повсюду, куда только достигала широко распростершаяся римская власть. На голой земле лежал грубо сколоченный деревянный крест. К нему был привязан человек. Полуголый, жилистый, диковатого вида парень с горящими глазами и спутанной гривой черных волос. Вокруг него суетились палачи — римские солдаты. Они готовили тяжелые молотки и железные гвозди, которыми предстояло прибить руки и ноги приговоренного к кресту.

Все это происходило вне городских стен, в нарочно отведенном месте, которое благодаря постоянным казням успело заслужить жуткую славу. За зловещими приготовлениями наблюдало всего несколько человек: Тит Сулла со своей бдительной стражей, несколько молодых римских офицеров и человек, которого Сулла только что поименовал «гостем». Этот последний стоял молча и неподвижно, точно темное бронзовое изваяние.

Среди блистающих доспехов римлян его простая одежда выглядела тусклой и чуть ли не мрачной. Он был смуглым и темноволосым, но тем и ограничивалось всякое сходство между ним и латинянами, стоявшими вокруг. В нем не было ни малейшего намека на полнокровную, почти восточную чувственность, присущую уроженцам Средиземноморья. Белокурые варвары, стоявшие за троном Суллы, и те больше напоминали «гостя», чем смуглокожие римляне. Его невозможно было принять и за грека: ни тебе полных, красиво изогнутых губ, ни вьющихся волос. Даже оттенок его кожи вовсе не был темно-оливковым, как у южан; скорее уж он нес в себе сумрачность туманного Севера. Как-то сама собой приходила мысль о наползающих туманах, о непроглядных ночах и о стылом режущем ветре бесплодных северных равнин. Даже черные глаза и те лучились диковатым холодом, словно два черных огня, зажженные в ледяной глубине.

Он не отличался высоким ростом, но ему было присуще нечто совершенно особенное, и притом большее, чем чисто телесные размеры и мощь, — некая врожденная, яростная жизненная сила вроде той, которую сразу чувствуешь, взглянув на волка или пантеру. И это свойство сквозило буквально во всем — и в каждом движении крепкого

поджарого тела, в линии тонких губ, даже в блеске прямых жестких волос. Ястребиная посадка головы, жилистая шея, широкие квадратные плечи, мощная грудь, узкие бедра, ноги охотника... В нем не было ничего лишнего, как нет лишнего в свирепой пантере. Свернутая пружина немедленного действия, сдерживаемая уздой железного самообладания...

У ног «гостя» Тита Суллы съежился на земле еще один человек, такой же смуглый и темноволосый. Однако больше ничего общего между ними обнаружить было нельзя. Сидевший на земле казался великаном, исковерканным какой-то злой волей. У него были узловатые руки и ноги, плотное тело, низкий покатый лоб и лицо с застывшим на нем выражением тупого зверства. В данный момент к этому выражению отчетливо примешивался страх. Человек на кресте явно принадлежал к тому же племени, что и «гость» римлянина. Но физически он гораздо больше походил на его спутника.

— Ну, Парта Мак-Отна, — умышленно нагловатым тоном произнес военный правитель, — когда ты вернешься к своему племени, тебе поистине будет что рассказать своим о справедливости Рима, царящего на юге!

— Да, мне будет что рассказать, — прозвучало в ответ. В голосе не было ни тени каких-либо чувств, точно так же как и на лице. Черты, застывшие в неподвижности, не позволяли даже заподозрить, какой безумный водоворот страстей бесновался в душе.

— Справедливость, распространяющаяся на всех, кто живет под властью Рима, — сказал Сулла. — *Pax Romana!* Вознаграждение за добродетель, наказание за дурные дела! — Он посмеялся про себя собственному лицемерию и продолжил: — Теперь ты видишь, посланец страны пиктов, как быстро расправляется Рим с любыми преступниками!

— Вижу, — ответствовал пикт. Надежно усмиренная ярость придавала его голосу неуловимый оттенок страшной угрозы. — Вижу, что с подданным чужеземного властителя здесь обращаются, точно с римским рабом!

— Он был допрошен и проговорен непредвзятым и беспристрастным судом, — парировал Сулла.

— О да! Если не считать той малости, что обвинитель был римлянин, свидетель — римлянин, и судья — опять

римлянин! Он совершил убийство? Да. Он поддался ярости и поднял руку на купца-римлянина, который обманывал, обсчитывал и всячески грабил его, а потом еще увенчал нанесенный вред оскорблением, не говоря уже об ударе! Вы, видимо, считаете правителя пиктов последней собакой, если его подданных судят римским судом и распинают, не спрашивая его мнения? Наверное, владыка пиктов то ли слаб, то ли глуп и неспособен сам совершить справедливость над своим человеком? Правильно, зачем еще беспокоиться, сообщать ему о прегрешении подданного и выдвигать какое следует обвинение...

— Что ж, — цинично пожал плечами Сулла, — можешь, если хочешь, сам сообщить обо всем Брану Мак-Морну. Рим, друг мой, не видит никакой нужды отчитываться в своих действиях перед варварскими царьками. Если варвары являются в наши пределы, пусть ведут себя подобающим образом. Или пеняют на себя!..

Выслушав этот ответ, пикт резко стиснул зубы, так что Сулла понял: дальше задирать его без толку, все равно он не скажет больше ни слова. Римлянин махнул рукой палачам. Один из них взял длинный гвоздь и, приставив его к широкому запястью приговоренного, с силой ударил молотком. Железное острие глубоко ушло в плоть, скрежетнув по костям. Губы казнимого мучительно искривились, но он не издал ни единого стона. Привязанное тело непроизвольно рванулось, начало корчиться... Так бьется о прутья решетки волк, угодивший в железную клетку. На висках вспухли толстые жилы, низкий лоб усеяли капли пота, мышцы рук и ног судорожно напряглись, вздуваясь узлами. Молотки неотвратимо наносили удар за ударом, вгоняя острия все глубже сквозь тело, пронзая запястья и лодыжки. Темная кровь густо пятнала руки, державшие гвозди, и впитывалась в древесину креста. Было слышно, как раскалывались пробитые кости... Тем не менее мученик по-прежнему не издавал ни звука. Только почерневшие губы растянулись в оскале, обнажая десны, да дергалась из стороны в сторону косматая голова...

Человек, которого называли Парта Мак-Отна, стоял точно железное изваяние, лишь горели с непроницаемого лица бешеные глаза. Ему стоило таких усилий держать себя в узде, что все тело свело от невероятного напряжения.

Уродливый слуга прижимался к его коленям, обхватив ручищами ноги своего господина и испуганно отворачиваясь от страшного зрелища. Ручищи были стальные, но бедняга дрожал всем телом и беспрестанно что-то бормотал еле слышно, как заклинание.

...И вот наконец отзвучал последний удар. Упали веревки, связывавшие руки и ноги; приговоренному предстояло висеть, опираясь всем весом только на гвозди. Он больше не корчился, ибо каждое движение только усиливало мучительную боль в ранах. Ясные черные глаза еще не подернула стеклянная пленка смерти, и они не покидали лица человека по имени Парта Мак-Отна; несмотря ни на что, в них еще светилась несбыточная надежда.

Солдаты подняли крест и вставили его нижним концом в заранее приготовленную яму. И старательно утоптали землю, чтобы крест не свалился. Пикт повис на гвоздях... ни крика, ни стона! И он по-прежнему смотрел на посланника пиктов, вот только надежда в его глазах постепенно уступала место отчаянию.

— А ведь он способен прожить еще несколько дней! — жизнерадостно заявил Сулла. — Эти пикты! Живучи, как кошки. Надо будет приставить десяток солдат, пускай следят днем и ночью, а то как бы кто не снял его еще живого! Эй, Валерий! Давай почтим нашего уважаемого соседа, великого правителя Брана МакМорна. Дай этому парню чашу вина!

Молодой офицер со смехом вышел вперед, держа в руках чашу с вином, полную до краев. Поднявшись на цыпочки, он поднес вино к пересохшим губам страдальца. В черных глазах взметнулась багряная волна неукротимой ненависти. Пикт отдернул голову в сторону, чтобы ненароком не прикоснуться к вину, и плюнул молодому римлянину прямо в глаза. Выругавшись, Валерий швырнул чашу наземь, выхватил меч и по рукоять всадил его в тело распятого.

Никто не успел остановить его.

Сулла с гневным восклицанием приподнялся в кресле; человек по имени Парта Мак-Отна вздрогнул, но только прикусил губу — и ничего не сказал. Валерий принялся мрачно вытирать меч. Казалось, он сам дивился собственному порыву. На самом деле он действовал инстинктивно:

каким еще мог быть ответ на оскорбление, нанесенное его гордости римлянина?.. Только таким...

— Сдать меч, юноша! — распорядился Сулла. — Центурион Публий! Препроводить его в заключение. Несколько дней на черством хлебе с водой научат тебя, Валерий, смирять свою гордыню патриция и не пытаться оспаривать волю империи. Неужели ты не понимаешь, юный глупец, что при всем желании ты не мог бы сделать этой собаке более милосердного подарка? Еще бы ему не предпочесть быструю смерть от меча медленной агонии на кресте!.. Увести Валерия!.. А ты, центурион, поставь стражу возле креста, чтобы никто не унес тело, пока вороны не очистят добела его кости!.. Парта Мак-Отна, я сейчас отправляюсь на пир в доме Деметрия. Не желаешь составить мне компанию?

Пиктский посланец отрицательно покачал головой и ничего не ответил. Его пристальный взгляд не покидал тела, безжизненно обмякшего на черном от крови кресте. Сулла язвительно улыбнулся. Потом поднялся и зашагал прочь. Писец поспешил за ним, почтительно неся золоченое кресло. Следом двигались безразличные ко всему солдаты. Между ними, повесив голову, шел Валерий.

Человек, которого называли Парта Мак-Отна, завернулся в широкий плащ, помедлил еще немного, глядя на страшный крест с замершим на нем телом, четко очерченным на фоне малинового закатного неба, в котором уже громоздились непроглядные ночные облака. Потом и он зашагал прочь, сопровождаемый молчаливым слугой...

2

Спустя некоторое время человека, именуемого римлянами Парта Мак-Отна, можно было видеть в одном из внутренних покоев Эборакума. Он без устали ходил взад и вперед по комнате, точно тигр, запертый в клетку. Его ноги в сандалиях бесшумно ступали по мраморным плитам.

— Громм! — наконец повернулся он к скрюченному великану, своему прислужнику. — Я ведь отлично знаю, почему ты так цеплялся за мои колени и призывал на помощь Лунную Женщину. Ты боялся, что я потеряю

власть над собой и очертя голову брошусь выручать бедолагу!.. Во имя богов! Я уверен, именно на это и был расчет у римского пса. То-то его закованная в железо стража с меня глаз не спускала!.. Я все знал с самого начала, но, право же, сегодня искушение было не чета обычным!.. О, боги Света и Тьмы!.. — Он с силой потряс над головой стиснутыми кулаками, давая хоть какой-то выход черному бешенству. — Заставить меня — меня! — стоять и спокойно смотреть, как римская сволочь приколачивает к поганому кресту моего человека!.. Безо всякого на то права, я уж не говорю про то, что все их судилище было чистой насмешкой!.. О, Черные боги Р'лиеха! Я даже и к вам не побоялся бы воззвать, дабы навлечь погибель на палачей!.. Я клянусь Безымянным, что многие умрут в муках, расплачиваясь за то, что сегодня произошло!.. Самый Рим вскрикнет, как женщина, наступившая впотьмах на гадюку!..

— Он ведь узнал тебя, хозяин, — сказал Громм.

Его господин опустил голову и закрыл руками лицо, пряча исказившую его гримасу жестокого страдания.

— Эти глаза будут преследовать меня до смертного часа, — выговорил он глухо. — Да, он узнал меня... И почти до самого конца бедняга надеялся, что я как-нибудь исхитрюсь его выручить. О, боги и демоны!.. Неужели Рим так и будет казнить мой народ у меня на глазах?!. Если я допущу это, значит, я не вождь, а последняя собака, которую...

— Во имя всех богов, тише, хозяин!.. — испуганно воскликнул Громм. — Если бы римляне пронюхали, что ты и есть Бран МакМорн, они бы тебя сразу на крест привесили рядом с тем парнем...

— Что ж, скоро им в любом случае предстоит узнать, что к чему, — угрюмо ответствовал вождь. — Слишком долго я торчал здесь в обличье посланника, подглядывая за своими врагами. Они вздумали поиграть со мной, эти римляне, прячущие презрение и насмешку за якобы утонченной издевкой! Рим окружает варварских посланников всяческой заботой, нам предоставляют отменные жилища, потворствуют любой нашей прихоти, будь то женщины, вино, золото или азартные игры. Но сами при этом над нами смеются. Их гостеприимство — оскорбление! А иног-

да, вот как, к примеру, сегодня, скрытое презрение вылезает на поверхность, уже не прячась за внешним лоском... Ха! Я насквозь вижу все их ловушки. Я всегда умел сохранить невозмутимость. Я молча глотал намеренные оскорбления... Но это!.. Клянусь всеми демонами преисподней, это превосходит все, что дано выдержать человеку!.. Мой народ надеется на меня... И если я его подведу... Если я не оправдаю чаяний даже одного человека... даже самого распоследнего в племени... Если не я, то кто им поможет?.. К кому им обратиться за помощью? Нет, во имя богов!.. Я отвечу на все насмешки и подначки римских собак черной стрелой и отточенной сталью!..

— А вождь с перьями на голове? — спросил Громм. Он имел в виду военного управителя, и его гортанный голос прямо-таки дрожал от кровожадной ярости. — Он тоже умрет?

И Громм быстро обнажил стальной клинок.

Бран нахмурился:

— Легче сказать, чем сделать. Да, ему следует умереть. Но как с ним расправиться? Германская стража день-деньской торчит у него за спиной, а ночью караулит все окна и двери. Благо, врагов у Суллы хватает, как среди самих римлян, так и среди варваров. Немало бриттов с радостью перерезали бы ему глотку...

Громм ухватился за одежду Брана, что-то нечленораздельно бормоча. Его свирепое рвение намного превосходило способность облекать свои мысли словами.

— Позволь мне, хозяин!.. — выговорил он наконец. — Моя жизнь ничего не стоит. Я прирежу подлого пса даже посреди всего его войска!

Бран ответил улыбкой не менее кровожадной, чем его собственная. И хлопнул Громма по плечу с такой силой, что более слабый человек просто не удержался бы на ногах.

— Нет, старый драчливый пес, — сказал он. — Ты слишком мне нужен! Незачем безо всякого толку отдавать им твою жизнь. И потом, Сулла с первого взгляда распознает твои намерения, и дротики его тевтонов пронзят твое тело еще прежде, чем ты доберешься до негодяя. Нет, этого римлянина поразит не кинжал, ударивший из

темноты, не яд в сосуде с вином и не стрела из кустов при дороге...

Вождь отвернулся и вновь заходил по комнате, на сей раз — задумчиво склонив голову. И постепенно его взгляд затопила непроглядная тьма придумки столь жуткой, что он даже не решился вслух поделиться ею с Громмом, замершим в напряженном ожидании.

— Пока я торчал здесь, в этом богами про́клятом нагромождении глины и мрамора, я начал худо-бедно разбираться в хитросплетениях римской политики, — сказал он. — Если возле Вала начнется заварушка, Тит Сулла, как управитель здешней провинции, должен будет поспешить туда во главе войска. Вот только сомневаюсь я, что он именно так и поступит. Не-ет, он не трус. Просто, как бы ни был храбр тот или иной человек, он все же стремится избегать некоторых вещей. У каждого живет внутри свой собственный страх... Вот и он все время посылает вместо себя Кая Камилла. Пока тихо, тот исправно обходит дозором западные болота, чтобы бритты поменьше совались через границу. А Сулла садится вместо него в Башне Траяна. Ха!..

Он круто развернулся, стальные пальцы стиснули плечи Громма:

— Вот что! Бери-ка рыжего жеребца и во всю прыть дуй на север. Да так, чтобы под копытами горела трава! Скачи к Кормаку из Коннахта и скажи ему: пусть устроит на границе изрядный переполох! Пусть не скупится ни на мечи, ни на огонь!.. Пусть даст своим диким гэлам в полной мере насытиться смертоубийством!.. Чуть позже и я к нему присоединюсь. Только сперва обстряпаю одно дельце на западе...

Черные глаза Громма выразительно засверкали, корявая рука дернулась в непроизвольном жесте, исполненном мстительной ярости.

Бран вытащил из-под куртки тяжелую бронзовую печать...

— Вот эта вещь, — сказал он, — заключает в себе мое право посланника. С нею я вхож к любому римскому двору. Она откроет тебе все двери — отсюда и до самого Баал-дора. А если какой-нибудь чиновник уж очень начнет к тебе приставать... Держи!

Подняв крышку окованного железом сундука, Бран вытащил небольшой, но тяжелый кожаный мешочек и вложил его в ладонь своего воина.

— Когда ни один ключ не подходит к замку, попробуй воспользоваться золотым! — произнес он с усмешкой. — Ступай!

Правитель варваров обошелся без длительных церемоний, прощаясь со своим диким подданным. Громм вскинул руку в простом приветственном жесте... и, повернувшись, немедленно поспешил прочь.

Бран же подошел к зарешеченному окошку и выглянул на улицу, залитую лунным светом.

— Только бы дождаться, пока сядет луна! — пробормотал он угрюмо. — И тогда я тоже отправлюсь в путь... в самую преисподнюю, вот куда! Но прежде отдам должок кое-кому...

Его слуха достиг осторожный цокот копыт по каменной мостовой.

— Вот так-то! — пробормотал Бран. — Даже Рим не сумеет остановить пиктского лазутчика, снабженного печатью и золотом!.. А я, пожалуй, посплю, пока не закатилась луна!

Он презрительно оскалил зубы, взглянув на мраморные рельефы и желобчатые колонны — все это должно было внушать ему постоянную мысль о величии Рима, так вот вам!.. — и опустился на ложе, с которого он давным-давно содрал за ненадобностью все подушки и шелковые перины. Его закаленное тело ни в какой роскоши не нуждалось.

Улегшись, Бран сразу заснул, несмотря на черную жажду отмщения, по-прежнему клокотавшую в сердце. Это, пожалуй, был самый первый урок, преподанный ему суровой и безжалостной жизнью воина пустошей: можешь урвать мгновение сна — не упускай случая. Так время от времени дарит себе отдых охотящийся волк.

Обычно Бран спал чутко, словно вечно настороженная пантера. Сегодня получилось иначе. Он как будто провалился в серую туманную бездну, обитель бесформенных теней, где не было времени. И там он встретил высокого, худого, седобородого человека: старого Гонара, жреца Луны, своего главного советника. И Бран, хорошо знавший

его, невольно открыл рот от изумления: лицо старика было белее снега, он трясся, как в лихорадке. Бран дивился недаром: сколько лет он знал жреца, но ни разу не видел, чтобы Гонар Мудрый выказывал хоть какие-то признаки страха!

— Что стряслось, дед? — прямо спросил пиктский владыка. — Все ли благополучно в Баал-доре?..

— Все благополучно в Баал-доре, где теперь лежит мое спящее тело, — ответил старый Гонар. — Но мой дух преодолел пустые бездны, чтобы сразиться с тобой за твою же душу, о вождь! Или ты обезумел, допустив в свой разум посетившую тебя мысль?..

— Гонар, — хмуро ответствовал Бран, — сегодня я вынужден был беспомощно наблюдать, как мой человек погибает на римском кресте. Я не знаю ни его имени, ни положения в племени. Да и не все ли равно, был ли он верным воином, оставшимся неведомым мне, или негодяем, объявленным вне закона! Я знаю только, что он был из моих! И что первым запахом, который он когда-то вдохнул, был запах вереска, а самым первым зрелищем, представшим его глазам, — восход солнца над пиктскими холмами. Он принадлежал мне, а не Риму. Если он заслуживал наказания, это я должен был назначить ему кару. Если его следовало судить, судьей опять же должен был быть я. Ибо в наших жилах текла одна кровь. Наше сознание воспламенял один и тот же огонь. В детстве мы слушали одни и те же старинные сказки, в юности пели одни и те же старые песни. Струны наших сердец отзывались на одну и ту же боль, как, впрочем, у любого мужчины, женщины или ребенка в пиктской стране! Я должен был защитить его, но не смог. А теперь я, его вождь, должен за него отомстить!..

— Но, во имя богов, Бран!.. — увещевал старый колдун. — Неужели нельзя отомстить как-нибудь по-другому? Вернись на пустоши, собери воинов... позови Кормака с его гэлами... затопите огнем и кровью все подступы к великому Валу!

— Уж об этом не беспокойся, — сурово заверил его Бран. — Именно так я и сделаю. Но для начала — *для начала!* — я воздам за парня так, как не снилось еще ни одному римлянину! Ха, они воображают, будто успели

что-то узнать о тайнах нашего древнего острова, давшего приют *иной* жизни задолго до того, как Рим вырос на болотах близ Тибра!..

— Бран, но некоторые средства возмездия слишком нечисты, чтобы использовать их даже против римлян...

Бран ответил коротким смешком, похожим на лай шакала.

— О нет!.. Нет на свете оружия, которое я отказался бы обратить против Рима!.. Я стою спиной к стене, Гонар. Клянусь кровью демонов, неужели ты хочешь сказать, будто Рим воевал со мной честно?.. Ха! Да кто я такой? Варварский царек в мантии из волчьей шкуры, с железной короной на голове, дерзнувший с горсточкой жалких дикарей бросить вызов повелителям мира!.. Велики ли мои владения? Вересковые пустоши, плетеные мазанки да копья моей косматой дружины... И я — я! — объявляю войну Риму с его закованными в броню легионами, с его тучными полями и морем, приносящим богатства! С горами, реками и блистающими городами! С его богатством, мощью оружия, ремесленным мастерством и царственным гневом!.. Что ж, я пущу в ход не только сталь и огонь, но и хитрость с предательством! Я буду гвоздем в сапоге, гадюкой на тропе, ядом в чаше, кинжалом во тьме. О да!.. — Его голос окрасился дыханием темноты. — О да, я призову на помощь даже порождения Бездны!..

— Но это безумие!.. — вскричал Гонар. — Задуманное тобой погубит тебя. Ты отправишься в преисподнюю и не вернешься оттуда! Что тогда станется с твоим народом, о котором ты столь радеешь?..

— Если я не умею помочь ему, уж лучше мне умереть! — проворчал вождь.

— Но ты даже не сможешь достигнуть существ, которых вознамерился повидать! — почти закричал Гонар. — Они не встречались с людьми уже несчитанные столетия. Нет двери, сквозь которую можно было бы войти в ним. Они давным-давно разорвали все связи с известным нам миром...

— Ты сам мне вдалбливал, — непреклонно отвечал Бран, — будто нет ничего во Вселенной, что было бы начисто оторвано от великой реки Жизни. Мудрые слова, в справедливости которых я убеждался уже многократно.

Нет ни одного народа, нет ни единого проявления жизни, не впряденного тем или иным образом в живую ткань мироздания. Где-то есть звено, связующее ИХ с известным мне миром. Где-то она есть, эта Дверь. И я разыщу ее где-нибудь там, в безлюдных болотах и плавнях западного края...

Глаза старца наполнились сверхчеловеческим ужасом.

— Горе, горе, горе племени пиктов!.. — вскричал он, отступая прочь. — Горе нерожденной державе!.. Горе, черное горе сынам людей...

Бран проснулся в потемках: только звезды светили в зарешеченное окно. Луны не было видно, хотя ее сияние еще мерцало над крышами. Бран припомнил свой сон, вздрогнул и выругался сквозь зубы.

Поднявшись, он сбросил плащ, надев взамен него легкую вороненую кольчугу и опоясавшись мечом и кинжалом. Вновь подойдя к окованному железом сундуку, он вытащил несколько маленьких мешочков и пересыпал позвякивавшее содержимое в поясной кошель. Потом, снова завернувшись в широкий плащ, он тихо вышел из дому. Здесь не было слуг, которые могли бы за ним проследить, поскольку Бран раз за разом с мрачным упорством отказывался от рабов, столь же упорно навязываемых римлянами варварским посланникам. Нужды у Брана были простые, хватало ему и одного Громма.

Конюшни выходили во внутренний двор. Немного пошарив впотьмах, Бран коснулся рукой ноздрей громадного жеребца. Конь узнал хозяина и хотел приветствовать радостным ржанием, но Бран удержал его. Ему не понадобилось света, чтобы взнуздать и оседлать могучего зверя. Бран миновал двор и вышел на улицу, ведя коня в поводу. Луна уже садилась за горизонт, вдоль западной стены ширилась полоса непроглядной тени. Глубокая тишина распростерлась над мраморными дворцами и глиняными лачугами Эборакума, залитого светом холодных звезд.

Бран коснулся рукой седельной сумки, отягощенной золотыми монетами римской чеканки. Он явился сюда, в Эборакум, под личиной пиктского посланника, но сам все это время шпионил. Однако он был варваром. А потому и не смог доиграть свою роль, ни разу не сбросив маски отстраненной холодности и сдержанного достоинства. И

вот теперь в памяти всплывали отрывочные картины разнузданных пиров, на которых фонтаны били вином. Бран вспоминал белогрудых римлянок; изнеженные красавицы, давно пресытившиеся цивилизованными любовниками, взирали на мужественного варвара с чем-то бо́льшим, нежели простое любопытство. Он вспоминал гладиаторские бои и азартные игры, стук брошенных костей и высокие стопки золотых монет, переходившие из рук в руки. Бран накачивался вином и отчаянно бросался в игру. Так поступают все варвары. И ему несусветно везло. Вероятно, именно потому, что выигрывал и проигрывал он с одинаковым безразличием. Золото для пикта было песком, текущим меж пальцев. Дома, в родной стране, воин в золоте не нуждался. Однако в цивилизованных краях оно имело громадную силу, и Бран это отлично понял.

Почти достигнув тени под западной стеной, он увидел перед собой огромную сторожевую башню. Она была соединена со внешней стеной и высоко возвышалась над ней. Один из углов крепостной башни, самый дальний от стены, служил местом заточения.

Бран оставил коня стоять в темном переулке. Он не стал привязывать его — повод свободно свисал наземь. Сам же пикт, точно крадущийся волк, скользнул в тень башни.

Молодой офицер по имени Валерий, посаженный под замок, спал беспокойным неглубоким сном. Осторожный звук, долетевший со стороны зарешеченного окна, заставил его немедленно пробудиться. Он сел на лежанке и тихо выругался: в окно проникал звездный свет, очерчивая на полу полосатый квадрат, и это зрелище тотчас напомнило юному офицеру о бесчестье, которому подверг его Сулла. Ну что ж! Потерпеть несколько дней, и все останется в прошлом. Сулла не станет очень уж тыкать носом в грязь человека с такими, как у него, Валерия, высокими связями. Ну а потом, когда он выйдет отсюда, пусть только попробует кто-нибудь — все равно, мужчина или женщина — над ним насмехаться! Да будь он проклят вовеки, этот наглый пикт!..

«Но погодите-ка, — оборвал сам себя молодой офицер. — Что это там за звук меня разбудил?..»

— Ш-ш-ш!.. — долетел из-за решетки человеческий голос.

Что еще за секреты, удивился Валерий. Врагам здесь взяться неоткуда. Стало быть, это друг. Но с какой стати?.. Он поднялся и пересек каземат, подойдя вплотную к окошку. Слабый свет звезд не давал толком ничего разглядеть по ту сторону решетки. Валерий смог только различить смутный человеческий силуэт.

— Кто ты? — спросил он, прижимаясь к прутьям и напрягая зрение.

В ответ прозвучал торжествующий раскат по-волчьи хищного смеха, и звезды блеснули на длинной полосе отточенной стали. Валерий отшатнулся от окна и обрушился на пол, хватаясь за горло. Он силился закричать, но изо рта вырывалось лишь жуткое бульканье. Между пальцами хлестала кровь. Она растекалась лужей вокруг тела, корчившегося на полу, в ней тускло дрожали багровые отражения звезд...

По ту сторону решетки Бран уже скользил прочь. Он не стал терять время, заглядывая внутрь каземата. Зачем?.. Тем более что еще через минуту из-за угла должна была выйти стража, совершавшая обычный обход. Он уже отчетливо слышал размеренный топот ног, обутых в железо. Бран растворился во тьме, не дожидаясь появления римлян. А те, обогнув угол башни, преспокойно прошествовали мимо зарешеченного окна, никакого понятия не имея о том, что внутри, на полу, лежал труп.

Бран подъехал к небольшим воротам в западной стене. Сонная стража и не подумала его окликать. В Эборакуме не опасались вражеского нашествия, зато хорошо организованные воры и похитители женщин давно успели внушить привратникам простую истину: не проявляй лишней бдительности, это невыгодно.

Однако единственный стражник, карауливший западные ворота (его товарищи, вусмерть пьяные, валялись в ближайшем лупанарии), поднял копье и заорал на Брана, требуя остановиться и дать полный отчет: кто, куда и зачем. Пикт молча подъехал вплотную... Он кутался в темный плащ и казался римлянину смутной тенью, плоть от плоти окружающей темноты. Стражник отчетливо видел лишь холодный блеск его глаз. Но вот Бран поднял

руку, и солдат уловил мерцание золота. Одновременно в другой руке Брана блеснул длинный клинок. Солдат сразу все понял. Ему не потребовалось мучительно выбирать между взяткой и смертельным боем с неведомым чужаком — явно варваром из какого-то очень свирепого племени. Буркнув что-то, он опустил копье и распахнул перед Браном ворота. Пикт проехал, бросив римлянину горстку монет. Они золотым дождем просыпались к его ногам и запрыгали, звеня по каменным плитам. Солдат жадно нагнулся и принялся торопливо собирать деньги, а Бран МакМорн помчался на запад, точно призрак, летящий сквозь ночь.

3

Бран МакМорн пробирался безлюдными топями западного края... Холодный ветер мел угрюмый простор. Несколько цапель, тяжело хлопая крыльями, пролетели под серыми облаками. Высокие камыши и болотная трава волновались повсюду кругом, сколько хватало глаз. Недвижная вода открытых топей отражала тусклый свет дня. Там и сям виднелись холмики подозрительно правильной формы, темные на фоне пасмурного неба. По их вершинам тянулась вдаль вереница стоячих камней — менгиров, возведенных... кем? Чьими руками?..

Едва видимая полоска, синевшая на западе, обозначала отроги диких гор Уэльса, лежавших за горизонтом. Бран знал, что там обитали дикие племена кельтов — свирепых голубоглазых людей, не познавших римского ига. По всей границе их земель стояли сторожевые башни с сильными гарнизонами — на случай возможных вылазок. Бран присмотрелся. Даже отсюда, из самого сердца болот, была видна неприступная цитадель, которую люди называли Башней Траяна...

Негостеприимные здешние земли на первый взгляд казались символом абсолютного уединения. Однако даже и здесь не обошлось без некоторых признаков человеческой жизни. Бран уже встречал жителей топи: скрытных, молчаливых людей, темноглазых и темноволосых, говоривших на странном смешанном наречии. Из какого языка

пришло то или иное слово, уже невозможно было проследить. Бран признавал между ними и собой определенную степень родства, но поглядывал на местных несколько свысока. Он был чистокровный пикт и тем гордился, а они — не разбери-поймешь.

Здесь надо заметить, что каледонское простонародье, в отличие от Брана и других вождей, чистотой происхождения также не отличалось. Коренастым сложением и толстыми узловатыми конечностями они были обязаны первобытному племени германского происхождения, некогда, еще до нашествия кельтов, поселившемуся на севере острова. Потом они влились в состав пиктов и смешались с ними. Только вожди пиктов с незапамятных времен тщательно охраняли свой род от какого-либо влияния чуждой крови. Сам Бран был чистейшим потомком Древней расы... А вот через этих болотных жителей какие только волны не прокатывались, и каждая оставила свой след. Бриттские, гэльские, римские завоеватели... Ни своего изначального происхождения, ни языка этот народ уже не помнил.

Бран же происходил из невероятно древнего племени. Его предки заполонили весь запад Европы и установили в ней свою Темную Империю еще до прихода арийцев, в те времена, когда предки кельтов, эллинов и германцев были еще единым первобытным сообществом и этому сообществу только предстояло начать движение к западу, дробясь на отдельные племена...

Только здесь, в Каледонии, насколько было известно Брану, его народ сумел избежать нашествия арийцев. Он, правда, слышал еще об одной ветви пиктов, именуемой басками. Засев высоко в Пиренейских горах, эти люди провозгласили себя несломленной, никому не подчиняющейся расой. Бран знал, однако, что они столетиями платили дань предкам гэлов, еще прежде, чем те покинули свое горное царство и отправились в Ирландию на парусных кораблях. Нет, по-настоящему свободными и независимыми оставались только каледонские пикты, да и те распались на множество мелких враждующих племен. Бран стал первым за пять столетий верховным правителем. Он собирался основать новую династию... то есть нет: возродить прежнюю, пусть и под другим именем.

Под самым боком у римлян Бран МакМорн всерьез мечтал об империи.

И вот теперь он брел болотами, отыскивая Дверь. Разговаривая с темноглазыми жителями топей, он ни словом не упоминул о своих поисках. Люди снабжали его новостями, передававшимися из уст в уста. О большой войне на севере, о том, что на всем протяжении великого Вала пронзительно пели боевые волынки, о кострах над пустошами, возле которых собирались вооруженные люди. О дыме, пламени, жестоком насилии и о мечах гэлов, досыта упившихся кровью. Орлы легионов постепенно перемещались на север; древний большак гудел от поступи согласно марширующих ног, обутых в железо.

Бран слушал все это в самом сердце болот западного края и посмеивался, очень довольный.

А в Эборакуме Тит Сулла отдал тайный приказ всенепременно сыскать и доставить к нему пиктского посланника с гэльским именем. Посланник находился под подозрением, ибо умудрился таинственно исчезнуть в ту самую ночь, когда молодого Валерия нашли в камере мертвым, со вспоротым горлом. Сулла чувствовал, что внезапная вспышка боевых действий у Вала была самым непосредственным образом связана с распятием осужденного преступника-пикта, и тотчас приставил к делу всю сеть своих доносчиков и соглядатаев, хотя и понимал, что так называемый Парта Мак-Отна давно уже был вне его досягаемости. Затем Сулла стал готовиться к выступлению из Эборакума, но сам с многочисленными легионерами, отправленными им на север, не поехал. Сулла был отважным человеком, но у любого храбреца есть хоть что-то, чего он смертельно боится. Так вот, кошмаром Суллы был Кормак на-Коннахт, черноволосый гэльский принц. Этот Кормак некогда поклялся выдрать у Суллы из груди сердце и съесть его сырым. И посему Сулла, сопровождаемый своими всегдашними телохранителями, отправился на запад, в Башню Траяна. Там заправлял делами воинственный Кай Камилл, а он ничего так не любил, как замещать своего непосредственного начальника, когда подножие Вала в очередной раз начинал захлестывать кровавый прибой. Вот такая хитрая политика. Впрочем, римский легат нечасто навещал отдаленный остров, а в его отсутствие

Тит Сулла, богач и матерый интриган, обладал высшей властью в Британии.

Бран все это знал. И терпеливо ожидал его появления, обосновавшись в маленьком, полуразвалившемся домике...

Однажды хмурым вечером он шел через болота — зловещий силуэт, черный на фоне малиново тлевшего заката. Он всей кожей ощущал невероятную древность здешней земли. Он прямо-таки чувствовал себя последним представителем рода людского, чудом уцелевшего после Судного Дня. И тем не менее — вскоре ему попался на глаза знак человеческого присутствия. Убогий домишко, мазанка с плетеными стенами, угнездившаяся посреди камышей.

Женщина, стоявшая в раскрытой двери, приветствовала его, и угрюмые зрачки Брана подозрительно сузились. Женщину никак нельзя было назвать старой; откуда же эта злая мудрость веков, светившаяся в ее взгляде? Ее скудная одежда была совсем изорвана, нечесаные черные пряди спутались, придавая жительнице трясин дикий и неухоженный вид, вполне соответствовавший первобытности мрачного края. Алые губы улыбались, но в смехе женщины не было никакого веселья — лишь тень насмешки. А зубы во рту были белыми и заостренными, точно клыки.

— Входи же, господин мой! — сказала она. — Если, конечно, не боишься разделить кров с ведьмой Дагонмура!

Бран молча вошел внутрь и сел на поломанную скамью, а женщина занялась скромным ужином, поспевавшим над огнем давно не чищенного очага. Бран следил за ее движениями и подмечал их змеиную гибкость. Уши у женщины казались почти заостренными, а желтые глаза — странно раскосыми...

— Чего ты ищешь в наших болотах, государь мой? — спросила она, оборачиваясь к своему гостю. Повернулась она тоже совершенно особенным образом, плавно изогнувшись всем телом.

— Мне нужна Дверь, — ответствовал Бран, опуская подбородок на сжатый кулак. — Хочу пропеть одну песенку Порождениям Бездн!

Она резко вздрогнула, выпрямляясь. Кувшин вывалился из ее рук и раскололся, ударившись о камни очага.

— Плохие слова, — запинаясь, выговорила она наконец. — Нехорошо, когда люди даже случайно их произносят...

Он сказал:

— Я произнес их не случайно, а очень даже преднамеренно.

Она покачала головой:

— Не понимаю тебя...

— Отлично понимаешь, — сказал Бран. — О да, ты прекрасно все поняла! Мой народ очень древен, мы правили Британией еще прежде, нежели чрево племен исторгло из себя кельтов и эллинов. Но еще до нас в Британии жили Другие. Твоя кожа лоснится, глаза раскосы, а по венам бежит особая кровь. Так что ты в полной мере понимаешь, о чем я говорю!

Она помолчала некоторое время. Ее губы по-прежнему улыбались, но лицо оставалось непроницаемым.

— Не иначе, ты обезумел! — сказала она затем. — Надо быть сумасшедшим, чтобы по своей воле разыскивать Тех, от кого в прежние времена с криками бежали могущественные мужи!..

— Я возжелал мести, — был ответ. — И совершить ее могут лишь Те, кого я ищу.

Женщина вновь покачала головой:

— Ты наслушался пения птиц... Насмотрелся снов.

— Скорее уж я наслушался гадючьего шипения, — проворчал Бран. — И я знаю, какой сон пустой, а какой нет. Хватит меня морочить словами! Я пришел искать связь между двумя мирами. И я ее отыскал!

— Что ж, больше не стану лгать тебе, человек с Севера, — сказала женщина. — Те, к кому ты пришел, в самом деле по-прежнему живут в недрах сонных холмов. Они просто *ушли прочь*. И уходят все дальше и дальше от мира, к которому ты привык...

— И все-таки Они, как я вижу, временами высовываются наружу, чтобы похищать в ночи женщин, заблудившихся среди болот, — заметил он, поглядывая на косой разрез ее глаз.

Она озорно рассмеялась:

— От меня-то ты чего хочешь?

— Хочу, чтобы ты отвела меня к Ним.

Она откинула голову и презрительно расхохоталась. Возмущенный Бран железной хваткой сцапал ее за ворот, между тем как правая нащупала рукоять оружия... Женщина засмеялась ему в лицо:

— Убей меня и будь проклят, северный волк!.. Ты что, воображаешь, будто моя жизнь так уж сладостна? Что я буду цепляться за нее, точно младенец, которого отрывают от материнской груди?..

Бран разжал пальцы и признался:

— Ты права, грозить тебе глупо... Что ж, я куплю твою помощь.

— Каким же образом? — смеющийся голос опять был полон насмешки.

Бран расстегнул кошель; в его подставленную ладонь потекла золотая струя.

— Здесь богатства больше, — сказал он, — чем когда-либо снилось жителям болотного края!

И опять она засмеялась:

— Да на что мне нужен твой несчастный металл? Прибереги его для какой-нибудь римской шлюхи с белыми сиськами. Может, и сделаешь из нее предательницу...

— Ну так назови цену! — попросил Бран. — Может, голову какого-нибудь обидчика тебе принести?

— Во имя крови в моих жилах, несущей древнюю ненависть! Кто мой худший враг, если не ты?.. — захохотала она. И, рванувшись по-кошачьи, ударила кинжалом. Но ее кинжал сломался о кольчугу, которую Бран носил под плащом. Воин отшвырнул ее прочь, презрительно двинув запястьем. Женщина отлетела и растянулась на травяной лежанке.

И опять засмеялась, глядя на него снизу вверх...

— Что ж, мой волк, я назову тебе цену. И, может статься, придет день, когда ты проклянешь доспех, остановивший кинжал Атлы!.. — Она поднялась и, подойдя вплотную, вцепилась нечеловечески длинными пальцами в его плащ. — Да, я все скажу тебе, Черный Бран, властелин Каледона... О-о, я сразу узнала тебя, как только ты вошел в мою хижину, такой черноволосый, с холодными глазами!.. Что ж, я отведу тебя ко вратам преис-

подней, если ты так уж этого хочешь. Но за это ты заплатишь мне любовью! Заплатишь поцелуями и лаской вождя!..

Горька и безрадостна моя жизнь, ибо смертным мужчинам я внушаю лишь ужас и отвращение. Я ни разу еще не знала мужской любви, объятия крепких рук, жара поцелуев, столь ценимых людьми!.. Я, Атла, оборотень с болота!.. Что я вкусила в этой жизни, кроме хлещущих ветров, неприютных рассветов да шуршания болотной травы?.. Что я видела, кроме призрачных лиц, взирающих на меня из бездны топей? Что я слышала, кроме невнятных шагов в ночи? Твари во тьме, мерцание красных глаз, жуткий шепот безымянных созданий, бродящих во мгле...

Но я человек, по крайней мере наполовину! Я познала печаль и томление, отчаяние, тоску и тупую, саднящую боль одиночества! Подари же мне, вождь, твои яростные поцелуи и варварское объятие, причиняющее сладкую боль! И тогда даже долгий век в одиночестве не сумеет вконец иссушить мое сердце бесплодной завистью к белогрудым подругам людей... Ибо моя память сохранит то, чем смогут похвалиться немногие. Поцелуи вождя!.. Подари мне одну ночь любви, северный владыка! И я отведу тебя ко вратам Бездны!..

Бран угрюмо смотрел на нее... Потом протянул руку и железными пальцами стиснул ее запястье. Прикосновение к неестественно гладкой, лоснящейся коже заставило его содрогнуться всем телом. Он медленно кивнул. И, притянув женщину поближе, заставил себя наклониться к ее раскрытым губам...

4

Холодный серый предрассветный туман казался Брану мокрым плащом, неприятно липнувшим к телу. Вождь повернулся и посмотрел на женщину, чьи раскосые глаза поблескивали в сумрачном полусвете.

— Теперь твоя очередь выполнить свою часть уговора, — резко сказал он. — Я искал связующее звено между мирами и обрел его в твоем лице. Теперь мне нужно нечто такое, что свято для Них. Эта вещь станет ключом к

Двери, незримо отделяющей меня от Них. Расскажи, как мне ее найти!

Алые губы жутко улыбнулись в ответ:

— Я расскажу. Ступай на курган, который люди зовут Дагоновой Могилой. Отвали каменные плиты, загромоздившие вход, и войди внутрь, под своды склепа. Ты увидишь, что пол могильного покоя составляют семь камней, причем шесть из них окружают седьмой. Подними срединный камень — и сам все увидишь!

— Там я найду Черный Камень? — спросил Бран.

— Дагонова Могила — всего лишь Дверь к Черному Камню, — отвечала она. — Вот только решишься ли ты идти по Дороге?

— Скажи еще, бдительно ли стерегут символ? — Бран невольно пошевелил в ножнах клинок. Алые губы насмешливо скривились.

— Если ты встретишь хоть кого-нибудь на Дороге, — сказала Атла, — ты умрешь такой смертью, какой уже много столетий не умирал ни один человек. Да, Камень охраняют, но не так, как охраняют свои сокровища люди. С чего бы Им сторожить то, на что никогда никто не желал покуситься?.. Быть может, Они окажутся поблизости, быть может — нет. Если ты возжелал Камня, придется тебе рискнуть. Но берегись, пиктский владыка! Не забывай, что не кто иной, как твои соплеменники много лет назад оборвали нить, связывавшую Их с земными народами. В те времена Они были почти людьми. Они жили на земле и любовались сиянием солнца. Потом Их вынудили *удалиться*. Теперь Они не ведают солнечного луча и остерегаются даже лунного света. Они ненавидят даже свет звезд... Ибо далеко, далеко от нашего мира ушли Те, кто со временем мог бы стать людьми... если бы не острые копья твоих предков!..

В небе висела сплошная серая мгла, сквозь которую желтым кругом просвечивало холодное солнце. Дагонова Могила оказалась невысоким круглым холмиком, заросшим буйной травой, странным образом напоминавшей грибы. В восточной стороне кургана зияло входное отверстие грубо сработанного тоннеля, достигавшего, по всей види-

мости, внутреннего помещения. Бран взялся двумя руками за иззубренный край каменной плиты и потянул что было силы. Камень не сдвинулся с места. Тогда Бран вытащил меч и всунул острие в щель между плитой и каменным косяком. Он принялся осторожно расшатывать камень, действуя мечом как рычагом. Постепенно тяжелая плита зашевелилась и подалась, и Бран отвалил ее в сторону. Его тут же обдало волной густого смрада: такой запах мог бы исходить из покойницкой. Пикту даже показалось, будто солнечные лучи не сразу пожелали озарить открывшуюся дыру, словно боясь испачкаться от соприкосновения с висевшей там вонючей темнотой...

Бран ощупью полез внутрь, держа в руке меч и готовясь... неизвестно к чему. Тоннель оказался длинным и узким. Стены и потолок были сложены из тяжелых, плотно подогнанных камней, и выпрямиться было невозможно. Сначала мрак казался Брану совершенно кромешным, но потом он начал кое-что различать. То ли глаза привыкли к темноте, то ли помогал солнечный свет, кое-как все же сочившийся сквозь входное отверстие... Как бы то ни было, спустя некоторое время Бран выбрался в округлое помещение и даже сумел разглядеть низкий купол над головой. Без сомнения, именно здесь были в древности упокоены останки того, ради кого укладывались строительные камни и наваливалась сверху земля. Минувшие века уничтожили бренную плоть, не оставив никакого следа. Наклонившись и напрягая зрение, Бран сумел рассмотреть странный и удивительно правильный рисунок каменной кладки пола. Шесть хорошо подогнанных плит обрамляли седьмую, шестиугольную, красовавшуюся посередине.

Пикт опять воспользовался мечом: запустил его в щель между камнями и осторожно нажал. Край срединного камня дрогнул и постепенно пошел вверх. Еще немного усилий, и Бран, окончательно вытащив плиту, прислонил ее к закругленной стене чертога. Он напряг зрение, вглядываясь в открывшийся проход, но ничего, кроме зияющей тьмы крутого колодца с маленькими полустертыми ступенями, тонувшими во мраке, так и не рассмотрел. Дальше Бран действовал без каких-либо колебаний. По спине между лопатками гулял отвратительный холодок, но

все-таки пиктский вождь решительно перелез через край и стал спускаться вниз. Темнота в колодце показалась ему вещественной, плотной и липкой.

Спускаясь, он нащупывал путь, оскальзываясь и спотыкаясь на стертых ступенях, слишком узких для человеческих ног. Бран плотно упирался одной рукой в стенку колодца: мало ли что за ловушки ожидали его впереди, как бы не сорваться впотьмах в какой-нибудь бездонный провал!.. Ступени были выбиты в монолитной скале, но время почти совсем сгладило их. Чем дальше пробирался Бран, тем меньше лестница походила на лестницу: ступени постепенно превращались в простые гладкие бугорки.

Потом тоннель круто переменил направление. Он вел по-прежнему вниз, но уклон сделался гораздо меньше: Бран смог просто идти, пригибаясь под низким сводом и крепко упираясь локтями в каменные стенки. Ступеньки под ногами вовсе исчезли, зато на камне появилась слизь, точно Бран спускался в змеиное логово. «Что же за существа, — спросил себя Бран, — скользили вверх-вниз по здешним тоннелям? И сколько веков они здесь прожили?..»

Между тем тоннель начал сужаться, так что вскоре Бран с некоторым трудом протискивался вперед. В конце концов он лег навзничь и, действуя пальцами, начал продвигаться ползком, ногами вперед. Он знал, что забирается все глубже в недра земли, и не решался даже гадать, далеко ли осталась поверхность. Потом... потом впереди забрезжил свет. Кромешную тьму нарушил слабенький огонек вроде тех, что мерцают по ночам на болотах. Бран улыбнулся ему, но улыбка больше напоминала оскал. Он был готов драться... хотя как прикажете давать бой в этой узкой норе? Впрочем, решившись на путешествие в преисподнюю, Бран постарался полностью отрешиться от страха за свою жизнь. Существовала лишь Цель, к которой он стремился. Бран полз вперед...

...И наконец оказался в пещере достаточно обширной, чтобы можно было выпрямиться во весь рост. Осмотревшись, он не смог различить свода, но подземный чертог даже в темноте подавлял своими размерами. И повсюду — все та же плотная, вещественная темнота. Она надвигалась со всех сторон, а позади Брана зияло отверстие, сквозь

которое он сюда проник, — черная дыра темней темноты. А прямо напротив него находился источник жуткого мерцания, замеченного им еще из тоннеля. Там возвышался чудовищный алтарь, сложенный из человеческих черепов. Откуда именно исходил свет, Бран так и не понял, зато на алтаре, как ему показалось, возлежала квинтэссенция самой темноты, ночь, свернувшаяся в клубок, — Черный Камень!

Стражей темной реликвии нигде не было видно, но Бран не стал тратить время на благодарственные молитвы. Он подхватил Камень и, зажав его под левой мышкой, поспешно устремился обратно в тоннель. При этом ему все время мерещилось, будто ожившая тьма крадется за ним, обнюхивая его пятки и скаля омерзительные клыки. Так всегда кажется, когда приходится поворачиваться к опасности спиной. Бран пробирался темным колодцем, прижимая к себе свою жуткую добычу, и ледяной пот струился по его телу. Он карабкался вверх как можно быстрей и все время напрягал слух, силясь вовремя распознать крадущиеся шаги неведомых тварей. Его колотил жестокий озноб, волосы на затылке порывались встать дыбом, как если бы холодный ветер тянул ему в спину...

Добравшись туда, где начинались крохотные ступени, Бран почувствовал себя так, словно вот-вот должен был достигнуть границы живого мира, — достигнуть с *другой* стороны. Поскальзываясь и спотыкаясь, он ринулся вверх и наконец, издав вздох величайшего облегчения, вывалился обратно в склеп Дагоновой Могилы. Царивший там призрачный сумрак показался ему благословенным полуденным светом. Бран поставил на место срединный камень и вышел наружу, под открытое небо. Никогда он еще так не радовался холодным лучам желтого солнца, скрытого за облаками. Он физически ощутил, как тает черный кошмар безумного страха, гнавшийся за ним по подземным тоннелям. Он водрузил на место каменную плиту, запиравшую вход в курган, поднял валявшийся на земле плащ, плотно завернул в него Черный Камень и поспешил прочь. Необоримое отвращение гнало его прочь, окрыляя шаги.

Над землей распростерлась серая сумрачная тишина. Болотный край казался безжизненным, точно оборотная

сторона луны. Однако теперь Бран в точности знал, что в глубине, у него под ногами, дремала скрытая жизнь. Как скоро она пробудится? И каково будет ее ужасное проявление?..

Бран пересек чащу рослых, все скрывающих камышей и вышел к открытой, неподвижной трясине, которую люди называли Дагоновой Топью. Ни малейшая рябь не тревожила спокойную темную воду, ничто не говорило о присутствии жуткого чудовища, обитавшего, согласно легендам, там, внизу. Бран пристально обозрел окрестности, но казалось, болото затаило дыхание. Никаких признаков жизни, человеческой или... иной. Бран прислушался к себе: его отточенные инстинкты варвара наверняка предупредили бы его о незримом внимании невидимого врага. Ничего! Бран в самом деле был совершенно один. Единственный на всей земле человек.

Он быстро развернул Черный Камень, выпутав его из плаща. Камень лег на ладони сгустком угрюмой ночной темноты. Бран не стал гадать и раздумывать ни о природе странного камня, ни о смысле еще более странных символов, высеченных на черной поверхности. Взвесив его на руках и прикинув расстояние, пикт зашвырнул его далеко в топь, так, что он с плеском упал почти точно посередине черного озера. Хмурые волны быстро сомкнулись над подземной святыней. На какой-то миг в темной глубине как будто возник рой мерцающих искр, потом все успокоилось. И снова ни малейшая рябь не нарушала темную гладь Дагоновой Топи...

5

Когда Бран встал на пороге хижины, женщина-оборотень стремительно обернулась навстречу, раскосые глаза изумленно округлились:

— Ты!.. Живой!.. И в здравом рассудке!..

— Я побывал в преисподней и возвратился назад, — проворчал он. — И, более того, я добыл то, ради чего спускался туда!

— Черный Камень? — вырвалось у нее. — Так ты в самом деле дерзнул похитить его? Где же он?..

— Не имеет значения. Я тебе лучше вот что скажу... Прошлой ночью мой жеребец вдруг завизжал в стойле, и что-то хрустнуло у него под копытами. И я уверен, что он лягал не стену конюшни: когда я прибежал посмотреть, что случилось, я увидел кровь на полу и на копытах коня. А еще я слышал в ночи крадущиеся шаги и возню глубоко под земляным полом, как если бы черви рыли там норы. Они прознали, что это я похитил Их Камень. Не ты ли меня предала?

Она покачала головой:

— Я сберегла твою тайну. Но Им и не нужно было мое пособничество, чтобы прознать о тебе. Чем дальше Они уходят прочь от мира людей, тем больше развиваются у них... другие способности. Однажды на рассвете тебя просто не окажется в доме, где ты заночуешь. И те, кто осмелится выяснять, что с тобой приключилось, не найдут ничего, кроме нескольких крошек земли, рассыпанных по полу.

Бран улыбнулся. Жуткая это была улыбка.

— Я так долго строил планы, — сказал он, — и так далеко зашел в их исполнении, что не годится мне после этого пасть жертвой каких-то стервятников. И если даже Они сумеют уничтожить меня однажды под покровом ночи, в таком случае Они никогда не дознаются, что же сталось с Их идолом... или что там он такое для Них, этот Камень. А теперь вот что. Я намерен говорить с Ними!

— Осмелишься ли ты пойти вместе со мной и увидеться с Ними под покровом ночи? — спросила Атла.

— Божий гром!.. — зарычал он в ответ. — Да кто ты такая, чтобы меня спрашивать, осмелюсь ли я?.. Отведи меня к Ним; и я нынче же ночью договорюсь с Ними о мести. Пора! Близится час расплаты! Не далее как сегодня я видел за топями сверкание посеребренных шлемов и блестящих щитов! Новый начальник въехал в Башню Траяна, а Кай Камилл отправился с войсками на Вал...

Той ночью пиктский владыка и с ним молчаливая женщина-оборотень долго шли черными, безлюдными пустошами. Ночь была очень темная. И очень тихая, как если бы весь этот край давным-давно спал беспробудным сном. Звезды очень слабо и смутно мерцали над головой, их

красноватые лучи были бессильны хоть как-то разогнать недвижную мглу. Глаза женщины, беззвучно шагавшей подле вождя, светились гораздо ярче небесных огней. Брана одолевали странные мысли. Неясные, первобытные, титанические образы роились в его воображении. Ночь всколыхнула древнюю связь с этим болотным краем, дремавшую в его душе, и вызвала к жизни сонмища полузабытых теней, родом из ночного кошмара. Бран как-то по-новому ощутил незапамятную древность своего племени. Здесь, где ныне он пробирался отверженным странником, поставленным вне закона, некогда царствовали его темноглазые предки, люди, чей образ и подобие он унаследовал много поколений спустя. По сравнению с его племенем и кельтские, и римские завоеватели казались всего лишь недавними поселенцами. Но и пиктский народ когда-то завоевал эти места! А до них?.. До них здесь жила еще более древняя раса. Та, чьи корни поистине терялись в непроглядной тьме изначальных времен...

...Потом впереди замаячила гряда невысоких холмов — вытянувшийся далеко на восток отрог скалистых кряжей, которые простирались с запада, со стороны высоких Валлийских гор. Женщина повела Брана наверх, по дорожке, напоминавшей овечью тропу, и остановилась перед черневшим устьем широкой пещеры.

— Вот Дверь, которую искал ты, о вождь! — Ее смех звенел ненавистью из темноты. — Посмеешь ли ты войти?

Бран ухватил ее за спутанные космы и крепко встряхнул.

— Спроси меня еще раз, посмею ли я то-то и то-то, — проскрежетал он, — и твоей голове придется распроститься с плечами! Веди!..

Ее смех раскатился смертоносными каплями сладкого яда. Они вошли внутрь пещеры, и Бран ударил кресалом по кремню, высекая огонь. Трут вспыхнул, озарив пыльное пространство пещеры. С потолка гроздьями свешивались летучие мыши. Бран зажег факел и стал заглядывать в темные закоулки, но не нашел ничего, кроме пыли и паутины.

— Ну и где Они? — заворчал он сердито.

Женщина отвела его к тыльной стене пещеры и там словно бы ненароком прислонилась к неровной стене.

Бран, однако, заметил, как она с силой надавила на определенный выступ. Он успел шарахнуться, когда у него под ногами внезапно разверзся темный провал. И в который раз смех женщины резанул его, словно взмах острого серебряного ножа. Он поднес факел к отверстию... и опять увидел маленькие вытертые ступени, уводившие в глубину.

— Сами Они не нуждаются в этих ступенях, — сказала Атла. — Когда-то нуждались, еще прежде, чем твой народ загнал Их в подземелья, но теперь... А вот ты не сможешь без них обойтись.

Она воткнула факел в нишу как раз над колодцем. В темноту, царившую внутри, пролился красноватый отблеск огня. Женщина сделала приглашающий жест... Бран проверил меч в ножнах и двинулся вниз. Спускаясь в таинственную глубину, он неожиданно заметил, как что-то заслонило ему свет. На какой-то миг он успел решить, что это Атла перекрыла ему выход. Потом сообразил, что она просто спускалась следом за ним.

Спуск оказался не особенно долгим; Бран даже не ожидал, что так скоро коснется ногой твердого каменного пола. Атла спрыгнула следом и встала рядом с ним в круге мутного света. Бран попытался разглядеть пределы пещеры, в которую они попали, но так и не смог.

— Многие пещеры в здешних холмах, — сказала ему Атла, — суть лишь преддверия величественных подземных залов, таящихся в глубине. Точно так же, как слова и деяния людей — всего лишь бледные намеки на темные бездны, сокрытые в тайных уголках душ...

Ее голос был странно тих и ничтожен в пространстве громадного помещения.

Бран неожиданно приметил некое движение кругом себя в темноте. Отовсюду доносился тихий крадущийся шорох, но совсем не такой, какой производят человеческие шаги. Потом во мраке начали мерцать и вспыхивать огнистые искорки света, плававшие туда и сюда, подобно ночным светлякам. Все ближе и ближе придвигались они, чтобы наконец окружить Брана и его спутницу сплошным полумесяцем. А за ними колебалось и перетекало сущее море огоньков, столь обширное, что самые дальние казались едва

заметными точками света. Бран знал, что это было такое. Это смотрели на него из темноты раскосые глаза невероятных существ, явившихся к нему в таком количестве, что сознание поистине отказывалось постигнуть.

В равной степени невозможно было и представить себе размеры подземных пустот, способных вместить подобное сборище.

Оказавшись лицом к лицу со своими старинными недругами, Бран, к собственному удивлению, не испытал страха. То есть он явственно ощущал волны чудовищной угрозы, исходившей со всех сторон, волны нечеловеческой ненависти, сулившей непредставимые опасности для тела, разума и души. Бран был не просто уроженцем менее древнего племени, он был вождем и оттого особенно остро осознавал весь ужас своего положения. Но страха по-прежнему не было, хоть он и понимал, что стоял лицом к лицу с самым худшим кошмаром пиктских легенд. Только кровь бешеными толчками мчалась по жилам, но это опять-таки было возбуждение схватки, а не испуг.

— Они знают, что Камень у тебя, вождь, — сказала ему Атла. Он знал, что она очень боялась, и чувствовал, каким усилием она сдерживала крупную дрожь тела. Однако в голосе женщины не было ни намека на страх. — Тебе грозит большая опасность, — продолжала она. — Они с давних времен помнят деяния твоих предков... о да, Они еще не забыли тех дней, когда Их пращуры были людьми! Я не в силах спасти тебя. Если ты оплошаешь, мы оба умрем, и притом такой смертью, какой ни один человек не умирал уже много столетий. Говори с Ними, если желаешь. Они поймут твою речь, другое дело, что ты вряд ли сможешь понять Их язык... Но поможет ли тебе это? Ты — человек. И притом пикт!

Выслушав ее, Бран засмеялся. И таков был его смех, что сдвинувшееся кольцо огней подалось прочь. Он вытащил из ножен меч; сталь скрежетнула, издав звук, от которого холод проникал в душу. Бран прислонился спиной к каменной стене (надеясь про себя, что она окажется сплошной и прочной). Он встал лицом туда, откуда придвигались светящиеся глаза: в правой руке меч, в левой — верный кинжал. И опять засмеялся. Так взлаивает волк, почуявший кровь.

— Но что ж!.. — прорычал он затем. — Все верно, я пикт! Сын тех самых воителей, что загнали ваше жалкое племя во мрак подземелий! Вы бежали от нас, как солома, уносимая бурей! Мы залили землю кровью ваших предков и сложили целые холмы черепов, принося их в жертву Лунной Женщине! Вы, бежавшие в древности от моего народа, осмелитесь ли теперь угрожать своему повелителю? Ну, давайте, набрасывайтесь, если посмеете! Вас тут много!.. Только знайте: прежде чем ваши гадючьи клыки сумеют выпить мою жизнь, я выкошу вас, точно спелый ячмень. Прежде чем умереть, я сложу высокую башню из отсеченных голов, а изрубленные тела станут мне крепостной стеной! Псы тьмы, порождения бездн, скользкие черви земных недр! Пожиратели падали!.. Да, смерть постигнет меня в этой пещере, но ваши уцелевшие захлебнутся в слезах, оплакивая убитых, а Черный Камень затеряется навсегда. Ибо только я один знаю, где он запрятан, и все адовы пытки не вырвут эту тайну из моих уст!..

Отзвучал его голос, и воцарилась страшная, напряженная тишина. Бран смотрел в светившуюся огоньками темноту и, точно загнанный в угол волк, ждал нападения. Лавины тел, которая погребет его под собой... Женщина съежилась подле него, только глаза так и горели.

Потом оттуда, куда не достигал факельный свет, начал доноситься смутный ропот, вызывавший неисповедимое отвращение. Бран был готов ко всему, но даже и он вздрогнул. О боги, подумалось ему, неужели *это* было речью существ, некогда именовавшихся людьми?..

Атла выпрямилась, жадно прислушиваясь. Потом ее губы ожили... и принялись издавать такое же тихое, ужасающее шипение вперемешку со свистом. Бран уже знал жуткую тайну ее появления на свет, но только теперь со всей определенностью понял: никогда больше он не сможет прикоснуться к этой женщине, не испытав выворачивающего душу омерзения!..

Она тем временем обернулась к нему. В неверном свете факела можно было разглядеть странную улыбку, кривившую алые губы.

— Они испугались тебя, о владыка! — сказала она. — Во имя черных тайн Р'лиеха, кто ты такой, чтобы сама преисподняя перед тобой трепетала?.. Не сталь в твоих

руках — свирепая ярость твоей души вселила непривычный страх в Их чуждый разум... Они готовы выкупить Черный Камень. За любую цену, которую ты назовешь!

— Ну и хорошо, — проворчал Бран, убирая в ножны оружие. — Для начала пусть пообещают не причинять тебе зла за то, что ты мне помогала. А во-вторых, — тут в его голосе зазвучало мурлыканье тигра, идущего на охоту, — пусть притащат мне Тита Суллу, управителя Эборакума, ныне начальствующего в Башне Траяна. Я знаю, что Они могут это исполнить, а каким образом — не мое дело. Я только помню, что в старые времена, когда мой народ враждовал с этими Детьми Ночи, из охраняемых домов пропадали младенцы, и никто не мог заметить похитителей. Понимают ли Они, что я говорю?..

Снова начался жуткий свистящий шепот, и Бран, не страшившийся нападения, содрогнулся от звуков нечеловеческой речи.

— Они понимают, — заверила его Атла. — Принеси Черный Камень к Дагонову Кругу завтра в ночи, когда тьма окутает землю и уже близок будет рассвет. Положи Камень на алтарь. Тогда Они приведут Тита Суллу и передадут его тебе. Доверься Им. Они уже много веков не вмешиваются в людские дела, но от слова своего не отступят...

Бран кивнул в знак согласия и, отвернувшись, полез вверх по ступеням. Атла следовала за ним, не отставая ни на шаг. Выбравшись из лестничного колодца, Бран снова посмотрел вниз. Повсюду, куда достигал взгляд, мерцало светящееся море желтых раскосых глаз, обращенных ему вослед. Однако ни одного тела рассмотреть ему так и не удалось. Их обладатели упорно избегали даже слабенького факельного света, предпочитая таиться во тьме. Только шепелявые, свистящие голоса как будто гнались за ним, волна за волной всплывая из мрака. Послушное воображение тотчас нарисовало ему... нет, не толпу двуногих существ, пусть сколь угодно уродливых и безобразных, — но клубок копошащихся змей, устремивших на него немигающие, холодно поблескивающие глаза...

Подтянувшись на руках, он вылез в верхнюю пещеру, и Атла вернула на место запирающий камень. Он пере-

крыл вход в колодец, с потрясающей точностью притеревшись к соседним камням. Бран попытался разглядеть хотя бы трещинку на якобы монолитном полу, но так ничего и не обнаружил. Атла хотела было погасить факел, но Бран жестом остановил ее.

— Пусть горит, пока мы не уйдем из пещеры, — пробурчал он. — А то, чего доброго, еще наступим впотьмах на какую-нибудь гадюку!..

И в который раз прозвучал в сумраке ее смех, полный сладостной ненависти, грозящий свести его с ума...

6

Бран пришел на берег заросшей камышами Дагоновой Топи незадолго до захода солнца. Сбросив наземь плащ и пояс с мечом, он скинул короткие кожаные штаны, потом взял в зубы вынутый из ножен кинжал и вошел в воду без шума и плеска, точно ныряющий тюлень. Несколько мощных взмахов рук вынесли его на середину болотного озерка. Потом он нырнул.

Глубина оказалась больше, чем он предполагал. Он успел решить, что так и не доберется до дна. Когда же он все-таки достиг его, то не сумел нашарить на дне того, что искал. Шум крови в ушах предостерег его об опасности, и он вынырнул на поверхность.

Отдышавшись, Бран нырнул снова, но и тогда его поиски не увенчались успехом. И в третий раз он ушел на глубину... только тут его пальцы наконец-то коснулись знакомого предмета, глубоко ушедшего в донную жижу. Крепко схватив Камень, Бран поспешно выплыл наверх.

Святыня жителей подземелья была не слишком велика, но вполне увесиста. Бран плыл к берегу не торопясь, сберегая силы... когда вдруг ощутил вокруг себя странное волнение, вызванное отнюдь не его собственными усилиями. Он погрузил лицо, всматриваясь в темную глубину... и ему показалось, что там, внизу, зависла гигантская тень!

Бран поплыл быстрее. Не то чтобы его обуял ужас, просто с опасностью следовало считаться. Коснувшись ногами дна, он вброд пересек мелководье и вышел на берег. Потом оглянулся и увидел, как забурлила вода и

начала отступать. Бран выругался и помотал головой. Он не больно-то принимал в расчет местную легенду, провозглашавшую Дагонову Топь логовом безымянного водяного чудовища, но теперь было ясно, что еще чуть-чуть — и ему вряд ли удалось бы спастись!

В который раз Бран ощутил, как оживают и на глазах облекаются плотью доисторические мифы этой древней страны. Что за тварь таилась в глубинах болотного озера, оставалось только гадать. Он понял только, что у здешних жителей были все причины далеко обходить недоброе место. Что они, кстати, и делали...

Бран вновь натянул одежду, оседлал вороного жеребца и поехал через пустоши, подсвеченные последними малиновыми лучами закатившегося солнца. Он вез с собой Черный Камень, плотно обернутый в плащ. Он ехал не к домику болотной колдуньи, но прямо на запад — к Башне Траяна и Дагонову Кругу. Пока его конь покрывал милю за милей, на небе проглянули красноватые звезды. Вот миновала безлунная полночь, а Бран все ехал и ехал, и мысль о скорой встрече с Титом Суллой согревала его сердце. Атла заранее торжествовала, предвкушая, как римлянин будет корчиться под пытками, но в намерения Брана на самом деле ничто подобное не входило. Он даст управителю оружие и шанс отстоять свою жизнь. Он позволит римлянину взять его, Брана, меч, а сам вооружится кинжалом, и там посмотрим, кто кого. Тит Сулла славился на всю провинцию как мастер фехтования, однако в исходе поединка у Брана не было ни малейших сомнений...

Дагонов Круг располагался на некотором расстоянии от Башни. Он представлял собою мрачный хоровод каменных глыб, поставленных стоймя, с каменным же алтарем посередине. Римляне с неприязнью косились на менгиры, полагая, что их возвели кельтские жрецы — друиды. Кельты подозревали в том же соплеменников Брана. Бран же знал совершенно точно, чьи руки в давно прошедшие времена ворочали тяжелые каменные монолиты. Но вот для какой цели — об этом оставалось только гадать.

Пиктский владыка не стал въезжать прямо в Круг. Его снедало любопытство: он не отказался бы выяснить, каким образом его жуткие союзники собирались выполнить свое обещание. Он нисколько не сомневался, что

Они способны были выдернуть Тита Суллу даже из гущи толпы, и даже догадывался, каким способом. Был, однако, и червячок сомнения, заползший в душу. Он как будто в самом деле затронул могущественные Силы, затронул, сам не зная пределов Их могущества и не имея ни малейшего понятия, как с Ними справиться в случае чего. Всякий раз, когда он вспоминал змеиное шипение, заменявшее Им речь, и эти раскосые светящиеся глаза, — по спине у него пробегал холодок. Эти существа уже были в полной мере отвратительны еще тогда, когда его далекие пращуры загнали Их в пещеры под холмами, — много столетий назад. Что же сотворили с Ними долгие века неминуемого упадка?.. Подземная жизнь, жизнь в вечной ночи, — оставила ли она в Них хоть что-нибудь человеческое?..

Некий инстинкт повелел ему направить коня в сторону Башни. Он знал, что подобрался достаточно близко. Будь хоть немного светлее, он разглядел бы ее силуэт, вонзав шийся, точно клык, в небо над горизонтом. Даже теперь, при звездах, он уже должен был бы его различить... И тут смутное, но очень нехорошее предчувствие кольнуло его. Он пришпорил жеребца, вынуждая его идти быстрым галопом...

...И вдруг пошатнулся в седле, словно бы всей грудью налетев на неожиданное препятствие! Ибо слишком неожиданно и потрясающе оказалось то, что предстало его глазам.

Неприступная Башня Траяна попросту больше не существовала. Блуждающий взгляд пиктского властелина остановился на гигантской груде развалин. Битый камень, раскрошенный гранит, торчащие отовсюду измочаленные, расщепленные концы сломанных деревянных балок... Над кучей мусора, в который обратилась некогда грозная крепость, возвышалась единственная уцелевшая башенка. Да и та беспомощно клонилась вбок, словно из-под нее наполовину выгрызли основание...

Бран соскочил с седла и ошарашенно двинулся вперед. Крепостной ров кое-где был до самого края забит обломками камня и целыми кусками развалившихся стен. Бран перешел по ним на ту сторону и побрел среди развалин.

Повсюду царила жуткая, неживая тишина. А ведь он отлично знал, что всего несколько часов назад боевые знамена здесь вздрагивали от согласного топота марширующих ног, а в стенах эхом гулял грохот сталкивавшихся щитов и громкий призыв звонкоголосых боевых труб...

И все-таки в царстве смерти сыскалась одна живая душа. Почти под ногами у Брана послышался стон и шевельнулось изуродованное тело. Пиктский вождь склонился над легионером, лежавшим в липкой луже собственной крови. Каменный обвал переломал и раздробил ему что только можно, и он умирал.

Бран приподнял окровавленную голову, приложил к разбитым губам горлышко фляги. Римлянин сделал несколько крупных глотков. Вода вытекала обратно между раскрошенными зубами. Бран увидел при свете звезд, как медленно моргнули стекленеющие глаза.

— Стены... они упали... — невнятно пробормотал умирающий. — Они рухнули наземь... как небеса в Судный День... О Юпитер! Шел дождь из мрамора и гранита...

— Но вроде ведь не было никакого землетрясения! — озадаченно нахмурился Бран. — Я ничего не почувствовал!

— А это и не было землетрясение... — шепнул римлянин. — Это началось перед рассветом... Сперва такое царапанье глубоко под землей... Мы стояли на страже и хорошо его слышали... Так роются крысы... или черви землю грызут... Мы сказали Титу, он посмеялся над нами... Но там, внизу, грызли весь день, и мы слышали... А потом, в полночь... Башня задрожала и вся осела... как будто из-под нее выели все основание...

Бран содрогнулся. Вот уж воистину, черви земных глубин!.. Тысячи нечеловеческих существ, подкопавших, подобно кротам, фундаменты могучего замка... О боги, только подумать, какие там, должно быть, лабиринты ходов и тоннелей!.. Эти твари, в которых человеческого оказалось даже меньше, чем он отваживался предполагать... Что же за кошмарные порождения Бездны он призвал к себе на помощь?..

— А что с Титом Суллой? — спросил он, вновь поднося флягу к губам легионера. В этот миг умирающий римлянин казался ему едва ли не братом.

— Когда Башня заколебалась, — ответил тот, — из покоев управителя долетел страшный крик... Мы поспешили туда, высадили дверь... Крики управителя еще были слышны, они как будто удалялись... *прямо вниз, в недра земли!* Когда мы вбежали в покои, на полу лежал его окровавленный меч... в каменных плитах зияла дыра... А потом... башни... стали качаться... крыша упала... буря... каменная буря... все рушилось... я пополз...

Изломанное тело свела мучительная судорога.

— Положи меня... — попросил римлянин. — Я умираю.

Он перестал дышать еще прежде, чем Бран успел выполнить его просьбу. Пикт поднялся, машинально вытирая руки. Он поспешил прочь, и, пока он скакал на коне через темные пустоши, тяжесть проклятого Черного Камня, укрытого под плащом, все росла и росла, точно в кошмарном сне...

Достигнув Круга, он различил внутри него зловещее мерцание: громадные стоячие камни казались ребрами скелета, в пустой груди которого горит ведьмин огонек. Жеребец храпел и порывался встать на дыбы, но Бран укротил зверя и привязал его к одному из менгиров. Он вошел в Круг, неся с собой Камень, и увидел Атлу, стоявшую у алтаря. Женщина стояла подбоченившись, все ее тело гибко извивалось на змеиный лад. От алтаря же исходило негреющее свечение, и Бран догадался, что кто-то — может, сама Атла — натер его фосфоресцирующей жижей, добытой из торфяника или трясины.

Он шагнул вперед и, сдернув плащ с Камня, бросил проклятую святыню на алтарь.

— Я выполнил свою часть уговора! — сказал он.

— А Они — свою, — отвечала Атла. — Смотри! Они идут сюда!

Он развернулся навстречу, рука непроизвольно метнулась к мечу. Где-то вне Круга неистово завизжал, силясь разорвать привязь, могучий вороной жеребец. Ночной ветер шептал в высокой траве, и с его вздохами смешивалось ужасающее шипение. Между менгирами показалась волна темных теней, колеблющихся, невнятных. Круг наполнился уже знакомыми Брану огоньками глаз, старательно

державшимися как можно дальше от фосфоресцирующего алтаря... И еще. Где-то там, в темноте, бессмысленно вскрикивал и бормотал человеческий голос. Голос безумца. Бран напрягся всем телом, предчувствуя еще новый кошмар...

Он напрягал зрение, силясь подробнее различить силуэты существ, окружавших его. Но по-прежнему видел только плотную, живую, колышущуюся тьму. Она вздымалась, вихрилась и перетекала, словно сплошной поток черной жидкости, не разделявшийся на отдельные тела...

— Так пусть же исполнят обещанное! — гневно выкрикнул Бран.

— Смотри внимательнее, о вождь! — ответила Атла, и холодная насмешка прозвучала в ее голосе.

Тьма шевельнулась. Тьма вскипела и расступилась. И оттуда, из ее недр, на четвереньках, точно животное, выползло человеческое существо. Оно свалилось у ног Брана и стало корчиться, словно издыхающий пес. Оно поднимало голову, похожую на изображение смерти, и выло. Бран, потрясенный до глубины души, завороженно рассматривал пустые стеклянные глаза, бескровные черты, покрытые пеной мокрые губы лунатика... О боги, и это — Тит Сулла? Великолепный полководец, даривший жизнь и смерть с престола блистающего Эборакума?..

Бран обнажил меч...

— Думал я нанести этот удар во имя отмщения, — проговорил он угрюмо. — Но вышло так, что я наношу его из милосердия! *Vale Caesar!*..

Длинное лезвие мелькнуло в холодном сиянии алтаря... Голова Суллы скатилась к подножию каменного жертвенника и осталась лежать, глядя неподвижными глазами в темное небо.

— Они, чтобы ты знал, его пальцем не тронули! — прорезал зловещую тишину напоенный ненавистью смех Атлы. — Его разум разрушило то, что он сам узнал и увидел нынешней ночью. Этот человек, как и все тяжко ступающие, не подозревал о тайнах древней земли. А сегодня его протащили по глубочайшему дну преисподней, где даже ты, я так думаю, побледнел бы!..

— Значит, счастье римлян, что они ведать не ведают о тайнах этого проклятого края! — приходя в ярость, взревел Бран. — С его чудовищами, таящимися в трясинах, с его мерзкими болотными ведьмами и с затерянными пещерами, где плодятся во мраке отвратительные адовы порождения!..

— Уж прямо Они настолько отвратительней некоторых смертных, готовых прибегнуть к Их помощи? — выкрикнула Атла, охваченная страшноватым весельем. — Верни же Им Черный Камень!

Бран испытал приступ сверхчеловеческого отвращения, ярость захлестнула сознание багряной волной.

— Что ж, забирайте свой Камень, да провалился бы он в тартарары!.. — рявкнул он, подхватывая Камень с алтаря и швыряя его в живую темноту с такой силой, что там, куда он упал, хрустнули кости. Тени забурлили, шипящее бормотание превратилось во взволнованный гомон. Один из клоков темноты на мгновение отделился, отпал от общей массы, и Бран вскрикнул от омерзения, прямо-таки вывернувшего его наизнанку. Его память запечатлела короткое видение широкой, странно сплющенной головы, подвижных висячих губ, обнаживших кривые, остроконечные клыки, и удивительно уродливого, гномьего тела, показавшегося ему испещренным... почти что чешуйчатым... Или всему виной были немигающие, раскосые, рептильи глаза?

— Убирайтесь обратно в ад, да прихватите с собой своего идола!.. — заорал Бран, грозя небесам стиснутыми кулаками. Черные тени отхлынули прочь, отступая, словно мутные волны какого-то нечистого потопа. — Ваши предки были людьми! Пусть странными, чудовищными — но все же людьми!.. Но, клянусь всеми богами, вы — вы на самом деле стали тем, чем мой народ именовал вас в своих проклятиях!.. Вы — черви!.. Черви земных недр, убирайтесь обратно в свои пещеры и подземные норы!.. Вы оскверняете собой чистую землю, вы, превратившиеся в змей, поганите ее своей слизью! Гонар был прав!.. Все же есть твари, слишком нечистые, чтобы прибегать к их помощи даже против римлян!..

Он выскочил из Круга наружу. Так шарахается человек, ненароком коснувшийся змеи. Он рывком освободил

повод коня... Атла бежала с ним рядом, заходясь ужасающим смехом. Все остатки человеческого спали с нее, точно отброшенный плащ.

— Вождь пиктов! — выкрикнула она. — Властелин дураков!.. И ты готов испугаться этакой мелочи? Останься с нами, я покажу тебе, какие плоды вызревают во мраке пещер!.. Ха-ха ха!.. Беги, уноси ноги, глупец!.. Ты замарался навеки, и от этого тебе никуда не уйти. Ты воззвал к Ним, и Они это запомнили! И теперь Они явятся к тебе, когда сами того пожелают!..

Он ответил нечленораздельным проклятием. И ударил женщину ладонью по лицу, разбив губы. Она пошатнулась, по подбородку потекла кровь, но дьявольский хохот только зазвучал громче...

Бран взмыл в седло и погнал коня прочь. Ему страстно хотелось назад, в чистые пустоши, в знакомые голубые холмы, где он снова обагрит свой меч в простом и честном сражении, где его скорчившаяся от отвращения душа омоется алым безумием битвы и позабудет ужас, таящийся в недрах болот западного края. Он пустил во весь опор исстрадавшегося скакуна. И мчался в ночи, как летящий призрак, пока издевательский хохот женщины-оборотня не смолк во тьме за спиной...

ПЕСНЬ НАРОДА

Сидел Бран МакМорн на троне высоком,
Бог-солнце канул, запад пылал.
На деву Бран глянул мрачным оком;
«Пой Песнь Народа», — он приказал.

Тьмою морскою темны ее очи,
Алым закатом губы красны,
Сникнув, как роза в преддверии ночи,
Дева коснулась рукою струны.

Лира златая в сдавленном стоне
Вспомнила древний, прекрасный язык.
Бран неподвижно сидел на троне,
В отсветах алых бронзовый лик.

«Первый Народ мы, — так дева пела, —
Из неведомой дальней страны мы пришли,
Где море пылало, закат без предела
И высились горы на кромке земли.

Первый Народ — Последняя Раса,
Му затонул, он — легенда и дым.
Ныне акулы по голым террасам,
О Атлантида, гуляют твоим».

Бронзовым Бран сидел изваяньем,
В сполохах алых бился закат,
Лира исполнилась грозным звучаньем,
Словно бы струн перестроили лад.

«Слушай сказание древнего утра —
На́ берег выбросил моря бурун
Дивную раковину перламутра
С вязью таинственных лунных рун.

Руны гласили: «Первым по водам
Вышел ты из тумана Времен.
Знай — ты станешь Последним Народом
В год, когда будет весь мир сокрушен.

Сын твой, на гору взойдя, содрогнется
Вместе с горою, грозой обуян,
У́зрит, как мир, словно свиток, свернется
В мареве дымном и канет в туман.

Ветер смятенным промчит небосводом,
Звездное крошево сдует навек,
Первый Последним станет Народом,
Сын твой — последний земли человек».

Голос тонул, оглушен тишиною,
Эхом вдали затихая без сил,
Ветер веял прохладой ночною,
Запахи леса с собой приносил.

Дева умолкла, кончив сказанье;
Мыши летучие, ночь, тишина.
Бран на троне, как изваянье,
Звезды зажглись, и встала луна.

Перевод С. Степанова

Соломон Кейн

КЛИНКИ БРАТСТВА

Смерть — это синее пламя,
пляшущее над мертвецами.

Соломон Кейн

Глава 1
НЕЗНАКОМЕЦ ПРИХОДИТ ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ

Клинки скрестились с яростным стальным лязгом. Поверх лезвий впивались одна в другую две пары глаз: непроницаемые черные и горящие синие. Дыхание с шипением вырывалось сквозь стиснутые зубы. Быстрые шаги топтали траву: вперед, назад, снова вперед, атака, отход...

Черноглазый сделал обманное движение и нанес удар, быстрый, как прыжок охотящейся змеи. Синеглазый юноша отбил его быстрым поворотом запястья, обладавшего крепостью стали. Его ответный удар напоминал летнюю молнию...

— Остановитесь, джентльмены!..

Оба клинка поднялись вверх, и между поединщиками встал дородный мужчина. В одной руке он держал шляпу, в другой — украшенную каменьями рапиру.

— Довольно! — воскликнул он. — Ваш маленький вопрос разрешен, честь восстановлена! Прекратите, говорю, сэр Джордж ранен!

Черноглазый недовольным движением убрал за спину левую руку, с пальцев которой капала кровь.

— С дороги! — воскликнул он яростно. И, выругавшись, добавил: — Тоже мне, рана! Пустая царапина! Я отказываюсь считать, что вопрос разрешен! Это бой насмерть!..

— Верно, сэр Руперт, лучше оставьте нас. — Победитель говорил спокойно и тихо, но синие глаза блестели как сталь. — Наш «вопрос» может разрешить только смерть!

— А ну, уберите-ка свои железяки, вы, два молодых петуха! — рявкнул сэр Руперт. — Своей властью мирового судьи запрещаю вам продолжать поединок! Сюда,

господин лекарь! Займитесь раной сэра Джорджа. А ты, Джек Холлинстер, живо меч в ножны! Я — Руперт Д'Арси, и я не потерплю смертоубийств на вверенной мне территории!

Молодой Холлинстер не стал препираться с темпераментным мировым судьей. Он ничего не ответил, но шпагу в ножны не убрал. Опустив острие к земле, он хмуро поглядывал на окружающих из-под насупленных черных бровей. Что до сэра Джорджа, он тоже помедлил, но тут один из секундантов принялся настойчиво нашептывать ему на ухо, и наконец он покорился. С мрачным видом вручив шпагу секунданту, он отдался заботам лекаря.

Дуэль происходила в весьма унылом, безрадостном месте. Ровная низменность, поросшая худосочной жилистой травкой, переходила в широкий белый пляж, усеянный обломками плавника. За полосой песка беспокойно колыхалось серое море. Море было совершенно безжизненно, если не считать одинокого паруса, маячившего в отдалении. С другой стороны простирались безлесные пустоши, за которыми виднелись грязноватые домики маленькой деревушки.

Яркие одежды людей, а тем паче страсти, кипевшие на берегу, являли собой разительный контраст с унылым однообразием тоскливого пейзажа. Бледное осеннее солнце вспыхивало на клинках шпаг, отражалось от самоцветов на рукоятях, сверкало в серебряных пряжках камзолов и на золотом шитье щегольски заломленной шляпы сэра Руперта.

Секунданты сэра Джорджа помогали ему облачиться в камзол, между тем как секундант Холлинстера, коренастый молодой человек в домотканой одежде, убеждал его сделать то же. Но Джек, еще клокотавший гневом, только отмахивался. А потом ринулся вперед, держа в руке шпагу, и его дрожащий от гнева голос далеко разнесся по берегу:

— Берегитесь же, сэр Джордж Банвэй! Царапина на руке — отнюдь не достаточная плата за оскорбление, о котором вам отлично известно! Мы встретимся снова, и тогда-то уже никакой мировой судья не вмешается и не спасет вашу прогнившую шкуру!..

Сэр Джордж, успевший отойти, крутанулся ему навстречу с чернейшим проклятием на устах. Сэр Руперт кинулся наперерез, взревев:

— Да как вы смеете!..

Холлинстер оскалил зубы, повернулся спиной и зашагал прочь, резким движением вогнав шпагу в ножны. Сэр Джордж, казалось, был недалек от того, чтобы устремиться за ним; мрачная гримаса исказила его лицо, но его друг снова удержал его и опять принялся шептать на ухо, указывая в сторону моря. Банвэй нашел глазами одинокий парус, словно бы висевший между морем и небом... и угрюмо кивнул.

Холлинстер молча, с непокрытой головой, шагал по берегу. И шляпу, и камзол он нес на руке. Стылый ветер холодил его мокрые от пота волосы, но раскаленный, взбудораженный мозг ничто не могло успокоить.

Рэндел, его секундант, молча следовал за другом. Чем дальше они уходили от места дуэли, тем более диким и неприютным делался пейзаж. Громадные серые скалы, поросшие мхом, нависали над берегом и, выстроившись изломанной линией, далеко выступали навстречу волнам. Поодаль от берега, разбиваясь о подводные камни, непрерывно стонал прибой.

Тут Джек Холлинстер остановился, повернулся лицом к морю и принялся ругаться — длинно, хрипло и очень прочувствованно. Потрясенному его красноречием слушателю не составило труда понять, в чем заключался раэлад Холлинстера с миром. Еще бы — ему так и не удалось погрузить свой меч по рукоять в черное сердце сэра Джорджа Банвэя, этого гнусного свинтуса, вонючего шакала и законченного негодяя!

— Навряд ли, — выдохнул он наконец, — подлый мерзавец отважится еще раз сойтись со мною в Честном бою, — он ведь уже раз попробовал моей стали. Но, клянусь Господом нашим...

— Успокоился бы ты, Джек... — Честный Рэндел переминался с ноги на ногу, чувствуя себя весьма неуютно. Он был ближайшим другом Холлинстера, но и он не всегда понимал приступы черного бешенства, которым был порою подвержен молодой человек. — Ты и так уже задал ему отличную взбучку и примерно наказал

паршивца. И потом, стоит ли убивать человека всего лишь за...

— Как! — яростно вскричал Джек. — Стоило ли убивать человека за то оскорбление? Да какое там человека — мерзкую тварь! О, да я выдеру у него сердце и полюбуюсь им еще до того, как луна сменится в небесах! Да понимаешь ли ты, что он прилюдно опорочил Мэри Гарвин? Девушку, которую я люблю?.. Что он мусолил ее имя над пивной кружкой в таверне?.. Что он... он... И я за это не должен?..

— Да понимаю я, все понимаю, — вздохнул Рэндел. — Еще бы мне не понимать после того, как я уже двадцать раз подряд выслушал все подробности этого дела! Но я знаю и то, что ты выплеснул ему в физиономию бокал вина, влепил пощечину, перевернул на него стол и еще наподдал ногой раза два или три. Чего больше, спрашивается? И потом, вспомни о связях сэра Джорджа! Кто ты такой? Подумаешь, сын отставного морского капитана... хотя бы ты и прославился храбростью, воюя за границей! Удивительно еще, что сэр Джордж вообще согласился драться с тобой. С него, при его-то положении в обществе, сталось бы попросту кликнуть слуг и велеть им вытолкать тебя взашей!

— Ну так вот, если бы он это сделал, — проворчал Холлинстер и зло лязгнул зубами, — я бы достал пистолет и всадил добрую пулю аккурат промеж этих его подлых черных зенок. Вот что, Дик, оставь-ка ты меня сходить с ума так, как мне хочется. Вечно ты проповедуешь правильный путь, всякую там кротость и воздержание. Только я, знаешь ли, больше привык жить в таких местах, где шпага при бедре — весь суд и закон. Да и кровь у всех в нашем роду буйная и горячая. Так вот, эта самая кровь, сколько ее во мне есть, сейчас так и кипит из-за этого так называемого джентльмена. Он отлично знал, как я люблю мою Мэри, и тем не менее сидел там и бесчестил ее в моем присутствии! Говорил всякие пакости прямо мне в лицо! С этой своей гадкой ухмылочкой!.. Спрашивается, почему он себе подобное позволял? Потому что у него денег куры не клюют. И, как ты говоришь, всего полно: земли, титулы, семейные связи и благородное происхождение. А я — бедняк и

сын бедняка, и все мое состояние — вот тут, в ножнах у пояса. Будь я или хотя бы Мэри так же родовиты, как он, он бы никогда не осмелился...

— Да брось ты! — перебил Рэндел. — Не осмелился бы!.. Когда это сэр Джордж кого уважал? Он вполне заслужил ту дурную славу, которая за ним повсюду тянется. А считается он только со своими собственными прихотями, больше ни с чем!

— Вот и Мэри стала его очередной прихотью, — зарычал Джек. — Ну что ж, может быть, ему и удастся осквернить ее, как он уже осквернил половину здешних девиц. Только сперва ему придется прикончить Джона Холлинстера. Вот что, Дик... Не хочу показаться тебе грубияном, но, пожалуйста, оставь меня пока одного. Из меня все равно сейчас плохой собеседник, да и остыть бы надо на ветерке, а то все внутри так и кипит...

Рэндел помедлил:

— Только, ради всего святого, не ищи встречи с сэром Джорджем...

Джек нетерпеливо отмахнулся:

— Обещаю тебе, что пойду совсем в другую сторону. Сэр Джордж направился домой, нянчиться со своей царапиной, и покажется самое раннее через пару недель.

— Но, Джек, у него полно прихлебателей, а репутация у этих громил... Ты уверен, что тебе ничто не грозит?

Джек оскалился по-волчьи:

— Не бойся, дружище. Если ему вздумается расквитаться таким образом, он подождет ночной темноты. Не среди же бела дня на меня нападать!

Рэндел удалился по направлению к деревне, с сомнением покачивая головой. Джек же направился дальше по берегу, с каждым шагом все более удаляясь от людского жилья, углубляясь в царство безлюдных пустошей и первозданных вод. Холодный, резкий ветер пронизывал его одежду, полосуя тело, но юноша упрямо не надевал камзола. Мглистый серый день словно бы окутал своим покрывалом его душу, и Джек был готов проклясть

и погоду, и сами здешние места, хотя это была его родная страна.

Его сердце рвалось в далекие, жаркие южные страны, которые он повидал в своих странствиях, но иное видение заслоняло их — видение смеющегося девичьего лица в обрамлении золотистых кудрей. Эти чудесные глаза, источавшие такое тепло, до которого далеко было золотым лунам тропических ночей. Стоило представить их себе, и унылые пустоши, казалось, озарял солнечный свет...

Однако вскоре на смену любимому лицу явилось другое — злобно-насмешливое, с черными безжалостными глазами и язвительно искривленным ртом под узкой полоской черных усов. Джек Холлинстер непроизвольно ругнулся...

Низкий, звучный голос, неожиданно раздавшийся неподалеку, прервал поток божбы, сорвавшейся с его уст.

— Молодой человек, — сказал этот голос, — слова твои — кимвал бряцающий. Шума много, но смысла ни на ломаный грош.

Джек вертанулся на месте, хватаясь за шпагу. На большом сером валуне сидел незнакомец. Как раз когда Джек повернулся к нему, человек поднялся и развернул широкий черный плащ, висевший у него на руке.

Холлинстер с любопытством уставился на незнакомца. Этот человек невольно привлекал внимание... и не только. Начать с того, что он был на несколько дюймов выше Холлинстера — а тот и сам был отнюдь не среднего роста. На поджаром теле не было ни унции не то что жира — даже и лишнего мяса. Тем не менее человек не казался ни хрупким, ни болезненно тощим. Отнюдь, отнюдь! Широкие плечи, мощная грудь, длинные руки и ноги — все говорило об исключительной силе, выносливости и быстроте. То есть о том, что человек был прирожденным воином, фехтовальщиком. Длинная, ничем не украшенная рапира на поясе только служила этому подтверждением.

Когда-то Джеку случилось видеть в сибирских степях огромных серых волков с подведенными животами. Так вот, незнакомец заставил его вспомнить именно об этих волках.

Но в первую очередь его внимание приковало лицо: довольно длинное, гладко выбритое и угрюмо-бледное. В сочетании с ввалившимися щеками эта бледность придавала ему почти безжизненный вид... но только до тех пор, пока вы не заглянули ему в глаза. Они горели трепетной жизнью и громадной энергией, которую сдерживала и направляла железная воля. Джек Холлинстер посмотрел прямо в эти глаза, ощутил их странную, холодную гипнотическую власть... и так и не понял, какого они были цвета. Серый лед древних ледников сливался в них с бездонной синевой северных морей. Густые черные брови низко нависали над ними, производя вполне мефистофельское впечатление.

Одежда незнакомца была аскетически проста, что полностью соответствовало его облику. На мягкой широкополой фетровой шляпе не оказалось даже пера. Все остальное тоже было темным, без каких-либо драгоценностей или украшений. На длинных сильных пальцах — ни перстня. Не было камней и на рукояти рапиры, а клинок покоился в простых кожаных ножнах. Ни серебряных пуговиц на облегающем черном камзоле, ни блестящих пряжек на башмаках...

Единственным цветным пятном, нарушавшим строгую монотонность одеяния, был широкий матерчатый кушак, на цыганский лад завязанный вокруг талии. Из переливчатых складок зеленого, явно восточной работы шелка выглядывали рукояти кинжала и двух тяжелых пистолетов.

Холлинстер безмолвно рассматривал странного пришельца, пытаясь сообразить, откуда тот здесь появился, столь странно одетый, да еще и до зубов вооруженный. По внешнему виду он смахивал на пуританина, хотя...

— Как вы тут очутились? — спросил Джек без обиняков. — И как вышло, что я вас заметил только когда вы со мной заговорили?..

— Я пришел сюда тем же способом, что и все порядочные люди, молодой сэр, — прозвучал в ответ низкий голос. Незнакомец завернулся в свой черный плащ и вновь уселся на камень. — На своих двоих. Что же до твоего второго вопроса... Когда человек до того

погружается в свои мысли, что начинает всуе упоминать Имя Господне, он не замечает ни друзей — и это поистине стыдно, — ни врагов, что вполне может довести его до беды.

— Но кто вы?..

— Мое имя — Соломон Кейн, молодой сэр. Я безземелен... хотя и жил когда-то в Девоншире.

Джек наморщил лоб, напряженно соображая. Если пуританин вправду был из Девоншира, где же он умудрился растерять характерный девонширский акцент? Если судить только по выговору, его родиной могла быть любая часть Англии, хоть на севере, хоть на юге. И Джек спросил:

— Вы, сэр, наверное, много путешествовали?

— Бывало и так, юный сэр, что Провидение направляло мои стопы в весьма отдаленные страны.

Тут Холлинстера осенило, и он уставился на своего странного собеседника со вновь пробудившимся интересом:

— Погодите, вы случайно не были капитаном во французской армии, и если так, то не доводилось ли вам сражаться при...

И он назвал место.

Чело Кейна покрыла тень.

— Истинно так, — сказал он. — Однажды мне пришлось возглавить банду богомерзких негодяев, о чем я и вспоминаю с величайшим стыдом... хотя и в тот раз мы дрались за правое дело. Увы, при взятии города, о котором ты упомянул, именем этого самого дела было совершено множество омерзительных преступлений, отвративших мое сердце от... Ну да ладно, с тех пор утекло немало воды, и я надеялся, что сумел утопить в море не одно кровавое воспоминание. Но коли уж мы заговорили о море, юноша... Что ты можешь сказать мне вон о том судне, со вчерашнего рассвета стоящем там, вдали от берега?

Худой палец ткнул в сторону моря. Джек только покачал головой:

— Слишком далеко... Не могу ничего разглядеть.

При этом он снова заглянул в сумрачные глаза Кейна — и нимало не усомнился, что эти глаза были способны

пронизать любое расстояние и прочесть даже самое имя на борту далекого корабля. Для них, казалось, не было ничего невозможного.

— И в самом деле, далековато, — сказал Кейн. — Однако сдается мне, что я узнаю оснастку этого судна. И еще мне сдается, что неплохо было бы повидаться с хозяином корабля!

Джек промолчал. Поблизости не было гавани, но в тихую погоду корабль мог бы подойти к самому берегу и встать на якорь прямо за рифом. Интересно, кому он принадлежал? Контрабандистам, наверное. Побережье здесь было довольно безлюдное, таможенные чиновники наведывались редко, и незаконная торговля процветала вовсю.

— Слышал ли ты когда-нибудь о Джонасе Хардрейкере, которого люди прозвали по имени хищной птицы-рыболова — Скопой?

Холлинстер даже вздрогнул. Это страшное имя было известно по всем побережьям цивилизованного мира, ибо тот, кому оно принадлежало, заставил трепетать перед собой все моря, и теплые, и холодные. Джек всматривался в лицо Кейна, пытаясь по нему что-нибудь прочесть. Но бездонные глаза оставались непроницаемы.

— Этот кровавый пират? — спросил юноша наконец. — Когда я последний раз про него слышал, говорили, что он будто бы орудовал где-то на Карибских островах...

Кейн кивнул.

— Ложный слух, — сказал он, — обгоняет даже самое быстрое судно. Скопа там, где его корабль, а его корабль направляет сам сатана!

Он поднялся на ноги и поплотнее закутался в плащ.

— Господь предначертывал мне путь в самые что ни есть затерянные края, и притом удивительными дорогами, — проговорил он хмуро. — Иные были прекрасны, но большинство — овеяно ужасом. И порою мне начинало казаться, что я бреду без цели и водительства свыше, но всякий раз, поглубже задумываясь о смысле происходившего, я этот высший смысл обнаруживал. И знай, юноша: после огненных глубин преисподней самое жаркое

пламя — это синее пламя мести, что днем и ночью сжигает сердце мужчины, покуда он не зальет его кровью. Много раз в былые дни доводилось мне избавлять недостойных людей от бремени бытия. Ибо Господь — моя опора и мой пастырь, и думается мне, что не иначе как Его соизволением одолевал я врагов.

Сказав так, Соломон Кейн удалился прочь, шагая широко и вместе тем по-кошачьи мягко. А Джек Холлинстер, вконец сбитый с толку, остался недоуменно смотреть ему вслед...

Глава 2
НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Джек Холлинстер стряхнул с себя тягостные сновидения и приподнялся в постели, оглядывая комнату. Луна еще не взошла, и лишь звездный свет озарял чью-то голову и широкие плечи, маячившие в окне, на фоне неба.

— Ш-ш-ш!.. — донеслось тихое предупреждение. Казалось, это зашипела змея.

Джек выдернул шпагу из ножен, висевших на столбике кровати, потом поднялся и подошел к окну. Его взгляду предстала бородатая физиономия; на Джека смотрели маленькие блестящие глазки. Человек тяжело дышал, словно после долгого бега.

— Бери шпагу, парень, и айда за мной, — долетел настойчивый шепот. — Он ее сцапал!

— Э-э... погоди! Кто сцапал? Кого?..

— Сэр Джордж! — От быстрого шепота ночного посетителя у Джека по спине побежали мурашки. — Послал ей, понимаешь, записку с твоей подписью. Пригласил девчушку на Скалы. Она туда, а там тут как тут его ухорезы, ну и...

— Кого? Мэри Гарвин?..

— Век воли не видать, господин, ее самую!

Комната поплыла у Джека перед глазами. Он-то ожидал, что нападут на него! Мог ли он предполагать, что

подлость сэра Джорджа зайдет столь далеко и подвигнет его на похищение беспомощной девушки?!..

— Да чтоб дьяволы утащили его черную душу, — заскрипел он зубами, подхватывая одежду. — Ты хоть знаешь, где теперь Мэри?

— В доме евонном, господин, где ж еще.

— А сам-то ты кто? — запоздало спросил Джек.

— Да кому ж быть, сэр, как не бедному Сэму, что ходит за лошадками в конюшне при таверне? Увидел я, стало быть, как они сцапали девочку, ну и...

Холлинстер оделся и полез в окно, держа в руке обнаженную шпагу.

— Спасибо тебе, Сэм, — сказал он. — Если останусь жив, я этого не забуду.

Сэм улыбнулся, показывая желтые клыки:

— А я с вами, сэр, так что погодите прощаться. Сэр Джордж, он и мне, понимаете ли... чуток задолжал!

И Сэм красноречиво повертел в руках злодейского вида дубинкой.

— Тогда вперед! — сказал Джек. — Нанесем визит этой свинье!

Дом сэра Джорджа Банвэя стоял милях в двух от деревни, в направлении, противоположном тому, которое Джек накануне избрал для прогулки. Это был старинный особняк, больше смахивавший на замок, и сэр Джордж обитал в нем один, если не считать нескольких слуг с совершенно уголовными рожами и немногочисленных дружков хозяина, выглядевших еще хуже слуг. Дом был огромен, мрачен и определенно нуждался в ремонте. Дубовые стены его потемнели от времени, и не перечесть было зловещих историй о том, что этим стенам довелось повидать. Что же касается деревенских жителей, то лишь местные буяны и безобразники, водившие с сэром Джорджем какие-то сомнительные делишки, переступали порог его дома. Стены вокруг особняка не было, лишь косматые живые изгороди, а вместо парка — несколько беспорядочно разбросанных деревьев. Задняя дверь выходила прямо на пустоши, фасад же был обращен к песчаному пляжу, шириной ярдов двести,

за которым, разбиваясь о валуны, рокотал прибой. Как раз перед домом скалы, торчавшие у края воды, были особенно голыми, изломанными и заметно выше, чем в других местах. Говорили, будто где-то там была укрыта прелюбопытная пещерка. Но где именно, никто не знал. Сэр Джордж считал этот отрезок берега своей частной собственностью: слишком любопытные охотники до прогулок вполне могли схлопотать даже и пулю из мушкета.

Пробираясь через промозглую сырую пустошь, Джек и его странный провожатый не заметили в доме ни огонька. Легкий туман почти не давал разглядеть звезд, так что громадный особняк казался еще более зловещим и темным. Кусты и деревья, окружавшие его, казались какими-то согбенными призраками. Со стороны моря вообще висела сплошная серая пелена. Один раз Джеку послышалось приглушенное звяканье якорной цепи, и он спросил себя, может ли в подобную ночь корабль встать на якорь за рифами, имевшими весьма скверную славу среди навигаторов. Серое море глухо постанывало, точно спящее чудовище, которому приснился дурной сон...

— Полезем через окошко, сэр! — донесся свирепый шепот Сэма. — Все огонечки погашены, но он точно там, как Бог свят!

Вместе подкрадывались они к огромному затемненному дому, и Джек улучил минутку задуматься о том, почему не было видно ни единого охранника. Неужели сэр Джордж был так уверен в себе, что никого не поставил присматривать? А может быть, караульные заснули на посту?

Оказавшись под окном, он попробовал его приоткрыть. Тяжелые ставни отворились с удивительной легкостью. И в уме молодого человека молнией сверкнуло неожиданное подозрение: уж больно легко все удавалось! Подозрительно легко!.. Он стремительно обернулся... как раз вовремя, чтобы заметить, как опускается ему на голову занесенная Сэмом дубинка. Джек не успел ни увернуться, ни нанести ответный удар. Успел только заметить, как сверкнули торжеством маленькие блестящие глазки. Потом весь мир рухнул в непроглядную черноту.

Глава 3
"НЫНЧЕ СМЕРТЬ ВЫШЛА НА ОХОТУ..."

К Джеку Холлинстеру медленно возвращалось сознание. Перед глазами висела багровая пелена, и он мучительно заморгал, пытаясь ее разогнать. Голову раскалывала тошнотворная боль, яркий свет резал глаза. Он зажмурился, спасаясь от света, но немилосердный блеск проникал даже сквозь сомкнутые веки, раскаленным шилом вонзаясь прямо в мозг. В ушах стоял бессвязный гул голосов. Он попытался приподнять руку, чтобы пощупать голову, но рука не подчинилась ему. Потом он вспомнил все, что с ним случилось, и окончательно вернулся к реальности.

Он был связан по рукам и ногам. И лежал на жестком грязном полу. Он находился в просторном погребе, заставленном бочонками, флягами и черными, липкими с виду кадушками. Потолок в подвале был довольно высокий, и поддерживали его толстые дубовые балки. С одной из балок свисал фонарь, свет которого так больно ранил Джеку глаза. Фонарь освещал середину погреба, по углам же таились шевелящиеся тени. В одном конце можно было разглядеть широкую каменную лестницу, уводившую вверх. С другого конца открывался темный коридор.

В погребе было полным-полно народу. Джек узнал смуглую насмешливую физиономию Банвэя, багровую от выпивки рожу предателя Сэма и еще двоих деревенских балбесов, вечно ошивавшихся то у сэра Джорджа, то в ближайшей таверне. Остальные, человек десять или двенадцать, были ему незнакомы. Другое дело, он с первого взгляда признал в них моряков: все, как один, — заросшие волосами здоровяки в просмоленных штанах, с кольцами не только в ушах, но даже в носу. Остальное убранство незнакомцев было поистине удивительно. Кое-кто повязал на голову пестрые шелковые платки; и все без исключения были сплошь увешаны оружием. Джек сразу отметил абордажные сабли с широкими бронзовыми гардами. Бросались в глаза украшенные самоцветами кинжалы и пистолеты с серебряной насечкой. Люди играли в кости, пили

вино и жутко ругались. А глаза у них горели в свете фонаря так, что страшно было смотреть.

Пираты!.. Честным труженикам морей несвойственна столь вызывающая роскошь, особенно в сочетании с манерами законченных негодяев. Просмоленные штаны и простые моряцкие рубашки были перехвачены шелковыми кушаками; на волосатых ногах, не знавших чулок, красовались башмаки с серебряными пряжками, на грязных пальцах — толстые перстни. Драгоценные камни сверкали на золотых серьгах размером с хороший браслет. А на поясах — хоть бы один нож из тех, что носят честные моряки. Сплошь дорогие кинжалы, сработанные в Испании либо в Италии. Любовь к роскоши, удивительно гнусные рожи и кощунственная ругань — все вместе безошибочно говорило о кровавой профессии этих людей.

Джек подумал о корабле, который он видел в море незадолго до заката, о приглушенном рокоте якорной цепи в тумане... Потом вдруг вспомнил того странного человека, Кейна, — и вновь задумался над его словами. Знал ли Кейн, что это пиратский корабль? И что связывало его с морскими разбойниками? Неужели его пуританская суровость была лишь маской, назначенной прикрывать какую-то зловещую деятельность?..

В это время человек, резавшийся в кости с сэром Джорджем, внезапно повернулся к пленнику. Он был высок, поджар и широкоплеч, он... Сердце Джека прыгнуло к самому горлу... потом медленно вернулось на свое место. Вначале ему на миг показалось, будто это и был Кейн. Теперь он видел, что пират, хотя и сложенный в том же духе, что Кейн, во всех остальных отношениях являл собой полную противоположность пуританину.

Он был одет легко, но вызывающе безвкусно и ярко. Шелковый кушак, серебряные пряжки, золоченые кисточки и все такое прочее. За широким поясом виднелись рукояти кинжалов и пистолетов, прямо-таки искрившиеся драгоценными самоцветами. Длинная рапира, тоже, конечно, вся в золоте и каменьях, висела на богатой узорчатой перевязи. Изящные золотые серьги венчали два сверкающих багровых рубина. Камни играли в свете фонаря, бросая на смуглое лицо пирата малиновые блики.

Лицо же у человека было худое, жестокое, с ястребиным носом. На узкий высокий лоб была надвинута щегольски заломленная шляпа, низко сидевшая над черными бровями. Впрочем, она не скрывала яркого цветного платка, повязанного на голову. Из-под шляпы смотрели холодные серые глаза. Бесстрашные и беспощадные глаза, переливавшиеся светом и тенями. Нос, тонкий и острый, как лезвие ножа, нависал над тонкогубым, в одну черту, ртом. Верхнюю губу, кривившуюся в жестокой усмешке, украшали длинные вислые усы вроде тех, что носят маньчжурские мандарины.

— Эй, Джордж, да никак наш гость очухался! — заорал этот человек, и голос его хлестнул режушей насмешкой. — Клянусь Зевсом, Сэм, я-то думал, ты надолго его угомонил. Однако и крепкая же черепушка у этого парня!

Пираты оторвались от игры и уставились на Джека — кто насмешливо, кто с любопытством. Лицо сэра Джорджа потемнело, он со значением указал пальцем на свою левую руку, на которой сквозь помятый шелковый рукав виднелась повязка:

— Ты был прав, Холлинстер, когда говорил, что нашу следующую встречу никакой мировой судья не прервет. Вот только, похоже, страдать придется твоей прогнившей шкуре, а никак не моей...

И тут раздался другой голос, полный муки, которая пронзила молодого человека хуже всяких поддевок Банвэя:

— Джек!..

У Холлинстера кровь заледенела в жилах. Он задергался на полу, выворачивая шею и силясь приподняться... От зрелища, представшего его глазам, у него едва не остановилось сердце. На грязном мокром полу на коленях стояла девушка, привязанная к тяжелому кольцу в дубовой свае. Она тянулась к нему, и лицо у нее было совсем белое, глаза — круглые от страха, золотые волосы растрепались...

— Мэри... О Господи!.. — вырвалось у несчастного Джека. Пираты отозвались на этот крик боли взрывом глумливого хохота.

— А ну, ребята, выпьем за влюбленную парочку! — проревел рослый капитан, поднимая пенившуюся кружку. — За любовников, парни!.. А еще за то, чтобы парнишка

не жадничал. Вздумал наедине побаловаться с малышкой, а нас и не пригласил!..

— Ах ты паскудная тварь!.. — взвыл Джек и нечеловеческим усилием умудрился подняться на колени. — Трусы!.. Подлые, мерзкие, ни к чему не годные трусы! Ох, если б только у меня руки были свободны!.. Развяжите меня, если в этой стае найдется хоть одна на всех капелька мужества! Развяжите меня, и я вас голыми руками передушу! Ибо только последнее ничтожество не справится с подобными говнюками...

— Клянусь Иудой! — восхитился один из пиратов. — А у малого кишка не тонка! И можете меня килевать, если он не умеет выражаться как подобает! Выдери мне и глаза и печенку, капитан, но я считаю, что...

— Молчать! — перебил сэр Джордж, чье сердце, подобно крысе, точила черная ненависть. — И ты заткнись, Холлинстер. Побереги пыл. Чтоб я еще раз сошелся с тобой один на один? Еще не хватало! Я уже дал тебе шанс прикончить меня в поединке, но ты им не воспользовался. Теперь я применю к тебе оружие, более подходящее к твоему происхождению и положению. Видишь ли, никто не знает, куда и зачем ты отправился посреди ночи. И никто не узнает. Никогда. Море навсегда прятало трупы и не таких, как ты. И будет прятать в будущем, когда твои кости давным-давно обратятся в слизь, разложившись на его дне. Что же касается тебя, моя крошка... — тут он повернулся к перепуганной девушке, все еще пытавшейся выдавить какие-то невнятные мольбы, — ты пока поживешь со мной тут, в моем доме. Может, даже и в этом самом погребе. Впоследствии, когда ты мне надоешь...

— Надеюсь, это произойдет как раз к исходу двух месяцев, когда мы снова тебя навестим, Джордж, — вмешался пиратский капитан. Он веселился, но это было поистине дьявольское веселье. — В этот раз я повезу в море труп, — во имя сатаны, препоганый груз! — так вот, я хочу, чтобы в следующем рейсе у меня был пассажир посимпатичнее!

Сэр Джордж неприятно усмехнулся:

— Договорились... Стало быть, через два месяца она твоя... если, конечно, к тому времени не вздумает поме-

реть. Так, значит, ты отплывешь нынче перед рассветом, увозя в холстине кровавый кусок мяса, который я собираюсь сделать из Холлинстера, и утопишь его бренные останки подальше от берега, так, чтобы прибой никогда не вынес их на сушу. Сделай это, и через два месяца можешь возвращаться за девкой.

Лежа на полу, Джек слушал, как они строили свои жуткие планы, и сердце у него сжималось.

— Мэри, любовь моя, — окликнул он тихо. — Как вышло, что ты здесь очутилась?

— Мне принесли записку... — прошептала она. Девушка так ослабела от страха, что говорить вслух попросту не могла. — Почерк был очень похож на твой... И подпись... Там было написано, что ты ранен и просишь меня прийти к Скалам... Я пришла, и тогда эти самые люди схватили меня и притащили сюда через длинный тоннель...

— А я тебе что говорил, твоя милость? — в восторге завопил предатель Сэм, встряхивая нечесаными патлами. — Я ж тебе что сказал? Доверься мне, и старина Сэм кого хошь вокруг пальца обведет! Малый побежал за мной, что твой ягненочек! Здорово я словчил, ничего не скажешь, но и ему надо же было быть до такой степени дураком!..

— Отставить треп! — вмешался другой пират, худой, смуглый и мрачный, судя по всему — первый помощник. — Мы и так здорово рискуем, без конца швартуясь здесь и толкая награбленное. Что, если они обнаружат девку, а она и примется болтать? Ты правда полагаешь, кэп, что по эту сторону Ла-Манша найдется еще такой уголок для сбыта награбленного нами в Северном море?..

Сэр Джордж и капитан хором расхохотались.

— Успокойся, Аллардайн, все-то ты переживаешь! Кто станет разыскивать девку? Все так и подумают, что она со своим дружком свалила куда подальше. Джордж вот говорит, ее папенька совсем не в восторге от дочкиного женишка. Никто в деревне никогда больше не услышит ни про нее, ни про него. И не додумается сюда заглянуть, это уж как пить дать. У тебя просто плохое настроение: это оттого, что мы так далеко от Гривы. Брось, парень!

А то будто мы никогда прежде не баловались в Ла-Манше и не щекотали балтийских купцов прямо под носом у военного флота!

— Может, и так, — пробурчал Аллардайн, — а только мне все одно будет спокойней, когда мы уберемся подальше от здешних вод. Дни Братства миновали в этих краях, и чем скорее мы подадимся в Карибы, тем и лучше! Нутром чую — беда нас здесь ждет! Смерть перед нами, как черное облако, и ни проливчика, чтобы улизнуть...

Пираты встревожено заерзали на скамьях:

— Тьфу на тебя, Аллардайн, поменьше болтай!

Первый помощник хмуро отозвался:

— Я слышал, на морском дне не так уж сладко спится...

— А ну-ка, приободритесь! — заржал капитан и гулко хлопнул Аллардайна по спине. — Лучше выпьем-ка за невесту! Причал Казней — скверное место для швартовки, но мы покамест держим курс прочь! За невесту, ха-ха!.. За невесту Джорджа и мою... смотрите-ка, малышка ажно сомлела от радости...

Первый помощник вдруг вскинул голову:

— Тихо!.. Что это там наверху? Мне послышался сдавленный крик!

Все замолчали. Руки невзначай потянулись к оружию, а глаза устремились к лестнице. Капитан раздраженно передернул могучими плечами:

— Я так ни хрена ни слышу...

— А я слышал! Крик, потом шум падающего тела! Говорю вам, Смерть вышла на охоту и бродит рядом в эту туманную...

— Аллардайн, — с холодным озлоблением проговорил капитан, сбивая горлышко винной бутылки. — Последнее время ты совсем превратился в мнительную бабу и шарахаешься от любой тени. Возьми пример хоть с меня! Когда это я чего боялся? Или о чем-то беспокоился?

— Ну и что в этом хорошего? — хмуро отозвался помощник. — Каждый день совать голову в петлю, как ты это делаешь... притом что тот двуногий волк день за днем так и бежит по твоему следу... Ты помнишь, что тебе передали два года тому назад?

— Подумаешь! — фыркнул капитан и поднес бутылку к губам. — Мой след слишком долог и запутан даже для...

Но тут его накрыла чья-то черная тень, и бутылка выскользнула из пальцев, разлетевшись вдребезги на полу. Некое предчувствие заставило пирата побледнеть и медленно обернуться. Все глаза опять устремились к лестнице, что вела сверху в подвал. Никто не слышал, чтобы входная дверь открывалась или закрывалась. Однако на ступенях стоял рослый мужчина, облаченный во все черное, за исключением ярко-зеленого кушака на талии. Под густыми черными бровями, в тени низко надвинутой фетровой шляпы, точно лед на склоне вулкана, горели холодные зоркие глаза. В каждой руке — по тяжелому пистолету со взведенным курком... это был Соломон Кейн!

Глава 4
ПОГАШЕНИЕ ПЛАМЕНИ

— Не шевелиться, Джонас Хардрейкер, — голосом, лишенным всякого выражения, проговорил Соломон Кейн. — Не шевелиться, Бен Аллардайн! А вы, Джордж Банвэй, Джон Харкер, Черный Майк, Том-Бристолец, — руки на стол! И тот, кто не хочет, чтобы его постигла неожиданная кончина, пусть лучше не хватается ни за саблю, ни за пистолет!

В погребе было человек двадцать, но два черных дула обещали мгновенную смерть по крайней мере двоим, и никому не хотелось угодить в их число. Поэтому никто не двинулся с места. Лишь первый помощник Аллардайн, чье побелевшее лицо напоминало снег на оконном стекле, выдохнул:

— Кейн!.. Ох, я знал!.. Когда он близко, в воздухе так и веет смертью!.. Вот об этом я и говорил тебе, Джонас, два года назад, когда он велел кое-что тебе передать, а ты только посмеялся! Я же говорил тебе, что он появляется, как тень, и убивает, как злой дух! По сравнению с ним краснокожие Нового Света — жалкие самоучки, не умеющие толком подкрасться! Ох, Джонас, если бы ты вовремя послушал меня!..

Взгляд угрюмых глаз Кейна приморозил его язык к нёбу.

— Да, Бен Аллардайн, — сказал пуританин, — ты наверняка меня помнишь по прежним временам, когда Братство буканьеров еще не превратилось в шайку насильников и головорезов. Мы оба помним мои столкновения с твоим прежним капитаном — на Тортуге и позже, за мысом Горн. Это был редкий мерзавец, и душу его, вне всякого сомнения, давно поглотил ад, — куда и препроводила его моя мушкетная пуля. Что же касается умения подкрадываться... Что ж, я в самом деле жил некоторое время в Дариене и в определенной степени приобщился к этой науке. Но должен сказать, что к вашему брату-пирату не подкрадется только младенец. Те, что караулили снаружи, попросту не заметили меня в тумане. А тот морской волк, что с мушкетом и саблей наголо сторожил дверь в подвал, даже не знал, что я вошел в дом. Его кончина была скоропостижна. Он сумел только взвизгнуть, как зарезанная свинья...

Хардрейкер взорвался яростной бранью, а потом спросил:

— Что ты здесь делаешь, будь ты проклят?..

Соломон Кейн устремил на него взгляд, от которого стыла в жилах кровь: в этом взгляде была неумолимость самой Судьбы.

— Как я уже говорил, кое-кто из твоей команды, Джонас Хардрейкер, называемый также «Скопа», помнит меня по былым временам... — Кейн говорил по-прежнему безо всякого выражения, но в его голосе некоторым образом ощущалась подлинная страсть, — да и самому тебе отлично известно, почему я последовал за тобой с Гривы в Португалию, а из Португалии — в Англию. Два года назад в Карибском море ты потопил один корабль. «Летучее Сердце» из Дувра... На борту его была юная девушка, дочь... впрочем, неважно чья. Я знаю, что ты помнишь ее. Ее старый отец был моим близким другом, и в былые годы маленькая девочка не раз сидела у меня на коленях... чтобы вырасти красавицей и погибнуть в твоих грязных лапах, ты, кровожадный кобель! После того как судно было взято, девушка стала твоей добычей и вскорости умерла. Смерть оказалась к ней милосердней,

чем ты. Ее достопочтенный отец, узнав о судьбе дочери, сошел с ума, и рассудок до сих пор не вернулся к нему. Братьев у нее не было — только старый отец. Некому было отомстить за нее...

— Кроме тебя, сэр Галахад? — хмыкнул Скопа.

— Да, кроме МЕНЯ, несытая тварь! — неожиданно загремел Кейн, и такова была мощь его голоса, что заложило уши. Заскорузлые, просмоленные морские разбойники так и подскочили, белея. Что можно выдумать хуже, чем зрелище такого вот человека с железными нервами и непоколебимой волей, внезапно давшего волю смертоубийственной ярости! На один-единственный миг, пока звучал его голос, Кейн сделался существом из минувших времен, воплощением свирепого гнева. Но шторм утих столь же внезапно, как и разразился, и пуританин снова стал самим собой — холодным, как разящая сталь, и смертоносным, как кобра.

Одно черное дуло смотрело Хардрейкеру прямо в грудь. Другое держало под прицелом остальную шайку.

— Примирись со своим Создателем, пират, — прежним бесцветным голосом проговорил Кейн. — Ибо скоро станет поздно. Пробил твой час...

Вот тут шальной пират впервые дрогнул.

— Боже всемилостивый! — ахнул он, и пот крупными каплями выступил на его лбу. — Ты что, прямо так и застрелишь меня, точно шакала, не дав мне возможности?..

— Именно так я и сделаю, Джонас Хардрейкер, — ответствовал Соломон Кейн, и ни голос, ни рука его при этом не дрожали. — Причем сделаю это с радостным сердцем. Есть ли под солнцем такое преступление, которого ты не совершил бы? Ты — смрад перед лицом Господа, черная клякса в Книге дел человеческих. Давал ли ты когда пощаду слабым, миловал ли беспомощных? Что же ты сам шарахаешься от своей участи, жалкий трус?

Пирату потребовалось страшное усилие, но все-таки он взял себя в руки.

— Отнюдь, — сказал он. — Не шарахаюсь. Потому что трус здесь — ты, а не я.

Холодные глаза Кейна вновь на миг затуманились яростью и угрозой. Казалось, он еще глубже загнал в себе

все человеческое. Он стоял на ступенях, как нечто потустороннее, и из живых существ всего более напоминал громадного черного кондора, готового терзать и клевать.

— Ты сам трус, — продолжал пират, благо ему особо нечего было терять. Он был далеко не глуп и понял, что затронул единственное уязвимое место в духовной броне пуританина: гордыню. Кейн никогда не хвастался своими деяниями, но про себя очень гордился тем, что, как бы ни обзывали его враги, никто и никогда не именовал его трусом.

— Может, я и заслуживаю быть хладнокровно убитым, — говорил тем временем Скопа. Он внимательно наблюдал за пуританином. — Но что скажут о тебе люди, если ты не дашь мне возможности постоять за себя? Они назовут тебя отъявленным трусом...

— Людской приговор есть суета сует, — мрачно ответствовал Кейн. — К тому же люди знают, трус я или нет.

— И я знаю!.. — торжествующе заорал Хардрейкер. — Застрели меня, и я уйду в Вечность с мыслью о том, что ты — дерьмо собачье, что бы там ни говорили мне про твою храбрость!

При всем своем фанатизме Кейн оставался человеком и обладал слабостями, присущими человеку. Тщетно он убеждал себя, что ему было наплевать на мнение о себе всякого негодяя. В сердце своем он знал: если Хардрейкер умрет с презрительным смешком на губах, этот смех будет жалить его, Кейна, до конца его дней. И он угрюмо кивнул:

— Что ж, пускай будет так. Я дам тебе шанс, хотя Господу нашему известно, что ты его не заслуживаешь. Выбирай оружие!

Глаза Скопы сузились... Фехтовальное искусство Кейна было притчей во языцех среди изгоев и бродяг по всему миру. А если выбрать пистолеты, у него, Хардрейкера, не будет никакой возможности пустить в ход ни хитрость, ни свою знаменитую силу...

— Ножи! — ответил он, лязгнув крепкими белыми зубами.

Кейн мрачно смотрел на него некоторое время, по-прежнему держа его на мушке. Потом угрюмое лицо озарила едва заметная зловещая улыбка.

— Отлично, — сказал он. — Нож едва ли возможно причислить к оружию джентльменов... зато он порою несет смерть, которую никто не назовет ни быстрой, ни безболезненной... — И повернулся к пиратам: — Всем бросить оружие! — Они неохотно повиновались, и последовал новый приказ: — Развязать юношу и девушку!

Это было исполнено. Джек расправил затекшие руки и ноги, ощупал рану на голове, покрытую коркой спекшейся крови. И обнял всхлипывающую Мэри.

— Пусть она уйдет, — прошептал он, но Соломон Кейн покачал головой:

— Она не сможет миновать стражу, стоящую возле дома.

И он жестом велел Джеку взять с собой Мэри и занять место повыше на ступенях. Он вручил Холлинстеру пистолеты и быстрым движением освободился от пояса с рапирой и камзола, сложив их на нижнюю ступеньку. Хардрейкер также выложил весь свой отнюдь не бедный арсенал и обнажился по пояс.

— Присмотри за ними, пока я занимаюсь Скопой, — проворчал Кейн. — Если кто-нибудь потянется за оружием, стреляй без промедления. Если я упаду, беги вместе с девушкой. Но вряд ли я проиграю: синее пламя мести раскалило мой мозг...

Двое мужчин встали друг против друга. Кейн — с непокрытой головой и в одной рубашке, Хардрейкер — обнаженный по пояс, зато в шелковом головном платке. Пират был вооружен длинным турецким кинжалом, который он держал острием вверх. Кейн держал свой кинжал так, как обычно держат рапиру. Оба были опытными бойцами, и ни один не опускал оружия книзу, как это вроде бы диктуется благородными манерами. То, что хорошо смотрится в галантном обществе, редко бывает полезно в настоящем бою.

Фонарь, мерцавший на стене, освещал жуткую сцену, поистине достойную ночного кошмара. Бледный юноша, стоящий на ступенях лестницы с двумя пистолетами, и рядом — жмущаяся к нему девушка. Ряд гнусных бородатых рож вдоль стены. Дикарский, беспощадный блеск

глаз. Голубые блики на двух длинных клинках. Два рослых силуэта посередине, медленно кружащиеся друг за другом. Тени у их ног, повторяющие каждое движение бойцов...

— Нападай и дерись, пуританин! — подзуживал соперника пират, в то же время отступая перед неослабным, хотя и осторожным, натиском Кейна. — Подумай о девке, Фетровая Шляпа!

— Вот о ней я и думаю, ты, вонючий отброс Чистилища, — хмуро ответил Кейн. — Знай, мразь, есть огни и огни, одни жарче, другие слабей... — а по смертоносным клинкам пробегали дрожащие синеватые отсветы, — но все они, за исключением огней преисподней, могут быть загашены КРОВЬЮ!

И с этими словами Кейн ударил, словно атакующий волк. Хардрейкер отбил прямой удар и, прыгнув вперед, сам ударил снизу вверх. Но Кейн успел перевернуть кинжал острием вниз и защитился, пират же разогнулся, как стальная пружина, и отскочил, избегая смертельного замаха. Кейн безостановочно продвигался вперед; с кем бы ему ни доводилось драться, он признавал лишь одну стратегию — наступление. Его кинжал, словно свистящая молния, устремлялся в лицо пирату, грозил его торсу, мелькал у живота, и Скопе стало некогда атаковать, — все внимание уходило на то, чтобы уберечься от ран. Это, впрочем, не могло продолжаться долго. Дуэль на ножах обычно бывает жестока и быстротечна и кончается смертельным исходом. Само оружие не подразумевает ни длительных фехтовальных хитросплетений, ни ничьих.

Настал миг, когда Хардрейкер, почуяв выгодную возможность, железной хваткой стиснул правое запястье Кейна и нанес страшный вспарывающий удар в живот. Кейну пришлось пожертвовать предплечьем, на котором остался глубокий порез; но все-таки он перехватил руку пирата и остановил грозящее лезвие в дюйме от своего тела. Так они и застыли, впившись взглядом друг другу в глаза и замерев, точно две статуи, лишь мускулы сводило безумное напряжение.

Подобное единоборство было отнюдь не во вкусе пуританина. Он предпочитал иной путь, позволявший разрешить дело скорой смертью: прыжки, отскоки, выпады

и защиту, когда каждый полагается на быстроту и согласованность рук, ног и глаз, когда удары наносят и принимают в открытую. Но если его сопернику захотелось помериться с ним силой — да будет так!

Хардрейкер между тем уже усомнился в выгоде избранного им пути. Ни разу еще ему не приходилось встречать равного себе по физической мощи. Однако пуританин был точно выкован из железа! Пират устремил всю свою силу в кисти рук и в широко расставленные, напряженные ноги. Кейн понял его замысел и передвинул в ладони рукоять кинжала. Когда они только сцепились, Скопа вынудил его высоко поднять вооруженную руку. Теперь Соломон изменил хватку, и его кинжал сверху вниз смотрел в грудь пирату. Оставалось только преодолеть сопротивление руки Хардрейкера, по-прежнему стискивавшей запястье, и вогнать кинжал пирату в сердце. Вооруженная рука Скопы находилась внизу, кинжал смотрел вверх. Если он сумеет заставить согнуться напряженную руку Кейна, кинжал вспорет пуританину живот.

Так они и стояли, напрягшись до последнего предела. Мускулы вспухли мучительными узлами на руках и телах, по лицам катился пот. У Хардрейкера вздулись на висках вены. Кольцо зрителей выдавало себя лишь дыханием, с шипением вырывавшимся сквозь сжатые зубы.

Некоторое время ни один, ни другой не мог завоевать преимущества. А потом Соломон Кейн начал медленно, но верно клонить Хардрейкера назад. Сцепленные руки мужчин не меняли положения: пират просто начал изгибаться всем телом, постепенно заваливаясь навзничь. Его тонкие губы раздвинулись в жутком подобии улыбки, только это была не улыбка, а оскал, вызванный сверхчеловеческим напряжением. Лицо его приобрело сходство с ухмыляющимся черепом, глаза полезли из орбит... Превосходящая сила Кейна брала верх неумолимо и беспощадно, как сама Смерть. Скопа уступал медленно, словно дерево, чьи корни мало-помалу вырываются из земли, теряя опору. Он хрипло дышал, в груди клокотало, он прилагал страшные усилия, пытаясь отвоевать утраченное. Тщетно! Дюйм за дюймом его клонило назад, пока наконец (зрители могли бы поклясться, что миновали

часы) его спина не оказалась плотно прижата к жесткой дубовой столешнице.

Кейн навис над ним, точно олицетворение неминуемой гибели...

Правая рука Хардрейкера по-прежнему сжимала кинжал, левая удерживала правое запястье Кейна. Но вот Кейн, все так же отводя от своей плоти острие турецкого кинжала, начал опускать правую руку. От этого усилия и у него вздулись на висках жилы. Дюйм за дюймом, так же как он клонил Скопу навзничь на стол, он теперь опускал к его груди свой клинок. На медленно сгибавшейся левой руке пирата, точно стальные змеи, болезненно извивались перенапряженные мышцы. Порою ему удавалось на несколько мгновений ее удержать, но распрямить — ни на дюйм! Он еще пытался что-то сделать правой рукой, достать Кейна своим турецким кинжалом, но левая, залитая кровью рука пуританина держала ее словно в железных тисках.

И вот неумолимое острие зависло в каком-то дюйме от бешено вздымающейся груди Хардрейкера, и блеск холодных глаз Кейна ничем не уступал ледяному сиянию клинка. Еще два дюйма — и нож пронзит сердце, останавливая его навсегда. Последнее отчаянное усилие обреченного пирата ненадолго остановило кинжал... Что видели его безумные глаза?.. Они были устремлены на смертоносный кончик кинжала, в котором для Хардрейкера с некоторых пор сосредоточился весь мир, но в то же время казалось, что застывший, остекленелый взор был устремлен куда-то вдаль. Что видели эти глаза?.. Тонущие корабли, над которыми ненасытно смыкались черные морские волны?.. Багровое зарево над прибрежными городами, крики женщин, в ужасе бегущих по улицам, и черные силуэты в алых бликах огня, изрыгающие богохульства?.. Вздыбленный, исхлестанный ветрами океан, залитый мертвенным светом молний, посылаемых разгневанными небесами?.. Пламя, крутящийся дым, окровавленные руины... черные фигуры, дергающиеся на ноке рея... и другие, что, корчась, падали в бездну с положенной на планшир доски... Или, может быть, белое девичье лицо, чьи помертвевшие губы силились умолять?..

Из залитого пеной рта Хардрейкера вырвался ужасающий вопль. Рука Кейна совершила последнее усилие и начала погружать кинжал в его грудь. Мэри Гарвин, стоявшая на ступенях, отвернулась, прижимаясь лицом к сырой стене, чтобы не видеть, и заткнула руками уши, чтобы не слышать.

Еще живой Хардрейкер уронил кинжал и попытался высвободить правую руку, чтобы пустить в ход сразу обе, отводя убивавший его клинок. Но тиски пуританина и не думали ослабевать. Корчившийся пират тоже никак не желал выпустить его правую руку и принять неизбежный конец. Нет, он до последнего продолжал на что-то надеяться, и кинжал Кейна, медленно прорезав мышцы груди, так же медленно, дюйм за дюймом, начал входить в его сердце. Все, кто видел это зрелище, облились холодным потом, и только ледяные глаза Кейна не изменили своего выражения. Перед его умственным взором тоже стояла корабельная палуба, залитая кровью. И беззащитная юная девушка, тщетно молившая о милосердии...

Крики Хардрейкера дошли до последней степени ужаса, перейдя в тонкий, раздирающий уши визг. Это не был крик труса, убоявшегося последнего шага во тьму. Это был животный вой человека, угасающего в страшной агонии. Рукоять кинжала почти соприкоснулась с его грудью, и только тогда вопль оборвался булькающим хрипом и наконец смолк совсем. Кровь хлынула из пепельных губ, и запястье, которое сжимал Кейн, внезапно обмякло. И лишь затем разжались пальцы левой и выпустили вооруженную руку Кейна. Смерть успокоила их, та самая Смерть, которую они до последнего бешено силились отвести.

Тишина, точно белый саван, накрыла всех видевших это. Кейн выдернул кинжал. Из раны лениво потекла кровь, потом остановилась. Пуританин машинально взмахнул кинжалом, чтобы стряхнуть с него алые капли. Блестящий клинок отразил свет фонаря и показался Джеку Холлинстеру вспышкой синего пламени. Пламени, погашенного кровью.

Кейн потянулся к рапире... И в это время Холлинстер стряхнул невольное оцепенение и увидел, как подлец Сэм поднимает припрятанный пистолет и целится в пуританина. Глаз и рука юноши сработали одновременно. Гулко грохнул выстрел. Сэм с воплем взвился в воздух, его пальцы конвульсивно сжались и надавили спусковой крючок. Пистолет бабахнул, и надо же было такому случиться, чтобы Сэм стоял как раз под единственным фонарем! Корчась в предсмертных судорогах, предатель взмахнул руками, и тяжелый ствол вдребезги расколошматил фонарь. Погреб погрузился в кромешную темноту.

Во мраке мгновенно начался такой гвалт, посыпались такие проклятия, что, казалось, весь ад сорвался с цепи. Переворачивались бочонки, люди налетали друг на дружку и неистово матерились. Руки вслепую тянулись к брошенному на пол оружию, и вот уже зазвенела сталь и раздались пистолетные выстрелы: пираты палили не глядя, да и много ли разглядишь в темноте! Кто-то жутко завыл: похоже, пули иногда попадали в цель. Джек крепко держал девушку за руку и наполовину вел, наполовину тащил ее вверх по ступенькам. Он оскальзывался и спотыкался, но наконец все-таки добрался до самого верха и распахнул тяжелую дверь. Полный мрак сменился пускай неярким, но светом, и при этом свете Джек разглядел человека у себя за спиной и толпу смутных фигур, карабкавшихся следом.

Холлинстер вскинул оставшийся пистолет, когда послышался голос пуританина:

— Это я, Кейн. Друг мой, скорее забирай девушку — и наружу!

Холлинстер повиновался, и Кейн, выскочив следом, захлопнул дверь перед самыми носами завывающей оравы разбойников, мчавшейся снизу по пятам за беглецами. Он опустил массивную щеколду и отступил прочь. Изнутри в дверь молотили кулаками, слышались приглушенные крики, стрельба. Кое-где на деревянных досках стали появляться выпуклые шишки: с той стороны в дверь впивались пули. Но свинец был слишком мягок и не мог пробить навылет прочные доски.

— А теперь что?.. — оборачиваясь к рослому пуританину, спросил Джек. Только тут юноша заметил ярко

разодетого мертвеца, валявшегося у его ног. Это был пират с серьгами в ушах, при шелковом кушаке, мушкете и сабле. Без сомнения, часовой, чью стражу прекратила молчаливая рапира Соломона Кейна...

Пуританин небрежно отпихнул труп ногой в сторонку и жестом пригласил влюбленных следовать за собой. Одолев короткий пролет деревянной лестницы, потом затемненный коридор, они вошли в какую-то комнату и остановились. Комнату освещала большая свеча, стоявшая на столе.

— Обождите меня здесь, — попросил Кейн. — Большинство злодеев заперты внизу, но есть еще наружная стража, человек пять или шесть. Идя сюда, я прокрался мимо них, но теперь вышла луна, и мы должны быть весьма осторожны. Пойду взгляну в окошко, не видать ли кого...

Оставшись наедине с Мэри, Джек с нежной жалостью посмотрел на любимую. Какую девушку не сломила бы подобная ночь?.. А она, его Мэри, была почти что ребенком и отнюдь не привыкла не то что к насилию, — даже и к грубому обращению! Бедняжка была до того бледна, что Джек уже сомневался, вернется ли однажды румянец на эти бескровные щеки, которые он помнил такими цветущими. В ее широко распахнутых глазах все еще стоял ужас. Но с каким доверием смотрела она на своего возлюбленного!

Он бережно привлек ее к себе.

— Мэри, девочка моя... — начал он нежно, но тут она посмотрела куда-то через его плечо, и огромные глаза стали еще больше. Она закричала от ужаса, и тут же раздался скрежет ржавой щеколды.

Холлинстер крутанулся на месте... В стене комнаты, там, где прежде была обыкновенная прямоугольная панель, зиял черный провал. На фоне черноты стоял сэр Джордж Банвэй. Одежда его была растерзана, глаза горели, но в каждой руке он сжимал по пистолету.

Джек мгновенно отшвырнул Мэри прочь и сам выхватил оружие. Два выстрела слились в один... Холлинстер почувствовал, как пуля обожгла щеку: это было похоже

на прикосновение бритвы, только докрасна раскаленной. Сэру Джорджу, казалось, пришлось хуже: из его рубашки на груди вырвало клок ткани. Он свалился, попытавшись выругаться, но получился стонущий вздох. Джек обернулся к перепуганной девушке, однако Банвэй, пошатываясь, снова поднялся. Он жадно дышал, потому что выстрел выбил из груди весь воздух. Но на раненого он не был похож, да и крови на его теле не показалось ни капли.

Джек застыл в изумлении, — как же так, ведь он сам видел, что не промахнулся! Он стоял столбом, тараща глаза и опустив дымящийся пистолет, пока сэр Джордж крепким ударом кулака не свалил его на пол. Всего через мгновение взбешенный Холлинстер опять был на ногах, но этого мгновения Банвэю оказалось достаточно, чтобы схватить за руку девушку и, грубо таща ее за собой, улизнуть обратно в потайной ход. Исчезая, он надавил пружину, и стенная панель снова встала на место.

Соломон Кейн, вернувшийся в комнату со всей быстротой, на которую были способны его длинные ноги, обнаружил Холлинстера в бессильной ярости колотящим по стене кулаками.

Чтобы понять, что произошло, Кейну хватило всего нескольких слов юноши, щедро приправленных отборными богохульствами и жгучими обвинениями в собственный адрес.

— Над ним — рука сатаны! — бушевал несчастный влюбленный. — Я же прямо в грудь ему попал — и хоть бы что! Ох, что ж я за глупец!.. Стоял, точно старый маразматик, а надо было ринуться на него — и дулом по черепу!.. Стоял, точно слепой идиот, пока он...

— Я тоже хорош: следовало предвидеть, что в этом старом доме полным-полно тайных ходов, — сказал пуританин. — Этот наверняка ведет в погреб, раз он... Погоди, — остановил он Холлинстера, готового наброситься на скрытую дверь с абордажной саблей мертвого пирата, которую принес ему Кейн. — Даже если мы выломаем дверь или откроем ту запертую и таким образом попадем в подвал, они же нас перестреляют, как кроликов, безо всякого толку для дела. Лучше успокойся, молодой человек, и послушай меня. Видел ты тот темный коридор,

тянувшийся куда-то из погреба? Ну так вот, думается мне, там должен быть тоннель, выводящий как раз к скалам на морском берегу. Банвэй не первый год имеет дело с контрабандистами и пиратами. Однако соглядатаи ни разу не видели, чтобы в дом вносили или выносили какие-нибудь подозрительные узлы. Что из этого следует? А то, что должен быть тоннель, связывающий подвал с морем. И еще, что разбойники и с ними сэр Джордж, которому после этой ночи в Англии уж точно не жить, скорее всего, побегут через тоннель и попытаются достичь корабля. Если мы поспешим, мы сможем перехватить их на берегу.

— Тогда, во имя Господа нашего, не будем терять времени! — взмолился юноша, утирая холодный пот, выступивший на лбу. — Стоит Мэри попасть к мерзавцам на корабль, и мы ее никогда уже не увидим!..

— Твоя рана снова кровоточит, — обеспокоенно заметил Кейн.

— Неважно!.. — вскричал Холлинстер. — Не будем медлить!..

Глава 5
"НАВСТРЕЧУ РАССВЕТУ Я УХОЖУ..."

...И юноша помчался следом за Кейном, который ничтоже сумняшеся проследовал к парадной двери, распахнул ее и выскочил наружу. Туман успел разойтись; ярко светила луна, освещавшая в двухстах ярдах от них черные скалы берега и длинный, зловещего вида корабль, покачивавшийся на волнах за линией рифа, за белыми бурунами. Никаких следов караульщиков, стоявших снаружи, не было заметно. То ли они сбежали, когда в доме начался переполох, то ли имели какой-то приказ вернуться к этому часу на берег — Кейн с Джеком так и не узнали. Так или иначе, они никого не встретили. А на берегу вздымались Скалы, черные, нехорошие, словно изломанные руины покинутых домов. За ними не было видно, что происходило на пляже, у края воды.

Не обращая внимания на возможную опасность, двое мужчин пустились бежать через открытое пространство. Причем по Кейну было совершенно незаметно, что он только что выдержал страшное, изматывающее испытание, в полном смысле слова побывав в жерновах жизни и смерти. Казалось, он весь был сделан из стальных пружин. Отчаянная гонка на двести ярдов даже не заставила его запыхаться. Холлинстер же так и шатался на бегу. Он очень ослабел от потери крови и пуще того от волнения. Только любовь к Мэри и мрачная решимость вызволить ее из лап насильников еще удерживала его на ногах.

Они уже приближались к Скалам, когда злобные голоса, послышавшиеся впереди, принудили их к осторожности. Холлинстер, дошедший почти до бредового состояния, готов был махнуть через валуны и с ходу наброситься на всякого, кто мог там оказаться. Кейн удержал его. Вдвоем они взобрались наверх и, лежа плашмя на нависающем выступе, посмотрели вниз.

Они сразу различили при ясном свете луны, что пираты, оставшиеся на корабле, собирались сниматься с якоря. А непосредственно под собой Кейн и Джек увидели группу разбойников. От берега уже отвалила длинная шлюпка, и мерные удары весел несли ее к кораблю. Еще одна шлюпка была уже полна людей, и моряки нетерпеливо ожидали на веслах, в то время как их предводители о чем-то спорили на берегу. Ясно было одно: они сразу поспешили в тоннель, не теряя времени даром. Если бы сэр Джордж не задержался ради поимки девчонки (в чем ему, увы, сопутствовала удача), пираты уже успели бы убраться на судно. Двое наблюдателей хорошо видели со своего места устье маленькой пещеры, укрытое от постороннего глаза за валуном.

На пляже лицом к лицу стояли сэр Джордж и Бен Аллардайн, схлестнувшиеся в яростном споре. Рядом лежала Мэри, связанная по рукам и ногам. Заметив ее, Холлинстер едва не вскочил, но железная длань Кейна пригвоздила его к скале.

— А я говорю, что девка отправится на корабль! — сердито прозвучал голос Банвэя.

— А я говорю — нет! — непреклонно отвечал Аллардайн. — Не принесет нам это добра! Вспомни, Джонас

Хардрейкер валяется в луже собственной крови у тебя в погребе, а из-за чего? Все из-за девчонки! Говорю тебе, женщины сеют между мужчинами вражду и раздор. Пусти ее на корабль, и еще до рассвета не менее дюжины молодцов перережут глотки друг другу! Послушай совета и прикончи ее прямо здесь, не то...

И он наклонился над девушкой. Сэр Джордж оттолкнул его руку и выхватил рапиру, но этого движения Джек уже не увидел. Вывернувшись из-под руки Кейна, Холлинстер вскочил и очертя голову сиганул вниз со скалы. При виде такого зрелища пираты в шлюпке истошно заорали, полагая, что на них вот-вот насядет вооруженный отряд. Страх заставил их налечь на весла и поспешно отвалить от берега, оставив своего первого помощника и покровителя выкручиваться одних.

Холлинстер приземлился на ноги, но инерция падения бросила его на колени в мягкий песок. Моментально вскочив, он бросился на двоих негодяев, смотревших на него разинув рот. Аллардайн свалился с раскроенным черепом, даже не успев поднять оружия. Второй удар Джека предназначался сэру Джорджу, но тот парировал.

Абордажная сабля — оружие достаточно неуклюжее, не предназначенное для стремительного и филигранного фехтования. Джек однажды уже доказал, что с прямым и легким клинком Банвэй ему не соперник. Но к тяжелой кривой сабле он не привык и к тому же порядком ослабел от потери крови. Банвэй же был свеж...

Тем не менее несколько мгновений юноша принуждал вельможу отчаянно защищаться, так стремителен был его яростный натиск. Потом, несмотря на всю свою решимость и ненависть, подогревавшую силы, он начал ослабевать. На смуглом лице Банвэя появилась жестокая усмешка убийцы. Он принялся раз за разом доставать Холлинстера, раня его то в грудь, то в щеку, то в бедро... раны были неглубоки, но и эти царапины немилосердно жгли, и к тому же из них опять-таки текла кровь.

Наконец, наигравшись, сэр Джордж увернулся от очередного выпада юноши и приготовился нанести завершающий удар. Но в это время песок поехал у него под ногой, он потерял равновесие и вместо удара просто взмахнул

руками, пытаясь устоять. В этот миг ему было не до обороны. Глаза Джеку заливала кровь, но все же он рассмотрел открывшуюся возможность. И вложил быстро убывавшие силы в одну последнюю атаку. Он прыгнул вперед и нанес удар сбоку. Острое лезвие сабли пришлось как раз посередине между подмышкой и бедром сэра Джорджа. Удар должен был бы раскроить мерзавцу и ребра, и легкое. Но вместо этого... само лезвие разлетелось, точно стеклянное! Потрясенный Джек, шатаясь, подался назад, и бесполезная рукоять вывалилась из онемевшей руки.

Сэр Джордж оправился от удара и с торжествующим криком бросился на него... Его клинок уже со свистом рассекал воздух, метя Джеку в незащищенную грудь, когда между ними пролегла огромная тень! И какая-то сила с немыслимой легкостью отмела в сторону шпагу Банвэя!

Холлинстер осел на песок и пополз в сторону, точно змея, которой сломали хребет. Соломон Кейн показался ему черной тучей, нависшей над сэром Джорджем Банвэем. Длинная рапира пуританина, неотвратимая как судьба, погнала титулованного негодяя назад и назад. Банвэй отчаянно защищался...

Яркая луна обливала мечущиеся клинки живым серебром. Холлинстер следил за невероятным поединком, склоняясь над потерявшей сознание Мэри и неверными, слабыми пальцами пытаясь освободить ее от веревок. Он слышал о несравненном фехтовальном искусстве, которым наделяла Кейна молва. А теперь судьба давала ему возможность увидеть его мастерство своими глазами. Он сам любил позвенеть шпагой и пожалел даже, что Кейну не досталось более достойного соперника!..

Ибо, хотя сэр Джордж был отменным фехтовальщиком и пользовался славой весьма опасного дуэлянта, Кейн попросту делал с ним что хотел. У пуританина было неоспоримое преимущество в росте, весе, физической силе и длине рук. Но не только! Он был гораздо, гораздо искусней. И намного быстрей. Он был крупнее и тяжелее Банвэя, но при этом, удивительное дело, далеко превос-

ходил его быстротой! Что же до мастерства, то Банвэй по сравнению с ним выглядел новичком в фехтовании. Кейн не делал ни единого лишнего движения и дрался совершенно бесстрастно. Отчасти это лишало его искусство зрелищности — ни тебе головоломных уходов, ни длинных выпадов, от которых захватывало бы дух. Каждое его движение было точно таким, каким ему следовало быть. Ни на йоту больше, но и не меньше. Его невозможно было заставить смутиться или потерять голову. Холлинстеру случалось видеть более, так сказать, блестящих, искрометных фехтовальщиков — как в Англии, так и на Континенте. Но, наблюдая за Кейном, он отчетливо понимал — среди всех виденных им рослый пуританин был самым безупречным технически, самым хитроумным... и самым страшным.

Не приходилось сомневаться, что Кейн мог бы насквозь проткнуть своего противника первым же ударом, но у пуританина были другие намерения. Он наступал и наступал, все время метя концом рапиры сэру Джорджу в лицо, он заставлял молодого вельможу изо всех сил защищаться... и говорил. Говорил спокойно, бесстрастно, ровным голосом, так, словно этот голос и бешено работающая рука не принадлежали одному и тому же человеку.

— Нет, молодой сэр, не надо подставлять мне грудь. Я видел, как разлетелась сабля Джека. Моя рапира достаточно прочна и гибка, но я не собираюсь ею рисковать. Нет, я не намерен вас стыдить. Мне тоже случалось носить под рубашкой стальную кольчугу... хотя, наверное, не такую прочную, как ваша. По крайней мере, пулю в упор она вряд ли остановила бы. Но, как бы то ни было, Господь наш в своем неизреченном милосердии устроил человека таким образом, что не все жизненно важные органы помещаются у него в грудной клетке. Поистине жаль, что вы не слишком искусны со шпагой, сэр Джордж. Право, мне почти стыдно вас убивать. С другой стороны, когда человек давит ногой гадюку, он всего менее думает о ее величине...

Эти слова были произнесены безо всякой язвительности — просто, искренне и серьезно. Джек знал, что в устах Кейна они не могли быть насмешкой, предназначенной

раззадорить соперника. Понял это и сэр Джордж. Он и так был бледен как смерть. Теперь он посерел, и это сделалось заметно даже при свете луны. Его руку ломило от усталости, она казалась тяжелее свинца. А дьявол в черном знай наседал, с какой-то сверхчеловеческой легкостью сводя на нет его самые отчаянные усилия оборониться.

Потом Кейн вдруг сдвинул брови, как если бы ему предстояло малоприятное дело, которое он собирался завершить как можно быстрее.

— Довольно! — прозвучал его низкий голос, и все, кто слышал, похолодели и затаили дыхание. — Скверное это деяние, так не стоит с ним медлить!

То, что за этим последовало, произошло слишком стремительно: глаз попросту не успевал уследить. А Холлинстер окончательно понял: фехтовальное искусство Кейна могло быть и взрывным, и блистательным, когда пуританин того хотел. Джек увидел нечто, показавшееся ему намеком на умопомрачительно быстрый финт от бедра... слепящая вспышка серебряной молнии... И сэр Джордж Банвэй распростерся у ног Соломона Кейна мертвей мертвого. Он даже не вздрогнул в конвульсиях. Тоненькая струйка крови протянулась из его левого глаза...

— Сквозь глазницу и в мозг, — хмуро прокомментировал Кейн, вытирая кончик рапиры, на котором виднелась одна-единственная капелька крови. — Он так и не узнал, что сразило его, и не почувствовал боли. Если бы нам всем Господь посылал столь же милосердный конец!.. Увы, на сердце у меня нелегко: он был совсем молодым человеком... хотя и погрязшим во зле... и далеко не ровня мне в мастерстве. Что ж! Милосердный Господь рассудит нас с ним на Страшном Суде...

Очнувшаяся Мэри всхлипывала в объятиях Джека. Между тем за скалами начало разрастаться странное зарево, а спустя некоторое время долетел характерный треск.

— Смотрите!.. Дом горит!..

Над черной крышей родового особняка Банвэев метались языки пламени. Удирая, пираты подпалили дом, и вот пожар разошелся вовсю, заставив поблекнуть даже

луну. По морским волнам побежали багровые блики. Пиратский корабль, на всех парусах уходивший от берега, казалось, шел по целому морю крови. Алое зарево отражалось в его парусах...

— Через океан крови лежит его путь! — воскликнул Кейн. Суеверие и поэзия, дремавшие в его душе, неожиданно пробудились. — Кровав его путь, и самые паруса окрашены кровью! Смерть и разрушения спешат по пятам, и ад следует за ними! Кровав будет конец его и черна последняя участь...

Затем, отвлекшись от потрясающего душу зрелища, фанатик склонился над Джеком и девушкой.

— Я бы перевязал твои раны, мой мальчик, — проговорил он ласково, — но, по-моему, они не очень серьезны, и к тому же я слышу доносящийся с пустоши топот копыт: еще немного, и твои друзья подоспеют на помощь. Труды и тяготы порождают силу, счастье и покой. И может быть, благодаря этой ночи ужаса, которую вы только что пережили, дальнейший путь ваш будет легок и прям!

— Но кто же вы? — ловя его руку, воскликнула девушка. — Как мне благодарить вас, великодушный...

— Ты уже достаточно отблагодарила меня, маленькая, — с нежностью отвечал незнакомец. — Мне хватит и того, что ты цела и находишься в безопасности, а твой преследователь оставил тебя навсегда. Теперь ты выйдешь замуж за этого славного юношу и народишь ему крепких сынков и красавиц дочурок...

— Но кто вы? — не унималась Мэри. — Откуда вы? Что вы здесь ищете? И куда направитесь дальше?..

— Я — безземельный скиталец, — проговорил он, и странное, неуловимое, почти мистическое выражение забрезжило в его холодных глазах. — Пришел я с заката, а ухожу навстречу рассвету, куда направляет мои стопы Господь. Ищу же я... наверное, спасения своей души. Я пришел по следу, имя которому — месть... А теперь я должен оставить вас. Близок рассвет, а я не должен терять времени даром. Может случиться, что я вас более не увижу. Я сделал здесь, что должен был сделать; работа моя окончена, долгий кровавый путь завершен. Тот, кто пролил кровь, — умер. Но есть и другие, пролившие кровь, а значит, есть кровавый след, требующий

возмездия. Господь сделал меня Своим орудием. Пока торжествует зло и преумножается несправедливость, пока недобрые люди помыкают мужчинами и глумятся над женщинами, пока обижают слабых — людей ли, животных... до тех пор не знать мне отдыха под Божьими небесами, не ведать мира ни за накрытым столом, ни в мягкой постели. Прощайте!

— Останьтесь!.. — вскакивая, закричал Джек, и на глазах у него вдруг выступили слезы.

— Погодите, добрый сэр! — воскликнула Мэри, простирая вслед уходящему нежные белые руки.

Но высокий силуэт уже растаял в предутренней тьме, и не стало слышно даже шороха шагов.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

...Соломон Кейн угрюмо рассматривал женщину-туземку, лежавшую мертвой у его ног. Выглядела она почти девочкой, но истощенное тело и глаза, в которых навсегда застыло страдание, без слов рассказывали о мучениях, которые выпало перенести этой несчастной, прежде чем милосердная смерть принесла ей облегчение. Наметанный взгляд Кейна сейчас же отметил язвы, оставленные кандалами на тонких руках и ногах, глубокие рубцы от кнута, крест-накрест рассекавшие спину, а на шее — следы невольничьего ярма. Кейн смотрел, и глаза его постепенно наполнялись недобрым, идущим из глубины блеском. Так мерцают ледники, когда ветер несет над ними облака.

— Даже сюда добрались, — пробормотал он. — Даже в эту Богом забытую глушь. Кто бы мог подумать...

Подняв голову, он посмотрел на восток. Там, аспидно-черные в синеве, безостановочно кружились едва различимые точки.

— Стервятники, — пробормотал англичанин. — Стервятники отмечают их путь. Эти люди несут с собой разрушение, а по пятам за ними следует смерть. Что ж, вострепещите, сыны беззакония, ибо настает для вас день гнева Господня! Спущены с цепи безжалостные псы ненависти, и туго натянуты тетивы луков отмщения. Преисполнены вы грозной силы и великой гордыни, и криком кричит народ под вашей пятой. Но знайте, что близко возмездие, неотвратимое, словно алый рассвет, сменяющий полуночный мрак!

Он поудобнее устроил за поясом тяжелые пистолеты, привычно коснулся рукой рукоятей кинжала и длинной рапиры, неизменно висевшей у него на бедре. И двинулся

на восток — крадучись, но в то же время и быстро. Глубинная, жестокая ярость тлела в его глазах, словно синее, потаенное пламя вулкана, до поры до времени скрытого толщами льда. А рука, стискивавшая длинный посох, увенчанный головой кошки, была тверже железа.

После нескольких часов упорной ходьбы Кейн расслышал впереди себя шум невольничьего каравана, медленно и тяжело двигавшегося через джунгли. До слуха пуританина явственно доносились жалобные крики рабов, вопли и ругань надсмотрщиков и резкое, как выстрелы, щелканье кнутов. Еще час — и Кейн их догнал. Неслышно скользя сквозь джунгли параллельно тропе, по которой двигался караван, англичанин внимательно рассматривал своих недругов, сам оставаясь незамеченным. Он бывал в Дариене и не только сражался там с воинами местных племен, но и перенял многое из их охотничьего искусства.

Более сотни туземцев, в основном юношей и молодых женщин, еле переставляя ноги, тащились по тропе. Все были совершенно обнажены, и шею каждого охватывало нечто вроде деревянного ярма, грубого и тяжелого. С помощью этих живодерских устройств рабы были соединены по двое, причем от ярма к ярму тянулась цепь, так что получалась одна длинная вереница. Что касается надсмотрщиков, Кейн насчитал пятнадцать арабов и еще человек семьдесят чернокожих. Оружие и красочное убранство этих последних говорило об их принадлежности к одному из восточных племен. Эти племена арабские завоеватели обращали в мусульманство и делали своими союзниками.

Пятеро арабов и при них десятка три негров шагали впереди каравана, и еще пятеро вместе с чернокожими воинами замыкали невеселое шествие. Остальные сновали туда-сюда вдоль вереницы рабов, подгоняя их криками, бранью и жестокими ударами длинных бичей. Почти при каждом ударе из-под бичей брызгала кровь. Кейн не удержался от мысли, что эти охотники за живым товаром были не только мерзавцами, но и непроходимыми глупцами, ведь при подобном обращении до восточного побережья наверняка добралось бы не более половины рабов.

Потом он задумался о том, откуда вообще здесь могли взяться работорговцы. Здешний край лежал гораздо южнее тех мест, которые они посещали обычно. Впрочем, англичаннну было отлично известно, как далеко может завести человека жажда наживы. Ему издавна приходилось иметь дело с подобной публикой. Глядя на вереницу невольников, он почувствовал, как зачесались на спине старые шрамы от кнута — недобрая память о турецкой галере.

Но куда хуже шрамов жгла Соломона Кейна застарелая ненависть...

Итак, пуританин следовал за караваном, скользя бесшумным призраком сквозь джунгли, между тем как мозг его напряженно трудился, пытаясь составить хоть какой-нибудь план. Каким образом в одиночку взять верх над столь многочисленной бандой?.. Тем более что у всех арабов и у многих из их союзников были при себе ружья. Неуклюжие длинноствольные фитильные сооружения, но все-таки это были ружья, вполне успешно устрашавшие туземные племена, если те пытались сопротивляться. А кое у кого торчало за широкими матерчатыми кушаками оружие еще более грозное — длинные, отделанные серебром кремневые пистолеты мавританской или турецкой работы...

Кейн шел, и бессильная ярость подобно ржавчине разъедала его душу. Каждый удар бича, казалось, раздирал его собственную кожу... Бывает, жара и безжалостная природа тропиков шутят с человеком странные шутки. Самые обычные душевные движения приобретают чудовищные пропорции. Простое раздражение перерастает в бешеную, неукротимую ярость. Гнев вспыхивает настоящим безумием, так что глаза застилает багровый туман, и человек становится убийцей, а потом сам искренне ужасается тому, что натворил.

Ярость же, снедавшая Соломона Кейна, была из тех, что даже и при обычных условиях потрясают человека до самой глубины души. Невозможно описать, что с ним происходило! Он дрожал, словно в ознобе, разум раздирали железные когти, а рабов и надсмотрщиков постепенно затягивало кровавое марево. Кейн, однако, вряд ли дал бы своей ярости вырваться из узды и не вдруг

перешел бы к прямым действиям, если бы не случайность.

Одна из рабынь, молодая стройная девушка, неожиданно споткнулась, не удержала равновесия и повалилась на землю, потянув за собой и своего напарника по ярму. Высокий крючконосый араб сейчас же злобно заорал на нее и принялся почем зря хлестать девчонку кнутом. Второй невольник сумел приподняться, но изнемогшая девушка только корчилась на земле и всхлипывала, явно не в силах встать. Остальные надсмотрщики поспешили к ней, и на беззащитное тело со свистом посыпались удары.

Ей всего-то и надо было, что немного воды и полчаса отдыха, — но у караванщиков не было времени давать передышку рабам. Соломон до крови прокусил себе руку, глядя на истязание и пытаясь сохранить остатки самообладания. Он возблагодарил Бога, когда удары прекратились, и стал ждать быстрого взмаха кинжала, который избавил бы несчастное дитя от дальнейших страданий. Но, к его ужасу, арабам взбрело на ум позабавиться. Если уж девка не будет выставлена на продажу и не принесет выгоды, рассудили они, отчего бы, по крайней мере, не получить удовольствие?.. Удовольствие же было таково, что у кого угодно могла кровь в жилах заледенеть.

Призывный крик крючконосого собрал всех его приятелей кругом него. Бородатые хари расплывались в предвкушающих улыбках. Чернокожие союзники арабов столпились за спинами хозяев, глаза у них кровожадно блестели. Несчастные рабы поняли намерения надсмотрщиков, и джунгли огласились жалобными криками и плачем.

Кейна попросту затошнило от ужаса, когда он сообразил, какого рода смерть была уготована девчонке. Крючконосый уже склонился над ней с очень острым кинжалом — из тех, какими у арабов заведено было сдирать шкуру с дичи на охоте... Соломон высоко ценил свою жизнь, но ему случалось не раздумывая рисковать ею и ради младенца из языческого племени, и даже спасая какую-нибудь зверюшку. Здесь ставка была выше: он мог потерять свой единственный шанс выручить целую сотню невольников. И тем не менее...

Соломон действовал мгновенно. И не думая. Прежде чем он сам сообразил, что делает, в его руке уже курился разряженный пистолет, а крючконосый мясник валялся в дорожной пыли, и мозги его вытекали наружу сквозь проделанную пулей дыру.

Честно говоря, Кейн был потрясен случившимся едва ли не в той же мере, что и арабы, которые, преодолев мгновенный столбняк, разразились нестройными воплями. Иные вскинули свои неуклюжие ружья, и тяжелые пули с грохотом пронеслись между деревьями. Остальные, решив, что караван угодил в засаду, сейчас же бросились сквозь кусты в отчаянную атаку на невидимого врага. Эта их мгновенная реакция на выстрел и погубила Кейна. Промедли они хотя бы чуть-чуть, он так и растворился бы в лесу незамеченным. А теперь ему только и оставалось, что сойтись с ними в открытую. И постараться как можно дороже продать свою жизнь.

Вот налетела завывающая толпа, и англичанина охватило истинное упоение боем. Враги изумленно остановились, когда перед ними из-за дерева появился рослый, угрюмый белый мужчина, и один из них тут же упал, сраженный в сердце пулей из пистолета, еще остававшегося у Кейна. Но изумление быстро прошло, и они с криком насели на безумца, осмелившегося в одиночку бросить им вызов.

Соломон Кейн встал спиной к большому дереву, чтобы никто не мог подобраться к нему с тыла, и его длинная рапира замелькала в воздухе, выписывая светящиеся круги. Какой-то араб и при нем трое не менее свирепых союзников старались достать его изогнутыми клинками, прочие же крутились поблизости, рыча, словно дикие звери. Каждый усердно пытался всадить в него либо лезвие, либо пулю, и мешало им только опасение покалечить своих.

Проворная рапира успешно отбивала удары ятаганов. Вот, сраженный ею, умер араб; кончик рапиры уколол его в сердце и тут же выпорхнул обратно, чтобы пронизать мозг размахивавшего саблей чернокожего воина. Еще один бросил саблю и прыгнул вперед, желая сойтись с англичанином в рукопашной. Кинжал в левой руке Кейна выпустил ему кишки, и пуританин был вознагражден

мгновением отдыха: нападавшие отступили в некотором смущении. Однако сейчас же у самой головы Кейна в дерево впилась тяжелая пуля, и англичанин приготовился к тому, чтобы кинуться на врагов и неизбежно проститься с жизнью в их гуще. В это самое время к месту сражения подоспел сам шейх. Он живо подзадорил своих подданных с помощью длинного хлыста, и Кейн слышал, как он кричал на воинов, побуждая их непременно взять неверного живьем. Кейн ответил на этот призыв тем, что метнул свой кинжал. Острое лезвие рассекло тюрбан предводителя и глубоко засело в плече воина, стоявшего у него за спиной.

Шейх выхватил из-за кушака отделанный серебром пистолет, грозя своим людям немедленной смертью, если они не схватят дерзкого неприятеля, и они вновь устремились в отчаянную атаку. Один из них так и набежал грудью на Кейнову рапиру. Следовавший за ним араб с безжалостностью опытного воина швырнул раненого, несмотря на вопли и визг, еще дальше вперед, на клинок, так, что тот по рукоять вошел в бьющееся тело. Рапира застряла, и прежде, чем Кейну удалось ее высвободить, вся стая налетела на него с криками торжества и попросту задавила числом. Ощутив со всех сторон вцепившиеся руки, пуританин невольно пожалел о кинжале, брошенном в шейха. Но даже и без кинжала его не так-то просто было скрутить.

Кровь потоками заливала лица: железные кулаки англичанина уродовали нападавших, с одинаковой легкостью проламывая черепа и вышибая зубы. Кто-то, согнувшись в три погибели, откатился назад: крепкий удар коленом пришелся воину в пах. И даже тогда, когда Кейна прижали к земле и навалились сверху, не давая возможности пускать в ход кулаки, его длинные, худые пальцы проникли сквозь чью-то спутанную бороду, чтобы сомкнуться на жилистом горле. И такова была хватка этих пальцев, что сильные мужчины с трудом разжали их втроем, а позеленевшая жертва долго еще растирала помятую шею, кашляя и задыхаясь.

И вот наконец, все в поту после невероятной схватки, они связали Кейна по рукам и ногам, и шейх, засовывая за шелковый кушак пистолеты, подошел взглянуть на

пленника самолично. Лежа на земле, Кейн угрюмо смотрел снизу вверх на высокого сухопарого араба, разглядывая ястребиное лицо с курчавой, черной как смоль бородой и наглыми карими глазами.

— Я — шейх Хассим бен Саид, — сказал наконец араб. — А ты кто?

— Меня зовут Соломон Кейн, — прорычал пуританин, отвечая шейху на его родном языке. — И знай, нехристь, собака, что перед тобой — англичанин!

В темных глазах араба замерцал интерес.

— Сулейман Кахани, — проговорил он, переиначивая на свой лад английское имя. — Весьма, весьма наслышан. Ты, говорят, сражался против турок и заставлял берберийских корсаров скулить, зализывая раны...

Кейн не снизошел до ответа. Хассим передернул плечами.

— За тебя, — сказал он, — заплатят отличную цену. Быть может, я даже в Стамбул тебя отвезу. А что? Там найдутся шахи, жаждущие иметь среди своих рабов подобного человека. Кажется, я даже припоминаю одного из них. Его зовут Кемаль Бей, он мореплаватель. На лице у него глубокий шрам, который ты ему подарил, и самое слово «англичанин» вселяет в него ненависть. Да! Вот кто не пожалеет денег, только чтобы тебя приобрести. Смотри, франк, я оказываю тебе честь: ты будешь удостоен отдельного стражника. Ты пойдешь не в общей веренице и без ярма. Ты будешь свободен... не считая рук, разумеется.

Кейн вновь промолчал. По знаку шейха его поставили на ноги и освободили от пут, оставив только руки намертво связанными за спиной. На шею ему надели прочную веревку, другой конец которой был вручен здоровенному воину, не расставшемуся с длинным изогнутым ятаганом.

— Как тебе нравится, франк, та честь, которую я тебе оказал? — глумливо осведомился шейх.

— Да я вот раздумываю... — отозвался Кейн. Он говорил медленно, и в низком голосе его отчетливо звучала угроза. — Я, пожалуй, променял бы спасение моей бессмертной души на то, чтобы встать в одиночку и безоружным против тебя и твоей сабли и голыми руками вырвать у тебя из груди сердце...

И такова была сдержанная, но страшная ненависть в его голосе, такая неукротимая ярость горела в глазах, что закаленный вождь, привыкший считать себя бесстрашным, побледнел и невольно подался назад, отшатнувшись, словно от взбешенного и очень опасного зверя...

Очень скоро Хассим, конечно, вновь принял обычный надменный вид и, отдав короткий приказ своим подручным, вернулся в голову каравана. А Кейн возблагодарил судьбу, заметив, что короткая заминка, вызванная схваткой с ним и его поимкой, позволила едва не погибшей девушке хоть как-то прийти в себя и передохнуть. Нож для свежевания дичи успел только коснуться ее, не более; ее качало из стороны в сторону, но идти она все же могла. Ко всему прочему близилась ночь, а это означало, что довольно скоро охотникам за рабами волей-неволей придется разбивать лагерь.

Делать нечего, англичанин побрел вперед по тропе. Его страж держался в нескольких шагах позади, держа огромный ятаган наготове. Кейн также отметил — и это некоторым образом польстило ему, — что еще трое воинов неотступно следовали за ними, держа мушкеты на руке и не давая фитилям погасать. Они уже имели случай уразуметь, с кем связались, и больше рисковать не хотели. Они также собрали оружие Кейна. Это было очень неплохое оружие, и Хассим немедленно взял его себе. Он презрительно отбросил только посох-талисман, увенчанный кошачьей головкой, и один из диких воинов тотчас его поднял, чтобы присвоить.

Потом Соломон обратил внимание, что рядом с ним держится еще один из арабов, худой седобородый старик. Казалось, этому человеку хотелось заговорить с пленником, но мешала некая робость. Кейн поневоле задумался о природе столь странной застенчивости. Оказывается, все дело было в посохе, который араб отобрал у завладевшего им чернокожего и теперь неуверенно вертел в руках.

— Я Хаджи Юсиф и ничего против тебя не имею, — неожиданно проговорил седобородый. — Я не участвовал в нападении на тебя и предпочел бы быть твоим другом, если бы ты мне позволил... Прошу тебя, франк, скажи мне, откуда появился этот посох? И как вышло, что он попал к тебе в руки?

Первым поползновением Кейна было предложить своему собеседнику катиться колбасой в адовы бездны. Но в голосе старика ему послышались нотки подлинной искренности, и Соломон передумал.

— Мне вручил его мой кровный побратим, — ответствовал он. — Это был колдун одного племени с Невольничьего Берега. Его звали Н'Лонга.

Кивнув, старый араб пробормотал что-то в бороду, а потом велел ближайшему воину бежать в голову каравана с наказом Хассиму немедленно возвратиться. Рослый шейх не замедлил явиться. Он шагал вдоль медленно бредшей вереницы рабов, бренча и позвякивая кинжалами и ятаганом. Оружие, отобранное у Кейна, торчало из-за его широкого кушака.

— Смотри, Хассим! — сказал старик, показывая ему посох. — Вот что ты выбросил, не ведая, что творишь!

— Ну выбросил, и что? — буркнул шейх. — Подумаешь, посох! Что в нем особенного? С одной стороны заострен, с другой — голова кошки... Чего только неверные не вырежут на деревяшке!

Старик взволнованно воздел посох над головой и потряс им:

— Да он старше этого мира!.. Могущественнейшая магия заключена в нем, а ты говоришь — деревяшка! Я читал о нем в древних книгах, одетых железными переплетами! Сам Пророк — мир с ним! — пусть и иносказательно, но упоминает его! Видишь на нем кошачью головку? На самом деле это изображение богини, которой поклонялись в Древнем Египте! Только подумай: давным-давно, еще прежде, чем стал учить Мохаммед, прежде, нежели был построен Иерусалим, жрецы Баст выносили этот жезл и торжественно показывали молящимся, а те простирались перед ним ниц, распевая священные гимны! Это с его помощью Муса — неверные называют его Моисеем — творил чудеса перед лицом фараона, а когда евреи уходили из Египта, он нес его впереди своего народа. Много столетий служил он царским скипетром Израиля и Иудеи. Это с его помощью Сулейман ибн Дауд изгнал колдунов и заклинателей духов и наложил чары на ифритов и злых джиннов! Смотри же, Хассим! Древний жезл вновь в руках человека, которого зовут Сулейман!

Произнося эту речь, старый Юсиф дошел до почти фанатического религиозного исступления, но Хассим только передернул плечами.

— Твой посох, даже если это тот самый, не выручил ни евреев из рабства, ни этого Сулеймана из нашего плена, — заявил шейх. — По-моему, деревяшка все же стоит меньше, чем тот длинный тонкий клинок, с помощью которого Сулейман Кахани только что отправил в рай троих моих лучших бойцов!

Юсиф покачал головой:

— Не доведут тебя до добра подобные насмешки, Хассим. Когда-нибудь ты встретишься с силой, которую не рассечет твой меч и не повалят твои пули. Я сберегу священный посох. И я предупреждаю тебя, Хассим, — не трогал бы ты лучше этого франка! Он хранил у себя жезл, видевший Сулеймана, Мусу и фараонов! Кто знает, какую магию он от него воспринял? Повторяю, Хассим: этот посох старше нашего мира! Он существовал еще до Адама, и в те времена его держали в руках ужасные жрецы, обитавшие в городах на дне моря, где вечная тишина. Он достался нам в наследство от Старшего Мира и несет в себе тайну и волшебство, о которых и не догадывается человечество. Когда во Вселенной царило утро, ею правили странные владыки и еще более странные жрецы, и существовало зло, — о да, зло существовало уже тогда! И во все времена преградой ему был вот этот посох. Преградой злу, которое было древним уже в дни юности их странного мира! Миллионы лет!.. Разум человеческий содрогается и отказывается постигать этот срок!..

Ответ Хассима был нетерпелив и не слишком почтителен. Повернувшись, он зашагал прочь, причем старый Юсиф упрямо следовал за ним по пятам, продолжая отстаивать свою правоту. Кейн только передернул жилистыми плечами. Он кое-что знал о силах, которые таил в себе удивительный посох, и был весьма далек от того, чтобы подвергать сомнению утверждения старика. Какими бы фантастическими они на первый взгляд ни казались.

Взять хотя бы то немногое, что было известно ему самому. Посох был деревянный, но деревья такой породы не водились больше нигде на земле. Стоило лишь осмотреть его и пощупать руками, чтобы убедиться: дерево, из

которого его вырезали, росло в совершенно ином мире. Что же касается удивительного искусства, с которым была вырезана кошачья головка — уж точно задолго до пирамид, — а также иероглифов, наследия языка, забытого еще в дни юности Рима... Чутье подсказывало Кейну, что по отношению к чудовищной древности самого посоха эти позднейшие добавления выглядели примерно так же, как если бы кто-то вырезал современную английскую надпись на камнях Стоунхенджа.

И еще. Иногда, разглядывая чудесную кошачью головку, Кейн приходил к выводу, что в ней что-то не так. Когда-то, невероятно давно, изображение было иным, а потом его изменили. Египетский резчик, изваявший голову Баст, — время давным-давно обратило в пыль его кости, — просто переделал первоначальное изображение. И о том, каково оно было, Кейн даже не пытался гадать. Когда на досуге он начинал пристально рассматривать посох, на него неизменно нападало смутное беспокойство. И ощущение бездонной пропасти времени, вызывавшее почти физическое головокружение. Что, понятно, не очень-то побуждало к дальнейшим размышлениям на сей счет.

День клонился к закату. Немилосердно палившее солнце наконец-то спряталось за кронами могучих деревьев и приготовилось нырнуть за горизонт. Рабов страшно мучила жажда; стон и плач стоял над вереницей страдальцев, уже почти ничего не видевших перед собой от изнеможения. Те, кого не держали ноги, наполовину шли, наполовину ползли, кое-как поддерживаемые напарниками по ярму, которые и сами качались. По счастью, как раз когда все дошли уже до последнего предела усталости, солнце провалилось за горизонт, быстро сгустилась ночь и был объявлен привал.

Караванщики разбили лагерь, расставили стражу. Рабам дали еды — немного, на один зуб, и по глоточку воды — только чтобы не передохли к утру. От кандалов их не освободили, но хоть позволили растянуться на земле кто как может. Мало-мальски утолив мучительную жажду и голод, невольники стоически терпели оковы...

Кейна покормили, так и не развязав ему рук, и дали вволю воды. Он пил, чувствуя на себе взгляды

многострадальных рабов, и жгучий стыд одолевал его: как мог он наслаждаться тем, в чем так отчаянно нуждались эти несчастные!.. Кейн отказался от воды, утолив свою жажду едва ли наполовину.

Лагерь устроили на широкой поляне, со всех сторон окруженной гигантскими деревьями джунглей. Когда арабы закончили свою трапезу, а черные мусульмане еще готовили себе пищу, старый Юсиф подошел к Кейну и вновь заговорил с ним о посохе. Кейн отвечал на его бесчисленные вопросы с примерным терпением, тем более похвальным, если учесть его жгучую ненависть ко всей расе, к которой принадлежал белобородый хаджи. Они вовсю беседовали, когда к ним подошел Хассим и с презрением уставился на них сверху вниз. Вот, подумалось Кейну, живой символ воинствующего ислама. Смелый, безоглядный, стоящий двумя ногами на земле, никого не боящийся и никого не щадящий. Уверенный в своей счастливой звезде и презирающий чужие права ничуть не меньше могущественного западного короля...

— Опять языком чешешь про свою палку? — поддел он старика. — Воистину, Хаджи, впадаешь ты на старости лет в детство...

У Юсифа борода задрожала от гнева. Он погрозил шейху посохом, и жест этот выглядел предупреждением против грядущего зла.

— Такие насмешки, Хассим, не украшают человека с твоим положением, — отрезал он. — Вспомни: мы в самом сердце дикого и темного края, края, кишащего демонами, которых когда-то изгнали сюда из благословенной Аравии. И если этот посох — а надо быть последним дураком, чтобы не признать в нем наследие чуждого нам мира, — если уж этот посох дожил до сегодняшнего дня, кто может сказать, что еще, зримое или незримое, дошло до нас сквозь несчитанные века? Вот эта тропа, по которой мы держим путь, — известно ли тебе, когда ее проложили? А ведь люди ходили по ней еще прежде, чем на Востоке пробудились сельджуки, а в пределах Запада — римляне. Легенды гласят, что именно по этой тропе шагал великий Сулейман, гоня демонов из Азии на запад и запирая их в магические темницы. А что ты, Хассим, скажешь о...

Дикий вопль прервал его речь. Из потемок джунглей вылетел воин, мчавшийся так, словно за ним гнались все силы ада. Он безумно размахивал руками, закатив глаза под лоб, а в широко распахнутом рту, из которого рвался нечеловеческий крик, виднелись все зубы разом. Это было живое воплощение сводящего с ума ужаса; увидев подобное, позабудешь не скоро.

Мусульманское воинство разом взвилось на ноги, хватая оружие, а Хассим выругался:

— Это Али, которого я отправил раздобыть мяса... Быть может, лев...

Между тем никакого льва не было и в помине, а воин рухнул к ногам Хассима, лепеча нечто бессвязное и указывая трясущейся рукой в черную глубину джунглей. Взбудораженным зрителям только и оставалось, что смотреть в ту же сторону, ожидая, чтобы оттуда вот-вот появился... появилось...

— Он говорит, будто обнаружил там, в джунглях, какой-то странного вида мавзолей, — мрачно нахмурившись, буркнул Хассим. — Но что именно его напугало, и сам не может сказать. Говорит, просто напал вдруг великий ужас, да такой, что ноги его сами оттуда унесли... Вот что, Али, ты негодяй и глупец!

И Хассим пнул ногой ползавшего перед ним дикаря. Его соплеменники-арабы, однако, собрались подле него, и у них на лицах было написано гораздо меньше уверенности. А среди чернокожих воинов так и вовсе распространялась настоящая паника.

— Они, чего доброго, разбегутся, и нам их не удержать, — пробормотал бородатый араб. Он смотрел на туземных союзников, которые, сбившись тесной толпой, возбужденно переговаривались на своем тарабарском наречии и с ужасом оглядывались через плечо. — Надо было бы нам, Хассим, пройти еще хоть несколько миль, — продолжал бородатый. — Тут и вправду скверное место. И хотя недоумок Али, скорее всего, вправду до смерти перепугался собственной тени, знаешь, как-то оно... все-таки...

— Все-таки, — передразнил шейх, — всем вам, слабодушным, было бы легче, если бы мы поскорей миновали эти места. Что ж, хорошо! Я велю перенести лагерь, чтобы избавить вас от ваших страхов. Но прежде я сам хочу

осмотреть, что там такое. Берите кнуты, поднимайте раов. Сделаем крюк через джунгли, чтобы миновать маволей. Мало ли, вдруг в гробнице лежит какой-нибудь еликий царь? Приготовим ружья и двинемся все вместе, тобы никому не было страшно!

Несчастные рабы, осыпаемые ударами кнутов, вынуждены были проснуться и вновь тащиться куда-то в неизвестность, опять-таки под кнутами. Чернокожие воины шагали молча и явно испытывали немалое напряжение. Они весьма неохотно повиновались непреклонной воле Хассима и по мере возможности старались держаться поближе к арабам.

Поднялась луна, огромная, мрачная, красная. Зловещий холодный свет залил джунгли, окутав непроглядной тенью нависающие деревья. Трясущийся, как лист, Али указывал путь. Как ни жесток был хозяин, Хассим, его присутствие все-таки вселяло уверенность.

Так они и шли через джунгли, покуда не вышли на поляну довольно странного вида. Странность же заключалась в том, что на поляне совершенно ничего не росло. Великанские деревья стояли кругом прогалины удивительно ровным, каким-то зловеще-симметричным строем, внутри же не было видно ни травы, ни мха, и даже лишайника. Все живое здесь было истреблено, прямо-таки выжжено. А посередине поляны стоял мавзолей.

Это было чудовищное сооружение, сложенное из камня прямо-таки дышавшее древним злом. Казалось, смерть поселилась здесь множество столетий назад. Тем не менее Кейн сразу же ощутил колебания воздуха вокруг мавзолея. Так, словно бы там, внутри, медленно дышало какое-то гигантское невидимое чудовище.

Туземные союзники арабов подались назад, испуганно бормоча. Эманация зла, исходившая с поляны, грозила лишить их мужества. Рабы ждали терпеливо и молча, стоя под деревьями. Арабы двинулись вперед, направляясь к черной каменной массе. Юсиф же забрал у стражника веревку, надетую Кейну на шею, и сам повел англичанина. Так водят с собой большого мрачного мастифа: он очень опасен, но в случае чего он и защитит.

— Я же говорил: наверняка здесь покоится какой-нибудь могущественный султан! — постукивая ножнами по камню, заявил Хассим.

— Странные это камни... — бормотал между тем Юсиф. — И откуда только взялись? Они черны и зловещи. И зачем бы великому султану устраивать себе гробницу так далеко от ближайшего человеческого жилища? Будь здесь, вокруг, развалины древнего города, было бы совсем другое дело...

Наклонившись, он принялся рассматривать тяжелую металлическую дверь, запертую на замок, запечатанную и даже заплавленную каким-то неведомым способом. На двери оказались начертаны древнееврейские письмена. Юсиф осмотрел их и, охваченный дурными предчувствиями, затряс головой.

— Я не могу прочитать, что здесь написано, — выговорил он, и челюсть у него прыгала. — Только сдается мне, и лучше оно, что я ни слова не могу разобрать! Древние владыки запечатали здесь нечто такое, что не годится тревожить смертному человеку. Давай поскорее уйдем отсюда, Хассим! Древнее зло таится здесь и грозит из-за стен сынам человеков...

Но шейх и ухом не повел на его предупреждение.

— Кто бы ни лежал здесь, он не был сыном ислама, — сказал он во всеуслышание. — А коль так, почему бы нам не поживиться драгоценными камнями и иными богатствами, которыми, вне всякого сомнения, битком набита его могила? А ну-ка, давайте выломаем эту дверь!

Кое-кто из арабов начал с большим сомнением качать головой, но слово Хассима было законом. Подозвав к себе здоровяка с тяжелой кувалдой, шейх приказал ему вскрыть запертую дверь.

Воин занес кувалду над головой... И тут у Кейна вырвалось резкое восклицание. Ибо ему послышалось нечто такое, что заставило его усомниться в здравости собственного рассудка. Явная древность зловещего сооружения зримо свидетельствовала, что оно простояло не потревоженным много тысячелетий. Не потревоженным — и наглухо запертым. И тем не менее Кейн мог поклясться, что расслышал шаги за дверью! Туда и обратно, от стены к стене, и опять — туда и обратно. Ни дать ни взять

нечто мерило шагами узкие пределы своей странной тюрьмы, мерило нескончаемо и монотонно...

И словно бы холодные пальцы прошлись по позвоночнику Соломона Кейна! Он не взялся бы объяснить, сознательно ли уловил его слух зловещие и таинственные шаги, или же пробудились какие-то тонкие чувства, какие-то неизведанные уровни и глубины души... Кейн знал только: где-то в тайниках его существа явственно отдавалась размеренная поступь чудовищных ног, доносившаяся изнутри жуткого мавзолея...

— Остановитесь!.. — выкрикнул он. — Хассим! Либо я свихнулся, либо там, внутри, бродит какая-то нечисть!..

Хассим вскинул руку, останавливая кувалду, занесенную для удара. Он внимательно вслушался... Остальные тоже напрягли слух. Тишина вдруг сделалась очень напряженной.

— Чтоб я хоть что-нибудь слышал, — проворчал какой-то бородатый гигант.

— И я ничего не слышу...

— И я!

— Франк спятил!

— Может, ты что-нибудь слышишь, Юсиф? — язвительно осведомился шейх.

Старый хаджи нервно переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе.

— Нет, Хассим, не слышу, но...

Кейн и сам спросил себя, а не повредился ли он в рассудке. Тем не менее в глубине души он знал, что разум его был ясен как никогда. Более того: он вполне отдавал себе отчет в том, что повышенная обостренность мистического сверхчувства была вызвана долгим общением с тем самым посохом-талисманом, который сжимали сейчас трясущиеся руки старого Юсифа.

Хассим хрипло рассмеялся и дал команду силачу. Молот обрушился с грохотом, который невыносимо ударил в уши и унесся в черноту джунглей, порождая странное эхо, напоминавшее истерический хохот. Вновь, вновь и вновь обрушивалась кувалда, направляемая всей мощью вздувающихся мышц могучего тела. А в перерывах между ударами Кейн слышал все те же медленные, тупые шаги. И он, никогда не ведавший страха в том смысле, как

понимают его люди, чувствовал, как сжимает сердце ледяная рука ужаса...

Ужас этот был настолько же далек от обычного физического, телесного страха, насколько далека от шагов живого существа была эта бестелесная и в то же время чудовищная поступь. Кейна словно бы обдувало ледяным ветром, летевшим из чужедальних пределов, затерянных в неизведанной Тьме, — вот что такое представлял собой его страх. И веяло из Тьмы разложением и злом давно отжившей эпохи, эпохи столь древней, что для нее не было в человеческом языке подходящего слова. Кейн даже не был уверен, слышал ли он эти шаги каким-то внутренним слухом или ему сообщил о них некий инстинкт. Он был уверен только в одном. В их абсолютной реальности.

Еще Кейн понимал, что ни человек, ни зверь так не ходит. Там, внутри черного, непомерно древнего мавзолея, таилась неведомая, безымянная тварь, и ее тяжкий слоновий шаг потрясал душу.

Дверь оказалась прочной, и силачу-воину не сразу удалось с ней совладать: он даже присел отдохнуть и перевести дух. Но вот наконец последний тяжелый удар сокрушил старинный замок, надломил петли. Дверь провалилась вовнутрь...

И тогда Юсиф закричал.

Нет, из черного провала не выскочил ни саблезубый зверь, ни материализовавшийся демон. Из двери изошел запах. Ужасающий смрад, невероятная вонь, распространявшаяся осязаемыми волнами: казалось, из-за разбитой двери потоками хлестнула дурная кровь... И в одно мгновение их оседлал Ужас.

Вот он окатил Хассима, и неустрашимый вождь, полосуя ятаганом почти неощутимое нечто, закричал от неожиданного, непривычного страха. Его клинок со свистом рассекал что-то податливое, как воздух, и неуничтожимое, как воздух, между тем как его самого, словно кольца удава, охватывала смерть... тлен, распад...

Юсиф заверещал, словно грешная душа, влекомая чертями в ад. Выронив посох, он устремился следом за своими соплеменниками, — те, обезумев от ужаса, со всех ног удирали в джунгли вместе с чернокожими, воющими от

ужаса. Не бежали одни лишь рабы, да и то потому, что их не пускали оковы. Неподвижные, беспомощные и беззащитные, они могли только плакать.

Словно в кошмарном сне, Кейн увидел Хассима, раскачивавшегося словно тростинка на ветру. Все его тело обвивало пульсирующее багровое Нечто, не имевшее ни вещественности, ни формы. Когда же слуха пуританина достиг влажный хруст сминаемых костей и тело шейха безвольно сложилось пополам, точно соломинка под тяжелой ногой, — Соломон Кейн невероятным усилием разорвал свои путы и подхватил посох-талисман.

Хассим валялся на земле, точно смятая кукла, мертвый, с неестественно выкрученными, переломанными членами, а жуткое Нечто уже катилось прямо к Кейну, словно зависшее в воздухе облако крови. Оно все время меняло свой внешний вид и форму, оно плыло по воздуху и в то же время шло вперед, ни дать ни взять переступая на чудовищных неуклюжих ногах!..

Кейн ощутил, как впиваются в мозг ледяные щупальца ужаса. Но не побежал. Собравшись с духом, он высоко воздел древний посох и что было силы ударил им в самую середину наползавшего Ужаса. И почувствовал, как посох угодил в неназываемое, нематериальное Нечто и рассек. А в следующий миг его едва не задушил тошнотворный взрыв чудовищной вони, наполнившей воздух. И где-то глубоко в потаенных недрах души отдался невыносимым эхом космический катаклизм: шестое чувство подсказало Кейну, что это был предсмертный вопль чудовища. Ибо оно в самом деле корчилось у его ног в предсмертных мучениях, и его малиновый багрянец медленно угасал, пульсируя, словно волны, набегающие на бессолнечный берег. И по мере того, как бледнел цвет, беззвучный крик твари удалялся в межзвездные бездны. Существо уходило в миры, человеческому разумению вовсе уже недоступные...

Потрясенный Кейн, не особенно веря собственным глазам, смотрел на бесформенную, бесцветную, почти невидимую массу у своих ног. Труп Ужаса, изгнанного обратно в черные дали, его породившие. И изгнал его один-единственный удар посоха Соломона. Того самого посоха, что некогда, в руках великого царя и волшебника, загнал

чудовище в его странную темницу. И там оно оставалось по его повелению — доколе руки невежд вновь не выпустили его в мир.

Так, значит, думалось пуританину, древние легенды кругом правы и царь Соломон в самом деле изгнал демонов с Востока, чтобы запереть их в невиданных дотоле узилищах? Но если так, почему он не покончил с ними раз и навсегда, а оставил их жить? Неужто человеческое волшебство в те дни было слабей нынешнего и могло укрощать дьяволов, но не отнимать у них жизнь?.. Ответа не было, и Кейн только повел плечами в полном недоумении. В магии он совершенно не разбирался. И тем не менее ему, Соломону Кейну, удалось прикончить тварь, которую его древний тезка сумел лишь засадить под замок. Чудны дела Твои, Господи!

Потом Кейн содрогнулся, подумав о том, что только что лицезрел Жизнь, которая не была Жизнью в привычном понимании, и Смерть, которая опять-таки не была обыденной Смертью. И вновь откровение осенило его, такое же откровение, как когда-то в засыпанных прахом чертогах Негари, выстроенной атлантами, такое же, как среди жутких Холмов Мертвых, такое же, как в Акаане. А смысл откровения был в том, что жизнь человеческая — всего лишь одна из мириад возможных ее форм, что внутри миров таились еще миры, и так без конца, и что многообразие планов существования не сводилось всего лишь к одиому материальному миру. Планета, которую люди называли Землей, вращаясь, летела сквозь несчитанные века, и, вращаясь, порождала Жизнь, живые существа, которые копошились на ее поверхности, словно черви в куче гниющих отбросов. Что же до человечества, понял в озарении Кейн, оно было всего лишь наиболее удачным выводком червячков, да и то — на данный момент. И не более. Кто дал ему право, исполнясь гордыни, воображать себя самой первой личинкой из созданных? Или последней, призванной править на планете, кишащей никому не ведомой жизнью?..

Кейн покачал головой, с новым благоговением рассматривая древний подарок Н'Лонги. Наконец-то он увидел в старинном жезле не просто орудие черной магии, но меч Добра и Света, готовый до скончания веков поражать

нечеловеческие силы зла и тьмы. И благоговение Кейна было отчасти сродни испугу.

Он склонился над Тварью, лежавшей возле его ног. Он протянул руку, и бесплотная плоть проскользнула у него сквозь пальцы, словно завиток густого тумана. Кейн подсунул посох, поднял, перенес тело назад в усыпальницу и затворил дверь.

Соломон еще остановился над невероятно искалеченным трупом Хассима, отметив про себя, что его сплошь покрыла зловонная слизь и что тело уже начало разлагаться. Он вновь содрогнулся... и тут его окликнул тихий, робкий голос, оторвавший англичанина от размышлений о потустороннем. Несчастные пленники стояли под деревьями на коленях и терпеливо ждали, глядя на него огромными измученными глазами. Вздрогнув, Кейн вернулся к реальности. Живо нагнувшись, он снял с распадавшегося тела свои пистолеты, рапиру и кинжал и старательно стер с них мерзкую слизь, от которой на стали уже начали появляться пятнышки ржавчины. Подобрал он также порох и пули, брошенные арабами в их беспорядочном бегстве. Он знал, что беглецы не вернутся. Вполне возможно, их бегство кончится гибелью. Впрочем, кто знает, может, они благополучно преодолеют нехоженые джунгли и окажутся на побережье. Но вот уж чего точно не будет, так это возвращения на поляну, где они встретили Ужас.

Кейн подошел к скованным рабам и, после немалой возни, освободил их от цепей.

— Соберите оружие, которое впопыхах побросали надсмотрщики, — посоветовал он бедолагам, — да и возвращайтесь себе с Богом домой. Нехорошее это место! Ступайте в свои деревни, а если вновь явятся арабы, лучше умрите, защищая свой дом, но только не поступайтесь свободой!

Их благодарность была безмерна, они все порывались падать перед ним на колени и целовать ему ноги, но Кейн страшно смутился и с грубоватой настойчивостью погнал их прочь. Уже готовясь отправиться в путь, они спросили его:

— Куда ты теперь направляешься, господин? Сделай милость, оставайся у нас и будь нашим вождем!..

Но Кейн покачал головой.

— Я пойду на восток, — сказал он.

На том и расстались. Низко поклонившись ему, спасенные пленники пустились в долгий путь обратно на родину. А Кейн поднял на плечо посох, бывший когда-то жезлом фараонов, Моисея и Соломона, а еще прежде них — скипетром безымянных властителей Атлантиды. Повернувшись на восток, он бросил последний взгляд на гробницу, которую тот, другой Соломон когда-то возвел с помощью таинственных сил. Черная глыба камня по-прежнему мрачно высилась на фоне звездного неба, но отныне и до скончания веков в ней будет жить лишь тишина.

ХОЛМЫ МЕРТВЫХ

Глава 1
ВУДУ

Н'Лонга подбрасывал ветку за веткой в потрескивавший костер, и языки пламени весело взвивались, выхватывая из темноты лица обоих мужчин.

Н'Лонга, колдун вуду одного из племен Невольничьего Берега, был поистине древен. Его лицо испещряли сотни морщин, а иссохшее, скрюченное тело казалось старчески хрупким. Багровые отблески пламени играли на ожерелье, составленном из костяшек человеческих пальцев.

Второй человек был англичанином, и звали его Соломон Кейн. Рослый, широкоплечий, он носил облегающее черное одеяние — обычный костюм пуританина. На голове у него была мягкая фетровая шляпа, не украшенная даже пером. Он надвинул ее низко, на самые брови, так что бледное неулыбчивое лицо оставалось в тени. Глубокие задумчивые глаза в свете костра казались бездонными.

— Твоя вновь приходить, брат, — монотонно бормотал колдун, пользуясь пиджин-инглиш — ломаным жаргоном, на котором обычно объяснялись между собой чернокожие и белые, жившие на Западном Побережье. Колдун страшно гордился знанием этого языка. — Много лун разгорайся и умирай с того дня, когда мы совершай приношение крови. Твоя уходи на закат, но опять возвращайся!

— Верно, брат. — Низкий голос Кейна казался почти замогильным. — Мрачна твоя страна, Н'Лонга, мрачна, погибельна и кровава, и ограждает ее черная тень ужаса. И все же я возвратился...

Старый колдун, не отвечая, шевелил палкой головни. Кейн помолчал немного и продолжал:

— Там расстилаются неизведанные просторы... — Длинный палец указал в непроглядно темные джунгли, молча стоявшие за кругом света. — Там ждут тайны, приключения и непостижимые ужасы. Однажды я уже бросил вызов здешним дебрям и едва не расстался в них с жизнью. Я уцелел тогда, но что-то вошло в мою кровь... что-то прокралось в душу и шепчет, словно нечистая совесть, отягощенная позабытым грехом... Джунгли! Зловещие, темные джунгли вновь позвали меня, и я услышал их зов даже по ту сторону синего соленого моря. Я вернулся, и с рассветом отправлюсь к самому сердцу лесов. Что ждет меня там? Незабываемое приключение?.. Погибельный рок?.. Но по мне, лучше уж смерть, чем эта непреходящая и вечная тоска по Неведомому, этот огонь, что проник в мои жилы и горит в них огнем, заставляя желать неизвестно чего...

— Она звать, — пробормотал Н'Лонга. — Одна такая джунгли звать тебя. По ночам она приходи к моя хижина, обвивайся кольцами, как змея, и шепчи на ухо о странном. Эйя!.. Зов джунгли!.. Мы с тобой братья крови. Моя — Н'Лонга, могучий творец неназываемой магии. Твоя иди джунгли, как все, кто слышит ее зов. Может, твоя оставайся жить, но скорее, твоя погибай... Твоя верить в то, что моя повелевай духами?

— Как ты это делаешь и что за этим стоит, я не очень понимаю, — хмуро проговорил Кейн. — Но кое-что я видел сам. Например, то, как твоя душа по собственной воле покинула плотскую оболочку, чтобы заставить двигаться бездыханное тело...

— Это так! Ибо моя — Н'Лонга, жрец Черного бога!.. А теперь твоя смотри: моя творить волшебство.

Кейн внимательно наблюдал за тем, как старый служитель вуду склонился над огнем, плавно поводя руками и бормоча заклинания. Кейн смотрел, и странная сонливость все плотнее окутывала его... Вот перед глазами заколебался туман, сквозь который смутно виднелся озаренный огнем силуэт Н'Лонги... Потом все пропало.

...Кейн вздрогнул и проснулся, и рука его стремительно метнулась к пистолету на поясе. Старый Н'Лонга ухмылялся, глядя на него поверх огня, между тем как в

воздухе уже отчетливо ощущался рассвет. Колдун держал в руках длинный посох, вырезанный из черного, весьма странного на вид дерева. Не менее диковинной была и резьба, украшавшая посох. Он суживался к нижнему концу, переходя в острие.

— Посох вуду, — пояснил Н'Лонга, передавая его англичанину. — Он спасай тебя, когда не помогай ни этот твой длинный нож, ни громовые жезлы. А когда твой нуждайся во мне, положи посох на грудь, скрести сверху руки и спи. Моя будет приходи в твой сон.

Кейн подозрительно взвесил посох на руке. Колдовство?.. Посох был не тяжелый, но на ощупь казалось, что он тверже железа. Ладно, решил наконец Кейн, по крайней мере, это доброе оружие, а значит, уж никак лишним не будет.

Рассвет, словно бы с опаской, прокрадывался в джунгли и на берег реки...

Глава 2
КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Соломон Кейн снял с плеча мушкет и опустил наземь приклад. Кругом, осязаемая, словно плотный туман, залегла тишина. Провалившиеся щеки и изорванная одежда путешественника без слов говорили о долгом и многотрудном путешествии через леса.

Он огляделся.

Позади него, в некотором отдалении зеленой стеной стояли пышные джунгли. Чем ближе к нему, тем больше редели заросли, постепенно вытесняемые кустами, корявыми редкими деревцами и высоченной травой.

Впереди цепью вздымались голые, неприветливые холмы, усеянные крупными валунами. Солнце палило немилосердно, и, казалось, холмы дрожали и плыли в раскаленном мареве.

А между холмами и джунглями простиралась широкая полоса изрытой, пересеченной саванны, лишь кое-где нарушенной рощицами колючих деревьев.

И было тихо. Неестественно тихо. Единственными признаками жизни служили стервятники, которые, тяжело хлопая крыльями, пролетали вдали над холмами... Вот уже несколько последних дней Кейн все время замечал, как постоянно росло число этих малосимпатичных созданий.

Солнце между тем постепенно клонилось к западу, но мощь его слепящих лучей от этого нисколько не уменьшалась.

Соломон медленно двинулся вперед, волоча мушкет. Он шел без какой-либо определенной цели — попросту куда глаза глядят. Здесь, посреди совершенно неизученной страны, все равно не было толку выбирать направление.

Несколько недель назад он устремился в глубь джунглей с уверенностью, замешенной наполовину на несгибаемом мужестве, наполовину — на незнании. То, что он избежал гибели в первые же дни, было поистине чудом. Зато теперь, закаленный опасностями и трудами, он готов был на равных поспорить с самым свирепым созданием из тех, что населяли здешнюю чащу.

Шагая вперед, Кейн временами замечал следы льва, но, по всей видимости, случайные. Было очень похоже, что зверье избегало открытой луговины, — по крайней мере, те из живых существ, что оставляют следы. Только стервятники, неподвижные, как изваяния, застыли кое-где на ветвях корявых деревьев...

Неожиданно Кейну бросилась в глаза суматоха среди этих самых стервятников, начавшаяся впереди. Несколько пернатых трупоедов снялись со своих насестов и закружились над островком особенно высокой травы. Птицы снижались, пытаясь сесть, и снова взмывали. Похоже, какой-то хищный зверь не желает делиться с ними добычей, решил про себя Кейн. Удивляло только, почему не было слышно рычания и рева, которыми обычно сопровождались подобные сцены. Это обстоятельство пробудило любопытство путешественника, и он свернул в том направлении.

Наконец Соломон раздвинул стебли травы, доходившие ему до плеча, и перед ним открылось нечто вроде коридора с зелеными колеблющимися стенами.

И жуткое зрелище предстало его глазам!

На земле, лицом вниз, лежало тело чернокожего мужчины. Англичанин едва успел присмотреться к нему, когда заметил рядом с телом большущую темную змею. Змея приподняла голову и с такой быстротой ускользнула в траву, что Кейн не сумел даже приблизительно определить ее породу.

Он заметил другое. В змее было нечто человеческое. Нечто неуловимо, пугающе человеческое...

Кейн немного постоял над трупом, отмечая про себя, что руки и ноги мертвеца раскинулись под неестественными углами, наводя на мысль о переломанных костях. Но плоть не была растерзана и разорвана, как непременно случилось бы, окажись виновником его гибели лев или леопард... Соломон посмотрел вверх, на круживших стервятников, и заметил, что несколько птиц скользили над самой землей, следуя за волной, убегавшей вдаль по травяному морю, — волна отмечала путь существа, которое, по всей видимости, и убило несчастного чернокожего.

Англичанин невольно задался вопросом, с какой бы стати стервятникам, чья пища — мертвые тела, кого-то преследовать. Что за тварь выслеживали они в траве?.. Право же, Африка — страна тайн, которым нет и не будет конца...

Делать нечего, Кейн пожал плечами и вновь поднял мушкет. С тех пор, как несколько месяцев назад он распростился со стариком Н'Лонгой, он испытал уже множество приключений, но тем не менее все та же необъяснимая жажда неведомого продолжала гнать его вперед и вперед, без троп и дорог. Разобраться в природе этого стремления Кейн даже и не пытался. Чего доброго, он еще приписал бы его сатане, известному охотнику завлекать людей навстречу погибели. На самом же деле в нем говорил неуемный дух путешественника и искателя приключений. Тот самый дух, что ведет по белу свету цыган с их расписными кибитками. Тот самый, что заставлял когда-то викингов пускаться на кораблях в неведомые моря. Та тяга к странствиям, что знакома даже и дикому гусю во время долгого перелета...

Кейн вздохнул. Местность выглядела безжизненной, и, судя по всему, на пищу и воду здесь рассчитывать не приходилось. С другой стороны, ему успели до смерти надоесть непролазные чащи джунглей и их ядовитая зеленая сырость. По сравнению с ними даже голые холмы выглядели привлекательнее, хотя бы и временно. Кейн покосился на их опаленные солнцем вершины и продолжил свой путь.

В левой руке у него по-прежнему был посох Н'Лонги. Пуританина по временам донимала совесть — хорошо ли тащить с собой предмет столь откровенно диавольского происхождения?.. — но при всем том он никак не мог собраться с духом и выкинуть подарок старика.

И вот теперь, между тем как он шагал по направлению к холмам, в траве впереди него вдруг поднялась какая-то неожиданная возня. Трава же, надобно отметить, в некоторых местах превосходила высотой человеческий рост. Послышался тонкий, пронзительный вопль и почти сразу — громовой рев, от которого содрогнулась земля. Стебли травы разлетелись в стороны, и прямо на Кейна выпорхнула тоненькая человеческая фигурка, мчавшаяся, словно подхваченная вихрем соломинка. Это была кофейно-смуглая девчонка, одетая всего лишь в коротенькую юбочку. За ней, быстро настигая, неслся крупный лев.

Девушка с криком рухнула к ногам англичанина и, рыдая от ужаса, ухватилась за его сапоги. Бросив колдовской посох, Соломон вскинул к плечу мушкет и самым невозмутимым образом прицелился в оскаленную морду гигантской кошки, стремительно летевшей навстречу...

БАБАХ!!!

Девушка отчаянно завизжала и уткнулась в землю лицом. Страшный зверь взвился в последнем прыжке и беспорядочно перевернулся в воздухе, чтобы, упав, остаться лежать неподвижно.

Кейн торопливо перезарядил свое оружие и только после этого счел возможным присмотреться к девушке, распростершейся у его ног. На первый взгляд она казалась едва ли не мертвей льва, которого он только что застрелил. Однако быстрый осмотр показал, что бедняжка попросту лишилась сознания.

Соломон обмыл ей лицо водой из фляги, и спустя некоторое время девушка зашевелилась и открыла глаза, а потом села. Когда она увидела своего спасителя, ее глаза наполнились ужасом, и она попробовала вскочить.

Кейн протянул руку, чтобы удержать ее, и она сейчас же съежилась на земле, дрожа всем телом. Англичанин с некоторым запозданием сообразил, что грохот тяжелого мушкета в самом деле мог насмерть перепугать любого туземца, ни разу не видевшего белого человека.

Девушка была стройненькая, с отличной фигуркой. Кожа ее отливала глубоким коричневым цветом, зато нос был тонкий и прямой. Не иначе, берберийская кровь, сказал себе Кейн.

Он попытался заговорить с девушкой на языке речных племен — несложном наречии, которое он выучил за время своих путешествий. Она поняла его и ответила, запинаясь. Племена, жившие в глубине материка, торговали с речными народами слоновой костью и невольниками и понимали их говор.

— Моя деревня вон там, — отвечая на вопрос, пояснила Кейну девушка. Гибкая рука указывала на юг, в сторону джунглей. — Меня зовут Зунна... Мама выпорола меня за то, что я разбила горшок, и я, рассердившись, убежала в лес. Я боюсь... Позволь мне уйти домой, к маме!

— Ты вольна идти куда хочешь, — ответствовал Кейн. — Но я непременно должен проводить тебя, маленькая. Что будет, если, скажем, тебе встретится еще один лев?.. Другой раз будешь знать, как убегать из дому.

Она всхлипнула, все еще страшась:

— Ты, наверное, из Богов?..

— Нет, Зунна, я всего лишь человек, хотя цвет моей кожи и отличается от твоего. А теперь пошли, покажешь мне, где живет твое племя.

Она неуверенно поднялась, опасливо разглядывая его сквозь путаницу растрепавшихся волос. Она очень напоминала Кейну напуганную зверюшку. Девушка пошла впереди, пуританин зашагал следом. Деревня, по словам

Зунны, располагалась на юго-востоке, так что тропа привела наших путников еще ближе к холмам. Солнце же клонилось к горизонту, и скоро над саванной зазвучал гулкий рык львов. Кейн все косился на запад: его не больно-то радовала перспектива оказаться застигнутым темнотой на открытом пространстве. Оглянувшись в сторону холмов, англичанин обнаружил, что до ближайшего из них осталось всего несколько сот футов. И там темнел какой-то провал, который вполне мог оказаться пещерой.

— Вот что, Зунна, — начал он не очень уверенно. — Похоже, мы уже не доберемся к тебе домой до темноты. Если остаться здесь, нас разорвут львы. Зато вон там я вижу что-то вроде пещеры, в которой мы могли бы...

Девчонка съежилась и задрожала:

— Ой, добрый господин, только не в холмах!.. Лучше уж пускай нас заедят львы...

— Чушь! — нетерпеливо перебил Кейн. Он был сыт по горло туземными суевериями. — Пойдем в пещеру и там спокойно дождемся утра.

Девушка не пыталась больше спорить и покорно последовала за ним. Поднявшись немного по склону, они остановились возле устья небольшой пещеры. Стены ее были из твердого камня, а пол устилал толстый слой песка.

— Собери немного сухой травы, Зунна, только, смотри, далеко не уходи и берегись львов, — велел Кейн, прислоняя мушкет к стене пещеры возле самого входа. — Я разожгу костер, который убережет нас от диких зверей. Давай, будь хорошей девочкой и принеси веток и сухой травы, да и поужинаем. У меня в сумке найдется вяленое мясо, а во фляге — вода.

Она бросила на него странный, долгий взгляд, а потом, не прибавив ни слова, пошла прочь. Кейн нарвал травы, росшей поблизости, отмечая про себя, до какой степени сожгло и иссушило ее солнце. Сложив траву кучкой, он вытащил кремень с кресалом и высек огонь. Пламя взвилось и мигом поглотило всю кучку. Кейн задумался о том, как бы набрать столько травы, чтобы хватило на всю ночь... и тут заметил, что к пещере пожаловали гости.

Ему вообще-то было не привыкать к самым странным и неожиданным зрелищам, но тут уж и он вздрогнул, а по спине пробежал легкий холодок. Перед ним молча и неподвижно стояли двое мужчин, оба рослые, изможденные и совершенно нагие. Их черная кожа казалась присыпанной пылью и отливала пепельно-серым, словно у мертвецов. А лица были такими, каких он ни разу еще не видал. Высокие, узкие лбы, а носы — донельзя толстые, напоминающие хоботки. Глаза же — слишком большие для человека и... красные.

Двое стояли так неподвижно, что смотревшему на них Кейну показалось — у обоих жили только эти самые красные, пылающие глаза.

Пуританин заговорил с ними, но они не ответили. Тогда он жестом пригласил их сесть у огня и разделить с ним еду, и неожиданно они опустились на корточки у входа в пещеру, держась по возможности дальше от углей гаснувшего костра.

Кейн протянул руку к своей сумке и принялся доставать оттуда полоски вяленого мяса. Когда он покосился на своих молчаливых гостей, ему показалось, что они пристально наблюдали не столько за ним, сколько за мерцающими угольками...

Солнце уже готовилось скрыться за западным горизонтом. Над саванной распространялось неистовое алое сияние, превращавшее травяной покров в волнующееся кровавое море. Стоя на коленях, Кейн рылся в сумке, потом поднял голову и увидел Зунну, выходившую из-за холма с полной охапкой травы и сухого хвороста.

Он отчетливо разглядел, как ее глаза округлились от ужаса; трава и хворост полетели наземь, и тишину прорезал истошный крик, явно призванный предупредить его об ужасной опасности.

Соломон крутанулся на колене и увидел две нависшие над ним гигантские тени. Не теряя ни мгновения, он взвился на ноги с силой и гибкостью прыгающего леопарда. Посох колдуна словно бы сам собой лег ему в руку, и Кейн вогнал его в тело ближайшего врага с такой яростной силой, что острый конец вышел у нападавшего между лопатками. Но второй уже обхватил Кейна длин-

ными худыми руками. Сцепившись, противники рухнули наземь.

Ногти, подобные когтям, царапали Кейну лицо, красные глаза горели жуткой, нечеловеческой злобой. Извиваясь и корчась, Соломон кое-как высвободился из цепких лап своего соперника и вытащил пистолет. Уперев дуло прямо в бок врагу, он нажал спусковой крючок. Глухо прозвучал выстрел, дернулось под ударом пули пепельно-черное тело... но толстые губы лишь раздвинулись в ужасающей ухмылке!

Длинная рука стиснула плечи англичанина, другая мертвой хваткой вцепилась в волосы. Соломон почувствовал, как неодолимая сила начинает отгибать назад его голову, грозя сломать позвоночник. Обеими руками стиснул он запястья нападавшего, но плоть под его ищущими пальцами была тверже дерева. Кейн понял, что может вот-вот погибнуть: еще немного, и шея не выдержит. Он откинулся назад бешеным усилием всего тела, вырываясь из смертельного захвата. Чудовищный пришелец оказался сверху и снова пустил в дело когти. Нашарив разряженный пистолет, Кейн что было сил обрушил длинный, тяжелый ствол на голову противника и ощутил, как проламывается череп. И что же?.. Все та же издевательская ухмылка кривила толстые губы!

Соломон Кейн был близок к панике — насколько вообще этот человек способен был запаниковать. Его враг как ни в чем не бывало продолжал грозить его жизни — и это после того, как в него попали из пистолета и раскроили череп явно смертельным ударом!.. Простому смертному подобное было не под силу, значит... значит...

Кейн отчетливо понял, что сражается не иначе как с одним из сынов сатаны!

Эта мысль заставила его удвоить усилия. Соломон перевернулся, выламываясь из смертоносных объятий врага, и сцепившиеся противники покатились по земле, угодив прямо в тлеющие угли перед входом в пещеру.

Кейн едва ощутил шедший от них жар, зато его соперник выгнулся, широко разевая рот — на сей раз от невыносимой муки. Его пугающая хватка разом ослабла, и Кейн живо отскочил прочь.

Странное существо только-только приподнималось на локте, пытаясь встать на колени, когда Соломон в свою очередь ринулся в атаку. Так голодный волк не желает оттащить от раненого бизона, пока не прикончит добычу. Прыгнув сбоку, он приземлился прямо на жилистую спину врага, и железные руки пуританина сомкнулись в убийственном борцовском захвате. Снова оба повалились на землю, и Кейн, падая, успел свернуть противнику шею, так, что кошмарная красноглазая рожа смотрела за спину через плечо. После этого тело перестало шевелиться, но Кейн весьма сомневался, что тварь вправду издохла: красные глаза все еще светились.

Оглядевшись, англичанин увидел девушку-туземку, жавшуюся к стенке пещеры. Поискав глазами свой посох, Кейн обнаружил его под кучкой пыли, в которой виднелось несколько гниющих костей. Соломон непонимающе уставился на посох, потом сообразил, что произошло, и от невероятности увиденного голова у него пошла кругом. Одним движением подхватив чудо-посох, он вернулся к поваленному. Мрачно сжав зубы, он занес черную трость, потом с размаху всадил ее в грудь существа.

Громадное тело распалось прямо у него на глазах. С ужасом смотрел Кейн, как поверженный противник рассыпается прахом. В точности так же рассыпался и первый пришелец, когда Соломон проткнул его посохом, только тогда, в пылу боя, англичанин этого не увидел.

Глава 3
ВОЛШЕБНЫЙ СОН

— Господь всеблагий!.. — прошептал Кейн. — Так они были мертвы все это время!.. Вампиры!.. Дело рук самого сатаны...

Зунна подползла и прижалась к его коленям.

— Это ходячие мертвецы, господин, — всхлипнула она. — Я должна была предупредить тебя...

Кейн спросил:

— Но почему они не набросились на меня сразу, как только пришли?..

— Они боялись огня. Они ждали, пока угли совсем погаснут.

— Откуда же они здесь появились?

— С холмов, господин. Там, среди валунов и пещер, они просто кишмя кишат. Их там сотни! Питаются же они... человеческими жизнями. Убив человека, они пожирают его душу. Да, господин, они хватают ее, как только она выходит из тела! Высасыватели душ — вот как мы их называем... Послушай меня, господин. Там, где холмы вздымаются всего выше, стоит молчаливый каменный город. Раньше в нем жили те, что теперь стали вампирами. Это было давно... во времена моих предков. Они были людьми, но не такими, как мы: их народ долгие века правил здешней страной. Предки моего племени пошли на них войной и многих убили, но их колдуны что-то совершили над мертвыми, что-то такое, от чего они стали... такими, как сейчас.

Постепенно их народ вымер окончательно, и вот уже столетия племенам джунглей нет никакого житья от вампиров. И в полночь, и на закате спускаются они со своих холмов, чтобы красться лесными тропами, убивая и убивая. Люди и звери в ужасе бегут от них, и лишь огонь способен их уничтожить...

— Не только огонь: еще и вот эта штуковина, и, во имя Господне, станет она их последней погибелью, — мрачно проговорил Кейн и поднял над головой посох вуду. — Да сразится одно черное волшебство против другого! Не знаю уж, что за заклятие вложил сюда старый Н'Лонга, но...

— Значит, ты все-таки из богов, — вслух рассудила Зунна. — Не бывает такого, чтобы кто-нибудь в одиночку одолел сразу двоих живых мертвецов. Умоляю тебя, господин, избавь мой народ от проклятия! Бежать нам отсюда некуда, а то бы давно уже ушли в другие места. Что ни ночь, хватают эти чудовища всякого, кто высунется за деревенскую ограду! Повсюду смерть, а мы и поделать-то мало что можем...

И тогда глубоко в груди Кейна проснулся дух крестоносца, огненный дух одержимости праведной верой, дух

фанатика, решившегося положить свою жизнь на борьбу с силами Тьмы.

— Давай-ка поедим, — сказал он, — а потом разложим у входа в пещеру костер. Авось огонь, отгоняющий диких зверей, и от демонов нас убережет.

Несколько позже Кейн сидел у стены при входе в пещеру, опустив подбородок на сжатый кулак и вперив невидящий взгляд в пламя. Зунна держалась в тени, благоговейно наблюдая за ним.

— Господь мой, — шептали его губы. — Господь, покровитель воинов, ратующих за правое дело!.. К Тебе взываю о помощи. Даруй деснице моей силу освободить от древнего проклятия эту несчастную землю. Помоги сразиться с нечистыми демонами, неподвластными оружию смертных!.. Да, огонь их уничтожает, сломанная шея лишает возможности двигаться, а колдовской посох заставляет рассыпаться пылью... но что с того? Как в одиночку возобладать мне над сотнями, таящимися в этих холмах? Господи, они ведь душами человеческими питают свою мерзкую жизнь!.. Зунна вот говорит, воины ходили на них с оружием, но все без толку: вампиры прячутся в своем городе, за высокими стенами, и там их никому не достать. Как мне быть, Господи?.. Вразуми!..

Ночь длилась. Зунна уже спала, подсунув под голову девически округлую руку. Холмы содрогались от львиного рыка, а Кейн все сидел, задумчиво глядя в костер. Ночь, царившая снаружи, была полна таинственных шорохов, невнятного шепота и еле слышного звука осторожных крадущихся шагов. Время от времени Кейн прерывал свои размышления, чтобы посмотреть в темноту. И несколько раз ему казалось, будто там, за пределами круга света, мелькали огромные красные глаза...

Серый утренний свет разливался над саванной, когда Кейн разбудил Зунну, легонько встряхнув девушку за плечо.

— Господь да сжалится над моей душой, ибо замыслил я прибегнуть к варварской магии, — вздохнул он. — Сдается мне, однако, что бесовщину без бесовщины не одо-

леть. Присматривай же за огнем и немедленно разбуди меня, если приключится что-нибудь скверное!

С этими словами Кейн улегся навзничь на песчаный пол пещеры и опустил посох вуду себе на грудь, сложив поверх него руки. Он сразу же заснул, а заснув, увидел сон. Ему казалось, будто он брел куда-то в густом тумане и встретил Н'Лонгу, совершенно такого, как и в жизни. Н'Лонга заговорил с ним, и слова его были ясны и понятны. Они накрепко впечатывались в сознание, чтобы тем самым не истереться из памяти в момент пробуждения.

«Когда взойдет солнце и львы уберутся в логова, отправь девушку обратно в родную деревню, — сказал старый колдун. — Вели ей привести сюда, в твою пещеру, своего возлюбленного. Когда он придет, пусть он ляжет и притворится спящим, но при этом крепко держит посох вуду в руках».

Все расплылось, и Кейн проснулся, испытывая изрядное недоумение. Каким странным, но в то же время и ярким было видение! Диво, — во сне Н'Лонга говорил с ним на чистейшем английском, оставив привычный жаргон!.. Кейну только и оставалось, что пожать плечами. Н'Лонга много раз говорил при нем, что умеет посылать свою душу вовне, преодолевая земные расстояния. Он сам видел, как колдун заставлял двигаться мертвое тело. И тем не менее...

— Зунна, — сказал Кейн, поняв, что сейчас запутается окончательно. — Я дойду с тобой до края джунглей. Оттуда ты должна сбегать в деревню и вернуться сюда, в эту пещеру, со своим возлюбленным...

— С Крааном?.. — наивно спросила она.

— Ну да, с Крааном, или как там его. Давай, ешь и пошли.

...И вот солнце снова клонилось к западному краю небес. Соломон Кейн сидел в пещере и ждал. Он благополучно проводил девушку до того места, где джунгли начинали редеть, и, хотя совесть и беспокоила его, без конца напоминая об опасностях, подстерегавших ее на лесных тропах, наказ Н'Лонги был соблюден. Девушка побежала дальше одна, а Кейн возвратился в пещеру. И теперь сидел, размышляя на досуге о том, не подвергнется

ли его душа вечному проклятию: как-никак, он связался с магией чернокожего колдуна, хотя бы и кровного побратима...

Наконец легкие шаги нарушили тишину. Рука Кейна метнулась к мушкету, но тут вошла Зунна, а следом за ней — высокий, великолепно сложенный парень, принадлежавший, судя по оттенку кожи, к тому же самому племени. У парня были глаза мечтателя, и взирал он на Кейна с почтением, переходившим в благоговейный страх. Судя по всему, девушка ничего не приуменьшила, рассказывая ему о чудесах нового бога.

Соломон без лишних слов велел юноше лечь наземь, как заповедал Н'Лонга, и вложил ему в руки волшебный посох. Зунна присела рядом на корточки, широко раскрытыми глазами следя за его манипуляциями. Сделав все как полагалось, Кейн отступил немного назад, наполовину стыдясь дурацкого, по его мнению, спектакля, с большим сомнением ожидая, выйдет ли из этого что-нибудь, и если выйдет, то что именно.

И тут, к его ужасу, Краан с шумом вобрал в себя воздух — и тело его застыло!..

Зунна пронзительно завизжала и вскочила на ноги.

— Ты убил Краана! Убил!..

И девушка бросилась на англичанина, который и сам застыл от изумления, лишившись дара речи... На полпути, однако, Зунна словно споткнулась, провела рукой по лбу... а потом, обмякнув, поникла на песчаный пол и осталась лежать, заключив в объятия бесчувственное тело любимого.

Тогда Краан открыл глаза, посмотрел на Кейна и усмехнулся. Хитрющей, многомудрой усмешкой, которая казалась вовсе не к месту на открытой юношеской физиономии. Соломон даже вздрогнул. Мечтательные глаза парня совершенно изменили свое выражение, их блеск стал жестче, во взгляде появилось что-то змеиное... Господь всемогущий, да ведь это же глаза старого Н'Лонги!..

— Эйя-а-а, — протянул Краан до невозможности знакомым голосом. — Ну что, побратим, неужели неохота поздороваться с Н'Лонгой?..

Кейн не ответил, потому что язык у него попросту отнялся, а по телу бегали мурашки. «Краан» встал с земли

и начал потягиваться, словно бы привыкая к новому и необычному телу. Потом одобрительно похлопал себя по широкой груди.

— Моя — Н'Лонга! — в обычной своей хвастливой манере заявил колдун. — Моя —. могучий волшебник! Что, не узнавай меня, побратим?

— Сатана, вот ты кто, — со всей искренностью ответствовал Кейн, к которому вернулась наконец способность разговаривать. — Так как прикажешь тебя величать? Краан или Н'Лонга?

— Моя — Н'Лонга! — заверил его собеседник. — Моя одна такая тело спит внутри волшебная хижина на Побережье за много переходов от здесь. Моя просто заимствуй тела Краана на мало-мало время. Моя дух пролетай десять дневной переход в один миг, вот как! Моя дух выходи из мое тело и выгоняй дух Краана из его дома...

— Так что, Краан... умер?

— Нет, его не умирай. Моя просто ненадолго посылай его душу в страну теней. И душу одна такая девочки тоже, чтобы ему было не скучно. Через мало-мало время они возвращайся назад.

— Все это — дело рук диавола, — откровенно сообщил ему Кейн. — Я, впрочем, видел, как ты творил еще худшую бесовщину. Ну так как мне тебя все-таки... Крааном или?..

— Ха, Краан! Моя Н'Лонга, а разные тела — все равно что одежда! Тут, внутри, сейчас Н'Лонга! — И он снова постучал себя по груди. — Скоро Краан возвращайся и опять живи здесь, как раньше. Но сейчас Краана тут нет, тут сейчас Н'Лонга живет. Кровный брат, моя — Н'Лонга!

Кейн только кивнул. Нелегкая воистину занесла его в страну ужасов и волшебства. Здесь не было ничего невозможного. Здесь стало возможно даже и то, что писклявый голосок Н'Лонги вдруг зазвучал из широченной груди Краана, а змеиные глаза колдуна глянули с красивого молодого лица.

— Моя давно знай эти места, — переходя к делу, вновь заговорил Н'Лонга. — Могучие шаманы, этот мертвый народ! Наша незачем тратить время попусту... моя

все знай, моя уже говорил во сне. Побратим хочет убивай все ходячие мертвецы, так?

— Хочу, ибо это противно природе, — хмуро проговорил Кейн. — В моей стране тоже встречаются подобные существа, у нас их называют вампирами... Но мог ли я думать, что однажды набреду на целое племя вампиров?..

Глава 4
МОЛЧАЛИВЫЙ ГОРОД

— Теперь, — заявил Н'Лонга, — наша должна отыскать каменный город.

Кейн, не удержавшись, спросил:

— Да? А почему бы попросту не послать твой дух истреблять вампиров?

— Дух, чтобы действовать, должен надеть одна такая тело, — невозмутимо пояснил Н'Лонга. — Теперь спи, а завтра двинемся в путь.

Солнце уже село; огонь при входе в пещеру потрескивал и мерцал. Кейн посмотрел на девушку — Зунна так и лежала там, где свалилась, — и приготовился ко сну.

— Разбуди меня в полночь, — попросил он. — Я сменю тебя и покараулю до рассвета.

...Но когда Н'Лонга наконец тряхнул его за плечо, саванну уже тронул рассветный багрянец.

— Наша пора идти, — заявил колдун.

— Но как же девушка?.. Ты уверен, что она не... что она жива?

— Она жива, брат крови.

— Но, коли так, — во имя Господа нашего, не можем же мы бросить бедняжку на съедение разной нечисти, которая так и шастает здесь повсюду! Или вдруг какой-нибудь лев...

— Никакой лев не приходи. Запах вампира еще держись, и запах человека тоже. Одна такая лев, он не люби человеческий дух. И он страшись ходячий мертвец. Зверь

сюда не ходи, и... — тут он взял посох вуду и положил его поперек входа в пещеру, — и никакой вампир теперь не ходи.

Кейн смотрел на него по-прежнему хмуро и без особого энтузиазма:

— Неужели эта... палочка ее защитит?

— Палочка!.. — фыркнул Н'Лонга. — В ней — могучее волшебство! Твоя сам видел, как одна такая вампир вчера стала пыль, а потом еще одна. Никакая вампир этот посох пальцем не тронет и даже близко не подойдет. Моя дал его тебе, потому что и далеко от Вампировых Холмов люди порой встречай в лесу ходячее тело, когда тени черны. Не все мертвецы здесь живут. Но все они стараются высасывай из людей жизнь. Когда не могут, они гниют, как гнилушки.

— Ну так наделал бы побольше таких жезлов, да и вооружил бы ими народ!

— Моя не моги! — Н'Лонга затряс головой. — Эта посох — могучее волшебство! Древняя, древняя!.. Теперь не живи человек, который знай, какая древняя! В тот раз, когда мы разговаривай в деревне на Побережье, я заставляй свой побратима спать, а сам твори великое вуду, проси посох его охраняй. Сегодня наша бегай, разведывай; сегодня посох не нужен. Пусть его лежи здесь, охраняй девочку.

Кейн передернул плечами и последовал за волшебником, но все-таки оглянулся на маленькое тело, свернувшееся на полу пещеры. Он нипочем не согласился бы вот так оставить ее здесь, если бы не был в глубине души уверен, что Зунна попросту умерла. Он ведь прикоснулся к ней ладонью: тело было холодным...

...По мере того как восходило солнце, путники проникали все дальше в глубь бесплодных холмов. Выше и выше взбирались они, преодолевая крутые глинистые подъемы, петляя между огромными валунами и обходя глубокие овраги. Холмы были сплошь изрыты, словно норами, множеством темных, зловещих с виду пещер. Мимо пещер они проходили с опаской, причем у Кейна мурашки по спине бегали от одной мысли о монстрах, могущих таиться внутри. Ибо Н'Лонга сказал ему:

— Их, вампиры, большей частью цельный день до заката спи по пещерам. В здешних пещерах полным-полно мертвый человек!

Солнце карабкалось по небосклону, заливая голые склоны волнами невыносимого жара. Тишина повисла над окрестностями, словно призрак злого чудовища. Покамест путешественники ничего не обнаружили. Хотя Кейн мог бы поклясться, что несколько раз при их приближении за камнями стремительно скрывались темные силуэты...

— Их, вампиры, они днем прячься, — негромко посмеиваясь, прокомментировал Н'Лонга. — Они боись одна такая стервятник! Ха, стервятник не дура! Она знай мертвечину, лежи она тихо или ходи! Стервятник бросайся лови одна такая мертвый человек, и рви его, и кушай!..

При этих словах Кейна пробрала крупная дрожь.

— Господи всеблагий! — вскричал пуританин, в сердцах хлопая себя по бедру шляпой. — Будет ли когда-нибудь конец ужасам, населившим это жуткое место? Воистину, отдано место сие во власть силам Тьмы!

Глаза Кейна разгорелись опасным огнем. Ужасающая жара, безлюдье и сознание того, что с обеих сторон совсем рядом затаилось кое-что похуже простой смерти, — все это грозило расстроить даже и его стальные нервы.

— Надень лучше одна такая шляпа на голову, кровный брат, — со сдержанным гортанным смешком посоветовал Н'Лонга. — А то, если твоя не побережется, одна такая солнце тебя ка-ак пристукнет!

Кейн поудобнее переложил мушкет, который со свойственным ему упрямством потащил с собой в холмы, и ничего не ответил. Наконец они поднялись на вершину, господствовавшую над другими, и перед ними открылось нечто вроде плато. И как раз посередине плато раскинулся город — молчаливый город, выстроенный из серого камня. Кейн присмотрелся, и его до глубины души потрясла невероятная древность построек, представших его взору. И защитные стены, и здания были сложены из огромных каменных блоков, но неумолимое время постепенно превращало в руины, казалось бы, незыблемые сооружения. На улицах города разрослась та же высоченная трава, что и на плато, и Кейн, сколько ни смотрел, так и не заметил среди руин никакого движения.

— Вот он, их город, — задумчиво проговорил пуританин. — Но почему они предпочитают днем отсыпаться в пещерах?

— Может, одна такая камень падай ночью с крыши и кого-то раздави? Их, одна такая каменный дом, бывает, разваливайся. А может, вампиры не люби жить вместе? Может, их друг друга кушай?..

— Тишина!.. — невольно понижая голос, прошептал Кейн. — Вот что называется — нависшая тишина!..

— Их, вампиры, они не разговаривай и не кричи, — ответил Н'Лонга. — Днем их спи по пещерам, а вечером и ночью гуляй. Может, когда одна такая лесное племя приходи на них с копьями, вампиры забирайся в своя каменная крааль и дерись из-за стен?..

Кейн согласно кивнул. Полуразвалившиеся стены кругом мертвого города были тем не менее еще достаточно высоки и прочны, чтобы успешно противостоять набегу вооруженных копьями воинов. И уж в особенности, когда защитниками стен выступали демоны вроде этих кровопийц с хоботами вместо носов!

— Кровный брат! — неожиданно обратился к нему Н'Лонга. — Моя приходи большая волшебная мысль! Прошу тебя, брат, твоя мало-мало молчи.

Соломон послушно уселся на большой камень и принялся исподлобья разглядывать бесплодные кряжи и склоны ближних холмов. Далеко-далеко на юге виднелся зеленолиственный океан: там простирались джунгли. Удаленность от зрителя, пожалуй, придавала зрелищу некоторое очарование. Зато в двух шагах — только протяни руку — темными провалами зияли устья пещер, сокрывших внутри себя таящийся Ужас...

Что до Н'Лонги — колдун сидел на корточках и кончиком кинжала чертил в глиняной пыли какой-то странный узор. Соломон наблюдал за ним, думая про себя о том, с какой легкостью расправились бы вампиры с ними обоими, если бы хоть трое-четверо монстров вздумало выбраться на свет Божий из своих пещер...

И стоило ему только подумать об этом, как сидевшего на корточках колдуна накрыла чья-то жуткая тень!

Кейн не стал тратить времени на размышления. Он отреагировал мгновенно. Он взвился с камня, на котором

сидел, со стремительностью камня, запущенного из катапульты; приклад его мушкета размозжил мерзкую харю подкравшегося к ним чудовища. Вампир зашатался, и Кейн погнал его назад, все дальше назад, не давая времени ни остановиться, ни самому перейти в атаку. Он осыпал вампира градом ударов, действуя с яростью и силой взбешенного тигра.

Когда они достигли кромки утеса, вампир попытался удержать равновесие и устоять, но не совладал и опрокинулся назад. Пролетев сотню футов, он упал на камни плато и остался лежать на них, корчась. Кейн обернулся и увидел, что Н'Лонга уже стоял во весь рост, указывая рукой.

Окрестные холмы извергали наружу своих мертвецов. Вампиры тучами появлялись из пещер на солнечный свет, — жуткие, молчаливые черные силуэты; они бежали вверх по склону, перебираясь через валуны, и взгляды мириад красных глаз были обращены к двоим людям, стоявшим над городом тишины.

Зрелище напоминало картину Судного Дня, когда, как известно, мертвецы должны восстать из гробов. Только вот разразился этот Страшный Суд задолго до срока...

Н'Лонга взмахом руки указал побратиму на крутой кряж поблизости и сам помчался к нему со всех ног. Кейн кинулся следом. Когтистые лапы протягивались из-за камней и пытались схватить его, но пока только разрывали одежду. Н'Лонга и Кейн бежали мимо все новых пещер, и оттуда, пошатываясь, возникали смахивающие на мумии чудища и присоединялись к погоне. Жадные пасти что-то беззвучно шамкали...

Мертвые руки уже почти хватали двоих друзей, когда наконец они преодолели последнюю кручу и выскочили на самый верх кряжа. Тут нечисть словно бы призадумалась, но потом снова устремилась следом за беглецами.

Мушкет в руках Кейна опять превратился в дубинку и принялся сметать с края уступа цепкие лапы вампиров. Нападавшие хлынули волной; Соломон размахивал мушкетом с молчаливым неистовством, ничуть не уступавшим их собственному. Вот волна опрокинулась, откатилась... хлынула снова...

«Я... не... могу... их... убить!..»

Эти слова звучали в его мозгу, отдаваясь, словно удары молота по наковальне, в то время как одеревеневшая от времени плоть и кости, когда-то бывшие человеческими, разлетались под его сокрушительными ударами. Он сбивал мертвецов с ног, отбрасывал прочь... но раз за разом они поднимались и снова лезли вперед. Это не могло продолжаться веч... э, во имя Господне! Чем там Н'Лонга-то занят?.. Измученный невероятной схваткой, Кейн все-таки урвал мгновение и бросил один-единственный взгляд через плечо.

Колдун стоял на самой макушке кряжа, запрокинув голову и воздев руки, словно бы вызывая некие силы...

Взгляд Кейна сейчас же метнулся обратно, в прибой кошмарных рож, пялившихся на него красными нечеловеческими глазами. Те из вампиров, что лезли в первых рядах, были вовсе уж ни на что не похожи — черепа проломлены, лица размозжены, руки-ноги переломаны. И все-таки они упрямо рвались вперед, и те, кого в толчее боя оттесняли назад, тянулись поверх голов стоявших впереди, силясь дотянуться и схватить человека, посмевшего их не убояться.

Соломон между тем с головы до ног перемазался кровью, но вся кровь была его собственная. Давно иссохшие вены монстров уже не могли выдать ни капельки живой красной влаги...

Сзади неожиданно прозвучал долгий, пронзительный вопль... Н'Лонга! Его голос разлетелся далеко и был отчетливо слышен, — единственный голос, звучавший среди хруста сминаемых костей и треска мушкетного приклада, врезавшегося в тела живых мертвецов.

Прибой тянущихся лап все-таки достиг ног Кейна и потащил его вниз. Острые когти рвали его тело, и к свежим ранам сейчас же приникали мертвые губы. Он все-таки вырвался и поднялся еще раз, растерзанный, залитый кровью, и отогнал от себя монстров взмахом разбитого в щепы мушкета. Но чудовища вновь бросились на него и увлекли наземь.

«Конец!» — внятно подумалось Кейну... Но как раз в это мгновение хватка десятков вцепившихся лап неожиданно ослабла, а небо заслонили сотни огромных, неистово хлопающих крыльев.

Соломон почувствовал, что свободен, и приподнялся, шатаясь. Он мало что видел кругом себя, но был исполнен решимости продолжать неравную битву... Проморгавшись, он так и замер на месте.

Вся орава вампиров беспорядочно удирала вниз по склону. А прямо над головами мертвецов неслись огромные птицы. Стервятники!.. Они алчно рвали свои жертвы, на лету погружая когти и клювы в мертвую плоть и пожирая бегущих вампиров одного за другим.

Кейн расхохотался, глядя на происходившее, и смех его был почти безумен.

— Эгей, дети сатаны!.. Вы пытались обмануть Бога и людей, но стервятников не проведешь!.. Они-то уж отличат мертвое от живого!..

Н'Лонга стоял на вершине, точно говорящий с Богом пророк, а вокруг него вились и кружились громадные черные птицы. Он по-прежнему поводил руками, и голос его летел вдаль за вершины холмов. И оттуда, из-за холмов, на его голос собирались гигантские тучи птиц! Стервятники тысячами слетались на пир, в котором им так долго было отказано. Заслоненное множеством широких крыльев, померкло синее небо; солнечный свет почти не мог достигнуть земли, и на ней воцарились странные сумерки. Птицы садились на камни и, помогая себе взмахами крыльев, врывались в самые пещеры, после чего оттуда доносилось только щелканье клювов. Когда же вампиры пытались выскакивать наружу, на них сейчас же падали с неба многие десятки проголодавшихся трупоедов, и крепкие когти в клочья рвали все то, что так долго наводило ужас на жителей несчастной страны.

В поисках спасения вампиры устремились к своему городу. Месть, от которой они столетиями укрывались, готова была пасть на их головы и заставляла искать защиты среди полуразрушенных стен, за которыми они когда-то отсиживались, пережидая отчаянные набеги людей.

А Н'Лонга наблюдал за тем, как они мчались к городу, и смеялся так, что эхо отдавалось среди холмов.

И вот наконец все были внутри, но терпеливые птицы опустились на обреченный город, словно непроглядная

черная туча. Плотными рядами уселись они на стенах, точа когти и клювы о камень древних башен...

Тогда-то Н'Лонга ударил кресалом по кремню, высек огонь и поджег принесенную с собой связку сухих листьев. Связка тотчас вспыхнула, и колдун, размахнувшись, швырнул импровизированный факел с утеса как можно дальше. Пролетев как метеор, горящий комок упал на плато и рассыпался веером искр. Иссушенная трава немедленно занялась неудержимым пожаром.

Кейн мрачно улыбнулся, всем своим существом ощутив Страх, что волнами, подобно белому туману, растекался из молчаливого города внизу под ногами.

— Гори, гори ясно, сухая трава! — сказал он. — Недаром сушило тебя жаркое солнце! Недаром дождей последнее время было меньше обычного...

Подобно алой змее, мчался огонь, пожирая высокую сухую траву. Пожар распространялся с умопомрачительной быстротой, и Кейн, стоя в безопасности, высоко наверху, тем не менее чувствовал то жуткое напряжение, с которым следили за приближением огня сотни глаз, наблюдавших изнутри города.

И вот алая змея достигла каменных стен и, казалось, собрала силы перед прыжком внутрь. Обеспокоенные стервятники неохотно поднялись в воздух и, хлопая тяжелыми крыльями, начали набирать высоту. В это время неведомо откуда налетел порыв ветерка; он подстегнул пламя, и оно взвилось багряной волной по всему периметру стен. Город оказался в огненном кольце, и слуха двоих мужчин, стоявших высоко на скале, достиг грозный рев пламени.

Очень скоро искры полетели через стену, поджигая высокий травостой, заполонивший улицы. В двадцати местах разом вспыхнул пожар и тотчас устремился во все стороны. Багровая крутящаяся пелена затянула улицы и дома, и сквозь огненную завесу Кейн с Н'Лонгой увидели сотни темных теней, которые суматошно метались из стороны в сторону, падали, корчились в пламени и затем исчезали, сами вспыхивая кострами. Вонь горящей мертвечины делалась невыносимой.

Кейн смотрел и смотрел, не в силах оторвать взгляда. То, что он видел, было сущей геенной огненной на земле.

Словно в кошмарном сне, вглядывался он в недра огненного котла, где какие-то черные насекомые отчаянно сражались с погибелью... и пропадали одно за другим. Пламя вздымалось на добрую сотню футов в вышину, и неожиданно его рев прорезал жуткий, нечеловеческий крик, долетевший словно бы с другого края немереных космических бездн. Это, умирая в огне, подал голос один из вампиров, нарушивший заклятие молчания, которое века и века довлело над всем его племенем. Тонкий, ужасающий крик длился и длился, — предсмертный вопль навсегда вымирающей расы...

Потом пламя неожиданно опало. Степной пожар, как обычно, оказался столь же кратковременным, сколь и свирепым. Плато превратилось в черную пустошь, а город — в бесформенную груду дымящегося, закопченного камня. Глаз не мог отыскать ни одного тела, какое там — ни одной обугленной кости. Стервятники еще кружились плотными стаями, но и эти живые тучи начинали понемногу рассеиваться. Птицы понимали, что поживы больше здесь не найти.

Кейн жадно вглядывался в синее, синее небо... Вид чистого неба в этот момент был подобен свежему морскому ветру, разгоняющему напоенный ужасами туман. Через некоторое время откуда-то издалека долетел львиный рев — еще одно свидетельство настоящей, живой жизни.

Стервятники улетали, выстроившись неровными, колеблющимися клиньями...

Глава 5
ДОГОВОРИЛИСЬ

...Кейн сидел близ устья пещеры, в которой они оставили Зунну, а Н'Лонга хлопотал над ним, перевязывая раны.

Одежда пуританина свисала с плеч кровавыми клочьями, руки и грудь были разодраны и сплошь покрыты страшными синяками, но каким-то образом он все же умудрился избегнуть ран, опасных для жизни.

— Наша с тобой — два могучих героя! — объявил Н'Лонга, и к обычной хвастливости примешивалось искреннее удовлетворение. — Теперь вампирий город вправду замолкла, точно! Нету больше в холмах ни одна такая ходячий мертвец!

— Я все-таки не очень понимаю, — сказал Кейн, подпирая кулаком подбородок. — Объясни, Н'Лонга, как ты все это проделал? Каким образом ты разговаривал со мной во сне, потом завладел телом Краана и, наконец, вызвал стервятников?..

— Брат мой, кровный брат, — ответил колдун, переходя с пиджин-инглиш, которым страшно гордился, на язык речных племен, благо Кейн понимал это наречие. — Я так стар, брат мой, что, открой я тебе свой истинный возраст, ты обозвал бы меня лжецом. И всю свою жизнь я посвятил магии. Сперва я смиренно сидел у ног могучих шаманов востока и юга; потом я угодил в рабство к бакра, но и там продолжал постигать волшебство. Брат мой, как же я охвачу одним словом все эти годы и хотя бы кратко объясню то, что сам понял лишь к старости? Увы, я не в силах растолковать тебе даже, каким образом вампиры избегали посмертного разложения, питаясь жизнями других людей. Скажу лишь одно: когда я засыпаю, моя душа летит над джунглями и речными разливами, чтобы потолковать с душами спящих друзей. Я дал тебе посох вуду, хранящий великое волшебство. Волшебство родом из Древней Страны, которое притягивает мой дух точно так же, как магниты белых людей притягивают железо...

Кейн молча слушал своего побратима. Он пристально вглядывался в черные глаза Н'Лонги, и в мерцающих зрачках колдуна ему впервые виделось нечто гораздо более значительное и глубокое, нежели просто алчный блеск адепта черного волшебства. Кейну отчетливо показалось, будто он заглянул в таинственные, зрящие далеко вперед глаза древнего пророка...

— Я говорил с тобой во сне, — продолжал Н'Лонга, — а потом наслал глубокий сон на души Зунны и Краана. Я переместил их в дальние края теней, откуда они вскорости возвратятся, не памятуя, что с ними произошло. Все склоняется перед волшебством, кровный

брат, и звери с птицами повинуются волшебному слову. Там, в холмах, я совершил могучее вуду, призывая стервятников, и крылатый народ поднебесья поспешил явиться на мой зов.

Законы, повелевавшие там, хорошо мне известны, ведь я и сам — плоть от плоти волшебного мира. Но как объяснить это тебе?.. Кровный мой брат, ты могучий воитель, но во всем, что касается магии, ты подобен маленькому ребенку, заблудившемуся в дремучем лесу. Какими словами истолковать такому ребенку заветные тайны, для постижения которых потребовалась долгая жизнь? Да и не имею я права разглашать все то, о чем тебе хотелось бы знать... Друг мой, ты называешь мою магию черной и подразумеваешь, что я вызываю злых духов. Я-то уж знаю! Но посуди сам: будь мое волшебство так уж черно, неужто я не оставил бы себе прекрасное и сильное тело юного Краана, вместо того чтобы возвратиться в свое собственное, сморщенное и иссохшее?.. Но нет, я этого не сделаю. Краан получит свое тело назад в целости и сохранности...

Что же до посоха вуду, пусть он останется при тебе, кровный брат. Он защитит тебя и от злых чародеев, и от змей, и от недоброго глаза. А мне, пожалуй, пора назад, в деревушку на Побережье, где спит в хижине мое настоящее тело... Что ты намерен делать дальше, побратим?

Соломон Кейн указал пальцем на восток:

— Зов в моей крови нисколько не ослабел... Я пойду дальше.

Н'Лонга кивнул головой и протянул ему руку. Кейн крепко сжал его ладонь. Таинственность, как маска, сошла с лица колдуна, глаза хитро заблестели: так могла бы веселиться змея.

— Теперь моя пошла, кровный брат, — сказал он, вновь переходя на свой любимый жаргон. Как ни смешно, знанием пиджин-инглиш Н'Лонга гордился больше, чем всей своей колдовской силой. — Твоя смотри, — продолжал он, — держи ухо востро! Одна такая джунгли, она только и смотрит, как бы обсосать твои косточки!.. И не забывай, что при тебе посох вуду, брат... Ну, наша договорились!

Он опустился на песок, и Кейн увидел, как с юношеского лица Краана начало пропадать выражение мудрой и хитрой змеи, свойственное Н'Лонге. У пуританина вновь помимо его воли побежали по телу мурашки. Он очень явственно представил, как где-то далеко, на Невольничьем Берегу, в шаманской хижине, зашевелилось, пробуждаясь от долгого сна, сморщенное тело старого Н'Лонги. Кейн содрогнулся...

Краан сел, зевнул, сладко потянулся и расплылся в улыбке. Рядом с ним завозилась Зунна и начала тереть заспанные глаза.

— Прости, господин, — смущенно проговорил Краан. — Мы тут, кажется, задремали...

ЛУНА ЧЕРЕПОВ

Глава 1
ПРИХОД ИЩУЩЕГО

Гигантская мрачная тень зловеще нависала над джунглями, врубаясь черными зубьями в алый пламень заката. Человеку, устало поднимавшемуся по лесной тропе, она казалась сущим символом смерти и ужаса, исполненным невнятной, но от этого еще более страшной угрозы. Такова тень крадущегося убийцы, упавшая на освещенную стену...

И все же это была всего лишь тень высокого скального кряжа, вздымавшегося впереди; первый форпост угрюмых предгорий, куда держал путь одинокий странник. Добравшись к подножию скал, человек немного помедлил, глядя вверх, на черные громады, вздымавшиеся на фоне гаснувшего солнца. Он мог бы поклясться, что, глядя из-под руки, заметил некое движение наверху. Однако свет меркнувшего зарева бил прямо в глаза, и он не был твердо уверен, что же именно двигалось там, на вершине утеса. Был ли то человек, мгновенно отступивший в укрытие? Или?..

Странник пожал плечами и обратил взор на едва намеченную крутую тропу, что уводила вверх и исчезала за гребнем. На первый взгляд, вскарабкаться по ней смог бы разве только горный козел. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаружились многочисленные ямки, вырубленные в камне и вполне подходившие для человеческих пальцев. Путешественник проследил их взглядом и понял, что подъем потребует предельного напряжения всех сил. Что ж, пускай. Не затем он одолел тысячу миль, чтобы теперь отступать.

Без долгих раздумий он сложил наземь неуклюжий мушкет и большую сумку, которую нес на плече. Он

возьмет с собой лишь длинную рапиру, кинжал и один из пистолетов. Человек привязал оружие за спину и полез вверх, ни разу не оглянувшись на залитую сумерками тропу, по которой пришел.

Путешественник был жилистым и рослым мужчиной, у него были длинные руки и железные мускулы, но даже и ему приходилось время от времени останавливаться, давая себе передышку. В такие мгновения он повисал на отвесном утесе, прилипая к нему с цепкостью муравья. Темнота быстро сгущалась, и скала над головой вскоре стала казаться ему сплошным темным пятном. Он вслепую обшаривал камень руками, ощупью разыскивая зацепки для пальцев. И упрямо поднимался все выше.

Далеко внизу, под ним, уже подавала голос ночная жизнь джунглей. Человек на скале не мог отделаться от мысли, что голоса ночных тварей звучали пугливо и приглушенно. Как если бы объятые тьмой горы в самом деле распространяли вокруг себя ауру молчаливого ужаса, ауру, внятную даже бессловесным созданиям...

Путешественник упорно лез вверх. Макушка утеса была уже недалеко, когда, словно бы в насмешку над его усилиями, скала из просто отвесной сделалась нависающей, и напряжение каждого нерва, каждой мышцы стало поистине запредельным. Время от времени пальцы человека соскальзывали, и лишь чудо удерживало его от падения. Но каждая жилка худого крепкого тела послушно делала свое дело, а железные пальцы обладали силой тисков. Уклон все увеличивался, и скалолаз двигался все медленнее. Но упорство не изменяло ему, и наконец на фоне звездного неба он разглядел гребень утеса в каких-то семи футах над своей головой.

И вот тут, пока он смотрел, какой-то темный бесформенный силуэт заслонил над ним звезды, а потом... обрушился вниз и полетел прямо на него, с шумом рассекая воздух. Человек распластался по скале, вжимаясь в камень и покрываясь гусиной кожей в предчувствии неминуемой смерти. Он ощутил тяжелый удар в плечо, всего лишь скользящий удар, но такой, что его едва не сбросило вниз. Отчаянно изворачиваясь, чтобы удержаться, он услышал удаляющийся шум падения и наконец гулкий грохот удара камня о камень глубоко под ногами. Человек

вновь поднял голову и посмотрел вверх. Лоб его усеяли капли холодного пота. Кто — или что — сбросило с утеса этот громадный валун? Странник отличался завидным мужеством, которое могли бы подтвердить кости многочисленных врагов, сраженных им на полях битв. Но умереть как беспомощная овца, не имея ни малейшей возможности сопротивляться?.. От этой мысли даже у него поневоле стыла кровь в жилах.

Но почти сразу на смену страху неудержимой волной хлынула ярость, и человек не пополз — прямо-таки ринулся вверх, почти не заботясь о безопасности. Каждый миг он ожидал, что на голову ему вот-вот свалится еще один камень, но, как ни странно, этого не произошло. И когда он выскочил наверх и встал во весь рост, выхватывая шпагу из ножен, — его ищущий взгляд не обнаружил на утесе никаких признаков жизни.

Он стоял на своего рода плато, которое примерно в полумиле далее к западу переходило в весьма пересеченную, всхолмленную равнину. Кряж, только что им покоренный, подобно скальному мысу выдавался из остального нагорья. Колеблющаяся листва джунглей, оставшихся внизу, с высоты казалась морем, таинственным и темным, одетым непроницаемым покрывалом тропической ночи...

А здесь, наверху, царствовала тишина. Ничто не нарушало ее. Ни ветерка в воздухе, ни возни живых существ в корявых кустах, одевших плато. Но ведь не сам же собой свалился тот камень, едва не увлекший скалолаза навстречу погибели! Что за твари обитали здесь, меж угрюмых холмов? Тропическая тьма показалась путешественнику густой вуалью, сквозь которую зловеще проглядывали желтоватые звезды. Гнилостные испарения поднимались из джунглей, осязаемые, словно плотный туман. Скривившись, путешественник отошел прочь от обрыва и направился прямо вперед, через плато, держа в одной руке рапиру, а в другой — пистолет.

Ему было не по себе. В самом воздухе витало нечто, безошибочно говорившее ему: за тобой наблюдают. Шаг у человека был мягкий, как у кота, и глубокую тишину нарушало лишь негромкое шуршание высокой горной травы. И все-таки шестое чувство подсказывало путешественнику, что незримые существа окружали его со всех

сторон, скользя и впереди, и за спиной, и с обеих сторон. Люди? Звери?.. Он не знал, да и не особенно задавался этим вопросом. Он был готов драться хоть с человеком, хоть с дьяволом, если бы тот вздумал встать у него на пути. Порою он останавливался и с вызовом озирался вокруг, но ничто не попадалось ему на глаза. Кругом были только кусты. Они обступали тропу, словно темные призраки-недомерки, поодаль же сливались в сплошную черную массу. Темнота была жаркой и душной. И такой же вещественной, как и тишина. Лучи звезд с трудом пронизывали ее.

Наконец путешественник добрался до места, где снова начинался подъем. Здесь на глаза ему попалась небольшая рощица, казавшаяся глыбой тьмы в окружавших потемках. Человек осторожно направился в ту сторону, потом остановился. Его зрение, успевшее привыкнуть к темноте, различило между темными стволами какой-то расплывчатый силуэт, явно не принадлежавший дереву. Странник помедлил... Силуэт оставался неподвижен. Он не пробовал приблизиться, но и не бежал. Неясная угроза исходила от него; он таился, словно бы выжидая. Жутью веяло от деревьев, замерших в темноте...

Путешественник двинулся вперед, держа клинок наготове. Ближе. Еще ближе... Он изо всех сил напрягал зрение, стараясь уловить первое же угрожающее движение. Силуэт казался ему определенно человеческим, удивляла лишь полная его неподвижность. Еще несколько шагов, и все прояснилось. Перед ним действительно был человек. Мертвый. Чернокожий. Он стоял между деревьями, пронзенный множеством копий, пригвоздивших его к ближайшим стволам. Одна рука была вытянута в повелительном жесте, прямо вперед, вдоль длинной ветки, и ее удерживал кинжал, пробивший запястье. Окоченевший указательный палец торчал, как сучок. Мертвец словно бы указывал простертой рукой. Указывал назад по тропе, по которой пришел человек.

Смысл послания был совершенно ясен. Впереди ожидала смерть. Другого значения быть не могло.

Путешественник, созерцавший жуткое предупреждение, вообще-то улыбался редко. Однако тут уж он позволил себе нечастую роскошь: скривил губы в сардонической

ухмылке. Одолеть тысячи миль по суше и по морю! Пересечь океан, пройти дикие джунгли!.. И после этого они — кто бы «они» ни были — вообразили, будто он испугается и побежит назад, завидев какое-то пугало!..

Он справился с искушением отдать салют мертвецу (по зрелом размышлении этот жест показался ему не вполне пристойным и благородным) и двинулся дальше через рощицу, по-прежнему ожидая, что на него вот-вот нападут — либо сзади, либо из засады; но нападут непременно.

И опять его ожидания не сбылись. Выйдя из рощи, он увидел перед собою кочковатый подъем — первый склон, за которым должны были последовать и другие.

Человек с завидным упорством двинулся вверх и вперед. Он не стал останавливаться, чтобы поразмыслить о том, насколько удивительны были его действия с точки зрения здравого смысла. И то сказать: любой нормальный человек заночевал бы у подножия утесов, даже и не думая карабкаться по ним впотьмах. Но путешественник, о котором здесь идет речь, всего менее привык руководствоваться обыденным здравомыслием. Завидев перед собой цель, он двигался к ней кратчайшим путем, даже не думая о возможных препятствиях и уж менее всего считаясь с такой мелочью, как время суток. То, что надлежало сделать, должно было быть сделано. Точка. Если сумеркам было угодно застигнуть его на самых подступах к стране Ужаса, не закономерно ли, что в ее внутренние пределы он внедрится в самый глухой ночной час?..

Пока он шагал по усеянному валунами горному склону, взошла луна. В ее таинственном свете изломанные горы впереди стали казаться зубчатыми бастионами колдовских замков. Другое дело, путешественник редко отрывал глаза от еле видной тропы, которой по-прежнему придерживался. Он был готов ко всему: к неожиданному нападению, к новому валуну, несущемуся навстречу по склону...

Естественно, произошло то, чего он вовсе не ожидал.

Из-за громадной скалы выступил человек. Эбеновый гигант, облитый серебристым светом луны, с длинным копьем, поблескивавшим в мускулистой руке. Пышный убор из страусовых перьев казался облачком, колыхавшимся над головой. Он величественно поднял копье,

приветствуя незнакомца, и заговорил на диалекте речных племен:

— Эта земля не принадлежит белому человеку. Как называют моего белого брата в его родном краале? И зачем он пришел сюда, в Страну Черепов?

— Мое имя — Соломон Кейн, — на том же языке ответил ему белый. — Ищу же я царицу вампиров, обитающую в Негари.

— Немногие ищут ее. Еще меньше тех, кто находит. И ни один не вернулся, — прозвучали в ответ таинственные слова.

— Не проводишь ли ты меня к ней? — спросил Соломон Кейн.

— В правой руке у тебя — длинный кинжал. Но здесь нет львов.

— Змея сдвинула камень, когда я сюда поднимался. Вот я и решил, что в кустах, должно быть, полно змей...

Засим обмен двусмысленностями завершился. Губы чернокожего гиганта тронула мрачная усмешка. Воцарилась недолгая тишина.

— Твоя жизнь у меня в руках, — сказал он затем.

Кейн холодно улыбнулся в ответ:

— В моей руке — жизни многих воителей.

Взгляд чернокожего скользнул по мерцающему клинку англичанина, и в глазах его отразилась некоторая неуверенность. Но потом он пожал могучими плечами, и древко его копья опустилось к земле.

— Ты не принес с собой даров, — проговорил он. — Но если ты последуешь за мной, я отведу тебя к Ужасной, к Владычице Судеб, к Алой Госпоже — к царице Накари, правящей страною Негари!

И он отступил в сторону, жестом пропуская англичанина вперед. Но Кейн сразу подумал о коварном ударе копьем в спину и покачал головой:

— Кто я такой, чтобы идти впереди моего брата? Мы оба вожди, так пойдем же бок о бок.

В глубине души он был до крайности возмущен тем, что приходилось разводить подобную дипломатию с дикарем, но по его лицу этого нельзя было заподозрить. Чернокожий воитель отдал поклон, исполненный варварского достоинства, и они вместе зашагали вверх по тропе,

не произнося более ни слова. Краем глаза Кейн то и дело замечал воинов, выходящих из укрытий. Украдкой бросив взгляд назад, он обнаружил, что за ними следовало не менее сорока воинов, выстроенных двумя клиньями. Лунный свет играл на их лоснящихся черных телах, озарял высокие головные уборы, блестел на длинных, зловещего вида наконечниках копий.

— Мои братья похожи на леопардов, — учтиво сказал Кейн своему спутнику. — Самый зоркий глаз их не заметит, когда они таятся в кустах. Когда же они крадутся в высокой траве, самое чуткое ухо не расслышит их приближения.

Чернокожий вождь оценил комплимент и с достоинством наклонил львиную голову, отчего страусовые перья его убора тихонько зашелестели.

— Горный леопард вправду доводится нам братом, о вождь. Наша походка — как плывущий дымок, но руки наши — железо. Когда они наносят удар, льется алая кровь и умирают мужи.

Кейн уловил в его голосе едва различимую нотку угрозы. Нет, весомых оснований для подозрения у него не было, но что-то нехорошее определенно присутствовало. На всякий случай он решил помолчать, и некоторое время странный отряд двигался вперед в полной тишине, напоминая в лунном свете шествие призраков.

Тропа между тем становилась все каменистей и круче. Она петляла между скальными кряжами, огибая чудовищные валуны. Потом, совершенно неожиданно, впереди разверзся бездонный провал. Через него был перекинут каменный мост, сотворенный самой Природой. Приблизившись к входу на мост, вождь остановился.

Кейн с любопытством заглянул в пропасть. В ширину она была футов сорок, а вот глубину ему не удалось оценить даже приблизительно. Там, внизу, не иначе как на сотни футов простиралась непроглядная тьма. На другой стороне мрачно высились неприступные скалы.

— Здесь, — сказал вождь, — пролегает истинная граница царства Накари...

От Кейна не укрылось, что воины, этак ненавязчиво, все плотнее подступали к нему. Инстинктивно Соломон покрепче сжал рукоять рапиры, которую он, между про-

чим, так и не убрал в ножны. Он всей кожей ощущал повисшее в воздухе напряжение.

— Здесь, — продолжал вождь, — тому, кто не принес Накари подарка, говорят — УМРИ!!!

Последнее слово вырвалось у него жутким криком, точно заклинание, произнеся которое человек превращался в безумного маньяка. Крик еще звучал, когда могучая рука метнулась назад. Вздулись плотные узлы мышц — и длинное копье устремилось прямо в грудь Кейну!

От подобного удара мог спастись только прирожденный боец. Реакция Кейна была чисто инстинктивной и потому мгновенной. Он успел отшатнуться, и широкое лезвие лишь коснулось его ребер. Рапира вспыхнула в лунном луче, нанося ответный удар. Она поразила насмерть какого-то воина, выбравшего именно этот момент, чтобы сунуться между ним и вождем.

В следующий миг вокруг него заметался вихрь сверкающих копий. Отражая одни и уворачиваясь от других, Кейн вскочил на узенький каменный мост. Теперь они могли нападать на него только по одному.

Быть первым никому как-то не захотелось. Они сгрудились на краю пропасти, стараясь дотянуться до Соломона копьями. Стоило ему отступить, и они подавались вперед, когда же он делал выпад — черное воинство проворно откачивалось назад. Их копья были, конечно, гораздо длиннее его рапиры, но отточенное мастерство фехтовальщика, помноженное на холодную ярость атаки, до некоторой степени уравнивало силы.

Так они раскачивались взад и вперед, когда из толпы воинов вырвался черный великан и словно дикий буйвол устремился на мост, пригибаясь и низко неся копье. В глазах его тлели безумные огоньки. Кейну пришлось отскочить назад. Потом еще раз, чтобы уйти от копья и одновременно поймать момент для удара рапирой. Подавшись в сторону, он едва не потерял равновесия на краю моста; внизу его ждала вечность. Чернокожие воины торжествующе взвыли, глядя, как он старается удержаться. Гигант с копьем испустил громовой рык и ринулся на пошатнувшегося врага.

Кейн отбил удар, пустив в ход всю свою силу. Он еще не восстановил равновесия, так что это был подвиг, для

большинства фехтовальщиков непосильный. Он увидел наконечник копья, мелькнувший мимо щеки, и почувствовал, что спиной вперед валится в бездну. Отчаянное усилие, мгновенное движение руки — и он ухватился за древко копья, а в следующий миг проткнул соперника насквозь. Из раскрытого в крике красногубого рта вырвался фонтан крови. Последним усилием, умирая, чернокожий всем весом обрушился на победителя. Увернуться еще раз было уже не в человеческих силах. Враги вместе перевалились через край и, не издав ни звука, растворились во тьме, затопившей провал.

Все это произошло настолько быстро, что ошарашенные воины замерли на местах. Торжествующий рык великана еще не успел отзвучать, когда оба провалились во мрак. Постепенно оправившись, туземцы взошли на мост и склонились над бездной, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть или расслышать. Но внизу было темно, и со дна пропасти не доносилось ни звука.

Глава вторая
НАРОД КРАДУЩЕЙСЯ СМЕРТИ

Летя вниз, Кейн все-таки не потерял головы и повиновался не страху, а все тому же воинскому инстинкту. Он извернулся в воздухе, чтобы, когда полет завершится — через десяток футов или через тысячу, какая разница, — между ним и землей оказался сраженный им человек.

Они ударились о твердь неожиданно и гораздо скорее, чем ожидал англичанин. Наполовину оглушенный, какое-то время он лежал неподвижно, потом поднял голову и посмотрел вверх. Он смутно различил узкий мост, пересекавший полоску звездного неба, видимого из пропасти, и на нем силуэты воинов, посеребренные лунным светом и странно укороченные необычной перспективой. Кейн лежал неподвижно, зная, впрочем, что луна еще не проникла в скрывавшую его глубину, а стало быть, смотревшие сверху не могли его разглядеть. Все-таки он

дождался, чтобы они убрались с глаз, и только тогда начал оглядываться, оценивая свое положение. Соперник его был мертв. Пролетели же они, как выяснилось, немало: если бы не труп, смягчивший удар, быть бы мертвым и Кейну. И так он был порядком разбит и весь в синяках.

Первым делом англичанин извлек из мертвого тела рапиру, благодаря Творца за то, что она оказалась не сломана, потом начал шарить впотьмах вокруг себя. Рука его натолкнулась на какой-то уступ, за которым, похоже, зиял новый обрыв. Он-то вообразил, будто свалился на самое дно провала и жуткая глубина была только кажущейся; было, однако, больше похоже на то, что они застряли на выступе утеса, пролетев только часть пути. Кейн бросил вниз маленький камешек. Звук удара раздался спустя долгое, долгое время. И был едва слышен.

С превеликим трудом соображая, что же делать дальше, Кейн вытащил из поясного кошеля кремень и кресало, приготовил толику трута и высек огонь, который тут же опасливо прикрыл руками от постороннего глаза. Крохотное пламя озарило широкий уступ, выдававшийся из скальной стены. Располагался уступ со стороны холмов, то есть там, куда Кейн и стремился. Он обнаружил также, что упал на самый его край, и неосторожное движение вполне могло увлечь его вниз.

Скрючившись на камнях и стараясь вновь приучить глаза к кромешному мраку, Соломон Кейн внимательно приглядывался к некоей тени, черневшей на фоне стены. Когда он подобрался поближе, тень оказалась проходом, причем достаточно высоким и широким, чтобы туда, не сгибаясь, мог проникнуть человек. Пещера, решил Кейн. Внутри лаза было темно, как в могиле, и впечатление он производил более чем зловещее. Тем не менее англичанин решительно двинулся внутрь — сперва посвечивая себе тлеющим комком трута, а потом, когда трут догорел, — ощупью.

Естественно, он не имел ни малейшего понятия относительно того, куда выведет его этот проход. Да какая разница — всякое действие лучше, чем просто сидеть там и ждать, покуда горные стервятники расклюют его кости!..

Он довольно долго шел вперед, ощущая, как постепенно уводит все выше каменный пол пещеры. Местами ему приходилось карабкаться, спотыкаясь, скользя и съезжая. Пещера, похоже, попалась обширная. Время от времени Кейн вытягивал руку над головой, но коснуться потолка так и не смог. Не мог он дотянуться свободной рукой и до противоположной стены.

Наконец пол выровнялся, и Кейн чутьем ощутил, что пещера еще увеличилась в объеме. Тьма осталась прежней, зато воздух явно сделался менее спертым. Неожиданно Кейн насторожился и замер на месте: откуда-то спереди доносилось непонятное, неописуемое словами шуршание. А потом... потом, безо всякого предупреждения, что-то ударило его по лицу и принялось бешено хлестать. Тьма наполнилась шорохом множества маленьких крыльев, и Кейн улыбнулся: криво, с облегчением, весело и вместе с тем огорченно. Летучие мыши! Ну конечно же. Пещера ими буквально кишела. Другое дело, они его, как ни крути, изрядно перепугали. Шагая вперед под шорохи тысяч крыльев, отдававшихся под сводами громадной пещеры, Соломон Кейн допустил в свое пуританское сознание удивительную мысль: а не могло ли случиться так, что он, некоторым образом, забрел прямиком в преисподнюю? И эти мечущиеся существа — вправду ли это летучие мыши, или, может быть, заблудшие души, обреченные вечно носиться в непреходящей ночи?..

Что ж, сказал себе Соломон Кейн. В таком случае я, верно, скоро набреду и на самого сатану!..

...И стоило ему подумать об этом, как в ноздри ударил омерзительный, отталкивающий запах разложения. Чем далее англичанин продвигался вперед, тем сильнее делался смрад. Кейн вовсе не был любителем сквернословить по всякому поводу, но тут уж и он начал тихо ругаться. Он чувствовал, что несносная вонь означала какую-то скрытую опасность, незримое зло, столь же нечеловеческое, сколь и смертоносное. Хмурый разум пуританина вновь обратился к заключениям метафизического свойства. Впрочем, его решимости они отнюдь не поколебали. Облаченный в несокрушимую броню веры, вооруженный незыблемым сознанием правоты дела,

которое взялся отстаивать, Кейн готов был уверенно сойтись в поединке с какой угодно нечистью — хоть с духом, хоть с демоном.

И вновь его подстерегла неожиданность! Он по-прежнему ощупью продвигался вперед, когда прямо перед ним вспыхнула пара узких глаз, горевших желтым огнем. Глаза смотрели холодно и безо всякого выражения. Для человека они были слишком близко посажены. И располагались слишком высоко, чтобы принадлежать четвероногому существу. Что еще за ужас взвился из темноты у него на пути?..

Сатана! — убежденно решил Кейн, рассматривая покачивавшиеся над ним глаза. А в следующий момент он уже яростно сражался за свою жизнь, ибо мрак вдруг обрел живую плоть и толстыми слизистыми кольцами сдавил его тело. Эти кольца оплели его правую руку, сделав ее бесполезной; другая рука силилась нащупать кинжал или пистолет, пальцы соскальзывали, натыкаясь на мерзкие кольца... шипение страшилища рождало эхо в стенах пещеры, звуча леденящим гимном смерти и ужаса...

В кромешном мраке, под шепот тысяч кожистых крыл, Кейн дрался за жизнь, точно крыса, угодившая в пасть к змее-мышелову. Он почувствовал, как проминаются ребра, как становится невозможно дышать... когда его левая рука все-таки сомкнулась на рукояти кинжала.

Последовал яростный рывок всем телом, и железная крепость вздувшихся мышц позволила Кейну частично высвободить левую руку. Не медля, он до рукояти погрузил острое лезвие в чешуйчатую, змеящуюся плоть, что обвивала и сдавливала его тело. Потом еще раз и еще. Мало-помалу трепещущие кольца стали ослабевать и наконец сползли к его ногам, оставшись лежать словно витки чудовищного каната.

Хвост громадной змеи еще бился в судорогах, любой удар мог переломать кости, и Кейн поспешно шарахнулся прочь, судорожно вбирая в измученные легкие воздух. Да, сказал себе Соломон, если мой соперник и не был самим сатаной, то, уж верно, доводился ему ближайшим земным сподвижником. Оставалось лишь смиренно надеяться, что в ближайшее время его не призовут на бой с

другим таким же исчадием преисподней, таящимся здесь в темноте...

Отдышавшись, Кейн двинулся дальше. Ему начало казаться, что путешествие сквозь пещерный мрак длилось уже целую вечность, и он даже задумался, есть ли вообще у этого хода конец... когда тьму впереди прорезали неверные отблески света. Сперва Кейну показалось, что свет мерцал где-то весьма далеко. Поспешно зашагал он в ту сторону... но уже через несколько шагов, к своему изумлению, уткнулся в глухую стену.

Тогда только он разглядел, откуда шел свет: тонкий луч проникал сквозь небольшую трещину в этой стене. Ощупав ее, англичанин убедился, что она была сложена совсем из другого материала, нежели стены и пол. Его пальцы явственно ощущали тесаные каменные блоки, соединенные чем-то вроде известки. Несомненно, работа человеческих рук!

Свет исходил из отверстия между двумя блоками, где выкрошился строительный раствор. Кейн продолжал ощупывать каменную кладку, и пробудившийся интерес его не был вызван одними лишь насущными нуждами. Перед ним явно было изделие древних зодчих, чьи способности далеко превосходили все то, что можно было ожидать от жившего здесь племени дикарей.

Кейна охватил трепет восторга, хорошо знакомый первооткрывателям и ученым. Вне всякого сомнения, он был первым и единственным белым человеком, которому довелось лицезреть это диво. По крайней мере, единственным, кто увидел это и был еще жив. Ибо, когда несколько месяцев назад он высадился на удушающе влажном Западном Берегу и отправился в глубь материка, никто даже и намеком не упоминал при нем о чем-то подобном. Немногочисленные белые знатоки Африки, с которыми ему довелось беседовать, слыхом не слыхивали ни о какой Стране Черепов. Не говоря уже о демонице, ею управлявшей.

Кейн осторожно надавил на стену ладонями. Выяснилось, что минувшие века значительно ослабили древнюю кладку: стоило толкнуть посильнее, и она заметно подалась. Тогда Кейн ринулся в атаку, налегая всем телом, и его усилия были вознаграждены. Целый участок стены

рухнул с оглушительным треском. Пуританин не удержался на ногах и свалился на кучу камней, извести и мусора, оказавшись в тускло освещенном коридоре.

Он немедленно вскочил, ожидая, что грохот привлечет внимание оравы полудиких копейщиков. Однако все было тихо. Очень тихо. Коридор же, в котором стоял Кейн, был вполне подобен узкому пещерному ходу, но только проложенному руками людей. Шириной он был всего несколько футов, зато потолок уходил на непомерную высоту. На полу лежал слой пыли, доходивший Кейну до щиколоток; было похоже, что вот уже много столетий сюда не заглядывала ни одна живая душа. А что касалось света, то оставалось только гадать, сквозь какие норы и трещины он сюда проникал, ибо никаких окон и дверей путешественник не заметил. Подумав еще немного, Кейн решил, что источником света служил... сам потолок. Если приглядеться, было заметно, что он неярко, но вполне отчетливо фосфоресцировал.

Он двинулся вперед по этому странному коридору, без большого удовольствия ощущая себя этаким серым призраком, крадущимся сквозь серое царство тлена и смерти. Величайшая древность всего окружающего угнетала его, навевая невольные мысли о сиюминутной тщете и мимолетности не то что одной человеческой жизни — всего человечества. Оставалось лишь утешаться тем, что теперь-то он определенно находился не в аду, а у себя на земле: все же здесь был какой-никакой, но свет. На земле — но где именно? Об этом Кейн не мог составить сколько-нибудь путного представления. Жители джунглей и речных побережий предупреждали его, что он идет в страну чародейства и пугающих тайн. Невнятные слухи об ужасах, совершавшихся здесь, доходили до него ежедневно с того самого времени, когда он обратился спиной к Невольничьему Берегу и начал свое одинокое путешествие... Здесь могло произойти поистине все что угодно!

Время от времени его ушей касались невнятные отзвуки голосов, исходившие непосредственно из стены. Кейн поразмыслил над этим и пришел к выводу, что забрел в тайные переходы какого-то замка или, по крайней мере, большого строения. Те из туземцев, что отваживались

говорить с ним о Негари, шепотом упоминали запретный каменный город, стоявший, по их словам, высоко на черных каменных хребтах заклятых гор.

Что ж, сказал себе Кейн, очень может быть, что я и в самом деле попал именно туда, куда стремился. И стою сейчас как раз посреди тайного города Ужаса...

Остановившись, он выбрал первое попавшееся место на стене и кончиком кинжала начал отколупывать известку, расширяя щель между камнями. Спустя некоторое время опять послышался тот же таинственный шепот, только на сей раз громче, потому что работа у Кейна спорилась. Потом кончик кинжала и вовсе прошел насквозь, проделав в стене дырочку. Соломон немедленно приник к ней глазом.

Взору его предстала странная, поистине фантастическая сцена!

Пред ним был обширный покой с каменными стенами и полом. Высоко вознесенную крышу поддерживали титанические колонны, украшенные странного вида резьбой. Вдоль стен рядами стояли чернокожие воины в уборах из перьев. Двойная шеренга таких же воителей неподвижно, как статуи, стояла перед величественным троном. Трон с обеих сторон охраняли каменные драконы, и каждый превосходил размерами живого слона.

Присмотревшись, Кейн разглядел знакомые лица: перед ним были те самые воины, с которыми он бился на краю пропасти. Но на них он взглянул лишь мельком. Взгляд его неудержимо привлекал к себе громадный, пышно разукрашенный трон. Там, небрежно откинувшись на подушки, возлежала женщина, казавшаяся миниатюрной на фоне тяжеловесной роскоши, окружавшей ее. Смуглокожая женщина, молодая и красивая какой-то тигриной красотой. Из одежды на ней был только пернатый шлем, браслеты на руках и ногах да юбочка из крашеных страусовых перьев. Разметавшись роскошным, сильным телом по шелковым подушкам, она, казалось, молча созерцала свое воинство.

Кейн смотрел на нее с некоторого расстояния, но даже издали смог различить, что черты ее лица были царственными, хотя и на варварский манер; высокомерными и властными были они, но в то же время и чувственными.

И ощущалось в изгибе полных ярко-алых губ нечто, говорившее о безжалостной жестокости этой женщины. Сердце Кейна забилось чаще прежнего. Возлежавшая на троне не могла быть никем, кроме той, чьи бесчисленные преступления успели обрасти легендами. Накари Негарийская, демоническая царица города демонов, существо, чья безудержная страсть к человеческой крови заставляла содрогаться от ужаса полконтинента!

Кейна слегка удивило лишь то, что облик она имела вполне человеческий. Он ведь успел наслушаться сказаний речных племен, приписывавших ей, вероятно со страху, внешность сверхъестественную. Так что Кейн был больше готов к встрече, самое малое, с гнусным человекоподобным монстром из давно прошедшей эпохи.

Англичанин смотрел и смотрел, завороженно и вместе с тем испытывая отвращение. Нигде, даже при дворах европейских владык, не встречал он подобного великолепия. И сам чертог, и все его украшения — начиная от каменных змеев, обвивавших основания колонн, и кончая едва различимыми драконами на укрытом мглой потолке — все потрясало своими титаническими пропорциями. Пышность убранства тоже не укладывалась ни в какие привычные рамки и буквально подавляла рассудок с его жалкими мерками. Кейну даже пришло в голову, что подобный покой мог быть сотворен не людьми, а уж скорее богами, властвовавшими когда-то. Ибо в его стенах вполне уместилось бы большинство замков, виденных им в Европе!

Нет, недаром казались карликами рослые, могучие воины, заполнившие чертог. Не это племя выстроило на заре времен столь дивный и ужасный дворец!

Когда Кейн как следует осознал это, даже грозная царица Накари отчасти утратила в его глазах свою жуткую значительность. Эта женщина, вскарабкавшаяся на трон исполинов, в невообразимую роскошь чуждого мира, предстала в своем действительном виде. Капризное, испорченное дитя, затеявшее игру в притворяшки. Дитя, играющее безделицами, выброшенными взрослыми за ненадобностью. Подумав так, Кейн поневоле задался вопросом: КТО ЖЕ ТОГДА БЫЛИ ЭТИ «ВЗРОСЛЫЕ»?

Скоро, впрочем, англичанину пришлось убедиться, что заигравшееся дитя ни во что не ставило людскую жизнь.

Вот из толпы своих собратьев вышел высокий, мускулистый воин. Четырежды простерся он перед троном, после чего замер на коленях, очевидно дожидаясь позволения говорить. При виде него с царицы живо слетела маска ленивого безразличия; она выпрямилась стремительным, гибким движением, живо напомнившим Кейну прыжок самки леопарда. Губы ее шевельнулись, и Кейн напряг слух, стараясь разобрать слова. Речь показалась ему очень похожей на хорошо известный ему язык речных племен.

— Говори!

— О Велнкая и Ужасная... — стоя на коленях, начал коленопреклоненный вонтель, и Кейн признал в нем вождя стражей утесов, того самого, что первым обратился к нему на плато. — Да не иссепелят пожар твоего гнева ничтожного подданного твоей милости...

Глаза молодой женщины хищно сузились:

— Знаешь ли ты, сын шакала, зачем ты сюда вызван?

— О Пламень Красоты! Чужестранец, назвавшийся Кейном, не принес с собой никаких даров для тебя...

— Никаких даров! — слова вылетели подобно плевкам. — Да что за радость мне в этих дарах?

Вождь замялся: он наконец понял, что чужестранец по имени Кейн был почему-то небезразличен его госпоже.

— О Негарийская Газель, этот человек взобрался на скалы ночью, подобно убийце, и при нем был невиданный доселе кинжал в руку длиной. Камень, который мы сбросили, в него не попал. Тогда мы встретили его на плато и сопроводили к Небесному Мосту, где, согласно заведенному тобою обычаю, вознамерились с ним и покончить. Ибо тебе, как ты сама однажды заметила, бесконечно наскучили все эти мужчины, являющиеся со сватовством...

— Глупец! — ощерилась она. — Глупец!..

— О Царица Красоты, твой негодный раб ничего не знал. Чужой человек сражался с отвагой горного леопарда. Он убил двоих и вместе со вторым рухнул в бездну, чтобы погибнуть там, о Звезда Негари...

— Да!.. — голос царицы источал яд. — Это был первый настоящий мужчина из всех, когда-либо приходивших

в Негари. Он поистине мог бы... Встань, никчемный глупец!

Воин поднялся на ноги.

— О Несравненная Львица, но что, если этот человек пришел за...

Докончить фразу ему так и не пришлось. Он не успел даже толком выпрямиться, когда Накари сделала быстрый жест. Два воина разом покинули застывшие в молчании ряды. Два копья пронзили тело вождя, не успевшего обернуться. Булькающий поток крови вырвался у него изо рта, брызнул струей высоко вверх... и безжизненное тело рухнуло у подножия великолепного трона.

Ряды воинов даже не дрогнули. Кейн уловил только движение глаз, показавшихся ему неестественно красными, и то, как иные облизывали толстые губы. Накари, приподнявшаяся, когда ударили копья, вновь откинулась на подушки. На ее прекрасном лице было написано жестокое удовлетворение, а мерцающие глаза мрачновато блестели.

Безразличный взмах руки — и мертвое тело, ухватив за ноги, поволокли прочь. Безжизненные руки скользили по полу, чертя по широкой полосе крови, остававшейся за ним на полу. Тут Кейн различил на гладком камне и другие сходные следы, иные — вовсе затертые, иные — почти совсем свежие. Сколько же неописуемых по своей кровожадной жестокости сцен видели своими пустыми глазами каменные драконы, сторожившие трон?..

Теперь у него не было причин сомневаться в правдивости кошмарных историй, переданных ему речными племенами. Этот народ жил ужасом и насилием. Его лишило разума сознание собственной мощи. Люди превратились в лютых зверей, знающих одно: убивать! Странные искры таились в их черных зрачках, искры, способные разгораться адовым пламенем. Что там говорили жители речных берегов о горном племени, бессчетные века наводившем на них трепет своими набегами? «Они не люди. Они — подручные смерти, ходящие меж людьми, и мы поклоняемся им...»

И все-таки Кейну, замершему у щелки в стене, не давала покоя все та же навязчивая мысль. КТО построил этот дворец? И почему люди, жившие в нем, выказывали

столь явные признаки одержимости? Если он что-нибудь понимал, они никоим образом не могли быть причастны к высокой культуре, о которой свидетельствовала хотя бы резьба на каменных стенах. С другой стороны, если верить рассказам речных племен, другого народа здесь не было. Только тот, который и стоял сейчас перед ним.

...Англичанину потребовалось усилие воли, чтобы оторваться от завораживающе-жуткого зрелища. Он не мог позволить себе терять время попусту: доколе они считают его мертвым, ему легче будет обходить возможную стражу, ища то, за чем он сюда пришел. Повернувшись, он двинулся дальше по коридору. В каком направлении идти, особого значения не имело: все равно Кейну еще не явилось на ум никакого определенного плана действий. Коридор же отнюдь не блистал прямизной. Он извивался, сворачивая туда и сюда. Кейн понял, что его путь, видимо, повторял прихотливые извивы стен, и подивился про себя их циклопической толщине. Поначалу он все время ждал, что вот-вот натолкнется на какого-нибудь стражника или раба, но коридоры тянулись и тянулись вперед, и англичанин, глядя на ничем не нарушенный слой вековой пыли, уверился, что негарийцы либо не знали о системе тайных ходов, либо по какой-то причине никогда ею не пользовались.

Шагая вперед, Соломон высматривал потайные двери и наконец обнаружил одну. Со стороны коридора она была заперта ржавым засовом, вставленным в отверстие камня. Повозившись, Кейн аккуратнейшим образом сдвинул засов, и дверь, заскрипев (как показалось Кейну, ужасающе громко), отошла внутрь. Путешественник осторожно выглянул... Никого! Он переступил порог и затворил за собой дверцу. Стену в этом месте украшала фантастическая фреска; дверь встала на место, и найти ее, не зная, где именно она располагалась, сделалось невозможно. Определив, где с внешней стороны находилась потайная пружина, Кейн сделал кончиком кинжала маленькую пометку. Почем знать, не понадобится ли ему еще раз этот потайной лаз?..

Как оказалось, дверь вывела его в громаднейший зал. Потолок подпирал целый лес толстых колонн, живо напомнивших Кейну тронный чертог. Среди этих колонн он сперва показался сам себе ребенком, заплутавшим в лесной чаще. С другой стороны, вид колонн его до некоторой степени успокоил. С его-то умением скользить по джунглям подобно лесному духу, он и в этом каменном лесу сможет укрыться от преследователей, как бы внимательны и ловки они ни были.

Подумав так, он двинулся дальше, идя буквально куда глаза глядят и вслушиваясь в каждый шорох. Один раз ему послышались невнятные голоса, — Соломон мгновенно взлетел на резное основание колонны, прилип к нему, повис и висел, между тем как прямо у него под ногами неспешно проследовали две женщины. Кроме них, он никого так и не встретил.

Жутковатое и странное это было ощущение: шагать по громадному залу, казалось бы, не отмеченному никакими признаками человеческого присутствия, сознавая в то же время, что на другом конце его могут находиться целые толпы народа, укрытые от его глаз неподвижными рядами колонн!

Ему показалось, он целую вечность блуждал по этому лабиринту. Но вот впереди показалась массивная стена. Она то ли ограничивала зал, то ли разделяла его на части; Кейн пошел вдоль нее и наконец увидел проход, возле которого, как черные статуи, неподвижно стояли два копьеносца.

Потихоньку высунувшись из-за основания колонны, Кейн заметил два окна, расположенные высоко на стене, по обе стороны двери. Стену же здесь покрывала особенно замысловатая резьба, и в голове у Соломона созрел отчаянный план.

Он положил себе непременно увидеть, что же располагалось там, за дверью. Ее охраняли; значит, по ту сторону находилась либо сокровищница, либо вход в подземелье. Что-то подсказывало ему, что конечная цель его путешествия таилась именно в подземелье.

Кейн отошел в сторону, чтобы не попасться на глаза стражам, и принялся карабкаться вверх по стене. Резьба, на его счастье, была глубокой и давала достаточно опоры

рукам и ногам. Подъем оказался даже легче, чем он себе представлял. Поднявшись до высоты окон, Кейн по горизонтали двинулся вбок, в который раз чувствуя себя муравьем на отвесной стене.

Стражники, оставшиеся далеко внизу, так и не подняли голов. Кейн добрался до ближнего окна, перегнулся через край и посмотрел внутрь. Перед ним была обширная комната, полностью безлюдная, но зато обставленная с варварской чувственной роскошью. Каменного пола не было видно за шелковыми диванами и бархатными подушками, стены сплошь покрывали золототканые шпалеры. Потолок и тот был весь в золоте. Резким диссонансом выделялись многочисленные тяжеловесные изваяния из слоновой кости и железного дерева — изделия местных мастеров, вряд ли сумевших постигнуть странную культуру, оставившую им в наследство эти чертоги.

Наружная дверь была закрыта, а в противоположной стене виднелась еще одна дверь. Тоже закрытая.

Кейн спустился с подоконника, съехав вниз по краю длинной занавеси, как матросы на кораблях съезжают на палубу с мачт по канатам. Он пересек комнату, бесшумно ступая по густым пышным коврам, в которых тонула нога. Как и вся прочая обстановка, ковер показался ему ужасающе древним. Таким древним, что чуть только не распадался от старости.

У двери англичанин помедлил. Вот так прямо взять и войти в соседнюю комнату было весьма рискованным предприятием. Если, к примеру, она окажется битком набита воинами, путь к отступлению ему отрежут копейщики, стоящие у внешней двери...

Но Кейну было не привыкать даже к самому безумному риску. Он сжал в руке клинок и распахнул дверь стремительным и внезапным движением, призванным на миг ошеломить любого врага, окажись он там, за порогом. Столь же стремительно Кейн шагнул внутрь, готовый ко всему, в том числе и к немедленной гибели... и сам на секунду застыл, лишившись от изумления дара речи.

Он преодолел тысячи миль, преследуя вполне определенную ЦЕЛЬ. И вот свершилось. Его ЦЕЛЬ была прямехонько перед ним, только протянуть руку.

Глава третья

ЛИЛИТ

Посреди комнаты стояла обтянутая шелком кушетка, а на кушетке лежала юная белокожая девушка. Червонное золото ее волос рассыпалось по обнаженным плечам. Она так и взвилась при виде вошедшего, и чудесные серые глаза затопил ужас. Губы раскрылись, готовые испустить крик... но в последний момент девушка удержалась и не закричала.

— Вы!.. — ахнула она. — Но каким образом...

Соломон Кейн прикрыл за собой дверь и подошел к девушке. Улыбка появилась на его темном от загара лице.

— Значит, — сказал он, — еще не совсем позабыла меня, маленькая Мерилин?

Ужас пропал с ее лица еще прежде, чем он заговорил с ней. На смену ему появилось немыслимое изумление. Мерилин была не в силах поверить собственным глазам.

— Капитан Кейн!.. Возможно ли... я уже и надеяться перестала, что однажды кто-то придет...

Она провела узенькой ладошкой по лбу... и неожиданно пошатнулась.

Кейн легко подхватил ее на руки — Мерилин была совсем молоденькой девушкой-подростком, почти ребенком, — и бережно уложил на кушетку. Осторожно растирая ее запястья, он заговорил быстро и тихо, беспрестанно косясь на дверь (каковая была, похоже, единственным проходом, соединявшим эту комнату с внешними помещениями). Кроме того, разговаривая, Кейн по давней привычке схватывал взглядом каждую деталь обстановки. Надо сказать, убранство комнаты мало чем отличалась от того, которое он только что видел.

— Прежде всего, — начал он, — скажи мне, зорко ли тебя сторожат?

— Да, сэр, — безнадежным шепотом отвечала ему Мерилин. — Как уж вы забрались сюда, одному Богу известно, но вот выйти нам ни за что не удастся...

— Дай я тебе кое-что расскажу, — усмехнулся Кейн. — Может, ты ощутишь хоть какую-то надежду, когда услышишь о трудностях, уже оставшихся позади.

Полежи спокойно, Мерилин, а я тебе поведаю, как случилось, что я прибыл в дьявольский город Негари разыскивать английскую наследницу...

Так вышло, что я убил сэра Джона Тэферела на дуэли. Что касается повода... не суть важно, скажу лишь, что за всем этим стояли злословие, клевета и черная ложь. Умирая, сэр Джон пожелал облегчить свою совесть и сознался, что много лет назад совершил гнусное преступление. Ты ведь помнишь, конечно, как любил и лелеял тебя твой кузен, старый лорд Хильдред Тэферел, дядя сэра Джона? Так вот, сэр Джон убоялся, что старый лорд, умирая бездетным, возьмет да и завещает тебе все несметные богатства Тэферелов.

Несколько лет назад, когда ты бесследно исчезла, сэр Джон распустил слух, будто ты утонула. Но позже, отведав крепость моей рапиры, уже готовясь встретить смерть, он нашел в себе силы и признался, что похитил тебя и продал берберскому пирату. Он назвал даже имя этого кровавого грабителя, небезызвестное на английских побережьях. Тогда-то я и отправился разыскивать тебя. Далеким и долгим оказалось мое странствие, измеренное тяжкими милями и горькими годами поиска и труда...

Я начал с того, что отправился в море, выслеживая Эль Гара, берберийского корсара, чье имя, умирая, шепнул мне сэр Джон. Я сошелся с ним в реве и грохоте морского сражения, и он умер, но перед смертью открыл мне, что перепродал тебя одному купцу из Стамбула. Я отправился на Восток, и там случай свел меня с греческим моряком, которого мавры распяли на берегу за пиратство. Я снял его с креста и задал ему тот же вопрос, который задавал каждому встречному: не попадалась ли ему в его странствиях пленница-англичанка, маленькая девочка с золотыми кудряшками. И что же? Тот моряк оказался членом команды стамбульского купеческого корабля. Он рассказал мне, что на обратном пути их корабль был взят и потоплен португальским работорговцем. Вероотступник-грек и английская девочка были в числе немногих, кого вытащили из воды и взяли на борт португальского корабля.

Торговцы рабами затем отправились на юг за очередным грузом живого товара — «черного дерева», как они

называют невольников, — и на Западном Побережье Африканского континента, в маленькой бухточке, угодили в засаду. О дальнейшей твоей судьбе грек ничего не знал. В тот раз он чудом избежал всеобщей резни, спасся в море на маленькой лодочке и был подобран генуэзскими флибустьерами.

Что ж, я отправился на Западный Берег, ибо сохранялась пусть ничтожная, но вероятность, что ты все еще жива. Там я услышал от местных жителей, что несколько лет назад в заливе действительно был захвачен корабль, команда его — перерезана, а в качестве добычи взята белокожая девочка. По их словам, девочку отправили в глубь страны вместе с данью, которую приморские племена выплачивали вождям с речных верховий...

На этом, Мерилин, твой след оборвался. Месяц проходил за месяцем, а я не мог раздобыть не то что намека на твое нынешнее местонахождение — даже и простого свидетельства, что ты по-прежнему жива. Но вот однажды мне довелось услышать от жителей речных побережий о Негари, городе демонов, и о тамошней злодейке-царице, которая якобы держит в рабынях чужеземку... Вот так, маленькая моя, я и оказался здесь.

Все это Соломон Кейн рассказывал будничным тоном, очень коротко, без рисовки и художественных прикрас. Оставалось только гадать, сколько сражений на суше и на море стояло за этим немногословным повествованием. Сколько лет лишений и отчаянного, изнурительного труда, непрестанных опасностей и странствий по неведомым и зачастую враждебным краям. Какая бездна кропотливого, сводящего с ума поиска нужных сведений, каждую крупицу которых приходилось лаской и таской добывать у невежественных угрюмых пиратов и кровожадных туземцев!

— Вот так я и оказался здесь, — просто сказал Кейн, и эти слова заключали в себе целую вселенную железного мужества и отваги. Долгий, кровавый путь, багрово-черные тени, колеблющиеся в дьявольском танце, взблеск клинков, пороховой дым сражений... и драгоценные, считанные слова, истекавшие вместе с каплями крови из уст умирающих.

Соломон Кейн был более чем далек от каких-либо театральных эффектов. Он излагал свою повесть в той же самой манере, в какой, если так можно выразиться, ему довелось разыграть ее в жизни. Самые чудовищные препятствия, вставшие у него на пути, он преодолевал с точно таким же холодным упорством. И не удосуживаясь задуматься о собственном героизме.

— Видишь ли, Мерилин, — ласково проговорил Кейн, — я все это проделал и забрался бог знает куда вовсе не для того, чтобы теперь потерпеть поражение. Крепись, девочка. Мы непременно придумаем, как сбежать из этого проклятого места.

— Сэр Джон подхватил меня на седло... — медленно, словно во сне, проговорила девушка. Родной язык, на котором ей столько лет не приходилось говорить, ей самой казался странным и почти чужим. Запинаясь, рассказывала она о том, что произошло однажды вечером в Англии много лет тому назад. — Он увез меня на морской берег, где уже ждала лодка, спущенная с галеры... В ней сидели свирепые и страшные люди, смуглые, усатые, с ятаганами... Пальцы у них были сплошь унизаны перстнями... Их капитан, магометанин с ястребиным лицом, принял меня, плачущую от страха, у сэра Джона и увез к себе на галеру. И все же этот человек был по-своему добр ко мне, ведь я была тогда совсем еще ребенком. Впоследствии он продал меня турецкому купцу, и все было в точности так, как он рассказал вам, умирая. Того купца он встретил у южных берегов Франции, куда мы попали, проведя много дней в открытом море.

Мой новый хозяин не причинял мне зла, но как же я страшилась его! Я знала, как жесток был этот человек, и он сам сказал мне, что продаст меня черному мавританскому султану. Но этому не суждено было случиться: у Столпов Геракла на его корабли напали работорговцы из Кадиса, и все произошло так, как вам и рассказывали.

Главарь работорговцев догадался, что я происхожу из очень зажиточной английской семьи, и надумал получить за меня выкуп. Увы! Он погиб темной и мрачной ночью в угрюмой бухте на берегу Африки, погиб со всеми своими людьми... кроме того грека, о котором вы упоминали. А я снова попала в плен, на сей раз — к вождю дикарей.

Я страшно боялась его, полагая, что он вот-вот расправится со мной. Но он даже пальцем не тронул меня. Он отправил меня в глубь страны вместе с вооруженным отрядом, который вез добычу, взятую на разграбленном корабле. Как вы знаете, эта добыча, в том числе и я, предназначалась могущественному царьку речных племен. Но до его деревни мы так и не добрались, ибо на воинов побережья напал разбойничий отряд негарийцев и всех перерезал. Тогда-то меня и привезли сюда, в этот город. С тех пор я и живу здесь в рабстве, прислуживая царице Накари...

Как только я пережила все эти ужасы, всю эту череду битв, жестокостей и убийств, совершавшихся на моих глазах? Как не лишилась рассудка? Не знаю сама!

— Рука Провидения хранила тебя, дитя, — сказал Соломон Кейн. — Рука божья, хранящая слабых женщин и беззащитных детей. Что, как не Провидение, направляло меня к тебе, помогая преодолеть все препоны! Мыслимо ли, чтобы нам не удалось выбраться отсюда?.. Если будет на то воля божья, конечно.

— А мои родственники? — словно очнувшись ото сна и прогнав страшные воспоминания, спросила девушка. — Как там моя семья?..

— Все живы, дитя, и дом их не оскудел. Лишь скорбь по тебе отравила им минувшие годы. Только старый лорд Хильдред страдает подагрой и оттого временами так богохульствует, что я поистине опасаюсь за его душу. Но я уверен, маленькая моя, что вид твоего личика его сейчас же исцелит.

— И все-таки, капитан Кейн, — сказала девушка, — не пойму я, почему же вы пришли один.

— Твои братья с радостью отправились бы со мной, девочка, но не было никакой уверенности, что ты жива, а я не хотел, чтобы еще хоть один Тэферел умер в неведомой стране, вдали от нашей родной английской земли. Я избавил этот мир от злонравного Тэферела и решил, что я же и доставлю на его место другого Тэферела, доброго и благого. И разыщу его, вернее ее, в одиночку.

Объясняя подобным образом свои действия, Кейн и сам верил в то, что говорил. Он никогда не копался в себе, выясняя мотивы собственных поступков, а раз приняв

решение, более не испытывал колебаний и намерений своих не менял. Оттого, привыкнув действовать по первому побуждению, он свято верил, что его поступками всегда движет трезвый и холодный расчет. Соломон Кейн был сыном своего времени. Он странным образом сочетал в себе рыцаря и пуританина, причем где-то в глубине его души жил к тому же еще и античный философ, не лишенный кое-каких языческих суеверий (хотя последнее утверждение, надобно полагать, повергло бы Кейна в неописуемый ужас). Пережиток эпохи, когда мужчинами управляла нерассуждающая честь, странствующий рыцарь, облаченный в строгие одежды фанатика-пуританина, — вот что представлял собой Соломон Кейн. Людей вроде него гонит вперед духовная жажда, стремление своей рукою исправить все зло мира, защитить слабых, воздать по заслугам гонителям правды и справедливости. Непоседливый и беспокойный, как ветер, он был незыблемо постоянен в одном: в верности своим идеалам.

— Мерилин, — со всей нежностью проговорил этот человек, беря маленькие ручки девушки в свои, покрытые мозолями фехтовальщика. — Как же изменили тебя пролетевшие годы! Помнится мне, в те времена, когда в доброй старой Англии я качал тебя на коленях, ты была этакой пухленькой розовощекой малышкой, сущим ангелочком. А теперь, смотрю, ты стала совсем худенькой и бледной... хотя и прекрасной, как те нимфы, о которых я читал в языческих книжках. Я вижу в твоих глазах тень страха, дитя мое. Скажи, они плохо обращаются здесь с тобой?

Она съежилась на кушетке, и кровь стала медленно отливать от ее и без того бледных щек, пока она не побелела как смерть. Кейн, удивленный и встревоженный, склонился над ней.

— Лучше не спрашивайте, — едва слышно прошептала она. — Есть деяния настолько страшные, что лучше им так и оставаться под покровом тайны, во мраке забвения. Есть зрелища, от которых слепнут глаза видевших и разум навсегда получает отметину, выжженную в сознании, словно клеймо. Стены древних городов, забытых человеческим родом, были свидетелями такого, о чем лучше вовсе не упоминать, даже шепотом...

Мерилин в изнеможении опустила ресницы. Помрачневший, обеспокоенный взгляд Кейна невольно отметил голубые линии вен, отчетливо различимых сквозь неестественно прозрачную кожу.

— Воистину, здесь какая-то дьявольщина, — пробормотал он хмуро. — Какая-то тайна...

— О да... — шепотом откликнулась девушка. — Тайна, от которой веяло древностью еще тогда, когда Египет был юн... Безымянное зло куда старше седого Вавилона... Зло, населявшее черные города Ужаса еще на заре молодости мира...

Кейн сдвинул брови. При этих странных словах, произнесенных девушкой, он ощутил в потемках подсознания какой-то невнятный крадущийся страх. Словно бы пробудилась память поколений, дремавшая в его крови несчитанные века. Пробудилась, вызывая кошмарные видения, ускользающие, непонятные и бессвязные. Но от этого еще более страшные.

Мерилин вдруг резко вскинулась на кушетке, глаза широко распахнулись, округляясь от ужаса. Острый слух Кейна тоже уловил скрип двери, открывшейся неподалеку.

— Это Накари! — быстро зашептала девушка. — Поспешите же! Она не должна застать вас здесь! Спрячьтесь скорее... — Кейн обернулся, и она добавила: — И, умоляю вас, ни звука! Что бы ни случилось — молчите!..

Мерилин вновь опустилась на шелковые подушки и притворилась, что задремала, а Кейн стремительно пересек комнату и укрылся за длинными стенными занавесями: на его счастье, в стене обнаружилась ниша, в которой, вероятно, раньше стояла статуя.

Едва он успел спрятаться и замереть, как распахнулась единственная дверь комнаты и странная, варварского вида фигура встала на пороге.

Накари, царица Негари, пришла к своей невольнице.

На ней было то же одеяние, что и в тронном чертоге. Звеня цветными браслетами на руках и на ногах, она прикрыла за собой дверь и вошла в комнату. Двигалась же она с прирожденной гибкой грацией пантеры, и Кейн,

наблюдавший за ней из укрытия, помимо собственной воли восхитился изяществом ее движений. Однако взгляд ее дышал таким живым и магнетическим злом, злом гораздо старшим, чем цивилизация, что Кейн содрогнулся от омерзения.

«Да это сама Лилит! — сказал он себе. — Она прекрасна, но она же и ужасает, словно Чистилище. Да, это Лилит — нечистая, но ослепительная женщина из древней легенды!»

Накари остановилась подле кушетки. Какое-то время она молча, сверху вниз смотрела на пленницу, после чего с загадочной улыбкой нагнулась и встряхнула ее за плечо. Мерилин открыла глаза, приподнялась... потом соскользнула с ложа и преклонила колени перед своей дикой владычицей. Кейн, глядя на это унижение, беззвучно, но яростно выругался за своей занавеской. Царица же, рассмеявшись, присела на кушетку и жестом велела девушке подняться с колен, а потом обняла ее за талию и... усадила к себе на колени. Ошарашенный Кейн замер, наблюдая за тем, как лениво, явно забавляясь, ласкала она рабыню. Может, была тут и своего рода привязанность, но Кейну подумалось о сытой тигрице, играющей со своей жертвой. Он-то чувствовал в каждом движении Накари насмешку над беспомощной невольницей и тонкую, изысканную жестокость.

— Какая у тебя мягкая кожа, какая нежная плоть, маленькая Мара, — лениво мурлыкала Накари. — Другие мои служанки не идут с тобой ни в какое сравнение. Время близится, маленькая, грядет твоя брачная ночь. И, право же, еще не рождалось под Черными Звездами невесты прекрасней!

Мерилин задрожала так, что Кейн испугался: сейчас потеряет сознание. Глаза Накари странно поблескивали под полуопущенными веками в длинных ресницах, полные алые губы кривила тень сводящей с ума улыбки. Что бы она ни делала, во всем сквозило нечто зловещее. Кейн почувствовал, что обливается потом.

— Мара, — продолжала царица, — тебе оказана честь, которая и не снилась никакой другой девушке, а ты все чем-то недовольна. Подумай о том, как станут завидовать тебе все жительницы Негари, когда жрецы пропоют брач-

ные гимны и из-за черного парапета Башни Смерти выглянет Луна Черепов! Подумай, маленькая Невеста Повелителя, сколько девушек готово жизнь отдать за то, чтобы назвать Его женихом!

И Накари вновь рассмеялась, точно услышав хорошую шутку, — удивительно музыкальным, но в то же время и зловещим смехом. И вдруг замолчала. Ее глаза обратились в узкие щелки и пристально обежали комнату, а все тело напряглось, подбираясь по-звериному. Рука метнулась к поясу и извлекла длинный, узкий кинжал. Кейн между тем держал ее на мушке своего пистолета, и палец его лежал на спусковом крючке. Только естественное для человека его склада нежелание стрелять в женщину удерживало англичанина от того, чтобы метнуть смерть в дикарское сердце Накари: он почти не сомневался, что царица варваров вознамерилась прирезать Мерилин.

Но та неуловимым кошачьим движением спихнула рабыню с колен и прыжком отлетела назад к двери, не спуская горящего взора с занавеси, за которой стоял Кейн. Неужели, подумалось ему, эти глаза пантеры сумели его высмотреть?.. Вскоре все прояснилось.

— Кто здесь? — крикнула она в ярости. — Кто прячется там, за шпалерой? Выходи! Я не вижу и не слышу тебя, но я знаю: здесь кто-то есть!

Кейн молчал и не двигался. Итак, звериный инстинкт сообщил Накари о его присутствии в комнате. Как поступить?.. Он решил не спешить и сперва посмотреть, что предпримет царица.

— Мара! — голос Накари прозвучал как удар хлыста. — Кто там, за занавесью? Живо отвечай, пока я снова не приказала тебя выпороть!

Но несчастная девушка, казалось, утратила дар речи. Она только сжалась в комок на полу, чудесные глаза наполнились ужасом. Но она не произнесла ни слова. Горящий взор Накари был по-прежнему устремлен в ту же точку. Свободной рукой она пошарила позади себя и ухватила шнур, свисавший со стены. Злобный рывок, и занавеси разошлись на две стороны. Тайное сделалось явным. Кейн стоял в своей нише, и больше его ничто не скрывало.

Несколько мгновений длилась эта немая сцена. Изможденный, жилистый путешественник в заляпанной кровью, изодранной о камни одежде, с длинным пистолетом, сжатым в правой руке. Царица дикарей в варварски великолепном наряде, замершая у противоположной стены, одной рукой еще держа шнур, другой — смертоносный кинжал. И между ними — пленница, скорчившаяся на полу.

Кейн первым нарушил молчание, сказав:

— Не поднимай шума, Накари, не то умрешь.

У царицы, ошеломленной непредвиденным зрелищем, казалось, временно отнялся язык. Кейн покинул нишу и, неторопливо ступая, пошел к ней.

— Ты!.. — прошипела она, обретя наконец голос. — Ты, должно быть, тот самый человек, о котором рассказали мне стражи. Тем более что больше белых людей в Негари и нет. Но ведь ты, по их словам, упал вниз и разбился! Каким образом...

— Тихо! — резкий приказ Кейна прервал ее невнятные излияния. Он знал, что Накари никогда не видела пистолета и не знает, что это такое, зато отлично чувствует смертоносную угрозу, исходящую от длинного клинка в его левой руке. — Мерилин, — продолжал он, по инерции продолжая пользоваться диалектом речных племен, — возьми-ка шнуры от занавесей да свяжи эту...

Он был уже на середине комнаты. С лица Накари тем временем сошло первоначальное беспомощное изумление, горящие глаза замерцали обычным коварством. Она выпустила из ладони кинжал и уронила его на пол, словно бы признавая свое поражение... но потом вдруг стремительно вскинула руки и схватила еще какой-то шнур на стене. Кейн услышал отчаянный крик Мерилин, но не успел не то что спустить курок — даже и сообразить, что происходит. Пол вдруг ушел у него из-под ног, и он полетел вниз, в бездонную темноту. Глубина, впрочем, оказалась невелика, и Соломон благополучно приземлился на ноги. Силой толчка его бросило на колени, он ощутил чье-то присутствие подле себя в темноте... И в это время на его голову обрушился страшный удар, и непроглядный мрак беспамятства окутал его.

Глава четвертая
МЕЧТА ОБ ИМПЕРИИ

...Кейн медленно всплывал из темных глубин, в которые погрузила его дубинка неведомого злоумышленника. Что-то мешало ему свободно двигать руками; он попытался поднять их к голове, раскалывавшейся от пульсирующей боли, и услышал металлический лязг.

Он лежал в кромешной темноте, но не мог определить, была ли она вызвана отсутствием света или, может быть, последствиями сокрушительного удара. С грехом пополам он заставил повиноваться осязание и слух и выяснил, что лежит на каменном полу, холодном и влажном, и что на руках и на ногах у него железные цепи, грубо выкованные и покрытые ржавчиной.

Он не мог составить себе никакого представления о времени. Тишину нарушали лишь болезненные толчки крови в висках да шуршащая беготня и писк крыс. Но вот во тьме зародилось красноватое сияние. Оно росло, приближаясь, и наконец превратилось в факельное пламя. Рыжие отсветы огня заиграли на смуглом лице Накари, кривившемся в язвительной и жестокой улыбке. Кейн тряхнул головой, стараясь развеять наваждение. Но наваждение развеиваться не пожелало. Царица, с факелом в руках, стояла перед ним во плоти.

Теперь, когда свет дал ему возможность оглядеться, он увидел, что лежит в маленькой и донельзя сырой камере. Потолок, стены и пол в ней были каменными. Тяжелые цепи, удерживавшие его руки и ноги, были примкнуты к металлическим кольцам, надежно вделанным в стену. Единственная дверь была, судя по всему, отлита из бронзы.

Накари вставила факел в нишу возле двери и, подойдя, остановилась над пленником. Она принялась разглядывать его, но не то чтобы с насмешкой, а скорее что-то обдумывая.

— Значит, ты тот, кто сражался с моими воинами на утесах. — Это было утверждение, а не вопрос. — Они сказали, что ты упал в пропасть. Неужели они солгали мне? Чем ты подкупил их, чтобы заставить пойти на ложь? А если они сказали правду, то каким образом ты уцелел? Быть может, ты волшебник и сумел невредимо

слететь на дно провала, а потом опять же по воздуху проникнуть ко мне во дворец? Отвечай!

Кейн не проронил ни звука, и Накари выругалась.

— Отвечай, не то я прикажу выколоть тебе глаза! Тебе отрубят пальцы и поднесут к пяткам огонь...

И она с размаху пнула его ногой. Кейн по-прежнему лежал неподвижно и молча, лишь мрачные, глубокие глаза сверлили ее лицо. Постепенно ее взгляд утратил звериный блеск, и на смену ему явилось недоумение, смешанное со жгучим любопытством.

Усевшись на каменную скамью, Накари поставила локти на колени и опустила на руки подбородок.

— Я никогда раньше не видела белых мужчин, — проговорила она. — Все ли они такие, как ты? Ха, навряд ли!.. Большинство мужчин — непроходимые дурни, как черные, так, наверное, и белые. Речные племена считают белых людей богами, но я утверждаю: они такие же люди, как мы. Да, это говорю я, знающая все древние таинства!.. Но мне известно и то, что у белых людей тоже есть свои странности и свои тайны. Мне рассказывали об этом речные бродяги. И Мара. У них, например, есть боевые жезлы, производящие звук, подобный грому, и убивающие на расстоянии. Та штука, которую ты держал в правой руке... был ли это один из ваших магических жезлов?

Кейн позволил себе мрачную улыбку:

— Накари, знающая все древние таинства... Могу ли я надеяться сообщить тебе нечто неведомое твоей премудрости?

— Какие у тебя глаза, — не обратив никакого внимания на его язвительные слова, продолжала царица. — Странные... глубокие и холодные! И облик, и осанка... да, держишься ты поистине царственно. И ты меня не боишься. Все мужчины, которых я прежде встречала, либо были влюблены в меня, либо боялись. Ты никогда не испытаешь передо мной страха. Но и не влюбишься. Смотри же на меня, смотри пристальнее, смельчак! Или я не прекрасна?

— Ты прекрасна, — согласился Кейн.

Накари улыбнулась, но тут же нахмурилась:

— Ты произнес это не так, как положено произносить похвалу. Ты ненавидишь меня, правда ведь?

Кейн ответствовал со всей откровенностью:

— Ненавижу, как только человек может ненавидеть змею.

В глазах Накари запылала ярость сродни сумасшествию. Она так сжала кулаки, что длинные ногти впились в ладони. Но вспышка гнева угасла столь же быстро, сколь и разгорелась.

— И смелость у тебя царская, — спокойно сказала она. — Иначе ты ползал бы передо мною на брюхе. Скажи, ты, наверное, правитель своей страны?

Соломон ответил:

— Я всего лишь безземельный бродяга.

— А можешь, — медленно выговорила Накари, — стать властелином здесь, в этой стране...

Кейн угрюмо расхохотался:

— Ты что, предлагаешь мне жизнь?..

— И не только!

Глаза англичанина сузились, — царица склонилась над ним, дрожа всем телом от сдерживаемого возбуждения:

— Скажи, Кейн, чего бы ты хотел больше всего на свете?

— Уйти отсюда и забрать с собой белую девушку, которую ты зовешь Марой.

Накари резко отшатнулась, издав нетерпеливое восклицание.

— Ее ты не получишь, — сказала она. — Мара — нареченная невеста Повелителя. Я и то не смогла бы ее спасти... даже если бы захотела. Так что лучше забудь о ней. О, я помогу тебе забыть о ней! Слушай, слушай же речи Накари, царицы Негарийской! Ты говоришь, что безземелен, но я сделаю тебя царем! Весь мир станет твоей игрушкой, лишь пожелай!.. Нет, нет, молчи и выслушай, не перебивая! — заторопилась она, желая высказать ему сразу все. Слова ринулись наружу не всегда внятным потоком. Глаза ее сверкали, ей не сиделось на месте. — Я много беседовала с путешественниками, пленниками и рабами, привезенными из чужедальних земель. Я знаю, что кроме этой страны горных хребтов, джунглей и рек есть на свете и иные края. Есть дивные города и народы, живущие далеко-далеко. А также цари и царицы, которых следует завоевать и втоптать в прах.

Близок закат Негари, мощь ее близится к упадку, но сильный мужчина, вставший рядом с царицей, еще мог бы

раздуть гаснущие угли и вернуть прежнюю славу. Слушай же, Кейн! Воссядь подле меня на троне Негари! Сделай так, чтобы из твоей страны, лежащей на другом конце света, привезли громовые жезлы, и мы вооружим ими мое воинство. Ибо мой народ все еще повелевает срединными землями Африки. Вместе мы сумеем объединить покоренные племена и вернуть время, когда древняя держава Негари простиралась от океана до океана! Мы подчиним себе все племена речных и морских побережий, а потом и саванн. Но мы не будем уничтожать их, о нет! Из них мы составим одно могучее войско! И вот, когда вся Африка окажется у нас под пятой, мы рванемся во внешний мир, словно голодный лев, который терзает, рвет и заглатывает добычу!

Соломон ощутил, как поколебался его разум. Возможно, во всем была виновата магия личности этой грозной и таинственной женщины, та яростная, огнедышащая сила, которая звучала в каждом ее слове... Так или иначе, но был миг, когда весь этот безумный, невероятный план показался ему совсем не таким уж безумным и невероятным. Калейдоскоп фантастических видений промелькнул в сознании пуританина. Европа, раздираемая гражданскими и религиозными войнами. Европа, расколотая на враждующие лагеря, направо и налево продаваемая своими вождями, Европа, кажется, готовая рухнуть в обломках... Как бы она действительно не пала легкой добычей какой-нибудь новой, дикой, полной необузданных сил расы завоевателей... Да и какой мужчина может похвастаться, что где-то в дальнем уголке его души не дремлет под спудом жажда завоеваний и власти?..

...И был миг, когда Враг рода человеческого подверг Соломона Кейна жестокому искушению. Но перед мысленным оком пуританина сейчас же всплыло печальное, полное тоски личико Мерилин Тэферел, и Соломон с чувством выругался:

— Прочь отсюда, дочь сатаны! Изыди!.. Я что тебе, зверь лесной, чтобы вести твоих черных дьяволов против моего собственного народа? Да что там, даже и зверь на такое никогда не пойдет! Изыди, говорю тебе! Хочешь моей дружбы, так освободи меня и отпусти со мной бедную девочку...

Накари взвилась на ноги, точно дикая кошка. В глазах ее пылала животная ярость. Выхватив кинжал, она занесла его над сердцем Соломона Кейна, издавая кошачий вопль ненависти... Какое-то время кинжал трепетал над ним, готовый вонзиться... Но потом Накари опустила руку и засмеялась.

— Освободить?.. О, она обретет свободу, когда Луна Черепов, скалясь в улыбке, склонится над Черным Алтарем. Что же до тебя — ты сгниешь здесь, в этом подвале. Ты безмозглый глупец, Кейн! Величайшая царица Африки посулила тебе свою любовь и предложила править вместе с нею всем миром, но ты ее оттолкнул, осыпав оскорбительной бранью! Уж не влюблен ли ты в маленькую рабыню, а? Так знай же: до прихода Луны Черепов она по-прежнему принадлежит мне. И вот что я тебе скажу, чтобы ты не скучал тут в одиночестве. Я стану наказывать ее так, как наказывала и прежде! Я подвешивала ее за руки нагую и хлестала кнутом, пока она не лишалась сознания!

Кейн яростно рванулся в кандалах, и Накари расхохоталась, глядя на его муки. Подойдя к двери, она отворила ее и собралась уходить, но на самом пороге помедлила и добавила, обернувшись:

— Да, мой смельчак, место здесь мерзкое. Можешь ненавидеть меня еще сильнее за то, что я тебя сюда водворила. Быть может, оказавшись в прекрасном тронном чертоге Накари и узрев его роскошь и великолепие, ты переменишь свое мнение и о его хозяйке. Весьма скоро я пришлю за тобой, но до тех пор побудь здесь и поразмысли. Помни! Полюбишь Накари — и весь мир станет твоей державой; отринешь ее — и до конца дней своих не увидишь ничего, кроме этих стен!

Мрачно лязгнула, закрываясь за нею, тяжелая бронзовая дверь. Но куда больнее ранил слух плененного англичанина серебристый, полный яда смех удалявшейся Накари.

Время в глухом подземелье тянулось мучительно медленно. Кейну показалось, что прошли целые годы, прежде чем раскрылась дверь и появился здоровенный воин, принесший еду и жиденькое вино. Кейн с жадностью набросился на пищу, а потом заснул. Труды последних дней

совсем измотали его, как физически, так и духовно. Сон его был глубок, проснувшись же, он почувствовал себя вполне отдохнувшим и свежим.

Вновь отворилась дверь, и вошли двое громадных воинов-дикарей. Они принесли с собой факелы, и при свете их Кейн разглядел, что воины были сущими великанами, облаченными в набедренные повязки и головные уборы из страусовых перьев. Каждый держал в руке боевое копье.

— Накари велит привести тебя к ней, белый человек, — вот и все, что они сказали ему, снимая оковы. Он поднялся на ноги, наслаждаясь пусть краткой, но все же свободой. Острый ум его уже вовсю трудился, изобретая планы спасения.

По-видимому, слухи о его боевом искусстве успели распространиться, ибо воины, обращаясь с ним, бдительности не теряли. Они жестом предложили ему идти впереди, а сами настороженно двинулись сзади, и он ощущал спиной отточенные острия их копий. Их было двое против него одного, притом безоружного, но рисковать они не желали. А во взглядах, которые они на него бросали, мешались благоговение и подозрительность.

Они долго шли по нескончаемому темному коридору, причем стражи указывали ему направление, легонько покалывая копьями. Достигнув винтовой лестницы, они поднялись по ступенькам, вновь прошли по коридору, преодолели еще одну лестницу... и вышли в тот самый заставленный колоссальными колоннами зал, в который первоначально и попал Кейн, когда только выбрался из тайного хода. Воины повели Соломона через зал, держась недалеко от стены, и тут-то на глаза ему попалась странная, фантастическая фреска. Та самая! Кейн сразу узнал ее, и сердце заколотилось у горла. До нее еще оставалось какое-то расстояние, и Кейн начал дюйм за дюймом забирать в ту сторону, пока и он, и стражники не оказались у самой стены. Поравнявшись с фреской, Кейн нашел глазами пометку, сделанную острием кинжала...

Невозможно передать изумление стражей, когда их пленник вдруг ахнул, словно человек, которого ударили

в сердце копьем. Пошатнувшись, он зашарил в воздухе в поисках опоры...

С сомнением переглянувшись, они разом кольнули его копьями, но Кейн вскрикнул, подобно умирающему, и сполз на пол, оставшись лежать в странной, неестественной позе, подвернув под себя одну ногу и кое-как опираясь на руку.

Воины уставились на него с очевидным испугом. Судя по всему, он умирал, но никакой раны на нем не было видно. Они угрожающе замахнулись копьями... он даже не пошевелился. Тогда они опустили свое оружие, и один из них нагнулся над ним.

Вот тогда-то все и случилось. Стоило воину наклониться, и Кейн взвился навстречу, словно внезапно спущенная стальная пружина. Его правый кулак взлетел от бедра, со свистом описав полукруг, и с треском врезался воину в челюсть. Удар, в который была вложена вся сила руки и плеча, весь рывок мускулистого тела и крепких ног, оказался сокрушительным. Стражник бесформенной кучей обрушился на пол, потеряв сознание еще прежде, чем у него подогнулись колени.

Второй с ревом ринулся вперед, нацеливая копье. Но еще в то время, как первая жертва Кейна падала на пол, англичанин успел шарахнуться в сторону. Его судорожно вытянутая рука нашарила потайную пружину и надавила.

Дальнейшее произошло в доли секунды. Как ни быстр был дикарь, Кейн оказался проворней. В движениях его была стремительность изголодавшегося волка. Падающее тело на мгновение задержало его противника, и тут Кейн почувствовал, как подалась тайная дверь. Он успел заметить боковым зрением стальной отблеск длинного наконечника, летевшего ему в грудь. Он извернулся всем телом и навалился на дверь, исчезнув на глазах у изумленного стража, чье копье лишь разорвало кожу на его плече.

С точки зрения воина, замахнувшегося для второго удара, все это выглядело так, словно пленник попросту просочился сквозь толстую каменную стену. Перед ним не было ничего, кроме фантастической фрески. Которая, естественно, и не подумала расступаться перед ним, как перед Кейном.

Глава пятая

"ВОТ УЖЕ ЦЕЛУЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ..."

Захлопнув за собой тайную дверь, Кейн поспешно задвинул засов и, прижимаясь к двери, замер, напрягая все мышцы и готовясь удерживать ее, противостоя целому отряду копейщиков... Но его опасения не сбылись. Он слышал, как возился снаружи уцелевший охранник, пытавшийся что-то предпринять; потом и этот звук прекратился. Неужели возможно, не в первый раз сказал себе Кейн, чтобы эти люди столько времени прожили в своем замке, не имея никакого понятия о скрытых дверях и системе тайных ходов?.. Однако именно такой вывод напрашивался сам собой...

Решив наконец, что в ближайшее время погоня ему навряд ли грозила, Кейн отвернулся от двери и пошел по коридору, вернувшись таким образом в уже знакомое ему царство тысячелетней пыли и мутного серовато-го света. Итак, он благополучно избавился от кандалов, в которые заковала его Накари, но сердце его переполняли ярость и сознание неудачи. Сколько времени пробыл он во дворце? Ему казалось — века. И, похоже, во внешнем мире был день. С тех пор как он вместе со стражниками покинул мрачные подземелья, ему не попалось ни одного факела. И тем не менее снаружи в залах было светло.

Потом он задумался о том, что Накари, может быть, действительно сорвала злобу на беззащитной девчушке, и с остервенением выругался. Ну и что с того, что на данный момент он был свободен. Он был безоружен, и его гоняли, как крысу, по этому богом проклятому дворцу. Что, спрашивается, мог он сделать для себя или для Мерилин?.. И все-таки уверенность Соломона Кейна оставалась незыблемой. Он стоял за правое дело. А значит, уж какая-нибудь возможность ему да предоставится.

Завидев впереди узкую лесенку, ответвлявшуюся от главного коридора, он устремился по ней и поднимался все выше и выше, радуясь усилению света, пока наконец впереди во всей своей славе не засияло африканское солнце. Лестница оканчивалась маленькой площадкой, снаб-

женной крохотным, надежно зарешеченным окошком. Сквозь окошко виднелась небесная лазурь, щедро позолоченная солнечным светом. Небо и прохладный ветер опьянили Кейна, словно вино; он всей грудью вбирал свежий, ничем не осквернённый воздух, словно желая очистить свои легкие от пыли веков и загнивающей роскоши, среди которой ему довелось побывать.

Перед ним расстилался удивительный, непривычный вид. Сколько было видно влево и вправо, повсюду вздымались громадные черные кряжи, а у их подножия теснились дворцы и каменные замки, поражавшие своей нечеловеческой архитектурой. Впечатление было такое, как если бы гиганты, явившиеся с иной планеты, породили эти арки и башни на хмельном и безумном пиру творения. Все здания, впрочем, льнули к утесам, окружавшим долину, и Кейн понял, что и дворец Накари был встроен в скальную стену, высившуюся позади. А сам он находился в своего рода минарете, возвышавшемся на внешней стене. Увы, здесь было лишь одно окошко, и всей панорамы обозреть не удалось.

Далеко внизу на извилистых и узких улицах странного города кишели толпы людей, казавшихся сверху черными муравьями. Еще Кейн видел, что почти повсюду — на востоке, на севере и на юге — громоздились скалы, образуя естественные бастионы; лишь на западе виднелась рукотворная стена.

Солнце уже клонилось к закату. Кейн с сожалением оторвался от окошка и устремился обратно вниз по ступенькам.

...И вновь он шагал угрюмыми серыми коридорами, без цели, без какого-либо плана дальнейших действий. Сколько он так прошел? Не иначе, мили и мили. При этом он спускался все ниже, — проходы, похоже, располагались один над другим. Свет постепенно меркнул, на стенах начала появляться черная слизь. Здесь Кейн остановился, привлеченный едва различимым звуком из-за стены. Что такое? Это было слабое, далекое звяканье. И лязгать так могли только цепи.

Кейн прильнул вплотную к стене, и в полутьме его рука нащупала заржавленную пружину. Он осторожно повозился с ней и вскоре почувствовал, как отходит внутрь

потайная дверь, о присутствии которой он догадался, заметив пружину. Кейн просунул голову за порог...

Перед ним была тюремная камера — родная сестра той, в которой он сам только что был заключен. В стенной нише дымно тлел факел, и в его неверном, мерцающем свете Кейн разглядел на полу человека, прикованного за руки и за ноги наподобие того, как недавно был прикован он сам.

Соломон решил было, что напоролся на туземца, тем более что мужчина был темнокож; но нет, у незнакомца было точеное, с тонкими чертами лицо, непреклонные, полные жизни глаза, высокий, поистине величественный лоб и прямые темные волосы.

Человек заговорил первым, заговорил на неведомом Кейну языке, звучавшем удивительно мелодично и чисто, в отличие от гортанного говора известных англичанину племен. Англичанин попробовал ответить ему по-английски; потом употребил язык речных племен. И незнакомец наконец его понял.

— Ты, вошедший в древнюю дверь, — проговорил он на том же наречии. — Кто ты? Ты не дикарь, и я посчитал было тебя за одного из Древних, но теперь вижу, что ты не из их числа. Откуда ты родом?

— Меня зовут Соломон Кейн, и я такой же, как ты, пленник этого сатанинского города, — ответил ему пуританин. — Пришел же я издалека, из-за соленого синего моря.

При этом последнем слове глаза прикованного заблестели.

— Море!.. Древнее, вечное море!.. Море, которого я никогда не видал и которое качало славную колыбель моих предков! Скорее скажи мне, о незнакомец, пересек ли ты, как они, сверкающую грудь голубого чудовища, ласкали ли твой взор золотые шпили Атлантиды и малиновые стены Му?

— По совести говоря, — неуверенно проговорил Кейн, — я куда только не плавал, даже в Индостан и Китай. Но о странах, которые ты мне назвал, не имею, увы, никакого понятия.

— Ах, мечты!.. — вздохнул его собеседник. — Бесплотные мечты! Тень великой ночи уже окутывает и сму-

щает мой разум. Знай, незнакомец, бывало, что эти холодные стены и пол растворялись передо мной, становясь зелеными, колышущимися пучинами, и глубинный гул вечного моря наполнял мою душу. Это я-то, никогда не видевший моря!

Кейн внутренне содрогнулся. Уж верно, бедняга тронулся умом. Но тот вдруг поднял когтистую, истощенную руку и крепко, несмотря на мешающую цепь, ухватил его за плечо.

— О ты, чья кожа так странно бледна! Видел ли ты Накари, проклятую демоницу, правящую этим рассыпающимся городом?

— Видел, — мрачно отозвался Кейн. — И теперь, точно загнанная крыса, удираю от ее головорезов.

— Ага! Так ты тоже ненавидишь ее! — вскричал узник. — Я знаю, знаю! Уж не желаешь ли ты освободить Мару, ту маленькую белокожую рабыню?

— Да, — сказал Кейн.

— Слушай же, — с непонятной торжественностью начал закованный. — Я умираю. Дыба, на которую вздергивала меня Накари, сделала свое дело. Я умираю, и вместе со мною уходит тень славы, сопутствовавшей моему народу. Ибо я — последний. Во всем мире нет другого подобного мне. Слушай же, слушай последний живой голос расы, которой больше не будет...

И Соломон Кейн, стоя на коленях в неверной полутьме подземного застенка, внимал самой невероятной повести из всех касавшихся когда-либо человеческого уха, и повесть эта, произносимая едва ли не в предсмертном бреду, рассказывала об эпохах туманного рассвета рода людского. Речь умирающего оставалась ясной и четкой, и Кейна бросало то в жар, то в холод при мысли о безднах времени и пространства, которые приоткрывались ему.

— Много веков тому назад — да, тьмы столетий промелькнули с тех пор! — мой народ гордо и безраздельно владычествовал над морем. Так давно это было, что ни у одного из нынешних людей не найдется даже отдаленного предка, который помнил бы те времена. Далеко на западе лежала дивная страна, и могучие города служили ей украшением. Золотые шпили мерцали меж звезд, пурпурногрудые галеры бороздили волны морские по всему миру,

ища сокровищ и на пламенеющем западе, и на огнецветном востоке.

Поступь наших легионов звучала на севере и на юге, на западе и на востоке. Никто не мог устоять перед их натиском. Стены наших городов опоясали мир; наши колонии множились по всем странам и континентам, приводя к покорности всевозможных дикарей, туземцев самого разного цвета кожи, и всех обращая в рабство. Они трудились на нас в рудных копях и на веслах галер. Так властвовал миром народ блещущей Атлантиды. Мы были Морским Народом, и океанские глубины от века привлекали наш взор. Нам были подвластны все таинства, все секреты моря и неба. Мы читали звездную книгу небес и постигали ее премудрость. Но мы оставались детьми Океана, и он был первым среди богов, которых мы чтили.

Мы воздавали почести также Валке и Хоту, Хонану и Голгору. Множество юных девственниц, множество крепких телом юношей умерло на их алтарях, и бывало так, что дым множества жертвенников затмевал даже солнце... Но настал день, когда Океан пробудился и грозно встряхнул седой пенистой гривой. Гром раздался из его бездонных глубин, и троны царей земли рухнули пред его гневом. Со дна морского поднялась новая суша, Атлантиду же и континент Му поглотил потоп. Зеленые морские волны с ревом ворвались в залы дворцов и храмов, и золотые купола топазовых башен обросли скользкими водорослями. Империя атлантов исчезла с лика земли и из памяти человечества, сокрывшись во мраке забвения. Постепенно вымерли и колонии, утратившие свою столицу. Порабощенные варвары поднялись против них и разрушали и жгли до тех пор, пока в целом мире не остался единственный город, последнее напоминание о былом величии и былой славе. Это была колония Негари.

Здесь, в Негари, все еще по-царски властвовали мои предки, а пращуры Накари — о, эта хищная кошка! — рабски ползали перед ними на коленях. Но минули годы, пронеслись века... Империя Негари испытала упадок. Племя за племенем отпадало от нее, сбрасывая узы рабства, отодвигая наши границы все дальше и дальше от моря, пока наконец сыны Атлантиды не отступили на конечный рубеж и не затворились в самом городе, по-

следнем прибежище своей расы. Былые завоеватели, ныне превратившиеся в осажденных, они тем не менее целую тысячу лет сдерживали натиск свирепых племен. Негари оставалась неприступной извне, ибо крепки и нерушимы были ее стены; внутри, однако, распространялся погибельный тлен.

Дело в том, что атланты впустили внутрь городских стен своих рабов. Городом правили воители, ученые, художники и жрецы; ручной работой они себя не утруждали. В этом отношении они зависели от невольничьего труда. И рабы постепенно размножились так, что с ними трудно стало справляться. Ибо в то время, пока возрастало их число, сынов Атлантиды становилось все меньше.

Кроме того, кровь рабов и хозяев начала смешиваться, что привело к вырождению расы атлантов. В конце концов чистоту происхождения сохранило лишь жречество, не осквернившее себя ни малейшей примесью. Зато на троне стали появляться властители, в жилах которых уже весьма мало было крови атлантов, и они впускали внутрь города все больше и больше воинственных дикарей, таившихся под личинами слуг, наемников и просто добрых знакомых.

Удивительно ли, что пробил час, когда разразилось всеобщее восстание и кровожадные варвары перебили всех, в ком хоть сколько-то чувствовалось атлантское происхождение. Они пощадили только жрецов и их семьи. Дикари называли их «людьми идолов» и предпочли взять в плен. И в последующую тысячу лет в Негари правили вожди племен, но пленные жрецы направляли их и руководили ими, ибо даже и в плену они оставались господами своих господ...

Соломон Кейн завороженно слушал его. Обладая живым воображением, он почти наяву видел все, о чем рассказывал ему узник. Странный огонь, полыхавший в ином времени и пространстве, озарял видения, вереницей проносившиеся перед ним...

— После того как все потомки атлантов, кроме жрецов, были преданы смерти, на осквернённый трон древней Негари воссел великий владыка. О, это был человек тигриных кровей, а воины его уподобляли себя леопардам. Они называли свое племя «негари», отняв таким образом у своих прежних хозяев самое их имя, и перед

их воинственностью никто не мог устоять. Огненной волной прокатились они от моря до моря, и дым пожаров, учиненных ими, гасил в небе звезды. Великая река текла кровью, когда новые владыки Негари шагали по телам своих племенных недругов... Но со смертью великого короля новая империя распалась, рухнув, как рухнуло в свое время и атлантское царство Негари.

Эти люди были искусными воинами. Атланты, их былые хозяева, ушедшие в небытие, обучили их военным наукам, и против диких племен они были непобедимы. Но кроме войны, иных познаний они не восприняли, и империю беспрестанно раздирала междоусобная резня. Интриги и убийства багровыми призраками носились и по дворцам, и по улицам, достигая самых отдаленных границ. И границы эти все сужались. И все это время на троне сменяли друг дружку цари, чей разум сжигало кровавое пламя безумия. И, незримые, но оттого навевающие еще больший страх, продолжали тайно править народом жрецы Атлантиды. Только они и удерживали нацию от окончательного распада.

Да, мы оставались пленниками этого города, ибо на всей земле нам больше некуда было идти. Словно призраки, пробирались мы тайными коридорами внутри стен и под землей, следя за ходом интриг и творя незаметное колдовство. Мы поддерживали царственный род — потомков того самого вождя, подобного тигру, — во всех заговорах. Сколько ужасающе мрачных историй могли бы поведать эти самые стены, если бы вдруг обрели голос!..

Знай же, что здешние дикари непохожи на окрестные племена. У каждого из них в мозгу, тлея, дремлет искра безумия. Они так долго и так ненасытно упивались кровавыми победами, что превратились в племя двуногих леопардов, жаждущих крови. К их услугам всегда были мириады несчастных рабов, утолявших все мыслимые прихоти и сумасшедшие желания своих хозяев, пока эти кровожадные звери не перешли все пределы мерзости и разврата. Само существо их непрестанно требует все новой остроты ощущений и порождает жгучую жажду крови.

Словно львы в логове, целую тысячу лет таились они среди здешних хребтов, время от времени совершая умо-

помрачительные по жестокости набеги, истребляя и порабощая племена джунглей и рек. Они по-прежнему не опасались вторжений извне, хотя границы их владений и сузились до самой черты городских стен, а завоевания и нашествия, которым они предавались когда-то, выродились в обычный разбой.

Так постепенно мельчали эти варвары, но вместе с ними угасали и их тайные властелины, последние жрецы Атлантиды. Один за другим умирали они, пока не остался лишь я. В последние сто лет они также начали смешиваться со своими рабами-правителями, и — увы мне! — я, последний потомок атлантов, также несу в своих жилах примесь дикарских кровей. Все, все они умерли! Остался жить один я, и я творил волшебство и направлял руку диких царей, я, последний жрец Негари. И вот появилась эта демоница в облике женщины — Накари...

Кейн с заново вспыхнувшим интересом наклонился к нему поближе. Наконец-то удивительная история, протянувшаяся из глубины веков, добралась до современности и заиграла всеми красками жизни.

— Накари!.. — умирающий по-змеиному прошипел ненавистное имя. — Рабыня и дочь рабов!.. И такое-то ничтожное существо схватило удачу за хвост, когда вымер весь правящий дом и пробил благоприятный для нее час!

Она пленила меня, последнего из сынов Атлантиды, она заковала меня в цепи и бросила в эту темницу. В ней не было страха перед невидимыми жрецами-атлантами, ибо она сама была дочерью младшего жреца-туземца. Увы, были и такие, совершавшие для нас всю грязную работу. Они проводили незначительные жертвоприношения, гадали на потрохах гадов и птиц, поддерживали вечные святые огни. Мы называли их Стоящими Рядом. Таким образом, Накари многое знала о нас и о наших обычаях, и черное честолюбие сжигало ее.

Еще в детстве ей доводилось плясать во время Шествий Новолуния. Повзрослев, она вошла в число Звездных Дев. Много таинств, пусть и не самых важных, узнала она и постигала все больше, украдкой подсматривая за тайными обрядами, которые совершали жрецы. Обряды же эти считались старинными еще в дни юности мира. Ибо уцелевшие атланты по-прежнему поддерживали

незапамятно древние культы Валки и Хота, Хонана и Голгора. Культы, недоступные пониманию невежественных дикарей, чьи предки с воплями умирали на алтарях этих богов. Так и вышло, что из всех здешних варваров одна Накари не испытывала ужаса перед нами.

Ей удалось не только свергнуть правителя и самой воссесть на его трон, но и подчинить себе жречество. И не только Стоящих Рядом — даже немногих уцелевших атлантов. Что до этих последних, все они, кроме меня, уже умерли — кто под кинжалами ее убийц, кто на дыбе... И вот еще что: мириады дикарей прожили жизнь и умерли в этих стенах, но ни один из них не догадался о тайных ходах и подземных коридорах, секреты которых мы, жрецы, ревностно оберегали от простолюдинов на протяжении тысячелетий. Ни один — кроме Накари!

Ха, эти варвары!.. Глупцы!.. Безмозглые обезьяны!.. Эпохи минули с тех пор, как они населили наш город, — и за все это время не постичь его тайн!.. Даже младшие жрецы не догадывались о длинных серых коридорах, подсвеченных фосфоресцирующими потолками, о ходах и тоннелях, сквозь которые когда-то, невообразимо давно, беззвучно скользили силуэты удивительных существ! Ибо пращуры наши строили Негари с тем же размахом и неведомым нынешним пигмеям искусством, что были присущи зодчим самой Атлантиды. Не только для простых смертных людей предназначались возводимые нами чертоги, но и для богов, незримо присутствовавших среди нас! О, глубоки и бездонны секреты, хранимые этими седыми стенами!..

Никакая пытка не могла разомкнуть наши уста и вырвать заветные тайны. Но увы! Сокрытые коридоры оказались недоступны и для нас, запертых в подземных застенках, закованных в кандалы. Годы и годы копилась в них пыль, не тревожимая человеческими шагами, в то время как мы — а под конец один только я — закованными томились в смрадном подземелье. Что за мысль! Среди величавых храмов, у неисповедимых древних святынь копошатся и снуют Стоящие Рядом, эти ничтожества, которых Накари облекла славой, по праву принадлежавшей нам... мне! Ибо перед тобой, незнакомец, лежит последний верховный жрец затопленной Атлантиды.

О, я вижу, вижу!.. Страшен их рок, и кровавым будет конец!.. Валка и Голгор, затерянные, позабытые боги, самая память о которых умрет вместе со мной, обрушат стены этого города и смешают с прахом бренную плоть всех в нем живущих! Рассыплются алтари, воздвигнутые во имя бессильных языческих божков...

Соломон Кейн понял, что его собеседник мало-помалу начинал заговариваться. Его разум, некогда столь острый и ясный, уже туманило приближение смерти.

— Скажи... — вмешался пуританин, останавливая поток грозных пророчеств, срывавшихся с уст несчастного жреца. — Ты упоминал о белокожей девушке, которую вы называете Марой. Что тебе известно о ней?

— Воины, ходившие походом, привезли ее в Негари несколько лет назад, — ответил атлант. — Это было спустя некоторое время после восшествия на трон нечестивой царицы Накари. О Маре мне известно немногое, потому что вскоре после ее прибытия Накари обратилась против меня, — и годы, минувшие с тех пор, были горестны и темны и отмечены пыткой и беспредельным страданием. Особенно же мучило меня то, что все это время спасение находилось в двух шагах от меня, за потайной дверью, сквозь которую ты и проник... но цепи не пускали меня... А жестокая Накари то вздергивала меня на дыбу, то подвешивала над медленным огнем, желая выведать тайну этой двери!

Кейн содрогнулся:

— Уж не делали ли они и с бедной девочкой... чего-нибудь подобного? Она показалась мне совсем прозрачной, а глаза...

— Насколько я знаю, Накари приказывала ей плясать вместе со Звездными Девами и принуждала лицезреть кровавые обряды, совершавшиеся в страшном Черном Храме. Твоей Маре пришлось провести годы среди бесчеловечного племени, которое ценит кровь дешевле воды и наслаждается видом казней и омерзительных пыток. Она видела зрелища, от которых лопнули бы глаза и иссохла плоть самых сильных людей. Она видела, как жертвы Накари умирали в чудовищных муках, и это не могло не запечатлеться навечно в ее мозгу. Дикари, перенявшие ритуалы атлантов, ныне отправляют их во славу

своих примитивных божков, и, хотя суть древних обрядов истерло быстротекущее время, внешняя сторона осталась такова, что простой человек не может взирать на них и не испытать потрясения...

«Какое же облегчение, должно быть, испытал мир, когда потонула эта их Атлантида, — думал между тем Соломон Кейн. — Что за странную и, похоже, недобрую расу людей она породила!»

Вслух же он спросил:

— Но что это за Повелитель, о котором говорила Накари? И что она имела в виду, объявив Мару его Невестой?

— Это Накура... Накура! Злобный череп, символ Смерти, которой они поклоняются. Что могут знать ничтожные профаны о великих богах опоясанной морями блещущей Атлантиды?.. Что могут знать они о грозных невидимых богах, которых восславляли торжественные и исполненные тайны обряды их прежних господ?.. Разве доступно их скудному разуму учение о незримой сути, о недоступном глазу Духе, правящем стихиями и небесами? Они нуждаются в материальном предмете, желательно изваянном по образу и подобию человеческому. Накура!.. Последний из великих магов Негари... Негари, еще принадлежавшей атлантам. Он был изменником, вступившим в заговор против собственного народа. Он помогал восстанию дикарей. Они бездумно следовали за ним, пока он был жив, а после смерти обожествили его. Высоко на Башне Смерти воздвигнут его оголившийся череп, ставший осью и краеугольным камнем, на котором зиждется разум всего народа Негари.

О да, мы, атланты, воздавали должное Смерти. Но мы славили также и Жизнь! А эти люди поклоняются одной только Смерти. Сыны Смерти — вот как они именуют сами себя. Череп же Накуры вот уже тысячу лет служит им символом могущества, вещественным свидетельством величия их державы...

— Уж не хочешь ли ты сказать, — вновь прервал Кейн его бредовые излияния, — что они собрались принести девочку в жертву своему, прости, Господи, мерзостному кумиру?

— Взойдет Луна Черепов, и она умрет на Черном Алтаре...

— Во имя Создателя! — вне себя вскричал Кейн. — Что это, наконец, такое — Луна Черепов?

— Полная луна, — прозвучало в ответ. — Когда восходит полная луна, именуемая нами Луной Черепов, на Черном Алтаре перед Башней Смерти умирает юная девственница. Там, где столетия назад молодые девушки дарили свою жизнь Голгору, богу атлантов. А теперь с высоты Башни, некогда олицетворявшей славу Голгора, скалится череп бессовестного чародея, и непросвещенный народ верит, будто его разум еще витает поблизости, направляя счастливую звезду их города! И наивная вера их имеет под собой некоторую почву. Знай же, о незнакомец: всякий раз, когда полная луна озаряет верхнюю кромку башни и стихают песнопения жрецов, из пустого черепа Накуры исходит громоподобный голос. Он поет древний священный гимн сынов Атлантиды, и при звуке его дикари простираются ниц. Знать бы им, что в стене Башни есть тайный ход и в нем лестница, ведущая к незаметной нише как раз позади черепа, и в нее-то скрытно пробирается жрец, воспевающий гимн. В давно прошедшие времена этим жрецом был один из сынов Атлантиды, так что по всем законам божьим и человеческим провозглашать святые слова ныне надлежало бы мне.

О, срам и позор!.. Дикарям не было дела до древних тайн нашей веры, и мы принуждены были соблюдать ее тайно, а внешне, дабы удержать власть, изображали поклонение их зломерзким богам и приносили жертвы тому, чью память шепотом проклинали наши уста.

Увы! И это последнее было у нас отобрано. Накари раскрыла секрет, известный прежде лишь жрецам-атлантам. Так что теперь по тайной лестнице поднимается один из ее выкормышей, Стоящих Рядом, чтобы невнятно пробормотать ужасную в своей святости Песнь. И для него самого, и для тех, кто внимает, она — просто набор бессмысленных звуков. Лишь мне, лишь мне одному внятны ужас и величие ее истинного значения...

У Кейна голова шла кругом и от услышанного, и от лихорадочных попыток соорудить хоть сколько-нибудь приемлемый план действий. В первый раз за все годы, посвященные поискам похищенной девушки, он чувствовал перед собой глухую стену. Дворец представлял собой

лабиринт, чудовищную путаницу, разбираться в которой было безнадежным занятием. Серые коридоры тянулись во всех направлениях без какой-либо видимой системы. Но даже знай он их все до последнего закоулка, мог ли он надеяться снова отыскать Мерилин, несомненно запертую в одной из бесчисленных комнат, если не в камере?.. А может быть, для нее уже наступил миг прощания с жизнью на дьявольском алтаре? Или Накари, одержимая жаждой пыток и крови, дала волю своей жестокости и замучила ее насмерть?..

Кейн уже не очень вслушивался в горячечный бред умирающего.

— О незнакомец, — говорил между тем его собеседник. — Воистину ли ты — живой человек? Или ты — всего лишь один из тех призраков, которые в последнее время все чаще посещают меня, неслышно возникая во мраке моей темницы? Нет, ты из плоти и крови... Но для меня ты — варвар, не многим отличный от дикарей народа Накари. Много тысячелетий назад, когда твои отдаленнейшие предки отбивались в своих пещерах от саблезубых тигров и с грубыми кремневыми копьями охотились на мамонтов, золотые купола храмов моего племени уже блистали среди звезд!.. Минуло время, они разрушены и позабыты, и мир окончательно стал игрищем варваров. Пора бы и мне уйти и превратиться в легенду, окутанную туманами давно минувших веков...

Кейн поднялся на ноги и заходил по камере из угла в угол. Пальцы его сжимались, подобно железным когтям, ища рукоять отобранной у него рапиры. Багровая волна ярости затопляла сознание. Смилосердствуйся же, Господь!.. Дай встать лицом к лицу с врагами, держа в руке добрый клинок, хотя бы и одному против целого города, в одиночку против всех этих...

Кейн судорожно стиснул руками виски.

— Когда я последний раз видел лупу, — сказал он, — она была почти полна. Но сколько минуло времени? Откуда мне знать, давно ли я нахожусь в этом проклятом дворце! И сколько я провалялся в гнусном застенке, куда бросила меня Накари! Неужто полнолуние уже миновало и — о, милосердие божье! — Мерилин умерла?!.

— Луна Черепов взойдет нынешней ночью, — пробормотал узник. — Я слышал, как мои тюремщики говорили об этом между собой...

Кейн схватил умирающего за плечи, не отдавая себе отчета, сколь сильно было его пожатие.

— Во имя своей ненависти к Накари, во имя любви к людям, во имя Господне подскажи мне, как спасти невинную девочку!..

— Любви? К людям?.. — зашелся в безумном смехе умирающий узник. — Что общего с любовью может быть у сына атлантов, жреца забытого Голгора? Что суть смертные, как не пища для уст богов?.. Под этими самыми руками с ужасными криками умирали девушки куда нежней и прекрасней твоей Мары, однако мое сердце оставалось глухо к их воплям. Но ненависть... ненависть! О да!.. — И странные глаза разгорелись ужасающим пламенем. — Во имя ненависти я готов рассказать тебе все, о чем тебе хочется знать!

Дождись же восхода луны и отправляйся в Башню Смерти. Умертви шарлатана, укрывшегося за черепом Накуры, а затем, когда поклоняющиеся прервут песнопение и убийца в маске, стоящий у Черного Алтаря, занесет жертвенный нож, громким голосом и на языке, понятном народу, обратись к молящимся с высоты Башни! Отвергни жертву, приготовленную ими, и потребуй взамен крови самой Накари, царицы Негарийской!.. Далее же... далее же рассчитывай на свой собственный ум и телесную силу — и, может быть, останешься жив.

— Скорее! — снова встряхнул его Кейн. — Объясни мне, как добраться до Башни!

— За дверью, сквозь которую ты вошел сюда, поверни налево... — Силы быстро оставляли узника, он не мог больше говорить, только шептал. — Через сотню шагов увидишь лестницу. Поднимись по ней на самый верх. Она приведет тебя в другой коридор; пройди по нему, никуда не сворачивая, еще сотню шагов. Перед тобой будет стена, на первый взгляд глухая, но обыщи ее, и найдешь пружину. Надави ее и ступай в дверь, которая откроется перед тобой. Тем самым ты покинешь дворец и окажешься на скалах, окружающих его, в том единственном потайном коридоре, о котором удалось дознаться подданным

Накари. Поверни направо и иди, пока не отсчитаешь пять сотен шагов. Здесь-то и начинается ход, который приведет тебя в Башню Смерти, в нишу за черепом, ибо основание Башни врезано прямо в скалу. Там будут две лестницы... две лестницы, которые...

Его голос прервался. Облившись холодным потом, Кейн нагнулся над узником и вновь начал трясти его. Тот вдруг сделал нечеловеческое усилие и приподнялся на локте. Глаза его засияли потусторонним светом, он широко раскинул закованные руки.

— Море!.. — воскликнул он сильным, ясным голосом. — Море!.. Золотые шпили моей Атлантиды и солнце, восстающее из лазурных глубин!.. Я иду!..

Соломон Кейн осторожно опустил на пол мертвое тело...

Глава шестая

ЧЕРЕП РАЗЛЕТАЕТСЯ НА КУСОЧКИ

...Отирая пот с побледневшего лба, Кейн бегом мчался полутемными переходами. Должно быть, думалось ему, снаружи этих жутких стен царит уже ночь. И полная луна — кошмарная Луна Черепов — медленно выползает из-за горизонта... Отсчитав сотню шагов, он оказался у подножия лестницы, о которой поведал ему умирающий.

Он взлетел по ней, прыгая через ступеньки. Выбравшись во второй коридор, он отмерил еще сотню шагов и встал перед стеной, в самом деле выглядевшей глухим тупиком. Бесконечно долгое время его лихорадочно метавшиеся пальцы ощупывали каменную поверхность, пока не наткнулись на выступающий кусочек металла. Раздался громкий скрип заржавленных петель, потайная дверь распахнулась, и Кейн выглянул в открывшийся перед ним коридор. Первое, что бросилось ему в глаза, — это то, что здесь было гораздо темнее, чем внутри.

Кейн выбрался наружу и, заботливо притворив за собой дверцу, ощупью двинулся вправо, стараясь не сбиться со счета. Света понемногу прибывало; он проникал

откуда-то извне, и постепенно Кейн различил лестницу. Он ступил на нее, поднялся на несколько ступенек... и недоуменно остановился. Перед ним была небольшая площадка, а дальше лестница разделялась на две. Одна вела налево, другая — направо. Кейн выругался. Время безжалостно поджимало, и он попросту не мог позволить себе сделать ошибку. Но как выяснить, которая из лестниц приведет его к нише жреца?..

К несчастью, смерть унесла последнего из атлантов как раз в тот момент, когда он собирался поведать Кейну об этих лестницах. Как теперь сожалел пуританин, что узник не протянул еще хотя бы минуту!

Время неумолимо летело, и он чувствовал, что придется рискнуть. Чем бы это ни кончилось. Он выбрал правую лестницу и ринулся вверх. Теперь ему было не до осторожности.

Инстинкт подсказывал Кейну, что страшное жертвоприношение должно было вот-вот состояться. Когда перед ним открылся очередной коридор, Соломон бросил взгляд на каменную кладку и по ее изменившемуся виду сразу определил, что покинул недра утеса и находится в каком-то здании — будем надеяться, что в Башне Смерти. Кейн с нетерпением ожидал появления еще одной лестницы, и лестница в самом деле вскоре показалась. Но вместо того, чтобы вести вверх, она повернула вниз!.. Потом откуда-то спереди, сквозь толщу стен, до Кейна донеслось невнятное ритмическое бормотание множества голосов, и ледяная рука стиснула сердце. Это пели верующие, собравшиеся на молитву у Черного Алтаря.

Англичанин кинулся вперед во всю прыть. Вот коридор повернул, Кейн едва не налетел на какую-то дверь и приник глазом к маленькой щелке... Сердце его упало. Он выбрал НЕ ТУ лестницу. И она вывела его не в Башню Смерти, а в какое-то здание неподалеку!..

Снаружи взгляду его предстала ужасная, потрясающая сцена. На широкой открытой площади у подножия высоченной черной башни, чья вершина возносилась над пиками ближних хребтов, извивались и корчились чернокожие танцоры, выстроенные в два длинных ряда. Раскачиваясь в пляске, они тем не менее не сходили со своих мест, в унисон распевая странную, бессмысленную песню.

Лоснящиеся тела распрямлялись и скручивались в невообразимом, причудливом ритме, взлетали и кружились факелы, которые танцоры держали в руках. А позади молча и неподвижно стояла огромная толпа народа. Пляшущий факельный свет озарял мириады блестящих глаз и жадных лиц, обращенных вверх в ожидании заветного мига.

Гигантской тенью, глыбой овеществленного мрака возвышалась над их головами ужасная Башня Смерти. Ни окошек не было в ней, ни двери; лишь высоко на стене, взятый в изукрашенную раму, мрачно ухмылялся извечный символ смерти и тлена. Череп Накуры!.. От него исходило едва заметное, жутковатое свечение. Кейн понял, что «сверхъестественное» свечение было делом рук жрецов, таившихся в Башне, и мимолетно подивился про себя, каким образом умудрялись они в течение столь долгого времени сохранять человеческий череп от разложения и распада.

Но и Башню, и череп, и все остальное пуританин рассмотрел лишь мельком. Не они привлекли его взгляд и не они наполнили его сердце ужасом. Меж плотно сдвинутыми рядами молящихся виднелся громадный черный алтарь. А на том алтаре...

— Мерилин!.. — сорвался с губ Кейна рыдающий всхлип.

Худенькое белокожее тело, распростертое на черном камне... На какой-то миг англичанин ослеп, оглох и потерял способность двигаться. Он чувствовал себя совершенно беспомощным. И не было времени возвращаться и заново разыскивать нишу, в которой прятался жрец.

Уже теперь бледное сияние росло за черной маковкой Башни, все четче обрисовывая ее на фоне звездного неба. Это восходила луна. ЛУНА ЧЕРЕПОВ. Пение танцоров перешло в вой, визг, а из молчаливой толпы зрителей послышался глухой, зловещий рокот барабанов. Потрясенный Кейн невольно спрашивал себя, уж не во внутренние ли круги преисподней случилось ему заглянуть.

Пережитком каких неисповедимых культов седой древности был этот извращенный, утративший сущность обряд?.. Теперь Кейн знал, что нынешние черные нега-

рийцы всего лишь по-обезьяньи копировали ритуалы, бывшие в ходу у их прежних господ. И даже несмотря на бездну овладевшего им отчаяния, он содрогнулся при мысли: каков же должен был быть этот обряд во всей своей былой значимости и полноте!..

Но вот подле алтаря, на котором молча лежала бедная девушка, появилась жуткая тень. Рослая фигура, совершенно обнаженная, если не считать раскрашенной маски на лице и головного убора из пышных волнующихся перьев. Монотонная песнь на мгновение стихла, но только для того, чтобы сразу взвиться в диком экстазе.

Кейн почувствовал, как дрогнул пол под ногами. Уж не слитная ли мощь голосов заставила трепетать вековой камень?..

Трясущимися руками принялся он отпирать дверь, заложенную засовом. Ему оставалось одно: безоружным выскочить туда, на площадь, и умереть подле девушки, которую ему не удалось избавить от смерти...

В это время чей-то силуэт появился снаружи, загородив собой происходившее. Кейн всмотрелся... Здоровенный чернокожий, судя по убранству и осанке — вождь, прислонился к стене прямо перед дверью, праздно наблюдая за обрядом. Сердце Кейна снова бешено заколотилось. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой! За поясом у вождя торчал его пистолет!.. Кейн, в общем, догадывался, что отнятое у него оружие дикари поделили между собой. И этот вождь, конечно, понятия не имел, как поступать с пистолетом. Должно быть, он прельстился необычной формой «боевого жезла» и таскал его с собой как ненужную, но престижную побрякушку. Задумывался ли он о ее истинном предназначении?.. Какая разница! Главное, что пистолет был рядом, только протяни руку и...

Пол под ногами у Кейна вновь содрогнулся.

Соломон осторожно потянул отпертую дверь на себя и затаился в потемках за спиной у ничего не подозревающей жертвы, опасный, словно тигр, вышедший на охоту.

В проворном мозгу пуританина уже вспыхнул четкий план дальнейших действий. Подле пистолета за поясом чернокожего виднелся кинжал; спина была обращена

прямо к Кейну; бить придется слева и прямо в сердце, чтобы не успел поднять шума. Он изготовился, напрягшись всем телом...

Вождь даже не подозревал о присутствии врага за спиной, пока жилистая правая рука Кейна не скользнула над его плечом и не зажала ему рот, одновременно рванув назад. В тот же миг левая рука пуританина выдернула у него из-за пояса длинный кинжал и одним точным взмахом вогнала лезвие между ребер.

Воин обмяк, не успев проронить ни звука, а пистолет Кейна уже вернулся в руку хозяина. Беглый осмотр показал англичанину, что пистолет был по-прежнему заряжен и кремень находился на месте.

Все произошло настолько быстро, что убийства вождя не заметила ни одна живая душа. Немногие зрители, стоявшие близ двери, неотрывно глазели на Черный Алтарь, упиваясь трагедией, которая разворачивалась перед ними. Как раз, когда Кейн переступал через поверженный труп, пение танцоров внезапно прекратилось. Последовало мгновение тишины. Кровь бешено стучала у Кейна в висках, но все-таки он отчетливо расслышал, как шуршал ночной ветер в призрачно-белых перьях убора человека в маске, стоявшего у алтаря.

Над шпилем Башни засиял краешек лунного диска.

И тогда с высоты Башни Смерти послышался низкий, рокочущий голос, выпевавший слова странного гимна. Оставалось только гадать, знал ли спрятавшийся там жрец истинное значение этих слов. Но, по всей вероятности, он умудрялся воспроизводить даже выговор давно умерших Посвященных, прибывших из затерянной Атлантиды. Голос его заполнил собою всю площадь, порождая таинственное эхо. Так волны вечного моря бьются о нескончаемые песчаные берега.

Человек в маске выпрямился над алтарем во весь свой громадный рост и воздел над головой длинный, блестящий клинок. Кейн успел узнать в этом клинке... свою верную рапиру.

Соломон поднял пистолет, прицелился и выстрелил.

Нет, не в голого жреца. В череп, видневшийся наверху. Ибо безошибочная интуиция вызвала в памяти англичанина слова умирающего атланта, назвавшего череп Наку-

ры «осью и краеугольным камнем, на котором зиждется разум всего народа Негари».

Оглушительно грохнул его пистолет, и в ответ почти тотчас же раздался резкий сухой треск: меткая пуля вдребезги разнесла череп, и он попросту исчез, рассеявшись тысячами мельчайших осколков, а священная песнь завершилась предсмертным воплем и стихла. Разбив череп, пуля достала и того, кто ее пел.

У жреца в маске вывалилась из руки Кейнова рапира. Большинство танцоров в ужасе попадало наземь, остальные замерли, точно пораженные громом. Воспользовавшись мгновением всеобщего замешательства, Кейн бросился к алтарю...

Потом словно бы весь ад сорвался с цепи.

Жуткая какофония звериного крика, которым взорвалась площадь, заставила отшатнуться сами звезды. Столетие за столетием лишь вера в божественность давно канувшего в вечность Накуры удерживала погрязших в крови негарийцев от всеобщего помешательства. И вот их кумир был повержен, да не просто повержен — рассыпался прахом непосредственно у них на глазах! Если бы с расколотого неба свалилась луна и наступил конец света, даже это не произвело бы на них большего впечатления. Кровавые видения, теснившиеся у каждого на задворках сознания, обретали жуткую плоть. Наследная склонность к умопомешательству дождалась своего часа. Перед Кейном предстал целый народ, словно по мановению волшебной палочки обратившийся в стадо ревущих маньяков.

Мужчины и женщины — вся площадь — с визгом и воплями накинулись друг на дружку, убивая направо и налево копьями и кинжалами, пуская в ход ногти и зубы, раздавая удары пламенеющими факелами. Двуногие звери с ревом рвали подобных себе.

Пришлось разряженному пистолету в руке Кейна в самом деле обратиться дубинкой: с этим единственным оружием продирался он сквозь бушующий кровавый прибой, прокладывая себе путь к алтарю. Чьи-то ногти полосовали его тело, перед глазами зловеще сверкали ножи, факелы поджигали одежду... Он не обращал внимания ни на что.

Он уже готов был вскочить на ступени алтарного возвышения, когда из общей свалки вырвалась одинокая фигура и кинулась наперерез. Накари, владычица Негарийская, тронувшаяся умом не менее своих подданных, устремилась на англичанина с обнаженным кинжалом. В ее зрачках металось жуткое пламя.

— На сей раз не уйдешь!.. — завопила она. Но добраться до Кейна не успела. Огромный воин, весь в крови, ослепленный страшной раной, лишившей его глаз, незряче шатнулся прямо на свою царицу.

Она закричала, точно ошпаренная кошка, и пырнула его кинжалом, но руки ослепшего уже сомкнулись в судорожной хватке. Неистовым предсмертным усилием черный гигант взметнул женщину высоко над головой... Последний крик последней царицы Негари был внятно различим даже сквозь безумный шум битвы. Страшный удар о камни отбросил ее мертвое, изломанное тело под ноги Кейну.

Соломон вихрем взлетел наверх по черным ступеням, глубоко истертым шагами несчитанных жрецов и их жертв. При его приближении верзила в маске, окаменевший в неподвижности, вновь пробудился к жизни. Живо нагнувшись, он подхватил оброненную рапиру и яростно ткнул ею в наседавшего англичанина. Но быстрота движений Соломона Кейна была такова, что немногие из людей могли с ним равняться. Мгновенный уклон, разворот наделенного стальной гибкостью тела, и клинок безобидно просвистел мимо, скользнув между его боком и рукой. Оказавшись лицом к лицу с дикарем, Кейн обрушил тяжелое пистолетное дуло прямо в гущу шевелящихся перьев, одним ударом сокрушив и убор, и пеструю маску, и череп под ней.

Прежде чем повернуться к девушке, давно потерявшей сознание на алтаре, Кейн отшвырнул изуродованный ударами пистолет и выдернул свою рапиру из руки мертвеца, все еще сжимавшей ее. Рукоять знакомо легла в ладонь, и англичанин сразу почувствовал себя уверенней.

Бедная Мерилин лежала совсем неподвижно, обратив белое как смерть личико к луне, невозмутимо освещавшей всю эту потустороннюю сцену. Кейн сперва решил уже,

что жизнь покинула девушку, но потом коснулся ее шеи и ощутил слабое биение пульса.

Он разрезал путы и со всей мыслимой нежностью поднял Мерилин на руки... но тут же выронил снова: навстречу ему по ступеням, невнятно стеная и бормоча, карабкалось окровавленное чудовище. Оно благополучно наткнулось с разбегу на выставленный клинок и, раздирая руками смертельную рану, опрокинулось обратно в багровый водоворот, из которого выползло.

Алтарь, на котором стоял Кейн, поколебался, и сила неожиданного толчка бросила пуританина на колени. Он с ужасом увидел, что Башня Смерти начала раскачиваться взад и вперед.

Казалось, сама Природа затеяла жуткий и таинственный ритуал, и это дошло даже до расстроенных мозгов двуногих зверей, бесновавшихся и рвавших один другого у подножия алтаря. В их бессвязные вопли вкралась новая нота, и в это время Башня Смерти снова накренилась вперед... все дальше и дальше, с величавой медлительностью... и наконец оторвалась от своего скального постамента и обрушилась на площадь с таким грохотом, как если бы рухнул весь мир. Дождем посыпались громадные глыбы и свистящие осколки камней. Они несли в визжащую толпу безумцев смерть, смерть, смерть.

Один из обломков разлетелся в прах, ударившись об алтарь совсем рядом с Кейном и с головы до ног осыпав его каменной крошкой.

— Землетрясение!.. — ахнул пуританин, сгреб в охапку бесчувственную девушку и понесся вниз по ступеням, которые раскалывались прямо у него под ногами. Поддерживая Мерилин одной рукой, другой он рубил и колол, прокладывая себе путь, разгоняя с дороги озверевших дикарей, — их, потерявших всякий человеческий облик, даже подземная буря не могла уже привести в чувство.

Дальнейшее было сплошным кровавым кошмаром, которого Кейн никогда впоследствии толком припомнить не мог. Он бежал и бежал куда-то извилистыми узкими улицами, на которых шла всеобщая битва, а над ним раскачивались титанические стены, и черные колонны падали совсем рядом, круша все живое и неживое, а под ногами

вздымалась и опадала земля, и в грохоте рушащихся башен, казалось, погибал мир.

Существа, отдаленно напоминавшие людей, тянули к нему окровавленные когти и исчезали, отброшенные в небытие его стремительным клинком. Падающие камни рвали и ранили его тело. Он как мог оберегал девушку, закрывая ее собой и от неразумной стихии, и от еще менее разумных двуногих...

И вот наконец, когда даже и его выносливость близка была к своему пределу, он увидел перед собой внешнюю стену города, аспидно-черную, расколотую трещиной от фундамента до парапета. Стена раскачивалась, вот-вот собираясь упасть. Кейн ринулся в эту трещину, напрягая остатки сил в одном последнем рывке. Он едва успел выскочить с другой стороны, когда стена рухнула внутрь, рухнула сразу по всей длине, одной гигантской черной волной.

В лицо Кейну дул ночной ветер, за спиной слабел грохот, доносившийся из обреченного города. Шатаясь от изнеможения, он побрел по тропинке между холмами, все еще ходившими ходуном...

Глава седьмая
ВЕРА СОЛОМОНА

Рассветная свежесть показалась Кейну прохладной рукой, коснувшейся лба. Англичанин полной грудью вдыхал утренний ветер, налетавший из джунглей, чьи кроны колебались далеко внизу, у него под ногами, и чувствовал, как покидают разум видения пронесшегося кошмара. Ветер нес мускусный запах загнивающей растительности, но для Кейна он был что живая вода. По крайней мере, это естественным путем разлагалась добрая зелень, выросшая на воле. Здесь не было того гнусного запаха увядающей древности, которым дышат стены давно вымерших городов... Кейн невольно содрогнулся при мысли о них.

Он склонился над спящей девушкой, устроенной со всем возможным удобством на скудном ложе из веток, которые ему удалось собрать для нее. Открыв глаза, она

какое-то время с ужасом озиралась вокруг, но потом ее взгляд остановился на лице Соломона, озаренном скупой улыбкой. Мерилин всхлипнула и обвила руками его шею.

— О-о, капитан Кейн!.. Неужто мы и вправду спаслись из того ужасного города?.. Теперь мне кажется, что все это был сон... После того как вы провалились в потайной люк в полу моей комнаты, Накари спустилась к вам в темницу... она сама рассказала мне об этом... Она вернулась донельзя раздраженной и твердила, будто вы — жалкий глупец, потому что она-де предложила вам власть над всем миром, а вы ответили оскорблениями. Она бесновалась и брызгала слюной, а потом поклялась, что и одна, своими руками, построит империю Великой Негари.

Потом она обратилась ко мне и всячески поносила меня, говоря, что вы, мол, цените меня, жалкую невольницу, превыше нее, царицы. Я молила ее о пощаде, но тщетно: она повалила меня к себе на колени и порола, пока я не потеряла сознания.

Долго я лежала почти без чувств... Смутно помню, как пришли воины и сказали Накари, что вам удалось бежать. Они утверждали, будто вы — колдун, будто вы, словно бесплотный дух, просочились сквозь каменную стену. Накари убила обоих стражников, которым было поручено доставить вас из узилища, и несколько часов кряду походила больше на дикого зверя, чем на человеческое существо.

Сколько я там пролежала, не знаю. Поневоле теряешь счет времени в этих комнатах и коридорах, куда никогда не проникает солнечный свет. Но с того момента, когда вы попали в плен, и до тех пор, когда меня повели на алтарь, миновал самое меньшее день, потом ночь и еще один день. Потому что весть о вашем побеге пришла лишь за несколько часов до жертвоприношения.

И вот Накари со своими Звездными Девами явилась приготовить меня для обряда... — Само воспоминание о столь пугающем испытании заставило ее всхлипнуть и закрыть ладошками лицо. — Меня, наверное, чем-нибудь опоили... помню только, как на меня надели белое облачение жертвы и принесли в обширный черный покой, заставленный какими-то страшными изваяниями.

Там я лежала как в трансе, а вокруг меня женщины совершали отвратительное... постыдное... как предписывает им их безбожная вера... Не вынеся этого, я опять потеряла сознание, чтобы очнуться уже привязанной к Черному Алтарю. Метались факелы, заунывно пели фанатики, а за Башней Смерти понемногу восходила луна... Все это я воспринимала туманно, словно сквозь сон... И, словно во сне, мерещились мне светящийся череп высоко на стене башни и нагой жрец с клинком, занесенным над моим сердцем... Больше я ничего не помню. Что случилось потом?

— Как раз в то время, — стал рассказывать Кейн, — я выбрался из одного здания по соседству, куда меня занесла нелегкая. Я выстрелил из пистолета и разнес к шутам собачьим их проклятый череп на атомы. При виде такого зрелища весь этот несчастный народ, с рождения наказанный проклятием сумасшествия, обратился сам против себя. И пока они убивали друг дружку, случилось землетрясение, до основания разрушившее стены. Тут я хватаю тебя, девочка моя, этак под мышку и бегу куда глаза глядят. Достигнув внешней стены, вижу в ней преизрядную трещину, ныряю в нее и выскакиваю наружу, неся тебя на руках, потому что ты, по счастью, совсем лишилась силенок и не видела, что там творилось.

Ты только раз открыла глаза: это было уже когда я пересек Небесный Мост — так называли его негарийцы, — и он, надобно сказать, рассыпался почти что у меня под ногами. Землетрясение унесло его в пропасть... Ну, а мы с тобой благополучно добрались до этих самых утесов, но спускаться в темноте я побоялся, потому что луна к тому времени уже садилась. Тут ты очнулась и с криком прижалась к моей груди. Я постарался успокоить тебя, и мало-помалу ты уснула настоящим крепким сном...

— Что же теперь? — спросила его Мерилин.

— А теперь — в Англию! — При имени родины глубокие глаза Кейна зажглись внутренним светом. — Видишь ли, трудно мне усидеть в стране, где я родился. Больше чем по месяцу кряду я там редко выдерживаю. Но, как ни сильна во мне страсть к путешествиям, вот так выговоришь: «Англия» — и тепло делается в груди. Ну, а ты, маленькая моя?

— О, милосердный Господь! — вырвалось у нее, и она с чувством сжала маленькие руки. — Попасть домой!.. Как я мечтаю об этом, но сбудется ли мой сон?.. Скажите, капитан Кейн, неужто вы вправду надеетесь, что мы одолеем бессчетные мили нехоженых джунглей, отделяющих нас от побережья?..

— Мерилин, маленькая Мерилин, — проговорил Кейн, гладя заскорузлой ладонью ее нежные кудри, — следовало бы тебе покрепче верить в Провидение... да и в меня тоже. Верно, в одиночку я, как и всякий человек, ничтожен и слаб. Но бывало и так, что Господь возжигал во мне великий гнев и осенял мой меч Своей справедливостью. И я верю, что Он пребудет со мною и впредь.

Вспомни, маленькая Мерилин: всего несколько часов тому назад мы с тобой стали свидетелями ухода с лица земного недоброй, дьявольской расы. На наших глазах рухнула целая империя зла. Люди тысячами умирали кругом, а под ногами колебалась земля, ниспровергая башни, тысячелетиями грозившие небесам. Повсюду кровавым дождем сеялась смерть, и что же? Мы вышли из этого ада целыми и невредимыми!

Только ли силе, ловкости и удаче обязаны мы нашим спасением? О нет, нас хранила и ограждала десница высшей Силы — могущественнейшей из Сил! Той самой, что провела меня через полмира, доставила прямиком в этот бесовский город, а там — в твою комнату. Той, что подняла меня из мрака темницы и помогла отыскать единственного во всем городе человека, который оказался способен поведать мне обо всем, что я желал знать. Это был злой жрец, последний сын вымершей расы. Он умирал в подземном застенке, но прежде, чем отлетел его дух, успел рассказать мне о многом... И та же самая Сила вывела меня к городской стене, когда я бежал с тобой на руках, сам не зная куда. Подумай только: ведь если бы я выскочил не к стене, а к утесам, с трех сторон окружившим долину, уж верно, сейчас не было бы в живых ни тебя, ни меня! Эта Сила помогла нам спастись из гибнувшего города, а потом уберегла нас на мосту, который, лишь стоило мне ступить с него на твердую землю, с грохотом обрушился в бездну!

Подумай сама, маленькая: неужто, проведя нас невредимыми через подобные испытания и совершив ради нас столько чудес, эта Сила теперь отведет от нас Свою хранящую длань? Да не может быть! Верно, зло пышным цветом расцветает и в людских городах, и на пространствах дикой земли; но Господь снова и снова заносит меч Своей справедливости, и повергает зло, и поддерживает правых, и мы верим в Него.

Истинно говорю тебе, маленькая Мерилин: в добром здравии сойдем мы наземь с этих грозных утесов и пересечем кишащие нечистью джунгли, а там и добрый старый Девоншир, где настрадавшаяся родня будет счастлива прижать тебя к сердцу...

Так говорил Соломон Кейн, и слова его дышали незыблемой верой, и наконец Мериям улыбнулась ему — улыбнулась простой улыбкой подростка, очнувшегося от страшного сна, и у Кейна вырвался вздох облегчения. Искра ужаса понемногу гасла в ее глазах, и Кейн смог представить себе, что настанет день, когда все пережитое в долгом плену в самом деле покажется ей смутно памятным сном.

Он бросил всего один взгляд назад, туда, где за насупленными холмами в мертвом молчании лежали разгромленные руины Негари. Негари, погребенной под собственными рухнувшими стенами и обвалившимися утесами. Долго они обеспечивали ее неприступную безопасность, но в конце концов они же и поставили точку в ее судьбе.

Душа Кейна омрачилась болью при мысли о тысячах человеческих существ, чьи смятые, раздавленные останки лежали среди руин. Но в памяти тотчас всплыли все их чудовищные преступления, и в глазах пуританина сверкнул холодный огонь.

Он заговорил словами из Библии:

— «И сказал я: побежавший от крика ужаса упадет в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в петлю; ибо окна с небесной высоты растворятся, и основания земли потрясутся...

Ибо ты превратил город в груду камней, твердую крепость в развалины; чертогов иноплеменников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен.

Так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих Я спасу; и притеснителей твоих накормлю собственной их плотью... И допьяна упьются они, но не вином...»

Воистину, маленькая Мерилин, — заключил Кейн со вздохом, — мне довелось узреть своими глазами, как сбылось предсказанное пророком Исаией. Собственной плотью!.. Допьяна, но не вином!.. Мы ли не видели, каким напитком с жадностью упивались эти несчастные!..

Соломон Кейн взял девушку за руку и направился с нею к краю утеса. Перед ним было то самое место, куда он вскарабкался посреди ночи... ему казалось — уже очень, очень давно.

Одежда Кейна висела клочьями. Он был изодран, исцарапан и весь в синяках. Но глаза его сияли безмятежным спокойствием человека, уверенного в своем небесном Отце, а восходящее солнце заливало скалы и зеленые джунгли золотым светом, даруя обещание счастья.

— А на рассвете — болтаться ему в петле!.. Хо-хо!.. Говоривший гулко хлопнул себя по ляжке и захохотал скрипучим высоким голосом. Хвастливо посмотрел он на слушателей и отхлебнул из кружки, стоявшей у локтя. Скачущие в камине языки пламени озаряли пивнушку. Никто не ответил.

— Роджер Симеон, некромант! — продолжал насмехаться обладатель скрипучего голоса. — Мастер диавольских искусств, творец черной магии! Вот что я вам скажу: вся его богомерзкая сила не помогла ему, когда королевские солдаты окружили его пещеру и взяли колдуна в плен. А уж как он бежал, когда поселяне начали швырять булыжники ему в окна! Думал спрятаться, во Францию улизнуть! Как бы не так! Хо-хо! Сколько веревочка ни вейся, а петелькой свяжется, да вокруг шеи. Славное дельце, вот что я вам скажу!

И он бросил на стол небольшой мешочек. Раздался мелодичный звон.

— Плата за жизнь чернокнижника! — похвалился хвастун. — Что скажешь, мой кислолицый друг?

Эти последние слова относились к молчаливому, очень скромно одетому мужчине, сидевшему у огня. Он был высок ростом, широкоплеч и, по-видимому, исключительно силен, несмотря на худобу. Он обратил к говорившему бледное неулыбающееся лицо и уставился на него глубокими светлыми глазами, источавшими ледяной холод.

— А я тебе вот что скажу... — произнес он негромко, но в голосе чувствовалась немалая мощь. — Если кто и совершил сегодня богомерзкое дело, так это ты. Тот некромант, надо думать, вправду заслуживал смерти. Но он

доверял тебе! Считал тебя своим единственным другом! А ты продал его за несколько поганых монет! Помяни мое слово: встретишься ты с ним однажды в аду...

Человек, только что похвалявшийся выдачей колдуна, — невысокий коренастый малый с недоброй физиономией, — открыл было рот для гневной отповеди, но вдруг передумал. Ледяной взгляд еще какое-то время продолжал сверлить его. Потом высокий малый гибким кошачьим движением поднялся на ноги и вышел из комнаты. Шаг у него был пружинистый и широкий.

— Эт-то что еще за... хрен выискался? — возмущенно и обиженно осведомился хвастун. — Да кто он вообще такой, чтобы защищать чернокнижников от честных людей? Клянусь Богом живым, пусть благодарит свою удачу за то, что схлестнулся с Джоном Редли и сохранил сердце в груди!..

Кабатчик нагнулся вперед, подцепил уголек, чтобы разжечь длинную трубку, и сухо ответил:

— Следовало бы тебе самому поблагодарить свою удачу, Джон. За то, что она придержала твой язык и ты не сцепился с ним уже как следует. Это же Соломон Кейн, пуританин, и самый свирепый волк по сравнению с ним — сущий ягненок!

Редли пробурчал что-то вполголоса, выругался и мрачно запихал мешочек с деньгами обратно в кошель.

— Останешься на ночь? — спросили его.

— Ну... — хмуро проворчал Редли. — Хотел бы я еще побыть в Торкертауне и посмотреть, как завтра вздернут паршивца Симеона, но на рассвете меня ждут в Лондоне...

Кабатчик налил всем вина.

— Выпьем за спасение души Симеона, да сжалится над ним всеблагий Господь. И да не получится у него отомстить тебе, Редли, как он поклялся.

Джон Редли подскочил на месте и вновь выругался, но потом расхохотался с безудержной удалью. Никто не поддержал его. Смех прозвучал фальшиво и оборвался на визгливой ноте.

Соломон Кейн проснулся внезапно и сразу сел на постели. Спал он очень чутко, как и подобает человеку, чья жизнь постоянно зависит от проворства его вооруженной

руки. Если он проснулся посреди ночи, значит, где-то внутри дома раздался некий подозрительный звук. Кейн прислушался. Насколько он мог разглядеть в щелочку ставней, снаружи ночь понемногу уступала белесому рассвету, озарявшему мир.

Неожиданно подозрительный звук послышался снова. Он был тихим-тихим и раздавался снаружи. Ни дать ни взять кошка, цепляясь коготками, карабкалась вверх по стене. Кейн внимательно слушал. Когда неподалеку кто-то как будто начал возиться со ставнями, пуританин поднялся. Держа в руке рапиру, он бесшумно пересек комнату и резким движением распахнул ставни настежь.

Глазам его предстал мир, еще окутанный предутренней дремой. Поздняя луна висела над западным горизонтом. И нигде ни души! За окном не таилось никакого грабителя. Соломон высунулся наружу и взглянул на окошко соседней комнаты. Ставни были растворены.

Кейн закрыл окно и прошел к двери. Потом выбрался в коридор. Действовал он, как обычно, по первому побуждению. Времена были лихие, к тому же таверна стояла в нескольких милях от ближайшего городка — Торкертауна. Самое обычное дело было нарваться на бандита. Судя по всему, кто-то не в меру прыткий проник в комнату рядом с его собственной, и спящему постояльцу, вполне возможно, грозила нешуточная опасность. Кейн не стал терять время, взвешивая все «за» и «против». Он просто подошел к двери соседней комнаты и открыл ее.

Окно было распахнуто настежь. Туманный свет вливался внутрь бледным призрачным мерцанием. На кровати похрапывал человек: Кейн узнал в нем Джона Редли, того самого, кто выдал некроманта солдатам.

Потом взгляд его метнулся к окну. На подоконнике сидело существо, смахивавшее на здоровенного паука. Пока Кейн смотрел, оно соскочило на пол и устремилось к кровати. Существо было темной окраски и волосатое, и Кейн заметил, что оно испачкало подоконник. Оно переступало по полу пятью толстыми лапками с очень странно выглядевшими суставами и в целом производило такое невероятное и жуткое впечатление, что Кейн на

мгновение прирос к месту. Тем временем существо добралось до постели и довольно неуклюже стало карабкаться наверх.

Оно влезло по столбику и замерло над спящим человеком, и тут только Кейн бросился вперед, громко крича, чтобы предупредить Редли. Тот сейчас же проснулся и посмотрел вверх. Глаза его выкатились от ужаса, изо рта вырвался отчаянный вопль. В тот же миг паукообразная тварь шлепнулась вниз, прямехонько ему на шею. Кейн уже подлетел к постели, но толстые лапки успели сомкнуться, и он услышал, как хрустнули у Редли шейные позвонки. Мужчина обмяк и остался лежать неподвижно, с головой, неестественно повернутой на сломанной шее. Паук расплел лапки, свалился на простыню и тоже безжизненно замер.

Кейн склонился над жуткими останками... Он не мог поверить тому, что видели его собственные глаза. Ибо существо, сумевшее разомкнуть ставни, проползти по полу и убить Джона Редли прямо в постели, было не чем иным, как... человеческой рукой!

Теперь она валялась безжизненная, обмякшая. Очень осторожно Кейн насадил ее на кончик рапиры и поднял, чтобы рассмотреть поближе. Рука, несомненно, принадлежала порядочному здоровяку: широкая, мясистая, с толстыми пальцами и почти сплошь заросшая волосами, точно обезьянья лапа. Она была отрублена у запястья и вся перемазана запекшейся кровью. На указательном пальце виднелось узкое серебряное колечко. Форма украшения показалась Кейну достаточно необычной: колечко было сделано в виде свернувшейся змеи.

Кейн все еще рассматривал свою устрашающую находку, когда вбежал кабатчик, облаченный в ночную рубаху. В одной руке он держал свечу, в другой — короткоствольную фузею с раструбом.

— Это еще что такое?.. — ахнул он, увидев труп на кровати. Потом он заметил то, что Кейн держал на кончике рапиры, и вся краска сползла с его лица. Он приблизился, словно бы влекомый необоримой тягой, и глаза у него вышли из орбит. Наконец он подался назад — и буквально рухнул на стул. Он был до

того бледен, что Кейн решил уже — сейчас потеряет сознание.

— Во имя Бога живого, сударь!.. — прошептал кабатчик, еле дыша. — Нельзя допустить, чтобы эта штука опять как-нибудь ожила!.. Там внизу, в пивной, сэр, в камине горит огонь...

Было еще утро, когда Кейн явился в Торкертаун. Уже на окраине городка ему попался словоохотливый юнец, окликнувший его:

— Добрый день, сэр! Без сомнения, вы, как и все добрые люди, рады будете услышать, что Роджер Симеон, черный колдун, был повешен нынче на рассвете. Только-только солнце взошло, а его хлоп! — и повесили!

Кейн хмуро спросил:

— Надеюсь, он принял смерть мужественно?

— О да, сэр! Нисколечко не дрогнул! Только все равно странное вышло дело. Видите ли, сэр, он пропутешествовал к виселице всего с одной рукой вместо двух!

— Каким образом? — спросил пуританин.

— Да вот прошлой ночью, когда он сидел в кутузке — ну до чего, говорят, был похож на большущего черного паука!.. — так вот, когда он там сидел, он подозвал стражников и попросил исполнить свое последнее желание. И знаете, какое? Представляете — попросил отсечь себе правую руку! Солдат, ясное дело, поначалу не захотел ее отсекать, но потом забоялся, как бы Роджер его не проклял, ну и оттяпал ему правую руку возле запястья. И что вы думаете? Симеон, не долго думая, хватает ее левой рукой, да ка-ак запулит отрубленную кисть через зарешеченное окошко наружу, притом бормоча всякую безбожную волшебную ахинею! У стражников, сударь мой, от страха кишки узлом завязались, только Роджер им сказал: не бойтесь, ребята, вас не трону, у меня, мол, дельце осталось только с Джоном Редли, который предал меня.

Сказав так, добрый сэр, он перетянул обрубок руки, чтобы не текла кровь, и остаток ночи просидел точно

в трансе. Только бормотал что-то время от времени, ну, знаете, как бывает, когда человек забудется и сам с собой разговаривает. Сидит, понимаете ли, и все бубнит: «Вправо, вправо!» А потом шепчет: «Левее, левее!» И еще: «Вперед, скорее вперед!..»

Да, сударь, жуть слушать его было, говорят! И смотреть, как он там сидит, скорчившись и прижимая окровавленный обрубок руки! А когда стало светать, за ним пришли и повели его вешать. И когда ему уже надевали петлю на шею, он вдруг весь страшно напрягся, а мускулы на правой руке, ну, на той, где не хватало кисти, прямо вздулись, как будто он кому-то шею ломал!

Стражники, конечно, бросились, но тут он и сам успокоился. И начал хохотать, да так громко и страшно! Только петля оборвала его смех, и он замолчал и повис, черный и неподвижный, и рассветное солнце смотрело на него своим красным глазом! Вот так, добрый сэр!

Соломон Кейн молча слушал его, вспоминая нечеловеческий ужас, исказивший черты Джона Редли в миг пробуждения, оказавшийся для него последним мгновением жизни. Рок настиг его. Туманная картина поднялась перед умственным оком пуританина: отрубленная волосатая кисть, цепляясь пальцами, ползет, точно слепой черный паук, по ночному темному лесу, потом вверх по стене. Возится с оконными ставнями, влезает на подоконник... Дальше кончалось нарисованное воображением и начинались доподлинные воспоминания, и вспоминать то мрачное и кровавое, что случилось потом, у Кейна не было ни малейшей охоты. Какое пламя ненависти, должно быть, пылало в сердце обреченного колдуна! И какой недоброй силой он обладал, если уж сумел отправить в дорогу собственную отсеченную руку и заставил ее исполнить задуманное! Какая воля, помноженная на магию пылающего рассудка, вела ее к цели!..

И все-таки, желая окончательно удостовериться, Соломон поинтересовался:

— А что, его отсеченную руку так и не отыскали?

— Нет, добрый сэр. Люди нашли место, куда она свалилась, когда вылетела из тюремного окошка.

Только там ее уже не было, а в сторону леса тянулся кровавый след. Волк, конечно. Унюхал, цап! — и унес.

— Да, — сказал Соломон Кейн. — Конечно. И руки у этого Роджера Симеона, верно, были большущие и волосатые? И, небось, колечко на указательном пальце носил?..

— Точно, сэр! Как есть носил, на правой руке. Серебряное такое колечко в виде свернувшейся змейки...

БАГРОВЫЕ ТЕНИ

Глава 1
ПРИХОД СОЛОМОНА

Лунный свет мерцал и переливался, и между окутанными тьмою деревьями плавал обманчивый серебристый туман. В воздухе попахивало дымом. Слабый ветерок еле слышно шептал, гуляя по долине. Он словно бы нес с собой некую тень, только эта тень происходила вовсе не от причудливой игры лунного света.

Человек шел широким, размашистым шагом. Он особо не спешил, но и угнаться за ним было бы нелегко. Много миль отшагал он, отправившись в путь еще на рассвете... Неожиданно человек остановился. Слабое шевеление между деревьями бросилось ему в глаза. Он беззвучно отступил в темноту, между тем как рука его опустилась на рукоять длинной, гибкой рапиры.

Настороженно двинулся он в ту сторону, где заметил движение. Он напрягал зрение, всматриваясь в темноту под деревьями. Край здесь был диковатый и небезопасный; то, что таилось впереди, вполне могло нести для неосторожного путешественника смерть. Однако потом человек убрал ладонь с эфеса и наклонился, всматриваясь. Перед ним действительно была смерть. Но не в том облике, который мог бы его напугать.

— Пламя Гадеса!.. — пробормотал он. — Девушка!.. Кто это тебя так, дитя мое? Не бойся, я не причиню тебе зла.

Девушка смотрела на него снизу вверх. Бледное личико в темноте напоминало вянущую белую розу.

— Кто... ты... такой? — с трудом выдохнула она.

— Безземельный скиталец, — прозвучало в ответ. — Друг всем попавшим в беду.

Странно было слышать, как мягко и ласково разговаривает грозный с виду мужчина. Девушка попыталась

приподняться на локте. Мужчина немедленно опустился рядом с ней на колени, бережно приподнял беспомощное тело, устроил голову девушки у себя на плече. Он коснулся рукой ее груди, и на ладони остался кровавый след.

— Скажи, кто?..

Он говорил с ней тихо и нежно, точно с испуганным ребенком.

— Ле Лу... Волк! — быстро слабеющим голосом прошептала она. — Он... и его люди... ворвались в нашу деревню... там, в долине, в миле отсюда... Они грабили... убивали и жгли...

— Так вот откуда дым, которым здесь пахнет, — пробормотал странник. — Продолжай, дитя.

— Я пыталась бежать... Он... Волк... он погнался за мной... и поймал... и...

Она умолкла, содрогаясь всем телом, не в силах продолжать.

— Я понимаю, девочка. А потом?

— Потом он... он... пырнул меня... кинжалом... о, во имя всех святых! Пожалейте...

Тоненькое тело мучительно содрогнулось еще раз — и обмякло. Мужчина осторожно опустил девушку наземь и легонько прикоснулся к ее лбу.

— Умерла! — пробормотал он.

И медленно поднялся, машинально вытирая руки о плащ. Угрюмая морщина зловеще прорезала его лоб. Однако он не стал произносить никаких поспешных обетов, не начал сыпать проклятиями, призывая ангелов и чертей.

— Кто-то поплатится за это жизнью! — вот и все, что он сказал, и голос его был холоден и совершенно спокоен.

Глава 2
ЛОГОВО ВОЛКА

— Ты глупец!..

В голосе, скорее похожем на рычание, звучала такая ледяная ярость, что у того, кто навлек ее на себя, кровь застыла в жилах. Названный глупцом ничего не ответил, только опустил глаза и мрачно уставился в пол.

— И ты, и все остальные, кто у меня под началом!..

Говоривший наклонился вперед и для вящей убедительности пристукнул кулаком по грубо сколоченному столу, стоявшему между ними. Это был рослый, поджарый мужчина, наделенный силой и гибкостью леопарда. Лицо у него было худое, хищное, жестокое. А в глазах плясала насмешка, свирепая и безоглядная.

Человек, к которому он обращался, хмуро ответил:

— Говорю же тебе, этот Соломон Кейн — сущий дьявол, выпущенный из ада.

— Чушь!.. Недоумок! Он просто человек, и не более! И запросто умрет от пистолетной пули или хорошего тычка шпагой!

— Вот так же думали Жан, Хуан и Ла Коста, — мрачно заявил второй. — Ну и где они все теперь? Об этом можно спросить у горных волков, которые уже объели мясо с их мертвых костей. А где, по-твоему, прячется этот Кейн? Мы обшарили все горы и долины на много лиг кругом, и ни следа! Говорю тебе, Ле Лу, он выскакивает прямо из преисподней! Ох, не надо было нам вешать того монаха месяц назад... Чуяла моя душенька, не будет добра!

Волк раздраженно барабанил пальцами по столу. Его черты носили печать всевозможных безумств и пороков, но все-таки это было лицо умного человека, умеющего думать. И суеверий своих подчиненных он вовсе не разделял.

— Еще раз повторяю: чушь! — сказал он. — Ублюдку просто повезло напасть на пещеру или какое-нибудь неизвестное нам ущелье. Где он и отсиживается в течение дня...

— Ну да, а по ночам вылезает наружу и убивает нас одного за другим, — угрюмо подхватил его собеседник. — Он охотится на нас, точно волк на оленей... Господи Боже ты мой, Ле Лу! Ты вот себя называешь Волком, но, помяни мое слово, нарвался ты в конце концов на волка еще покруче себя! Мы и прознали-то про этого парня только когда нашли Жана, — вот уж был крутейший бандюга из всех, по ком плачет петля! И что же? Находим мы его, приколотого к дереву его же кинжалом, всаженным в грудь, а на щеках у мертвого вырезаны три буквы — С. Л. К.!

Потом настал черед Хуана Испанца. Когда мы его подобрали, он еще некоторое время жил и успел рассказать

нам, что грохнул его англичанин, зовут Соломон Кейн, и, дескать, поклялся этот англичанин страшной клятвой истребить всю нашу шайку! А дальше? Ла Коста, наш первый фехтовальщик, отправляется разыскивать Кейна, будь он неладен. И, во имя демонов вечного пекла, похоже, он таки его отыскал! Или мы не нашли на скале его тела, этак аккуратненько проткнутого шпагой? Что же теперь? Ждать, пока чертов англичанин всех нас порешит, как баранов?..

— Верно, лучшие наши ребята нашли смерть от его руки, — задумался предводитель бандитов. — Ладно, остальные скоро вернутся... те, что отправились на маленькую прогулку — навестить отшельника. Придут, тогда и посмотрим. Не век же ему прятаться, этому Кейну. Когда-нибудь мы... э, а это еще что за херня?..

Оба разбойника вертанулись на месте: стол между ними пересекла чья-то тень. Через порог пещеры, служившей логовом шайке, шатаясь и едва держась на ногах, ввалился человек. Он смотрел прямо перед собой вытаращенными глазами, качаясь на подламывающихся ногах. Рубаха его была разукрашена багровыми пятнами. Он проковылял еще несколько шагов вперед и повалился прямо на стол, а потом сполз с него на пол.

— Дьяволы ада!.. — выругался Волк, подхватывая бессильно обмякшее тело и водворяя его на стул. — Где остальные, твою мать?

— Убиты... все... убиты...

— Каким образом? Да говори же, чтоб сатана тебя уволок!

Волк яростно тряс раненого. Второй бандит стоял столбом, выпучив от ужаса глаза.

— Мы... добрались к избушке отшельника... как раз когда восходила луна, — пробормотал вновь пришедший. — Я остался снаружи... на стреме... остальные вошли... мы собирались пытать отшельника, чтобы он выдал нам... где он хранит... свое золото...

— Да, да, все так! Дальше-то что? — Волк сходил с ума от нетерпения.

— И тогда все вспыхнуло огнем... избушка с грохотом взлетела в воздух... и пошел огненный дождь... сквозь этот дождь я увидел... отшельника и при нем второго...

высокого такого парня в черном... Они выходили из-под деревьев...

— Соломон Кейн!.. — проскрежетал второй бандит. — Так я и знал, что это он! Я...

— Заткнись, недоумок! — рявкнул главарь. — А ты — продолжай!

— Я побежал... Кейн... он погнался за мной... ранил вот... но я убежал... и подоспел сюда... первым...

И раненый уронил голову, тяжело наваливаясь на стол.

— Дьяволы и святые!.. — взревел Волк. — Как хоть он выглядит, этот ублюдок Кейн?

— Как... как сам сатана...

Голос беглеца угас, и с ним жизнь. Мертвое тело вновь сползло на пол и осталось лежать кровавой бесформенной кучей.

— К-к-как сат-т-тана!.. — прыгающая челюсть мешала второму разбойнику говорить внятно. — Я ж-же т-тебе гов-ворил! Это сам р-рогатый... во плоти... Я г-говорил...

Он умолк: снаружи в пещеру просунулась чья-то испуганная физиономия.

— Кейн?..

— Да! — Волк был слишком растерян, чтобы с ходу соврать. — Смотри там как следует, Ла Мон! Сейчас мы с Крысой к тебе подойдем...

Физиономия исчезла, и Ле Лу повернулся к подельщику.

— Похоже, банде конец, — сказал он. — Ты, я да этот ворюга Ла Мон — вот и все, что осталось. Что предлагаешь?

Побелевшие губы Крысы с трудом выдавили:

— Бежать!..

— Дело говоришь. Давай-ка заберем камешки и золото из этих сундучков да и сделаем ноги через потайной ход.

— А Ла Мон?..

— Пускай себе караулит хоть до второго пришествия. Тебе что, больно надо делить добро натрое, когда можно пополам?

Злобную рожу Крысы перекосило бледное подобие улыбки. Потом неожиданная мысль поразила его.

— Он... — и Крыса кивнул на мертвое тело на полу, — помнится, сказал что-то вроде: «...и я подоспел

сюда ПЕРВЫМ». Он что, имел в виду, что Кейн гнался за ним, направляясь... сюда?

Волк только кивнул, утвердительно и нетерпеливо. Крыса поспешно бросился к сундукам.

Огарок, тлевший на колченогом стволе, освещал безумную сцену. Неверный мечущийся свет бросал алые блики, отражаясь в лужи крови, все шире расползавшейся из-под мертвого тела; он играл на самоцветах и золоте, которые торопливые руки выгребали из окованных медью сундуков, выстроившихся вдоль стен; наблюдательный взгляд мог бы заметить, что глаза Волка блестели совершенно так же, как и его спрятанный в ножны кинжал.

И вот наконец сундуки опустели, а их содержимое мерцающей грудой было свалено на окровавленный пол. Тут Волк замер, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Ночь стояла безлунная, и живое воображение Ле Лу мигом нарисовало убийцу в черном — Соломона Кейна, — крадущегося сквозь мрак по его душу. Неслышный силуэт, тень среди теней... Волк криво усмехнулся. Ну уж нет, сказал он себе. На сей раз англичанин останется в дураках.

— Еще сундучок забыл, — буркнул он, указывая рукой.

Крыса удивленно издал невнятное восклицание и склонился над сундуком, на который указывал ему главарь. Волк прыгнул к нему одним движением, как кот. И по рукоять всадил кинжал Крысе в спину, между лопатками. Разбойник осел на пол, не издав ни звука.

— Спрашивается, зачем вообще что-то делить? — пробормотал Ле Лу, вытирая кровавый клинок о камзол мертвеца. — А теперь позаботимся о Ла Моне...

И он шагнул было к двери, но тут же остановился как вкопанный. А потом отшатнулся назад.

Сперва ему показалось, что это была тень человека, стоявшего на пороге. Потом он увидел, что это была не тень, а сам человек. Человек в черном. Который стоял до того неподвижно, что свет мерцающего огарка делал его пугающе похожим на тень.

Он был высокого роста, не меньше самого Ле Лу, и одеяние его было сплошь черно, от шляпы до башмаков.

Такая простая, ничем не украшенная, облегающая одежда, удивительно подходившая к бледному сумрачному лицу. Широкие плечи и длинные руки безошибочно выдавали в нем фехтовальщика. Как, впрочем, и длинная рапира, которую он держал наготове. Лицо у человека было замкнутое и мрачное. Угрюмая бледность, особенно в неверном свете, делала его похожим на выходца с того света. А грозно сдвинутые брови и вовсе наводили на мысли о дьявольщине.

Глаза — большие, глубоко посаженные, немигающие — смотрели на бандита в упор, и Ле Лу, глядя в них, так и не понял, какого же они цвета. Пожалуй, единственным, что нарушало вполне мефистофельское обличье незнакомца, был высокий, широкий лоб. Но и его наполовину скрывала мягкая шляпа без пера.

Вот такой человек. Лоб мечтателя, погруженного внутрь себя идеалиста — и при том глаза и тонкий прямой нос фанатика. Какого-нибудь стороннего наблюдателя наверняка потрясли бы глаза обоих этих мужчин, стоявших друг против друга. В обоих таилась невероятная сила. Но на том и кончалось все сходство.

Глаза у бандита были как камни, свет в них почти не проникал. В них переливался мерцающий блеск, но какой-то мелкий, поверхностный. Так блестит дорогой самоцвет. В глазах были насмешка, бесстрашие и жестокость.

Глаза человека в черном глубоко сидели в глазницах и холодно взирали из-под нависших бровей. Тому, кто заглядывал в них, казалось, будто смотришь с края обрыва в ледяную бездну.

И вот их взгляды схлестнулись, и Волк, привыкший внушать страх, ощутил странный холодок, пробежавший по позвоночнику. Это чувство было ему внове. И он, живший ради острых ощущений, неожиданно захохотал.

— Соломон Кейн, я полагаю? — поинтересовался он, постаравшись, чтобы вопрос прозвучал вежливо-нелюбопытно.

— Да, я Соломон Кейн. — Мощный голос породил эхо в пещере. — Готовы ли вы ко встрече с Создателем?

— А как же, месье, — с поклоном ответствовал Ле Лу. — И более готов, чем теперь, уже не буду. А вы, месье?

— Без сомнения, я неправильно поставил вопрос, — мрачно сказал Кейн. — Изменим его. Готовы ли вы ко встрече со своим хозяином сатаной?

— Что до этого, месье... — Ле Лу с подчеркнуто скучающим видом рассматривал свои ногти, — то позвольте заверить вас, что именно в данный момент я готов представить его рогатому величеству наиболее блистательный отчет о своих земных делах. Другое дело, не вижу особенной нужды с этим спешить. Еще успеется.

Волку не надо было гадать о судьбе Ла Мона: присутствие Кейна в пещере говорило само за себя. Так что на его окровавленную рапиру можно было и не смотреть.

— Что я действительно хотел бы знать, месье, — сказал бандит, — так это, во-первых, какого дьявола вам понадобилось сживать со свету мою банду? И, во-вторых, каким образом вы ухайдакали этот последний выводок моих недоумков?

— На второй ваш вопрос, сэр, ответить легко, — сказал Кейн. — Видите ли, я сам распустил слух, что у отшельника якобы водится золотишко. Я знал, что оно притянет ваших подонков, как падаль — стервятников.

Я следил за хижиной отшельника несколько дней и ночей, и вот ваши негодяи наконец появились. Заметив их, я предупредил святого человека, и мы вместе укрылись в чаще за домиком. Когда же они забрались внутрь, я высек огонь и поджег фитиль, который заблаговременно протянул. Быстро пробежала между деревьями огненная змея и подожгла порох, заложенный под полом хижины. Тогда-то и прозвучал взрыв. Он вдребезги разнес домик и отправил тринадцать грешников среди дыма и пламени прямиком в ад. Одному, правда, посчастливилось удрать, но и его я настиг бы в лесу, не запнись я о корень. Я упал, и он сумел от меня улизнуть.

— Месье! — сказал Ле Лу, отвешивая Кейну еще один низкий поклон. — Позвольте выразить вам мое восхищение: вы очень умный и храбрый противник. Но откройте же мне наконец, почему вы охотились за мной, точно волк за оленем?

— Несколько месяцев назад вы с дружками разграбили деревушку в долине, — ответил Кейн, и выражение его лица сделалось еще более зловещим. — Вы лучше

меня знаете, что там происходило, Ле Лу. Среди прочих там была одна девушка, сущее дитя. Она бежала, пытаясь спастись от вашей низменной похоти. Вы поймали ее! Зверски изнасиловали, пырнули кинжалом и бросили умирать. Я нашел ее там. И над ее бездыханным телом решил, что выслежу вас и убью.

— М-м-м... — Ле Лу наморщил лоб, пытаясь припомнить. — Ну... кажется, какая-то девка в самом деле была. Mon Dieu! Да никак тут у нас замешаны нежные чувства!.. Мог ли я предполагать, месье, что вы влюбчивы! Ах, друг мой, стоит ли ревновать? На белом свете предостаточно баб...

— Остерегись, Ле Лу! — вырвалось у Кейна, и страшная угроза была в его голосе. — Мне еще не приходилось пытать человека до смерти, но, во имя Господне, ты меня искушаешь!

Его тон, и в особенности божба, весьма неожиданная для такого человека, как Кейн, заставила Ле Лу несколько протрезветь. Глаза разбойника сузились, рука потянулась к рапире. Однако потом он вновь подчеркнуто расслабился.

— Кем она вам доводилась, месье? — поинтересовался он лениво. — Супругой?

Кейн ответил:

— Я ее никогда прежде не видел.

— Nom d'un nom! — выругался бандит. — Да что вы за человек такой, месье, что возлагаете на себя долг кровной мести из-за деревенской девки, которую и знать-то не знали?

— А вот это уж, сэр, мое личное дело. Хватит с вас и того, что я его на себя возложил.

Вообще говоря, Кейн сам не смог бы толком этого объяснить. Да он и не пытался рыться в себе. Фанатикам вроде него хватает простых побуждений, чтобы перейти к немедленным действиям.

— Истинную правду вы говорите, месье... — Ле Лу отчаянно пытался выиграть время; дюйм за дюймом он отодвигался назад, да так ловко, что даже у Кейна, следившего за ним, точно хищный ястреб за мышью, никаких подозрений не зародилось. — Месье, — продолжал Волк. — Вы, наверное, сами себе кажетесь доблестным

рыцарем. Странствуете себе, как какой-нибудь Галахад, и только и делаете, что заступаетесь за слабых. Но мы-то с вами знаем, что суть не в том. Здесь, на полу перед вами, лежит императорский выкуп. Может, разделим его по-хорошему? А потом, коли вам так уж не нравится мое общество, — nom d'un nom! — быстренько разойдемся в разные стороны!

Кейн двинулся вперед, холодные глаза начали разгораться зловещим огнем. Он в самом деле казался громадной хищной птицей, готовой броситься на добычу.

— Вы полагаете, сэр, что я такой же мерзкий негодяй, как и вы сами?

Ле Лу внезапно откинул голову, глаза его сияли почти что дружеской насмешкой и какой-то полубезумной бравадой. Он расхохотался во все горло, так что эхо пошло гулять по пещере.

— О нет, вы, глупец! Я и в мыслях не держал равнять вас с собой! Mon Dieu, месье Кейн, да вы по гроб жизни не останетесь без работы, вздумай вы мстить за всех девок, каким я задирал юбки!..

— Смертные тени!.. Да что ж это я трачу время на переговоры с таким негодяем!.. — зарычал Кейн неожиданно кровожадно. Худое тело прянуло вперед с силой и скоростью внезапно отпущенного лука.

Но в тот же самый миг Ле Лу, не переставая безумно смеяться, отлетел назад гибким прыжком, не уступавшим в стремительности движению Кейна. Он безукоризненно рассчитал время. Выброшенные руки опрокинули стол и швырнули его в сторону. Огарок свечи перевернулся и погас.

Пещера погрузилась во тьму.

Рапира Кейна запела в темноте, как стрела. Она свирепо полосовала воздух, но, увы, впустую.

— Прощайте, месье Галахад!.. — насмешливо донеслось откуда-то спереди. Кейн ринулся на голос со всей яростью человека, не находящего должного выхода своему гневу... и уткнулся в сплошную стену, отнюдь не поддававшуюся ударам. Ему показалось, будто откуда-то долетел отзвук издевательского хохота...

Он повернулся назад, вглядываясь в устье пещеры, смутно вырисовывавшееся во мраке. Быть может, его враг

захочет проскользнуть мимо него и незамеченным выскочить вон?.. Но нет, человеческий силуэт так и не появился во входном проеме. Когда же Кейн наконец нащупал свечу и вновь разжег ее, в пещере никого не было. Только он сам — и мертвец на полу.

Глава 3
ПЕСНЬ БАРАБАНОВ

Над темными водами пронесся шепот: БУМ, БУМ, БУМ! — угрюмо повторял кто-то невидимый. Далеко в стороне и еще тише, но другим тембром звучало: ТАМ, ТАМ, ТАМ! Голоса перекликались: барабаны разговаривали друг с другом. Какие вести передавали они? Какие чудовищные тайны разглашали они над мрачными пространствами темных джунглей, которые ничья рука еще не наносила на карту?..

— Говоришь, это и есть та самая бухта, где останавливался испанский корабль?..

— Да, сеньор, это точно она! Негр клянется, что именно тут белый человек покинул судно и ушел в джунгли один-одинешенек.

Кейн хмуро кивнул:

— Тогда высадите меня здесь. Одного. Ждите меня в течение семи дней. Если до тех пор я не вернусь или не подам вести о себе, вы вольны плыть куда пожелаете.

— Да, сеньор.

Волны лениво ударяли в борт шлюпки, несшей Кейна к берегу. Деревня, в которую он направлялся, стояла на речном берегу в некотором отдалении от моря. Густой лес не давал рассмотреть ее с корабля.

Кейн выбрал для высадки время, казавшееся наиболее опасным: он решил сойти на берег ночью. Он знал из опыта: если тот, за кем он гнался, был сейчас в деревне, то среди бела дня подойти к ней нипочем не удастся. Если же он хотел застичь его, приходилось идти на сумасшедший риск,

углубляясь в джунгли в ночной темноте. Что ж, он почти всю жизнь только тем и занимался, что шел на сумасшедший риск. Вот и теперь он без колебаний ставил на карту свою жизнь ради того, чтобы подобраться к туземной деревне под покровом темноты.

На берегу, выйдя из шлюпки, он вполголоса отдал несколько распоряжений. Гребцы погнали суденышко назад к кораблю, стоявшему на якоре поодаль от берега. Кейн же повернулся к морю спиной, и непроглядные ночные джунгли поглотили его. Он крался вперед, держа в одной руке обнаженную рапиру, а в другой — кинжал. Далекое бормотание барабанов помогало ему держать верное направление.

Кейн двигался как леопард: легко и бесшумно. Он осторожно выбирал путь, и каждый его нерв пребывал в напряжении.

Идти было тяжело. Лианы путались под ногами и били его по лицу. Приходилось ощупью пробираться между необъятными стволами гигантских деревьев. И повсюду вокруг него, в густом подлеске, не прекращались весьма подозрительные шорохи, а иногда даже и мелькало что-то живое. Трижды он едва не наступал прямо на змей, которые, извиваясь, поспешно отползали из-под ног. Один раз между деревьями зло блеснули хищные кошачьи глаза. Впрочем, стоило Кейну приблизиться, и глаза погасли и скрылись.

ТАМ, ТАМ, ТАМ! — долетала безостановочная песнь барабанов. Война и смерть! — говорили они. Кровь и похоть! Жертвы на алтарях! Людоедские пиршества! Барабаны говорили о душе Африки, о духе джунглей, пели о богах, обитающих во внешних пространствах, о богах, ревущих и бормочущих по-звериному: человечество знало их, когда над миром только восходила заря веков. Боги с глазами зверей! — пели барабаны. Боги с клыкастыми пастями, с прожорливыми утробами, с когтистыми лапами! Черные боги!..

И еще о многом то кричали, то нашептывали барабаны, пока Кейн со всей возможной скрытностью пробирался по лесу. И где-то в глубине его души пробудилась некая струнка и зазвучала в такт барабанам. Ты тоже родной сын этой ночи, — приговаривали барабаны. В

тебе самом — сила тьмы, дикая первобытная сила. Вернись во глубину веков! К НАМ, К НАМ, К НАМ! Позволь нам научить тебя, научить тебя, научить!..

Наконец Кейн выбрался из непролазных дебрей и ступил на четко видимую тропу. Впереди, за деревьями, проглянули деревенские огни: отблески пламени проникали сквозь щели ограды. Кейн быстрым шагом двинулся по тропе.

Он шел тихо и осторожно, держа рапиру перед собой. Глаз пытался различить малейшее движение впереди. Деревья, стоявшие по сторонам, казались угрюмо замершими великанами; где-то высоко вверху над тропой их ветви сплетались в сплошной полог, и дальше нескольких шагов попросту ничего не было видно.

Подобно темному призраку двигался он по мглистой тропе, держа в постоянном напряжении и ухо, и глаз... И все-таки ничто не предупредило его об опасности. Громадный расплывчатый силуэт выдвинулся из теней и беззвучно сшиб его с ног.

Глава 4
ЧЕРНЫЙ БОГ

ТУП, ТУП, ТУП! — с мертвящей монотонностью повторял невидимый барабан. Теперь Кейн знал, что барабан говорил о нем, да, о нем, на все лады насмехаясь: ТУП, ТУП, ТУП! ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП! Источник рокота то уносился в немыслимую даль, то, наоборот, приближался вплотную: протяни руку — коснешься. И вот наконец ритм барабана совпал с биением крови в висках, то и другое размеренно повторяло: ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП...

Туман в мозгу постепенно рассеивался. Кейн попытался поднять руку, чтобы пощупать голову, но обнаружил, что крепко связан по рукам и ногам. Он лежал на полу хижины... один, или здесь был кто-то еще? Кейн вывернул шею, оглядывая свою тюрьму. Нет, он был не один. Из темноты на него смотрела пара блестящих глаз.

Смутная тень постепенно обретала конкретную форму, и Кейн решил, что это-то, верно, и был человек, ударивший его на тропе. Но почти сразу переменил свое мнение. Этому человеку просто не под силу было бы нанести подобный удар. Он был тощий, высохший и морщинистый. Живыми в этих мощах казались только глаза. Змеиные глаза.

Он сидел на корточках возле двери, почти голый, если не считать набедренной повязки да еще обычного набора всевозможных браслетов на руках и ногах. Кроме украшений, по всему телу старика были развешаны амулеты из слонового бивня, кости и кожи — как звериной, так и человеческой. Кейн был потрясен, когда этот человек неожиданно заговорил с ним... по-английски.

— Ха, твоя проснулась! Зачем твоя сюда приходи, а?

Кейн, естественно, сейчас же задал неизбежный вопрос:

— Как вышло, что ты... говоришь на моем языке?

Туземец ухмыльнулся:

— Моя бывай рабом... долго-долго назад, когда моя была мальчик. Моя, Н'Лонга, великий могучий колдун! Другая такая человек больше нет! А ты — твоя ищи брата?

— Брата!.. — зарычал Кейн. — Я! Брата!.. А впрочем, я действительно разыскиваю одного человека.

Чернокожий кивнул.

— А что будет, — спросил он, — если твоя его находи?

— Он умрет!

Туземец вновь ухмыльнулся.

— Моя — могучий шаман! — заявил он ни к селу ни к городу. Потом склонился ниже: — Твоя ищи белый человек, глаза как у одна такая леопард, верно? Верно?.. — И он расхохотался, заметив реакцию Кейна. — Так вот, твоя слушай. Этот, Глаза-как-у-леопарда, и царь Сонга сильно-сильно договорись. Их теперь кровный братья, так. Твоя молчи! Моя твоя помогай, а твоя помогай моя. Так?

Кейн подозрительно осведомился:

— А с какой это радости ты мне собираешься помогать?

Шаман нагнулся над ним совсем уж вплотную и прошептал:

— Белый человек — правая рука Сонги. Царь Сонга сильней Н'Лонга. Белый человек — большая-большая колдун. Если белый брат Н'Лонги убивай Глаза-как-у-леопарда, он становись кровный побратим Н'Лонги. Тогда Н'Лонга становись сильней Сонга. Твоя-моя договорились, так!

И с этими словами он, что называется, испарился из хижины. Растворился в воздухе, как призрак. Кейн, пожалуй, не взялся бы утверждать, что весь их разговор ему попросту не примерещился.

Он видел отблеск костров, горевших снаружи. Барабаны еще продолжали греметь, но в этакой близи их голоса накладывались один на другой, утрачивая гипнотический ритм. Все сливалось в сплошной шум, в котором трудно было угадать какой-либо смысл, не говоря уже о мелодии. Явственно ощущалась только насмешка. Дикарская, злорадная и жестокая...

«Все ложь, — подумалось Кейну. Голова у него еще шла кругом. — Здешние джунгли лживы, точно лесная колдунья, что заманивает людей на погибель...»

Потом в хижину вошли два воина, два темнокожих гиганта, раскрашенные с головы до пят и с копьями в руках. Подняв англичанина, они вынесли его наружу. Он чувствовал, что они пересекли какое-то открытое место. Здесь Соломона поставили на ноги, прислонили спиной к столбу и привязали. Повсюду вокруг — сзади, спереди, по сторонам — кривлялись черные разрисованные рожи. Пламя костров то взвивалось, то опадало, и лица то были ясно видны, то пропадали во тьме. Наконец прямо напротив Кейна замаячило нечто огромное, бесформенное, непристойно уродливое. Жуткая, черная, как ночь, пародия на человека. Угрюмая, неподвижная, заляпанная кровью. Ужас. Душа Африки. Ее Черный бог.

Чуть впереди изваяния, по сторонам, на резных тронах из тикового дерева сидели двое мужчин. Тот, что справа, был несомненно местным уроженцем: настоящая гора малосимпатичной плоти, поросячьи глазки и мокрые красные губы на лице, отмеченном печатью многих пороков. Человек этот изо всех сил старался казаться величественным.

Второй же...

— Ах, месье, вот мы и встретились снова!

Говоривший мало чем напоминал теперь того учтивого негодяя, что морочил голову Кейну в горной пещере. Одежда его превратилась в тряпье, на лице прибавилось морщин. Прошедшие годы не только состарили его, он еще и заметно опустился. И все-таки глаза его горели прежней шальной безоглядностью, а голос был полон насмешки.

— Последний раз я слышал этот поганый голос в темной пещере, — спокойно сказал Кейн, — из которой ты удирал, как напуганная крыса.

— И верно, в тот раз все выглядело совершенно иначе, чем теперь, — невозмутимо ответствовал Ле Лу. — Интересно, что ты предпринял, когда тебе надоело метаться, точно слону в темноте?

Кейн помедлил, потом сказал:

— Я вышел наружу...

— Так же, как и вошел? Ну конечно! Я должен был догадаться, что у тебя мозгов не хватит отыскать скрытую дверь. Клянусь копытами дьявола!.. Достаточно было тебе наподдать сундук с золотым замочком, стоявший возле стены, и сейчас же открылся бы потайной ход, которым я и воспользовался!

— Как бы то ни было, — сказал Кейн, — я шел по твоему следу до ближайшего порта, где сел на корабль и последовал за тобой в Италию, куда ты, как я выяснил, направился.

— Да, и, во имя всех святых, во Флоренции ты едва не загнал меня в угол. Хо-хо!.. Месье Галахад ломился в дверь таверны, в то время как его покорный слуга вылезал в окошко с другой стороны. И не охромей твоя лошадь, ты как есть застукал бы меня на римской дороге. Опять же, в Испании, едва мой корабль отвалил от пристани, как на причал верхом прискакал все тот же месье Галахад. И что тебе взбрендило вот так гоняться за мной по всему миру? Не возьму в толк!

— Потому что ты — негодяй, которого я обязан убить, — холодно отвечал Кейн. Другого объяснения у него не было. Он провел жизнь в скитаниях по белу свету, всюду помогая угнетенным и сражаясь с обидчиками слабых. Что двигало им — он не взялся бы истолковать. Да

он никогда и не пытался. Такова уж была его планида, и все. Его страсть, одержимость всей его жизни. Жестокость и несправедливость неизменно разжигали в нем яростное пламя гнева. Столь же смертоносное, сколь и неугасимое. И когда оно возгоралось как следует, в полную силу, — тут уж Кейн не знал ни отдыха, ни покоя, покуда не исполнял долг мести в полной мере, до самого конца. В тех редких случаях, когда ему вообще случалось задумываться о мотивах собственных поступков, он полагал себя сосудом божьего гнева, изливаемого на головы неправедных. Он считал себя до кончиков ногтей пуританином. Но назвать его пуританином в полном смысле слова было, конечно же, нельзя.

Ле Лу передернул плечами:

— Я еще мог бы понять, если бы чем-нибудь навредил тебе лично. Mon Dieu! В этом случае я и сам поперся бы казнить врага хоть на край света. Но о тебе я и слыхом не слыхал до того самого дня, когда тебе вздумалось объявить мне войну. То есть я бы, понятное дело, с превеликим удовольствием убил и ограбил тебя, да как-то случая не представилось...

Кейн не ответил. Холодный гнев переполнял его. Он сам того не осознавал, но Волк давно уже стал для него не просто врагом. Француз превратился для Кейна в настоящий символ всего, с чем пуританин сражался всю свою жизнь: жестокости, подлости, насилия и бесстыдства.

Ле Лу прервал его мстительные размышления, спросив:

— А что ты сделал с сокровищами, которые я столько лет собирал? Дьявол тебя задери, я всего-то успел подхватить горстку монет и побрякушек, когда удирал!

— Кое-что я взял себе и использовал, пока охотился за тобой, — ответил Кейн. — А остальное отдал крестьянам, которых ты обирал.

— Сатана и угодники!.. — выругался Ле Лу. — Слушай, месье, да ты самый крутой недоумок из всех, что мне попадались. Высыпать такую казну — ах, дьявол, кишки в узел завязываются, как подумаю! — в лапы подлому мужичью! А впрочем... ох-хо-хо-хо! Дак они ж все друг дружке из-за этих денег горло перегрызут!.. От человеческой природы никуда не уйдешь!..

— Верно, будь ты проклят! — неожиданно взвился Кейн. Его самого по этому поводу беспокоила совесть. — Перегрызут, потому что они глупцы. А что я мог сделать еще? Оставить клад в пещере, чтобы люди нагишом ходили из-за нищеты? Они, кстати, его все равно бы нашли, так что свара так и так разразилась бы. А вот если бы ты не отбирал эти деньги у их законных владельцев, никакой беды бы не произошло!..

Волк молча улыбался ему в лицо. Кейн был убежденным противником богохульства и бранился исключительно редко. Соответственно, ругань в его устах всегда приводила в замешательство его оппонентов, какими бы закоренелыми мерзавцами они ни были.

Пуританин вновь подал голос:

— А ты — почему ты бегал от меня по всему свету? На самом-то деле не так уж ты меня и боялся!

— Угадал, месье. Не боялся. А почему — право же, и сам не знаю. Привычка, наверное. Привычка, она, видишь ли, вторая натура. Должен признаться, я совершил ошибку, не грохнув тебя той же ночью в горах. Я уверен, что справился бы с тобой в поединке. Заметь, до нынешнего дня я ни разу не пытался подстроить тебе засаду. Меня просто как-то не радовала мысль о встрече с тобой. Прихоть, месье, обыкновенная прихоть. А кроме того, — mon Dieu! — это до некоторой степени вернуло мне остроту переживания. Я ведь думал, что все острые ощущения уже исчерпал. А кроме того, человек в любом случае — либо дичь, либо охотник. До сих пор я был дичью, и постепенно мне это начало надоедать. Тем более что я решил, будто ты уже потерял мой след...

Кейн ответил:

— Раб, привезенный из здешних краев, рассказал одному португальскому капитану об «англичанине», который якобы высадился с испанского корабля и отправился в джунгли. Этот слух достиг моих ушей, и тогда я нанял корабль, заплатив капитану за то, чтобы он доставил меня в то же место.

— Восхищаюсь упорством месье Галахада. Но и я, согласись, достоин твоего восхищения! Я пришел в эту деревню один — один среди дикарей и людоедов! Я даже и языка толком не знал, так, нахватался от того раба на

корабле. И все же я умудрился завоевать расположение вождя Сонги и сместил Н'Лонгу, этого старого шарлатана. Я храбрей тебя, месье! У меня не было корабля, на который я мог бы отступить, — а тебя, как я знаю, ожидает корабль...

— Я признаю твое мужество, — сказал Кейн. — Но ты удовлетворился тем, чтобы править каннибалами... да ты и среди них-то самая последняя душонка. А я собираюсь вернуться к своему народу... как только покончу с тобой.

— Твоя уверенность в себе тоже внушала бы уважение, не будь она так забавна. Эй, Гулка!

На открытую площадку между ними выбрался исполинский дикарь. Второй подобной громадины Кейн не видал никогда в своей жизни, только вот двигалась эта громадина с гибкой грацией кошки. Руки и ноги чернокожего походили на необъятные древесные стволы, при каждом движении на них вздувались и опадали могучие мышцы. Голова, напоминавшая обезьянью, росла прямо из чудовищных плеч. Громадные руки казались сродни лапам гориллы, под низким покатым лбом прятались звериные глазки. Плоский нос и толстые красные губы дополняли облик полнокровной дикости, необузданной и первобытной.

— Это Гулка, убийца горилл, — сказал Ле Лу. — Это он подкараулил тебя на тропе и уложил кулаком. Ты сам вроде волка, месье Кейн, но с того мгновения, как твой корабль показался на горизонте, за тобой пристально следило множество глаз. И будь ты хоть сам леопард, ты бы нипочем не заметил Гулку и не услышал его. Он охотится на самых хитрых и свирепых животных, охотится в их родных лесах. Он ходит на север и ловит там «зверей-ходящих-как-люди» — вроде вот этого, которого он убил несколько дней назад.

Кейн посмотрел туда, куда указывал палец Ле Лу, и увидел странное человекоподобное существо, висевшее на коньке одной из крыш. Оно было наколото, как на вертел, на острый конец шеста. Свет костров не давал возможности подробно его рассмотреть, но в очертаниях волосатой туши безошибочно угадывалось нечто несомненно человеческое.

— Самка гориллы, которую Гулка убил и приволок в деревню, — пояснил Ле Лу.

Гигант между тем нагнулся к Кейну и уставился англичанину прямо в глаза. Пуританин хмуро ответил на его взгляд, и спустя некоторое время дикарь, не выдержав, отвернулся и подался назад. Взгляд мрачных глаз Кейна глубоко проник в сумеречное сознание охотника на горилл, и впервые за всю свою жизнь Гулка почувствовал страх. Желая отделаться от неприятного ощущения, он обвел соплеменников вызывающим взглядом; а потом, совсем уж как животное, с барабанным звуком ударил себя в грудь, оскалил зубы и напряг колоссальные мышцы. Никто не издал ни звука. Это было первобытное звероподобие во всей своей красе. Те из зрителей, кто был больше похож на людей, наблюдали за Гулкой — одни посмеиваясь про себя, другие — терпимо, третьи — с тихим презрением.

Охотник на горилл украдкой покосился на Кейна, проверяя, смотрит ли на него англичанин. А потом, издав устрашающий рев, вдруг бросился вперед и выдернул из круга одного из мужчин. Трясущаяся жертва отчаянно заверещала, умоляя о снисхождении. Великан швырнул несчастного на грубо сработанный алтарь перед темным идолом, блеснуло занесенное копье, и крики оборвались. Черный бог молча наблюдал за происходившим у его подножия, и чудовищные черты, казалось, озаряла жестокая улыбка. Он испил крови. Удовлетворило ли его приношение?

Гулка прошествовал назад, остановился против Кейна и принялся вращать окровавленным копьем перед лицом белокожего пленника.

Ле Лу захохотал... И тут неожиданно на сцене появился Н'Лонга. Откуда он возник, осталось никому не известным. В какой-то миг его не было, а потом он попросту возник, сгустился из воздуха рядом со столбом, у которого стоял привязанный Кейн. Колдун прожил век, изучая все тонкости искусства создавать иллюзии; он в совершенстве умел появляться из ниоткуда и исчезать никуда. На самом деле для этого нужно было просто очень хорошо чувствовать внимание зрителей. Остальное зависело от ловкости.

Царственным жестом маленький колдун отстранил Гулку, и великан охотник поспешно шарахнулся прочь, как бы для того, чтобы поскорее убраться с глаз Н'Лонги... но тут же с невероятной скоростью развернулся и сплеча шарахнул шамана ладонью по уху. Удар был страшный. Н'Лонга свалился, точно бык на бойне. В мгновение ока его сцапали и привязали к тому же столбу, рядом с Кейном. Из толпы народа послышался неуверенный ропот. Царь Сонга метнул в ту сторону грозный взгляд, и ропот сразу затих.

Ле Лу откинулся на спинку трона и захохотал уже во все горло:

— Вот и добрался ты до конца тропы, месье Галахад! Старое чучело думало, что я знать не знаю о его замыслах. Тогда как я прятался за дверью хижины и слышал от и до всю вашу занимательную беседу. Ха-ха, месье! Черный бог предпочитает пить кровь, но я уговорил Сонгу предать вас обоих огню. На мой вкус, это зрелище гораздо забавней, хотя, боюсь, нам придется отказаться от обычного в таких случаях пира. Ибо, когда у вас под ногами разведут огонь, сам дьявол не убережет ваших тел: обуглитесь, как головни!

Сонга возвысил голос, отдавая приказ. Несколько его соплеменников принесли дрова и сложили их возле ног Н'Лонги и Кейна. Тем временем к колдуну вернулось сознание, и он что-то прокричал на своем языке. Толпа, скрытая темнотой, вновь недовольно заворчала. Сонга прорычал что-то в ответ...

...Кейн взирал на происходившее почти отрешенно. Где-то в глубине его души пробуждались смутные воспоминания — нет, не его собственные, но те, что дремали в крови человечества, передаваясь от поколения к поколению. Память, подернутая мглой минувших эпох. А ведь я уже был здесь, думалось Кейну. Я все это уже видел когда-то. Мертвенный отсвет огня, разгоняющий угрюмую ночь, плотный круг лиц, больше похожих на звериные морды, оскаленные в кровожадном предвкушении... И бог! Там, чуть поодаль, окутанный тенью, — Черный бог! Все тот же Черный бог, думающий во мраке свои ужасные

думы. Я уже слышал эти песнопения, этот остервенелый хор молящихся. Там, во глубине веков, на заре мира. Я слышал беседу рокочущих барабанов, я видел жрецов, распевающих заклинания, я чувствовал этот отвратительный, но и возбуждающий, довлеющий надо всем запах только что пролитой крови. Все это я уже наблюдал — не здесь и не сейчас, но наблюдал. А теперь я сам стал главным действующим лицом...

Тут до него дошло, что кто-то пытается докричаться до него сквозь гром барабанов. Собственно, он тут только осознал и то, что барабаны снова заговорили.

— Моя — могучий колдун! — бубнил Н'Лонга. — Сейчас твоя смотри хорошенько: моя совершай великое вуду. Сонга!!!

Вопль шамана был таков, что его услышали даже сквозь безостановочный гул барабанов. Сонга расслышал обращенные к нему слова и расплылся в усмешке. А грохот тамтамов перешел в негромкое, зловещее бормотание. Так что Кейн вполне отчетливо расслышал голос Ле Лу:

— Н'Лонга говорит, что сейчас он совершит волшебство, о котором и упоминать-то вслух нельзя, не то помрешь. Никогда раньше оно не совершалось прилюдно: это что-то из области неназываемой магии. Смотри же внимательнее, месье Галахад! Кажется, мы позабавимся еще лучше, чем я ожидал!

И Волк издевательски засмеялся.

Подошедший к Кейну дикарь нагнулся и поджег хворост у его ног. Крохотные язычки пламени побежали по сухим веткам. Еще один чернокожий собрался было подпалить дрова возле Н'Лонги, но вдруг замешкался. Колдун беспомощно повис на веревках, уронил голову на грудь. Казалось, он умирал.

Ле Лу подался вперед, выругавшись:

— Клянусь пятками дьявола! Никак этот поганец задумал лишить нас развлечения? Неужели мы не увидим, как он корчится в пламени?..

Воин опасливо притронулся пальцем к телу Н'Лонги и сказал что-то на своем наречии.

— Точно, откинул копыта, мошенник! — засмеялся Ле Лу. — Да уж, великий колдун, во имя...

Голос его неожиданно оборвался. Замолкли и барабаны, причем так, как будто барабанщиков постигла одновременная смерть. Тишина распространилась над деревней подобно туману. Некоторое время Кейн слышал только потрескивание пламени, чей жар постепенно уже подбирался к его телу.

Все глаза были обращены к мертвецу, распростертому на алтаре. Ибо мертвое тело начало шевелиться!

Сперва неуверенно дернулась кисть, потом задвигалась рука, а там и все остальные члены. Мертвец повернулся набок, медленно и словно бы незряче. Потом сел. И наконец тело убитого выпрямилось и встало, пошатываясь. Зрелище было кошмарное. Ни дать ни взять жуткий новорожденный прорвал скорлупу небытия и вывалился в мир, с трудом удерживаясь на негнущихся, широко расставленных ногах и бесцельно помавая в воздухе руками. И все это в могильной тишине, в которой был отчетливо слышен каждый испуганный вздох.

Кейн мог только завороженно смотреть. Впервые в жизни он испытал потрясение, начисто лишившее его не только дара речи, но и способности думать. Не говоря уж о том, что для него, пуританина, явление руки диавола было более чем очевидно.

Ле Лу так и прирос к трону, тараща глаза. Его ладонь замерла в воздухе на середине небрежного жеста, который он собирался сделать, когда его застигло невообразимое зрелище. Подле него сидел Сонга: рот и глаза царя были одинаково распахнуты настежь. Пальцы судорожно дергались, переползая по резным подлокотникам трона.

Мертвец раскачивался на ногах-ходулях, заваливаясь назад так, что взгляд незрячих глаз устремлялся прямо к багровой луне, только-только выплывавшей из-за черной стены джунглей. Он шел вперед, вернее сказать, кое-как ковылял, описывая неправильный полукруг, раскидывая руки, чтобы удержать равновесие. Наконец он повернулся лицом к двум тронам. И к Черному богу.

В огне, подобравшемся к самым ногам Кейна, треснула ветка, и в страшной тишине этот слабый звук показался пушечным выстрелом. Ходячий ужас сделал шаг вперед. Неверный, ковыляющий шаг. И еще. И пошел, широко

расставляя ноги, прямо к двоим правителям, безгласно застывшим у подножия Черного бога.

— Ах-х... — дружно выдохнула толпа, придавленная испугом и темнотой. Жуткий мертвец неотвратимо продвигался вперед. Вот он уже в трех шагах от тронов! Ле Лу, познавший страх едва ли не впервые за свою кровавую жизнь, вжался в спинку кресла. Сонга же, нечеловеческим усилием разорвав путы страха, огласил ночь безумным криком. Вскочив на ноги, он замахнулся копьем, извергая невнятные угрозы. Мертвец ничуть не замедлил пугающей поступи, и тогда Сонга метнул копье, вложив в бросок всю силу могучих мышц. Копье пробило грудь шедшего, пропоров кости и плоть. Но ни на миг не задержало его движения, ибо мертвые не умирают. И Сонга застыл на месте, простирая руки вперед, словно тщась заслониться от неумолимого рока...

Они стояли друг против друга, и пляшущие отсветы пламени мешались с лунными лучами, навеки запечатлевая эту сцену в памяти всех видевших. Немигающие глаза мертвеца смотрели прямо в глаза Сонги, и в зрачках царя отражались разом все ужасы преисподней.

Потом мертвые руки неуклюже протянулись вверх и вперед. И упали Сонге на плечи. При первом же их прикосновении дородный царь словно бы съежился и усох. И завизжал так, что слышавшие этот визг уже не могли его позабыть. И рухнул наземь, увлекая за собой пошатнувшегося мертвеца. Два неподвижных тела распростерлись у ног Черного бога. Ошарашенному Кейну уже казалось, будто в глазах идола, устремленных на них, в этих огромных нечеловеческих глазах плескался такой же нечеловеческий смех.

Стоило упасть царю Сонге, как все туземцы хором испустили ужасающий вопль. А Кейн, взгляду которого застарелая ненависть придавала особую зоркость, поискал Ле Лу и увидел, как он спрыгивает с трона и исчезает в темноте. Потом все заслонило мельтешение черных тел: обезумевшая толпа ринулась через площадку. Множество ног смело и разнесло пылающий хворост, и Кейн почувствовал, как торопливые руки освобождают его от пут. Другие руки освободили тело колдуна и опустили его наземь.

Только тут до пуританина начало смутно доходить, что племя приписывало все происшедшее магическому искусству Н'Лонги. И что они как-то связывали месть колдуна с ним самим, с Кейном. Наклонившись, он тронул ладонью плечо шамана. Никакого сомнения: тот был мертв, тело успело даже остыть. Он посмотрел на другие два тела. Сонга тоже не подавал признаков жизни, и то, что убило его, больше не двигалось.

Кейн хотел было подняться... и замер. Что это? Наваждение? Или его ладонь, еще сжимавшая плечо мертвого Н'Лонги, действительно ощутила вернувшееся тепло?.. Голова у него снова пошла кругом. Он склонился над колдуном... Нет, ошибки быть не могло. По телу шамана в самом деле распространялось тепло. Снова застучало сердце, разгоняя по жилам отяжелевшую кровь...

Н'Лонга открыл глаза и уставился на Кейна бессмысленным взором новорожденного младенца. У англичанина бегали по спине мурашки, но он продолжал смотреть. И увидел, как в глаза вернулся змеиный блеск, а толстые губы раздвинула знакомая хитрющая ухмылка. Н'Лонга зашевелился и сел, а племя разразилось каким-то странным песнопением.

Кейн огляделся кругом. Воины, все без остатка, стояли на коленях, раскачиваясь взад и вперед, и Кейн расслышал в их молитвенном хоре нечто вроде припева.

— Н'Лонга! Н'Лонга! Н'Лонга!.. — повторяли они с ужасом, восторгом и яростным, почти пугающим поклонением. Колдун поднялся на ноги, и мужчины пали перед ним ниц.

Н'Лонга удовлетворенно кивнул головой.

— Моя — великий колдун! Могучий шаман! — с торжеством объявил он Кейну. — Твоя видела? Моя дух выходи наружу — убивай Сонга — потом возвращайся обратно в одна такая тело! Моя твори великое вуду! Моя — страшный колдун!

Кейн оглянулся на Черного бога, возвышавшегося над ними в ночи. Потом снова посмотрел на Н'Лонгу, который протягивал к изваянию руки, словно заклиная обитавшее в нем божество.

«Я вечен, — раздались в мозгу Кейна слова, исходившие, казалось, из уст этого божества. — Кто бы ни

находился у власти, мне не приходится жаждать. Вожди, убийцы, волшебники... все они проходят мимо меня, бесплотные, словно призраки мертвых, сквозь предрассветные джунгли. Один я по-прежнему стою здесь — и властвую...»

...Кейн толчком вернулся к реальности, вырвавшись из мистических туманов, по которым отправился было путешествовать его разум.

— Ле Лу! — вспомнил он. — Куда скрылся мерзавец?

Н'Лонга крикнул что-то своим. Добрых двадцать рук сейчас же указали ему направление. Откуда-то вытащили Кейнову рапиру и вернули владельцу. Мистика кончилась: он снова был беспощадным мстителем, призванным искоренять в человеках неправду. Кейн схватил рапиру и помчался по горячему следу с быстротой обозленного тигра.

Глава 5
КОНЕЦ КРОВАВОЙ ТРОПЫ

Ветви и цепкие лианы хлестали англичанина по лицу. Испарения тропической ночи клубились удушливым туманом. Луна плыла высоко над джунглями. Яркий серебряный свет и непроглядные тени. Невероятный черно-серебряный узор на земле между деревьями...

Кейн не мог знать наверняка, этим ли путем проследовал человек, за которым он гнался. Но то, что кто-то здесь прошел, причем совсем недавно, не подлежало никакому сомнению. Сломанные ветки, затоптанный мох — все в один голос свидетельствовало: здесь только что промчался беглец. Промчался в спешке, не разбирая дороги.

Кейн летел по следу, не сворачивая ни вправо, ни влево. Он верил в справедливость своей мести. Как и в то, что Силы, управляющие людскими судьбами, рано или поздно сведут его лицом к лицу с Ле Лу.

Позади него вновь зарокотали, заухали барабаны. Что за новость в эту ночь разносили они по чаще лесов! О торжестве Н'Лонги, о смерти царя Сонги, о свержении

чужака по прозвищу Глаза-как-у-леопарда... и еще кое о чем гораздо более странном и страшном, о чем даже и барабаны рассказывали приглушенной скороговоркой: о неназываемой магии.

А может, все это вообще был просто сон? — спрашивал себя Кейн, спеша вперед через лес. — Или какая-нибудь бесовщина?.. Да, он своими глазами видел, как мертвый восстал, убил и умер опять. Неужели Н'Лонга в самом деле устремил свой дух, свою жизненную сущность вовне, чтобы заставить мертвое тело, труп, исполнять свою волю? Но ведь он действительно умер у столба пыток. А тот, другой, лежавший на алтаре, — поднялся и совершил то, что совершил бы сам Н'Лонга, будь он свободен. А потом, когда иссякла неведомая сила, двигавшая труп, — Н'Лонга ожил!

Да, думал Кейн. С фактами не поспоришь. Где-то там, в дебрях джунглей и речных проток, Н'Лонга, должно быть, натолкнулся на разгадку великой Тайны. Тайны жизни и смерти, Тайны, позволявшей отбросить оковы и ограничения плоти. И каким же образом эта темная мудрость, рожденная в кровавых потемках мрачного континента, была вручена колдуну? Какой жертвой ублаготворил он своих черных богов? Какой ритуал оказался достаточно чудовищным, чтобы заставить их выдать бережно хранимый секрет?.. И какие непредставимые путешествия вне времени и пространства предпринимал этот Н'Лонга, когда научился посылать свое «я» в те пустынные, затянутые туманной дымкой края, что доселе посещали лишь мертвые?..

В тенях — мудрость, — пели у него за спиной барабаны. — Мудрость и волшебство. Войди во тьму и обрети мудрость. Ибо древняя магия избегает солнечных лучей. Стань МУДР, МУДР, МУДР! Мы помним, мы помним, — рокотали барабаны, — мы помним затерянные века, когда человек еще не сделался разумен... и глуп. Мы помним богов-зверей — богов-змей, богов-обезьян, — помним и Безымянных, черных богов, тех, что пили кровь, тех, чьи голоса гремели в угрюмых холмах, тех, что пировали и тешили свою плоть. Им принадлежали тайны жизни и смерти. Мы помним, — нашептывали барабаны. — Мы помним, мы помним...

Все это слышал Кейн, несясь по джунглям вперед. Он отлично понимал все то, что рассказывала песнь барабанов воинам в пернатых уборах, жившим выше по реке. Другое дело, что с ним эти барабаны разговаривали на другом языке, глубинном, не нуждавшемся в словах.

Луна, проплывавшая высоко в полуночной синеве неба, освещала ему путь. И вот, выскочив на очередную поляну, он увидел стоявшего там Ле Лу. Обнаженный клинок в руке Волка казался длинным серебристым лучом. Он стоял расправив плечи, и прежняя вызывающая улыбка играла у него на губах.

— Долгий путь, месье, — сказал он Кейну. — Подумать только, он начался в горах Франции, а кончается в африканских джунглях! Потому что мне надоела эта игра, месье, и ты умрешь. Только не думай, будто я бежал из деревни, чтобы спастись от тебя. Все дело в дьявольской магии старого сморчка Н'Лонги, которая тряхнула-таки мои нервы. В чем я охотно и признаюсь. Ну, и еще то, что все племя, как я видел, готово было обратиться против меня...

Кейн осторожно приближался, гадая про себя, что за смутная, давно позабытая струнка рыцарства вдруг заговорила в душе насильника и убийцы и заставила его вот так, в открытую, принять вызов. Он наполовину готов был подозревать какую-то ловушку. Он обшарил глазами края поляны, но и его острое зрение не различило в джунглях никакой лишней тени, никакого движения.

— Защищайтесь, месье! — решительно прозвенел голос Ле Лу. — Хватит уже нам плясать друг за дружкой по всему миру! Нам никто больше не помешает: мы здесь одни!..

Двое мужчин сошлись вплотную. Ле Лу ринулся вперед, не договорив фразы. Он сделал стремительный выпад... Человек, не обладавший отменной реакцией, умер бы на месте. Кейн отбил вражеский клинок, и его собственная рапира сверкающей змейкой метнулась вперед, располосовав рубаху Волка, проворно отскочившего назад. Ле Лу ознаменовал свою неудавшуюся хитрость сумасшедшим смешком. И налетел снова — с умопомрачительной скоростью и с яростью тигра. Тонкий клинок в его руках превратился в прозрачный серебряный веер.

Две рапиры мелькали, скрещиваясь и разлетаясь. Лед и пламень сражались на этой поляне. Ле Лу дрался с энергией и хитростью безумца. Его защита была безупречна, сам же он стремился использовать любую возможность, которую предоставлял ему противник. Он метался, точно пламя, он отскакивал и нападал, финтил, колол, отбивал... и при этом хохотал как сумасшедший и беспрерывно сыпал проклятиями.

Искусство Кейна было холодно, расчетливо и экономно. Он не делал ни единого лишнего движения, — ровно столько, сколько было необходимо. Казалось, он заботится о своей защите куда больше, нежели Ле Лу, но если уж он атаковал, то без раздумий, а если делал выпад, то его рапира летела вперед с быстротой разящей змеи.

Противники стоили друг друга во всех отношениях — и ростом, и силой, и длиной рук. Может, Ле Лу был быстрей — всего на чуть-чуть, на долю мгновения. Зато искусство Кейна было отточенней, совершенней. Взрывные движения Волка напоминали порывы жаркого воздуха из устья раскаленной печи. Руку Кейна направляла скорее холодная мысль, нежели инстинкт. Хотя и он по своей натуре был прирожденным убийцей. Такой бойцовской слаженности движений всего тела нельзя научить — с этим надо родиться.

Выпад, защита, обманный выпад, неожиданный вихрь ударов...

— Ха!.. — возглас торжествующей ярости вырвался у Волка: на щеке пуританина выступила кровь. Казалось, вид крови окончательно превратил Ле Лу в зверя, именем которого называли его люди. Кейну пришлось отступить перед этим кровожадным натиском. Впрочем, пуританин оставался, как и прежде, невозмутим.

Время шло, а в окружении сумрачных джунглей все с той же неослабной энергией лязгала сталь. Теперь противники стояли точно посередине поляны. Ле Лу — без единой отметины, Кейн — щедро попятнанный кровью из порезов на щеке, груди, плече и бедре. Волк свирепо и насмешливо улыбался ему под луной... но в душу бандита постепенно закрадывалось сомнение.

Его дыхание со свистом вырывалось из легких, рука начинала тяжелеть. Из какой же стали и льда был сделан

его противник, ничуть не думавший уставать?.. Ле Лу отлично знал, что раны, причиненные им Кейну, были вовсе не глубоки. Тем не менее несильное, но постоянное кровотечение уже должно было как-то сказаться на быстроте и выносливости англичанина. Ничуть не бывало! Даже если Кейн и ощущал некоторый упадок сил, он ничем этого не показывал. Хмурое лицо, как и прежде, ничего не выражало. И дрался он с той же точно холодной, расчетливой яростью, что и вначале.

Ле Лу почувствовал, что слабеет. И собрал иссякающие силы, выплеснув их в одной-единственной атаке. Это была внезапная, неожиданная атака, столь быстрая, что глаз не мог за ней уследить. Безумный взрыв, устоять против которого было не в человеческих силах. И Соломон Кейн пошатнулся впервые с самого начала поединка: холодная сталь вспорола его тело. Он качнулся назад, и Ле Лу бросился следом, торжествуя, с обагренным клинком в руке и издевательской насмешкой на задыхающихся устах...

Рапира Кейна взвилась со всей силой отчаяния и встретила клинок Волка на полдороге. И удержала. А потом вышибла из руки, и торжествующий клич Волка оборвался.

Какое-то мгновение он еще стоял, раскинув руки, словно распятый, а потом его насмешливый хохот прозвучал в последний раз — когда рапира англичанина уже летела вперед, серебрясь в лунных лучах.

...Издалека доносилось бормотание барабанов. Кейн механически вытер клинок о собственную изорванную одежду. Вот и добрался он до конца кровавой тропы. Кейн чувствовал внутри себя странную пустоту. Он всегда чувствовал себя так, покончив с врагом. Почему-то ему всегда при этом казалось, что никакого истинного добра от его деяния не произошло. И еще казалось, будто окончательного возмездия убитый враг все-таки избежал.

Разобраться, отчего так, было заведомо невозможно, и Кейн, пожав плечами, обратился к нуждам собственного страдающего тела. Теперь, когда отгорело возбуждение битвы, он ощущал и боль, и слабость из-за потери крови.

Последний удар Ле Лу и вовсе чуть было не наделал дел. Если бы Соломон не увернулся в последний момент, рапира Волка насквозь пробила бы ему грудь. А так она просто скользнула по ребрам и глубоко воткнулась в мышцы пониже лопатки. Рана, в общем, неопасная.

Кейн осмотрелся и увидел в дальнем конце поляны небольшой ручеек. И вот тут-то он сделал свою первую и последнюю ошибку подобного рода, единственную за целую жизнь. Может быть, его разум помутила потеря крови, а может быть — вся та цепь потрясающих событий, которые вместила в себя ночь. Как бы то ни было, он положил рапиру наземь и безоружным отправился через поляну к ручью. Там он промыл свои раны и кое-как перевязал их клочками одежды.

Потом он поднялся и собрался уже идти обратно, когда его внимание привлекло некое движение в том конце поляны, откуда он сам прибежал перед поединком. Гигантский силуэт выдвинулся из темноты джунглей, и Кейн распознал поступь неумолимого рока. Это был Гулка, охотник на горилл. Соломон запоздало припомнил, что не заметил великана среди тех, кто воздавал хвалы колдуну. Можно ли было предположить за покатым лбом охотника ту злобную хитрость, которая, оказывается, помогла ему избегнуть возмездия соплеменников и выследить единственного человека, сумевшего внушить ему страх?..

Видимо, Черный бог был благосклонен к своему почитателю: навел его на жертву, когда та была безоружна и беззащитна. Кто теперь мог помешать Гулке убить его, убить медленно, как это делает леопард? Да, именно так, а не исподтишка, бесшумно и быстро, как он собирался вначале!

Широкий рот расплылся в улыбке, разделив надвое первобытную физиономию. Гигант облизнул толстые губы. Кейн наблюдал за ним, холодно и беспристрастно взвешивая свои шансы. Он видел, что Гулка уже заприметил валявшиеся рапиры. И он стоял к ним ближе, чем Кейн. Англичанин понимал, что внезапного броска к оружию ему не выиграть.

В душе его начала разгораться медленная, смертоносная ярость. Ярость отчаяния. Кровь застучала в висках, а глаза, устремленные на чернокожего воина, вспыхнули

страшным огнем. Пальцы выпрямились и согнулись, как когти. Руки у Кейна были железные: кое-кому случалось испускать дух, угодив в мертвую хватку пуританина. Как бы и шея Гулки, напоминавшая колонну, не затрещала гнилым сучком... Накатившая волна слабости показала Соломону всю тщету подобных надежд. Ко всему прочему, лунный свет играл на копье, которое держал в руке Гулка. Кейн понимал, что ему не удалось бы даже и убежать. Ну да он ни разу еще не спасался бегством, оказавшись с врагом один на один.

Вот охотник на горилл вышел на открытое место. Мускулистый, жуткий в своей силе, он казался живым воплощением идеалов каменного века. Он улыбался во весь рот, и рот был как пещера. Дикой, уверенной в себе мощью дышала его осанка...

И Кейн приготовился к схватке, у которой мог быть только один исход. Он попытался собрать воедино иссякающие силы... бесполезно: он потерял слишком много крови. Ну что ж, по крайней мере он встретит свой конец стоя во весь рост, как подобает мужчине. Он с трудом заставил распрямиться подламывающиеся колени и выпрямился, несмотря на то что поляна кружилась и плыла у него перед глазами, а серебристый лунный свет сменился багровым туманом, сквозь который он едва различал надвигавшийся силуэт.

Поняв, что сейчас потеряет сознание, Кейн нагнулся к ручью (едва при том не упав), зачерпнул обеими руками воды и плеснул себе в лицо. Это помогло, и он снова выпрямился, надеясь, что Гулка набросится на него без промедления и все кончится прежде, чем слабость уложит его наземь.

Гулка между тем добрался уже до середины поляны. Он не торопился. Он двигался лениво, как огромная кошка, знающая, что добыча все равно никуда уже не уйдет. Он вовсе не торопился сожрать ее как можно скорей. Ему хотелось поиграть со своей жертвой, увидеть, как страх наполнит эти угрюмые глаза, заставившие его отвести взгляд, — а он помнил, что обладатель этих самых глаз был в тот момент привязан к столбу и ожидал смерти. Убить! Но убить медленно, в полной мере утолив свою жажду крови, жажду пыток и крови...

И вдруг, совершенно неожиданно для Кейна, он замер на месте, а потом, крутанувшись, уставился на что-то по ту сторону поляны. Пуританин, недоумевая, проследил его взгляд...

Сначала оно показалось ему всего лишь тенью среди теней, быть может, лишь чуть гуще других. Не было ни движения, ни звука, но Соломон нутром ощутил: кошмарная угроза таилась там, во тьме, затопившей подножия лесных великанов. Какой-то чудовищный ужас смотрел оттуда на людей, и Кейну показалось, что нечеловеческие глаза проникали в самую его душу. И в то же время — могло ли такое быть? — страшные глаза смотрели не на него. Их взгляд был направлен только на убийцу горилл.

Гулка тем временем напрочь позабыл о присутствии англичанина. Он стоял полупригнувшись и держа копье наготове, неотрывно глядя на сгусток темноты там, под деревьями. Кейн снова всмотрелся... Теперь он заметил движение. Нечто пошевелилось и вышло на поляну, почти как сам Гулка, медленно перетекая с места на место. Соломону захотелось протереть глаза: уж не было ли это его предсмертным видением?.. То, на что он смотрел, до сих пор представало ему разве только в страшнейших кошмарах, когда крылья сна уносили его далеко в глубину прошедших веков.

Сначала ему показалось, будто через поляну ковыляла какая-то кощунственная пародия на человека. Она шла на двух ногах и ростом была с высокого мужчину. Но таких объемов и пропорций у человеческого существа никогда не бывало, да и быть не могло. Взять хоть руки, свисавшие чуть не до пят! А уж ноги...

Потом луна осветила морду (или все-таки лицо?) неведомого существа, и тут уж Кейн чуть было не решил, что сам Черный бог восхотел еще крови и надумал пожаловать к ним из лесу во плоти. Нет! Существо было сплошь покрыто шерстью, и тогда-то Соломон припомнил человекоподобное тело, насаженное на коньковый шест деревенской хижины. Он покосился на Гулку...

Воин не сводил глаз с гориллы, крепко сжимая приготовленное копье. Нет, страха он не испытывал. Его

медленный разум всего лишь пытался переварить чудо, приведшее этого зверя в такую даль от его родных джунглей.

А могучий самец шел, нет, шествовал через поляну, и все его движения дышали каким-то жутким величием. Кейн стоял к нему ближе Гулки, но, казалось, пуританина зверь попросту не замечал. Маленькие горящие глазки смотрели только на гиганта-туземца. Он приближался к нему враскачку, странной походкой, какой у людей не бывает...

Далеко-далеко в ночи нашептывали барабаны, — вполне подходящий аккомпанемент этой драмы, достойной каменного века. На середине поляны стоял дикарь, вооруженный копьем, а из джунглей на него надвигалось нечто воистину первобытное, кровожадное, с налитыми кровью глазами. Дикий воин оказался лицом к лицу с созданием еще более диким. И вновь Кейну в уши зашептали призраки воспоминаний. Ты видел все это раньше. Давно. Очень давно. На рассвете человечества, когда люди и зверолюди оспаривали первенство на этой земле...

Гулка начал пятиться прочь, вернее, не пятиться, а отходить вбок, описывая полукруг. Он двигался низко пригнувшись, копье грозило противнику. Он пустил в ход все свое искусство охотника, чтобы обмануть гориллу и убить самца одним быстрым ударом. Сколько он охотился на горилл, но ни разу еще не встречал подобного чудища. Страха по-прежнему не было, но некое сомнение все же закралось.

Что касается самца, он даже не пытался маневрировать или хитрить. Он просто шел прямо вперед. Прямо на Гулку.

Откуда было знать чернокожему охотнику, откуда было знать англичанину, оказавшемуся в роли стороннего наблюдателя, о его звериной любви? И о звериной ненависти, погнавшей чудовищного самца за много лиг от лесистых холмов севера, по следу истребителя его племени? По следу убийцы его подруги, чье бездыханное тело свисало теперь с крыши деревенской хижины?..

Конец наступил внезапно. Зверь и полузверь были уже в двух шагах один от другого, когда самец с громовым ревом рванулся вперед. Громадные мохнатые лапы легко

отмели в сторону копье, метнувшееся навстречу. Сграбастали... Звук раздался такой, как будто разом переломилась целая охапка ветвей. И Гулка молча осел наземь, чтобы остаться лежать с неестественно раскинутыми руками, ногами и переломанным телом. Самец остался стоять над ним, точно неподвижная статуя какого-нибудь первобытного победителя...

Кейн слышал, как далеко-далеко переговаривались барабаны. Душа джунглей, душа джунглей... Эта фраза засела в его сознании, безостановочно повторяясь.

Трое, этой ночью стоявшие во славе перед ликом Черного бога, — что с ними сталось? В далекой деревне, откуда доносились голоса барабанов, мертвым лежал Сонга, царь Сонга, когда-то распоряжавшийся чужой жизнью и смертью, а ныне сам превращенный в окоченелый труп с лицом, навеки застывшим в гримасе потустороннего ужаса. А здесь, на поляне посреди глухих джунглей, рухнул навзничь тот, за кем Кейн прошел несчитанные лиги по морю и по суше. И Гулка, охотник на горилл, лежал у ног своего погубителя, лежал, уничтоженный той самой дикой силой, которая делала его истинным сыном своей мрачной страны... которая и свела его наконец в могилу.

А Черный бог по-прежнему правит, смутно подумалось Кейну. Правит, наблюдая за жизнью из неведомых потемок этого беспросветного края, правит, звероподобный, вечно жаждущий крови... и ему все равно, кто будет жить, а кто погибнет, — доколе ему не придется жаждать.

Кейн смотрел на могучего самца, гадая про себя, скоро ли громадная обезьяна обратит на него внимание. И нападет. Но, судя по поведению зверя, тот его вовсе не замечал. Отмщение еще не удовлетворило его. Нагнувшись, он поднял обмякшее тело воина — и поволок его в джунгли. Ноги Гулки безжизненно тащились по земле. Приблизившись к границе леса, самец остановился, без видимого усилия взметнул тело чернокожего великана высоко вверх и швырнул его на торчавшие сучья. Послышался ужасный звук раздираемой плоти: острый конец обломанной ветви пронзил Гулку насквозь. Там он и остался висеть, как смятая кукла.

Облитый лунным серебром громадный самец еще постоял на поляне, молча глядя вверх на своего недруга. Потом беззвучно, как тень, растворился в лесу.

Кейн медленно вышел на середину поляны и подобрал свою рапиру. Кровь из ран больше не шла, и он чувствовал, что силы понемногу возвращаются к нему. По крайней мере, хватит добраться до берега, где его ждал корабль. Он немного помедлил у края поляны, повернулся и посмотрел на белеющее неподвижное тело Ле Лу, на его застывшее лицо, обращенное к небу. И на темный силуэт среди ветвей — бренные останки Гулки, которым звериная прихоть уготовила ту же участь, что и телу самки гориллы.

Незапамятна мудрость нашей страны, — бормотали вдалеке барабаны. — Темна мудрость нашей страны. Кому мы служим, тех мы и губим. Беги прочь, если намерен остаться в живых. Но песни нашей тебе не позабыть никогда, — говорили они. Никогда, никогда!..

И Кейн зашагал по тропе, которая должна была вывести его к морю. И к кораблю, который там его ожидал.

ЧЕРЕПА СРЕДИ ЗВЕЗД

Убийцы ходят по земле.
Их по глазам легко узнать.
Их взор в багровой тонет мгле,
И пламя мозг грозит пожрать.
И кажется, что на челе
Лежит кровавая печать.

Томас Гуд

1

В Торкертаун вели две дороги.

Одна, более короткая и прямая, тянулась через безлюдную верховую пустошь. Вторая, окольная и гораздо более длинная, петляла среди лесистых островков и непролазных трясин болотного края, огибая холмы с востока. Эта последняя дорога была непроста и считалась опасной. Поэтому Соломон Кейн испытал вполне понятное изумление, когда из деревни, которую он только что покинул, стремглав примчался запыхавшийся подросток и, догнав путешественника, принялся заклинать его именем Господним, умоляя предпочесть дорогу через болота.

Кейн недоуменно уставился на мальчишку:

— Через болота?..

Соломон был высок ростом, жилист и худ. Бледное, угрюмое лицо и глубокие неулыбчивые глаза как нельзя лучше соответствовали скромному и суровому костюму пуританина, который он обычно носил.

— Да, да, сэр. Она гораздо спокойней... — ответил юнец на его удивленный вопрос.

— Стало быть, — сказал Кейн, — там, на пустоши, появился сам сатана. Не твои ли односельчане с жаром предостерегали меня против болот?

— Верно, сэр, там полно трясин, которые недолго и проглядеть в темноте. Право же, сэр, вернулись бы вы лучше назад, переночевали, а наутро с Богом и пуститесь дальше!

— По болотной дороге?

— Точно, сэр. По ней самой.

Кейн пожал плечами и покачал головой:

— Не успеет как следует стемнеть, когда выйдет луна. А там, если по пустоши, через несколько часиков и Торкертаун.

— Не ходите туда, сэр, пожалуйста, не ходите! — не сдавался мальчишка. — Незачем соваться туда доброму христианину. Там и жилья-то нет, на той проклятой дороге. А на болоте хоть старый Эзра живет. Он там совсем один живет, с тех самых пор, как его полоумный кузен Гидеон удрал из дому и сгинул в болотах. Так ведь и не нашли его. Ну, а старый Эзра, хотя и скряга порядочный, уж верно, не откажет вам в ночлеге. Право, сэр, остановитесь у него до утра. И коли уж вам так приспичило идти, ступайте по болотной дороге!

Кейн устремил на мальчика пронизывающий взгляд. Тот переминался с ноги на ногу, чувствуя себя под этим взглядом весьма неуютно.

— Скажи-ка, — спросил его пуританин, — если пустоши настолько опасны для путешественника вроде меня, почему ваши жители предпочли ограничиться полунамеками и сразу не выложили мне все как оно есть, от начала до конца?

— Не серчайте, сэр, но люди не любят об этом болтать... Наши деревенские посоветовали вам идти болотами и думали, что вы последуете доброму совету, а вы, смотрим, и в мыслях не держите сворачивать на развилке, ну, тут уж меня послали живой ногой за вами, чтобы уговорил вас передумать...

— Вот дьявольщина! — вырвалось у Кейна, и только знавший о его отвращении к сквернословию мог оценить всю силу владевшего им раздражения. — Болотная дорога или там через пустошь, — скажешь ты мне наконец, что мне грозит там, наверху? Чего ради я должен делать длинный крюк, рискуя застрять в топях или вовсе погибнуть?..

— Сэр, — ответил мальчишка, невольно понижая голос и пугливо придвигаясь к нему поближе. — Мы тут все простые неученые крестьяне и стараемся пореже поминать нечисть, чтобы злосчастье на голову себе не накликать. Только дело-то в том, что верховая дорога, как бы это сказать... словом, вроде как проклятье на ней.

Никто из местных жителей вот уж год с лишком носу туда не сует. Сущая погибель ходить там по ночам, и кое-кто неосторожный, сэр, уже и сам в том убедился! Неведомо откуда завелась там жуткая нечисть и утаскивает людей...

— Вот как? И как же выглядит эта тварь?

— Никто не знает, добрый сэр. Из тех, кто видел ее, ни один не вернулся и не расскажет. Но случалось, что припозднившиеся пешеходы слышали издалека, из-за топей, ужасающий хохот. А бывало, что долетали и страшные крики жертв... Нет, сэр, именем Творца нашего умоляю вас вернуться в деревню, переждать ночь, а утречком — по болотной дорожке и тронетесь в Торкертаун!

Слишком поздно. В глубине угрюмых глаз Соломона Кейна уже замерцал огонек наподобие ведьмина факела, что светит зимой из-под толщи серого льда. Кровь быстрее побежала по его жилам. Приключение! Смертельный риск, острота переживания, восторг победы!.. Положа руку на сердце, нельзя, впрочем, сказать, чтобы Кейн именно так и оценивал овладевшие им чувства. Наоборот, он приписывал своим поступкам совсем другие мотивы. И он ответил мальчишке, свято веря, что излагает истинную правду:

— То, о чем ты говоришь, есть деяние какой-то злой силы. Князь Тьмы, видно, наложил заклятие на здешние места. Лишь крепкие духом могут дать бой сатане и присным его, а посему не удерживай меня более: никогда не уступал я ему дороги, не уступлю и теперь!

— Сэр... — начал было мальчишка, но тут же закрыл рот, поняв тщету уговоров. Он только добавил: — Мы находили трупы жертв, сэр. Они были все разодраны и в синяках...

Так он и остался стоять у развилки, удрученно вздыхая и провожая взглядом жилистого, широкоплечего путешественника, легкой походкой удалявшегося по дороге, ведшей на пустоши...

Солнце уже садилось, когда Кейн взобрался на вершину холма, за которым и начиналось невысокое нагорье — край пустошей и верховых болот. Кроваво-красный диск дневного светила медленно уходил за пустынный,

неприветливый горизонт и, казалось, поджигал разросшуюся траву. На какой-то миг путешественнику померещилось, будто целое море крови разлилось у его ног. Потом с востока надвинулись темные тени, и зарево заката начало угасать. Соломон Кейн упрямо шагал вперед, ничуть не смущаясь сгустившейся темнотой.

Чувствовалось, что по дороге давно уже никто не ходил; впрочем, она все еще была хорошо различима. Кейн шел быстро, но осторожно и с оглядкой, держа под рукой и шпагу, и пистолеты. Одна за другой в небе разгорелись звезды, и ночные ветры зашуршали в траве, населяя ее шепотом призраков. Наконец показалась луна. Темные пятна на круглом лике придавали ей сходство с черепом, зловеще повисшим среди звезд.

Неожиданно Кейн остановился и замер на месте. Откуда-то спереди донеслось странное и жутковатое эхо... или, по крайней мере, нечто похожее на эхо. Потом снова, на сей раз уже громче. Кейн двинулся вперед, спрашивая себя, не обманывает ли его слух. Нет! Спереди, издалека, в самом деле долетали раскаты пугающего смеха.

Вот снова, ближе и ближе... Человеческое существо не могло так смеяться. В этом смехе не было ни грана веселья, лишь ненависть, ужас и страх, разъедающий душу. Кейн остановился. Нет, испуга он не испытывал, но в тот миг ему было определенно не по себе.

И тут раскаты демонического хохота прорезал ужасающий и, несомненно, человеческий вопль. Кейн устремился вперед, все ускоряя шаг и кляня про себя неверный свет и летучие тени, одевшие пустошь. Луна поднималась все выше, но слишком трудно было с уверенностью что-либо рассмотреть. Хохот между тем продолжался, делаясь все громче, и с ним вопли. Потом, ослабленный расстоянием, донесся топот человека, удирающего со всех ног. Кейн помчался бегом.

Там, впереди, кто-то из последних сил спасался от смерти, и что за ужас гнался за ним по пустошам, ведал один Господь. Вот прекратился топот, зато вопли перешли все мыслимые пределы. К ним примешивались и другие звуки, которым трудно было бы подобрать название. Душа содрогалась от них. Как видно, человека поймали. У Кейна пошли по телу мурашки. Он весьма живо вообразил

себе демона из преисподней, который вскочил на хребет своей жертве... вцепился, терзая и раздирая...

В противоестественной тишине пустошей слуха Соломона уже явственно достигал шум неравной, отчаянной схватки. Потом опять послышались шаги, на сей раз спотыкающиеся, неуверенные. Человек еще кричал, но кровь уже заливала ему горло и хрипло булькала в нем. Кейн покрылся холодным потом. Ужасам не видно было конца, а ведь ночь едва началась!

«Боже, — страстно взмолился он, — ну сделай так, чтобы было хоть немного светлее!» Судя по отчетливости каждого звука, жуткая драма разыгрывалась буквально в двух шагах от него. Но неверное сияние восходящей луны продолжало играть с ним в прятки. Каждое корявое деревце представало гигантом, каждый куст — призраком.

Кейн закричал во все горло, отчаянно пытаясь еще наддать шагу. Вопли гибнувшего сменились тонким отвратительным визгом. Вновь шум борьбы... И тут из зарослей высокой травы навстречу Кейну, качаясь, вывалилось существо, когда-то бывшее человеком. С головы до пят облитое кровью, оно рухнуло к ногам пуританина и стало корчиться, пытаясь ползти. Оно что-то бессвязно хрипело, подняв к луне жутко изуродованное лицо... Потом обмякло и умерло, захлебнувшись собственной кровью.

Вот теперь, когда все миновало, лунный свет наконец вступил в свои права, и сделалось возможно что-то разглядеть. Кейн склонился над телом... оно было до такой степени обезображено, что Соломон содрогнулся. А надо сказать, что довести его до такого состояния было непросто, ибо он своими глазами видел в деле и испанскую инквизицию, и ловцов ведьм.

Кем был тот, чье тело лежало у его ног?.. Наверное, поздним прохожим, решил Кейн и тут же ощутил, как по позвоночнику пополз ледяной холод. Он был не один. За ним наблюдали. Кейн вскинул голову и зорко впился взглядом в тени, колебавшиеся там, откуда появился умирающий. Разглядеть ему ничего не удалось, но ощущение было такое, как если бы он на миг заглянул в чьи-то глаза. Жуткие глаза существа, не принадлежавшего этому миру. Выпрямившись, он извлек пистолет и стал ждать.

Лунный свет все уверенней разливался по пустошам, возвращая деревьям и травам их истинные размеры.

И наконец Кейн УВИДЕЛ! Сперва ему показалось, что глазам его предстал клок болотного тумана, несомый ветром через поля. Он всмотрелся... Видение?.. Но вот неясная тень начала обретать форму, хотя и расплывчатую. В провалах глазниц загорелся холодный огонь — отблеск ужаса, хранимого памятью поколений чуть не со времен Начальных Эпох, когда страх был постоянным спутником жизни. Безумны были эти глаза, но их безумие далеко превосходило любое помешательство земного существа. Внешний же облик неведомой твари по-прежнему оставался расплывчат; он был почти человеческим, но это «почти» отдавало жуткой пародией и само по себе покушалось на разум всякого видевшего.

И сквозь туманную плоть были отчетливо видны кусты и трава, находившиеся позади.

Кейн почувствовал, как застучала в висках кровь... Самообладания он, однако, не потерял и теперь пытался осмыслить случившееся. Каким образом тварь, сотканная из колеблющегося тумана, могла нанести человеку вполне вещественные повреждения, оставалось превыше его понимания. Но окровавленный ужас, валявшийся у ног, безмолвно свидетельствовал: призрачный демон очень даже запросто расправлялся с материальными вещами.

Пуританин понятия не имел, с кем ему выпало столкнуться и на что еще способен его странный противник. Он был твердо уверен только в одном: Соломон Кейн не станет удирать от нечисти по пустынной дороге, не будет с криком падать, настигаемый и вновь сбиваемый с ног. Может быть, ему придется умереть, ну так что ж! Он умрет, не отступив ни на шаг, и все раны будут у него — на груди!

Он увидел, как распахнулась призрачная пасть, исторгнув все тот же хохот. Раздаваясь в двух шагах, этот смех потрясал и выворачивал душу. Внимая этому, казалось бы, трубному гласу своего рока, Кейн хладнокровнейшим образом навел длинноствольный пистолет и выстрелил в демона.

Раздался умопомрачительный вопль, в котором ярость и изумление дерзостью человека соседствовали с насмеш-

кой. Тварь бросилась вперед, словно облако летящего дыма. Длинные прозрачные руки протянулись к Кейну, чтобы ухватить его и швырнуть наземь.

Кейн, когда приходила нужда, был способен двигаться с быстротой оголодавшего волка. Он мгновенно разрядил второй пистолет — этот выстрел, как и первый, не произвел на демона особого впечатления, — потом выхватил из ножен длинную рапиру и тотчас всадил ее в прозрачную грудь нападавшего. Клинок свистнул в воздухе и пролетел насквозь, не встретив никакого сопротивления. А в следующий миг ледяные пальцы уже стискивали плоть Кейна, со звериной силой раздирая и одежду, и кожу.

Соломон бросил бесполезный клинок и попробовал схватиться с соперником врукопашную. Но это было все равно что сражаться с туманом, с парящей тенью, притом вооруженной когтями не меньше кинжалов. Яростные удары Кейна проваливались в пустоту. При внешней худобе, он обладал железной хваткой, — но возможно ли заключить в объятия воздух?.. Существо было нематериально. Всё, за исключением обезьяньих пальцев с их кривыми когтями, да еще жутких глаз, так и стремившихся выжечь ему душу.

Кейн понял: дело плохо. Одежда его свисала клочьями, на теле кровоточило не меньше двух десятков глубоких ран. Однако решимости у Соломона ничуть не убавилось, и мысль о возможности бегства даже не явилась ему на ум. А если бы и явилась, пуританин, верно, густо покраснел бы от стыда. Чтобы он, Кейн, сошелся с кем-то в единоборстве — да вдруг отступил?..

Он отлично понимал, что гибель близка и вряд ли минуема, что его тело скорее всего так и останется лежать рядом с бренными остатками первой жертвы... Мысль о смерти не пугала его. Гораздо важнее было достойно постоять за себя, пока еще не наступил конец, и, если возможно, причинить сверхъестественному противнику хоть какой-то ущерб.

Демон и человек сражались друг с другом, стоя над растерзанным трупом, облитые серебряным светом восходящей луны. И на стороне демона были все преимущества, за исключением одного. И это единственное обстоятельство поистине стоило всех остальных. Ибо если ненависть

способна придать существу тонкого плана смертоносную материальность, почему бы и мужеству не воплотиться грозным оружием, поражающим призрак?..

Кейн продолжал яростно биться, пуская в ход и руки, и ноги, и кулаки, и в какой-то миг обнаружил, что демон... начал пятиться перед ним, а убийственный хохот сменился криками ярости и смущения.

Мужество — вот истинное оружие мужчины. С ним, не моргнув, сильные духом предстают хоть перед адовыми вратами. И даже легионы сил Тьмы бессильны против него.

Соломон Кейн не отдавал себе в этом отчета. Он только чувствовал, что когти, терзавшие его плоть, стали как будто бы утрачивать прежнюю твердость и остроту, а глаза твари начали разгораться каким-то неведомым светом. Задыхаясь, качаясь от запредельного напряжения, Кейн по-прежнему стремился вперед. И вот наконец ему удалось-таки сграбастать существо. Они вместе рухнули наземь. Демон извивался и бился, и члены его были подобны дымным, вьющимся змеям.

И тут у Кейна опять побежал по телу мороз, а волосы поднялись дыбом. Потому что в крике и бормотании демона обозначился какой-то смысл. Кейн начал понимать его.

Он слышал и понимал его не так, как один человек слышит и понимает речи себе подобного. Жуткие тайны, слетавшие с призрачных уст, ледяными каплями опадали непосредственно в его разум, и Кейн ЗНАЛ.

2

Домик старого Эзры, именуемого местными жителями скрягой, стоял у дороги в самом сердце болот, и сумрачные деревья, разросшиеся вокруг, наполовину скрывали его от взгляда. Стены дома пожирала гниль, крыша готова была обвалиться. Огромные, скользкие, зеленовато-белые грибы усеивали ветхое строение. Особенно густо облепили они окна и дверь: казалось, безглазые существа силились заглянуть внутрь. Склонившиеся деревья так переплели серые ветви, что в полумраке дом представал этаким гномом, над плечом которого скалятся людоеды.

Мимо домика вилась дорога, уводившая в глубь болот, мимо гниющих пней, заросших кочек и кишащих змеями топей. Сколько народу сновало взад и вперед по этой дороге, но лишь немногие видели старого Эзру. Да и то — большей частью лишь желтое лицо смутным пятном сквозь заросшее грибами окно...

Поистине, он выглядел плотью от плоти окружавших его топей: весь скрюченный, узловатый и мрачный. Пальцы его казались цепкими корнями растений-паразитов, а нечесаные космы свисали точно лишайники с веток. Они падали на глаза, привыкшие к вечному сумраку болот. Взгляд его, лишенный живого блеска, напоминал взгляд мертвеца. Но было в нем что-то, заставлявшее вспомнить о бездонных пучинах, таящихся под покровом ряски. О коварных, вызывающих содрогание пучинах...

Вот эти-то глаза ныне созерцали пришельца, стоявшего перед дверью домишки. Незваный гость был высок ростом, худощав и темноволос. На лице его виднелись отметины когтей, а руки и ноги украшали повязки. За спиной его, опасливо держась в отдалении, толпился деревенский народ.

— Ты ли Эзра, живущий на болотной дороге? — спросил человек.

— Ну я, — неласково прозвучало в ответ. — Надо-то что?

— Где твой двоюродный брат Гидеон, тот одержимый юноша, что жил вместе с тобой?

— Гидеон?..

— Да.

— Однажды он ушел на болота и не вернулся назад, — ответствовал Эзра. — Без сомнения, он заблудился и не нашел тропы назад. Я думаю, его либо растерзали волки, либо засосала трясина, либо укусила гадюка...

— И давно ли это случилось?

— Около года назад...

— Так. А теперь слушай, скупец по имени Эзра. Вскоре после того, как исчез твой кузен, местный житель, возвращавшийся к себе домой через пустошь, подвергся нападению неведомой нечисти и был разорван в мелкие клочья, и с той поры верхняя дорога сделалась смертельно

опасной. Сперва местный народ, а после и путешественники, случайно забредавшие в те края... все они пали жертвами таинственной твари. Многие умерли с того дня, и ужасен был их конец.

Прошлой ночью побывал на пустошах и я. Я слышал, как убегал очередной несчастный, слышал, как за ним гнались... Это был чужой человек, ничего не знавший про зло, поселившееся на дороге. Уже раненный, дважды вырывался он из бесовских когтей, и дважды чудовище догоняло и вновь хватало его. И наконец он умер прямо у моих ног, умер в таких муках, что зрелище их заставило бы окаменеть и святого...

...Крестьяне переминались, испуганно перешептываясь. Глаза Эзры украдкой перебегали с лица на лицо. Но Соломон Кейн по-прежнему хмуро и неподвижно смотрел на него. Это был взгляд большой хищной птицы, и старый Эзра понемногу утрачивал самообладание.

— Да, да! Конечно! — забормотал он торопливо. — Как нехорошо, ах, как нехорошо! Не пойму только, мне-то ты зачем об этом рассказываешь?

— Верно, Эзра, нехорошо и очень печально. А теперь слушай дальше. Страшный демон явился передо мной из теней, и мы бились, бились насмерть над телом растерзанной жертвы. Как мне удалось одержать над ним верх, я и сам не знаю. Долгим и тяжким был наш бой, но Силы добра и света были на моей стороне, и черное зло ада не могло против них выстоять.

Я возобладал над ним, и демон бежал от меня. Я погнался за ним, но не настиг. Однако прежде, нежели удариться в бегство, нечистый дух нашептал мне страшную правду...

Старый Эзра одичало смотрел на него и, казалось, съеживался прямо на глазах.

— Зачем... ты... мне это рассказываешь? — невнятно пробормотал он.

— Я вернулся в деревню и все рассказал людям, — продолжал Соломон Кейн. — Ибо я понял, что мне дарована власть навсегда освободить пустоши от заклятья. Идем с нами, Эзра!

— Куда?.. — выдохнул тот.

— НА ПУСТОШИ, К СГНИВШЕМУ ДУБУ!

Эзра пошатнулся, словно от удара. Потом издал бессвязный вопль и повернулся бежать.

Резким голосом Кейн отдал приказ, и двое крепких мужиков сейчас же поспешили вперед и перехватили беглеца. Вырвав из его иссохшей ладони кинжал, они заломили ему руки — и оба содрогнулись, прикоснувшись к его холодной и липкой, словно у мертвого, коже.

Кейн жестом велел им следовать за собой и двинулся по болотной дороге. Деревенские повалили следом, и те двое, что вели Эзру, с немалым трудом удерживали внешне хилого старика. Все дальше и дальше от домика уходили они, придерживаясь заросшей тропы, что вела с болот на холмы и далее на пустоши.

Солнце уже опускалось за западный край небес, и старый Эзра, тараща выпученные глаза, смотрел на него так, словно наглядеться не мог.

Посреди обширных торфяников высился громадный дуб, чем-то смахивавший на виселицу. У некогда мощного дерева напрочь истлела вся сердцевина ствола, осталась лишь догнивающая пустая оболочка. Здесь Соломон Кейн остановился.

Старый Эзра корчился в руках державших его и невнятно подвывал.

— Год с лишним назад, — сказал Соломон Кейн, — ты, Эзра, убоялся, как бы твой безумный кузен Гидеон не поведал людям о тех жестокостях, которые ты над ним совершал. Ты увел его из дому по той самой тропе, по которой мы только что сюда добрались. И здесь, под покровом ночи, ты убил его...

Эзра съежился еще пуще и зарычал:

— Это ложь!.. У тебя нет доказательств!..

Кейн подозвал к себе проворного юношу из числа деревенских и сказал ему несколько слов. Юноша живо вскарабкался на пустой остов дерева. Там, высоко наверху, он запустил руку в трещину и выгреб оттуда нечто. Он сбросил свою находку вниз, и она со стуком упала к ногам старика. Эзра дико завизжал и обмяк.

На земле лежал скелет человека, и череп был расколот.

— Ты!.. Как ты дознался?.. Ты, верно, сам сатана!.. — бормотал изобличенный убийца.

Кейн сложил на груди руки.

— Тварь, с которой я бился минувшей ночью, сама поведала мне обо всем. Погнавшись же, я следовал за нею до этого самого дерева. ИБО ДЕМОН, УБИВАВШИЙ ЛЮДЕЙ, НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ПРИЗРАК ГИДЕОНА!

Эзра вновь завизжал и остервенело забился.

— Ты знал все, — хмуро проговорил Кейн, — Ты знал, кто совершает все эти непотребства на пустошах. Ты сам до смерти боялся призрака несчастного безумца, и потому-то ты укрыл его тело здесь, на торфянике, вместо того чтобы утопить в бездонном болоте. Ты предвидел, что неупокоенный дух будет витать близ места своей погибели. Гидеон и при жизни-то был слабоумен; где ж ему было смекнуть, как найти тебя и как отомстить! Иначе он уж точно добрался бы до твоей развалюхи!.. Из всех людей он ненавидит только тебя одного, но беда в том, что его помраченный дух не способен отличить одного человека от другого. Вот он и умерщвляет всех подряд, чтобы ненароком не упустить своего погубителя. Однако стоит ему встретить тебя, и он тебя сразу узнает. И упокоится в мире. Ненависть овеществила его дух, придала ему способность убивать и калечить живую плоть. И как бы ни боялся он тебя, покуда был жив, теперь этого страха нет и в помине!.. — Кейн помолчал, глядя на солнце. — Все это я узнал от самого Гидеонова духа, — сказал он затем. — Все это он поведал мне когда криком, когда лепетом, а когда и молчанием хуже всякого крика. И я знаю, что утолить его жажду сможет только твоя смерть.

Люди, в том числе и Эзра, слушали затаив дыхание.

— Тяжко это, — произнес Соломон Кейн, — вот так хладнокровно приговаривать человека к смерти, да еще назначать ему казнь вроде той, что сейчас у меня на уме. Но ты умрешь, Эзра, умрешь, чтобы смогли жить другие. И — Господь свидетель! — ты более чем заслужил смерть. Но ты не должен погибнуть от петли, меча или пули. Ты окончишь свою жизнь в когтях убиенного тобою. Ибо ничто иное не упокоит эту несчастную душу.

При этих словах остатки разума покинули старого Эзру. Колени его подломились, он повалился наземь и принялся валяться у Кейна в ногах, униженно моля о смерти. Он просил сжечь его на костре, содрать кожу с

живого. Но лицо пуританина оставалось непроницаемой маской, неподвижной и непоколебимой.

Боязнь, как известно, порождает жестокость. Ухватив пронзительно кричавшего Эзру, крестьяне тут же привязали его к остову дуба, и кто-то посоветовал ему, покуда есть время, примириться с Создателем. Эзра ничего не ответил, лишь кричал и кричал на одной ноте, тонко, невыносимо. Один из крестьян хотел было ударить его по лицу, чтобы прекратить этот вой, но Кейн удержал его руку.

— Пусть его примиряется хоть с сатаной, благо к нему он, скорее всего, и отправится, — хмуро проговорил пуританин. — Солнце вот-вот сядет. Ослабьте его путы, так, чтобы к наступлению темноты он сумел освободиться. Все-таки негоже встречать смерть связанным, словно для жертвоприношения!

Когда они уходили, старый Эзра еще какое-то время издавал бессвязные, нечленораздельные, нелюдские звуки. Потом затих и лишь с ужасающей пристальностью вглядывался в заходящее солнце.

Шагая в толпе крестьян прочь через торфяники, Соломон Кейн бросил один последний взгляд назад, на привязанного к дереву человека. Неверный свет снова шутил шутки на пустоши: Эзра показался Кейну чудовищным грибом, выросшим на гнилом стволе.

В это время приговоренный издал нечеловеческий вопль.

— Смерть! Смерть! — разнеслось далеко окрест. — Черепа!.. Я вижу черепа среди звезд!..

— Всякому дорога жизнь, даже такому заскорузлому, негодному и злому созданию, — вздохнул Кейн. — Будем надеяться, что у Господа нашего и для душ вроде него найдется местечко. Такое, где огненная мука очистила бы их от скверны подобно тому, как огонь очищает древесину от гнилостных грибов. И все-таки тяжело у меня на сердце...

— Да что вы так убиваетесь, сэр, — подал голос один из мужиков. — Вы только волю Божью исполнили. Сегодняшнее наше деяние добрые плоды принесет!

— Если бы знать, — невесело проговорил Кейн. — Если бы знать!..

Солнце село, и темнота сгустилась с удивительной быстротой. Так, словно из неведомых бездн ринулись великанские тени и поспешили окутать этот мир темнотой. Потом из ночной мглы долетело странное эхо, и люди невольно остановились, оглядываясь туда, откуда пришли.

Там ничего не было видно. Непроглядная тень затопила широкие пустоши, лишь рослая трава волновалась на чуть заметном ветру и шептала, нарушая зловещую тишину.

Потом из-за далекого горизонта выплыл багровый диск луны. И на фоне его на какое-то мгновение мелькнул черный, четко очерченный силуэт. Скрюченный, уродливый, он тем не менее промчался, едва касаясь земли. А за ним, быстро настигая, невесомо проплыла скользящая тень — безымянный, бесформенный ужас!..

Секунду они были видны против лика луны, потом слились в один жуткий клубок и скрылись среди теней.

Докатившись издалека, над пустошами прозвучал один-единственный взрыв замогильного хохота...

ПОГИБШИЙ ДРУГ

Туман стелился под луной,
Клубясь, перетекал.
Один в лесу, во тьме ночной,
Усталый путник спал.

Сэр Ричард Гренвиль встал над ним
И тронул за плечо:
«Беда! Беда! Скорей проснись
И встреть врага мечом!»

Проснулся Кейн и испытал
Лишь радость, не испуг:
Его в ночи остерегал
Давно погибший друг!

И молвил Кейн: «Не мне, о сэр,
Господень смысл понять!
Увы, я видел вашу смерть,
Но вы со мной опять!

Как вышло, что из-за черты
Вернулись вы в сей мир?..» —
«Не время, Кейн! Дрожат листы,
Грядет кровавый пир!

Спешат нагие дикари
По голову твою,
И каждый клялся до зари
Предать тебя копью.

Отмщенья жаждает толпа,
И в бегстве смысла нет:
От их шагов гудит тропа,
Где ты оставил след!»

Едва лишь Кейн успел вскочить,
Стряхнув последний сон, —
Раскрашенные палачи
Бегут со всех сторон!

Но выстрел грянул, точно гром,
Врага сшибая с ног,
И под луною серебром
Сверкнул его клинок!

И с каждой вспышкой серебра
Багровый пламень гас
В зрачках не ведавших добра
Дикарских злобных глаз.

А рядом с ним другой боец
Разил в полночной мгле,
И с каждым выпадом мертвец
Пластался на земле!

Врагам добычи не видать, —
Поют, звенят мечи...
...И прочь отхлынула орда
И сгинула в ночи.

И вновь тиха ночная сень,
И лес молчит опять,
И обернулся к другу Кейн,
Спеша его обнять,

Спеша прижать его к груди:
«О сэр, откуда здесь...»
И что ж? Он снова был один
Под куполом небес.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛОМОНА КЕЙНА

Над скалами белые чайки вились
И пеной хлестал прибой,
Когда наконец кочевая жизнь
Его привела домой.

Под ветром шуршал прибрежный песок
И к ночи клонился день,
Когда в свой маленький городок
Пришел Соломон Кейн.

Народ сбегался с разных сторон
И следом валил толпой:
Он шел, как призрак былых времен,
По уличной мостовой.

Он все смотрел и смотрел вокруг,
И странен был его взгляд.
Он видел столько горьких разлук
И вот — вернулся назад.

В таверне старой сквозь гул голосов
Поскрипывали слегка
Стропила из девонширских дубов,
Помнившие века.

Кейн поднял пенную кружку в честь
Павших в давнем бою:
«Сэр Ричард Гренвиль сиживал здесь...
С ним я ходил на юг.

Тела мертвецов с собой унося,
Текла по палубам кровь:
На каждое наше по пятьдесят
Испанских было судов!

Сбитые мачты падали вниз,
Мечи ломались в руках,

Но только яростней мы дрались,
И прочь отступал страх!

Длилась багровая круговерть
И новый рассвет вставал,
И сотни стволов изрыгали смерть,
Когда Ричард Гренвиль пал.

Каждому с ним наступит пора
Чашу испить одну...
Но лучше б нам было взорвать корабль
И с честью пойти ко дну!»

Пожар отражался в его глазах
И океана зыбь.
А по запястьям — рубцы на рубцах:
Память испанских дыб.

«А как, — он спросил, — королева Бесс?
Не больно ладил я с ней...» —
«На могиле ее воздвигнули крест
Тому уж немало дней».

«Прах к праху!.. — он молвил. — Конец земной —
Могильная тишина...»
А ветер стонал и бился в окно,
И восходила луна.

Скользили по лику ее облака,
Когда Соломон Кейн
Неторопливо повел рассказ
О виденном вдалеке:

«В безбрежном лесу, на чужих ветрах,
Под багровой звездой
В глухую полночь рожденный Страх
Свивает свое гнездо.

Я видел черное колдовство,
Которого больше нет.

Там в городе, старом, как Смерть сама,
Жила бессмертия дочь.
Во взгляде ее — безумия тьма,
Кровавых пиров ночь.

Там грудами скалились черепа
Во славу красы ее.
Там крови требовала толпа —
Несытое воронье.

Царица была вторая Лилит —
Огонь и кровь на челе!
И был поцелуй ее ядовит...
Теперь она спит в земле.

Сразил я вампира, что высосал кровь
У черного князя из жил.
А после блуждал меж серых холмов,
Где мертвый народ жил.

Господь не оставил меня в тот день,
Орудьем гнева избрав,
И я оградил племена людей,
Земное земле отдав.

Я демонов видел в ночи полет,
И кожистых крыльев песнь
Сперва мое сердце одела в лед,
Потом позвала на месть.

Но все это в прошлом!.. Родной порог
Меня наконец манит.
Я стал старовat для дальних дорог,
Забравших мои дни.

Довольно сражений и дальних стран,
Отмеренных мне судьбой...»
...Но где-то в ночи гремел океан
И скалы крушил прибой.

Он пену валов швырял в пустоту,
Стараясь достать до звезд,
И ветер летел и выл на лету,
Как бешеный гончий пес.

И Кейн услыхал тот призрачный зов,
Тот бестелесный стон,
И в глубине холодных зрачков
Вспыхнул былой огонь.

И Кейн оглянулся по сторонам,
Как будто бы в первый раз,
И вышел за дверь, где светила луна,
В серебряных тучах мчась.

Люди за ним поспешили вслед,
И видел добрый народ
Над вершиной холма его силуэт,
Врезанный в серебро.

Надолго ли скрылся?.. В какой предел?..
Чей голос его позвал?..
...И только победную песню пел
Над морем летевший шквал.

Из глубины веков

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

Глава 1

Рев битвы стих. Над холмами на западе, словно золотисто-багровый шар, висело солнце. На вытоптанном поле уже не гремели копыта коней, не звучал боевой клич. Только стоны раненых и хрипы умирающих долетали до кружащихся в вышине грифов. Птицы скользили все ниже и ниже, пока не стали задевать кончиками черных крыльев мертвенно-бледные лица павших воинов.

Ак-Боджа верхом на стройном жеребце взирал на поле битвы со склона холма.

Он наблюдал с самого рассвета и видел, как войска закованных в броню франков, ощетинившись лесом копий, вышли на равнины Никополиса встретиться с беспощадными ордами Баязида. Ак-Боджа любовался боевыми порядками турок и сверкающими эскадронами рыцарей, которые от нетерпения оставили далеко позади сплоченные ряды пехоты, поначалу возглавляющей наступление. Он даже прищелкивал языком в знак удивления и неодобрения. Здесь собрался цвет Европы: рыцари Австрии, Германии, Франции и Италии, но Ак-Боджа не нравилась их тактика.

Он видел, как с громогласным ревом, от которого, казалось, задрожали небеса, наступали рыцари; видел, как они ударили по всадникам эскорта Баязида, словно слабеющий порыв ветра, и как столпились на пологом склоне, зажатые шквальным огнем турецких лучников. Рыцари косили лучников, как свежую пшеницу, а потом бросили все свои силы против приближающейся турецкой легкой кавалерии — спахи. Легковооруженные всадники спахи метали копья и сражались как сумасшедшие, но вскоре не выдержали и расступились, рассеялись,

подобно водяным брызгам. Ак-Боджа обернулся. Далеко позади, стараясь поддержать опрометчивых рыцарей, поднимались по склону крепкие венгерские копьеносцы. Франкские всадники ринулись вперед, не думая ни о лошадях, ни о собственных жизнях, и перешли гребень горы. Со своего наблюдательного пункта Ак-Боджа видел оба горных склона горы. Он знал, что за хребтом находятся главные силы турецкой стороны — шестьдесят пять тысяч человек: янычары, страшная оттманская пехота, которую поддерживала тяжелая кавалерия — высокие воины в крепких доспехах, с копьями и могучими луками.

Теперь и франки поняли то, что уже знал Ак-Боджа: настоящая битва еще впереди, а лошади устали, копья сломаны, и сами они задыхаются от пыли и жажды.

Ак-Боджа видел, что рыцари заколебались и стали оборачиваться, отыскивая взглядом венгерскую пехоту. Но ее скрывал гребень горы. Рыцари в отчаянье бросились на врага, стараясь сломить его ряды своей яростью. Но их атака не достигла неумолимого строя противника: ливень стрел разметал христиан, и на этот раз рыцари на измученных лошадях не смогли уйти от противника. Весь первый ряд рыцарей погиб — и люди, и лошади, утыканные стрелами. Кони рыцарей, ехавших сзади, стали спотыкаться о тела павших воинов. Янычары кинулись в бой с хриплым — похожим на рев прибоя криком: «Аллах!».

Все это видел Ак-Боджа; видел постыдное бегство одних рыцарей и яростное сопротивление других. Те, что оказались пешими, объединившись и превосходя по численности турков, дрались мечами и секирами. Но они гибли один за другим, окруженные противником с обеих сторон. Опьяненные видом вражеской крови турки схватились с пехотой, появившейся из-за хребта.

И тут произошла еще одна катастрофа. Бегущие рыцари хлынули сквозь ряды валахов, разрывая их строй, и те в беспорядке отступили. Венгры и баварцы приняли на себя главный удар бешеной атаки турков, покачнулись и попятились, упорно отстаивая каждый шаг, но не в силах сдержать победоносный поток мусульман.

Теперь, внимательно разглядывая поле битвы, Ак-Боджа больше не видел сомкнутых рядов воинов с копьями

и мечами. Франки сражались не на жизнь, а на смерть, отходя той же дорогой, что пришли. Часть турков повернула назад, чтобы успеть ограбить мертвых и добить умирающих. Рыцари, которые, так и не отступив с поля боя, остались живы, побросали мечи. Даже Ак-Боджа слегка вздрагивал от воплей пленных, которых добивали ратники Баязида. Вокруг бегали отвратительные проворные дервиши с пеной в бороде и безумием в глазах. Они останавливались перед каждой грудой тел и усердно работали ножами над корчащимися от боли ранеными, вопящими о милосердии. А основная часть турецкого войска сосредоточилась в тени деревьев, на дальней стороне долины.

— Эрлик! — прошептал Ак-Боджа. — Рыцари хвастались, что смогут поднять небо на острие копий, если оно упадет... и вот небо упало, а их воинство стало пищей для ворон.

Он направил коня в рощу. На поле битвы, среди одетых в латы мертвецов, его ждала богатая добыча, но Ак-Боджа пришел сюда не ради этого. Сначала ему нужно было завершить одно дело. За рощей он приметил добычу, которую не пропустил бы ни один татарин, — высокого турецкого коня с разукрашенным седлом. Пустив своего скакуна в галоп, Ак-Боджа с ходу поймал отделанную серебром уздечку. Держа на поводу норовистого жеребца, он пустился рысью дальше, прочь от поля битвы.

Неожиданно Ак-Боджа остановился посреди рощи низкорослых деревьев. Ураган сражения уже перебрался и на эту сторону хребта. Ак-Боджа увидел перед собой высокого, богато одетого рыцаря. Тот с трудом ковылял, ворчал и грязно ругался. Вместо костыля он использовал сломанное копье. Его шлем слетел, обнажив белокурую голову и багровое лицо. Неподалеку валялась мертвая лошадь со стрелой в боку. Ак-Боджа видел, как высокий рыцарь споткнулся и упал, изрыгая проклятия. И тут из кустов вышел человек, подобного которому Ак-Боджа еще не встречал даже среди франков. Он был выше Ак-Боджи — крупного мужчины, — а его походка напоминала поступь сухопарого серого волка. Бритую, покрытую шрамами голову венчал взъерошенный пучок рыжеватых

волос. Лицо казалось черным от загара. Глаза были холодны, как серая сталь. В руках он сжимал меч, обагренный кровью по самую рукоять. Заржавевшая чешуйчатая кольчуга незнакомца была иссечена в клочья, а подол шотландской юбки разорван и заляпан грязью. Правая рука — по локоть в крови, медленно сочащейся из глубокой раны в предплечье.

— Черт возьми! — прорычал хромой рыцарь на норманском диалекте французского, который Ак-Боджа понимал. — Это — конец света!

— Всего лишь конец для шумной толпы дураков, — прозвучал высокий, жесткий и холодный голос странного воина, похожий на скрежет меча в ножнах. Хромой снова принялся ругаться.

— Дурак, не стой там, как болван! Поймай мне лошадь! Моему чертову коню досталось. Я гнал его, пока кровь не брызнула мне на колени. Упав же, конь сломал мне лодыжку!

Высокий воткнул меч в землю и мрачно уставился на собеседника:

— Барон Фредерик, вы отдаете команды так, словно вы в своем саксонском поместье! Если бы не вы и остальное дурачье, то сегодня мы раскололи бы армию Баязида, как орех.

— Собака! — проревел барон с побагровевшим от нетерпения лицом. — Смеешь мне дерзить! Да я с тебя живого шкуру спущу!

— Кто, как не вы, унижали Избранного на совете? — зарычал высокий. Его глаза опасно заблестели. — Кто называл Сигизмунда Венгерского дураком из-за того, что тот настаивал разрешить ему пустить вперед пехоту? И кто, как не вы, послушали молодого дурака Главного Констебля Франции Филиппа де Артуа, который повел рыцарей в атаку, не дождавшись поддержки венгерцев, что нас всех и погубило? И теперь вы — тот, кто первым повернулся спиной к врагу, увидев, что наделала ваша же глупость, — вы приказываете мне поймать вам лошадь!

— Да, и быстро, шотландский пес! — заорал барон, содрогаясь от ярости. — Ты мне ответишь за свою дерзость...

— Я отвечу прямо сейчас, — кровожадно прорычал шотландец. — Вы осыпаете меня оскорблениями с тех пор, как мы впервые увидели Дануба. Если я должен умереть, то сначала заплачу по одному счету!

— Предатель! — заорал, бледнея, барон, встав на колено и потянувшись рукой к мечу. В этот момент шотландец с проклятием нанес удар, и крик барона оборвался страшным булькающим звуком. Огромный клинок шотландца прошел через плечевую кость, ребра, позвоночник, и искалеченный труп безвольно рухнул на землю, поливая ее кровью.

— Хороший удар!

Убийца, освобождая свой меч, повернулся на звук гортанного голоса, словно громадный волк. Несколько напряженных мгновений смотрели друг на друга застывший над своей жертвой мрачный воин с мечом, готовый убивать дальше и дальше, и татарин, сидящий в седле, словно высеченный из камня идол.

— Я не турок, — наконец сказал Ак-Боджа. — У тебя нет повода нападать на меня. Между нами нет вражды. Видишь, моя сабля в ножнах. Мне нужен человек такой, как ты, — сильный, как медведь, быстрый, как ястреб, жестокий, как волк. Я могу дать тебе многое из того, что ты пожелаешь.

— Я желаю только одного — отомстить Баязиду, — громко ответил шотландец.

Темные глаза татарина блеснули:

— Тогда пойдем со мной к моему господину. Он — заклятый враг турок.

— Кто твой господин? — спросил шотландец подозрительно.

— Люди зовут его Хромым, — ответил Ак-Боджа. — Тимур, слуга Бога, татарский эмир милостью Аллаха.

Шотландец обернулся на шум доносившихся криков, свидетельствовавших о том, что бойня еще продолжается. Мгновение постоял, словно огромное изваяние из бронзы, затем с жестким скрежещущим звуком убрал меч в ножны.

— Я пойду с тобой, — коротко сказал он.

Татарин оскалился от удовольствия и, наклонившись, передал шотландцу повод коня. Франк запрыгнул в седло

и вопросительно посмотрел на Ак-Боджу. Татарин качнул шлемом, указывая направление, и пустил коня вниз по склону. Они пришпорили скакунов и быстро помчались галопом в сгущающихся сумерках. У них за спиной еще долго звучали предсмертные вопли. В небе тускло, словно напуганные резней, загорались звезды.

Глава 2

Если б мы встретились двое
Случайно на поле сечи,
Я победил бы, повергнув
Тебя, и забрал бы твой меч.

Баллада об Оттебурне

Солнце снова садилось, на этот раз над пустыней, высветив шпили и минареты голубого города. На вершине холма Ак-Боджа натянул поводья и на какое-то время замер, не говоря ни слова, как всегда упиваясь изумительной картиной.

— Самарканд, — произнес он.

— Далеко же мы заехали, — отозвался его спутник.

Ак-Боджа улыбнулся. Одежда татарина пропылилась, кольчуга потускнела, лицо скривилось, но глаза... они все еще сверкали. Точеные черты гордого лица шотландца не изменились.

— Да ты, богатырь, из стали, — удивился Ак-Боджа. — Путь, что мы проделали, утомил бы и посыльного Чингизхана. Клянусь Эрликом, хотя я воспитан в седле, я устал за двоих.

Шотландец молча и пристально смотрел на далекие шпили, вспоминая дни и ночи бесконечного, казалось, путешествия, когда он, качаясь из стороны в сторону, спал в седле и все звуки мира заглушал грохот копыт. Франк, не задавая вопросов, следовал за Ак-Боджей через холмы, занятые неприятелем. Избегая троп, пробираясь по глухой, дикой местности, по горам, где властвовали холодные, жалящие, словно лезвия сабель, ветра, путники добрались до пустыни. Вскоре безжизненные пески остались позади...

Шотландец ничего не спросил, когда, расслабившись, Ак-Боджа всем своим видом дал понять, что они миновали вражеские земли. Он молчал даже тогда, когда татарин стал останавливаться у придорожных постов. Там высокие люди в железных шлемах каждый раз давали путникам свежих лошадей. И безудержная скачка продолжилась. Урывками всадники выпивали по глотку вина. Изредка позволяли себе немного поспать на куче шкур и плащей, и снова — барабанный бой копыт. Франк знал, что Ак-Боджа несет известие об исходе битвы своему таинственному господину, и дивился расстоянию, которое они преодолели между первым постом, где их ожидали оседланные лошади, и городом голубых шпилей — конечным пунктом их путешествия. В самом деле, границы владений Тимура Хромого весьма велики.

Ак-Боджа и шотландец проделали длинный путь за очень короткое время. Франк страшно устал от этой ужасной скачки, но изо всех сил старался держаться в седле прямо. Город мерцал перед ним, смешиваясь с голубизной дымки и, казалось, находился у самого горизонта. Голубой город — волшебный мираж. Татары жили в землях, обильных красками, но лейтмотивом палитры их страны был голубой. В шпилях и куполах Самарканда отражались оттенки неба, дальних гор и спящих озер.

— Ты увидишь земли, моря, реки, города и караванные пути, которые не видел еще ни один франк, — сказал Ак-Боджа. — Ты увидишь величие Самарканда. Раньше это был город высушенного кирпича, но Тимур сделал его столицей голубого камня, слоновой кости, мрамора и серебряной филиграни.

Всадники не торопясь спустились на равнину, пробираясь среди караванов верблюдов и мулов, погонщики которых вопили не переставая. Караваны, нагруженные специями, шелками, драгоценностями, и вереницы рабов направлялись к Бирюзовым воротам. Город встречал товары из Индии, Китая, Персии, Аравии и Египта.

— Весь Восток — в Самарканде, — заметил Ак-Боджа.

Татарин и шотландец проехали через широкие, инкрустированные золотом ворота, где высокие воины радостно приветствовали Ак-Боджу. Тот, довольный, прокричал что-то в ответ, ударив себя по покрытому кольчугой бедру. Он радовался возвращению на родину.

Спутники проскакали по широким ветреным улицам мимо дворца, рынка, мечети, базаров, заполненных торгующимися, спорящими, кричащими людьми из сотен племен и народностей.

Шотландец видел в толпе хищные лица арабов, тощих беспокойных сирийцев, толстых раболепных евреев, индийцев в тюрбанах, томных персов, шумных, самодовольно расхаживающих, но подозрительных афганцев и много представителей незнакомых народов из таинственных северных земель и с Дальнего Востока. Это были коренастые широколицые невозмутимые монголы. От постоянной жизни в седле походка у них была раскачивающаяся. Там встречались и раскосые китайцы в одеждах из муарового шелка, и высокие круглолицые кипчаки, узкоглазые киргизы и купцы странных народов, о существовании которых на Западе и не догадывались. Все страны Востока были представлены в Самарканде.

Удивление франка росло. Города Запада в сравнении с этим великолепием казались скопищем жалких лачуг. Путники проехали мимо академий, библиотек, увеселительных павильонов, и Ак-Боджа свернул в широкие ворота, которые охраняли серебряные львы. Там путешественники передали своих коней в руки подпоясанных шелковыми кушаками грумов и пешком отправились дальше по ветреной, мощенной мрамором улице, обсаженной тонкими зелеными деревцами.

Меж стройных стволов открывались клумбы роз и каких-то экзотических цветов, неизвестных франку, заросли вишневых деревьев и фонтаны, в серебряной водяной пыли которых играла радуга. Шотландец и татарин направились ко дворцу, сиявшему в солнечном свете лазурью и золотом, прошли между высоких мраморных колонн и через золоченые сводчатые двери вошли в покои. Стены комнат украшали изысканные картины персидских художников, золотые и серебряные предметы ручной работы, вывезенные из Индии.

Ак-Боджа не стал останавливаться в большой, предназначенной для приемов комнате с тонкими резными колоннами и бордюрами из золота и бирюзы, а направился к лепной позолоченной арке, ведущей в комнату с куполом. Ее окна, забранные золотыми решетками, выходили на ряд широких затененных мощеных мраморных галерей. Там одетые в шелка придворные забрали у них оружие и, подхватив под руки, повели меж рядов немых негров-гигантов в шелковых набедренных повязках. Каждый из них держал на плече саблю. У входа придворные отпустили их руки и отступили, согнувшись в глубоком поклоне. Ак-Боджа встал на колени перед фигурой, сидящей на шелковом диване, однако шотландец стоял непреклонно прямо и не сделал необходимого почтительного поклона. Кое-что от непритязательного двора Чингизхана еще сохранилось в этих покоях потомка кочевников.

Шотландец пристально смотрел на человека, развалившегося на диване. Так вот он — таинственный Тамерлан, ставший легендой для Запада. Шотландец видел перед собой высокого, как и он сам, человека, сухопарого, но тяжелой кости, с широкими плечами и характерной для татар широкой грудью. Его лицо не было таким смуглым, как у Ак-Боджи, а его черные, излучающие гипнотическую силу глаза не назовешь раскосыми, к тому же он не сидел, скрестив ноги, как монгол. Во всей его фигуре чувствовалась мощь: в резких чертах лица, в кудрявых волосах и бороде, не тронутых сединой, несмотря на уже преклонный возраст. Что-то от турка было, конечно, в его внешности, но более всего отличала его сухая, волчья твердость, выдававшая в нем кочевника. Ближе, чем турок, стоял он к урало-алатийским корням этого народа и к бродячим монголам — его предкам.

— Говори, Ак-Боджа, — разрешил эмир низким, могучим голосом. — Вороны полетели на Запад, но пока не принесли сюда новостей.

— Мы приехали, опередив все слухи, мой господин, — ответил воин. — Новости следуют за нами по караванным дорогам. Скоро скороходы, а за ними торговцы и купцы доставят тебе известие о том, что великая битва

произошла на западе, и Баязид разбил войска христиан. Волки воют над трупами королей франков.

— Кто стоит рядом с тобой? — спросил Тимур, подперев рукой подбородок. Взгляд его темных глаз остановился на шотландце.

— Это — франк, который избежал смерти, — ответил Ак-Боджа. — В одиночку он сумел прорубить себе дорогу сквозь ряды врагов, а затем, отступая, прикончил одного знатного франка, который в былые времена покрыл его позором. Этот воин бесстрашен, у него стальные мускулы. Клянусь Аллахом, мы неслись быстрее ветра, чтобы доставить тебе новости. Этот франк ничуть не устал, в отличие от меня, хотя я выучился сидеть в седле раньше, чем ходить.

— Зачем ты привел его ко мне?

— Я подумал, что он завоюет славу, сражаясь на твоей стороне, мой господин.

— Во всем мире едва ли найдется дюжина людей, мнению которых я доверяю, — задумчиво проговорил Тимур. — Ты — один из них, — кратко добавил он, и Ак-Боджа густо покраснел в смущении, довольно оскалившись.

— Франк понимает меня? — спросил Тимур.

— Он говорит по-турецки, мой господин.

— Как твое имя, франк? — обратился к шотландцу Тимур. — Каково твое звание?

— Меня зовут Дональд Мак-Диз, — ответил воин. — Я родился в Шотландии, далеко от Фракии. У меня не было звания ни на моей родине, ни в армии, где я служил. Я живу своим умом и зарабатываю себе на жизнь лезвием меча.

— Зачем ты приехал ко мне?

— Ак-Боджа сказал, что это поможет мне отомстить.

— Кому?

— Баязиду — султану турков, которого зовут Громоносцем.

Тимур опустил голову, и в тишине Мак-Диз услышал серебряный звон колокольчиков во дворе и приглушенное пение персидского поэта, аккомпанировавшего себе на лютне.

Наконец великий татарин поднял львиную голову и заговорил.

— Сядь с Ак-Боджей на этот диван, рядом со мной, — приказал он. — Я расскажу тебе, как заманить в западню серого волка.

Садясь, Дональд машинально поднес руку к лицу, словно почувствовал невольную боль от удара одиннадцатилетней давности. Его мысли перенеслись к событиям прошлого. Он вспомнил другого, более грубого короля, более грубый двор, и в краткий миг, присаживаясь рядом с эмиром, он быстро охватил взглядом тернистый путь, который привел его в Самарканд.

Молодой Лорд Дуглас, самый могущественный из всех шотландских баронов, был своевольным и порывистым. Как и большинство нормандских Лордов, он был раздражительным, когда считал, что ему противоречат. Но ему не стоило бить худого, молодого шотландского горца, спустившегося в пограничную страну на поиски славы и добычи и примкнувшего к его свите.

Дуглас привык пользоваться хлыстом и кулаками, общаясь со своими пажами и эсквайрами, которые быстро забывали и боль, и причину, вызвавшую ее. Те, с кем Лорд так поступал, были норманами. Но Дональд Мак-Диз был не норманом, а гаэлом — понятия этого народа о чести и оскорблениях иные, чем у норманов, так как нравы дикой горной страны севера отличаются от нравов плодородных равнин южной Шотландии. Глава клана Дональда не смог бы безнаказанно ударить своего вассала, а южанин, рискнувший... Ненависть отравила кровь молодого горца, словно черная река, и наполнила его сны багровыми кошмарами.

Лорд Дуглас слишком быстро забыл о том, как ударил Дональда, и, конечно, ни о чем не сожалел. Но сердце горца пылало от жажды мести. Дональд вырос среди дикого племени, которое столетиями не забывало обиды. Он был настоящим кельтом, как и его предки, которые своими мечами сокрушили королевство Альбы.

Шотландец сдерживал рвущуюся наружу ненависть и ждал благоприятного случая, который ему и представился в урагане пограничной войны.

Несмотря на протесты короля, война распростерла свои крылья вдоль границы, и шотландцы с радостью отправились в набег. Но до того как Дуглас отправился в поход,

в палатку Дональда Мак-Диза пришел тихий, вкрадчивый человек. Он постарался говорить с горцем по существу.

— Зная о том, что один из Лордов оскорбил вашу честь, я тихо шепнул ваше имя тому, кто послал меня. Воистину хорошо известно, что этот Лорд настолько запугивает королевства и раздувает гнев и вражду между монархами... — Тут незнакомец заговорил еще тише, а потом ясно произнес слово «защита».

Дональд ничего не ответил, и странный гость, улыбнувшись, оставил молодого горца сидящим, подперев подбородок кулаком и мрачно уставившись в пол.

После этого Лорд Дуглас вместе со своими вассалами отправился в поход и «ликуя, сжег долины Тайни, часть Бемброфшира и три башни на Рейдсвирских горах». Он пронес гнев и скорбь по всей Англии, так что король Ричард, придя в ярость, вынужден был послать ему ноту протеста, а потом терпеливо ждать новостей.

После нерешительной перестрелки лучников в Ньюкастле Дуглас расположился лагерем в местечке Оттебурн, и там Лорд Перси ночью неожиданно напал на него. В беспорядочной рукопашной схватке пал Дуглас. Шотландцы назвали это сражение «битвой при Оттебурне», а англичане — «Охотничьей травлей». Англичане клялись, что Дугласа убил Лорд Перси, который со своей стороны не подтверждал этого, но и не отрицал, сам не зная, кого точно убил он в сумятице ночного боя.

Но раненый Дуглас, прежде чем умереть, пробормотал что-то о шотландском пледе и секире. Ни то ни другое никакого отношения не имело к англичанам. Лорды с пристрастием допросили Дональда. Тем временем король спалил кучу свечей за душу Дугласа, а в своих личных апартаментах поблагодарил Бога за смерть барона, объявив: «Мы слышали о том, что его преследовал один юноша, но нам представляется ясным, что этот горец невиновен точно так же, как и мы сами. За сим мы предостерегаем всех под страхом смертной казни от дальнейших преследований этого юноши».

Так, заступничество короля спасло Дональда, но люди втайне считали его виновным. Мрачный и озлобленный, Дональд ушел в себя. В одиночестве, запершись в хижине, он размышлял — до тех пор, пока однажды ночью ему

не сообщили, что неожиданно король отрекся от престола и ушел в монастырь. Напряженная королевская жизнь и бурные события тех времен оказались слишком тяжелыми для монарха. И стоило новостям долететь до хижины Дональда — к нему явились люди с обнаженными кинжалами. Но жилище оказалось пустым. Сокол успел улететь, хотя убийцы сразу помчались по его следам. Они нашли лишь павшего коня на морском берегу и увидели тающий вдали белый парус.

Дональд уехал на континент, потому что в южной Шотландии его ждала тюрьма, а в северной у него было слишком много врагов, да и на границе Англии его наверняка ждала ловушка.

Все это случилось в 1389 году. С тех пор прошло семь лет. Дональд провел их в сражениях и интригах. Он участвовал в войнах в Европе и заговорах. Когда Константинополь стал собирать воинов под знамена Баязида, люди стали закладывать земли, чтобы предпринять новый крестовый поход. Шотландский воин присоединился к потоку рыцарей, потянувшихся на восток к своей гибели.

Семь лет скитаний привели его во дворец с голубыми куполами, в легендарный Самарканд. И вот он, облокотившись на шелковые подушки дивана, слушает размеренную, монотонную речь владыки татар.

Глава 3

Весть, что я хозяин замка,
Понесет меня вперед.
Лишь войду в его пределы,
Повелитель наш умрет.

Битва при Оттебурне

Время текло, как всегда, вне зависимости от жизни и смерти простых людей. Разлагались тела на равнинах Никополиса, и Баязид, опьяненный своим могуществом, продолжал попирать державы всего мира. Его железные легионы перебили греков, сербов, венгров. Он купался в разврате, безумие которого поражало даже его грубых вассалов.

Сквозь его стальные пальцы протекали сокровища всего мира. Баязид разбивал королевские короны, чтобы их золотом подковать своего скакуна. Константинополь пошатнулся под его ударами, а Европа зализывала раны, как израненный волк, и дрожала от страха в ожидании нового нападения.

Где-то в туманных далях Востока правил главный враг Баязида — Тимур Хромой. Баязид посылал татарину официальные письма с угрозами и насмешками. Ответа турок так и не получил, но караваны приносили ему новости о готовящихся походах и о великой войне, разгоревшейся на юге, о том, что индийские шлемы с плюмажами бросаются врассыпную, заслышав цокот татарских скакунов. Однако Баязид мало обращал на это внимание. Индия была для него так же далека, как и владения Папы Римского. Взгляд турка был устремлен на запад, на города Кафры.

— Я стану терзать Фракию огнем и мечом, — объявил он. — Их султаны поволокут мою колесницу, и летучие мыши поселятся во дворцах неверных.

Ранней весной 1402 года на внутренний двор дворца в Брюсе, где, жадно глотая запретное вино и наблюдая за ужимками голых танцовщиц, развалившись восседал Баязид, пришли придворные. Они привели высокородного франка, чье мрачное, иссеченное шрамами лицо потемнело от жаркого солнца далеких пустынь.

— Обезумев, эта кафрская собака на взмыленном коне прискакала в лагерь янычаров, — сказали слуги. — Он говорит, что разыскивает Баязида. Содрать ли нам с него кожу перед тем, как привязать к хвостам двух коней?

— Собака, ты нашел Баязида, — заговорил султан, сделав большой глоток и с довольным видом поставив кубок. — Говори, прежде чем я посажу тебя на кол.

— Подобающий ли это прием для того, кто прискакал издали, чтобы служить тебе? — самоуверенно возразил франк. — Я — Дональд Мак-Диз, и среди твоих янычаров нет ни одного, кто выстоит против меня в схватке, а среди твоих толстобрюхих борцов — ни одного, кому я не смог бы сломать хребет.

Султан погладил свою черную бороду и ухмыльнулся.

— Жаль, что ты — неверный, — сказал он. — Я люблю смелых на язык. Продолжай. Какие еще у тебя достоинства, Зеркало Скромности?

Горец оскалился, словно волк:

— Я могу сломать хребет татарину, на скаку срубить голову хану.

Огромный Баязид незаметно изменил позу. От него исходила ощутимая волна угрозы.

— Что за чепуха? Что означают твои слова? — проговорил он.

— Я не загадываю загадок, — отчеканил гаэл. — Я люблю тебя не больше, чем ты меня. Но я ненавижу Тимура — за то, что он швырнул меня лицом в навозную кучу.

— Ты пришел ко мне от этого неверного пса?

— Да. Я служил ему, был его правой рукой, рубил его врагов. Я взбирался на стены городов под градом стрел, рассеивал строй неприятелей. А когда Тимур стал раздавать дары и оказывать почести, что досталось мне? Куча насмешек и град оскорблений. «Проси подарки у султанов Фракии, кафр», — сказал Тимур — да сожрут его черви! — а его советники захохотали. Бог мне свидетель, я заглушу этот смех грохотом рушащихся стен и ревом пламени!

Угрожающий голос Дональда прогремел эхом. В глазах его читались неподдельные холод и жестокость. Баязид вытянул подбородок и произнес:

— И ты пришел ко мне, чтобы я помог тебе отомстить? Но стану ли я воевать с Хромым из-за того, что он обидел какого-то кафрского бродягу?

— Ты будешь воевать с ним, иначе он станет воевать с тобой, — ответил Мак-Диз. — Когда Тимур написал тебе, попросив не оказывать помощи его врагам — турку Каре Юзефу и Ахмеду, султану Багдада, ты ответил ему словами, которые нельзя стерпеть, и послал своих всадников, чтобы укрепить ряды его врагов. Сейчас турки разбиты, Багдад разграблен, Дамаск превратился в дымящиеся руины. Тимур разбил твоих союзников, но не забудет позора, которым ты покрыл его.

— Чтобы знать это, нужно быть особо приближенным к Хромому, — тихо сказал Баязид. Его глаза сузились и

засверкали с подозрением. — Почему я должен верить франку? Аллах, я всегда говорю с его соплеменниками при помощи сабли! Как с теми дураками, что пытались противостоять мне у Никополиса.

На долю секунды яростное пламя, неподвластное воле, сверкнуло в глазах горца, но выражение смуглого лица воина ничуть не изменилось.

— Знай, турок, я только могу показать тебе, как сломать хребет Тимуру, — проговорил горец, сдобрив речь порцией отборных ругательств.

— Собака! — заорал султан. Его серые глаза горели огнем. — Ты думаешь, я нуждаюсь в помощи безродного мошенника, чтобы победить татарина?

Дональд расхохотался ему в лицо тяжелым, безрадостным смехом, который даже звучал неприятно.

— Тимур раздавит тебя, как гнилой орех, — сказал Мак-Диз с тайным умыслом. — Видел ли ты татар скачущими в боевом порядке? Видел ли ты сотню тысяч стрел, пущенных, как одна, и закрывших солнце на небе? Видел ли ты их всадников, летящих в атаку быстрее ветра, так что пустыня содрогается от топота копыт их коней? Видел ли ты их слонов с осадными башнями на спинах, откуда лучники посылают огненные стрелы, сжигающие человеческую плоть, как вулканическая лава?

— Все это я уже слышал, — ответил султан, не слишком впечатленный.

— Но ты не видел, — возразил горец.

Он закатал рукав кольчуги и показал шрамы на мускулистой руке:

— Сюда меня поцеловала индийская сабля под Дели. Я скакал с дворянами Тимура, и, казалось, весь мир содрогается от грохота боя. Я видел, как Тимур обманул индийского султана и выманил его из недоступных татарам стен. Так выманивают змею из ее логовища. Бог мой, раджпуты, увенчанные перьями, падали под нашими ударами, словно созревшие зерна!.. От Дели Тимур оставил груду развалин, а рядом с разрушенными стенами построил пирамиду из сотни тысяч черепов. Ты не поверил бы, если бы я рассказал тебе, сколько дней Киберийский путь был заполнен толпами воинов в сверкающих доспехах, возвращавшихся по дороге в Самарканд. Горы сотряса-

лись от их поступи, а дикие афганцы спустились с гор, чтобы преклонить колени перед Тимуром... да свернет он себе шею, да слетит его голова к твоим ногам, Баязид!

— Это ты мне говоришь, собака? — воскликнул султан. — Я прикажу зажарить тебя в масле!

— Да. Докажи свою силу Тимуру, убив собаку, над которой посмеялись, — едко сказал Мак-Диз. — Все вы, короли, похожи друг на друга в своих страхах и глупости.

Баязид удивленно уставился на Мак-Диза:

— Аллах! Ты — сумасшедший, если говоришь такое Громовержцу. Обожди при моем дворе, пока я не узнаю, мошенник ли ты, глупец или безумец. Если же ты шпион, я буду убивать тебя долго, не три дня, а целую неделю станешь ты молить моих палачей о смерти!

Вот так Дональд и остался при дворе Громовержца, хоть тот и не доверял шотландцу. Вскоре пришло краткое и не допускающее возражений послание — требование выдать Тимуру для справедливого наказания «не христианина, а вора, нашедшего прибежище при турецком дворе». На это Баязид, используя новую возможность оскорбить противника, скалясь, словно гиена, и весело теребя черную бороду меж пальцев, продиктовал такой ответ:

«Знай, калеченый пес, что османы не имеют привычки уступать вздорным требованиям неверных. Веселись, пока можешь, хромая собака, ибо скоро я превращу твое королевство в кучу отбросов, а твоих любимых жен — в своих наложниц».

Больше посланий от Тимура не приходило. Баязид разрешил Дональду участвовать в своих диких попойках, угощая шотландца крепкими напитками. Даже бесчинствуя, Баязид внимательно следил за своим новым приверженцем. Но подозрительность султана стала притупляться, потому что и в самом бесчувственном состоянии Дональд ни разу не произнес слова, которые могли бы намекнуть на то, что он не тот, кем прикидывается. Имя Тимура он произносил только с проклятиями. Баязид не принимал в расчет Дональда как ценного помощника, но собирался его использовать. Турецкие султаны всегда на-

нимали иностранцев в телохранители и поверенные, слишком хорошо зная собственный народ. Гаэл, как казалось, не замечал, что за ним наблюдают, пил вино и вместе с султаном валился на пол упившись, вел себя с безрассудной доблестью во время набегов на Византию, чем снискал уважение среди упрямых турок.

Играя на вражде генуэзцев и венецианцев, Баязид залег у стен Константинополя. Он готовился: сначала Константинополь, потом Европа. Судьба христианства повисла на волоске и теперь решалась под древними стенами восточного города. Несчастные греки, изнуренные, умирающие от голода, уже подписали капитуляцию, когда подоспела весть с Востока. Ее привез грязный, окровавленный посыльный на загнанной лошади.

С Востока, внезапно, как смерч, налетели татары, и пограничный город Сивас пал.

Той же ночью люди, дрожащие на стенах Константинополя, увидели факелы, мерцающие и передвигающиеся по турецкому лагерю. Огни высвечивали хищные лица и блестящее оружие, но атаки турок так и не последовало. Рассвет открыл огромную флотилию лодок, пересекающих Босфор двумя равномерными потоками, двигающимися параллельно друг другу в разные стороны. Лодки уносили турецких воинов обратно в Азию. Наконец взор Громовержца повернулся к Востоку.

Глава 4

Птица порхает в небе,
Сквозь чащу мчится олень,
Но нет ни крошки хлеба
Насытить меня и людей.

Битва при Оттебурне.

— Здесь мы станем лагерем, — объявил Баязид, повернувшись в золоченом седле. Он оглянулся на длинные ряды воинов, исчезающих у горизонта за далекими холмами. В армии его было свыше двухсот тысяч воинов: беспощадные янычары, сверкающие перьями и серебряными кольчугами спахи, тяжелые кавалеристы в броне и

шлемах и его союзники со своими подданными — греческие и валахские воины, двадцать тысяч всадников короля Сербии Петра Лазариуса, который сам был закован в броню от короны до пят, а также отряды татар-калмыков, ранее кочевавших в Малой Азии и теперь присоединившихся к Оттоманской империи вместе с остальными народами. В начале похода они готовы были восстать, но Мак-Диз успокоил их, произнеся пламенную речь на их родном языке.

Несколько недель турецкое войско двигалось на восток по сивасской дороге, ожидая столкновения с татарами в любой момент. Турки прошли Ангору, где султан устроил опорный лагерь, пересекли реку Халис, или Кизил Ирмак, и теперь двигались по гористой местности, лежащей в излучине той реки, что к востоку от Сиваса делала широкую петлю к югу, прежде чем у Киршехра свернуть на север, в сторону Черного моря.

— Здесь разобьем лагерь, — повторил Баязид. — Сивас находится милях в шестидесяти пяти восточнее. Стоит послать разведчиков в город.

— Они обнаружат, что в городе нет людей, — сказал скакавший рядом с Баязидом Дональд. Султан ухмыльнулся:

— О, жемчужина мудрости, неужели Хромой мог так быстро улизнуть?

— Он никуда не улизнул, — ответил гаэл. — Не забывай, что его войско может двигаться намного быстрее твоего. Он перейдет горы и нападет на нас, когда мы меньше всего будем этого ожидать.

Баязид презрительно фыркнул:

— Он что, волшебник и может перелететь через горы со стапятидесятитысячной ордой? Ба! Говорю тебе, он придет по сивасской дороге, чтобы вступить в битву, и мы растопчем его армию, как ореховую скорлупу!

Турецкое войско разбило лагерь и со всевозрастающей яростью и нетерпением ожидало татар. Прошла неделя. Разведчики Баязида вернулись с новостью о том, что в Сивасе осталась лишь горстка татар. Тогда Султан заорал в гневе и недоумении:

— Дураки, вы что, не заметили татарского войска?

— Его там нет, клянемся Аллахом, — отвечали разведчики. — Татары исчезли, растаяли, словно привидения в ночи. Никто не знает, куда они ушли. Мы прочесали горы до самого города.

— Тимур ускользнул обратно в пустыню, — сказал Петр Лазариус, и Дональд засмеялся.

— Тимур убежит, когда реки потекут в гору, — уверил всех Дональд. — Он притаился где-нибудь в горах, но южнее.

Баязид никогда не слушал советов, ибо давно убедился в собственном превосходстве над остальными людьми. Но теперь он был озадачен. До сих пор ему не приходилось драться со всадниками пустыни, секрет победы которых в маневренности и в умении в нужный момент словно сквозь землю провалиться. А тут еще верховые принесли весть, что замечены всадники, двигающиеся параллельно правому флангу турецкого войска.

Мак-Диз рассмеялся, и смех его напоминал лай шакала.

— Теперь Тимур налетит на нас с юга, как я и предсказывал.

Баязид подтянул войска и ждал нападения, но напрасно. Разведчики донесли, что всадники проехали дальше и исчезли. Озадаченный впервые в жизни и жаждущий схватиться со своим призрачным врагом, Баязид снялся с лагеря и быстро — в два дня — достиг реки Халис, где ожидал найти Тимура, приготовившегося дать отпор. Но ни одного татарина не было видно. Султан рассвирепел. Куда же подевались эти восточные дьяволы? В воздухе растворились они, что ли?

Турецкий султан послал разведчиков через реку, и вскоре те вернулись, шлепая по мелководью. Они видели арьергард армии татар. Тимур ускользнул от турецкой армии и теперь шел к Ангоре! Вскипев от гнева, Баязид повернулся к Мак-Дизу:

— Что скажешь теперь, пес?

Но горец смело стоял на своем:

— Тебе некого винить, кроме самого себя, в том, что Тимур перехитрил тебя. Прислушивался ли ты к моим советам, хоть к хорошим, хоть к плохим? Я говорил, что Тимур не будет ждать, пока ты придешь. Я говорил,

что он покинет город и уйдет в южные горы. Он так и сделал. Я говорил, что он нападет на нас внезапно. Тут я ошибся. Не думал, что он перейдет реку и снова ускользнет. Но все остальное, о чем я предупреждал тебя, произошло.

Баязид неохотно согласился с франком, но внутри у него все кипело от ярости. Теперь ему ни за что не удастся настигнуть летучую орду до самой Ангоры.

Он перевел войско через реку и отправился по следам татар. Тимур переправился возле Сиваша и, повернув вдоль наружной стороны излучины реки, ушел от турков на другой берег. Теперь Баязид, следуя за ним, повернул от реки в степи, где было мало воды и не было никакой пищи, после того как там прошлась орда, выжигавшая все у себя на пути.

Турки шли по почерневшей от огня пустыне. Тимур за три дня преодолел расстояние, на которое колонне Баязида потребовалась неделя. Сотни миль по выжженной равнине и по голым холмам. Поскольку сила армии заключалась в пехоте, кавалерия вынуждена была соизмерять скорость своего движения с пешим войском, и вся турецкая армия медленно ползла вперед в тучах горячей пыли, поднимавшейся из-под стертых, усталых ног воинов. Под жгучим летним солнцем войско медленно тащилось вперед, жестоко страдая от голода и жажды.

Наконец турки добрались до равнины Ангоры и увидели, что татары устроились в оставленном войсками Боязида лагере и осадили город. Из уст обезумевших от жажды турков вырвался рев отчаянья. Тимур изменил течение впадавшей в Ангору речушки так, что теперь она оказалась за спиной татар. Единственный путь к ней лежал через вражеское войско. Все колодцы и источники в округе были загрязнены и отравлены. Узнав обо всем этом, Баязид мгновение сидел в седле, безмолвно переводя взгляд с татарского лагеря на собственное беспорядочно растянувшееся войско, и видел лишь угрюмые лица воинов. Непривычный страх проник в сердце турка. Это чувство было незнакомо Баязиду, и он не сразу его распознал. Раньше ведь победа всегда была за ним... Разве когда-нибудь могло случиться иначе?

Глава 5

Кто это мчится вслед за мной?
Мой господин, то враг ваш злой.
За мной он скачет не один!
То тень в ночи, мой господин.

Киплинг

В то тихое летнее утро войска замерли, готовые к смертельной схватке. Турки выстроились длинным полумесяцем, концы которого перекрывали татарские фланги, один из которых упирался в реку, а другой — в укрепленный холм на расстоянии пятнадцати миль.

— Никогда в жизни не просил я совета, как мне вести битву, — заявил Баязид. — Но ты знаешь Тимура уже шесть лет. Скажи, он нападет на нас?

Дональд покачал головой:

— Твое войско превосходит его войско по численности. Тимур никогда не бросит своих всадников против янычар. Он будет стоять и издалека забрасывать тебя стрелами. Тебе самому придется идти к нему.

— Разве можно атаковать конницу пехотой? — прорычал Баязид. — Однако ты говоришь мудро. Я должен бросить кавалерию против кавалерии... Но, Аллах!.. Его конница лучше.

— У него слабый правый фланг, — сказал Дональд, и его глаза зловеще блеснули. — Сгруппируй сильных всадников на левом фланге, атакуй и разбей правую часть татарского войска, затем подойди ближе, перенеси на фланг основную битву, пока твои янычары будут наступать по всему фронту. Перед атакой спахи на правом фланге могут сделать отвлекающий маневр, чтобы усыпить бдительность Тимура.

Баязид молча посмотрел на гаэла. Дональд, как и остальные, страдал во время этого ужасного марша. Кольчуга его стала белой от пыли, губы почернели, в горле свербило от жажды.

— Да будет так, — сказал Баязид. — Принц Сулейман командует левым флангом, плюс сербская конница и моя тяжелая кавалерия, подкрепленная калмыками. Мы все разом двинем в атаку!

Войска Баязида заняли позицию, но никто не заметил, как плосколицый калмык улизнул из турецких рядов. А направился он в лагерь Тимура, настегивая словно сумасшедший свою коренастую лошаденку. На левом фланге турецкого войска собралась мощная сербская конница, а позади нее — вооруженные луками калмыки. Ими командовал Дональд. Так потребовали калмыки: «Пусть нас ведет франк!»

Баязид не собирался противопоставлять татарам огонь луков, он хотел довести своих воинов до врага, чтобы те разметали ряды Тимура, прежде чем эмир сможет получить преимущество искусным маневром. Правый турецкий фланг состоял из спахов, центр из янычаров и сербской пехоты с Петром Лазариусом, а командовал ими сам султан.

У Тимура не было пехоты. Он с охраной разместился на холмике позади своего войска. Нур эд-Дин командовал его правым флангом всадников, Ак-Боджа — левым флангом, принц Мухамед — центром. В центре находились слоны в кожаной сбруе, с башнями и лучниками. Устрашающий рев слонов был единственным звуком, разносившимся над огромным, закованным в броню татарским войском, тогда как турки наступали под гром кимвалов и литавр.

Как удар молнии, обрушил Сулейман свои эскадроны на правое крыло татар. Турки побежали прямо в самую гущу ливня стрел. Они наступали неудержимо, и ряды татар пошатнулись. Сулейман, выбив из седла увенчанного перьями цапли вождя, торжествующе закричал, но в этот момент за спиной у него раздался гортанный рев:

— Гар! Гар! Гар! Братья, ударим за повелителя нашего Тимура!

Взревев от ярости, Сулейман обернулся и увидел, как его всадники отступают, падая под стрелами калмыков. И еще он услышал смех Мак-Диза, похожий на смех сумасшедшего.

— Предатель! — закричал турок. — Это твоя работа...

Широкий меч горца сверкнул на солнце — и обезглавленный принц Сулейман выпал из седла.

— За Никополис! — прокричал обезумевший горец. — Цельтесь лучше, братья-псы!

Приземистые калмыки завизжали в ответ, словно волки, откатились назад, чтобы избежать сабель отчаявшихся турков, но по-прежнему посылали во врага свои смертоносные стрелы. Многое вынесли калмыки от своих хозяев, и теперь наступил час расплаты. Теперь правое крыло татар били и спереди, и сзади. Турецкая кавалерия оказалась смята. Войско обратилось в бегство. Все шансы Баязида уничтожить врага одним ударом были потеряны.

В начале битвы правый фланг турков наступал под оглушительный рев труб и грохот барабанов. И вот во время этого отвлекающего маневра по туркам неожиданно ударил левый фланг татар. Ак-Боджа налетел на летучих спахов и, обезумев в пылу кровавой сечи, погнал их назад, пока преследуемые и преследователи не исчезли за холмами.

Тимур послал принца Мухамеда с резервным эскадроном поддержать левое крыло и вернуть Ак-Боджа. В это время Нур эд-Дин, уничтожив остатки кавалерии Баязида, повернулся и ударил по сплоченным рядам янычар. Те держались, словно железная стена, и вернувшийся галопом Ак-Боджа насел на них с другой стороны.

Теперь уж и сам Тимур сел на своего боевого коня. Центр армии татар взметнулся стальной волной, хлынув на едва держащихся турков. Пришло время смертельной схватки.

Атаку за атакой обрушивали татары на сомкнутые ряды турков. Волнами налетали они и возвращались назад. Но янычары неколебимо стояли в облаках дыма, отбивались окровавленными копьями, зазубренными саблями и топорами, с которых капала кровь. Исступленные всадники, словно огненный смерч, сметали ряды противников ураганом стрел, полет которых неуловим глазом человека. Очертя голову бросались татары в ряды янычар и с безумными криками прорубали щиты, шлемы и головы врагов. Турки отвечали тем же: опрокидывая лошадей и всадников, они рубили, топтали татар, топтали своих же мертвых и раненых, чтобы сомкнуть ряды. Это продолжалось до тех пор, пока поле битвы не превратилось в ковер из мертвых тел и копыта татарских скакунов не стали разбрызгивать кровь при каждом шаге.

Многократные атаки наконец разорвали на части турецкое войско, и сражение с новой силой вспыхнуло по

всей долине: группы турков стояли спина к спине, убивая врагов и погибая под стрелами и саблями всадников степей. В облаках пыли шествовали слоны. Их рев походил на трубный глас ангелов. Лучники на спинах слонов пускали потоки стрел и огня, иссушавшего воинов в кольчугах, как жареное зерно.

Весь день Баязид пешим сражался во главе своих людей. Рядом с ним пал король Петр, пронзенный десятком стрел. С тысячью янычар султан весь день удерживал вершину самого высокого холма на равнине. Он не отступил, хоть рядом с ним и гибли его люди. Ращепленными копьями, разящими топорами и саблями воины султана из последних сил сдерживали татар. И тогда Дональд Мак-Диз, пешком, со свирепым взглядом обезумевшего пса, очертя голову кинулся в гущу схватки и обрушился на султана с такой яростью и ненавистью, что украшенный гребнем шлем Баязида разлетелся вдребезги от удара тяжелого меча. Султан рухнул замертво. На усталые группы сражающихся спустилась тьма, и только тогда литавры татар возвестили о победе.

Глава 6

Триумф в отрепьях ореола
Над бриллиантами престола,
Награда ада! Боль и прах...
Не ад в меня вселяет страх.

*Э. По. Тамерлан**

Мощь османов была сокрушена. Перед палаткой Тимура лежала куча голов приближенных Баязида. Но татары на этом не остановились. Вслед за бегущими турками они ворвались в Брюс, столицу Баязида, опустошив город огнем и мечом. Как смерч, пронеслись татары и растаяли, нагруженные сокровищами из дворца, прихватив с собой женщин из сераля султана.

---

* Перевод И. Озеровой. — Э. По. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1, М., 1993.

Прискакав в татарский лагерь вместе с Нур эд-Дином и Ак-Боджей, Дональд Мак-Диз узнал, что Баязид жив. Удар шотландца только оглушил султана, и теперь турок стал пленником эмира, над которым раньше насмехался. Мак-Диз сыпал проклятиями. Гаэл был весь в пыли и грязи после тяжелого перехода и еще более тяжелой битвы. Высохшая кровь темнела на его кольчуге и запечатала устье ножен. Пропитанный кровью шарф обвивал его талию грубой перевязью. Глаза гаэла были налиты кровью, тонкие губы скривились от ярости.

— Клянусь богом, не думал, что этот вол оправится от такого удара. Он будет распят? Ведь именно это он собирался сделать с Тимуром.

— Тимур его хорошо принял и не причинит ему вреда, — ответил один из придворных. — Султан будет присутствовать на пире.

Ак-Боджа покивал головой, ибо был милостив, когда не сражался. Но в ушах Дональда раздавались крики избиваемых пленных в Никополисе, и он горько рассмеялся. Неприятно прозвучал этот смех.

Для свирепого султана смерть была предпочтительней, чем пир, происходивший, как обычно, после победы. На этом пиру он присутствовал как пленник. Баязид походил на мрачного идола, безмолвного и, как казалось, глухого. Он делал вид, что не слышит грохот литавр и рев веселящихся татар. На голове султана был тюрбан верховного владыки, украшенный камнями, в руках — украшенный драгоценными камнями скипетр его исчезнувшей империи.

Султан не притронулся к огромной золотой чаше, стоящей перед ним. Много, много раз радовался он агонии побежденных, никому не оказывая таких милостей, как оказали сейчас ему. Незнакомая ранее боль поражения сковала сердце султана.

Он таращился на красавиц своего сераля, которые, соответственно татарскому обычаю, трепеща обслуживали своих новых хозяев: черноволосые еврейки с сонными, тяжелыми веками, смуглые гибкие черкешенки и златовласые русские, темнокожие гречанки и турецкие женщины с фигурами Юноны — все они нагими явились перед глазами татарских князей.

Баязид клялся, что изнасилует жен Тимура. Теперь же его коробило, когда он смотрел на Деспину — сестру и любовницу Петра Лазариуса, обнаженную, как и остальные, коленопреклоненную и трепещущую от страха, предлагая Тимуру чашу вина. Татарин рассеянно запустил пальцы в волосы девушки, и Баязид содрогнулся, словно эти пальцы сжали его собственное сердце.

Султан видел Дональда Мак-Диза, сидевшего рядом с Тимуром. Гаэл остался в своей пыльной, испачканной одежде и выделялся среди пышных, разодетых в шелка и золото татар. Дикие глаза Мак-Диза сверкали, а за едой вел он себя дико и необузданно, словно изголодавшийся волк. Он пил крепкое вино чашу за чашей. И тут наконец самообладание отказало Баязиду, и он не выдержал. С ревом, заглушившим весь остальной шум, Громовержец наклонился вперед, сломав руками тяжелый скипетр, как тростинку, и швырнул на пол обломки.

Все собравшиеся устремили на него свои взгляды, и некоторые из татар быстро встали между ним и своим эмиром, который лишь невозмутимо взглянул на Баязида.

— Пес! Отродье шакала! — ревел Баязид. — Ты пришел ко мне как беглец, и я приютил тебя! Пусть проклятие всех предателей ляжет на твое черное сердце!

Мак-Диз поднялся, отшвырнув чаши и кубки.

— Предателей! — закричал он. — Для тебя шесть лет оказались слишком большим сроком. Ты забыл обезглавленные трупы, оставленные гнить у Никополиса? Ты забыл десять тысяч пленных, которых вы там убили, голых и со связанными руками? Там я сражался против тебя с мечом в руках, теперь я сразил тебя с помощью хитрости! Глупец, ты был обречен с той минуты, как войско твое вышло из Брюсы! Именно я договорился с калмыками, ненавидевшими тебя. Поэтому-то они были довольны и делали вид, что хотят служить тебе. Через них я поддерживал связь с Тимуром с того момента, как мы в первый раз покинули Ангору. Я тайно посылал вперед всадников или притворялся, что охочусь на антилоп... Благодаря мне Тимур перехитрил тебя. Я даже заставил тебя поверить в мой план битвы! Я поймал

тебя в паутину совпадений, зная, что все равно поступишь как захочешь, не считаясь ни с тем, что скажу я, ни с тем, что скажет кто-то другой. Я солгал тебе только одважды: когда сказал, что хочу отомстить Тимуру, и когда убедил тебя, что эмир будет ждать в горах и сам нападет на нас. До начала битвы я уже знал, чего хочет Тимур, и своим советом завлек тебя в ловушку. Поэтому Тимур, придумавший план, который ты посчитал отчасти своим, отчасти моим, заранее знал каждый твой шаг. Но в конечном счете все зависело от меня, так как именно я повернул против тебя калмыков, направив их стрелы в спины твоих всадников. Это и склонило чашу весов в пользу татар, когда исход битвы висел на волоске... Я дорого заплатил за месть, турок! Я играл свою роль под пристальным взглядом шпионов при твоем дворе, даже когда голова у меня кружилась от вина. Я сражался за тебя против греков, и меня ранили. В пустыне под Халисом я страдал вместе со всеми. Я прошел через страшный ад, чтобы низвергнуть тебя в пыль!

— Служи же хорошо своему хозяину, как служил мне, предатель, — резко сказал султан. — В конечном счете Тимур Хромой, ты проклянешь тот день, когда взял себе этого помощника. Когда-нибудь вы уничтожите друг друга!

— Полегче, Баязид, — бесстрастно сказал Тимур. — Что случилось, то случилось.

— Да! — Турок зашелся безумным смехом. — Но Громовержец не станет слугой хромой собаки! Хромой, Баязид говорит тебе: «Привет» — и: «Прощай».

И прежде чем кто-нибудь сумел его остановить, султан схватил со стола нож для мяса и по рукоять воткнул себе в горло. Секунду он раскачивался, словно могучее дерево, а потом с грохотом рухнул вниз. Шум стих, пирующие были поражены. Раздался надрывный плач, и вперед выбежала Деспина. Она упала на колени, прижала львиную голову своего свирепого господина к обнаженной груди и, содрогаясь, зарыдала. Тимур медленно, рассеянно погладил бороду. А Дональд Мак-Диз спокойно поднял огромную чашу, в которой в свете факелов сверкало малиновое вино, и осушил ее до дна.

Глава 7

Одно и то же правило дано
Рим — цезарю, а мне — венец...

Э. По. Тамерлан *

Чтобы понять отношение Дональда Мак-Диза к Тимуру, нужно вернуться на шесть лет назад, в тот день, когда в Самарканде во дворце с бирюзовым куполом эмир размышлял, как же уничтожить надменного турка.

В то время как другие смотрели вперед лишь на несколько дней, Тимур мог заглянуть в будущее на годы. Пять лет прошло, прежде чем Тимур подготовился выступить против турка и согласился отпустить Дональда в Брюсу, а потом выслал за ним погоню. Пять лет неистовых сражений среди горных снегов и в пыли пустынь подняли Тимура как мифического исполина. Он жестоко правил своими военачальниками, а к Мак-Дизу относился еще суровее. Тимур словно изучал шотландца беспристрастным жестоким взглядом ученого, требуя, чтобы гаэл полностью выкладывался на службе. Казалось, татарин ищет предел выносливости и мужества горца. Но так и не нашел.

Гаэл был чересчур безрассуден, чтобы Тимур мог доверить ему войска. Но во время неожиданных нападений, набегов, во время штурма городов — во всем, что требовало личного мужества и отваги, горец был непобедимым. Шотландец представлял собой типичного европейского воина, для которого стратегия и тактика имели меньшее значение, чем жестокая рукопашная схватка, где исход битвы решался благодаря личной доблести и силе воинов. Обманывая турка, шотландец лишь следовал инструкциям Тимура.

Между гаэлом и эмиром не могло возникнуть дружеских уз, поскольку Дональд для Тимура был лишь свирепым варваром из чужеземной Фракии. Тимур никогда не осыпал его подарками и почестями, как мусульманских военачальников. Жестокий гаэл презирал мишуру

---

* Перевод В. Брюсова. — Э. По. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1993.

почестей и, казалось, получал удовольствие только от хороших сражений и крепких попоек. Он игнорировал раболепное преклонение, которое демонстрировали Тимуру его подданные, и в подпитии осмеливался говорить мрачному татарину в лицо такие вещи, что окружающие замирали, затаив дыхание.

— Это волк, которого я спускаю с привязи на своих врагов, — сказал однажды про него Тимур.

— Такой человек как обоюдоострый клинок, который легко может поранить владельца, — рискнул заметить один из князей.

— Его обратная сторона не так тщательно заточена, как та, что поражает моих врагов, — ответил Тимур.

После победы под Ангорой Тимур отдал под командование Дональду калмыков и беспокойных, непокорных вигуров. Такова была награда Тимура: большое неосвоенное поле, возможность долго усердно трудиться в поте лица и беспощадно бороться с врагами татар. Но Дональд ничего не сказал. Он держал своих головорезов наготове и экспериментировал с различными типами седел и доспехов, с кремневыми ружьями, тем не менее находя, что они уступают по меткости татарским лукам; экспериментировал с последними видами огнестрельного оружия, громоздкими пистолями на колесах, которые использовали арабы еще за сто лет до своего появления в Европе.

Тимур бросал Дональда на врагов, как человек бросает дротик, мало заботясь о том, сломается оружие или нет. Всадники гаэла возвращались в крови, в пыли, усталые. Доспехи их были растерзаны в клочья, мечи зазубрены и затуплены, но к остроконечным седлам всегда были приторочены головы врагов Тимура. Жестокость воинов Дональда, его собственная дикая свирепость и нечеловеческая сила постоянно вызволяли войско из самых безнадежных положений. А звериная выносливость Дональда заставляла его снова и снова оправляться от страшных ран, вызывая восхищение у мускулистых татар.

С годами Дональд, всегда отчужденный и неразговорчивый, все больше и больше уходил в себя. Когда воины

затихали, он в одиночестве сидел в мрачной тишине в какой-нибудь таверне или угрожающе гордо бродил по улицам, положив руку на рукоять огромного меча, и люди осторожно уступали ему дорогу. У Дональда был только один друг, Ак-Боджа, и один интерес, кроме войн и убийств. Во время набега на Персию наперерез его отряду выбежала, крича, тоненькая девчушка, и воины Дональда увидели, как их предводитель наклонился и, подхватив ее одной могучей рукой, усадил в седло. Это была Сулея, персидская танцовщица.

У Дональда был дом в Самарканде и несколько слуг. И среди них персиянка блистала как редкая жемчужина. Девушка обожала своего господина, а ее страх перед ним доходил до восторженного исступления, но, когда Мак-Диз уезжал на войну, она не скрывала своих связей с молодыми солдатами.

Как и большинство персиянок ее касты, Сулея имела склонность к мелким интригам и не могла не совать свой нос не в свои дела. Она стал доносчицей у Шади Мулх — персидской любовницы Халила, слабовольного внука Тимура, и таким образом косвенно влияла на судьбы мира. Сулея представляла собой жадное, тщеславное существо и страшную лгунью, но ее руки были легки, как несомые ветром снежинки, когда она перевязывала раны от мечей и копий на железном теле Дональда. Гаэл же никогда ее не бил и не ругал, хотя никогда и не ласкал, не ухаживал с нежными словами, как другие мужчины. Он хорошо знал, что для него Сулея дороже всех владений и наград.

Тимур старел. Он словно играл с миром в шахматы, и пешками его были короли и армии. Молодым вождем без богатства и власти, он сверг своих хозяев-монголов, а теперь сам повелевал ими. Он завоевывал племя за племенем, народ за народом, королевство за королевством, создавая собственную империю, протянувшуюся от Гоби до Средиземного моря, от Москвы до Дели, — могущественнейшую империю из всех когда-либо известных миру.

Он открыл двери Юга и Востока, и через них в Самарканд потекли богатства со всего мира. Именно Тимур спас Европу от азиатского нашествия, когда остановил

волну турецкого завоевания, о чем он сам так никогда и не узнал. Великий татарин строил и разрушал города. Он сделал сад из бесплодных пустынь и превратил цветущие земли в пустыню. По его приказу возводились пирамиды из черепов и кровь лилась реками. Его князья возвышались над народами и племенами. Тщетно, словно женщины, заблудившиеся в горах, вопили несчастные рабы, когда их начинало перемалывать в жерновах империи Тимура.

Теперь же эмир смотрел на Восток, где столетиями дремала пышная империя Китая. Возможно, к старости это было всего лишь стремление к истокам своего народа. Возможно, Тимур помнил героических ханов, своих предков, хлынувших некогда на плодородные равнины Китая из бесплодных степей Гоби.

Великий визирь покачал головой. Он играл в шахматы со своим царственным господином. Визирь был стар, слаб и осмеливался высказывать свое мнение даже Тимуру.

— Мой господин, что пользы в бесконечных войнах? Ты уже покорил больше народов, чем покорили Чингиз-хан или Александр. Отдохни от завоеваний, дай себе понежиться в мире и заверши работу, начатую в Самарканде. Построй побольше великолепных дворцов. Собери вокруг себя философов, художников, поэтов со всего мира.

Тимур пожал могучими плечами:

— Философия, поэзия и архитектура хороши, но их не видно в тумане и дыме завоеваний, ибо все вещи в мире покоятся на окровавленном блеске стали.

Визирь играл фигурками из слоновой кости, покачивая седой головой:

— Мой господин, в тебе словно два человека. Один — строитель. Другой — разрушитель.

— Возможно, я разрушаю с тем, чтобы на руинах можно было строить, — ответил эмир. — Я никогда не пытался до конца разобраться в этом. Я просто знаю, что прежде всего я — завоеватель, а потом — строитель, и завоевание — суть моей жизни.

— Но для чего опрокидывать этот слабый колосс на глиняных ногах — этот Китай? — поинтересовался визирь. — Чтобы свершилось еще одно большое кровопролитие? Ты ведь уже достаточно окропил кровью землю. Новая война означает новые скорби и новые страдания беспомощных людей, — они гибнут под твоим мечом, словно жертвенные овцы.

Тимур рассеянно покачал головой:

— Что значат их жизни? Они все равно умрут, а ныне их существование наполнено страданием. Я же обовью сердце татарина стальной лентой. Новыми завоеваниями на Востоке я усилю свой трон, и правители моей династии станут повелевать миром десять тысяч лет. Все дороги мира будут вести в Самарканд, и тут будут собраны все чудеса, все тайны и вся слава мира: институты и библиотеки, величественные мечети, мраморные дворцы, темно-синие башни и бирюзовые минареты. Но сначала я выполню свое предназначение — завоюю весь мир!

— Но приближается зима, — не отступал визирь. — По крайней мере дождись весны.

Тимур молча покачал головой. Он знал, что стар. Железное тело начинало сдавать. И тогда во сне он слышал пение невесты его юности, Алджай Темноглазой, умершей более сорока лет назад. Вот так через Голубой город пролетела Весть. Мужчины оставили женщин и вино, натянули тетиву на луки, проверили сбруи у коней и вновь ступили на старую, проторенную дорогу завоеваний.

Тимур и его военачальники взяли с собой множество жен и слуг. Эмир собирался остановиться в своем пограничном городе Отраре и, когда весной снег растает, направиться оттуда в Китай.

Как обычно, Дональд Мак-Диз со своей беспокойной шайкой составлял авангард. После нескольких месяцев безделья гаэл был рад отправиться в путь. Сулею он взял с собой. Годы не пощадили горца-гиганта. Его необузданные калмыки по привычке поклонялись ему, но все-таки он был для них чужаком, и они никогда не понимали его сокровенных мыслей. Ак-Боджа со своим сверкающим взглядом и веселым смехом был

единственным другом горца. Но Ак-Боджа умер. Его доброе сердце остановил удар арабской сабли. Все сильнее и сильнее старался Дональд избежать растущего одиночества, скрыться от него в обществе персидской девушки. Сулея же не понимала странного, своенравного сердца гаэла, но хоть как-то заполняла болезненную пустоту в его душе. Длинными, одинокими ночами руки Дональда сжимали ее тоненькую фигуру с диким, беспокойным голодом, который смутно ощущала персиянка.

В необычной тишине выехал Тимур из Самарканда во главе длинных сверкающих колонн. Люди не приветствовали его громкими криками, как в прежние времена. Они стояли со склоненными головами. Сердца переполняли чувства, которые они не могли объяснить словами. Люди просто смотрели на завоевателя. Потом они вновь возвращались к своей незначительной жизни, к банальности, мелким задачам с неясным бессознательным ощущением, что нечто ужасное, великолепное и устрашающее навсегда ушло из их жизни.

Войска подгоняла набирающая силу зима, и шли они намного медленнее, чем раньше, когда подобно тучам в бурю проносились над землей. Сейчас войско состояло из двухсот тысяч человек и вело с собой стада запасных лошадей, повозки с продовольствием и огромные шатры-палатки.

Тропу под названием Ворота Тимура завалило снегом, но армия упорно шла сквозь буран. Наконец стало очевидно, что даже татары не могут ехать дальше в такую погоду, и принц Халил остался зимовать в странном городке, который почему-то называли Каменным городом. Но Тимур со своим войском шел вперед. Они перешли Сир, там, где толщина льда достигала трех футов. Впереди лежала гористая местность, и стало еще труднее. Лошади и верблюды вязли в сугробах, повозки раскачивались на ухабах. Но воля Тимура непреклонно вела их вперед, и наконец они вышли на равнину и увидели шпили Отрара, блестящие сквозь пургу.

Тимур со знатью устроился во дворце, а его воины отправились по зимним квартирам. Тут-то Тимур и послал за Дональдом Мак-Дизом.

— На нашем пути лежит Ордушар, — сказал Тимур. — Возьми две тысячи воинов и захвати этот город, чтобы к весне дорога на Китай оказалась открытой.

Когда человек бросает дротик, он не заботится, расщепится ли тот, достигнув цели. Тимур не послал на это безумное дело ни своих придворных, ни отборных воинов. Он поручил расчистить дорогу Дональду. Однако гаэл остался равнодушен. Он был готов пуститься на любую авантюру, если та может заглушить смутные, горькие мысли, все сильнее и сильнее отравляющие его сердце.

В сорок лет Мак-Диз ничуть не ослабел, не размягчился. Но временами он чувствовал, что старость уже подкрадывается к нему. Все чаще его мысли отвращались от образа жизни в черных и багровых красках, от жизни переполненной насилием, вероломством, жестокостью и безнадежностью. Сон его стал беспокойным. Порою он слышал странные голоса в ночи. Иногда сквозь воющий ветер ему чудились причитания шотландской волынки.

Получив приказ от эмира, Дональд разбудил своих волков, которые хоть и зевали, но подчинились ему беспрекословно и отправились из Отрара навстречу ревущему бурану. Этот поход был рискованным предприятием.

Во дворце в Отраре Тимур дремал на диване, обложившись картами и схемами. Сквозь сон слушал он непрекращающиеся споры своих жен. Интриги и ревность из Самарканда перебрались в тихий Отрар. Женщины гудели вокруг Тимура, страшно утомляя его своими мелочными склоками.

Когда к железному эмиру незаметно подобралась старость, женщины заволновались, решая, кто же станет приемником Тимура. В интригах участвовали королева Мулх Ханум и Хан-Зейд, жена умершего сына Тимура, Джеханчира. Королева пыталась сделать наследником сына Тимура — Шах-Руха; Хан-Зейд стремилась, чтобы это место занял ее сын — принц Халил, которого обвела вокруг пальчика куртизанка Шади Мулх.

Эмир вопреки сильным возражениям Халила взял Шади Мулх с собой в Отрар. Принц становился все неспокойнее, метался по унылому Каменному городу, и до Тимура дошли слухи о его дерзких словах и угрозах.

Ханум, сухопарая, утомленная женщина, постаревшая в войнах и в горе, пришла к эмиру.

— Персиянка посылает секретные сообщения принцу Халилу, подталкивая его совершать глупости, — сказала королева. — Ты далеко от Самарканда. Если Халил отправится туда, пока ты здесь, всегда найдутся глупцы, готовые восстать даже против повелителя из повелителей.

— В другое время я бы задушил ее, — сказал Тимур устало. — Но Халил по своей глупости поднялся бы против меня, а восстание сейчас, даже немедленно подавленное, расстроило бы все мои планы. Посадите персиянку под стражу. Оттуда, надеюсь, она не сможет посылать сообщения этому молодому дураку.

— Я уже сделала это, — резко ответила Ханум. — Но персиянка посылает сообщения через наложницу франка Дональда.

— Приведите девушку, — приказал Тимур, со вздохом отложив карты в сторону.

Сулею притащили к Тимуру. Он мрачно смотрел, как девушка хныкала, лежа у его ног. Усталым жестом Тимур подписал ей смертный приговор, а затем тут же забыл о ней, как любой человек забывает о раздавленной мухе.

Кричащую девушку утащили и бросили в большой комнате, где не было окон, только двери с засовами. Ползая на коленях, Сулея неистово выла, звала Дональда и взывала к милосердию, пока ужас не сковал ее голос. Оцепенев от страха, она увидела полуголую фигуру палача. Лицо его напоминало маску. Убийца с ножом в руке подошел к девушке...

Сулея была трусливой, распущенной и глупой. Ее жизнь не была преисполнена достоинства, и встретила Сулея свою смерть отнюдь не красиво. Но даже муха хочет жить подольше. И возможно, в жестоких загадочных книгах Судьбы записано, что даже император не может растоптать насекомое безнаказанно.

Где с небом сходится земля,
Лежал боец, мечом сражен...
Я понял: это — я.

Битва при Оттебурне

Осада Ордушара продолжалась. В леденящих, слепящих и жалящих порывах ветра и снега коренастые калмыки и тощие фигуры старались изо всех сил и гибли, принимая смерть в жестоких муках.

Они приставили лестницы к стенам и устремились наверх, а защитники, страдая не меньше нападающих, пронзали их копьями, сталкивали валуны, давившие людей в кольчугах, как жуков, и сбрасывали лестницы со стен так, что те, падая, убивали людей внизу. Ордушар, возвышающийся в ущелье и защищенный сбоку скалами, на самом деле был бурятской крепостью.

Волки Дональда рубили замерзшую землю обмороженными, ободранными руками, едва державшими кирки, и старались сделать подкоп под стены. Они долбили стены, всовывали наконечники копий меж камней, вырывали куски кладки голыми руками, а сверху на них дождем лились дротики и расплавленный свинец. С огромным трудом воины Дональда соорудили импровизированные осадные машины из поваленных деревьев, кожаной упряжи и веревок, сплетенных из грив и хвостов лошадей.

Таранами тщетно долбили массивные стены. Вдоль парапетов сражались атакующие и защитники, пока окровавленные руки не примерзали к древкам копий и к рукоятям мечей, а кожа не начинала сдираться, обнажая кровавые струпья. Но неизменно, с нечеловеческой яростью, продлевающей агонию, защитники отражали атаки.

Центральная башня крепости была обнесена стенами с бойницами, откуда жители крепости лили горящую нефть. Люди Дональда походили на жуков, попавших в пламя. Снег и дождь со снегом налетали ослепляющими шквалами, затянув весь мир ледяной пеленой. Убитые валялись

там же, где падали, раненые умирали, замерзая. Не было ни передышки, ни конца агонии... Дни и ночи слились в единый ад. Люди Дональда со слезами страдания, замерзающими на лицах, остервенело колотили таранами в заиндевевшие, каменные стены, сражались ободранными руками, сжимавшими сломанное оружие, и, умирая, проклинали сотворивших их богов.

В крепости горя было не меньше. Кончились запасы пищи. Ночью воины Дональда слышали вой умирающих от голода людей. Отчаявшиеся мужчины Ордушара перерезали глотки женщинам и детям и вышли из крепости. Изможденные, переполненные яростью калмыки напали на них. В водовороте битвы снег был густо обагрен кровью, и воины Дональда вошли в ворота. Страшная битва продолжалась за городскими стенами.

Дональд использовал последнее дерево у подножия крепости, чтобы поднять еще одну штурмовую башню. Теперь в долине перед крепостью не осталось ничего, что могло бы гореть. Сам шотландец стоял у подъемного моста башни, который можно было бы в любой момент опустить. Гаэл не щадил себя. Штурмовую башню повернули к стене под градом стрел, уничтоживших половину тех бойцов, кто не успел укрыться за высоким валом. Со стены прогремела чугунная пушка, но громадное ядро просвистело над головой Дональда. Потом буряты пытались поджечь башню с помощью горящей нефти. Наконец мост удалось опустить.

Выхватив широкий меч, Дональд шагнул вперед. Со звоном отлетали стрелы от его лат и шлема. Загремели выстрелы, но гаэл шагал вперед. Тощие люди в доспехах с глазами обезумевших собак карабкались на перила, стремясь разломать мост. Дональд шагнул к ним, и меч его со свистом рассек воздух. Клинок гаэла разрубал доспехи, плоть и кости. Толпа защитников распалась.

Тяжелый топор обрушился на щит Дональда, и он зашатался на парапете, но нанес ответный удар, разрубив надвое нападавшего. Гаэл удержался на стене, отшвырнув разбитый щит. За ним по мосту пошли его волки, сбрасывая защитников со стен. Размахивая тяжелым мечом, Дональд продвигался вперед в водовороте битвы и вдруг

подумал о Сулее. Она показалась ему чем-то нереальным, мысль о ней больно ранила его сердце. Но на самом деле это было вражеское копье, прошедшее сквозь кольчугу. Яростно рубанул Дональд своего противника. Меч сломался в его руке. Шотландец прислонился к стене. Лицо его на миг исказилось. Вокруг шла резня: ярость обезумевших от долгих страданий калмыков не знала границ.

Глава 9

А молний свет был в полночь алым
И тучи рвал; и их знамена,
Как символ власти вековой,
Теснились в высоте...

Э. По. Тамерлан

К Тимуру, сидящему на троне во дворце Отрара, пришел великий визирь:

— Выжившие из тех, кто был послан в ущелье Ордушара, возвращаются, мой господин. Города в горах больше нет. Воины несут Дональда на носилках. Он умирает.

Усталые, окровавленные люди с потухшими глазами, перевязанные грязными тряпками, в растерзанных одеждах и иссеченных доспехах, внесли носилки. Они бросили к ногам Тимура золоченые латы военачальников, ящики с драгоценностями и одеждой из шелка и серебряной тесьмы — добычу из Ордушара, где среди богатств люди умирали голодной смертью. Носилки опустили перед Тимуром.

Эмир взглянул на умирающего Дональда. Шотландец был бледен, но на лице его не появилось и тени страха. Холодные глаза горели огнем.

— Дорога на Китай открыта, — сказал Дональд, с трудом выговаривая слова. — Ордушар лежит в дымящихся руинах. Я выполнил твой последний приказ.

Тимур кивнул. Казалось, его глаза смотрели сквозь шотландца. Что значил умирающий на носилках для эмира, столько раз видевшего смерть? Его мысли были

уже где-то на дороге в Китай. Дротик наконец разбился вдребезги, но последний его удар открыл Тимуру дорогу в новые земли. Темные глаза эмира странно засверкали. Знакомый огонь пробежал по его жилам. Новая война! Снаружи завывал ветер, словно гремели трубы, гудели кимвалы. Они пели песнь победы.

— Пришлите ко мне Сулею, — прошептал умирающий.

Тимур не ответил. Он едва ли слышал слова Дональда, погрузившись в собственные видения. Давно уже забыл эмир и о Сулее, и о ее судьбе. Что значила еще одна смерть на устрашающем и кровавом пути становления империи?

— Сулея, где Сулея? — повторял гаэл, беспокойно задвигавшись на носилках.

Тимур слегка вздрогнул и поднял голову, что-то вспоминая.

— Я приговорил ее к смерти, — спокойно ответил он. — Это было необходимо.

— Необходимо! — Глаза Дональда округлились. Он попытался приподняться, но, обессилев, упал на носилки и закашлялся кровью. — Безумный пес, она была моей!

— Твоя или чья-нибудь еще — какая разница, — рассеянно возразил Тимур. — Что значит женщина, когда решается судьба империи?

В ответ Дональд выхватил из одежды пистолет и выстрелил в Тимура. Эмир вздрогнул и покачнулся на троне. Придворные закричали.

Сквозь дым они увидели, что Дональд, лежащий на носилках, мертв. На губах гаэла застыла жестокая улыбка. Тимур, согнувшись, сидел на троне, прижав одну руку к груди. Сквозь пальцы эмира сочилась кровь. Свободной рукой он махнул знати, подавая знак отступить.

— Довольно, все кончено. Каждому когда-то приходит конец. Пусть вместо меня правит Пир Мухамед. Пусть он усилит границы империи, которую я воздвиг.

Мучительная агония исказила черты эмира.

— Аллах, это — конец империи!

Яростный крик страдания вырвался из его горла.

— Я — тот, кто топтал королевства и уничтожал султанов. Я умираю из-за раболепной проститутки и франка!

Военачальники беспомощно смотрели на могучие руки Тимура, сжатые, словно железные клещи. Лишь несгибаемая воля эмира не позволяла Смерти забрать его душу. Фатализм ислама никогда не находил отклика в языческой душе Тимура. Он боролся со Смертью до последней капли крови.

— Народ мой не должен узнать, что я умер от руки франка, — с трудом проговорил он. — Пусть летописи не прославляют имя волка, убившего императора. О Аллах, горсть пыли, маленький кусочек свинца уничтожил Завоевателя Мира! Пиши, писец, что в этот день не от руки человека, а по воле Аллаха умер Тимур, слуга Аллаха.

Военачальники застыли вокруг в изумлении и молчании, пока побледневший писец доставал пергамент и писал дрожащей рукой. Мрачный взгляд Тимура застыл на умиротворенном лице Дональда, который, как казалось, в ответ смотрел на эмира. Лицо мертвого человека на носилках было повернуто к умирающему на троне. И прежде чем скрип пера замер, львиная голова Тимура упала на могучую грудь.

Вслед за поющим панихиду ветром, заметающим снегом все выше и выше стены Отрара, пески забвения засыпали империю Тимура — последнего завоевателя и повелителя мира.

СКАЧУЩИЙ-С-ГРОМОМ

Когда-то я был Железным Сердцем — воином-ястребом из племени команчей.

То, о чем я говорю, вовсе не фантазия, и я не страдаю галлюцинациями. Я говорю, опираясь на достоверные знания, опираясь на магическую память — единственное наследие, оставленное мне расой, покорившей моих предков.

Это не сон. Я сижу здесь, в собственном умело обставленном кабинете на пятнадцатом этаже. А внизу на улице гремят и рычат машины самой неестественной цивилизации из тех, что за свою историю видела наша планета. Глядя в окно рядом, я вижу лишь клочок голубого неба, зажатый между вершинами небоскребов, высящихся над этим современным Вавилоном. А посмотрев вниз — только бетонные полосы, по которым течет непрерывный поток людей и машин. Здесь нет подобных океану просторов голой коричневой прерии и голубого неба; здесь нет сухой травы, колышущейся под невидимыми ногами людей степей; здесь нет одиночества, бескрайности и таинственности, слепящих разум всевидящей слепотой и навевающих сны; нет видений, порождающих пророчества. Тут весь мир низведен до механических законов — силы, которую можно увидеть и пощупать, до мощи и энергии, что перемалывают все подряд и превращают мужчин и женщин в бездушные автоматы.

И все же я сижу здесь, посреди этой пустыни из стали, камня и электричества, и повторяю непостижимое: я был Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем, Скачущим-с-Громом.

Мои волосы темнее, чем у многих моих клиентов и деловых партнеров. Я ношу одежду цивилизованного че-

ловека столь же непринужденно, как и любой из них. А почему бы и нет? Мой отец в юности носил пончо, головной убор воина из перьев и набедренную повязку, а я никогда не носил никаких одеяний, кроме одежд белых людей. Я говорю по-английски... а также по-французски, по-испански и по-немецки без акцента, если не считать легкого юго-западного выговора, какой найдешь у любого оклахомца или техасца. За спиной у меня годы жизни в колледже — Карлайль — Техасский университет — Принстон. Я преуспел, работая по своей профессии. Меня без сомнений принимают в избранном светском кругу — в обществе, состоящем из мужчин и женщин чисто англосаксонского происхождения. Общающиеся со мной люди очень редко узнают во мне индейца. Внешне я стал белым, но...

Одну вещь я все же унаследовал от своих предков. Память. Тут нет ничего смутного, размытого или иллюзорного. Так же как я помню свое прошлое в качестве Джона Гарфилда, так помню я и иные свои воплощения, например жизнь и деяния Железного Сердца. И когда я сижу в своем кабинете, уставясь неподвижным взглядом на пустыню из стали и бетона, то она порой кажется мне столь же зыбкой и нереальной, как поднимающийся ранним утром туман на берегах Красной реки. Я смотрю сквозь все эти наслоения и заглядываю глубже и дальше в прошлое, вспоминаю невзрачные бурые горы Уичито, где когда-то появился на свет; я вижу колышущуюся под ударами юго-западного ветра траву и вырисовывающийся на фоне синего, как вороненая сталь, неба высокий дом Куано Паркера. Я вижу хижину, где родился я сам, и пасущихся на опаленном солнцем пастбище тощих лошадей и мелких коров; вижу сухие, редкие ряды кукурузы на небольшом поле поблизости... но я снова вглядываюсь. Я вижу простор прерий — коричневых, сухих и бескрайних. Там нет ни высокого белого дома, ни хижины, ни кукурузного поля, и только колышущаяся коричневая трава, типи из бизоньих шкур и бронзовый, обнаженный воин с головным убором из перьев, хвосты которого развеваются у него за спиной, словно след горящего метеора. Этот воин скачет, словно ветер, объятый безумной, дикой радостью.

Я родился в хижине белого человека. Я никогда не носил боевой раскраски, ни разу не ступал на тропу войны и не танцевал танца скальпа. Я не умею ни орудовать копьем, ни пускать стрелы с кремневым наконечником в фыркающего бизона. Любой сын оклахомского фермера превзойдет меня как наездник. Короче говоря, я — цивилизованный человек, и все же...

С ранней юности меня одолевало тягостное беспокойство, неприкаянность и угрюмая неудовлетворенность своей жизнью. Я читал книги, учился, с рвением, радовавшим моих учителей, предавался разным занятиям, какие ценили белые. Они с гордостью ставили меня в пример другим и говорили мне, что я белый не только по одежде, но и в душе, думая, что эти слова для меня лучшая похвала.

Но беспокойство в душе моей росло, хотя никто и не подозревал об этом, так как я скрывал его под маской непроницаемого индейского лица, как мои предки, привязанные апачами к столбу пыток, скрывали свою боль от взоров врагов.

Беспокойство таилось где-то на задворках моего разума, когда я слушал учителей в классе, скрывая внутреннее пренебрежение к тем знаниям, которые сам же стремился приобрести ради материального благополучия. Это беспокойство воздействовало на мои сны. И сны, смутные в детстве, становились с возрастом все более живыми и яркими. В них всегда присутствовал бронзовый, обнаженный воин, скачущий, словно кентавр, на фоне гор, туч, огня. Гремел гром. А за спиной всадника развевались перья хвостов головного убора. Наконечник его поднятого копья сверкал в свете молний.

От этих видений во мне просыпались инстинкты и суеверия моего народа. Сны стали воздействовать на мою жизнь наяву, ведь они всегда играли важную роль в жизни индейцев. Порой мною стало овладевать бешенство. Я стал терять навыки, необходимые для избранного мною существования в роли белого. Надо мной нависла тень окровавленного томагавка. У меня появилась потребность, неукротимая тяга к насилию, беспокойство, которое, как я начал опасаться, сможет утолить только кровь. Ночью я метался на постели, пытаясь заснуть, боясь, что меня

захлестнет неудержимый прилив из сумеречных, бездонных глубин подсознания. А если такое случится, я знал, что стану убивать неожиданно, жестоко и, по понятиям белого человека, беспричинно.

Я не хотел убивать людей, никогда не причинявших мне никакого вреда, и отправиться потом за это на виселицу. Хоть я презирал (как и до сих пор презираю) философию и кодекс белого человека, тем не менее материальные блага цивилизации я считаю (и считал) вполне желанными, поскольку мне запрещено вести дикую жизнь, какую вели мои предки.

Я пытался анализировать эту первобытную, смертоносную тягу, заменить ее спортом, но обнаружил, что американский футбол, бокс и борьба только усиливают это чувство. Чем яростней я бросался в схватку, не жалея свое крепкое, мускулистое тело, тем меньше удовлетворения получал от борьбы и тем больше тянуло меня к чему-то такому, чего я и сам не понимал.

Наконец я обратился за помощью. Я не пошел к белому врачу или психологу, а вернулся в округ, где родился, и отыскал старика Орлиное Перо — шамана, живущего в одиночестве среди гор, презирающего обычаи белого человека. В одеждах белого сидел я, скрестив ноги, в его типи из древних шкур бизона, и, рассказывая, время от времени опускал руку в стоящий между нами котелок с тушеным мясом. Шаман был стар. Даже и не знаю, сколько ему лет... Орлиное Перо сидел передо мной в истрепанных и изношенных мокасинах, завернувшись в выцветшее, латаное одеяло. Он был с отрядом тех, кого генерал Маккензи настиг в Пало Дуро. Когда генерал приказал перестрелять лошадей индейцев, он тем самым обрек Орлиное Перо на нищету, так как богатство шамана, да и всего племени, заключалось именно в лошадях.

Шаман выслушал меня, не говоря ни слова, и после этого сидел не двигаясь, уронив голову на грудь, почти касаясь морщинистым подбородком ожерелья из зубов пауни*. В тишине я слышал, как вздыхает ночной ветер, налетая на шесты вигвама, и зловеще ухает в чаще леса сова. Наконец шаман поднял голову и сказал:

---

* Индейское племя.

— Тебя тревожит колдовская память. Воин, которого ты видишь в снах, — тот, кем ты некогда был. Он приходит вовсе не для того, чтобы уговорить тебя схватиться за томагавк и начать рубить белых тварей. Он — ответ на зов предков, звучащий в твоей душе. Ты происходишь из древнего рода воинов. Твой дед скакал рядом с Одиноким Волком и Петой Ноконой. Он снял много скальпов. Книги белых тебя удовлетворить не могут. Если ты не найдешь какую-то отдушину, твоим разумом рано или поздно овладеет кровавое бешенство, и духи предков запоют у тебя в голове. Тогда ты станешь убивать, словно во сне, не зная почему, и белые повесят тебя. Негоже команчу встретить смерть, задохнувшись в петле. Повешенный не может спеть песню смерти. Душа его не может покинуть тело, а вынуждена будет вечно обитать под землей, вместе с гниющими костями... Ты не можешь быть воином. Эти времена миновали. Но есть способ избежать дурных последствий твоего колдовства. Если б ты смог вспомнить... Всякий команч, умерев, уходит на время в Страну Счастливой Охоты, отдохнуть и поохотиться на белого бизона. Потом, спустя сто лет, он возрождается в племя... если его дух не погибает с потерей скальпа. Но такой человек не помнит прежней жизни. А если помнит, то немного. Он видит лишь размытые фигуры, движущиеся в тумане. Но есть колдовство, способное заставить человека вспомнить, — сильное и ужасное колдовство, которое обычному человеку не пережить. Я-то помню свои прежние воплощения. Помню людей, в телах которых обитала моя душа в былые века. Я могу бродить в тумане и говорить с великими, чей дух еще не возродился, — с Куоно Паркером, и с Петой Ноконой — его отцом, и с Железной Рубашкой — его отцом, с Сатантой из племени киова, и Сидящим Бизоном из рода Огалалла, и многими другими... Если ты храбр, то сможешь вспомнить и заново прожить свои прежние жизни и удовлетвориться этим, узнав о своей былой доблести и силе.

Шаман предлагал мне решение — заменитель бурной жизни в моем нынешнем существовании — предохранительный клапан для таящейся на дне моей души врожденной свирепости.

Рассказывать ли вам о ритуале, с помощью которого я смог вспомнить свои былые воплощения? Обряд проходил в горах, на глазах у одного лишь Орлиного Пера. Я выдержал такую пытку, какая белым может привидеться только в кошмарах. Это древняя-предревняя магия, тайная магия, о которой всеведущие антропологи даже не догадываются. Она всегда принадлежала команчам. Сиу позаимствовали из нее ритуалы своего танца солнца, а арикара одолжили у сиу часть ее для своего танца дождя. Но она всегда была тайным обрядом, видеть который мог только шаман команчей. Никаких танцев, кричащих толп женщин и воинов, способных вдохновить человека, укрепить его дух боевыми песнями... Только голая безмолвная сила воли и выносливость, на ветру в свете древних звезд.

Орлиное Перо прочертил глубокие борозды в мускулах у меня на спине. Шрамы остались и по сей день. В эти впадины можно кулаки засунуть. Шаман глубоко рассек мои мускулы, и продел сквозь них сыромятный ремень, крепко связав их, а потом перебросил ремень через ветку дуба и с помощью силы, которую можно объяснить только колдовством, поднял меня над землей, так что ноги мои стали болтаться высоко над травой. Он закрепил ремни и оставил мое тело висеть, а сам стал бить в барабан из кожи, снятой с живота вождя липанов. Шаман барабанил так медленно, что тихий, зловещий грохот его барабана лишь подчеркивал мои мучения, смешиваясь с шорохом ледяного ветра.

Ночь все тянулась и тянулась. Звезды скользили по небу. Ветер то замирал, то начинал дуть с новой силой. Барабан продолжал монотонно выстукивать свою дробь, и постепенно звук его стал меняться. Это был уже не барабанный бой, а грохот копыт неподкованных коней, несущихся по прерии. Уханье совы стало не уханьем, а криком смерти, вырывавшимся из глоток воинов древности. Пламя мучений затуманило мой взор ревущим костром, вокруг которого прыгали и пели черные фигуры. Я больше не раскачивался, свисая на окровавленных ремнях с ветки дуба, а стоял, выпрямившись во весь рост, у столба пыток. Ноги мне лизало пламя, а я пел свою песню смерти, бросив вызов врагам. Прошлое и настоящее

фантастически и страшно слилось и перемешалось. Во мне боролось сто личностей (мои былые воплощения), до тех пор пока у меня не осталось ни времени, ни пространства, ни формы, ни обличья. Теперь для меня существовал лишь извивающийся, крутящийся хаос людей, событий и образов. А потом все оказалось отброшено в никуда бронзовым, раскрашенным, торжествующим всадником на коне, чьи копыта высекали искры. Всадник несся на фоне пылающего занавеса темного заката. Воин-команч ликовал, как ликовать может лишь варвар. И вместе с ним ликовал его конь.

Когда они проскакали, мой измученный разум сдался, и я потерял сознание.

В сером свете зари, пока я висел, обмякнув и лишившись чувств, Орлиное Перо привязал к моим ногам черепа бизонов, которые, как сокровища, хранил с давних времен. Под их тяжестью кожа и жилы прорвались. Я упал на траву у подножия древнего дуба. Боль от этой свежей раны оживила меня, но боль изрезанного и изодранного тела ни в какое сравнение не шла с великим прозрением. В тот темный предрассветный час, когда барабан перемешал прошлое и настоящее, а сознание, которое всегда борется с более неопределенными чувствами, капитулировало, знание, которого я добивался, пришло ко мне. Боль была необходима — великая боль помогла преодолеть сознательную части души, управляющей материальным телом. Я пробудился, но память о прошлых воплощениях осталась. Называйте это как вам угодно — хоть психологией, хоть магией. Меня больше не будут мучить неопределенные образы, тяга к насилию, которая была всего лишь имплантированным инстинктом, созданным тысячей лет скитаний, охот и битв. Я мог найти облегчение в воспоминаниях, снова пережив дикие деньки своего прошлого. Так что...

Я помню много прошлых жизней, череда которых протянулась в такую далекую древность, что историки изумились бы, узнав об этом. И вот что я обнаружил: жизни команча разделялись отнюдь не сотней лет. Иногда возрождение происходило почти сразу же, иногда между жизнями проходило много лет. Уж не знаю, по какой необъяснимой причине все так устроено.

Мне неизвестно, какое «я» обитает ныне в теле американского гражданина, зовущегося Джоном Гарфилдом, в прошлом имевшего много диких, раскрашенных воплощений... к тому же не в столь уж отдаленном прошлом. Например, во время своего последнего появления в роли воина на сцене великого Юго-Запада я был неким Эзатемой, скакавшим рядом с Куоно Паркером и Сатантой из племени киова. Меня убили в битве при Адоб Уоллс летом 1874 года. Между Эзатемой и Джоном Гарфилдом существовала интерлюдия в виде слабого, деформированного ребенка, родившегося во время бегства племени команчей из резервации в 1878 году и оставленного умирать где-то на бесплодных западных равнинах. Я был... но зачем пытаться перечислить все жизни и тела, что были моими в прошлом? В моей памяти сокрыты воспоминания бесконечной цепи раскрашенных, обнаженных фигур в перьях, протянувшейся далеко в незапамятные времена... во времена настолько отдаленные и немыслимые, что я сам не решаюсь переступить их порога.

Мой белый читатель, я не стану и пытаться увлечь тебя с собой. Ибо мое племя очень древнее; оно уже было древним, когда мы жили в горах к северу от Йеллоустоуна и путешествовали пешком, навьючив на собак свои скудные пожитки. Исследования белых людей остановилось на этом периоде нашего прошлого. Так оно и лучше для их душевного спокойствия и их прекрасно упорядоченных теорий относительно истории человечества. Но я могу порассказать вам такое, что вышибет из вас ту улыбчивую снисходительность, с которой вы читаете эту повесть о народе, уничтоженном вашими предками. Я мог бы порассказать вам о долгих скитаниях по континенту, все еще кишащему доисторическими ужасами, — но довольно.

Я расскажу вам о Железном Сердце, Скальпохвате. Из всех тел, что были моими, тело Железного Сердца почему-то кажется более тесно связанным с телом Джона Гарфилда из двадцатого века. Именно Железное Сердце я видел в своих снах. Воспоминания о нем, смутные и непонятные, преследовали меня с юности. И все же, рассказывая вам о Железном Сердце, я должен говорить устами Джона Гарфилда, или же мой рассказ окажется всего лишь невнятным бредом, не имеющим для вас ни

малейшего смысла. Я, Джон Гарфилд, — человек двух миров, с разумом, не принадлежащим целиком ни краснокожим, ни белым. Но я все же худо-бедно могу понять и тех и других. Позвольте мне рассказать повесть о Железном Сердце — не так, как рассказал бы ее Железное Сердце, а как — Джон Гарфилд, чтобы вам все было понятно.

Запомните, есть много такого, о чем я не стану говорить. Есть сцены жестокости и дикости. Я — Джон Гарфилд — рассматриваю их как естественные продукты той жизни, какую вел Железное Сердце. Но вы не поймете, не сможете понять эту жестокость и в ужасе отвернетесь. Есть и другие вещи, о которых я лишь упомяну. У варварства свои пороки, свои слабости, и их не меньше, чем у цивилизации. Ваши цинизм и утонченность — слабые и ребяческие по сравнению со стихийным цинизмом и утонченностью того, что вы называете дикостью. Если наши достоинства были бы не испорчены, как у новорожденного детеныша пантеры, то наши грехи — подревнее Ниневии. Если... но довольно. Я расскажу вам о Железном Сердце и об ужасе, который он повстречал, Ужасе из Неведомых Времен, который был древнее, чем забытые развалины, лежащие скрытыми в джунглях Юкатана.

Железное Сердце жил во второй половине шестнадцатого века. События, которые я опишу, должно быть, произошли где-то около 1575 года. Мы уже стали племенем всадников. Более века прошло с тех пор, как мы спустились с гор Шошони, сделавшись жителями равнин и охотниками на бизонов, следуя за стадами пешком от Большого Невольничьего озера до Мексиканского залива, вечно враждуя с кроу, киова, пауни и апачами. Путешествие моего племени оказалось долгим и утомительным. Но появление лошадей изменило нашу жизнь... изменило нас за довольно короткий срок, превратив из нищей расы голых скитальцев в народ непобедимых воинов, оставивших кровавый след завоеваний на равнинах от деревень черноногих на реке Биг-Хорн до испанских поселений в Чихуахуа.

Историки говорят, что команчи пересели на коней в 1714 году. На самом деле к тому времени мы уже больше века ездили на лошадях. Когда пришел Коронадо, искав-

ший легендарные Города Сиболо, мы уже стали расой наездников. Детей учили ездить верхом прежде, чем — ходить. Когда мне, Железному Сердцу, исполнилось четыре года, я ездил на собственной лошадке и сторожил табун.

Железное Сердце был человеком могучим, среднего роста, коренастым и мускулистым, как и большинство представителей его племени. Я расскажу вам о том, как получил такое имя. У меня был брат немногим старше меня, которого звали Красный Нож. Среди индейцев не часто встретишь дружащих между собой братьев, но я пылко восхищался Красным Ножом и тянулся к нему, как только может юноша тянуться к старшему брату.

Это был век переселений. Мы пока еще не добрались до каньона Пало Дуро и не сделали его колыбелью своего племени. Наши северные пастбища все еще простирались севернее реки Платт, хотя мы постепенно все чаще и чаще вторгались на Застолбленные Равнины юга, гоня перед собой апачей. Сто двадцать пять лет спустя мы навеки сломали их мощь в семидневной битве на реке Уичито и отшвырнули их, сломленных и разбитых, в горы штата Нью-Мексико. Но во времена Железного Сердца апачи все еще считали южные прерии своим владением, а мы воевали больше с сиу, чем с ними.

Вот воины сиу и убили Красного Ножа.

Они захватили нас врасплох неподалеку от берега Платта, примерно в миле от крутого холма, увенчанного чахлыми зарослями. К этому-то холму мы и устремились, думая только об одном: «Это не обычный набег!» Нападение сиу смахивало на вторжение. Врагов собралось тысячи три: тетоны, брулы и янктоны. Они собирались напасть на стойбище команчей, расположенное несколькими милями южнее. Если племя не предупредить, сиу захватят его врасплох и уничтожат. Я добрался до холма, но конь Красного Ножа упал вместе с всадником, и сиу схватили моего брата. Они притащили его к подножию холма, на гребне которого я, укрытый от их стрел, уже готовился послать дымовой сигнал, запалив костер. Сиу и не пытались влезть на холм, так как знали, что напорются на мое копье и стрелы. А тропинка, ведущая наверх, была только одна. Но враги крикнули мне, что если я не стану подавать

сигнал, то они подарят Красному Ножу быструю смерть и поедут дальше, не трогая меня.

Красный Нож крикнул:

— Зажигай костер! Предупреди наш народ! Смерть сиу!

И тогда враги стали пытать его. Но я не обращал на это внимания, хотя прерия у меня перед глазами плыла в красной пелене. Сиу медленно разрезали его на куски, а Красный Нож смеялся над ними и пел свою песню смерти, пока не захлебнулся собственной кровью. Он прожил намного дольше, чем мог простой смертный. Но тогда я не обратил на это внимания. Дым заклубился, поднимаясь к небу и предупреждая мое племя.

Тогда сиу поняли, что потеряли преимущество внезапной атаки, вскочили на коней и ускакали, еще до того, как первая тучка пыли на юге отметила приближение моих собратьев-воинов. Жизнью своего брата я купил жизнь племени и получил новое имя. С тех пор меня звали Железным Сердцем. Целью моей жизни стала месть. Я хотел выплатить сиу долг и убивал их снова и снова, поющими стрелами, разящим копьем, жгущими плоть факелами и маленькими ножами для разделки мяса... Я стал Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем, Скачущим-с-Громом. Последнее имя я получил за то, что, когда удары грома катились над прерией, заставляя прятать голову даже самых храбрых воинов, я имел обыкновение скакать галопом, потрясая копьем и распевая о своих деяниях, не обращая внимания ни на богов, ни на людей. Страх умер в сердце моем там, на холме, когда я смотрел, как под тетонскими ножами умирает мой брат. И только один раз в той моей жизни страх пробудился вновь. Вот об этом-то я вам и расскажу.

Осенью 1575 года около сорока наших воинов отправились на юг, чтобы нанести удар по испанским поселениям. Стоял сентябрь, который позже станет месяцем войны, — месяцем, когда мужчины отправляются на юг за лошадьми, скальпами и женщинами. Да, во времена Эзатемы так уж повелось — воевать в сентябре. Я тоже много раз ездил по этой накатанной тропе в том или ином теле, но во времена Железного Сердца этому обычаю было уже не меньше сорока лет.

Отправляясь в поход, мы стремились добыть лошадей, но в тот раз так и не добрались до Рио-Гранде. Мы свернули в сторону и нанесли удар по липанам на реке, которую теперь называют Сан-Саба. Это оказалось глупой выходкой, но мы были молодыми воинами, и нам не терпелось пересчитать налобные повязки наших старинных врагов. Мы еще не усвоили, что лошади — поважнее женщин, а женщины — поважнее скальпов. Мы захватили липанов врасплох и устроили грандиозную резню. Но у липанов было заключено перемирие с людоедами-тонкева, непримиримыми врагами команчей. Раз и навсегда мы свели счеты с тонкева лишь зимой 1864 года. Тогда мы стерли с лица земли их резервацию Клир Форк в Бразосбе. Эзатема участвовал в той битве, и он (я!) окунал руки в их кровь с такой радостью, словно помнил события далекого прошлого своего племени.

Но осенью 1575 года до той резни было еще много-много лет. Преследуя удирающих сломя голову липанов, мы наскочили прямиком на орду тонкева и их союзников уичито.

Вместе с липанами против нас выступило около пятисот воинов — слишком неравные силы даже для команчей. Кроме того, мы сражались в сравнительно лесистой местности. Тут у наших врагов было преимущество, потому что мы, рожденные и выросшие в прериях, предпочитаем драться на открытой местности.

Когда мы вырвались из лесов и бежали на север, нас осталось всего пятнадцать, и тонкева преследовали нас почти сто миль даже после того, как липаны прекратили погоню. Как они ненавидели нас! И потом, каждому тонкева не терпелось набить живот мясом команча, должным образом поджаренного. Людоеды верили, что от этого боевой дух команча переходит к пожирателю. Мы тоже в это верили, вот потому-то мы так и ненавидели тонкева. К этому прибавлялось естественное отвращение к людоедству.

Апачей мы встретили неподалеку от горы Дабл-Форк в Бразоа. Мы нанесли им удар походя, двигаясь на юг. Они остались зализывать раны в зарослях чапаррели, хоть и горели желанием отомстить. Чуть позже им это удалось. Они нас нагнали. Бой оказался коротким. Мы

были на усталых лошадях, и после боя от сорока воинов, которые столь гордо отправились на юг, осталось только пятнадцать. И всего пять всадников перевалило через хребет Кэпрок... тот хребет со множеством ущелий и проходов, что протянулся через прерии, словно гигантская ступень, ведущая на земли, расположенные намного выше.

Я мог бы рассказать вам, как воевали индейцы прерий. На нашей планете раньше никогда не видывали таких боев и никогда больше не увидят, ибо все это минуло в прошлое. От Молочной реки до Мексиканского залива индейцы сражались одинаково: верхом, кружа, налетая, словно шершни со смертоносными жалами, осыпая врагов градом стрел с древками из кизила и кремневыми наконечниками. Индейцы атаковали, разворачивались, отступали, заманивая врага, словно осы. Они жалились, как кобры. А та стычка у Кэпрока ничуть не походила на бой между индейцами. Нас было пятнадцать, и мы сражались против сотни апачей. Мы бежали, оборачиваясь, чтобы пустить стрелу или ударить копьем, только когда не могли разминуться с врагом. Когда они нас нагнали, уже разгорался закат, иначе сага о Железном Сердце на этом бы и закончилась, а его скальп коптился бы у очага какого-нибудь апача вместе с десятью другими, снятыми в тот день тиграми прерий.

Но когда наступила ночь, нам удалось рассеяться, оторваться от врагов и вновь соединиться, уже поднявшись на Кэпрок, усталыми, голодными, с пустыми колчанами, на измотанных лошадях. Теперь нас осталось пятеро. Иногда мы шли пешком и вели коней в поводу, что само по себе говорит о том, в каком они были состоянии, ведь команч никогда не пойдет пешком, если можно ехать на коне. Но мы брели, спотыкаясь, чувствуя, что обречены. Мы пробирались на север, отклоняясь на запад, забираясь в земли, куда не заезжал никто из команчей. Таким образом мы надеялись ускользнуть от своих непримиримых врагов. Мы оказались в самом сердце страны апачей, и никто из нас не питал ни малейшей надежды когда-нибудь добраться живым до нашего лагеря на Симарроне. Но мы продолжали бороться, упорно пробираясь через огромную, безводную пустыню, где

даже кактусы не росли и где на твердой, как железо, земле не оставляли следов неподкованные копыта лошадей.

Должно быть, к рассвету мы пересекли какую-то черту. Точнее я сказать не могу. На самом-то деле не было там никакой черты, и все же в какой-то миг все мы поняли, что вступаем в иную страну. И люди, и животные это почувствовали. Мы все шли пешком, вели лошадей в поводу, и вдруг все разом попадали на колени, словно сбитые с ног землетрясением. Лошади зафыркали, стали бить копытами и, не будь они слишком слабыми, вырвались бы на волю и удрали.

Но мы забрались уже слишком далеко, чтобы нас что-то волновало. Встав на ноги, мы потащились дальше, заметив, что небо заволокло тучами, а звезды стали тусклыми и совсем невидимыми. Более того, ветер, который почти беспрестанно дул на этом огромном плато, внезапно стих. Мы шли по равнине в ужасной тишине, спотыкаясь, плелись все время на север до тех пор, пока не рассвело. День выдался сумрачным и тусклым. Мы остановились, измученно глядя друг на друга, словно духи на следующий день после светопреставления.

Мы решили, что попали в страну духов. Каким-то образом ночью мы пересекли черту, что отделяла эту таинственную страну от естественного мира. Подобно остальной равнине, местность здесь уныло протянулась во все стороны от горизонта к горизонту, плоская и однообразная. Но тут было до странного тускло. В воздухе плавал какой-то сумрачный туман. И дело не столько было в тумане, сколько в уменьшившейся ярости солнечного света. Когда солнце взошло, то выглядело бледным и водянистым, больше походя на луну, чем на солнце. Воистину мы ступили в Затемненную Землю — мрачную страну, о которой до сих пор шепчут у костров чероки, хотя откуда они узнали о ней — неведомо.

Мы не видели, что лежит у горизонта, но зато разглядели впереди на равнине скопление конических типи. Сев на усталых лошадей, мы медленно поехали к ним. Инстинктивно мы знали, что там нет никого живого. Перед нами лежало стойбище мертвых. Мы молча сидели на лошадях, съежившись под свинцовым небом. Во все

стороны от нас протянулась однообразная пустыня. Это было все равно что смотреть сквозь закопченное стекло. К западу от нас сгущался туман. Сквозь него наши взоры уже не могли проникнуть.

Котопа содрогнулся и отвел взгляд, прикрывая рот ладонью.

— Это заколдованное место, — сказал он. — Находиться здесь — не к добру, — и невольно он сделал такое движение, словно собирал вокруг плеч одеяло, потрепанное во время бегства.

Но я был Железным Сердцем. Страх во мне давно умер. Я направил своего испуганного коня к ближайшему типи (а все типи тут были из шкур белых бизонов) и откинул в сторону полог. И тут, хоть страх и был мне больше неведом, по коже моей поползли мурашки, так как я увидел обитателя этого жилища.

Существовала одна старая-престарая легенда, забытая больше сотни лет назад. При жизни Железного Сердца она уже стала лишь смутным и искаженным слухом. Но порой старики еще рассказывали о том, как давным-давно, еще до того, как сложились ныне существующие племена, с севера, тогда населенного множеством диких и страшных народов, пришло одно ужасное племя. Оно двигалось на юг, убивая и уничтожая все на своем пути, до тех пор пока не рассеялось на великих равнинах юга. Старики говорили, что люди севера ушли в туман и исчезли. Все это случилось давным-давно, настолько давно, что даже предки команчей не пришли еще в долину Йеллоустоуна. И все же здесь предо мной лежал один из воинов этого ужасного народа.

Великан растянулся на медвежьей шкуре внутри типи. Ростом он, наверное, был все семь футов. Его могучие плечи и руки бугрились мускулами. Лицо казалось неприятным, тонкогубым, с выпирающей челюстью, покатым лбом и спутанной гривой лохматых волос. Рядом с ним лежал топор, острый как бритва, из камня, который, как теперь я знаю, был зеленым нефритом. Топор был вставлен в расщепленное топорище из странного твердого дерева, некогда росшего далеко на севере, которое поддавалось полировке не хуже красного. Увидев топор, мне захотелось завладеть им, хотя рукоять его казалась слиш-

ком длинной и выглядел он чересчур тяжелым для конной схватки.

Я просунул копье внутрь типи и, подцепив топор, выволок его наружу, смеясь над возражениями своих спутников.

— Никакого святотатства я не совершаю, — заявил я. — Это же не вигвам смерти, куда воины уложили тело великого вождя. Этот человек умер во сне, как и все они. Уж не знаю, почему он пролежал здесь столько веков и его не сожрали ни волки, ни сарычи. И почему не сгнило его тело, мне тоже непонятно, но эта страна — заколдованная. А топор я возьму себе.

И только я хотел спешиться и взять топор, как неожиданный крик заставил нас всех резко обернуться. Мы оказались лицом к лицу с пауни в полной боевой раскраске! И одной из них была женщина! Она, как воин, сидела на коне и размахивала боевым топором.

Женщины-воины встречались среди племен равнин редко, но время от времени они все же попадались. Еще мгновение, и мы узнали ее. Это была Кончита — девушка-воин из южных пауни. Она считалась птицей войны и часто водила отряды отборных воинов в дерзкие набеги по всему юго-западу.

В моей памяти четко отпечаталась эта картина. Я вижу все так, как увидел тогда, когда развернулся: стройная, гибкая, надменная девушка, от которой исходила жизненная сила и угроза. По-варварски великолепно восседала она на огромном скакуне. А за спиной у нее толпились свирепые раскрашенные воины. Девушка же была нагой, если не считать короткой, расшитой бусинами юбки, немного не доходившей до середины бедер. Пояс ее тоже украшали бусины, и на нем висел нож в опять-таки расшитых бусинами ножнах. Ее стройные голени скрывали мокасины, а черные волосы, заплетенные в две толстые блестящие косы, свисали на голую спину. Темные волосы ее сверкали, а красные губы приоткрылись в насмешливом крике, когда она замахнулась на нас топором, управляясь со своим конем без всяких там уздечек и седла, с грацией, от которой дух захватывало. К тому же она была чистокровной испанкой, дочерью одного из капитанов Кортеса. Во младенчестве ее похитили апачи с низовьев

Рио-Гранде. А у них, в свою очередь, выкрали южные пауни. Среди них она и выросла как настоящая индейская девушка.

Все это я понял, бросив только один краткий взгляд. Кончита с пронзительным криком ринулась на нас. Ее воины летели следом за ней. Я сказал, «ринулась», потому что это самое подходящее слово. Конь и его всадница скорее налетели на нас, а не подъехали галопом.

Бой оказался недолгим. Да и как могло быть иначе? Их было двадцать на сравнительно свежих лошадях, а нас — пятеро усталых команчей на чуть не падающих от усталости скакунах. На меня набросился высокий воин. Лицо его было сплошь покрыто шрамами. В тумане пауни нас не видели, как и мы их, пока не столкнулись вплотную. Увидев наши пустые колчаны, они решили прикончить нас копьями и палицами. Высокий воин ударил меня копьем, и я развернул лошадь, которая из последних сил отозвалась на давление моего колена. Никакой пауни не смог бы сравниться с команчем в бою, даже южный пауни. Копье просвистело мимо моей груди, и, когда конь и всадник пронеслись мимо, я вогнал в спину врага свое копье так, что наконечник вышел у него из груди.

Пронзая противника, я краем глаза заметил еще одного воина, подъезжавшего ко мне слева, и попытался снова развернуть лошадь, одновременно высвобождая копье. Но лошадь моя вконец вымоталась. Она закачалась, словно каноэ, идущее на дно в быстром течении Миссури, и, палица пауни обрушилась на меня. Я метнулся в сторону и спас свой череп, не дав превратить его в разбитое яйцо, но палица с силой ударила меня по плечу. Удар сшиб меня с лошади. Я как кошка приземлился на ноги, выхватил нож, но тут меня задел чей-то конь, и я повалился наземь. Это была Кончита. Ее конь налетел на меня, и, когда, полуоглушенный, я с трудом поднялся на ноги, всадница грациозно спрыгнула с седла и занесла над моей головой окровавленный топор.

Я увидел тусклый блеск лезвия и, ошеломленный, понял, что не смогу избежать удара... И тут девушка застыла с поднятым топором, широко раскрытыми глазами уставившись поверх моей головы на что-то, находящееся по-

зади меня. Помимо своей воли я повернулся и тоже посмотрел туда же.

Остальные команчи уже пали, забрав с собой пятерых пауни. А все оставшиеся в живых замерли, как и Кончита. Один даже замер с ножом в зубах, стоя на коленях на спине мертвого Котопы и срывая скальп. Он согнулся и словно неожиданно окаменел, уставившись туда же, куда и все.

Все дело в том, что на западе туман разошелся и стали видны стены и плоские крыши странного сооружения. Оно было похоже и все же странно непохоже на пуэбло индейцев, выращивавших кукурузу далеко на западе. Подобно пуэбло, оно было сложено из кирпича, да и архитектурой напоминало подобные строения. Из этого здания вышла цепочка странных фигур... невысоких людей, одетых в наряды из ярко окрашенных перьев и выглядевших несколько похожими на индейцев, живущих в пуэбло. Они были без оружия и держали в руках только веревки из сыромятной кожи и кнуты. Лишь шедший впереди более высокий и сухопарый человек нес в левой руке странный, похожий на щит диск из сверкающего металла, а в правой медный молот.

Эта странная процессия остановилась перед нами, и мы уставились на них — девушка-воин с все еще занесенным топором, пауни, пешие и конные, раненые и я, привставший на колено. Тут Кончита, неожиданно почувствовав опасность, отчаянно выкрикнула приказ. Она, забыв обо мне, шагнула вперед, размахивая топором. Когда пауни приготовились к атаке, человек с перьями грифа в волосах ударил молотом в гонг, и на нас, словно невидимая пантера, обрушился страшный грохот. Он походил на удар грома и звучал столь громко, что казался почти осязаемым. Кончита и пауни рухнули как подкошенные. Лошади их взвились на дыбы и рванули прочь. Кончита покатилась по земле, крича от боли и зажимая уши. А я был Железным Сердцем, команчем, и звук не мог испугать меня.

Я одним прыжком вскочил с земли с ножом в руке, хоть череп мой, казалось, раскалывался от этого ужасного звука. Я метнулся к тому человеку, кто носил головной убор с перьями грифа, целя ему в горло. Но мой нож так

и не впился в его тело. Снова незнакомец ударил в ужасный гонг, и звук сразил меня, отшвырнув как тряпичную куклу, словно удар могучего воина. И в третий раз ударил молот по гонгу. Казалось, земля и небо раскололись надвое от оглушающего звука. Я упал на землю, словно сраженный палицей.

Когда я снова смог видеть, слышать и думать, то обнаружил, что руки у меня связаны за спиной, а шею стягивает сыромятный ремень. Меня заставили подняться, и люди, взявшие нас в плен, погнали к городу. Я называю то место городом, хотя больше оно напоминало замок. С Кончитой и ее пауни поступили точно так же, за исключением одного тяжелораненого. Его убили, перерезав горло его же ножом, и оставили вместе с остальными мертвецами. Один из пленивших нас поднял топор, что я выволок из типи, и стал с любопытством его разглядывать, а потом забросил себе на плечо. Чтобы проделать это, ему пришлось взяться за рукоять обеими руками.

Спотыкаясь, побрели мы к замку, полузадушенные сдавившими нас ремнями. Время от времени нас подгоняли, щелкая сыромятными плетьми. Но стегали конвоиры только Кончиту. Человек, который вел ее, постоянно грубо дергал за веревку, стоило девушке чуть замедлить шаг. Пауни пали духом. Они были самыми воинственными из всего своего племени, принадлежали к ветви, которая жила у истоков Симаррона и которая по обычаям и традициям отличалась от своих северных братьев. Они скорее напоминали типичных представителей равнинной культуры, в отличие от своих соплеменников, и никогда не вступали в контакты с англоязычными пришельцами. Около 1641 года их выкосила оспа. Пауни заплетали волосы в длинные, волочащиеся по земле косы, как кроу и миннетари, и утяжеляли свои косы серебряными украшениями.

Замок (я называю его так на языке Джона Гарфилда и на вашем собственном языке; Железное Сердце именовал бы его вигвамом или пуэбло) стоял на возвышении, недостойном называться холмом, но нарушавшем плоскую монотонность равнины. Замок окружала стена. В ней зияли ворота. На одной из плоских крыш, поднимавшихся ярусами, мы увидели фигуру, закутанную в сверкающую мантию из перьев, блестевших даже в этом затемненном

месте. Человек в мантии властно махнул рукой, затем величественно проследовал к дверям и исчез.

Столбы ворот замка были бронзовыми, с резными изображениями пернатого змея, при виде которого пауни содрогнулись и отвели взгляды. Как и все индейцы прерий, они помнили об ужасах прошлого, когда великие и ужасные царства далекого юга воевали с дикарями далекого севера.

Нас провели через двор замка. По короткой бронзовой лестнице мы поднялись в коридор. Как только мы очутились внутри строения, всякое сходство с пуэбло исчезло. Но мы знали, что некогда подобные дома высились в больших городах среди переполненных змеями джунглей далекого юга. Тогда же в наших душах зашевелились отзвуки древних легенд.

Мы вошли в просторное круглое помещение, куда из открытого купола струился сумрачный свет. В центре его высился черный каменный алтарь с темными канавками по краям. Перед ним на возвышении, на троне из человеческих костей, заваленном мехами, восседал тот странный человек, которого мы видели на крыше.

Это был высокий индеец, стройный и жилистый, с высоким лбом и узким, острым, ястребиным лицом. Его лицо казалось маской жестокого высокомерия и насмешливого цинизма. Человек на троне определенно считал себя выше низменных человеческих страстей, таких, как гнев, милосердие или любовь.

Он обвел нас взглядом, и пауни опустили глаза. Даже Кончита, храбро встретившись с ним взглядом, вздрогнула и отвела взор. Но я был Железным Сердцем, команчем, и страх во мне спал. Я встретил пронзительный взгляд странного незнакомца не моргнув глазом. Он долго смотрел на меня и через минуту заговорил на языке индейцев, обитающих в пуэбло. В старые времена это был торговый язык прерий, который понимало большинство индейцев, освоивших верховую езду.

— Ты похож на дикого зверя. В твоих глазах горит огонь убийства. Разве ты не боишься?

— Железное Сердце — команч, — презрительно ответил я. — Спроси у сиу, есть ли что-нибудь такое, чего он боится! Его топор все еще готов раскалывать головы

врагов. Спроси у апачей, киова, шайенов, липанов, кроу, пауни! Если б с команча спустили шкуру, а кожу разрезали бы на куски не шире ладони и каждый кусок положили бы на голову убитого им воина, то мертвых было бы больше, чем кусков!

Несмотря на страх, пауни нахмурились от такой похвальбы. Сидящий же на троне весело рассмеялся.

— Крепок, силен. Его тщеславие придает ему храбрость, — сказал он сухопарому индейцу с гонгом. — Такой воин многое вынесет, Ксототл. Помести-ка его в последнюю камеру.

— А женщину, повелитель Тескатлипока? — спросил, низко кланяясь, Ксототл, и Кончита удивленно уставилась на фантастическую фигуру на троне. Кончита знала ацтекские легенды, а услышанное ею имя было именем одного из воплощений Солнца, которое присвоил себе владыка этого злого замка, кощунствуя над легендами предков.

— Помести ее в Покоях из Злата, — распорядился Тескатлипока, которого называли Повелителем Туманов. С любопытством он взглянул на положенный на алтарь нефритовый топор.

— Да это же топор Гуара, вождя северян! — воскликнул он. — Он поклялся, что его топор когда-нибудь раскроит мне череп! Но Гуар и все его племя умерло в своих вигвамах из шкур карибу много веков назад. Мне не хотелось бы вспоминать о тех временах! Оставьте топор на алтаре, уведите пленных! Вскоре я поговорю с девушкой, а потом устроим развлечения, какие бывали во времена Золотых Царей!

Нас вывели из круглой палаты и провели через ряд просторных помещений, где прекрасные и нагие, за исключением золотых украшений, женщины столпились поглазеть на пленников, и особенно на девушку-воина из племени пауни. Они смеялись над ней сладким, тихим, злым смехом, ядовитым, как отравленный лед.

Нас отвели в длинный коридор, куда выходило множество крепких дверей. Когда мы проходили мимо такой двери, ее открывали, и в камеру, куда она вела, бросали одного из воинов пауни. Я был последним, и, когда меня потащили в камеру, я увидел ужас в глазах прекрасной

Кончиты. Ее тюремщики потащили дальше. Меня же грубо бросили на пол и связали мне ноги сыромятным ремнем. Ни еды, ни воды мне не дали.

Вскоре дверь моей темницы снова открылась, и, подняв взгляд, я увидел Повелителя Тумана, который смотрел на меня сверху вниз.

— Бедный дурачок! — пробормотал он. — Мне почти жаль тебя! Кровожадный зверь прерий, с гордостью и похвальбой, с рассказами о скальпах и убийствах. Дурак! Скоро ты будешь молить о смерти!

— Команч не кричит у столба пыток, — ответил я, и в глазах у меня все поплыло от красного тумана. Я задохнулся от ярости. Мои мышцы напряглись и вздулись. Сыромятные ремни врезались в тело, но выдержали. Повелитель Тумана рассмеялся и молча покинул камеру, закрыв за собой дверь. Снаружи задвинули засов.

Того, что случилось дальше, я не видел и узнал об этом намного позже. Ксототл отвел Кончиту по лестнице наверх, в палату, где стены, пол и потолок были из золота. Там стояло золотое ложе, застеленное мехом каланов. Ксототл развязал девушку и мгновение стоял, разглядывая ее с горячим желанием в глазах. Потом, мрачно и неохотно отвернувшись, он запер дверь и оставил Кончиту одну. Вскоре к ней явился Повелитель Тумана, высокий, шествующий, словно бог, закутанный в свою странную мантию из ярких перьев. Вслед за ним в комнату вполз гигантский змей.

Повелитель Тумана рассказал девушке, что был магом древнего-предревнего царства, которое пришло в упадок еще до того, как в него забрели варвары-толтеки. По своим личным причинам он ушел далеко на север и основал собственное царство на этой унылой равнине, напустив вокруг колдовской туман. Он нашел племя индейцев, живших в пуэбло, осажденных пришельцами с севера, и несчастные обратились к нему за помощью, полностью отдавшись в его руки. Поколдовав, Повелитель Тумана принес смерть северянам. Но колдун оставил их лежать в собственных вигвамах и сказал индейцам из пуэбло, что может вернуть их врагов к жизни, если пожелает. Под его жестокой властью спасенный народ истаял, и ныне в живых осталось не больше сотни. Сам

Повелитель Тумана явился с юга больше тысячи лет назад. Бессмертным он не был, но собирался прожить еще очень долго.

Потом Повелитель Тумана покинул девушку. Когда же он вышел, за ним бесшумно уполз во всем послушный ему змей. Этот змей пожрал множество подданных зловещего колдуна...

Лежа в камере, я слышал, как воинов-пауни одного за другим вытаскивали из камер и волокли по коридору. Прошло много времени, прежде чем я услышал испуганный звериный крик боли. Я лежал и гадал, какая же пытка могла вырвать такой крик из горла южного пауни. Раньше я много раз слышал, как южане смеялись под ножами, когда с них снимали скальпы. Вот тогда во мне снова проснулся страх — не столько физический, сколько страх перед неизвестностью. Я боялся, что не выдержу пытки, закричу и тем самым навлеку позор на народ команчей. Я лежал и слушал крики пауни. Каждый воин кричал только один раз.

Тем временем Ксототл явился к Кончите с глазами, горящими от вожделения.

— Ты нежная и мягкая, — промямлил он. — Я устал от наших женщин.

Он насильно обнял девушку и вынудил ее опуститься на золотое ложе. Кончита не сопротивлялась, но кинжал, висевший на поясе Ксототла, неожиданно оказался у нее в руке. Она стремительно вонзила клинок в спину насильника. И прежде, чем Ксототл закричал, закрыла ему рот поцелуем. Упав с ним навзничь на постель, она снова и снова пронзала его тело, пока он не перестал шевелиться. Потом, поднявшись, как кошка она выскользнула за дверь, прихватив по дороге лук, еще один нож и несколько стрел.

Мгновение спустя Кончита уже была в моей камере. Она склонилась надо мной. Ее большие глаза метали молнии.

— Быстро! — прошипела девушка. — Он убивает последнего из пауни! Докажи, что ты — мужчина!

Нож был остер, клинок тонок, но сыромятный ремень крепок. Наконец девушка перепилила ремень. Я очутился на ногах с ножом за поясом, луком и стрелами в руках.

Мы выбрались из камеры и осторожно пошли по коридору, а потом столкнулись лицом к лицу с удивленным охранником. Бросив оружие, я схватил его за горло прежде, чем он смог закричать. Повалив его на пол, я сломал ему шею голыми руками раньше, чем он смог выпустить из рук копье и вытащить свой нож.

Поднявшись по лестнице, мы оказались в круглом помещении с открытым куполом. На пороге нас встретил гигантский змей, угрожающе свернувшийся в кольца при нашем приближении. Быстро выступил я вперед и всадил стрелу глубоко в глаз рептилии. Потом мы осторожно прошли мимо твари, корчащейся в страшной предсмертной агонии.

Мы проникли в зал с куполом и увидели последнего пауни, умирающего в страшных муках. Когда Повелитель Тумана повернулся к нам, я пустил ему в грудь стрелу. Она отскочила, не причинив никакого вреда. Когда и со второй стрелой произошло то же самое, я застыл, парализованный от удивления.

Отбросив лук, я помчался на врага с ножом в руке. Мы покатились по залу, стараясь сжать друг друга смертельной хваткой. Мне повезло, что он был в зале один. Пока он творил зло, его челядь пряталась в другой части замка.

Мой нож, как я ни старался, не смог пробить странную, облегающую тело одежду, которую носил колдун под мантией. А до горла или лица колдуна мне было не дотянуться. Наконец Повелитель Тумана отшвырнул меня в сторону и уже готов был пустить в ход свою магию, когда Кончита остановила его криком:

— Мертвые восстают из вигвамов северян. Они идут к пуэбло!

— Ложь! — закричал колдун, но лицо его стало пепельным. — Они мертвы! Они не могут восстать!

Он запнулся, метнулся к окну, а потом резко повернул назад, разгадав ловушку. Недалеко от меня лежал топор Гуара-северянина, могучее оружие иного века. За те мгновения, пока колдун колебался, я схватил топор и, высоко занеся его, прыгнул вперед. Когда Повелитель Тумана снова повернулся ко мне, в его глазах вспыхнул страх. Топор разрубил ему череп, разбрызгав мозги по полу комнаты.

Грянул раскат грома. Над равниной пронеслись огненные шары. Пуэбло закачалось. Мы с Кончитой бросились бежать, стараясь отыскать безопасное место. В ушах у нас звучали вопли тех, кто остался в замке.

Когда занялась заря, оказалось, что над равниной больше нет никакого тумана. Нас окружали только поросшие редкой травой, выжженные солнцем просторы, где тлели многочисленные кости.

— А теперь мы отправимся к моему народу, — заявил я, взяв девушку за запястье. — Вон там пасется несколько лошадей.

Но Кончита попыталась вырваться, презрительно крикнув:

— Собака команч! Да ты жив только благодаря моей помощи! Ступай своей дорогой! Ты годишься только в рабы пауни!

Ни мгновения я не колебался. Я схватил ее за блестящие черные косы и швырнул наземь лицом вниз. Поставил ногу ей на плечо и без всякого милосердия отходил по голым бедрам и ягодицам, пока Кончита не запросила пощады. Потом я рывком поставил ее на ноги и заставил следовать за собой, ловить лошадей. Она, плача, повиновалась мне, потирая многочисленные кровоподтеки.

Вскоре мы уже ехали на север, к лагерю на реке Канафиэн, и моя красавица казалась довольной. А я понял, что нашел женщину, достойную Железного Сердца, Скачущего-с-Громом.

КОГДА УШЕЛ СЕДОЙ БОГ

Глава 1

Среди мрачных гор голосу вторило эхо. Возле самого устья ущелья, расколовшего гигантскую скалу, ходил кругами, рыча, словно волк в западне, раб Конн. Он был высоким, стройным, с огромной волосатой грудью и длинными мускулистыми руками. Черты лица Конна соответствовали его телосложению: твердый, упрямый подбородок, низкий лоб с копной взъерошенных рыжеватых волос. И в довершение варварской внешности холодные, голубые глаза. Драная, грязная повязка болталась на бедрах. Конн, привыкший вести жизнь дикого зверя, ничуть не боялся буйства стихий. В тот тяжелый век даже хозяевам тяжело жилось, так что говорить о рабах...

Неожиданно Конн присел, взяв меч на изготовку. Из глотки вырвался животный, предостерегающий крик. Из ущелья выскользнул высокий человек. Он кутался в плащ, под которым поблескивала кольчуга. Тень низко надвинутой широкополой шляпы незнакомца закрывала его лицо, так что разглядеть можно было только один глаз, сверкавший холодно и мрачно, словно серое море.

— А, это ты, Конн, раб сына Вульфгера Снорри? Куда бежишь, обагривший руки кровью своего хозяина? — спросил незнакомец низким властным голосом.

— Я не знаю тебя, — прорычал Конн.— Не знаю, откуда тебе известно мое имя. Если хочешь схватить меня, свистни собак, и покончим с этим. Но прежде чем я умру, они попробуют крепость стального клинка.

— Дурак! — В зычном голосе незнакомца прозвучало презрение. — Я не охотник за беглыми рабами. Дикие земли велики. Но разве ты ничего не чувствуешь в запахе морского ветра?

Конн повернулся к морю, плескавшемуся далеко у подножия скалы. Он вдохнул морской воздух могучей грудью. Ноздри его раздулись.

— Я чувствую запах соленой пены, — ответил Конн.

Голос незнакомца походил на лязг мечей:

— В ветре — аромат крови, мускус страха и предсмертные крики.

Конн в замешательстве покачал головой:

— Обычный ветер...

— На твоей родине идет война, — угрюмо продолжал незнакомец. — Копья Юга поднялись против мечей Севера, и землю вместо солнца теперь освещают огни пожаров.

— Откуда ты это знаешь? — заволновавшись, спросил Конн. — Вот уже несколько недель ни один корабль не приходил в Торку. Кто ты? Откуда ты знаешь о войне?

— Неужели ты не слышишь звук волынки, стук топоров? Неужели не чувствуешь запах войны, который несет ветер? — спросил незнакомец.

— Нет, — ответил Конн. — От Торки до Эрина много лье. Я слышу только завывания ветра в скалах и крики чаек на мысу. Если идет война, я должен быть вместе с воинами моего клана, хотя за мной охотится Мелаглин, ведь в ссоре я убил его человека.

Незнакомец, не обращая внимания на Конна, стоял как статуя и смотрел вдаль на бесплодные горы и туманные волны.

— Будет страшная битва, — сказал он так, словно говорил сам с собой. — Смерть в кровавой жатве заберет многих королей и вождей. Огромные кровавые тени наползают на мир. Ночь опускается на Асгард. Я слышу крики давно умерших героев. Они зовут из пустоты, как и голоса забытых богов. Для каждого создания есть свой срок. Даже боги должны умирать.

Внезапно он распрямился и с диким криком вытянул руки в сторону моря. Огромные тучи заволокли небо. Надвигался шторм. Из тумана налетел сильный ветер. Он гнал по небу стаи грозовых туч. Неожиданно Конн закричал. Из пролетающих над головой облаков вынырнуло двенадцать фигур, призрачных и ужасных. Как в ночном кошмаре, увидел Конн двенадцать крылатых коней со всадницами — женщинами в сверкающих серебряных

кольчугах и крылатых шлемах. Их золотистые волосы развевались на ветру, холодные глаза уставились на что-то, чего Конн не видел.

— Те, Кто Выбирают из Мертвых! — прогремел голос незнакомца. Он широко раскинул руки, словно звал всадниц к себе. — Они скачут на север! Крылатые кони копытами разгоняют надвигающиеся тучи. Паутина Судьбы сплетена. Ткацкий станок и веретено сломаны! Смерть взывает к богам, и ночь падет на Асгард! И в ночи прогремят трубы Раганарока!

Ветер раздувал его плащ, открывая могучую, облаченную в кольчугу фигуру. Шляпа слетела. Спутанные волосы развевались на ветру. Конн отпрянул, когда глаз незнакомца блеснул в свете молнии. Там, где должен был находиться другой глаз, Конн увидел пустую глазницу. Вот тогда-то он и испугался, повернулся и нырнул в ущелье, словно человек, убегающий от демона. Бросив назад осторожный взгляд, Конн увидел фигуру незнакомца в развевающемся плаще с воздетыми к небу руками. Беглому рабу показалось, что человек на краю утеса чудовищно вырос и теперь громадой возвышается среди туч над горами и морем. И еще, что он неожиданно стал седым, словно в один миг постарел.

Глава 2

О, севера владыки, мы пришли
С толпою умерших,
С разбитыми сердцами...
И дом обрушился, сгорев дотла...

Вот горсть костей,
Метнем их на весы
У моря серого:
Что перевесит?
Сто лет неправды, скорби
Иль час кровавого убийства и резни?

Шторм стих. Небо очистилось до яркой синевы, а море лежало спокойное, словно заводь, и только несколько

разбросанных по берегу обломков деревьев молчаливо свидетельствовали о недавнем вероломстве стихий.

По прибрежной полосе скакал всадник. Шафрановый плащ развевался у него за спиной, ветер взъерошил его волосы.

Неожиданно всадник резко осадил своего горячего скакуна, так что тот встал на дыбы и захрапел. Из песчаных дюн поднялся высокий, могучий варвар.

— Кто ты, человек с мечом вождя и с ошейником раба? — спросил всадник.

— Я — Конн, молодой господин, — ответил варвар. — Некогда изгой, потом раб, но всегда и повсюду подданный короля Бриана. Я знаю тебя. Ты — Дунланг О'Хартиган, друг Мурроха, сын Бриана, принц Даль-Каса. Скажи мне, добрый господин, идет ли здесь война?

— По правде говоря, сейчас король Бриан и король Малачи стоят в Киллмэйнхэме возле Дублина. Я выехал из лагеря сегодня утром. Со всех земель викингов король Ситрак собрал рабов, и гаэлы готовы вступить в бой. Такой битвы сам Эрлик никогда прежде не видывал.

Взгляд Конна затуманился.

— Клянусь Кроном, как раз об этом и говорил мне Седой Человек, — прошептал он как бы про себя. — Но как же он мог это узнать? Конечно, все это мне приснилось!

— Как ты попал сюда? — спросил Дунланг.

— Из Торки в Оркни я приплыл на лодке. Ее, как щепку, разбили волны прибоя. Давным-давно я убил Мета — ратника Мелаглина, и король Бриан рассердился на меня из-за нарушенного перемирия, поэтому я и бежал. Да, жизнь изгоя тяжела. Потом меня поймал Торвальд Ворон из Хибрид, когда я ослаб от голода и ран. Он надел мне этот ошейник. — Конн притронулся к тяжелому, медному кольцу, висевшему на его бычьей шее. — Потом он продал меня сыну Вульфгера Снорри в Торку. Неприятный мне достался хозяин. Я работал за троих, сражался рядом с ним, когда он ссорился с соседями. За это я получал от него лишь корки со стола, вместо постели — голый земляной пол — и глубокие

шрамы на спине. Наконец я не вытерпел, набросился на него в его собственном скалли и разбил ему башку поленом. Я забрал его меч и бежал в горы, предпочитая скорее замерзнуть или умереть с голоду, чем сдохнуть под плетью... Там, в горах... — Тут в глазах Конна появилось сомнение. — Думаю, я видел сон... Я встретил высокого седого человека, говорившего о войне в Эрине. Еще я видел... валькирий, скачущих на юг по облакам... Лучше умереть в море, в добрую бурю, чем сдохнуть с голоду в горах Оркни, — продолжал Конн более уверенно. — Случайно нашел я лодку рыбака с запасом пищи и воды. На ней я и вышел в море. Клянусь Кромом! Я и сам удивлен, что все еще жив! Шторм схватил меня в свои лапы прошлой ночью. Я сражался с морем, пока лодка не затонула; потом с волнами, пока не потерял сознание. Придя в себя, я был поражен. Уже рассвело, и я увидел, что лежу на берегу, словно обломок дерева, выброшенный волнами. Так я и лежал на солнце, греясь и выгоняя из костей холод моря, пока ты не подъехал.

— Клянусь всеми святыми, Конн, ты мне нравишься, — сказал Дунланг.

— Надеюсь и королю Бриану я понравлюсь, — проворчал Конн.

— Присоединяйся к моей свите, — предложил Дунланг. — Я замолвлю за тебя словечко перед королем. У Бриана в голове сейчас дела поважней, чем какая-то кровавая распря. Как раз сегодня войска противника закончат подготовку к битве.

— А потом начнут ломать копья? — поинтересовался Конн.

— Не по воле короля Бриана, — ответил Дунланг. — Он не хочет проливать кровь в Страстную Пятницу. Но кто знает, когда язычники нападут на нас!

Конн положил руку на стремя Дунланга и зашагал рядом с неторопливо идущим конем.

— Собралась ли знать для битвы? — спросил он через некоторое время.

— Больше двадцати тысяч воинов с каждой стороны. Залив Дублина потемнел от кораблей. Из Оркни прибыл Ярл Сигурд со знаменами цвета крыла ворона. С Мэна

приплыл викинг Бродир, а с ним двенадцать галер. Из Данелаха, что в Англии, приехал принц Амлафф, сын короля Норвегии с двумя тысячами воинов. Войска собрались со всех земель — из Оркни, Шетланда, Хибрид — Шотландии, Англии, Германии и из скандинавских земель... Наши шпионы донесли, что у Сигурда и Бродира по тысяче человек в стальных кольчугах с головы до пят. Они собираются сражаться, построившись клином... Далкасцам трудно будет разбить эту железную стену. Но ты, по воле бога, все превосходно угадал... А среди воинов и полководцев Анрад Берсерк, Красный Храфн, Платт из Дании, Торстен и его собрат по оружию Асмунд, Торлеф Хорди Сильный, Ателстон Сакс, Торвальд Ворон с Хибрид.

Услышав последнее имя, Конн дико оскалился, прикоснувшись к медному ошейнику.

— Большое собрание, раз прибыли Сигурд и Бродир.

— Их позвала Гормлат, — объяснил Дунланг.

— В Оркни пришла весть, что Бриан развелся с Кормаладой, — сказал Конн, невольно назвав королеву на северный лад.

— Да, и ее сердце черно от ненависти к бывшему мужу. Странно, что у красавицы с такой прекрасной фигурой душа демона.

— Бог справедлив, мой господин. А что ее брат, принц Мэлмор?

— Он и разжег пламя этой войны! — сердито воскликнул Дунланг. — Ненависть, тлевшая так долго между ним и Муррохом, наконец всполыхнула огнем и подпалила оба королевства. Оба зачинщика не правы. Может, даже Муррох больше Мэлмора. А Гормлат еще и подбивала брата. Не думаю, что король Бриан поступал мудро, отдавая почести тем, с кем раньше воевал. Нехорошо, что он женился на Гормлат и отдал свою дочь ее сыну, Ситраку из Дублина. С Гюрмлан он привез в свой дворец семена раздора и ненависти. Она распутница. Когда-то она была женой Амлаффа Горэна, датчанина, потом женой короля Малачи из Мета. Он выгнал ее из-за скверного характера.

— А что с Мелаглином? — спросил Конн.

— Кажется, он забыл про войну, когда Бриан вырвал у него корону Эрина. Два короля вместе выступят против датчан и Мэлмора.

Разговаривая, Конн и Дунланг подошли к гряде редких скал и валунов. Тут они неожиданно остановились. На одном из валунов сидела девушка, облаченная в сверкающую зеленую одежду, покрой которой так напоминал чешую, что Конн в замешательстве сначала принял ее за вышедшую из морских глубин русалку.

— Ивин! — Дунланг спрыгнул с коня, бросив Конну поводья, и поспешил взять девушку за руку. — Ты посылала за мной, и я пришел. Ты плакала!

Конн, объятый суеверным страхом, держал коня. Сейчас он почувствовал, что ему стоит отойти. Ивин, стройная, с пышными, блестящими, золотистыми волосами и глубокими таинственными глазами была непохожа ни на одну из девушек, знакомых Конну. Ее совершенная внешность отличалась по внешности от женщин севера и от гаэлок, и Конн понял, что она принадлежит к тому мистическому народу, что занимал эти земли до прихода его предков. Кое-кто из этого народа до сих пор обитал в пещерах у моря и в глуши девственных лесов. Это были де Данааны, чародеи, как говорили ирландцы, родственники фаэров.

— Дунланг! — Девушка судорожно обняла возлюбленного. — Ты не должен уходить! На мне проклятие ясновиденья. Я знаю: если ты пойдешь на войну, ты умрешь! Поехали со мной. Я спрячу тебя. Я покажу тебе скрытые пурпурным туманом пещеры, похожие на замки подводных королей, и тенистые леса, где не бывал никто, кроме моего народа. Пойдем со мной, и забудь войну и ненависть, гордость и честолюбие, которые лишь тени, нереальные и бессмысленные. Пойдем — и ты познаешь сказочное великолепие мест, где нет ни страха, ни ненависти, часы кажутся годами и время тянется бесконечно.

— Ивин, любовь моя! — взволнованно ответил Дунланг. — Ты просишь о том, что не в моей власти. Когда мой клан отправляется на войну, я должен быть рядом с Муррохом, даже если уверен, что меня ждет смерть. Я люблю тебя больше жизни, но клянусь честью своего клана, не могу уйти с тобой.

— Я боюсь. Вы — всего лишь дети, глупые, жестокие, неистовые, — убиваете друг друга в детских ссорах. Это наказание мне. Среди своего народа мне было одиноко, и я полюбила одного из вас. Твои грубые руки невольно причиняли боль моему телу, и твои грубости пусть невольно, но ранят мое сердце...

— Я никогда не обижу тебя, Ивин, — начал было огорченный Дунланг.

— Я знаю, — сказала девушка. — Руки мужчины не созданы для того, чтобы держать нежное тело женщины Темных людей. Это — моя судьба. Я люблю, и я пропала. Мое зрение — зрение смотрящих вдаль, сквозь покров и туманы жизни. Я вижу то, что позади прошлого и впереди будущего. Ты пойдешь на битву, и по тебе вскоре заплачут струны арфы, а Ивин Грэгли останется рыдать, пока не растворится в слезах и соленые слезы не смешаются с холодным, соленым морем.

Дунланг безмолвно опустил голову, а голос молодой девушки дрожал, и в нем звучала извечная печаль всех женщин. Даже грубый варвар Конн смущенно переминался поодаль.

— И все же я принесла тебе подарок, к битве. — Ивин изящно наклонилась и подняла что-то блеснувшее на солнце. — Это не может спасти тебя, прошептали духи моей душе, но я все же надеюсь...

Дунланг нерешительно взглянул на то, что она протянула ему. Конн незаметно придвинулся и вытянул шею. Он увидел кольчугу, сделанную с необычайным мастерством, и шлем, какого он не видывал прежде. Поверхность шлема была покатой, а внизу шел бортик, чтобы задержать удар меча. Шлем был без подвижного забрала. Спереди была просто прорезана щель для глаз. Ни один из живущих ныне не смог бы повторить это чудо. Работа была старинная. Такие вещички изготавливались в древности, в более цивилизованные времена.

Дунланг с подозрением и недоверием, присущим многим кельтам по отношению к доспехам, посмотрел на кольчугу и шлем. Британцы сражались без доспехов с легионами Цезаря и считали трусом того, кто надевал на себя металл. Позже ирландские кланы с таким же

осуждением смотрели на закованных в броню рыцарей Стронгбоу.

— Ивин, братья засмеют меня, если я облачусь в железо, как датчанин, — сказал Дунланг. — Как человек может свободно двигаться в такой одежде? Из всех гаэлов только Турлоф Даб носит кольчугу.

— А есть ли среди гаэлов кто-то храбрее его? — пылко возразила Ивин. — Какие же вы все глупые! Веками одетые в железо датчане топчут вас, когда вы могли бы давно смести их, если бы не ваша глупая гордость.

— Гордость еще не все, Ивин, — возразил Дунланг. — Что пользы в кольчуге, когда далкасийский топор разрубает железо, как ткань?

— Кольчуга отразит мечи датчан, и даже топор О'Брайна не пробьет эти доспехи. Они долго пролежали в глубинах пещер моего народа, тщательно защищенные от ржавчины. Когда-то их носил воин Рима, до того как римские легионы ушли из Британии. В какой-то войне на границе попали они в руки моих предков, и те хранили их как сокровище, потому что их носил великий принц. Умоляю тебя, надень их, если любишь меня.

Дунланг нерешительно взял доспехи. Он не мог знать, что это доспехи гладиатора времен конца Римской империи, и не интересовался, каким образом они попали к офицеру британского легиона. Дунланг мало что знал из истории. Подобно большинству своих собратьев военачальников, он не умел ни читать, ни писать. Знания и образование нужны монахам и священникам. Воину некогда заниматься искусствами и науками. Дунланг взял доспехи и, потому что любил эту странную девушку, согласился надеть их, «если подойдут».

— Подойдут, — уверила его Ивин. — Но я все равно больше не увижу тебя живым.

Она протянула бледные руки, и молодой человек жадно обнял ее. Конн отвернулся. Затем Дунланг мягко расцепил объятия и поцеловал девушку еще раз.

Не оборачиваясь, он вскочил на коня и поскакал по берегу. Конн побежал рядом. Оглянувшись в сгущающихся сумерках, варвар увидел Ивин, стоявшую на том же месте.

Глава 3

Костры лагеря искрились, делая ночь светлой, словно день. Вдали неясно вырисовывались темные и угрожающе тихие стены Дублина. У тех стен тоже мерцали костры, где воины Лэйнета, под руководством короля Мэлмора, точили топоры, готовясь к предстоящей битве. Залив сверкал. В ярком свете звезд блестели паруса, щиты, змеиные носы множества кораблей. Между городом и кострами ирландского войска раскинулась равнина Клонтарф, граничащая с Томарским лесом, темным и что-то шепчущим в ночи, и с водами Лиффи, в тихих водах которой горели искорки звезд.

Великий король Бриан Бору сидел перед палаткой в кругу своих военачальников. Огонь костра играл тенями на его белой бороде и сверкал в чистых, орлиных глазах. Король был стар: семьдесят три зимы прошло над его львиной головой — долгие годы, наполненные яростными битвами и кровавыми интригами. Но спина короля осталась прямой, руки не потеряли силу, низкий голос попрежнему громко звучал. Вокруг него стояли военачальники — высокие воины с могучими мускулами и зоркими глазами, свирепые и кровожадные, как тигры, и принцы в богатых туниках с зелеными поясами, в кожаных сандалиях и шафрановых накидках, застегнутых огромными золотыми брошками.

Тут собрались одни герои. Рядом с королем стоял Муррох, старший сын Бриана, гордость всего Эрина, высокий, могучий, с широко раскрытыми голубыми глазами, которые никогда не бывали спокойны — или в них плясали искры веселья, или их прикрывала поволока печали, а иногда они горели от ярости. Тут был и молодой сын Муррохa, Турлоф, гибкий паренек пятнадцати лет с золотыми волосами и горящими от нетерпения глазами. Он трепетал в ожидании предстоящей битвы — первой в его жизни. Другой Турлоф, его двоюродный брат, Турлоф Даб, был лишь несколькими годами старше, но слава его уже прокатилась по всей Эрине. Люди считали его неистовым берсерком, ловким в смертоносной игре с топором. Тут же расположились и Митл О'Фэлан, принц Десмонда, и его родственник, Великий Стюарт из Шотландии, и

Дональд Мар, переправившийся через Ирландский канал вместе со своими дикими горцами, высокими, мрачными, сухопарыми и молчаливыми. Там же стоял и Дунланг О'Хартиган и О'Хайн. Принц Хай-Мани находился в палатке своего дяди, короля Малачи О'Нейла. Он устроился в лагере метов, вдали от далкасцев, что заставило короля Бриана крепко призадуматься.

О'Кели с захода солнца наедине совещался с королем Мета, и никто не знал, о чем они говорили.

Не было среди военачальников перед королевской палаткой и Донафа, сына Бриана. Он с отрядом отправился опустошать поместье Мэлнфа Лэйнета.

Дунланг подвел к королю Конна.

— Мой господин, — начал Дунланг. — Вот человек, в прошлом изгнанный из нашей страны. Он провел не лучшее время среди гаэлов и рисковал жизнью во время шторма, чтобы вернуться и сражаться под твоим знаменем. Из Оркни он приплыл в открытой лодке, в одиночку и голый. Море выбросило его на песок почти бездыханным.

Бриан поднял голову. Даже в мелочах память его была остра, как отточенный кремень.

— Ты! — воскликнул он. — Да, я помню его. Конн, ты вернулся... и руки твои в крови!

— Да, король Бриан, — ответил Конн бесстрастно. — Мои руки в крови, это правда. Я пришел, чтобы отмыть их кровью датчан.

— Ты смеешь стоять предо мной, тем, кому принадлежит твоя жизнь!

— Я знаю только то, король Бриан, что мой отец был с тобою в Сулкоте и вы вместе грабили Лимерик, а до этого в дни скитаний он следовал за тобой, — храбро сказал Конн. — Он был одним из пятнадцати воинов, которые остались с тобой, когда твой брат, король Магон, искал тебя в лесу. Мой род идет от Муркертафаона из Кожаных Плащей, а мой клан сражался с датчанами со времен Торгила. Тебе ведь нужны сильные люди, и у меня есть право выступить в битве против моих древних врагов, а не постыдно закончить жизнь на конце веревки.

Король Бриан кивнул:

— Хорошо сказано. Воспользуйся удобным случаем. Дни изгнания для тебя закончились. Возможно, король

Малачи посчитал бы иначе, так как ты убил его человека, но... — Тут Бриан остановился. Старые сомнения закрались в его душу при мысли о короле метов. — Да будет так, — продолжал он. — Оставим все так, как есть, до конца битвы. Может ведь случиться, что это будет конец и для всех нас.

Дунланг шагнул к Конну и положил руку на его медный ошейник:

— Давай срежем его. Ты ведь теперь свободный человек.

Но Конн покачал головой:

— Нет, я его не сниму, пока не убью Торвальда Ворона, надевшего его на меня. Он еще узнает, что такое беспощадность.

— У тебя, воин, благородный меч, — неожиданно сказал Муррох.

— Да, мой господин. Муркертафаон из Кожаных Плащей владел этим клинком, пока его не убил Блэкэр Датчанин. Случилось это у Арди. Меч поначалу достался гаэлам, пока я не вынул его из тела Вульфгера Снорри.

— Простому воину не подобает носить меч короля, — грубо сказал Муррох. — Пусть один из военачальников возьмет его, а воину пусть дадут топор вместо меча.

Пальцы Конна сомкнулись на рукояти.

— Он возьмет у меня меч, но пусть сначала даст мне топор, — угрюмо сказал Конн.

Пылкий Муррох взорвался. Он шагнул к Конну, прохрипев отборное ругательство, и они на мгновение встретились взглядами. Конн не отступил ни на шаг.

— Полегче, сынок, — вмешался король Бриан. — Пусть меч останется у воина.

Муррох пожал плечами. Его настроение снова изменилось.

— Ладно, пусть меч останется у тебя. Следуй в битве за мной. Посмотрим, сможет ли прославленный меч в руках простого воина прорубить столь же широкий коридор, как в руках принца.

— Господа, возможно, воля Бога такова, что я погибну в первой же атаке, но шрамы рабства слишком сильно горят на моей спине, — сказал Конн. — Я не отступлю перед копьями врагов.

Глава 4

Вот почему преследует рок
Тебя и твоих королей...

Честертон

Пока король Бриан совещался со своими воинами на равнинах Клонтарфа, в темном Замке, который был и крепостью и дворцом одновременно, происходил ужасный ритуал. У христиан имелись веские причины бояться и ненавидеть эти мрачные стены. Дублин считался излюбленным местом язычников, где правили дикие вожди. А внутри Замка и в самом деле вершились темные дела.

В одной из комнат дворца викинг Бродир с мрачным видом наблюдал за страшным жертвоприношением на черном алтаре. На ужасном камне корчилось обнаженное существо, некогда бывшее миловидным юношей. Зверски связанный, с кляпом во рту, он мог лишь содрогаться в конвульсиях под неумолимым кинжалом белобородого жреца бога Одина.

И вот клинок разрубил плоть, мышцы, кости. Кровь полилась потоком. Жрец собрал ее в широкий медный сосуд, который потом высоко поднял, с бешеной песней взывая к Одину. Тонкие костлявые пальцы вырвали еще трепещущее сердце из вскрытой груди, жрец как безумный уставился на кусок окровавленной плоти.

— Каково же твое предсказание? — нетерпеливо спросил Бродир.

Тени скрывали холодные глаза жреца, его тело содрогалось в религиозном экстазе.

— Пятьдесят лет я служу Одину, — объявил он. — Пятьдесят лет я произношу пророчества по кровоточащему сердцу, но никогда не видел ничего подобного. Слушай же, Бродир! Если ты не сразишься в Страстную Пятницу, как называют этот день христиане, твое войско будет полностью уничтожено и все военачальники убиты. Если ты сразишься в Страстную Пятницу, король Бриан умрет, но все равно победит.

С холодной злобой выругался Бродир. Жрец покачал в ответ седой головой:

— Я не могу понять всего предсказания, а ведь я последний из жрецов Пылающего Круга, кто изучал тайны у ног Торгила. Я вижу битву и кровопролитие... Даже больше, гигантские и ужасные фигуры, гордо выступающие сквозь туман.

— Довольно, — прорычал Бродир. — Если я погибну, я прихвачу и Бриана с собой в Хель. Мы выступим против гаэлов утром и ударим изо всех сил. — С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

Бродир пересек холодный коридор и вошел в другую, более просторную комнату, украшенную, как и весь дворец короля Дублина, добычей со всего света — инкрустированным золотым оружием, редкими гобеленами, богатыми коврами, диванами из Византии и с Востока, награбленными скандинавами у различных народов, ибо Дублин был центром широко раскинувшегося мира викингов, откуда те отправлялись грабить иные земли.

Царственная фигура поднялась поприветствовать Бродира. Кормалада, которую гаэлы называли Гормлат, действительно была красива, но жестокость читалась на ее лице и в больших, сверкающих глазах. Красно-золотистые волосы и серые глаза. В жилах ее текла смешанная кровь, полуирландская — полудатская, и выглядела она со своими висячими серьгами, золотыми браслетами на руках и лодыжках, с серебряным нагрудником, украшенным драгоценными камнями, словно королева варваров. Единственной ее одеждой, кроме нагрудника, была короткая шелковая юбка, не доходившая до колен и державшаяся на широком поясе, обвивающем гибкую талию. Еще в этот вечер она надела сандалии из мягкой красной кожи. Она считалась королевой Дублина, Мета и Томонда и собиралась и дальше править своими владениями, ибо держала своего сына Ситрака и брата Мэлмора в кулачке своей тонкой белой руки. Украденная в детстве Амлаффом Горэном, королем Дублина, она рано открыла свою власть над мужчинами. Будучи ребенком-женой грубого датчанина, она правила его королевством как хотела, и вместе с властью росло ее честолюбие.

Гормлат повернулась к Бродиру с манящей, таинственной улыбкой. Но тайное беспокойство грызло ее. Во всем мире боялась она лишь одной женщины и лишь

одного мужчины. Этим мужчиной был Бродир. Королева никогда не знала, как следует ей вести себя с ним. Его ведь она тоже обманывала, как и всех остальных мужчин, но с большой опаской, так как чувствовала в нем необузданную, свирепую страсть, которая, вырвавшись наружу один раз, уже навсегда выйдет из-под контроля.

— Что сказал жрец? — спросила она.

— Если мы не выступим утром, мы проиграем, — мрачно ответил викинг. — Если мы станем сражаться завтра, то Бриан выиграет, но погибнет. В любом случае завтра выступим, так как шпионы донесли, что Донаф далеко от вражеского лагеря с большим отрядом разоряет земли Мэлмора. И еще мы послали шпионов к Малачи. У него давно зуб на Бриана. Может, удастся уговорить его оставить Бриана или по крайней мере постоять в стороне и подождать. Мы предложили ему богатое вознаграждение и земли Бриана. Ха! Пусть потом только попробует встать у нас на пути! Ему достанется не золото, а окровавленный меч. Сокрушив Бриана, мы свергнем и Малачи. Обратим его в пыль. Но сначала — Бриан.

Гормлат восторженно вскинула руки:

— Принеси мне его голову! Я повешу ее над нашим брачным ложем.

— Я слышал странные рассказы, — продолжал Бродир. — Сигурд как-то на пьяную голову хвастался...

Королева вздрогнула, вглядываясь в непроницаемое лицо Бродира. Снова почувствовала она дрожь страха, глядя на угрюмого высокого викинга, грозное лицо и гриву его тяжелых черных волос, заплетенных и заткнутых за один из ремней.

— Что говорил Сигурд? — спросила она, стараясь говорить небрежно.

— Когда Ситрак пришел в мой скалли на острове Мэн, он клялся, что если я помогу ему, то буду сидеть на троне Ирландии рядом с тобой, королева, — заявил Бродир. — Теперь этот глупец, Сигурд из Оркни, нализавшись эля, хвалится, что ему обещали ту же награду.

Гормлат заставила себя рассмеяться:

— Он был пьян.

Бродир разразился проклятиями со всем неистовством неуправляемого викинга.

— Ты лжешь, распутница! — закричал он, железной хваткой сжав ее белое запястье. — Ты рождена, чтобы губить мужчин! Но с Бродиром с Мэна этот номер не пройдет!

— Ты — сумасшедший, — закричала Гормлат, тщетно пытаясь вырваться. — Отпусти, или я позову стражу!

— Зови! — закричал Бродир. — Я им всем головы поотрываю. Поспорь со мной — и я затоплю кровью улицы Дублина. Клянусь Тором! В городе не останется ничего, что Бриан сумел бы поджечь! Мэлмор, Ситра, Сигурд, Амлафф... Всех перережу и тебя за твои желтые волосы приволоку на свой корабль. Только крикни!

Гормлат не посмела закричать. Бродир поставил королеву на колени, зверски сжав ее запястье. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать от боли.

— Ты обещала Сигурду то же, что и мне, зная, что ни один из нас не станет за меньшее рисковать жизнью, — продолжал он с плохо сдерживаемой яростью.

— Нет! Нет! — застонала Гормлат. — Клянусь молотом Тора. — Но когда боль стала невыносимой, она отбросила притворство. — Да! Да, я обещала это ему. Пусти меня!

— Так! — Викинг с презрением отшвырнул ее, постанывающую, растрепанную, на одну из шелковых подушек. — Ты обещала мне, обещала Сигурду, — говорил он, угрожающе возвышаясь над королевой. — Но ты сдержишь обещание, данное мне, иначе лучше бы тебе не родиться! Трон Ирландии — ерунда по сравнению с моей страстью. Если ты не будешь моей, ты ничьей не станешь.

— А Сигурд?

— Его убьют во время битвы... или после, — отрезал Бродир.

— Хорошо! — Королева в самом деле оказалась в неприятной ситуации и еще не очень-то разобралась, что к чему. — Я люблю тебя, Бродир, а ему я обещала свою руку только потому, что иначе он бы не согласился помочь нам.

— Любишь! — Викинг дико расхохотался. — Ты любишь только себя и больше никого. Но ты исполнишь клятву, данную мне, или раскаешься. — И, повернувшись на каблуках, он вышел из комнаты.

Гормлат поднялась, растирая руку с синими отметинами от пальцев воина.

— Хоть бы его убило в первой же атаке! — пробормотала она сквозь зубы. — Если один из них выживет, то уж лучше, чтоб это был дурень Сигурд. Таким мужем легче управлять, чем этим черноволосым дикарем. За Сигурда я, пожалуй, и впрямь выйду замуж, если его не убьют, но, клянусь Богом, не долго он просидит на троне Ирландии. Я отправлю его вслед за Брианом.

— Ты говоришь так, словно Бриан уже мертв, — раздался спокойный голос за спиной королевы. Она резко обернулась.

Глаза Гормлат расширились, когда она увидела одетую в сверкающий зеленый наряд стройную девушку с блестящими неземным светом золотистыми волосами. Королева попятилась и вытянула руки, словно хотела отогнать видение:

— Ивин! Ведьма, отойди! Тебе не околдовать меня своим взглядом! Как ты оказалась в моем дворце?

— Как проходит ветер сквозь деревья, — ответила девушка. — О чем с тобой говорил Бродир?

— Если ты колдунья, то должна сама все знать, — ответила королева.

Ивин кивнула:

— Да, я знаю. Я прочитала это в твоих мыслях. Он советовался с оракулом из морских людей... Кровь и вырванное сердце. — Ее изящные губы дрогнули от отвращения. — И он сказал тебе, что выступает завтра.

Королева побледнела и ничего не ответила, боясь встретиться с магнетическим взглядом Ивин. Она чувствовала себя обнаженной перед этой таинственной девушкой, умевшей сверхъестественным образом просеивать ее мысли, открывая все секреты.

Ивин постояла, наклонив голову, потом неожиданно подняла ее. Королева вздрогнула, ибо что-то похожее на страх блеснуло в колдовских глазах Ивин.

— Кто-то еще есть в замке? — вскрикнула она.

— Ты знаешь так же, как и я, — пробормотала королева. — Ситра, Сигурд, Бродир.

— Есть еще кто-то! — воскликнула Ивин, бледнея и дрожа. — Ах, я давно его знаю... Я чувствую его... Он приносит с собой холод севера, звон ледяных морей...

Девушка повернулась и быстро проскользнула за занавесь, скрывавшую потайную дверь, о которой знали лишь Гормлат и ее прислуга, оставив королеву в замешательстве.

В жертвенном покое старый жрец все еще бормотал над окровавленным алтарем, на котором лежала изуродованная жертва.

— Пятьдесят лет я служил Одину, и никогда не читал такого прорицания, — пробормотал он. — Один давно отметил меня своей печатью. Года пронеслись, как засохшие листья, и мой век подошел к концу. Я видел, как один за другим рушились алтари Одина. Если христиане выиграют битву, служение Одину прекратится. Мне открылось, что я принес свою последнюю жертву...

Низкий властный голос прозвучал за спиной у старца:

— И что может быть справедливее, чем самолично сопроводить душу последней жертвы в царство того, кому ты служишь?

Жрец обернулся. Жертвенный кинжал выпал у него из рук. Перед священником стоял высокий человек, завернувшийся в плащ, под которым блестели доспехи. Широкополая шляпа была надвинута на лоб, и, когда он приподнял ее, единственный глаз, сверкающий и мрачный, как бурное море, встретился со взглядом священника.

Старик сдавленно, а потом во всю мочь завопил от ужаса.

Ворвавшиеся в комнату воины нашли жреца лежащим рядом с алтарем, мертвого, без единой раны, но с перекошенным лицом. Тело его изогнулось в предсмертной агонии. Остекленевшие глаза выкатились от страха. Но никого, кроме трупов жреца и несчастной жертвы, в ком-

нате не оказалось. Никого не видели входящим или выходящим из комнаты колдуна, после того как оттуда вышел Бродир.

Король Бриан спал один в своей палатке под охраной вооруженных воинов и видел странный сон.

...Высокий седой богатырь возвышался над ним. Голос незнакомца напоминал раскаты грома:

— Берегись, поборник Белого Христа. Ты бьешь моих детей и ведешь меня в темные пустоты Йотунхейма, но я заставлю тебя пожалеть об этом! Ты убиваешь моих детей, а я поражу твоего сына. Когда же я уйду во мрак, ты отправишься вместе со мной. И тогда Те, Кто Выбирают из Мертвых, спустятся с неба на поле боя!

От громового голоса и ужасающего блеска единственного глаза страшного незнакомца кровь застыла в жилах короля, никогда прежде не знавшего страха. И тогда он со сдавленным криком проснулся. Факелы, горящие снаружи, хорошо освещали внутренности палатки, и король сразу разглядел стройную фигуру.

— Ивин, — воскликнул он. — Боже мой, королям повезло, что твой народ не принимает участия в интригах простых смертных. Ведь вы умеете пробираться в наши палатки под самым носом у стражи. Ты ищешь Дунланга?

Девушка грустно покачала головой:

— Я больше не увижу его живым, великий король. Если я пойду к нему сейчас, моя черная печаль может лишить его мужества. Я отправлюсь искать его завтра среди убитых.

Король Бриан задрожал.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы говорить о своей скорби, мой господин, — устало продолжала она. — Не в обычае моего народа принимать участие в спорах людей, но я люблю одного из вас. Этой ночью я говорила с Гормлат.

Бриан вздрогнул, когда девушка произнесла имя его бывшей жены.

— И... что ты узнала? — спросил король.

— Бродир выступает завтра.

Король тяжело вздохнул:

— Не по душе мне проливать кровь в священный день. Но если на то воля Бога, мы не будем ждать их нападения... Мы сами выступим на рассвете, чтобы встретить их. Я пошлю гонца вернуть Донафа.

Ивин опять покачала головой:

— Нет, великий король. Пусть Донаф живет. После битвы королевству нужны будут сильные руки, чтобы удержать скипетр.

Бриан в упор посмотрел на Ивин:

— Я слышу в твоих словах свою смерть. Ты знаешь мою судьбу?

Ивин беспомощно развела руками:

— Мой господин, даже Темные люди не могут по своей воле разорвать завесу. Я не узнавала твою судьбу, не гадала, не прочитала ее по туману или по разлитой крови. Но на мне лежит проклятие. Сквозь пламя вижу я вихрь битвы.

— Я погибну?

Девушка закрыла лицо руками.

— Хорошо, и да свершится воля Бога, — спокойно произнес король Бриан. — Я прожил долгую жизнь. Не плачь. Сквозь самые темные туманы мрака всегда поднимается заря... Мой клан станет чтить тебя в грядущие дни. Теперь иди, ибо ночь отступает. Скоро рассветет, а я хотел бы еще обратиться к Богу...

Ивин словно тень выскользнула из палатки короля.

Глава 5

Война была как сон. Не знаю
Как много душ послал я в ад.
И Один, яростно взывая,
Всех приглашал в свой райский сад.
Как бьются боги в Рагнроке,
Сквозь гром сраженья слышал я...

Сага о Конне

Словно призраки двигались люди сквозь туман, поднявшийся на восходе. Их оружие жутко позвякивало.

Конн потянулся, разведя мускулистые руки, широко зевнул и достал из ножен свой огромный меч.

— Вот и настал день, когда серые вороны напьются крови, мой господин, — сказал он.

Дунланг О'Хартиган рассеянно кивнул.

— Иди сюда и помоги мне надеть эту проклятую рубаху, — попросил Дунланг. — Ради Ивин я надену ее, но, клянусь всеми святыми, я предпочел бы сражаться совершенно голым!

Гаэлы выступили из Киллмэйнхэма в боевом порядке. Впереди шли далкасцы, крупные мускулистые воины в шафрановых туниках. Каждый держал в левой руке круглый, укрепленный сталью щит из тисового дерева, а в правой руке — смертоносный далкасский топор. Такой топор сильно отличался от тяжелого топора датчан. Ирландцы управлялись с ним одной рукой. Большой палец они вытягивали вдоль рукояти, направляя удар. В мастерстве владения боевым топором им не было равных. Кольчуг ирландцы не носили, ни пешие воины, ни всадники, хотя некоторые из военачальников, как, например, Муррох, надели легкие стальные шлемы. Но туники и военачальников, и воинов были сотканы столь искусно и так пропитаны уксусом, что стали на удивление жесткими и в какой-то мере защищали от мечей и стрел.

Во главе далкасцев ехал сам принц Муррох. Он улыбался, словно отправился на пир, а не на кровавую битву. Его сопровождали с одной стороны Дунланг в римских доспехах и Конн со шлемом Дунланга в руках; с другой — два Турлофа — сын Мурроха и Турлоф Даб, единственный из всех далкасцев, всегда сражавшийся в полных доспехах. Выглядел он довольно мрачным, несмотря на молодость: темное лицо, тусклый взгляд голубых глаз, черная кольчуга, черные железные рукавицы, стальной шлем. В руках он сжимал шипастый щит. В отличие от остальных военачальников, предпочитавших в битве пользоваться мечом, Черный Турлоф сражался топором собственной ковки, и его мастерство владения этим оружием казалось почти сверхъестественным.

За далкасцами шли две роты шотландцев. Возглавляли их Великие Стюарты Шотландские. В кольчугах и шлемах с гребнями из лошадиных грив — ветераны долгих войн с саксонцами. С ними пришли воины из Южного Манстра под командованием Мита О'Фэлана.

Третий отряд состоял из воинов Коннахта, диких людей Запада, заросших, лохматых и голых, если не считать набедренных повязок из волчьих шкур. Их вели О'Кели и О'Хайн. Первый из них ехал в битву с камнем на душе, ибо встреча с Малачи накануне ночью легла мрачной тенью ему на душу.

Несколько в стороне от трех главных отрядов шли высокие галаглахи и пешие воины Мета. Их король не спеша ехал во главе своего воинства.

А впереди всего войска на белом скакуне гарцевал король Бриан Бору. Его седые волосы развевались на ветру, взгляд был странным и отреченным. Пешие воины взирали на него с суеверным трепетом.

Так гаэлы подошли к Дублину и увидели воинство из Лэйнста и Лохланна, вытянутое в боевом порядке широким полумесяцем от Дабхольского моста до узкой речушки Толки, пересекавшей долину Клонтарфа. Они тоже делились на три главных отряда: чужестранцы-норманы, викинги во главе с Сигурдом и беспощадным Бродиром и расположившиеся на фланге датчане из Дублина под командованием собственного военачальника, мрачного бродяги, имени которого никто не знал, но которого все называли Дабголом Темным Странником. На другом фланге находились ирландцы Лэйнета со своим королем Мэлмором. В датской крепости на холме над рекой Лиффи засели воины короля Ситрака. Они охраняли город.

В город вела только одна дорога с севера — направления, в котором и наступали гаэлы, ведь в то время Дублин лежал лишь на южном берегу Лиффи. К нему дорога вела через мост. Его называли Дабхольским. Датчане стояли спиной к морю: один конец их фронта защищал вход в город. Отряды развернулись лицом к Толке. Гаэлы же наступали по плоской равнине между берегом и Томарским лесом.

Когда расстояние между войсками стало чуть больше длины полета стрелы, гаэлы остановились, и король Бриан выехал чуть вперед, подняв вверх распятие.

— Сыновья Гойдхела! — Голос короля звучал словно рев трубы. — Мне не дано вести вас в атаку, как это бывало в старые времена. Но я поставил свою палатку позади ваших рядов, и, если вы побежите, вам придется

растоптать и меня. Но вы не побежите! Вспомните столетие произвола и бесчестия! Вспомните свои сожженные дома, убитых родственников, изнасилованных женщин, захваченных в рабство детей! В этот день Господь умер за нас! Вот стоят языческие полчища, оскорбляющие Его имя и убивающие Его народ! У меня для вас есть только один приказ: победить или умереть!

Неистовые воины взревели, словно волки, и лес топоров взметнулся вверх. Король Бриан наклонил голову.

— Пусть проводят меня в палатку, — шепнул король Мурроху. — Возраст не позволяет мне драться на топорах. Судьба жестока ко мне. Идите же вперед, и пусть Бог направит ваши удары!

Король медленно ускакал, окруженный телохранителями, а воины стали подтягивать пояса, доставать из ножен мечи, выравнивать строй. Конн водрузил римский шлем на голову Дунлангу и оскалился. Молодой военачальник теперь походил на мифическое железное чудовище из северных легенд. Войска неумолимо сближались.

Викинги выстроились, как и обычно, клином, и на острие его были Сигурд и Бродир. Норманы смотрелись ярко и пестро возле растянутых рядами полуголых гаэлов. Они двигались плотными рядами, защищенные рогатыми шлемами, тяжелыми чешуйчатыми кольчугами, доходившими до колен, рукавицами из дубленой волчьей шкуры, к которым пришиты были железные пластины. В руках сжимали они тяжелые щиты из липы, окаймленные железом, и длинные копья. На тысяче воинов переднего ряда были длинные кольчуги и латные рукавицы, так что с головы до пят они были защищены. Шли они прочной стеной, выставив вперед щиты. Над их рядами реяло зловещее знамя цвета крыла ворона, которое всегда приносило победу Ярлу Сигурду — даже если погибал тот, кто нес его. Сейчас знамя тащил сын старого Рэйна Асгримма, и он чувствовал близость своего смертного часа.

На острие живого клина, словно на оголовке стрелы, шли воины Лохланна: Бродир в тусклой голубой кольчуге, на которой ни один меч не оставил вмятины, Ярл Сигурд, высокий, белобородый, в сверкающей золотом кольчуге, Красный Храфн, в душе которого таился демон смеха, вынуждавший его безумно хохотать даже во время битвы,

рослые друзья Торстен и Асмунд, принц Амлафф — скитающийся сын короля Норвегии, Платт из Дании, Ателстен Саксонец, Торвальд Ворон из Хабрид, Анрад Берсерк.

Более или менее хаотично быстрым шагом приближались ирландцы к этому построению. Они почти не пытались выстроиться в упорядоченные ряды. Вдруг Малачи со своими воинами развернулся и резко отступил влево, занимая позицию на возвышении у Кабры. Муррох, увидев это, выдохнул проклятье, а Черный Турлоф прорычал:

— Кто сказал, что О'Нейлы забыли старую вражду? Клянусь Кроном! Муррох, возможно, нам придется защищать тыл так же, как и фронт, прежде чем мы победим в этой битве!

Неожиданно из рядов викингов вышел Платт из Дании. Сквозь его редкие рыжие волосы, как через багровую вуаль, просвечивала лысина. Его серебряная кольчуга блестела. Войска с нетерпением наблюдали за происходящим. В те времена редкая битва начиналась без предварительного поединка.

— Дональд! — закричал Платт, взмахнув обнаженным мечом, так что восходящее солнце блеснуло серебром. — Где Дональд Мар? Ты здесь, Дональд, как и при Ру-Стуаре? Или ты опять отлыниваешь от драки?

— Я здесь, негодяй! — ответил шотландец и вышел вперед из рядов своих воинов, обнажив меч.

Шотландец и датчанин встретились посреди узкой полосы земли, разделяющей армии. Дональд вел себя осторожно, как волк на охоте, Платт — безудержно. Он безрассудно прыгал и пританцовывал, сверкал глазами в припадке безумного смеха. Однако нога осмотрительного Стюарта внезапно поскользнулась на голыше. Он потерял равновесие, и меч Платта ударил его с такой силой, что острие пронзило доспехи и вошло глубоко под сердце шотландца. Но безумный крик ликующего Платта оборвался. Падая, Дональд Мар нанес смертельный удар, разрубивший голову датчанину. Оба воина бездыханными рухнули на землю.

Вот тогда и раздался низкий рев. Два огромных войска покатились друг другу навстречу, словно волны прилива. Началась битва. Зазвенели мечи. Тут не было никаких

стратегических маневров, кавалерийских атак, перестрелки из луков. Сорок тысяч мужчин сражались пешими рука об руку, плечо к плечу, убивая и умирая в кровавом хаосе. Битва взметнулась ревущими волнами. В воздухе сверкали копья и топоры. Столкнувшись и обменявшись первыми ударами, викинги и далкасцы на какое-то время отхлынули друг от друга, словно столкновение разбросало их в разные стороны. Низкий рев норманов смешался с криками гаэлов. Копья Севера разбивались о топоры Запада. Спешившись и сражаясь в первых рядах, Муррох крушил врагов направо и налево, держа в обеих руках по тяжелому мечу. Он косил врагов как рожь. Ни щит, ни шлем не выдерживали его страшных ударов. За ним следом шли воины, рубившие врагов и завывающие как сами дьяволы. Неистовое племя из Коннахта ринулось на плотные ряды датчан из Дублина, а воины Южного Манстра с союзниками шотландцами ударили по ирландцам Лэйнета.

Железные ряды сломались и перепутались.

Конн, следуя за Дунлангом, дико скалил зубы всякий раз, как удар его окровавленного меча попадал в цель. Его свирепый взгляд искал Торвальда Ворона. Но в безумном море битвы, где обезумевшие люди налетали друг на друга, сшибались, а после вновь расходились, трудно было найти кого-то.

Сначала оба войска держались, не отступая ни на шаг. Грудь к груди, щит против щита. Воины, с хрипом, с боевыми кличами, ожесточенно рубились. Повсюду сверкали клинки. Они вспыхивали, как морские брызги на солнце. Рев битвы отпугивал круживших в вышине, словно валькирии, воронов. Когда человеческая кровь и плоть стали слабеть, сомкнутые ряды заколебались. Лэйнеты дрогнули под бешеной атакой кланов Манстра и шотландских союзников. Они отступали медленно, шаг за шагов, хоть король их и сыпал проклятиями, сражаясь пешим в передних рядах.

Но на другом фланге датчане Дублина во главе с грозным Дабголом выдержали первую сокрушительную атаку племен Запада, хотя и не без потерь, и теперь дикие люди в волчьих шкурах падали под датскими топорами, как зерно, ссыпаемое в амбар.

В центре битва кипела яростнее всего. Клинообразный заслон викингов стоял несокрушимо, и далкасцы тщетно бросали на него свои полуголые тела. Бродир и Сигурд начали медленно, настойчиво теснить врага. Неумолимые викинги все глубже врубались в неплотные ряды гаэлов.

Со стен дублинского замка король Ситрак с женой и Кормалада наблюдали за полем боя.

— Славно сбирают урожай морские короли! — воскликнул Ситрак.

Прекрасные глаза Кормалады блестели. Она ликовала.

— Гибель Бриану! — кричала она неистово. — Гибель Муррохy! Да погибнет Бродир! Дайте воронам пищи!

Но голос ее дрогнул, когда она увидела высокую фигуру в плаще, стоявшую на зубчатой стене вдалеке от остальных зрителей. Мрачный седой великан задумчиво созерцал сражение. Холодный страх подкрался к Гормлат, и слова замерли у нее на устах. Она вцепилась в плащ Ситрака.

— Кто это? — прошептала она, указывая на фигуру.

Ситрак взглянул и пожал плечами:

— Не знаю. Не обращай на него внимания. Не подходи к нему. Когда я к нему приблизился... он не стал со мной говорить... И даже не взглянул на меня... Но надо мной пронесся холодный ветер, и сердце мое затрепетало. Лучше следи за битвой. Гаэлы отступают.

Однако гаэлы все еще держались. Линия сражающихся стала походить на изогнутое лезвие топора, и на его выгнутом центре находился Муррох со своими военачальниками. Принц-великан истекал кровью, сочившейся из многочисленных ран, но его тяжелые мечи по-прежнему раздавали удары и собирали урожай смерти. Воины, стоявшие рядом с ним, тоже сметали врагов на своем пути. Муррох искал в толпе врагов Сигурда. Он видел, как высокий ярл маячит среди врагов, нанося страшные удары. Это зрелище приводило гаэльского принца в бешенство, но добраться до викинга он не мог.

— Воины отступают, — с трудом проговорил Дунланг, пытаясь смахнуть пот, заливавший глаза. Он оставался невредим. Копья и топоры расщеплялись о римский шлем и отскакивали от древнего панциря, но не привыкший к доспехам молодой воин чувствовал себя волком на цепи.

Муррох огляделся. По одну сторону от их группы гаэлы отступали, медленно, поливая кровью каждый фут земли, но не в силах остановить неудержимую атаку норманов, закованных в кольчуги. Норманы, конечно, тоже гибли, но смыкали ряды и напирали с новой силой, прокладывая себе путь вперед.

— Турлоф! Поспеши. Беги к Малачи! Попроси его, во имя Бога, атаковать! — приказал Муррох на одном дыхании.

Но Турлофа Черного охватило безумство берсеркера. На губах его выступила пена, глаза выкатились.

— Дьявол побери этого Малачи! — закричал он, одним ударом разрубая череп датчанина.

— Конн! — позвал Муррох, схватив бывшего раба и оттолкнув его назад. — Поспеши за Малачи. Нам нужна поддержка.

Конн с неохотой стал выбираться из кипящей сечи, очищая себе дорогу страшными ударами меча. В колеблющемся море клинков и шлемов он заметил огромного Ярла Сигурда и его свиту. Над ними развевалось черное знамя, а их мечи косили людей как пшеницу.

Наконец вырвавшись из свалки, Конн побежал вдоль линии сражающихся к возвышенности Кабра, где столпились меты, напряженные и возбужденные, словно охотничьи псы. Они сжимали оружие и выжидающе смотрели на своего короля. Малачи стоял в стороне, наблюдая за схваткой угрюмым взглядом. Львиная голова его склонилась, пальцы перебирали золотую бороду.

— Король Малачи, — без церемоний обратился к нему Конн. — Принц Муррох просил тебя немедленно атаковать. Враги сильно давят. Предводители гаэлов почти окружены.

Великий О'Нейл поднял голову и рассеянно взглянул на Конна. Простой воин и не догадывался о борьбе, происходившей в душе Малачи. Кровавые видения теснились перед его глазами — золото, власть над всем Эрликом... и черный позор предательства. Он еще раз взглянул на поле битвы, где среди копий возвышалось знамя его племянника О'Кели. Потом король содрогнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Сейчас не время. Я выступлю, когда придет час.

На мгновение король и воин встретились взглядами, и Малачи опустил глаза. Конн отвернулся, не сказав ни слова, и поспешил вниз по склону холма. Внизу он увидел, что воины Десмонда уже остановлены. Мэлмор, подобно бесноватому, собственноручно разрубил принца Митла О'Фэлана, а случайный удар копья ранил Великого Стюарта, и теперь лэйнеты отражали натиск манстрских и шотландских кланов. Но там, где сражались далкасцы, битва притихла. Принц Томонда остановил норманов; словно о возвышающуюся посреди моря скалу, о него разбивались волны врагов.

Конн добрался до Мурроха, когда в битве уже произошел перелом.

— Малачи говорит, что выступит, когда придет время.

— Будь он проклят! — закричал Черный Турлоф. — Нас предали!

Голубые глаза Мурроха вспыхнули.

— Тогда вперед, во имя Господа! — закричал он. — Давайте ударим и погибнем!

Этот клич подхватили все воины гаэлы. Со слепой яростью отчаянья обрушились они на норманов. Ряды их сомкнулись, и король Ситрак тоже закричал со стен замка, побледнев и схватившись за парапет. Он уже слышал такой крик раньше.

Теперь, когда Муррох рванулся вперед, гаэлов охватила безумная ярость, как людей, у которых не осталось надежды. Угроза смерти подхлестнула их, разожгла в них бешенство И, воодушевленные своим безумием, они бросились в последнюю атаку, ударили в стену щитов, пошатнувшуюся от такого удара. Никакая человеческая сила не могла удержать такой натиск. Муррох и его свита не надеялись больше победить или даже выжить. Они хотели лишь насытить свою ненависть. В своем отчаянье они сражались, словно раненые тигры, рубили человеческие тела, разрубали черепа, разрывали грудные клетки. Рядом с Муррохом сверкал топор Турлофа Черного, мечи Дунланга и остальных военачальников. Железные ряды норманов сжались, подались. Через бреши в стальном строе устремились обезумевшие гаэлы. Строй щитов распался.

Неистовые воины Коннахта снова ринулись в атаку на дублинских датчан. О'Хайн и Дабгол пали одновре-

менно, и дублинцы отступили. Все поле битвы превратилось в беспорядочную массу сражающихся. Не осталось ни рядов, ни построений. Перепрыгнув через кучу мертвых далкасцев, Муррох наконец добрался до Ярла Сигурда. За Ярлом стоял сын старого Рейна Асгрима с черным стягом в руках. Муррох убил его одним ударом. Сигурд обернулся, и его меч разорвал тунику Мурроха и пронзил его грудь, но ирладский принц ответил врагу точно таким же ударом по норманскому щиту. Сигурд отлетел назад

Тролеф Хорди подобрал знамя, но едва лишь поднял его, как Черный Турлоф, подлетев, разрубил пополам его череп. Сигурд видел, как вновь пало его знамя. С яростью напал он на Мурроха. Его меч пробил морион принца и ранил его в голову. Кровь залила лицо Мурроха, но прежде, чем Сигурд вновь нанес удар, топор Черного Турлофа вспышкой света преградил ему путь.

Щит выпал из рук Ярла, и он на мгновение отступил, содрогнувшись от блеска страшного топора. Но тут нахлынула толпа воинов, разъединив сражающихся.

— Торстен! — закричал Сигурд. — Возьми знамя!

— Не бери! — воскликнул Асмунд. — Тот, у кого оно в руках, умирает!

Тут-то меч Дунланга раскроил ему голову.

— Храфн! — отчаянно позвал Сигурд. — Возьми знамя!

— Неси сам свое проклятие! — ответил Храфн. — Всем нам конец!

— Трусы! — взревел Ярл, сам схватив знамя. Он попытался завернуть его в плащ, но тут Муррох с окровавленным лицом и пылающим взглядом прорвался к нему. Сигурд поднял меч, но слишком поздно. Меч в правой руке Мурроха разрубил шлем Сигурда, а меч в левой, просвистев, — череп, и Ярл упал на залитое кровью знамя, черным саваном обернувшееся вокруг него.

Поднялся громовой рев, и гаэлы бросились вперед с новой силой. Строй щитов распался окончательно. Кольчуги не могли спасти викингов. Далкасские топоры, сверкая на солнце, пробивали кольчуги, нагрудные пластины, крушили липовые щиты и рогатые шлемы. Но датчане все еще сопротивлялись.

На высокой крепостной стене король Ситрак наблюдал за происходящим. Его руки, сжимавшие парапет, дрожали. Он понимал, что теперь неистовых гаэлов нельзя победить. Они больше не дорожили собственной жизнью, бросаясь вновь и вновь под удары вражеских копий и топоров. Кормалада молчала, но жена Ситрака — дочь короля Бриана кричала от радости. Ее сердце осталось верно народу.

Теперь Муррох пытался добраться до Бродира. Викинг видел, что Сигурд мертв. Мир Бродира рушился. Даже хваленая кольчуга подвела его. Хотя тело его и не пострадало, вражеские клинки посекли кольчугу в клочья. Прежде викинг никогда не сталкивался с ужасным далкасским топором. Он отступал под натиском Мурроха. В давке какой-то топор опустился на шлем сына Бриана, повергнув его на колени и ослепив. Но упавшего Мурроха защитил меч Дунланга.

Натиск гаэлов еще более усилился, когда Черный Турлоф, Конн и молодой Турлоф продолжили атаку. Дунланг в пылу битвы сорвал с себя шлем и панцирь.

— Дьявол побери эти железяки! — закричал он, поднимая с земли израненного принца и поддерживая его. В этот миг Торстен Датчанин метнул в Дунланга копье. Молодой воин зашатался и упал к ногам Мурроха, а Конн подлетел к Торстену и смахнул его голову с плеч так, что та завертелась в воздухе, расплескивая кровь.

Зрение постепенно вернулось к Муррохy.

— Дунланг! — испуганно закричал он, упав на колени рядом с другом и приподняв его голову.

Но глаза Дунланга уже остекленели.

— Муррох! Ивин! — Кровь хлынула изо рта молодого воина, и он безвольно упал на руки Мурроха.

Принц вскочил с криком бешеной ярости. Он кинулся в самую гущу викингов, увлекая за собой гаэлов.

А на холме Кабры кричал Малачи. Теперь он отбросил все сомнения в сторону и забыл об интригах. Он поступил точно так, как в тайне от всех приказал ему Бродир. Малачи должен был стоять в стороне от обеих сражающихся армий, но в подходящий момент неожиданно осадить город. Кровь короля кипела, восставая против такого плана. Теперь же он схватился за толстое ожерелье, ви-

севшее у него на шее. Много лет назад он снял его с шеи пленного датского короля. Старый огонь ненависти с новой силой вспыхнул в жилах Малачи.

— Убить или умереть! — закричал он, выхватив свой меч. Меты за его спиной отозвались свирепым ревом, и еще одна армия присоединилась к битве.

Под ударами метов ослабевшие датчане дрогнули и пустились в бегство. Они распались на одинокие группки, старавшиеся пробиться к заливу, где стояли на якорях их корабли. Но меты отрезали им пути отступления. А корабли из-за прилива оказались далеко от земли. Побоище продолжалось весь день, но Конну, случайно бросившему взгляд на садящееся солнце, казалось, что прошел всего лишь час с того момента, как войска столкнулись впервые.

Бегущие норманы стремились к реке. Гаэлы вслед за ними вошли в воду. Они топили врагов. Ирландцы разделились: одни преследовали бегущих, другие сражались с норманами, еще оказывающими сопротивление. Юный Турлоф отделился от группы Муррoха и исчез в водах Толки. Он сражался с датчанами клана Лэйнета на побережье, пока Черный Турлоф не бросился в их гущу, словно бешеный зверь, одним ударом сразив Мэлмора.

Муррох, бешенство которого все еще не угасло, шатаясь от усталости и от слабости из-за потери крови, набросился на отряд викингов, вставших спина к спине и яростно отбивающихся от гаэлов. Их предводителем был Анрад Берсерк. Когда же он столкнулся с Муррохом, принц уже слишком ослабел, чтобы отразить удар датчанина. Он просто отбросил мечи в сторону и схватился с Анрадом врукопашную, пытаясь свалить противника на землю. Когда они оба упали, меч выпал из рук датчанина. Муррох и Анрад схватили его одновременно, но принц за рукоять, а Анрад за клинок. Гаэл изо всех сил дернул клинок, разрезая мускулы викинга. Потом, поставив колено на грудь Анрада, Муррох трижды воткнул меч в его тело. Умирая, Анрад вытащил кинжал, но силы его таяли так быстро, что рука сама безвольно упала. Тогда чья-то рука, схватив за запястье Анрада, довела дело до конца. Клинок кинжала пробил сердце принца. Уже падая, Муррох увидел высокого седого гиганта, возвышающегося над ним. За плечами незнакомца развевался плащ, а единственный

страшный глаз его равнодушно взирал на принца. Похоже, никто из воинов вокруг не замечал Седого Человека.

Теперь уже побежали все датчане. Король Ситрак со стены взирал на гибель славы и гордости своего народа. Обезумевшая Гормлат созерцала резню, поражение и позор ее воинства.

Конн бегал по полю брани. Он искал Торвальда Ворона. Щит Конна раскрошился под ударами топоров, на широкой груди было с полдюжины мелких ран, меч плашмя ударил его по голове, но копна запутанных волос смягчила удар. На бедре кровоточила рана от копья. Однако в безумии битвы Конн не чувствовал боли.

Чья-то слабеющая рука ухватила Конна за колено, когда он споткнулся о труп человека в волчьей шкуре. Бывший раб наклонился и увидел племянника Малачи — О'Кели. Глаза юноши остекленели. Конн приподнял его голову. Улыбка скользнула по губам умирающего.

— Я слышал боевой клич О'Нейла, — прошептал он. — Ведь Малачи не мог нас предать? Он же не мог не вступить в битву...

Так умер О'Кели. Встав, Конн увидел знакомый силуэт. Торвальд Ворон выбрался из свалки и быстро убегал, но не к морю и не к реке, где его товарищи гибли под гаэльскими топорами, а к Томарскому лесу. Конн последовал за ним. Ненависть подгоняла его.

Тут Торвальд увидел, что за ним погнались, и, обернувшись, зарычал. Вот так раб встретился с бывшим хозяином. Когда Конн настиг его, норман сжал свое копье обеими руками и яростно метнул его, но острие отскочило от огромного ошейника на шее Конна. Подобрав его, Конн в свою очередь швырнул копье в противника. Оно прошло сквозь разорванную кольчугу Торвальда, выпустив ему кишки.

Оглядевшись, Конн заметил, что охота за старым врагом завела его почти к палатке короля, установленной на краю поля битвы. Король Бриан стоял перед палаткой. Его седые волосы развевались на ветру, и лишь один человек прислуживал ему. Конн подбежал к палатке.

— Какие вести ты принес, воин? — спросил король.

— Чужеземцы бегут, — ответил Конн. — Но Муррох погиб.

— Ты принес плохие вести, — сказал Бриан. — Никогда больше не увидит Эрлик такого воина.

— Где же ваша охрана, мой господин? — спросил Конн.

— Они присоединились к сражающимся.

— Тогда позвольте мне отвести вас в более безопасное место, — сказал Конн. — Враги бегут прямо сюда.

Король Бриан покачал головой:

— Нет, я знаю, мне не уйти отсюда живым. Ведь Ивин Грэгли сказала мне прошлой ночью, что я погибну сегодня. Что пользы в моей жизни, если погиб Муррох и гаэльские защитники?

Вдруг слуга закричал:

— Мой король, мы погибли! Голубые люди идут сюда.

— Это — датчане в доспехах! — воскликнул Конн, обернувшись.

Король Бриан обнажил свой тяжелый меч.

Приближалась группа заляпанных кровью викингов. Впереди них шли Бродир и Амлафф. Их кольчуги висели клочьями, мечи были зазубрены и в крови. Бродир издали заметил палатку короля и теперь пришел убить его, потому что в этот день на поле брани он был пристыжен и ярость кипела в его сердце. Его одолевали видения, в которых Бриан, Сигурд и Кормалада кружились в дьявольской пляске. Бродир проиграл битву, Ирландию, Кормаладу-Гормлат. Теперь он жаждал лишь смерти под ударами мечей.

Приблизившись, Бродир и Амлафф одновременно кинулись к королю. Конн преградил им путь, но Бродир свернул в сторону, предоставив бывшего раба своему спутнику, а сам напал на короля. Конн нанес только один удар, разрубив, как бумагу, кольчугу врага, вместе с позвоночником. И тут же он бросился на защиту короля Бриана.

Конн увидел, как Бродир отразил удар короля и пронзил могучую грудь Бриана. Тот упал, но, падая, выставил колено, вырвал из груди меч врага и им же перерубил Бродиру обе ноги. Торжествующий крик викинга превратился в ужасный стон. Бродир рухнул в лужу крови. Какое-то время он бился в конвульсиях, а потом затих.

Конн остановился, огляделся. Остальные викинги убежали. Гаэлы начали потихоньку собираться возле королевской палатки. Звуки волынки, причитающей по героям, сливались с криками тех, кто все еще сражался у реки. Тело Мурроха принесли к палатке короля. Люди шли тяжело, устало, склонив головы. На носилках принесли тело принца и тела Турлофа, сына Мурроха, Дональда Стюарта Мара, О'Кели и О'Хайна; западных военачальников, принца Митла О'Фэлана, Дунланга О'Хартигана. Рядом с носилками, опустив голову на грудь, шла Ивин Грэгли.

Воины поставили носилки. Молча окружили они труп короля Бриана Бору. Безмолвно смотрели они на мертвеца. Ивин опустилась рядом с телом своего возлюбленного. Ни слезинки не уронила она. Ни крика, ни предсмертного стона не вырвалось из ее груди.

Шум битвы постепенно стихал. Заходящее солнце облило розовым светом истоптанное поле. Беглецы, истерзанные, избитые, ковыляли через дублинские ворота. Воины Ситрака готовились к осаде. Но у ирландцев не было сил осадить город. Четыре тысячи воинов погибли, и большей частью — гаэлы. Но больше семи тысяч датчан и лэйнетов лежали на пропитанной кровью земле. Гаэлы сокрушили викингов. Так закончилось их владычество в этих краях...

Конн же направился к реке. Многочисленные раны его болели. По дороге он столкнулся с Турлофом Дабом. Безумие покинуло Черного Турлофа, и его темное лицо снова стало непроницаемым. Он был измазан кровью с головы до пят.

— Мой господин, — обратился к нему Конн, дотронувшись до своего ошейника. — Я убил того, кто надел на меня ошейник раба. Теперь я свободен.

Черный Турлоф поднял топор, подцепил кольцо, распиливая мягкий металл. Лезвие топора немного поранило плечо Конна, но воин и не заметил этого.

— Теперь я в самом деле свободен, — объявил Конн, наконец расслабившись. — Мое сердце скорбит о погибших вождях, но слава нашей победе! Когда еще случиться подобной битве? Воистину теперь будет пир для воронов.

Его голос стих. Он стоял, как статуя, закинув голову, уставившись в небо. Солнце садилось, и на фоне кровавого

заката собирались темные тучи. Пронизывающий ветер согнал их вместе. И тут на их фоне проступила гигантская фигура. Седая борода и лохматые волосы струились по ветру, плащ развевался, как огромные крылья. Фигура неслась на север.

— Посмотрите вверх... в небо! — закричал Конн. — Это он! Ужасный одноглазый Седой. Я видел его в горах в Торке. Я заметил его на стенах Дублина, когда кипела битва. Он стоял над умирающим принцем Муррохом. Смотрите! Он мчится сквозь тучи, оседлав ветер. Он сейчас исчезнет!.. Пропал!..

— Это был Один, бог Морского Народа, — мрачно сказал Турлоф. — Его дети разбиты, алтари разрушены, служители погибли под мечами южан. Он убегает от новых богов и их детей, возвращается на берега голубых северных заливов, породивших его. Больше не будет беспомощных жертв, воющих под кинжалами священников. Больше Один не будет шествовать по черным тучам. — Турлоф мрачно покачал головой. — Седой бог ушел, и нам пора уходить, хоть мы и победили. Наступают дни сумерек. Странное у меня чувство, будто именно сейчас одна эпоха сменила другую. Но ведь все мы призраки на этой земле, всем нам предстоит уйти?

Турлоф ушел, растворившись в сумерках, предоставив Конна самому себе. Теперь Конн был свободен от рабства, точно так же, как и остальные гаэлы, которым больше не угрожали ни тень Седого бога, ни его безжалостные слуги.

ШЕСТВУЮЩИЙ ИЗ ВАЛЬХАЛЛЫ

Небо пылало — мрачное, отталкивающее, цвета потускневшей вороненой стали, исполосованное тускло-матовыми подтеками. И на фоне этого мутно-красноватого пятна крошечными казались невысокие холмы, бывшие настоящими пиками на этом плоскогорье — безотрадной равнине из наносов песка и зарослей мескита; равнине, расчерченной квадратами бесплодных полей, где фермеры-арендаторы надрывались, влача нищее существование. Всю свою жизнь проводили они в бесполезных трудах и горькой нужде.

Я доковылял до холма, который казался выше остальных. С двух сторон к нему подступали заросли сухого мескита. Расстилавшаяся передо мной панорама страшной бедности и мрачного запустения ничуть не улучшила моего настроения. Я тяжело опустился на полусгнившее бревно, и на меня накатила волна мучительной меланхолии, порожденной этой унылой, серой землей. Наполовину затянутое пеленой пыли и прозрачными облаками, красное солнце почти село. Оно застыло над краем западного горизонта, отделенное от него полоской не шире ладони. Но закат ничуть не изменил песчаные наносы и заросли. Мрачный вид солнца лишь подчеркивал страшную заброшенность этой страны.

Неожиданно я сообразил, что нахожусь на вершине не один. Из густых зарослей вышла женщина. Она остановилась, глядя прямо на меня. Я же в безмолвном удивлении воззрился на нее. Внешность ее была весьма необычной. Однако я понял, что она все-таки красива. Ни маленькая, ни высокая, стройная и с великолепной фигурой. Не помню, какое на ней было платье. У меня

сложилось смутное впечатление, что одежда ее выглядела богато, но скромно. Я лишь запомнил странную красоту ее лица, обрамленного темным волнистым ореолом волос. Ее глаза притягивали мой взгляд, как магнит. Но я не могу сказать вам, какого цвета они были. Они казались темными и светящимися, ничуть не похожими на глаза всех тех женщин, что я встречал в своей жизни. Она заговорила, и ее голос со странным акцентом показался мне чуждым и звонким, словно отдаленные переливы колоколов.

— Почему ты так нервничаешь, Хьяльмар?

— Вы меня с кем-то путаете, мисс, — ответил я. — Меня зовут Джеймс Эллисон. Вы кого-то ищите?

Она медленно покачала головой:

— Я пришла снова посмотреть на этот край. Не думала, что найду здесь тебя.

— Не понимаю вас, — удивился я. — Я никогда вас прежде не видел. Вы местная? Говор ваш не похож на техасский.

Она покачала головой:

— Нет. Но в давние времена я долго жила в этих местах.

— На вид вы не такая уж старая, — сказал я напрямик. — Извините, что не встаю. Как видите, у меня только одна нога, а подъем сюда оказался для меня столь долгим, что теперь мне пришлось присесть отдохнуть.

— Жизнь обошлась с тобой сурово, — тихо произнесла незнакомка. — Я еле узнала тебя. Тело твое сильно изменилось.

— Должно быть, вы видели меня до того, как я потерял ногу, — с горечью заметил я. — Хотя я готов поклясться, что не могу вас узнать. Мне было всего четырнадцать, когда на меня упал мустанг и раздробил мне ногу так, что пришлось ее ампутировать. Ей-Богу, иногда я жалею, что это случилось с ногой, а не с шеей.

Вот так калеки иногда говорят с совершенно незнакомыми людьми — не столько стремясь вызвать сочувствие, сколько пытаясь дать выход отчаянью невыносимо измученной души.

— Не волнуйся, — мягко сказала девушка. — Жизнь отнимает, она же и дарует...

— Только не надо читать мне проповеди про смирение и бодрость духа! — гневно воскликнул я. — Будь у меня силы, так и передушил бы всех этих проклятых крикливых оптимистов! С чего мне веселиться? Что мне делать, кроме как сидеть и ждать медленно надвигающейся смерти от неизлечимой болезни? У меня нет никаких радостных воспоминаний... Мне нечего ждать от будущего... за исключением еще нескольких лет боли и горя. А потом наступит чернота полного забытья. В моей жизни не было ничего хорошего, я провел ее в этом заброшенном, пустующем крае.

Плотину моей сдержанности прорвало, и все, накопившееся за долгие годы, разом выплеснулось. Мне даже не казалось странным, что я изливаю душу незнакомке, женщине, которую я никогда прежде не видел.

— У этого края есть свои воспоминания, — сказала девушка.

— Да. Но я-то к ним непричастен. Даже здешняя жизнь пришлась бы мне по душе, если б я прожил ее, веселясь на всю катушку, как ковбой. Но скваттеры превратили этот край из пастбища в скопище нищих ферм. Я не смог бы повеселиться, охотясь на бизонов, воюя с индейцами или исследуя этот край. Я родился не в тот век. Но мне недоступны подвиги даже этого усталого века.

Невозможно рассказать, как горько сидеть прикованным к креслу, беспомощным и чувствовать, как пересыхает в жилах горячая кровь, а в голове тускнеют сверкающие мечты. Я происхожу от расы людей беспокойных, непоседливых, боевых. Мой прадед погиб в Аламо, сражаясь плечом к плечу с Дэвидом Крокеттом. Мой дед скакал рядом с Джеком Хейсом и Большеногим Уоллесом. Он погиб вместе с тремя четвертями бригады Худа. Самый старший из моих братьев пал при Вайми-Риджи, сражаясь с канадцами, а другой погиб в Аргонне*. Отец мой — тоже калека. Он день-деньской дремлет в кресле, но его сны заполнены прекрасными воспоминаниями, так как пуля пробила ему ногу, когда он участвовал в атаке на холм Сан-Хуан.

---

* Местность (плоскогорье) во Франции, где во время Первой мировой войны происходили ожесточенные бои. *(Примеч. авт.)*

— Но мне-то что вспоминать, о чем мечтать или думать?

— Тебе следовало бы помнить, — тихо произнесла незнакомка. — Даже сейчас воспоминания возвращаются к тебе, словно эхо далекой лютни. Я помню! Помню, как ползла к тебе на коленях, и ты пощадил меня... Да, и помню гром и грохот, когда разверзлась земля... Неужели тебе никогда не снилось, как ты тонешь?

Я пораженно вздрогнул:

— Откуда ты знаешь? Не раз и не два мне казалось, что бурлящие и пенящиеся воды вздымаются надо мной, словно зеленая гора, и я просыпался, хватая воздух открытым ртом. Я задыхался... Но откуда ты-то об этом знаешь?

— Тела меняются, а душа остается прежней, — загадочно ответила она. — Даже мир меняется. Край этот, как ты говоришь, безотраден, однако прошлое у него подревнее и почудесней, чем у Египта.

Я, дивясь, покачал головой:

— Из нас двоих кто-то сумасшедший, либо вы, либо я. У Техаса есть славные воспоминания. Тут шла война... Но что такое несколько столетий истории по сравнению с египетскими древностями? Я имею в виду настоящую древность.

— В чем особенность этого штата? — спросила женщина.

— Не знаю, что именно вы имеете в виду, — ответил я. — Если вы подразумеваете геологическую особенность, то меня лично поразило то, что край этот представляет собой скопление обширных плоскогорий или террас, поднимающихся постепенно от уровня моря до высоты в четыре тысячи футов, словно ступени гигантской лестницы, разделенные грядами поросших лесом гор. Последняя такая гряда — Кэпрок, а за ней уже начинаются Великие Прерии.

— Некогда Великие Прерии тянулись до Залива*, — сказала она. — В давние-предавние времена то, что теперь является штатом Техас, было единым огромным плато, полого опускающимся к побережью, но без нынешних

* Имеется в виду Мексиканский залив.

горных хребтов и террас. Страшный катаклизм разломил этот край по линии Кэпрока, и на опустившуюся сушу с ревом хлынул океан. Затем, век за веком, воды постепенно отступали, оставляя земли такими, как ныне. Но, отступая, они унесли в глубины Залива много любопытных вещей... Да неужели же ты не помнишь! Огромные бескрайние прерии, протянувшиеся до утесов над сверкающим морем? А над этими утесами поднимался великий город!

Я недоуменно уставился на незнакомку. Неожиданно она нагнулась ко мне, и из-за ее близости и необычной красоты меня захлестнула волна странных чувств. Незнакомка сделала странный жест.

— Ты увидишь! — резко выкрикнула она. — Ты видишь... Что ты видишь?

— Вижу песчаные наносы и мрачные на закате заросли мескита, — ответил я, говоря медленно, словно человек, погружающийся в транс. — Вижу, как солнце садится на западном горизонте.

— Ты видишь огромные прерии, вытянувшиеся до сияющих утесов, — воскликнула она. — Ты видишь переливающиеся на закате шпили и золотой купол города?! Ты видишь...

И тут неожиданно наступила ночь. На меня накатила волна темноты и нереальности, в которой существовал только ее голос, настаивающий, повелевающий...

У меня возникло ощущение, что пространство и время тают. Мне показалось, я кружу над бездонными безднами и меня обдувает космический ветер. А потом я смотрел на клубящиеся облака, нереальные и светящиеся, из которых выкристаллизовывался странный ландшафт, знакомый — и в то же время фантастически незнакомый. Во все стороны тянулись прерии, сливаясь в жарком мареве с горизонтом. Вдали, на юге, вздымая шпили на фоне вечернего неба, застыл громадный черный циклопический город, а за ним сияли голубые воды спокойного моря. Неподалеку от меня по прерии двигалась цепочка фигур. Это были рослые люди с желтыми волосами и холодными голубыми глазами, облаченные в чешуйчатые кольчуги и рогатые шлемы, со щитами и мечами в руках.

Один из них отличался от остальных тем, что был невысоким, хотя и крепкого телосложения, и темноволосым. А шедший рядом с ним высокий желтоволосый воин... на какой-то миг у меня возникло отчетливое ощущение двойственности. Я, Джеймс Эллисон из двадцатого века, увидел и узнал того человека, который был мною в тот смутный век и в той странной стране. Ощущение это растаяло почти мгновенно, а я уже был Хьяльмаром, сыном Харфагра, не сознающим никакого иного существования, ни былого, ни грядущего.

Однако, рассказывая повесть о Хьяльмаре, я волей-неволей стану растолковывать вам кое-что из того, что он видел, делал и ощущал, словами современного человека. Но помните, что Хьяльмар был Хьяльмаром, а не Джеймсом Эллисоном. Он знал не больше и не меньше, чем вмещал его жизненный опыт, ограниченный сроком его жизни. Я — Джеймс Эллисон, и я был Хьяльмаром, но Хьяльмар-то не был Джеймсом Эллисоном. Человек может оглянуться в прошлое десятитысячелетней давности, но не может заглянуть в будущее ни на мгновение.

Нас было человек пятьсот, и мы не сводили глаз с черных башен, высившихся на фоне одинаково голубых моря и неба. Весь день, с тех пор как первые сполохи зари открыли их нашим удивленным взглядам, мы шли к этому городу. На этих ровных травянистых прериях видно было далеко. Впервые завидев город, мы решили, что он близко, но нам пришлось тащиться весь день, и нас по-прежнему отделяли от него много лиг. Мы решили было, что это призрачный город — один из тех фантомов, что являлись нам во время долгого перехода через пыльные пустыни на западе, где в пылающих небесах мы видели неподвижные озера, окруженные пальмами, извилистые реки и просторные города, неизменно исчезавшие, когда мы приближались. Но это был не мираж, порожденный солнцем, пылью и безмолвием. В ясном вечернем небе мы отчетливо видели гигантские детали массивной зубчатой башни, мрачного контрфорса и титанической стены.

В каком же смутном веке я, Хьяльмар, шагал через эти прерии к безымянному городу со своими соплеменниками? Не могу сказать. Это было давно. В Нордхейме тогда жили желтоволосые люди. Звались они не арийцами, а рыжеволосыми ванирами и златовласыми асирами. Это происходило до великого переселения, когда мой народ разбросало по всему миру. И все же переселения поменьше уже начались. Мы не один год находились в пути, далеко уйдя от своей северной отчизны. Теперь нас разделяли земли и моря. О, этот долгий-предолгий путь! С ним не могло сравниться никакое переселение народов, даже тех из них, что стали эпическими. Мы совершили почти что кругосветное путешествие — от заснеженного Севера до холмистых равнин Юга. Мы побывали в горных долинах, которые возделывали мирные люди с коричневым цветом кожи. Довелось нам побывать и в жарких, душных джунглях, воняющих гнилью и кишащих живностью, и в восточных землях, где под колышущимися пальмами пламенели первобытные цветы, где в городах из тесаного камня жили древние народы. И мы вернулись в земли, засыпанные снегом, переправились через замерзший пролив, а потом шли по ледяной пустыне. Коренастые поедатели ворвани с воплями бежали от наших мечей. Мы шли на юго-восток через гигантские горы и огромный лес — пустынный, как Рай после изгнания человека. Преодолели мы и раскаленные песчаные пустыни, и бескрайние прерии, и за безмолвным черным городом мы снова увидели море.

В этом путешествии многие состарились. Я, Хьяльмар, возмужал в этом путешествии. Когда я впервые отправился в долгий путь, я был еще юнцом, а теперь стал юношей, отважным воином, с сильными руками и ногами, могучими широкими плечами, жилистой шеей и железным сердцем.

Мы все были могучими людьми — гигантами, непостижимыми для современного человека. Ныне на земле нет никого столь же сильного, как самый слабый из нашего отряда. Мы были столь сильны, свирепы и отважны, что по сравнению с нами современные атлеты выглядели бы тяжеловесными, неуклюжими и медлительными. Мощь наша была не только физической. Порожденные волчьей

расой, проведя годы в скитаниях и сражениях с людьми, зверьми и стихиями, мы впитали в души сам дух дикой жизни — ту неосязаемую силу, что слышится в протяжном вое серого волка; силу, что ревет в северном ветре, что спит в могучем бурлении горных рек; силу, что звучит в стуке града, слышится в ударах крыльев орла и таится в мрачном безмолвии бескрайних просторов диких земель.

Скажу вам, это было странное путешествие. Наш поход был не переселением целого племени — мужчин, желтоволосых женщин и голых детей. В нашем отряде подобрались сплошь мужчины — искатели приключений, которым даже обычаи их бродячего воинственного народа представились чересчур мягкими. Мы ступили на путь в одиночку, покоряя народы, исследуя мир и скитаясь, побуждаемые только безумным стремлением увидеть, что же лежит за горизонтом.

Нас отправилось в поход больше тысячи. А теперь нас осталось лишь пятьсот. Кости остальных блестели, отмечая наш путь вокруг мира. Много вождей возглавляло нас, и все они погибли в боях. Теперь же нашим вождем был Асгрим, состарившийся в бесконечных скитаниях, — суровый, свирепый воин, поджарый, словно волк, и одноглазый, вечно грызущий свою седую бороду.

Мы происходили из разных родов, но все принадлежали к народу златовласых асиров, за исключением воина, шагавшего рядом со мной. Это был Келка, мой брат по крови — пикт. Он примкнул к нам в поросших джунглями холмах далекой страны, отмечавших восточную границу земель, заселенных его народом. Там в жаркую, усыпанную звездами ночь стучали барабаны его племени. Он был воином невысокого роста, с мощными руками и ногами, опасным, как кошка джунглей. Мы, асиры, считались варварами, но Келка по сравнению с нами был настоящим дикарем. Он провел большую часть жизни в опасных, темных джунглях. В его крадущейся походке было что-то от поступи тигра, а в его руках с черными ногтями — от лап гориллы. В глазах Келки горел огонь взбешенного леопарда.

Мы были жестокой ордой. За спиной у нас осталось много стран, где пролились реки крови и где тлели угли

зажженных нами пожаров. Я не в силах рассказать вам, какие бойни и грабежи мы устраивали. Услышав такое, вы в ужасе отшатнетесь. Вы из более мягкого, умеренного века, и вам не понять те жестокие времена, когда одна волчья стая рвала другую, а нравы и нормы жизни отличались от принятых в этом веке, как мысли серого волка-убийцы отличаются от мыслей дремлющей перед камином толстой комнатной собачонки.

Это длинное объяснение я привел, чтобы вы могли понять, что за люди шли через равнину к городу, и, понимая это, правильно истолковать то, что случится позже. А без такого понимания сага о Хьяльмаре — всего лишь история грабежей и убийств.

Тогда же, глядя на великий город, лежащий перед нами, мы испытывали трепет. В других землях за морем мы опустошили не один город. Многочисленные столкновения научили нас избегать, когда можно, сражений с превосходящими силами противника, но страха мы не испытывали. Мы были одинаково готовы и к войне, и к дружескому пиру, как уж выберут жители города.

Горожане нас заметили. Мы находились достаточно близко, чтобы разглядеть сады, поля и виноградники перед стенами, увидеть спешащие к городу фигурки крестьян. Мы увидели, как засверкали копья на зубчатой стене, и услышали громкий рокот боевых барабанов.

— Быть войне, брат, — гортанно произнес Келка и спокойно надел на левую руку круглый щит. Мы подтянули пояса и взялись за оружие — не медное и бронзовое, какое выделывали наши современники в далеком Нордхейме, а из острой стали, сработанное в стране пальм и слонов покоренными нами хитрыми людишками, чьи вооруженные сталью воины не сумели устоять против нас.

Мы выстроились на равнине неподалеку от высоких черных стен, которые казались построенными из гигантских базальтовых блоков. Из наших рядов вышел вперед Асгрим. Он был без оружия. Наш вождь протянул руки ладонями в сторону города в знак мира. Но в землю рядом с ним вонзилась стрела, прилетевшая со стороны башен, и он отступил, присоединившись к нам.

— Война, брат! — прошипел Келка, в его черных глазах замерцали красные огоньки. В тот же миг огромные ворота распахнулись, и из города выступили шеренги воинов с колышущимися в блеске копий султанами перьев. Заходящее солнце полыхало на их начищенных до блеска медных шлемах.

Воины были высокими и поджарыми, с темной кожей, хотя и коричневой, а не черной, и хищными, ястребиными чертами. Их амуниция была из меди и кожи, а круглые щиты покрывала блестящая шагрень. Копья, тонкие мечи и длинные кинжалы у них были бронзовыми. Они наступали, выстраиваясь в идеальном порядке, — полторы тысячи мечей — неукротимый поток колышущихся султанов и сверкающих камней. На зубчатых стенах города появились зрители.

Никаких мирных переговоров.

Когда они подошли поближе, старый Асгрим подал голос, словно волк, вышедший на охоту, и мы ринулись навстречу атакующим. Мы не строились ни в какой порядок. Мы бежали к ним, словно волки, и, приблизившись, увидели презрение, написанное на их ястребиных лицах. Они не стреляли из луков, и из наших рядов не вылетело ни одной стрелы, ни одного копья. Единственным нашим желанием было сойтись в рукопашной. Когда же мы оказались на расстоянии броска дротика, они обрушили на нас град копий, которые по большей части отскочили от наших щитов и кольчуг, а потом с глухим гортанным ревом наши воины врезались в ряды врага.

Кто сказал, что дисциплина выродившейся цивилизации способна потягаться со свирепостью варваров? Наши противники старались биться, как один, а мы сражались каждый за себя, бросаясь очертя голову прямо на их копья, рубя как бешеные. Весь их первый ряд рухнул под ударами наших мечей, а задние ряды отступили и заколебались, когда ощутили наш грубый напор. Если б они устояли, то могли бы зажать нас с флангов, окружить своими превосходящими силами и перебить. Но они не выдержали. В буре молотящих мечей мы прошли сквозь их строй, ломая их ряды, ступая по телам убитых, и неудержимо помчались дальше. Их строй распался. Битва

превратилась в бойню. По части силы и свирепости они оказались нам не чета.

Мы косили их, как пшеницу, пожинали, как созревшую рожь! Когда я вновь воскрешаю в памяти ту битву, Джеймс Эллисон во мне уступает место бешеному Хьяльмару, объятому безумием, без конца выкрикивающему боевой клич. Я снова пьянею от звона мечей, плеска горячей крови и рева битвы.

Наши враги побежали, побросав копья. Мы помчались за ними по пятам и гнали их до самых ворот, через которые не так давно вышло это воинство. Ворота захлопнулись у нас перед носом — и перед носом толпы несчастных, искавших спасения от наших мечей. Горожане закрыли путь к спасению своим же воинам, и те царапали и колотили в неподатливые порталы. Но мы перебили всех, кто не успел спастись. После мы, в свою очередь, стали колотить в ворота, пока град камней и бревен со стен не вышиб мозги трем нашим воинам. Тогда мы отступили на безопасное расстояние. Мы слышали, как воют на улицах женщины, а выстроившиеся на стенах мужчины стреляли по нам из луков, не выказывая особой меткости.

От места, где столкнулись войска, до ворот равнину усеяли тела убитых, и там, где погиб кто-то из наших, лежало с полдюжины воинов с султанами на шлемах.

Солнце зашло. Мы разбили небольшой лагерь перед воротами и всю ночь слышали доносившиеся из-за стен завывания и стенания. Там плакали по тем, чьи неподвижные тела мы ограбили и свалили в кучу неподалеку от поля битвы. На рассвете мы взяли тела тридцати павших в бою асиров и, оставив лучников наблюдать за городом, отнесли мертвых к утесам, отвесно возвышавшимся в полутора тысячах футов над белым песчаным берегом. Мы нашли ведущие вниз пологие ущелья и отнесли мертвых к кромке воды.

Там из вытащенных на песок рыбачьих лодок мы соорудили большой плот и уложили на него большую кучу плавуна. На нее мы положили мертвых воинов, облаченных в кольчуги, и их оружие. Мы перерезали глотки дюжине пленных и вымазали их кровью мечи мертвецов и борта плота, а затем подожгли его и оттолкнули от берега. Он уплыл далеко по зеркальной поверхности го-

лубой воды, пока не превратился в красный огонек и не растаял в занимающейся заре.

После этого мы поднялись обратно по ущелью и расположились перед городом, распевая боевые песни. Мы снова взялись за луки, и с башен один за другим посыпались воины, пронзенные нашими длинными стрелами. Из деревьев, растущих в садах за городом, мы соорудили штурмовые лестницы и приставили их к стенам, а потом ринулись по ним вверх, навстречу стрелам, копьям и факелам. На нас лили расплавленный свинец. Четырех воинов сожгли словно муравьев. Тогда мы снова стали пускать стрелы, пока между зубцами стены не осталось ни одной головы с султаном перьев.

Под прикрытием наших лучников мы опять приставили лестницы. Когда мы собрались снова рвануться вверх, на одной из башен появилась фигура, при виде которой мы остановились как вкопанные.

Эта была женщина, такая, какой мы уже давно не видели. Ветер развевал ее золотистые волосы. Ее молочно-белая кожа сверкала на солнце. Она окликнула нас на нашем родном языке, запинаясь, словно много лет не говорила на нем:

— Подождите! У моих хозяев есть что сказать вам.

— Хозяев? — Асгрим произнес это слово так, словно выплюнул его. — Это кого же дочь асиров называет хозяевами? Никто не может повелевать ею, кроме мужчин ее собственного племени!

Девушка, казалось, не поняла слов нашего предводителя, но ответила:

— Это — город Хему, и хозяева Хему — владыки этой страны. Они велели мне сказать вам, что не могут выстоять перед вами в бою. Однако вам будет мало прока, если вы влезете на стены, потому что они собственными руками перебьют своих женщин и детей, подожгут дворцы, так что вам достанется лишь груда окровавленных камней. Но если вы пощадите город, вам пришлют в подарок золото и драгоценные камни, вино, редкие яства и прекраснейших девушек.

Асгрим дернул себя за бороду. Ему очень не хотелось отказываться от грабежа и резни. Но воины помоложе заревели, как быки:

— Пощади город, старый медведь! А то они всех баб перебьют... А мы много лун бродили там, где женщинами и не пахнет...

— Глупые юнцы! — воскликнул Асгрим. — Женские поцелуи и любовные стоны быстро приедаются, а вот меч при каждом ударе заводит новую песню. Что вы предпочтете: приманку в виде женщин или безумие побоища?

— Женщин! — проревели молодые воины, бряцая мечами. — Пускай пришлют девок, и мы пощадим их проклятый город.

С усмешкой, выражавшей горькое презрение, старый Асгрим повернулся к воротам города и крикнул златовласой девушке на башне:

— Моя б воля, я б стер в пыль ваши стены и шпили, окропил бы пыль кровью твоих хозяев. Но мои молодые воины — дурни! Присылайте яства и женщин... и пришлите в заложники сыновей вождей!

— Будет сделано, мой господин, — ответила девушка.

Тогда мы убрали штурмовые лестницы и вернулись в свой лагерь.

Вскоре ворота распахнулись, и из города вышла процессия нагих рабов, нагруженных золотыми сосудами с яствами и винами, о существовании которых мы и знать не знали. Рабами командовал человек с ястребиным лицом в мантии из перьев яркого цвета. В руках он держал жезл из слоновой кости, а на голове носил медный обруч в виде свернувшегося в кольцо змея. Судя по осанке, этот человек был жрецом. Он, показывая на себя, назвал имя: Шаккару. Вместе с ним явилось с полдюжины юнцов, одетых в шелковые штаны с усыпанными самоцветами поясами. Молодые люди дрожали от страха. Желтоволосая девушка, по-прежнему стоявшая на башне, крикнула нам, что это — сыновья князей, и Асгрим заставил их опробовать вино и яства, прежде чем отдать нам.

Асгриму же рабы поднесли янтарные кувшины, наполненные золотым порошком, плащ из пламенно-алого шелка, шагреневый пояс с усыпанной самоцветами золотой пряжкой и начищенный до блеска медный головной убор, украшенный большим султаном перьев.

Наш вождь покачал головой и пробурчал:

— Броские побрякушки и яркие украшения — все это суетный прах, и с годами они поблекнут, но острота ощущений во время побоища не притупится, а запах свежепролитой крови полезен ноздрям старика.

Но он все-таки облачился в эту блестящую сбрую, и тогда вперед выступили девушки... стройные, молодые создания, гибкие и темноглазые, одетые в переливающиеся шелка... Асгрим выбрал самую красивую, хотя и оставался угрюмым. В тот миг он выглядел как человек, срывающий горький плод.

Прошло немало лун с тех пор, как мы видели женщин, если не считать смуглых, прокопченных созданий из племени пожирателей ворвани. Наши воины со свирепой жадностью расхватали перепуганных девушек... но моя душа пала при виде златовласой красавицы на башне. В голове у меня не осталось места ни для каких иных мыслей. Асгрим поручил мне охранять заложников и перерезать их без всякой жалости, если вино и яства окажутся отравленными, или какая-нибудь женщина заколет воина припрятанным кинжалом, или горожане неожиданно и вероломно нападут на нас.

Тем временем горожане вышли собрать тела убитых Соблюдая множество странных ритуалов они сожгли своих мертвых на мысу, далеко выдающемся в море.

Затем из города к нам вышла еще одна процессия, подлиннее и поважнее первой. Вожди города явились безоружными, сменив броню на шелковые туники и плащи. Впереди, подняв кверху свой жезл из слоновой кости, шагал Шаккару, а две шеренги молодых рабов, одетых лишь в короткие мантии из перьев попугаев, вынесли покрытые балдахином носилки из красного дерева, инкрустированные драгоценными камнями.

Под балдахином сидел худощавый мужчина. На его узкой голове была странная корона. А рядом с носилками шла та белокожая девушка, которая говорила с башни. Процессия подошла к нам, и рабы, по-прежнему держа носилки, опустились на колени, в то время как знать расступилась в стороны и тоже преклонила колени. Стоять остались только Шаккару и девушка.

Старый Асгрим повернулся к ним, суровый, свирепый, настороженный. Колыхавшиеся у него над головой черные

перья султана отбрасывали тень на его изрезанное глубокими морщинами лицо. И я подумал, насколько же больше он походил на короля, стоя с мечом в руке среди своих воинов-великанов, чем человек, который сидел развалясь на носилках.

А потом я уставился на девушку, с которой впервые столкнулся лицом к лицу. На ней была лишь короткая туника из голубого шелка, без рукавов, с низким вырезом спереди. Подол туники едва доходил ей до коленей. На ногах ее были мягкие сандалии из зеленой кожи. Глаза девушки оказались большими и прозрачными, а волосы золотом блестели на солнце. В ее стройной фигуре проглядывала такая мягкость, какой я никогда не видел ни в одной асирке. Наши женщины с их льняными волосами обладали своего рода свирепой красотой, но эта девушка была и так прекрасна. Она выросла не в пустынной стране, как женщины нашего племени; не там, где жизнь — постоянная борьба за существование, как для мужчин, так и для женщин.

Но я сбился с мысли...

Так вот, я стоял, ослепленный сиянием ее золотых волос, пока она переводила слова короля и рыкающие гортанные ответы Асгрима.

— Мой господин говорит тебе: «Внемли, я — Акхеба, жрец Иштар, царь Хему. Да будет дружба между нами. Мы нуждаемся друг в друге, ибо вы, как сказало мне колдовство, люди, слепо скитающиеся по голой стране, а городу Хему нужны острые мечи и могучие руки. С моря надвигается на нас враг, которому мы в одиночку противостоять не сможем. Поживите в нашей стране, одолжите нам свои мечи, возьмите наши подарки и отдыхайте в свое удовольствие. Женитесь на наших девушках. Наши рабы будут трудиться на вас. Каждый день вы будете садиться за стол, ломящийся под тяжестью мяса, рыбы, белого хлеба, фруктов и вина. Носить вы будете прекрасные одеяния, жить в мраморных дворцах с шелковыми ложами и журчащими фонтанами».

Теперь-то Асгрим понимал, о чем речь, ибо мы однажды уже встречали подобный прием в одном городе среди пальм. Глаза асира засверкали при мысли о врагах и предстоящих битвах.

— Мы останемся, — ответил он. И остальные асиры взревели, выражая согласие. — Мы поживем тут и вырежем сердца ваших врагов. Но лагерь свой мы устроим за стенами города, и заложники будут находиться при нас днем и ночью.

— Хорошо, — согласился Акхеба, степенно склонив голову, а знать Хему встала на колени перед Асгримом и осыпала поцелуями его сандалии. Но он обругал заискивающих богачей и попятился в гневном смущении, в то время как его воины захохотали в глупом веселье. Потом Акхеба вернулся в город, покачиваясь в носилках на плечах рабов, а мы приготовились к долгому отдыху. Но я не мог отвести взгляда от златовласой переводчицы, пока за ней не закрылись ворота города.

Так мы и зажили за стенами города. День за днем горожане приносили нам еду и вино и присылали все новых и новых девушек. Выходили и рабы. Они трудились в садах, полях и виноградниках, не опасаясь нас. В море плавали рыбачьи лодки — узкие суда с резными носами и полосатыми шелковыми парусами. В один прекрасный день мы приняли приглашение короля и через раскрытые железные ворота вошли в город плотной толпой, поместив в центре строя заложников с приставленными к их шеям обнаженными мечами.

Клянусь Имиром, Хему выглядел величественной постройкой! Наверняка нынешние хозяева города происходили из чресел богов, ибо кто ж еще мог возвести такие могучие, черные базальтовые стены в восемьдесят футов высотой и сорок в основании? Или воздвигнуть огромный золотой купол, поднимающийся на пятьсот футов над вымощенными мраморными улицами?

Миновав широкую улицу с колоннами по обеим сторонам, мы, сжимая в руках мечи, вышли на широкую рыночную площадь. Из дверей и окон на нас глазело множество людей, испуганных и завороженных. Рыночный гомон неожиданно стих, когда мы свернули на площадь, и народ подался прочь из лавок, чтобы уступить нам место. Мы держались настороженно, как тигры. Хватило бы самого малого неприятного происшествия, чтобы мы взорвались в неистовой вспышке побоища. Но жители Хему все понимали и не злили нас.

Вышли жрецы. Они склонились перед нами, а потом отвели нас в огромный дворец короля — колоссальное здание из черного камня и мрамора. Рядом с дворцом был широкий и открытый двор, вымощенный мраморными плитами. Из этого двора мраморная лестница (достаточно широкая, чтобы по ней могло подниматься, встав в ряд, человек десять) вела на возвышение, куда иной раз выходил король произнести речь перед огромной толпой собравшегося народа. За этим двором вытянулось одно дворцовое крыло. К его порталу вела широкая лестница. Эта часть здания выглядела более древней, чем остальной дворец. Стены ее покрывала странная резьба, а каменная крыша была крутой и высокой, поднимавшейся над всеми другими шпилями города, кроме золотого купола. Что находилось в этом крыле дворца, — так и не узнал ни один из асиров. Горожане поговаривали, что там располагался гарем Акхебы.

По другую сторону двора стояли таинственные каменные портики, там на широкой, вымощенной мрамором улице жили младшие жрецы. За этими домами высился золотой купол, венчавший храм Иштар. Сапфировые шпили и сверкающие башни поднимались со всех сторон, но купол был выше и сиял точно так же, как ореол Иштар. Это объяснил нам Шаккару. Проведя среди нас несколько дней, молодые вельможи порядком обучились нашему грубому, простому языку, и теперь жрецы Хему разговаривали с нами, объясняясь через них и при помощи знаков.

Служители Иштар отвели нас к высоким порталам храма. Заглянув сквозь ряды высоких мраморных колонн в таинственный, неяркий сумрак внутренних помещений, мы не решились войти, опасаясь засады. Все это время я нетерпеливо искал взглядом златокудрую девушку, но ее нигде не было. Горожане больше не нуждались в ней как в переводчице, и она исчезла, растворившись в этом таинственном городе.

После первой экскурсии мы возвратились в свой лагерь, но стали заходить в город снова и снова, сначала группами, а потом, когда наши подозрения поутихли, поодиночке. Однако мы не ночевали в городе, хотя Акхеба и предлагал нам разбить палатки на большой рыночной площади, если уж нам не нравятся предложенные им мра-

морные дворцы. Никто из нас никогда не жил в каменном доме или за высокими стенами. Наш народ обитал в шатрах из дубленых шкур или в хижинах-мазанках, а за долгие годы пути мы привыкли спать, как волки, на голой земле. Но днем мы бродили по городу, дивясь на его чудеса, забирали с лотков, к отчаянью купцов, все, чего ни пожелаем, и осторожно заходя во дворцы. Там нас развлекали испуганные женщины, которых мы просто завораживали. Жители Хему оказались на диво способными. Вскоре они говорили на нашем языке не хуже нас, в то время как их язык с трудом давался нашим варварским глоткам.

Но все это пришло со временем. На следующий же день после первого посещения города многие из нас снова вошли в город. Шаккару проводил нас ко дворцу старших жрецов, примыкавшему к храму Иштар. Когда мы вошли, я увидел златокудрую девушку, начищавшую шелковой тряпкой толстого медного идола. Асгрим опустил свою тяжелую руку на плечо одного из молодых вельмож.

— Передай жрецу, что эта девушка будет моей, — проворчал он. Но прежде чем жрец успел ответить, во мне вспыхнула бешеная ярость, и я шагнул к Асгриму, как тигр подходит к своему сопернику.

— Если кто и возьмет эту девушку, то им будет Хьяльмар, — прорычал я. Асгрим развернулся с кошачьей стремительностью, заслышав в моем голосе мурлыкающие нотки убийцы из джунглей. Мы напряженно стояли лицом друг к другу, положив руки на эфесы мечей. Келка по-волчьи оскалился и начал потихоньку подкрадываться к Асгриму со спины, украдкой доставая свой длинный нож, но тут Акхеба обратился к нам через одного из заложников:

— Нет, господа мои. Алуна не для вас и вообще ни для кого. Она — служанка богини Иштар. Просите любую другую женщину в городе, и она будет ваша, будь она даже моей фавориткой. Но эта женщина — священна.

Асгрим крякнул и не стал настаивать. Девушка, дышавшая фимиамами таинственного храма, произвела впечатление даже на его свирепую душу, и хотя мы, асиры, не слишком почитали богов других народов, однако тогда

мы не испытывали ни малейшего желания брать девушку, посвятившую свою жизнь таинственному божеству. Однако мои суеверия оказались слабее желания обладать Алуной. Я снова и снова приходил ко дворцу жрецов, и, хотя тем не слишком нравились мои визиты, они не сочли нужным (или не посмели) запретить мне приходить. Постепенно я начал ухаживать за Алуной.

Рассказать вам о моем умении ухаживать за девушками? Любую другую женщину я бы просто уволок за волосы в свою палатку, но даже без запретов жрецов в моем отношении к Алуне было что-то, связывавшее мне руки. Тут я не мог допустить никакого насилия. Я ухаживал за ней, как мы, асиры, ухаживаем за своими свирепыми и гибкими красавицами. Я хвалился своей мощью и рассказывал байки о побоищах и грабежах. Без преувеличения можно сказать, что мои повести о битвах и убийствах привлекли бы самых свирепых красавиц Нордхейма. Но Алуна была мягкой и скромной. Она выросла в храме и дворце, а не в глинобитной хижине в ледяной пустыне! Моя свирепая похвальба пугала ее. Она не понимала меня. И, по странной прихоти природы, ее непонимание и делало ее еще более очаровательной в моих глазах. Равно как и моя дикость, пугающая ее, заставляла ее смотреть на меня с большим интересом, чем на мягкотелых мужчин Хему.

Разговаривая с Алуной, я узнал, как она попала в Хему. Ее сага оказалась столь же странной, как и повесть об Асгриме и нашем отряде. Алуна мало что могла рассказать о тех краях, где жила в детстве. Она не имела не малейшего понятия о географии, но говорила, что родилась где-то далеко на Востоке. Она помнила унылое побережье и беспорядочно разбросанные мазанки. Вокруг нее тогда были желтоволосые люди, как и она сама. Думаю, происходила она из ветви асиров, живущих на западной границе страны, заселенной в те века народом Хьяльмара. Алуне было лет девять-десять, когда ее захватили во время набега темнокожие люди на галерах. Девушка не знала, кто они такие. Да и мое знание древних племен ничего не могло мне подсказать, ибо в те времена финикийцы еще не выходили в море, да и египтяне тоже. Могу лишь предположить, что это были люди какого-то древнего племени былых веков, как и жители Хему.

Они захватили Алуну в плен, но буря унесла их на юго-запад. Много дней блуждали они по морю, пока их галера не налетела на рифы страшного острова, где жили странные, раскрашенные люди. Островитяне перебили уцелевших, отправив их мясо в свои котлы. Желтоволосую девочку они по какой-то прихоти пощадили. Посадив ее в большое каноэ, разрисованное скалящимися черепами, они отправились в путь и плыли, пока не завидели на высоких утесах шпили Хему.

Там Алуну продали жрецам Хему. Так она и стала служительницей богини Иштар. Я полагал, что ее должность священна и почетна, но обнаружил, что дело вовсе не в этом. В душе моей зашевелился червячок сомнений, когда я понял, с каким презрением относились горожане к людям других, более молодых рас.

Ее положение в храме не было ни почетным, ни достойным; хотя и звалась она служанкой богини, она не имела никаких привилегий, за исключением того, что прикасаться к ней не дозволялось никому из жрецов. Фактически она была не более чем рабыня, на которую холодные и похожие на ястребов жрецы изливали свою жестокость. Для них она не выглядела красавицей. Светлая кожа и переливающиеся золотые волосы казались горожанам всего лишь признаками неполноценности. Даже мне, не склонному напрягать свой разум, приходила в голову смутная мысль, что если блондинка выглядела достойной презрения, то какое же вероломство могло таиться за почетом, оказываемым ей мужчинами этого города.

От Алуны я узнал мало о городе Хему. Много больше рассказали мне жрицы и молодые вельможи. Горожане были очень древним народом и считали, что происходят от полумифических лемурийцев. Некогда их города опоясывали весь залив, на берегу которого стоял Хему. Но некоторые города поглотило море, иные пали под натиском разрисованных дикарей с островов, а другие оказались разрушены в ходе гражданских войн, так что теперь уже почти тысячу лет тут был только Хему. Торговые отношения горожане поддерживали лишь со своевольными, размалеванными жителями островов, которые до самого недавнего времени (около года) регулярно приплывали

на своих длинных каноэ с высокими носами торговать серой амброй, кокосами, китовым усом и добытыми среди островов кораллами. Взамен горожане снабжали их красным деревом, леопардовыми шкурами, золотом, слоновыми бивнями и медной рудой, которые привозили с какого-то неизвестного материка, расположенного далеко на юге.

Жители Хему — угасающая раса. Хотя их еще было несколько тысяч, многие считались рабами, потомками тысяч поколений рабов. Их народ представлял собой лишь тень былого величия. Еще несколько веков — и вымерли бы последние из них. Но на островах, лежащих к югу, зародилась опасность, готовая одним махом покончить с существованием Хему.

Раскрашенные воины перестали приплывать для мирной торговли. Теперь они появлялись лишь на боевых каноэ, стуча копьями по обтянутым шкурами щитам и распевая варварские боевые песни. Среди них объявился вождь, объединивший враждующие племена и бросивший их в поход против Хему. Он отправился в поход не против бывших хозяев этих земель, ибо прежняя империя, частью которой был город Хему, рухнула еще до переселения дикарей на острова с далекого континента — колыбели их расы. И вождь дикарей не походил на своих подданных. Он был гигантом с белой кожей (вроде нас, асиров), с безумными голубыми глазами и алыми, как кровь, волосами.

Жители Хему видели его. Ночью его боевые каноэ, переполненные раскрашенными копейщиками, прокрались вдоль берега, а на рассвете дикари хлынули вверх по ущельям меж утесов, убивая рыбаков, спавших в хижинах на берегу, рубя земледельцев, как раз собиравшихся на поля. Дикари пытались штурмовать город. Однако в тот раз могучие стены устояли, и нападающие, отчаявшись взять город, отступили. Но рыжий король, появившись перед воротами, размахивая отрубленной женской головой, которую держал за волосы, что есть мочи клялся вернуться с таким флотом каноэ, от которого почернеет море, и стереть в пыль башни Хему. Вот он-то и его убийцы и были теми самыми врагами, для борьбы с которыми нас наняли, и мы со свирепым нетерпением ждали

их прибытия, все больше и больше привыкая к благам цивилизации, так как варвары могут за короткий срок приспособиться к цивилизованным обычаям. Мы по-прежнему жили в лагере на равнине и держали мечи под рукой, но больше из врожденной осторожности, чем из опасения. Даже Асгрим, как казалось, не чувствовал больше опасности, особенно после того, как Келка, обезумев от вина, убил на рыночной площади трех горожан, и за этим кровавым деянием не последовало никакой мести и никто не запросил виры.

Преодолев свою подозрительность, мы позволили жрецам провести нас в душное, темное здание храма Иштар. Мы даже побывали во внутреннем святилище, где во мраке, пропитанном запахом фимиама, тускло горели жертвенные огни. Там на большом черном с красными прожилками алтаре, у подножия мраморной лестницы, принесли в жертву вопящую рабыню. Эта лестница, уходившая куда-то наверх, в темноту, пропадая из вида, как сказали нам, вела в обитель Иштар. Дух жертвы поднимался по ней, чтобы служить богине. Я счел это правдой, так как после того, как тело на алтаре перестало двигаться и ритуальные песнопения стихли до леденящего кровь шепота, я услышал где-то высоко, на верхней площадке лестницы, звуки, похожие на плач, и решил, что нагая душа жертвы, рыдая от ужаса, предстала перед богиней.

Позже я спросил Алуну, видела ли она когда-нибудь богиню. Девушка затряслась от страха, сказав, что на Иштар могут смотреть лишь духи мертвых. Она, Алуна, никогда не ступала на мраморную лестницу, что ведет к обители богини. Алуну звали служанкой Иштар, но ее обязанности заключались в исполнении приказов жрецов с ястребиными ликами и их голых женщин со злыми глазами, которые словно тени скользили в пурпурном полумраке меж колонн.

Однако среди воинов-асиров росло недовольство. Они устали от праздной жизни, роскоши и даже от темнокожих женщин. Ведь в душе асира постоянной остается только жажда кровавой битвы и дальних странствий. Асгрим ежедневно беседовал с Шаккару и Акхебой о древних временах. Я был очарован Алуной, а Келка каждый день

напивался в винных лавках. Он пил, пока без чувств не падал прямо на улице. Но остальные воины шумно выражали свое недовольство той жизнью, которую вели, и спрашивали у Акхебы, как же насчет врага, которого им обещали предоставить.

— Потерпите, — отвечал Акхеба. — Враги приплывут, а с ними явится и их рыжий король.

Над переливающимися шпилями Хему занялся рассвет. К тому времени, о котором речь пойдет дальше, воины начали проводить в городе не только дни, но и ночи. Предыдущей ночью я как раз напился с Келкой и валялся с ним на улице, пока утренний бриз не выветрил из моей головы винные пары. С утра пораньше отправившись на поиски Алуны, я прошелся по мраморной мостовой и зашел во дворец Шаккару, примыкавший к храму Иштар. Миновав обширные внешние покои, где все еще спали жрецы и их женщины, я вдруг услышал доносящиеся из-за закрытых дверей звуки ударов плети по обнаженному телу. К ним примешивался жалобный плач и мольбы о пощаде. И голос молящей был мне знаком.

Дверь из проложенного серебром красного дерева оказалась закрытой на засов, но я вышиб ее, словно она была из картона. Алуна стояла на четвереньках. Туника ее была задрана. Жрец с холодным, ядовитым презрением бичевал ее плетью из мелких ремешков, которая оставляла на коже ягодиц девушки алые рубцы. Когда я ворвался в комнату, жрец обернулся. Лицо его стало пепельным. Прежде чем он успел пошевелиться, я сжал кулаки и одним ударом расколол ему череп, как яйцо, заодно и сломав ему шею.

Мой взор заволокло красной пеленой. Наверное, дело было не столько в боли, которую тот жрец причинял Алуне (потому что боль в варварской жизни тех времен — дело обычное), сколько в осознании того, что жрец обладал ею... и, скорее всего, не он один.

Настоящего мужчину можно распознать по тем чувствам, которые он испытывает к женщине одной с ним крови. Это — единственный тест расового сознания. Можно

взять себе в жены иноземку, сесть с иноземцем за один стол и не испытывать ни малейшего неудобства. Только при виде иноземца, овладевшего или собирающегося овладеть женщиной одной с вами крови, вы осознаете расовые и национальные различия. Так и я, державший в своих объятиях женщин многих рас и ставший кровным братом дикарю-пикту, затрясся в безумной ярости при виде чужака, поднявшего руку на асирку.

Я считаю, осознание, что она в рабстве у иного народа, и порожденный этим гнев и послужили первопричинами моих чувств. Корни любви лежат в ненависти и ярости. А непривычная мягкость и нежность этой женщины выкристаллизовала мое первое смутное ощущение.

Теперь же я стоял, хмуро глядя на Алуну, а она рыдала у моих ног. Я не помог ей встать, не вытер ее слез, как сделал бы цивилизованный человек. Приди мне в голову такая мысль, я немедленно отверг бы ее как недостойную мужчины.

Стоя там, я вдруг услышал, как меня громко зовут по имени, и в покои вбежал Келка, кричащий во все горло:

— Они плывут, брат, как и говорил старик! В город прибежали дозорные с утесов. Они говорят: в море черно от боевых лодок!

Бросив взгляд на Алуну, я повернулся, собираясь уйти вместе с пиктом. Но тут девушка, пошатываясь, поднялась на ноги и подошла ко мне. Со струящимися по щекам слезами, она протянула ко мне руки:

— Хьяльмар! Не покидай меня! Я боюсь! Мне страшно!

— Сейчас я не могу тебя забрать, — проворчал я. — Будет битва. Но, вернувшись, я заберу тебя, и никакие жрецы меня не остановят!

Я быстро шагнул к ней. Мои руки рванулись вперед... а затем, из боязни оставить синяки на нежной коже Алуны, я отдернул их. Какое-то мгновение я безмолвно стоял, и меня терзали противоречивые чувства. Они лишили меня способности говорить и действовать. Потом, освободившись от наваждения, я вышел на улицу вслед за пиктом, не находившим себе места от нетерпения.

Солнце уже всходило, когда мы, асиры, выступили к очерченным алым светом утесам. Следом за нами

отправились полки жителей города. Мы сбросили нарядные одежды и головные уборы, которые носили в городе. Восходящее солнце искрилось на наших рогатых шлемах, длинных поношенных кольчугах и обнаженных мечах. Мы шагали, позабыв о месяцах безделья и кутежей. Наши души трепетали от предвкушения предстоящей схватки. Мы шли на битву, как на пир, и, вышагивая, гремели мечами и щитами, словно пели победную песню о Ньерде, съевшем красное, дымящееся сердце Хеймдаля. Воины Хему в изумлении смотрели на нас, а люди, высыпавшие на стены города, ошеломленно качали головами и перешептывались.

Вот так и подошли мы к утесам. Там мы увидели, что море, как и сказал Келка, черно от боевых каноэ с высокими носами, украшенными ухмыляющимися черепами. Десятка два лодок уже пристали к берегу, а другие покачивались на гребнях волн. Вражеские воины плясали на песке и кричали. Их крики доносились и до нас. Приплыло их много, самое малое — тысячи три, но, возможно, много больше. Жители Хему побледнели, но старый Асгрим лишь рассмеялся, как не смеялся на моей памяти много лун. Годы спали с его плеч, словно отброшенная в сторону мантия.

На берег от подножия утесов вело с полдюжины расселин, и именно по ним должны были наступать захватчики, так как ни один человек не смог бы забраться по отвесным скалам. Мы собрались у верхних концов этих ущелий, а позади нас выстроились горожане. Они не собирались принимать участия в битве, оставаясь в резерве на тот случай, если нам потребуется помощь.

Распевающие, раскрашенные воины хлынули вверх по ущельям, и мы наконец увидели их короля, возвышающегося над огромными фигурами воинов. Утреннее солнце зажгло его волосы алым пламенем, а смех его походил на порывы морского ветра. Он один из всей этой орды носил кольчугу и шлем, а большой меч в его руке сверкал, словно серебряный. Да, это был один из бродячих ванов, наших рыжих родичей из Нордхейма. Я ничего не знаю о его долгом пути в эти земли, о его скитаниях и не смогу пропеть его сагу, хотя она могла оказаться еще более дикой и невероятной, чем у Алуны или у нас. Какое

безумство помогло ему стать королем свирепых дикарей, я даже и предположить не могу. Но когда он увидел, что за люди противостоят ему, его яростные крики зазвучали с новой силой. Повинуясь ему, раскрашенные воины бросились вверх по склонам, словно волны со стальными гребнями.

Мы натянули луки, и тучи наших стрел засвистели по ущельям. Передние ряды скосил наш стальной дождь. Орда завоевателей отступила, а потом, сплотив ряды, опять хлынула вверх. Мы отбивали атаку за атакой, но снова и снова налетали они на нас в слепой ярости.

Атакующие не имели никаких доспехов, и наши длинные стрелы прошивали их обтянутые кожей щиты, словно холстину. Сами они из луков стреляли плохо. Когда же им удавалось подойти достаточно близко, они швыряли в нас копья. Так погибли некоторые из нас. Но мало кому из врагов удалось приблизиться к нам на расстояние броска копья. Еще меньше дикарей прорвалось наверх. Помню, как один огромный воин выполз из ущелья, словно змей, с пузырящейся на губах алой пеной. Из его живота, шеи, груди, рук и ног торчали оперенные стрелы. Он был как бешеный пес, и его предсмертный укус оторвал пятку моей сандалии. Я растоптал ему голову, превратив ее в кровавое месиво.

Некоторые, очень немногие, прорвались сквозь этот слепящий смертоносный град и сошлись с нами врукопашную, но их судьба оказалась немногим лучше. В схватках один на один мы, асиры, были сильнее. Наши доспехи отражали удары их копий, в то время как наши мечи и топоры пробивали их деревянные щиты, словно бумажные. Однако врагов было так много, что, если бы не преимущество нашей позиции, все мы погибли бы на утесах, и заходящее солнце осветило бы лишь дымящиеся развалины Хему.

Весь этот долгий летний день мы держали оборону. Когда же у нас опустели колчаны, тетивы луков истрепались, а ущелье завалили груды раскрашенных тел, мы отбросили луки, выхватили мечи, ринулись вниз и сошлись с захватчиками один на один, меч против меча. Дикари гибли как мухи, однако их осталось еще слишком много, и огонь мести пылал в их сердцах. Они желали

поквитаться за убитых друзей и родичей, чьи тела теперь устилали ущелья.

Дикари рвались вперед, завывая, словно штормовой ветер. Они потрясали копьями, размахивали боевыми дубинами. Мы встретили их вихрем стали, разрубая груди, отсекая руки и ноги и снося головы с плеч. Ущелья превратились в настоящую бойню, где люди едва могли удержаться на ногах, ступая по залитым кровью, заваленным трупами тропам.

По земле уже пролегли длинные тени, когда я встретился с королем нападавших. Он стоял на ровной площадке, где полого поднимающийся склон выравнивался, прежде чем снова перейти в еще более крутой подъем. Его задело несколькими стрелами, и на его теле было несколько рубленых ран, но безумный огонь в его глазах не померк. Его громовой голос все еще призывал к атакам шедших за ним запыхавшихся, усталых, шатающихся воинов. Хотя в других ущельях еще бушевала яростная битва, он стоял здесь на груде мертвецов, и рядом с ним застыли два огромных воина с копьями, липкими от крови асиров.

Я бросился на ванира. Келка мчался за мной по пятам. Двое раскрашенных воинов ринулись мне наперерез, но на них налетел Келка. Телохранители ванира напали на кельта с двух сторон, со свистом рассекая копьями воздух. Но как волк уворачивается от ударов, пикт уклонился от их окровавленных копий. Три фигуры на миг столкнулись. Потом один воин упал с выпотрошенными кишками, другой рухнул поперек него, и пикт ловким ударом отсек ему полголовы.

Я подскочил к рыжему королю. Мы одновременно нанесли удары. Мой меч сорвал с его головы шлем, а от его ужасного удара его меч и мой щит разлетелись вдребезги. Прежде чем я смог снова ударить, он отшвырнул рукоять меча и схватился со мной голыми руками. Я выпустил меч, бесполезный в ближнем бою, и мы сцепились в смертоносных объятиях.

Мы оказались равны по силе, но его сила покидала тело вместе с кровью, сочащейся из двух десятков ран. Напрягаясь и пыхтя от усилий, мы шатались из стороны в сторону. Я чувствовал, как пульс стучит у меня в висках,

видел, как вздулись его жилы. Вдруг он неожиданно подался назад, и мы полетели кувырком, покатились по склону. В схватке ни он, ни я не рискнули вытащить кинжалы. Но пока мы катились по склону и рвали друг друга, я почувствовал, как его могучие руки медленно теряют свою железную силу. Извернувшись из последних сил, я оказался наверху и вонзил пальцы в его жилистое горло. От пота и крови в глазах у меня померкло, дыхание со свистом вырывалось из моих легких, но я все глубже впивался пальцами в его горло. Его руки бесцельно и вслепую стали хватать воздух, и тут я, заскрипев зубами от усилий, вырвал кинжал и вонзил его в тело врага. Гигант подо мной перестал шевелиться.

Затем я, полуослепленный, пошатываясь, поднялся на ноги. Каждая жилка моего тела тряслась от напряжения после отчаянной борьбы. Келка уже собирался отсечь вождю варваров голову, но я этому помешал.

Когда погиб ванир, по рядам наступающих пронесся протяжный крик, и они дрогнули. Он, вождь, был тем огнем, который весь день зажигал их сердца, воодушевляя на бой. Теперь же дикари неожиданно сломались, побежали вниз по ущельям. Мы рубили убегавших. Мы преследовали их до самого берега, забивая как скот. Когда они добежали до своих каноэ и отчалили, мы бросились за ними и гнались, пока не зашли по плечи в воду. Нас гнала вперед безумная ярость. Когда последние уцелевшие, выгребая, отплыли на безопасное расстояние, берег оказался завален трупами. В кровавой пене прибоя плавали тела.

На берегу и на мелководье лежали тела только раскрашенных дикарей, но в ущельях, где бушевал жестокий бой, полегло семьдесят асиров. А из оставшихся в живых почти все были ранены.

Клянусь Имиром, ну это было и побоище! Солнце опускалось к горизонту, когда мы вернулись с утесов, усталые, пыльные, окровавленные. У нас почти не было сил для победной песни, но сердца наши радовались кровавым деяниям. За нас пели жители Хему. Они с громкими криками высыпали из города и расстелили перед нами шелковые ковры, устлали наш путь розами и золотой пылью. С собой мы принесли своих раненых. Но прежде

всего мы перенесли своих убитых на берег, разломали каноэ врагов, соорудили плот, уложили на него тела мертвых асиров и подожгли его. И еще мы взяли тело рыжего вождя захватчиков и положили его в большое каноэ вместе с телами его самых храбрых воинов, дабы те служили ему в стране мертвых, и оказали ему тот же почет, что и своим погибшим.

Вернувшись в город, я нетерпеливо стал искать взглядом в толпе Алуну, но не нашел. Горожане разбили палатки на рыночной площади, и мы уложили там своих раненых. Сюда же пришли лекари-горожане. Они стали перевязывать раны асирам. Акхеба приготовил для нас в большом зале своего дворца победный пир. Туда-то мы и отправились, пропыленные и окровавленные. Даже старый Асгрим скалил зубы, словно голодный волк, вытирая с узловатых рук запекшуюся кровь.

Я на какое-то время задержался среди палаток, где лежали раненые. Слишком устал я, чтобы отправляться на пир, пусть даже повиснув на плечах товарищей. Я ждал, что Алуна придет ко мне. Но она не пришла, и я отправился в большой зал королевского дворца, перед которым, неподвижно вытянувшись, стояли воины Хему — человек триста — для оказания большего почета своим союзникам, как сказал Акхеба.

Тот зал был длиной в триста футов и вдвое меньше в ширину. Пол его был выложен полированным красным деревом, но паркет наполовину закрывали толстые ковры и шкуры леопардов. В стенах резного камня оказалось множество сводчатых дверей из красного дерева, занавешенных бархатными гобеленами. На троне в противоположном от входа конце зала сидел Акхеба. Он взирал на пиршество со своего царского возвышения, по обе стороны от которого выстроились ряды щеголявших султанами перьев копьеносцев. А за протянувшимся через весь зал обеденным столом расселись асиры в помятых, испачканных, пыльных одеждах и доспехах. Многие были перевязаны окровавленными тряпками. Они пили, ревели и объедались, им прислуживали рабы и рабыни.

Вожди, вельможи и воины города сидели в начищенных до блеска доспехах среди своих союзников, и мне показалось, что на каждого асира приходится по три-че-

тыре девушки, смеющихся и покорившихся грубым ласкам моих соплеменников. Порой визгливый женский смех перекрывал гомон пирующих. Во всей этой сцене проглядывало что-то фальшивое, какая-то натянутая легкость, искусственное веселье. Но я и тут не нашел Алуны и, выйдя через одну из дверей красного дерева, пересек увешанные шелками покои. Освещались они тускло, и я чуть не налетел на старого Шаккару. Тот отшатнулся. Он выглядел почему-то расстроенным, встретившись со мной. Я заметил, что он прячет что-то под балахоном, который, как сообщил Акхеба, надел сегодня в нашу честь.

Думал я в тот момент только об одном.

— Я хочу поговорить с Алуной, — сказал я. — Где она?

— В настоящее время она исполняет свои обязанности и не может с тобой увидеться, — ответил жрец. — Приходи завтра в храм...

Он потихоньку попятился от меня, и по едва заметной бледности, проступившей под его смуглой кожей, по дрожи в его голосе я понял, что он смертельно меня боится и хочет от меня избавиться. Во мне живо вспыхнули подозрения варвара. Через мгновение я уже сжал горло жреца, выкручивая ему руки. Я отобрал длинный нож, который он извлек из-под балахона.

— Где она, шакал? — прорычал я. — Говори, а то...

Жрец болтался в моих руках словно марионетка, не доставая брыкающимися пятками до пола. Шея его выгнулась назад и каким-то чудом еще осталась несломанной. Боясь смерти, широко выпучив глаза, он задергал головой, и я чуть ослабил захват.

— Она в святилище Иштар, — пробормотал жрец. — Ее должны принести в жертву богине. Сохрани мне жизнь... я тебе все скажу... открою тайну и весь заговор...

Но я уже услышал достаточно. Схватив жреца за пояс и за колено, я вскинул его над головой, вышиб ему мозги, стукнув о колонну, и, прыжками промчавшись меж рядами массивных колонн, выскочил на улицу.

В городе царила угрожающая тишина, как перед бурей. Той ночью на улицах не собиралось никаких толп празднующих по случаю победы над врагами. Двери всех домов

были заперты, окна закрыты ставнями. Свет нигде не горел. Я не увидел во всем городе ни одного сторожа. От этого город выглядел странным и нереальным. Безмолвный, призрачный город, где единственными звуками стали крики пирующих асиров, доносившиеся из большого зала. Я разглядел пылающие факелы на площади, где лежали раненые.

Увидел я и старого Асгрима, сидевшего во главе стола. Руки у него были в пятнах от засохшей крови, а в дырах шелкового плаща просвечивала иссеченная и пропыленная кольчуга. Над головой у него раскачивались большие черные перья, отбрасывающие тень на его суровое лицо. Вдоль всего стола девушки обнимали и целовали полупьяных асиров, снимая с них тяжелые шлемы и помогая выбраться из кольчуг, в которых после выпитого вина моим соплеменникам стало жарко.

Келка, словно изголодавшийся волк, обгладывал большую мясистую кость. Несколько смеющихся девушек дразнили его, уговаривая отложить меч, пока Келка, разозлившись от их веселья и назойливости, не нанес ближайшей из них такой удар костью, что красавица рухнула на пол то ли замертво, то ли без чувств. Но пронзительный смех и веселье ничуть не уменьшились. Мне вдруг показалось, что предо мной сидят вампиры и скелеты, смеющиеся и пирующие прахом и пеплом.

Я поспешил по безмолвной улице, пересек двор и миновал дома жрецов. Тут никого не было, кроме рабов. Ворвавшись в портик храма с высокими колоннами, я пробежал через полосу густого мрака, выставив вперед руки, влетел в тускло освещенное внутреннее святилище и остановился, замерев. Младшие жрецы и обнаженные девушки столпились вокруг алтаря на коленях. Низко склонившись в поклонах, они распевали песнь жертвоприношения, держа в руках золотые кубки для сбора крови, стекавшей по высеченным в камнях канавкам. А на алтаре, тихо стеная, как могла бы стенать умирающая газель, лежала Алуна.

В святилище царил сумрак из-за клубов дыма фимиама. Но не дым, а жажда крови затуманила мне взор. Издав нечеловеческий крик, жутко прозвеневший под сводчатым потолком, я ринулся вперед. Черепа раскалы-

вались под моим бешено хлещущим мечом. От этой бойни у меня остались только неистовые и хаотические обрывки воспоминаний. Помню крики, свист стали, смертоносные удары, хруст костей, фонтаны крови. Верещавшие жрицы бежали. Они рвали волосы и взывали к богам. А я свирепствовал среди них — разъяренный лев, опьяненный жаждой крови. Я напоминал волка, попавшего в стадо овец и обезумевшего от свежей крови. Мало кому тогда удалось сбежать от меня.

Я помню один образ, четко отпечатавшийся на сумрачно-красном фоне всеобщего безумия: гибкая обнаженная девушка застыла от ужаса возле алтаря. Она поднесла к губам кубок с кровью. Глаза ее горели. Я схватил ее левой рукой и швырнул о мраморную лестницу с такой яростью, что, должно быть, переломал ей все кости. Остальное я помню плохо. Краткая вспышка ярости — и святилище оказалось завалено трупами. Потом я стоял среди мертвецов, в святилище, больше напоминающем бойню. По полу протянулись ручейки крови. Повсюду были разбросаны жуткие и непристойные куски человеческой плоти.

Мой меч повис в бессильно опустившейся руке, когда я, еле волоча ноги, приблизился к алтарю. Веки Алуны затрепетали, и, когда я взглянул на нее, она открыла глаза. Мои руки безвольно повисли, я весь обмяк.

— Хьяльмар! — прошептала она. Потом ее веки сомкнулись. От длинных ресниц на щеки легли тени, с тихим вздохом она попыталась поднять голову. Больше всего Алуна напоминала девочку, которая прилегла поспать. Моя душа рвалась из груди, но уста сковала немота. Я был варваром и не умел выразить своих чувств. Я опустился на колени рядом с алтарем и неуверенно провел рукой по ее телу. Я поцеловал губы умирающей, неловко, как поцеловал бы их зеленый юнец. Один лишь этот поцелуй... только этот неловкий поцелуй... Впервые за всю свою жестокую жизнь я — асир Хьяльмар — отнесся к кому-то с нежностью.

Потом я медленно встал, постоял над мертвой Алуной и так же медленно и механически поднял меч. При прикосновении к его рукояти мой разум обуяло безумие — бешеная ярость, присущая моему племени.

Со страшным криком бросился я к мраморной лестнице. Иштар! Дух Алуны отправился к богине, и пусть по пятам за этим духом явится мститель! Пусть богиня поплатится за Алуну. Моя вера была простым культом варваров. Жрецы говорили мне, что Иштар жила наверху и что лестница вела в ее обитель. Мне казалось, меня там ждут туманные царства звезд и теней. Я поднялся наверх, на головокружительную высоту, и святилище подо мной стало лишь неясной игрой тусклых огней и теней. Вокруг меня разлилась тьма.

Потом я неожиданно вышел, но не на широкие звездные просторы, где обитают божества, а к решетке с золотыми прутьями. Я услышал, как по ту сторону прутьев рыдает женщина. Но это оказалась не нагая душа Алуны, воющая перед божественным престолом, потому что ее плач я бы узнал, будь Алуна живой или мертвой.

В безумной ярости схватился я за прутья решетки. Они согнулись в моих руках. Я вырвал их и пролез в отверстие, едва сдерживая крик берсеркера. В тусклом свете факела, установленного глубоко в нише, я увидел, что нахожусь в круглом сводчатом помещении, стены и потолок которого, казалось, сделаны сплошь из золота. Тут стояли бархатные ложа с шелковыми подушками, а на одном из них возлежала плачущая обнаженная женщина. Я увидел на ее теле следы от бича и остановился, ошарашенный и сбитый с толку. А где же богиня Иштар?

Должно быть, я произнес этот вопрос вслух, коверкая язык горожан, так как девушка подняла голову и взглянула на меня своими темными глазами. Она была очень красива, но в ее красоте таилось что-то чуждое, находящееся вне моего понимания.

— Я и есть Иштар, — ответила она мне. Голос ее звучал тихо, как отдаленный малиновый перезвон колокольчиков, хотя и прерываемый рыданиями.

— Ты? — ахнул я. — Ты — Иштар, богиня Хему?

— Да! — Она поднялась на колени, ломая белые руки. — О, человек, кто бы ты ни был... даруй мне милосердие, если оно вообще существует! Сними мне голову с плеч и покончи с моими муками, длящимися уже целую вечность!

При этих словах я попятился и опустил меч.

— Я пришел убить кровавую богиню, — проворчал я. — Я не собираюсь убивать хнычущую рабыню. Если ты — Иштар, то... что же все это значит?

— Слушай же, и я расскажу тебе! — вскричала она, придвинувшись ко мне на коленях и ухватив меня за подол кольчуги. — Только выслушай меня, а потом даруй ту малость, о которой я прошу... ударь меня своим мечом!.. Я — Иштар, дочь царя сумеречной Лемурии — страны, давным-давно погрузившейся в море. Еще в детстве я была отдана в жены Посейдону, богу моря. Той жуткой, таинственной брачной ночью, когда я лежала на груди океана, Посейдон даровал мне вечную жизнь, которая за долгие века моего плена стала сущим проклятием... Но тогда я жила в пурпурной Лемурии, молодая и красивая, как и сейчас. В то время как мои товарищи по детским играм старели и седели, я оставалась прежней. А потом Посейдон устал от Лемурии и Атлантиды. Он встал и тряхнул своей пенистой гривой. Его белые скакуны промчались над степями, шпилями и алыми башнями, но, как и прежде, волны моего владыки, Посейдона, мягко вынесли меня на берег. Там меня и нашли жрецы. Жители Хему утверждают, что пришли на эти берега из Лемурии, но на самом деле они — раса рабов, говорящих на ублюдочном языке. Когда я заговорила с ними на языке Лемурии, жрецы закричали народу, что Посейдон ниспослал им богиню. Люди пали ниц и стали поклоняться мне. Но жрецы и тогда уже были такими же хитрыми и коварными, как сейчас, некромантами и дьяволопоклонниками, не признающими никаких богов, кроме Внешней Бездны. Они заключили меня в этом золотом куполе и с помощью пыток вырвали у меня мою тайну... Более тысячи лет народ поклонялся мне, и людям лишь иногда позволяли увидеть меня мельком — стоящей на мраморной лестнице, полускрытой дымом... или услышать мой голос, вещающий на странном наречии. Но жрецы... О, боги Му, чего я только не вынесла от них! Богиня для народа — рабыня для жрецов!

— Почему ты не уничтожишь их своим колдовством? — недоуменно спросил я.

— Я не колдунья, — ответила она. — Хотя ты мог бы счесть меня ею, если б я рассказала тебе, какие тайны

мне ведомы. Лишь одно колдовство я могла бы сотворить... колдовство, влекущее за собой страшную, всесокрушающую гибель... Но для этого мне нужно встать на рассвете на берегу и призвать Посейдона. Тихими ночами я слышу, как он бушует за утесами. Он спит и не внемлет моим крикам. И все же, если б я смогла встать у него на виду и призвать его, он услышал бы и внял моей молитве. Жрецы хитры. Они заперли меня там, где ему не видно меня и не слышно... Больше тысячи лет не смотрела я на его могучее голубое тело...

Неожиданно мы оба вздрогнули. Откуда-то издалека донесся до нас страшный, дикий гам.

— Измена! — воскликнула она. — Твоих соплеменников убивают на улицах! Вы уничтожили врагов, которых боялись горожане, и теперь они обратились против вас!

С проклятием бросился я вниз по лестнице, метнув лишь один, полный муки взор на тело, лежавшее на алтаре. Я выбежал из храма. На улице, за домами жрецов, звенела сталь. Оттуда доносились вой смерти, крики ярости и подобные грому боевые крики асиров. Горожане тоже вопили, переполненные торжеством и ненавистью. Но их крики смешивались с воплями страха и боли. Улицы больше не были безмолвными и пустынными. Они кишели сражающимися людьми. У дверей лавок, хижин и дворцов появились горожане с оружием в руках. Они жаждали помочь солдатам, сцепившимся в безумной схватке с желтоволосыми чужаками. Эту неистовую сцену освещало пламя многочисленных пожаров.

Мимо меня пробегали воющие горожане. Когда я приблизился ко дворцу короля, ко мне, пошатываясь, подошел воин-асир, выброшенный бурей битвы, неистовствующей где-то впереди. Он был без доспехов и сгибался чуть ли не пополам. Из груди его торчала стрела. Руками он держался за живот.

— Вино оказалось отравленным, — простонал он. — Нас предали и обрекли на гибель! Мы сильно напились, и женщины уговорили нас отложить мечи и снять доспехи. Только Асгрим и пикт не поддались их уговорам. А потом женщины выскользнули из зала. Старый стервятник Акхеба тоже куда-то подевался! Ах, Имир, мои кишки вер-

тит, словно завязанный в узел канат!.. А потом из дверей неожиданно хлынули лучники, осыпавшие нас стрелами. Воины Хему обнажили мечи и накинулись на нас... Наводнившие зал жрецы выхватили ножи. Слышишь, это крики с рыночной площади, где режут глотки нашим раненым! Имир, ты мог бы посмеяться... но это... ах, Имир!

Воин осел на мостовую, согнувшись, словно натянутый лук. На губах его выступила пена. Руки и ноги его дергались в страшных конвульсиях. Я помчался во двор. На противоположной стороне его и на улице перед дворцом шел бой. Там скопилась масса народа.

Стаи темнокожих воинов в доспехах бились с полуголыми желтоволосыми великанами, которые разили и рвали врагов, словно разъяренные львы, хотя единственным оружием им служили сломанные скамьи, мечи и копья, выхваченные из рук умирающих врагов, или голые руки. Притом у всех них на губах выступила пена. Их тела терзала страшная боль. Но, клянусь Имиром, они умирали не одни. Под ногами у них сплошным ковром лежали расчлененные трупы. Они дрались, словно дикие звери, чья свирепость может стихнуть лишь когда в их телах умрет последняя, самая малюсенькая искра жизни.

Большой пиршественный зал пылал. В свете пожара я увидел стоящего на тронном возвышении старого Акхебу, трясущегося и дрожащего от зрелища собственного вероломства. Рядом с ним возвышались два могучих телохранителя. Бой шел по всему двору. Я увидел Келку. Тот был пьян, но это ничуть не отразилось на его качествах бойца. Он стоял в центре скопища врагов, и его длинный нож сверкал в свете пожара, распарывая глотки и животы, выпуская на мраморную мостовую кровь и внутренности.

С глухим, мрачным ревом бросился я в гущу свалки, и через несколько минут мы с Келкой стояли одни в кольце трупов.

Он по-волчьи оскалился, стиснув зубы:

— В вине был демон, Хьяльмар! Он дерет мне кишки, словно дикая кошка... Пошли, давай еще поубиваем их, прежде чем умрем. Смотри... Наш старик дает последний бой!

Я взглянул туда, где прямо перед горящим залом среди многочисленной стаи горожан-шакалов возвышалась могучая фигура Асгрима. Его меч сверкал, вокруг него падали враги. Какой-то миг черные перья его султана колыхались над ордой, а потом исчезли, и на то место, где он стоял, накатила черная волна.

В следующий миг я огромными прыжками понесся к мраморной лестнице. Мы врезались в шеренгу воинов на нижних ступенях и прорвали ее. Враги нахлынули сзади, пытаясь стащить нас вниз, но Келка развернулся, и его длинный нож затеял смертоносную игру. Враги навалились на него со всех сторон, и вот там-то он и умер — так же как жил, рубя и убивая в безмолвном неистовстве, не прося и не давая никому пощады.

Я взбежал наверх по лестнице, и старый Акхеба взвыл, завидев меня. Свой сломанный меч я оставил в груди одного из стражников. На двоих телохранителей Акхебы я бросился с голыми руками. Они ринулись мне навстречу, нанося удары копьями. Я схватил за копье одного и дернул на себя, заставив его полететь вниз по лестнице. Копье другого пробило мне кольчугу. По древку заструилась кровь. Прежде чем мой враг смог вырвать копье и снова ударить, я схватил его за горло и пальцами разодрал ему глотку. После этого, выдернув из раны копье, я отшвырнул его в сторону и кинулся к Акхебе, который завопил и, подпрыгнув как можно выше, ухватился за край крыши позади возвышения. Безумный страх придал ему сил и смелости. Он карабкался по крутой крыше, словно обезьяна, хватаясь за резные украшения. И все время он выл, как побитая собака.

Я последовал за ним. Моя жизнь уходила вместе с кровью, сочащейся из раны под кольчугой. Одежда уже вся пропиталась кровью, но сила дикого зверя еще не покинула меня. Визжа от страха, король лез дальше и дальше. Мы поднимались все выше и выше, пока не оказались на относительно ровном коньке крыши в пятидесяти футах над улицами. Тут мы остановились.

Перекрывая адский шум битвы, перекрывая неистовые завывания Акхебы, над городом прозвенел странный, западающий в память крик. На вершине большого золотого купола, над всеми башнями и шпилями стояла обнаженная

фигура с развевающимися на ветру волосами. Она четко выделялась на фоне разгорающейся зари. Это была Иштар. Она размахивала руками и выкрикивала неистовые призывы на незнакомом языке. Девушка сбежала из золотой клетки, которую я сломал. Теперь она стояла на куполе и призывала бога своего народа — Посейдона!

Но мне нужно было свершить месть. Я приготовился к прыжку, после которого и я и Акхеба разбились бы, рухнув вниз с высоты в пятьдесят футов. Но тут прочная каменная кладка у меня под ногами закачалась. Акхеба завопил с новой силой. С громовым треском отдаленные утесы рухнули в море. Раздался протяжный грохот, словно землю у нас под ногами разбивали вдребезги гигантским молотом. У меня на глазах вся огромная равнина закачалась, подалась и накренилась к югу.

Землю рассекли огромные трещины, и вдруг, с неописуемым грохотом, стали рушиться городские стены и башни. Весь город Хему пришел в движение! Превращаясь в развалины, он стал соскальзывать в море, которое ревя поднималось ему навстречу! Башня билась о башню. Они опрокидывались, перемалывая вопящих насекомых-людей в пыль, расшибая их падающими камнями. Только что передо мной стоял город со шпилями и крышами, а теперь — безумный, вздымающийся, крошащийся хаос обломков грохочущего камня. Шпили, раскачиваясь над руинами, падали один за другим.

А купол по-прежнему возвышался над обломками. Девушка-богиня все еще кричала и жестикулировала. Потом с ужасным ревом море взметнулось, и огромные щупальца зеленой пены обрушились на развалины. Волны становились все больше и больше, пока вся южная часть города не скрылась под бурлящими водами.

Какой-то миг конек древней крыши, за который мы цеплялись, возвышался над руинами, устояв при первом натиске стихии. Улучив момент, я прыгнул и схватил старого Акхебу. Его предсмертный крик зазвенел у меня в ушах. Я почувствовал, как плоть его горла рвется под моими железными пальцами, словно гнилая мякоть. Его мышцы отрывались от костей, а сами кости превращались в крошево. Грохот землетрясения стоял у меня в ушах. Зеленые волны бушевали у моих ног. Когда треснула

земля, каменная кладка разверзлась прямо у моих ног, и меня захлестывали зеленые волны. Моя последняя мысль была о том, что Акхеба умер от моей руки раньше, чем волны коснулись его тела.

Я с криком вскочил, выбросив руки перед собой, словно пытаясь отразить натиск бурлящих волн. Я зашатался. Чувства переполняли меня. Хему и старый король исчезли. Я — одноногий инвалид — стоял на заросшем мескитом холме, и солнце висело в небе чуть выше зарослей мескита. С тех пор как незнакомка провела рукой у меня перед глазами, прошли считанные секунды. Теперь же она стояла, глядя на меня с загадочной улыбкой, в которой проглядывала не столько насмешка, сколько жалость.

— Что это такое было? — ошеломленно воскликнул я. — Я был Хьяльмаром... Я — Джеймс Эллисон... Тогда Залив был морем... Великие Прерии простирались тогда до самого берега, а на берегу возвышался проклятый город Хему. Нет! Не могу поверить! Я схожу с ума. Ты меня загипнотизировала... Заставила увидеть сон...

Женщина покачала головой:

— Все это было на самом деле, Хьяльмар. Только произошло давным-давно.

— Как же тогда насчет Хему? — воскликнул я.

— Его перемолотые развалины сейчас спят в синих водах Залива, куда их смыло за долгие века, что прошли с тех пор, как воды отступили, оставив за собой эти бескрайние холмистые степи.

— А как же Иштар — та женщина, их богиня?

— Разве она не была женой Посейдона, который услышал ее крик и уничтожил злой город? Он вынес ее невредимой на своей груди. Иштар была бессмертна. И она обошла много стран, жила среди многих народов, пока не усвоила урок. Та, что некогда была рабыней жрецов, стала их повелительницей. Она стала богиней по жестокой иронии судьбы, но после гибели Хему осталась ею по праву, в силу своей мудрости, скопленной за века... Она звалась Иштар у ассирийцев, и Ашторет у финикийцев. Она была Милиттой и Белит в Вавилоне. Да... Изидой в Египте, и Астартой в Карфагене. Саксы звали ее

Фрейей, а греки — Афродитой, римляне — Венерой. Разные народы называли ее разными именами и по-разному поклонялись ей, но повсюду она была той же самой, и огни на ее алтарях никогда не гасли.

Говоря это, женщина подняла на меня свои ясные, темные, светящиеся глаза. Последнее сияние заката очертило ореол вокруг ее темных, как ночь, волос, обрамляющих странное, чуждое и экзотическое, но красивое лицо. У меня вырвался крик:

— Ты! Ты — Иштар! Значит, это правда! Ты — бессмертна... Ты — вечная женщина, корень и исток Мироздания... символ вечной жизни! А я в прошлой жизни был Хьяльмаром. Видел кровавые битвы и сокровища дальних стран. Познал славу великого воина...

— Воистину ты все изведаешь вновь, усталый человек, — тихо проговорил Иштар. — В скором времени ты снимешь эту жуткую маску искалеченного тела и облачишься в новое одеяние, яркое и сверкающее, как доспехи Хьяльмара!

Наступила ночь. Уж не знаю, куда пропала та женщина. А я сидел один на заросшем кустарником холме, и ночной ветер шуршал, скользя по песчаным наносам. Он нашептывал о чем-то мрачным зарослям мескита.

СОДЕРЖАНИЕ

Ник Перумов. ГОВАРД, как он есть 5

КОНАН

ЗАВОДЬ ЧЕРНЫХ ДЕМОНОВ. *Пер. Е. Ветровой* 15
УЖАС ВО ТЬМЕ. *Пер. С. Троицкого* 42
КИММЕРИЯ. *Пер. С. Троицкого* 67

БРАН МАКМОРН

Пер. М. Семёновой

ПРЕДИСЛОВИЕ 71
ЗАТЕРЯННАЯ РАСА 77
ЛЮДИ ТЕНЕЙ 94
ПОРОЖДЕНИЯ БЕЗДНЫ 122
ПЕСНЬ НАРОДА. *Пер. С. Степанова* 163

СОЛОМОН КЕЙН

Пер. М. Семёновой

КЛИНКИ БРАТСТВА 167
ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ 205
ХОЛМЫ МЕРТВЫХ 226
ЛУНА ЧЕРЕПОВ 254
ДЕСНИЦА СУДЬБЫ 320
БАГРОВЫЕ ТЕНИ 327
ЧЕРЕПА СРЕДИ ЗВЕЗД 363
ПОГИБШИЙ ДРУГ 377
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛОМОНА КЕЙНА 379

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА. *Пер. А. Курич* 385
СКАЧУЩИЙ-С-ГРОМОМ. *Пер. В. Федорова* 426
КУДА УШЕЛ СЕДОЙ БОГ. *Пер. А. Курич* 451
ШЕСТВУЮЩИЙ ИЗ ВАЛЬХАЛЛЫ. *Пер. В. Федорова* 486

К 90-летию со дня рождения
Роберта Ирвина Говарда

КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ
ТОМ ВТОРОЙ

Напоминаем всем поклонникам творчества Роберта Говарда!
В рамках сериала «САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ» готовится к выпуску ВТОРОЙ ТОМ произведений Мастера КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ.
Вас ждет новое путешествие в удивительные, загадочные миры, вы станете свидетелями невероятных, головокружительных приключений героев Говарда — Конана-киммерийца, царя Кулла, Ньёрда-северянина и многих других.
В состав тома также входит знаменитый роман Мастера «АЛЬМАРИК».
Также впервые на русском языке будет опубликован цикл новелл под общим названием «ЧЕРНЫЙ КАНААН».
Не пропустите юбилейный том!
Такого вы еще не читали!

Литературно-художественное издание

Роберт Ирвин Говард

КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Ольга Карпеева
Анастасия Келле-Пелле

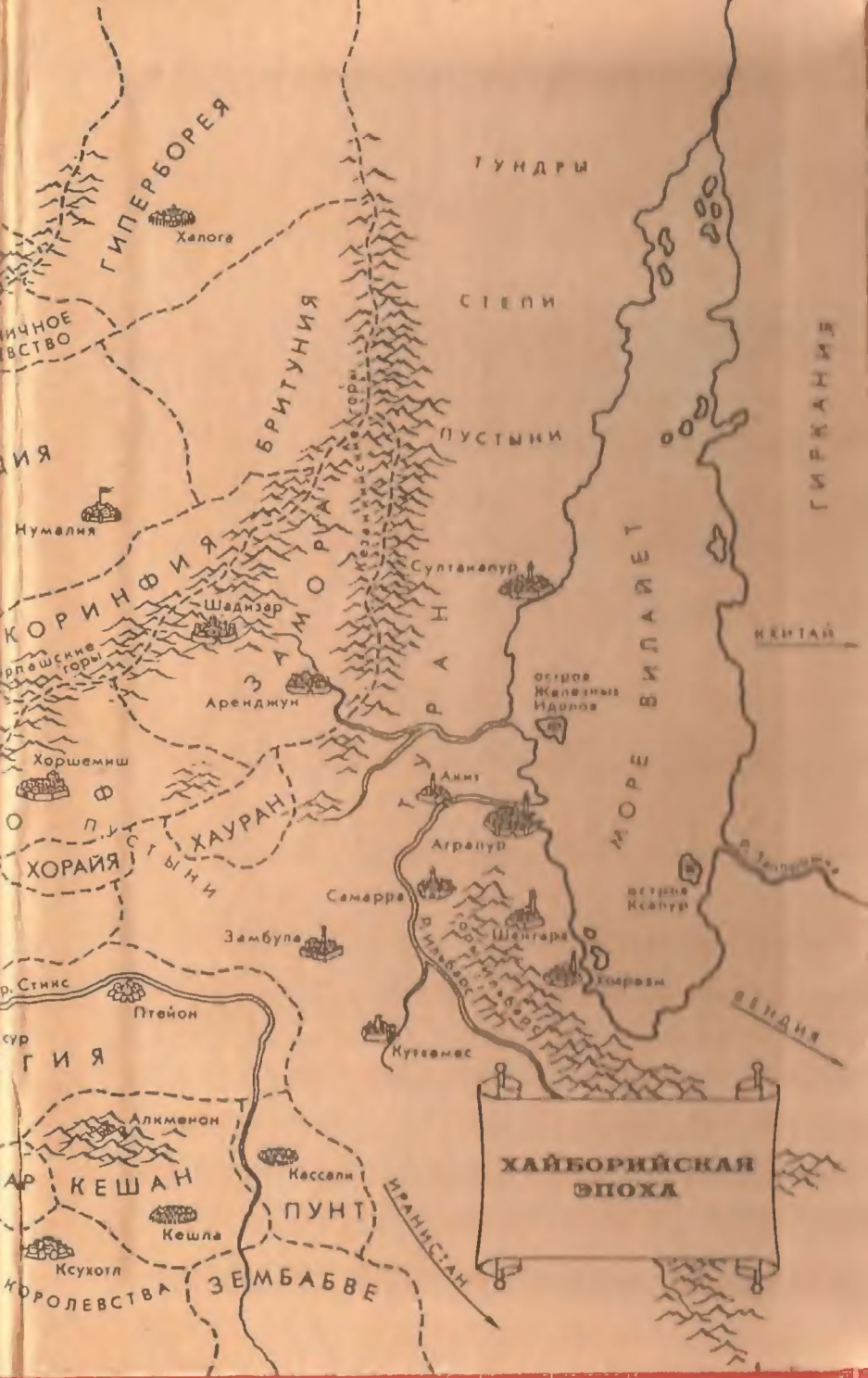
Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать с оригинал-макета 22.04.96.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».
Тираж 45 000 экз. Усл. печ. л. 27,72.
Изд. № 55. Заказ № 1773.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАР
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ГАНДЕРЛАНД
ПОГ
КОР
НЕМ
ДЕБРИ ПИКТОВ
р. Черная
р. Громовая
ТАУРАН
Галларан
Велитрнум
Танасул
Белъверус
р. Шира
АКВИЛОНИЯ
Тарантия
р. Хорот
Шамар
р. Тайбор
Ианта
ОФИР
ЗИНГАРА
Кордава
р. Красная
К
Эрук
Баревские острова
Рабирнские горы
р. Хорот
Асгалун
Ш Е М
Мессантия
А Р Г О С
Кеми
С Т
Сух
С
З
В
Ю
остров Сиптаха
К У Ш
ДА
ЧЕРН
Черный остров
Ксутал
р. Зарабеба


ГИПЕРБОРЕЯ
Хелога
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
БРИТУНИЯ
Нумалия
КОРИНФИЯ
ЗАМОР
Шадизар
Султанапур
Аренджун
ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ
ОСТРОВ ЖЕЛЕЗНЫХ ИДОЛОВ
МОРЕ ВИЛАЕТ
КИТАЙ
Хоршемиш
ХОРАЙЯ
ХАУРАН
Акит
Агрипур
Самарра
Замбула
Шангара
Стикс
Птейон
Кутхемас
ГИЯ
Алкмеон
КЕШАН
Кассели
ПУНТ
Кешла
Ксухотл
ЗЕМБАБВЕ
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА

Для тех, кто так долго ждал!

В рамках сериала «Сага о Великом Воителе» —
юбилейный том Мастера.
Создатель Конана, Кормака и Кейна,
замечательный американский фантаст

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

Жизнь Мастера была так безжалостно коротка.
Но до сих пор всех поклонников литературы
«меча и колдовства» поражает
огромное количество героев, рожденных безудержной
фантазией Говарда. Созданные Мастером персонажи прошли
сквозь Пространство и Время, для них не существует
государственных границ и языковых барьеров.
Любое издание произведений Говарда
становится бестселлером.
И вот теперь бессмертные герои — в России!
Вам предстоит испытать
головокружительные приключения,
посетить удивительные, неповторимые миры.

Напоминаем, что в создании этого тома приняли участие
знаменитые петербургские фантасты

МАРИЯ СЕМЁНОВА и НИК ПЕРУМОВ

Скорее открывайте книгу, ведь вас ждут

КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.